Южный научный центр Российской академии наук
Институт социально-экономических
и гуманитарных исследований

ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА ХЛЫНИНА
IN MEMORIAM

Сборник статей и материалов

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2017

УДК 94(092):082.2
Т23

Ответственный редактор
доктор исторических наук Е.Ф. Кринко

Т23 Татьяна Павловна Хлынина. In Memoriam: сборник статей и материалов / [отв. ред. Е.Ф. Кринко]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. – 624 с. – ISBN 978-5-4358-0153-8.

Публикуемые в сборнике статьи, воспоминания и другие материалы посвящены светлой памяти доктора исторических наук Татьяны Павловны Хлыниной (1967–2015). Наряду с личными воспоминаниями в нем представлены биографические и библиографические материалы, а также статьи профессиональных историков, рассматривающих актуальные проблемы историографии сквозь призму исследований Т.П. Хлыниной.

УДК 94(092):082.2

ISBN 978-5-4358-0153-8

© ЮНЦ РАН, 2017
© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2017

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Institute for Social and Economic Research and Humanities

TATIANA PAVLOVNA KHLYNINA
IN MEMORIAM

Collection of Articles and Materials

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2017

UDC 94(092):082.2
K83

Managing Editor
Dr (History) E.F. Krinko

Krinko, E.F. (ed.) (2017) Tatiana Pavlovna Khlynina. In Memoriam.
K83 Collection of articles and materials. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 624 p. (in Russian).
ISBN 978-5-4358-0153-8

Collected articles, memoirs, and other materials are devoted to the blessed memory of Doctor of Historical Sciences Tatiana Pavlovna Khlynina (1967–2015). Alongside with the personal memoirs here are presented biographical and bibliographical materials, as well as articles of professional historians, who consider topical problems of historiography through the prism of T.P. Khlynina's researches.

UDC 94(092):082.2

ISBN 978-5-4358-0153-8

© SSC RAS, 2017
© ISERH SSC RAS, 2017

Содержание

Вместо предисловия ... 13

ШТРИХИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ

Кринко Е.Ф. К несостоявшемуся юбилею: вехи профессиональной биографии Татьяны Павловны Хлыниной ... 16
Скорик А.П. Историографическая эпистема Хлыниной ... 39
Бадмаева Е.Н. Исторические источники в работах Т.П. Хлыниной ... 43
Сивков С.М. Татьяна Павловна Хлынина: ученый и человек ... 51
Тетуев А.И. Памяти ученого, историка, коллеги ... 57
Ачмиз К.Г. Историк по призванию ... 59
Список публикаций доктора исторических наук Т.П. Хлыниной ... 75

КАКОЙ МЫ ЕЕ ПОМНИМ

Малышева Е.М. Лучшие из нас уходят первыми… ... 122
Хут Л.Р. «Леди Фукидид» начала XXI в. (памяти Татьяны Павловны Хлыниной) ... 124
Кринко Е.Ф. Моя Таня ... 129
Бугай Н.Ф. В аспирантуре Института истории СССР Академии наук СССР ... 134
Глумная М.Н. Она была для меня примером ... 144
Прокофьева Е.А. Памяти друга ... 146
Телицын В.Л. Что запомнилось ... 148
Орлов И.Б. Память о друге ... 154
Ялбулганов А.А. Историческая наука в пространстве и во времени правды (памяти коллеги) ... 157
Денисова Н.Н. Человек полета (памяти Т.П. Хлыниной) ... 158
Цветков О.М. О Татьяне ... 162
Емтыль Р.Х. От студентки к выдающемуся исследователю ... 164
Соколова А.Н. Честность является основной добродетелью ученого ... 166
Кринко О. Стихотворение маме ... 174
Шадже А.Ю. Наука – жизненное кредо Татьяны ... 175
Еремеева А.Н. Вспоминая Татьяну ... 176
Меньковский В.И. Прекрасный человек и большой ученый ... 177
Клычников Ю.Ю. Памяти Татьяны Хлыниной ... 178
Гаража Н.А. О Хлыниной Татьяне Павловне. Небольшой рассказ о важном Человеке ... 180
Авксентьев В.А. Памяти Татьяны Павловны Хлыниной ... 181
Ларионова М.Ч. Мой друг Таня Хлынина ... 183
Сущий С.Я. Татьяна Павловна… ... 185
Тарасова Т.Т. Памяти Татьяны Павловны Хлыниной ... 190
Афанасенко В.И. Хрупкий алмаз (памяти Татьяны Павловны Хлыниной) ... 191
Митрофанова И.В. Линия жизни – линия памяти ... 196
Иванова С.Ю. Мысли о памяти, человеке, истории ... 197
Ратушняк О.В. Т.П. Хлынина: история знакомства ... 200
Кропачев С.А. Т.П. Хлынина: штрихи к портрету ученого ... 201
Бугаев А.М. Такой она была… ... 202
Аккиева С.И. Татьяна Хлынина – талантливый историк и светлый человек ... 205
Эльбуздукаева Т.У. В память о светлой душе ... 207
Урушадзе А.Т. Жизнелюбивый академизм ... 209

Горюшина Е.М. Рим – Каир – Грозный 213
Патракеева О.Ю. Воспоминания о Т.П. Хлыниной – талантливом ученом и прекрасном человеке 216
Бобякова И.В. Больше чем коллега, больше чем учитель, больше чем друг 217
Степаньян О.В. Несколько слов о Татьяне Павловне Хлыниной 219
Белоцерковская В.В., Белоцерковский Г.А. Незаурядная женщина и талантливый историк 221
Семенова О.В. Шесть разговоров с Татьяной Павловной 222
Лиджиева И.В. Впечатления о встрече 225
Шапаренко В.В. Встреча с удивительным человеком 226
Панфилова Ю.С. Воспоминания о Татьяне Павловне 227

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИССЛЕДОВАНИЙ Т.П. ХЛЫНИНОЙ

Национально-государственное строительство и административно-территориальные преобразования

Матвеев О.В., Кондусов В.С. К вопросу о «провале» административной реформы 1840 г. в Закавказье 230
Урушадзе А.Т. Религия и политика в деятельности М.С. Воронцова на Кавказе (1845–1853 гг.) 247
Жеребцов И.Л. Республика Коми: путь к национальной государственности 257
Аккиева С.И. Национально-государственное строительство и образовательная политика на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. 269
Прокофьева Е.А. Образовательно-культурное строительство в Поволжье в первые годы советской власти 284
Беленчук Л.Н. Принцип поликультурности образования и школа нерусских народов 292

Проблемы региональной и политической истории

Ильюков Л.С. К истокам сказаний народов Кавказа о пастухе Одноглазе 309
Великая Н.Н. Трансграничные переселения и их роль в усложнении этнополитической ситуации на Северном Кавказе в XVIII в. 316
Ялбулганов А.А. Общественный строй ногайцев: основные черты и особенности (XVIII – первая половина XIX в.) 323
Трут В.П. Политическая деятельность атамана Донского казачьего войска А.М. Каледина 343
Кропачев С.А. Формирование тоталитарного права в ходе массовых политических репрессий 1930-х гг. в СССР 358
Малышева Е.М. Победа в Великой Отечественной войне как результат взаимодействия общества и власти 370
Максимов К.Н. Симптомы грядущей хрущевской оттепели 379

Повседневный мир советского человека

Морозова О.М. Тетрадь в клеточку и светлое будущее: место образования в мотивационных чаяниях предреволюционных и послереволюционных поколений 392
Скорик А.П. Станично-слободское повседневье в первой половине 1920-х гг. 405

Хубулова С.А. Бюджеты рабочих г. Владикавказа как источник по истории повседневной жизни периода нэпа 424
Голубев А.В. Советское общество и мир в межвоенный период: революция в инокультурных представлениях 436
Невежин В.А. Симпосионы Иосифа Сталина: кулинарное меню и винная карта 457
Макарова Н.Н. Повседневная жизнь и мир вещей в годы Великой Отечественной войны (по материалам Магнитогорска) 473
Линец А.С., Линец С.И., Микаэлян А.С. Продовольственное обеспечение сельского населения Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны как одна из характеристик повседневности военного времени 483
Feferman K. Jewish Perspectives on the Holocaust in the North Caucasus 504
Волобуев О.В. Налаживание жизни в городах Крыма в послеоккупационные годы (1944–1945) 520
Рыблова М.А. Практики преодоления войны мирными жителями послевоенного Сталинграда 530
Венков А.А. Автомобиль как объект потребления в СССР позднего социализма 549

Историческая наука, историческое образование и историческая политика
Мининков Н.А. Становление научной регионалистики и страноведения в исследованиях Дона XVIII–XIX вв. 568
Эльбуздукаева Т.У., Изрипова Е.А. Современные историографические приоритеты в изучении национального строительства на Северном Кавказе (на примере Чечни и Ингушетии) в 20–30-е гг. XX в. 584
Баранов А.В. Накануне крушения: тенденции формирования украинской историографии этнической идентичности и нациестроительства (1992–2013 гг.) 592
Олейников Д.И. Историческое образование в системе Международного бакалавриата (IB) 601
Васильев И.Ю. История Кубани и казачества в украинской исторической политике: характерные штрихи 608

Сведения об авторах 619

Table of Contents

In Place of a Preface 13

STROKES TO THE PROFESSIONAL PORTRAIT

Krinko E.F. On the Abandoned Jubilee: Milestones of Professional Biography of Tatiana Pavlovna Khlynina 16
Skorik A.P. Historiographical Episteme of Khlynina 39
Badmaeva E.N. Historical Sources in the T.P. Khlynina's Papers 43
Sivkov S.M. Tatiana Pavlovna Khlynina: Scholar and Person 51
Tetuev A.I. In Memory of a Scholar, Historian, Colleague 57
Achmiz K.G. Historian by Vocation 59
Bibliography of Dr (History) T.P. Khlynina 75

AS WE REMEMBER HER

Malysheva E.M. The Best from Us Go First… 122
Khut L.R. "Lady Thucydides" of the Early 21st Century (in Memory of Tatiana Pavlovna Khlynina) 124
Krinko E.F. My Tanya 129
Bugay N.F. In the Postgraduate Course of the History Institute of USSR of the Academy of Sciences of USSR 134
Glumnaya M.N. She was an Example for Me… 144
Prokofyeva E.A. In Memory of a Friend 146
Telitsyn V.L. What Has Been Remembered 148
Orlov I.B. Memory of a Friend 154
Yalbulganov A.A. Historical Science in the Space and Time of the Truth (in Memory of a Colleague) 157
Denisova N.N. Person of a Flight (in Memory of T.P. Khlynina) 158
Tsvetkov O.M. About Tatiana 162
Yemtyl' R.Kh. From the Student to the Outstanding Researcher 164
Sokolova A.N. Honesty is the Main Virtue of a Scholar 166
Krinko O. Poem for Mama 174
Shadzhe A.Yu. Science as Tatiana's Life Credo 175
Yeremeyeva A.N. Recollecting Tatiana 176
Men'kovskii V.I. Wonderful Person and Great Scholar 177
Klychnikov Yu.Yu. In Memory of Tatiana Khlynina 178
Garazha N.A. About Khlynina Tatiana Pavlovna. A Small Story about Important Person 180
Avksentiev V.A. In Memory of Tatiana Pavlovna Khlynina 181
Larionova M.Ch. My Friend Tanya Khlynina 183
Suschiy S.Ya. Tatiana Pavlovna… 185
Tarasova T.T. In Memory of Tatiana Pavlovna Khlynina 190
Afanasenko V.I. Fragile Diamond (in Memory of Tatiana Pavlovna Khlynina) 191
Mitrofanova I.V. Life Line – Memory Line 196
Ivanova S.Yu. The Thoughts on Memory, Person, History 197
Ratushnyak O.V. T.P. Khlynina: a History of Acquaintance 200
Kropachev S.A. T.P. Khlynina: Strokes to the Portrait of a Scholar 201
Bugaev A.M. As She Was… 202
Akkieva S.I. Tatiana Khlynina as Historian of Talent and Pure Soul 205
El'buzdukaeva T.U. In Memory of a Pure Soul 207

Urushadze A.T. Cheerful Academism 209
Goryushina E.M. Rome – Cairo – Grozny 213
Patrakeeva O.Yu. Memories of T.P. Khlynina, a Talented Scholar and a Wonderful Person 216
Bobyakova I.V. More Than a Colleague, More Than a Teacher, More Than a Friend 217
Stepanyan O.V. A Few Words about Tatiana Pavlovna Khlynina 219
Belotserkovskaya V.V., Belotserkovskiy G.A. Outstanding Woman and Historian of Talent 221
Semenova O.V. Six Conversations with Tatiana Pavlovna 222
Lidzhieva I.V. Impressions of the Meeting 225
Shaparenko V.V. Meeting with an Amazing Person 226
Panfilova Yu.S. In Memory of Tatiana Pavlovna 227

ACTUAL PROBLEMS OF HISTORICAL SCIENCE THROUGH THE PRISM OF RESEARCHES OF T.P. KHLYNINA

Nation-State Building and Administrative-Territorial Transformations

Matveev O.V., Kondusov V.S. On the Question of the "Failure" of the Administrative Reform of 1840 in the Transcaucasia 230
Urushadze A.T. Religion and Politics in the Activities of M.S. Vorontsov in the Caucasus (1845–1853) 247
Zherebtsov I.L. The Republic of Komi: the Path to the National Statehood 257
Akkieva S.I. National-State Building and Educational Policy in the North Caucasus in the 1920–1930s 269
Prokofieva E.A. Educational and Cultural Building in the Volga Region in the First Years of the Soviet Power 284
Belenchuk L.N. The Principle of Multicultural Education and the School of Non-Russian Peoples 292

The Issues of Regional and Political History

Ilyukov L.S. On the Origins of the Tales of the Peoples of the Caucasus about the Shepherd Odnoglaz 309
Velikaya N.N. Transboundary Migrations and Their Role in the Complicating of the Ethnopolitical Situation in the North Caucasus in the 18th Century 316
Yalbulganov A.A. The Social Structure of the Nogai: the Main Traits and Characteristics (the 18th – the First Half of the 19th Century) 323
Trut V.P. Political Activity of the Ataman of the Don Cossack Army Kaledin 343
Kropachev S.A. The Formation of Totalitarian Law During the Mass Political Repressions of the 1930s in the USSR 358
Malysheva E.M. The Victory in the Great Patriotic War as a Result of the Interaction of the Society and the Power 370
Maksimov K.N. Symptoms of the Future Khruschev's "Thaw" 379

The Everyday World of the Soviet Man

Morozova O.M. A Checked Notebook and a Bright Future: the Place of Education in the Motivational Aspirations of Pre-Revolutionary and Post-Revolutionary Generations 392
Skorik A.P. Stanitsa-Sloboda Everyday Life in the First Half of the 1920s 405
Khubulova S.A. Budgets of Vladikavkaz Workers as a Source on the History of Everyday Life of the NEP 424

Golubev A.V. Soviet Society and the World in the Interwar Period:
Revolution in Foreign Culture Representations 436
Nevezhin V.A. Symposia of Iosif Stalin: The Culinary Menu and Wine List 457
Makarova N.N. Everyday Life and the World of Things
During the Great Patriotic War (on Materials of Magnitogorsk) 473
Linets A.S., Linets S.I., Mikaelyan A.S. Food Supply of the Rural Population
of the Stavropol Region During the Great Patriotic War as a Characteristic
of the Daily Life in the Wartime 483
Feferman K. Jewish Perspectives on the Holocaust in the North Caucasus 504
Volobuev O.V. Returning to Normal Life in the Cities
of Crimea in Post-Occupation 1944–1945 520
Ryblova M.A. Practices of "Overcoming the War" by Civilians
of the Post-War Stalingrad 530
Venkov A.A. Car as an Object of Consumption in the USSR of Late Socialism 549

Historical Science, Historical Education and Historical Policy
Mininkov N.A. The Formation of Scientific Regional and Country Studies
in the Studies of the Don in the 18th–19th Centuries 568
El'buzdukaeva T.U., Izripova E.A. Actual Historiographic Priorities
in the Studies of Nation Building in the North Caucasus
(on the Example of Chechnya and Ingushetia) in 20–30s of the 20th Century 584
Baranov A.V. Before the Collapse: the Trends in the Formation
of the Ukrainian Historiography of Ethnic Identity and Nation Building
(1992–2013) 592
Oleinikov D.I. Historical Education in the International
Baccalaureate System (IB) 601
Vasiliev I.Yu. History of Kuban and Cossacks in the Ukrainian
Historical Policy: Characteristic Traits 608

Our Authors 619

Вместо предисловия

Я сижу за ноутбуком, и на столе рядом со мной стоит ее фотография. На ней она такая, как я и привык ее видеть, – жизнерадостная, в яркой желтой майке, соответствующей ее солнечному настроению. Она такая живая, и у нее такая ослепительная улыбка, что невозможно поверить и принять то, что ее больше нет.

Но ее больше нет с нами. Вчера были похороны, и мы предали Таню земле. У меня ощущение, что мы ее действительно предали. Когда я подошел к ней в момент прощания, она казалось совсем живой. Вот откроет глаза и отпустит какое-то замечание. Но рабочие закрыли гроб крышкой и засыпали его землей. И мы уехали с кладбища, оставив ее там одну…

Нас часто считали единым целым, таким слаженным семейным тандемом, которому под силу самые разные личные и профессиональные задачи, что было так и не совсем так. В жизни нашей семьи были различные периоды. Как и в любой другой… И все же, что бы ни происходило, мы оставались двумя надежными половинками, составлявшими нечто большее, чем просто семья. И теперь я остался один. Конечно, не совсем один. У меня есть наша Оля, есть родители, есть друзья, коллеги, знакомые… Но ее рядом больше нет. Нет моей жены, нет самого близкого и дорогого мне человека, матери моей дочери, моего преданного друга, надежного коллеги и замечательного соавтора. Нет человека, на которого я всегда и во всем мог положиться…. Я знаю, что если бы я ушел раньше, это было бы трагедией для нее. А теперь это трагедия для меня.

И я хочу сохранить память о ней. Это единственное, что я могу как человек и как историк. Спасибо всем, кто помог мне это сделать, став соавтором этой книги. Каждое присланное воспоминание о Татьяне для меня бесценно. Из этих фрагментов складывается образ нашей Тани, Татьяны, Татьяны Павловны – такой, какой мы вместе ее знали. И какой будем ее помнить.

Евгений Кринко
14.06.2015–02.05.2017

Штрихи к профессиональному портрету

К несостоявшемуся юбилею: вехи профессиональной биографии Татьяны Павловны Хлыниной

Е.Ф. Кринко

9 января 2017 г. Татьяне Павловне Хлыниной должно было исполниться 50 лет. Любой юбилей – хороший повод для осмысления того, что сделано человеком. Татьяна Павловна не дожила до своего пятидесятилетия чуть более полутора лет. Попробуем подвести первые итоги ее профессиональной деятельности, сопроводив их кратким очерком жизненного пути.

Татьяна Хлынина родилась 9 января 1967 г. в военном городке Сенеже Солнечногорского района Московской области в семье военнослужащего. Отец, Павел Фёдорович Хлынин (1944–2005), проходил здесь службу по окончании Ульяновского гвардейского высшего танкового командного дважды Краснознаменного ордена Красной Звезды училища им. В.И. Ленина. П.Ф. Хлынин имел казачье происхождение, его дед был станичным атаманом в Кубанской области. Однако революционные потрясения и войны первой половины XX в. наложили свой отпечаток на историю семьи, разбросав ее членов не только по разным регионам, но и по разным странам. Мать отца, бабушка Татьяны Феофания Павловна Мукосеенко (Хлынина) (1921–2006) в годы Великой Отечественной войны была военным шофером, перегоняя американские «Студебеккеры» по Военно-грузинской дороге в 1942–1944 гг. Участвовал в Великой Отечественной войне и его отец – Фёдор Григорьевич Хлынин (1911–1974). Сам Павел Фёдорович родился в Азербайджанской ССР, а уже затем вместе с семьей переехал на историческую родину, в Ейский район Краснодарского края. Мама Татьяны – Надежда Васильевна Хлынина (Бобкова) – родом из Подмосковья. Она родилась в селе Смольниково Волоколамского района Московской области в 1945 г. Павел Фёдорович и Надежда Васильевна познакомились в Сенеже и поженились в 1966 г., а на следующий год у них родилась Татьяна.

В 1972 г. П.Ф. Хлынин поступил в Военную ордена Ленина Краснознаменную академию бронетанковых войск имени маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского. Семья переехала в Москву, в офицерское общежитие. Жизнь приобрела здесь присущий советскому обществу коммунальный характер, когда соседям по коридору можно было доверить не только ключи от квартиры, но и воспитание детей. Зимой недалеко от общежития заливали каток, и дети все вместе отправлялись туда с кем-то из родителей, оказавшимся свободным от службы и занятий. В 1973 г. у Надежды Васильевны и Павла Фёдоровича родилась еще одна дочь – Светлана[1]. На следующий год Таня пошла в первый класс в московскую школу № 632.

По окончании академии П.Ф. Хлынин вместе с семьей направился служить на юг, в город Майкоп, административный центр Адыгейской автономной области, на должность начальника штаба полка в 9-й мотострелковой Краснодарской Краснознаменной орденов Кутузова и Красной Звезды дивизии имени Верховного Совета Грузинской ССР[2]. Последним местом службы полковника П.Ф. Хлынина стал Адыгейский государственный педагогический институт (АГПИ, с 1993 г. – Адыгейский государственный университет (АГУ)), он занимал должность начальника военной кафедры. Военную подготовку здесь проходили выходцы из всех республик Северного Кавказа. Поэтому, когда начались боевые действия на территории Чеченской Республики, он очень переживал за происходившие события, в которых участвовали не только его бывшие сослуживцы, но и студенты.

Татьяна продолжила учебу в средней школе № 17 г. Майкопа. В 1984 г. окончила ее с отличием и поступила в АГПИ. За два года перед этим, в 1982 г., в АГПИ было открыто историческое отделение при факультете иностранных языков. В 1985 г. оно было преобразовано в самостоятельный факультет истории и советского права, первым деканом которого стала кандидат исторических наук, доцент (в настоящее время – доктор исторических наук, профессор) Елена Михайловна Малышева. В институте, как и в школе, Татьяна Хлынина училась блестяще, сдавая все дисциплины на «отлично». Ее первым кумиром, как и у многих других студентов-историков, стал кандидат исторических наук, доцент Руслан Аскарбиевич Хуажев, преподававший новейшую историю стран Европы и Америки.

---

[1] В настоящее время Светлана Павловна Хлынина работает заместителем начальника Управления Пенсионного фонда Российской Федерации в г. Майкопе Республики Адыгея.

[2] С 1992 г. соединение называлось 131-й отдельной мотострелковой Краснодарской Краснознаменной орденов Кутузова и Красной Звезды бригадой, с 2009 г. – 7-й Краснодарской Краснознамённой орденов Кутузова и Красной Звезды военной базой на территории Абхазии.

Под его влиянием предметом профессиональных увлечений и собственных студенческих исследований Т.П. Хлыниной с первого курса оказались история США и международные отношения. Этим вопросам были посвящены ее курсовые работы и доклады на студенческих конференциях. Одним из ее самых любимых преподавателей была кандидат исторических наук, доцент (в настоящее время – доктор исторических наук, профессор) Людмила Рашидовна Хут, чьи яркие и эмоциональные лекции по новой истории стран Европы и Америки привили любовь к предмету не одному десятку студентов. Именно в студенческие годы мы нередко встречаем своих настоящих друзей, отношения с которыми сохраняются надолго. Такая дружба на всю жизнь связала Татьяну с Сергеем Абрамовым[1].

Несмотря на первоначальное увлечение историей США, дипломная работа Т.П. Хлыниной была посвящена другой теме. Это, наверное, один из первых показательных примеров того, как она могла совершать неожиданные для других повороты в своей исследовательской деятельности, обращаясь к изучению новых проблем. Во многом это было обусловлено ее научной смелостью, широким кругозором, а еще профессиональным прагматизмом: Т.П. Хлынина всегда умела четко определять для себя выполнимые цели и добиваться их реализации.

В 1988 г. на исторический факультет АГПИ из Ростовского государственного педагогического института перешла на работу доктор исторических наук, профессор Эмилия Аюбовна Шеуджен, крупнейший в регионе специалист в области историографии и методологии изучения истории. Сначала – в качестве профессора кафедры отечественной истории, а с 1989 г. по 2007 гг. – декана факультета. Именно под ее руководством Т.П. Хлынина подготовила и успешно защитила дипломную работу на тему «В.И. Ленин и становление советской исторической науки. Октябрь 1917 – ноябрь 1920 гг. (на основе материалов биографической хроники)». Сегодня актуальность данной темы снизилась, а в конце 1980-х гг. одним из главных лозунгов перестройки, инициаторы которой были выходцами из эпохи «оттепели», считалось возвращение к «подлинному» Ленину, «очищенному» от его догматических апологетов. С начала 1990-х гг. на Ленина будет возлагаться не только ответственность за создание Советского государства, но и зарождение системы массовых репрессий. Но несколькими годами ранее, как и в период оттепели, широкое распространение получили представления о том, что Сталин «извратил» ленинские идеи. В любом случае, дипломная работа была выполнена на основе кропотливого анализа значительного круга источников и исследований, включая свыше 70 ленинских работ.

[1] Абрамов Сергей Рудольфович – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Окончив с красным дипломом исторический факультет АГПИ, 16 августа 1989 г. Т.П. Хлынина была принята на работу в среднее профессионально-техническое училище № 79 (в настоящее время – Майкопский государственный гуманитарно-технический колледж). Тогда в нем готовили станочников широкого профиля, наладчиков станков и оборудования, контролеров станочных и слесарных работ. Первые ученики были лишь на несколько лет моложе своего преподавателя, практически сразу вместе с ними отправившегося на трудовую практику в колхоз.

Отработав чуть более года, в сентябре 1990 г. Т.П. Хлынина перешла на работу в Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории (в настоящее время – Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований (АРИГИ), с 2002 г. – им. Т.М. Керашева) младшим научным сотрудником в сектор истории. Но проработала в новой должности недолго. Сдав вступительные экзамены, той же осенью поступила в очную аспирантуру Института истории СССР Академии наук СССР (с 1992 г. – Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН)).

Обучение в аспирантуре – ключевой этап в подготовке любого специалиста. Как и у многих других будущих историков, у Т.П. Хлыниной эти годы были заполнены работой в архивах и библиотеках, изучением документов, чтением литературы, в том числе зарубежной, впервые за долгие годы ставшей доступной для российских читателей. Значительную роль в ее профессиональном становлении сыграл научный руководитель – выдающийся исследователь проблем советской национальной политики и судеб репрессированных народов, доктор исторических наук, профессор Николай Фёдорович Бугай. В это время он работал руководителем группы, а затем заведующим сектором истории национальных отношений в СССР (России) в Институте истории СССР Академии наук СССР. В рамках группы сложился коллектив из зрелых специалистов и начинающих исследователей, объединенных общей проблематикой. И те, и другие выступали на заседаниях группы с отчетами, в которых были обязаны рассказать о результатах собственной работы и ее дальнейших перспективах, проанализировав соответствующие отечественные и зарубежные исследования. Это стало хорошей школой подготовки для молодых ученых, получавших оценку своих первых изысканий со стороны настоящих профессионалов. Свидетельством этого стали успешные защиты аспирантов Ф.А. Озовой, Е.А. Зуйкиной[1], Т.П. Хлыниной,

[1] *Озова Ф.А.* Социальная политика советской власти на Северном Кавказе. 1918 г.: дис. … канд. ист. наук. М., 1992; *Зуйкина Е.А.* Русские в системе межнациональных отношений автономных регионов Поволжья. 20-е годы. Социально-экономический и культурный аспекты: дис. … канд. ист. наук. М., 1995.

С.К. Ильина[1], И.Б. Дидиговой[2], А.С. Хунагова[3]. Часть из них состоялась уже после перехода Н.Ф. Бугая на работу в правительственные структуры[4].

Разумеется, у Т.П. Хлыниной не все гладко складывалось в жизни. Обесценивание интеллектуального труда в условиях либеральных реформ начала 1990-х гг. неизбежно вело к «вымыванию мозгов». Многие коллеги в это время ушли из профессии, часть уехала за границу. Татьяна Павловна, невзирая ни на что, осталась, хотя с ее способностями могла успешно реализоваться в разных сферах, где уровень оплаты труда был выше, чем у ученых, историков в особенности. Но выжить в начале 1990-х гг. на аспирантскую стипендию в Москве было почти невозможно. Т.П. Хлыниной помогали родители, приходилось и самой подрабатывать. Зато годы аспирантуры подарили ей новых друзей. Это М.Н. Глумная[5], комнату с которой она делила два года в общежитии, Е.А. Зуйкина (Прокофьева)[6], Д.И. Олейников[7],И.Б. Орлов[8],

---

[1] *Ильин С.К.* Этнические меньшинства в автономных областях и республиках юга РСФСР: 1920-е гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1995.

[2] *Дидигова И.Б.* Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии, 1920–1930-е годы: дис. … канд. ист. наук. М., 1997.

[3] *Хунагов А.С.* Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья, 20-е – 50-е годы: дис. … канд. ист. наук. М., 1998.

[4] С 1993 по 2002 гг. Н.Ф. Бугай работал руководителем департаментов по делам депортированных и репрессированных народов, по делам Северного Кавказа, русского народа, по делам национальностей Министерства национальной политики Российской Федерации, несколько раза менявшего свою структуру и название. Позже – консультантом, советником департамента регионального развития Аппарата Правительства Российской Федерации, департамента межнациональных отношений Министерства регионального развития Российской Федерации.

[5] Глумная Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой общественных дисциплин Вологодского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, специалист в области истории государственного управления и аграрной истории.

[6] Прокофьева Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Федерального центра образовательного законодательства Российской Федерации, специалист в области истории межнациональных отношений, национально-государственного строительства, истории отечественной педагогики и образовательного права.

[7] Олейников Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, специалист по истории Российской империи.

[8] Орлов Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, заместитель руководителя департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», специалист в области социальной и политической истории России XX в.

В.Л. Телицын[1], А.А. Ялбулганов[2] и др. Старше курсом обучались В.В. Кондрашин[3], Е.С. Сенявская[4] – ныне хорошо известные историки.

Весной 1993 г. Т.П. Хлынина досрочно подготовила и успешно защитила в диссертационном совете ИРИ РАН кандидатскую диссертацию по специальности 07.00.02 – отечественная история на тему «Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.». В работе, казалось бы, узкой, региональной проблематики, она обосновала ряд новых положений о советской национальной политике, во многом сохраняющих свою научную значимость и сегодня. Среди них был и ее вывод об «октроированности» национальной государственности адыгских народов, т.е. доминирующей роли центра в ее оформлении. Т.П. Хлынина полагала, что «насаждаемые формы национального самоуправления – мусульманская, Горская секции, исполнительные комитеты как компромиссные варианты взаимодействия власти и национализма – из средства поддержки становящегося режима трансформировались в 20-е годы в средство защиты от форсированной советизации»[5]. В кандидатской диссертации Т.П. Хлыниной проявились присущие ей и в последующем хорошее знание отечественных и зарубежных исследований, стремление к новаторским, междисциплинарным подходам (в данном случае – использование разработок советских правоведов 1920-х гг., впоследствии практически забытых[6]).

По окончании аспирантуры в апреле 1993 г. Т.П. Хлынина вернулась в Майкоп, восстановилась в АРИГИ, но уже в должности научного сотрудника отдела истории. После соответствующего решения ВАК директор АРИГИ кандидат исторических наук (в настоящее

[1] Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, специалист в области социально-экономической и политической истории России первой половины XX в.

[2] Ялбулганов Александр Алибиевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры финансового права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института публично-правовых исследований, специалист в области финансового, налогового, экологического и природно-ресурсного права.

[3] Кондрашин Виктор Викторович – доктор исторических наук, профессор, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, руководитель Центра экономической истории ИРИ РАН, специалист по истории российского крестьянства XX в. и голода 1932–1933 гг.

[4] Сенявская Елена Спартаковна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, специалист в области военно-исторической антропологии, социальной истории и истории повседневности России XX в.

[5] *Хлынина Т.П.* Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1993. С. 190.

[6] Там же. С. 8–9.

время – доктор исторических наук, профессор) Д.Х. Мекулов в начале августа того же 1993 г. издал приказ о переводе ее на должность старшего научного сотрудника в том же отделе. В 1998 г. она прошла по конкурсу на ту же должность. Еще через два года, уже при новом директоре АРИГИ кандидате исторических наук (в настоящее время – докторе исторических наук, профессоре) А.Ю. Чирге, в сентябре 2000 г. была назначена исполняющей обязанности ведущего научного сотрудника, а в 2004 г. прошла по конкурсу на ту же должность.

Отдел истории АРИГИ в это время представлял собой крупное научное подразделение. Руководил отделом доктор исторических наук, профессор Б.М. Джимов, с 1998 г. – кандидат исторических наук (в настоящее время – доктор исторических наук) А.Д. Панеш. В 1990 – начале 2000-х гг. в отделе истории работали доктор исторических наук М.Х. Шебзухов, кандидаты исторических наук Н.Н. Денисова, Р.Х. Емтыль, А.Г. Баранов, С.К. Пчегатлук, а также А.К. Бузаров, З.Х. Каракаев, Е.А. Лукьянова, А.А. Ржавин, Л.К. Хасанова.

Т.П. Хлынина участвовала в проектах, которыми занимался отдел истории, в первую очередь, в подготовке фундаментального труда по истории Адыгеи. Много писала и публиковалась сама, хотя в начале 1990-х гг. это было гораздо сложнее, чем сейчас, когда количество периодических изданий и тематических сборников существенно выросло. В 1999 г. по инициативе Т.П. Хлыниной началось издание «Информационно-аналитического вестника» АРИГИ, публикации в котором в содержательном отношении охватывали различные проблемы истории, этнологии и археологии. Она активно участвовала в международных, всероссийских и региональных научных конференциях. В своих докладах всегда стремилась найти новые аспекты и неожиданные ракурсы изучения даже традиционных исследовательских сюжетов. Обладая великолепной памятью, не читала с листа заранее подготовленные тексты, а увлекательно рассказывала, перенеся эту манеру и в учебную аудиторию, неизменно производя яркое впечатление на слушателей. Немногие знают, что одной из причин этого было ее плохое зрение, вынуждавшее при чтении склоняться над самим текстом.

Вскоре по возвращении из Москвы Т.П. Хлынина взялась за новую для себя тему – изучение опыта социальной адаптации этнодисперсных групп Северо-Западного Кавказа в 1920–1940-е гг. При ее разработке она консультировалась с заведующим отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, членом-корреспондентом РАН С.А. Арутюновым. В нашем семейном архиве сохранились письма в архивы Краснодарского края и Ростовской области с запросами о наличии в них источников по истории горских евреев, а в домашней библиотеке, помимо прочего, есть и посвященные данной теме книги. Но, хотя она и использовала собранные

материалы в своих публикациях[1], в целом убедилась в том, что тема для нее носит «слишком» этнографический характер, и вернулась к прежним направлениям исследований. В 1997 г. опубликовала свою первую монографию на основе существенно переработанного текста кандидатской диссертации[2].

Активной научно-исследовательской деятельности Т.П. Хлыниной не помешало рождение дочери Ольги в 1999 г. Вскоре после этого она принялась за работу над докторской диссертацией, посвященной отечественной историографии национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917–1937 гг. Ее первая публикация по данной теме – совместная статья с Н.Ф. Бугаем и М.М. Кудюкиной – вышла еще в 1992 г.[3]. Появление следующей публикации через 7 лет свидетельствовало о новом повороте в ее исследованиях[4]. Для защиты диссертации Т.П. Хлынина прикрепилась к кафедре истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета. Научным консультантом стал известный специалист в области политической истории России и истории исторической науки, заведующий кафедрой (с 1998 по 2004 гг.), доктор исторических наук, профессор Олег Владимирович Волобуев. Т.П. Хлынина сумела в отведенный срок подготовить и в ноябре 2003 г. защитить докторскую диссертацию по теме «Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии». Обобщение значительного количества историографических источников позволило ей детально раскрыть взгляды отечественных исследователей на процесс становления советской национальной государственности и ее конкретные проявления у народов региона, сложное взаимодействие различных обстоятельств, факторов и явлений, сказавшихся на формировании историографии проблемы. В ходе работы над диссертацией ее отдельные положения нашли отражение в новых статьях и брошюре, затем были обобщены

[1] *Хлынина Т.П.* Землеустройство горских евреев как социальный проект советской власти // Социальное образование: традиции, проблемы, перспективы: материалы научно-практической конференции (17–18 мая 2003 г.). Армавир, 2003. С. 293–303 и др.

[2] *Хлынина Т.П.* Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997.

[3] *Бугай Н.Ф., Кудюкина М.М., Хлынина Т.П.* Национальные проблемы историографии российских автономий 1988–1990 гг. // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992. С. 6–43.

[4] *Хлынина Т.П.* Национально-государственное строительство: о некоторых теоретических особенностях исследования проблемы // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1999. Вып. 1. С. 23–29.

в итоговой монографии[1]. Уже после защиты по данной теме вышли и другие публикации, включая статью в ведущем историческом журнале «Отечественная история» (в настоящее время – «Российская история»)[2].

В то же время разработка историографической проблематики сочеталась с сохранением интереса к конкретно-историческим сюжетам, включая формирование национальной государственности в Адыгее. Данной теме была посвящена ее совместная монография с А.Ю. Чиргом и Н.Н. Денисовой[3]. В своих исследованиях Т.П. Хлынина последовательно разрабатывала проблемы методологии исторических исследований и судьбы профессиональной корпорации историков[4], антисемитизм на Кубани[5], вопросы истории казачества

---

[1] *Хлынина Т.П.* Советская национальная государственность: понятие и его образы (статья первая) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2001. Вып. 4. С. 25–32; *Ее же.* Советская национальная государственность: понятие, природа, образ. Майкоп, 2001; *Ее же.* Горская АССР и ее роль в национальном самоопределении народов Северного Кавказа: историографический аспект проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. 2002. № 3–4. С. 52–58; Ее же. Формирование советской национальной государственности у народов Северного Кавказа: состояние и проблемы исследований // Народы и власть в истории России: проблемы исследований: сборник научных статей, посвященных 60-летию со дня рождения Н.Ф. Бугая. Майкоп, 2002. С. 135–155; *Ее же.* Советские республики и их роль в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе в осмыслении отечественной историографии // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, Вып. 6, 7. С. 66–79; *Ее же.* Современная историография о причинах административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки (приложения). 2003. № 4. С. 54–62; *Ее же.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003 и др.

[2] *Хлынина Т.П.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы: проблемы современной историографии // Отечественная история. 2005. № 1. С. 154–163.

[3] *Чирг П.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П.* Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп, 2002.

[4] *Хлынина Т.П.* История «малых форм»: о предмете и жанровых особенностях микроисторического анализа // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных трудов. Майкоп, 2003. Вып. 4. С. 51–58; *Ее же.* История «исчезающего времени»: прошлое в пространстве постнеклассического знания // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2006. № 1– 2. С. 3–7; *Ее же.* Научное сообщество или профессиональная корпорация: что и как объединяет людей в современной науке // История регионального научного сообщества: проблемы изучения. Краснодар, 2007. С. 7–14 и др.

[5] *Хлынина Т.П.* Антисемитизм на Кубани: опыт характеристики массового сознания пореволюционной эпохи // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2000. Вып. 3. С. 148–154 и др.

и его роли в межнациональных отношениях на Северном Кавказе[1], политики коренизации в Адыгее и ее последствия[2], политические репрессии[3] и многие другие сюжеты. В 2000-х гг. она обратилась к вопросам социальной истории и советской повседневности[4]. Тщательная проработка впервые введенных ею в научный оборот архивных документов, в частности таких, как жалобы советских граждан или кассовая книга аульного общества, позволила представить многие обстоятельства жизни и быта обычных людей, которым прежде

[1] *Хлынина Т.П.* О природе кубанского сепаратизма (1917–1918) // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2000. Вып. 3. С. 172–177; *Ее же.* Казачество в межнациональных отношениях на Кубани (февраль – октябрь 1917 г.) // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2002. Вып. 1. С. 118–122; *Ее же.* Казачество и проблемы национально-территориального размежевания на Северном Кавказе (1920-е гг.) // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2003. Вып. 2. С. 63–70; Казачий вопрос и его разрешение на Северном Кавказе в 1920-е годы // Памяти Ивана Диомидовича Попки: из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар, 2003. С. 101–107; *Ее же.* «Военно-революционный совет Сунженской линии считает крайне необходимым»: новые источники по истории межнациональных отношений на Тереке в 1918 г. // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2004. Вып 3. С. 66–74 и др.

[2] *Хлынина Т.П.* Коренизация в ее истоках и последствиях в Адыгее // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2004. Вып. 8. С. 241–251; *Ее же.* Коренизация и политика «империи позитивного действия»: что стояло за «национализацией» советской власти в Адыгее в 1920–1930-е гг.? // Региональные политические исследования. 2007. № 1. С. 85–91 и др.

[3] *Хлынина Т.П.* Чистки и лишение избирательных прав советских граждан в 1930-е годы: штрихи к портрету времени // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральных, региональных социально-экономических и политических процессов). Ученые записки. Пятигорск, 2004. Вып. 3. С. 94–103; *Ее же.* Психология «большого» террора, или «маленькие» страхи советского человека образца 1930-х гг. // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: материалы XVIII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г.: в 2 ч. СПб., 2005. Ч. 2. С. 253–257; *Ее же.* В преддверии «большого террора»: борьба с контрреволюцией в Адыгее в начале 1930-х гг. и ее последствия // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: материалы IV Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2006. С. 107–112; *Ее же.* «Вычищенные» и «лишенные избирательных прав»: социально неблагонадежные категории советского общества 1930-х гг. // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. Научный и научно-методический ежегодник. Армавир, 2006. № 4. С. 168–173 и др.

[4] *Хлынина Т.П.* Социальная история советской Адыгеи: очерки политической антропологии. 1930-е годы. Майкоп, 2004; *Ее же.* Советское повседневье в пространстве «большой» истории: проблемы и возможности «малого» жанра // Гуманитарная мысль Юга России: региональный научный журнал. 2005. № 1. С. 37–44; *Ее же.* Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп, 2005 и др.

не уделялось значения в исторической науке, став свидетельством высокого уровня исследовательского профессионализма[1]. Именно в русле социальной истории Т.П. Хлынина разрабатывала и проблемы военной истории, интересуясь, в первую очередь, особенностями поведения человека на войне[2].

Новое направление исследований Т.П. Хлыниной предопределило участие в подготовке заявки и последующем выполнении гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона» (руководитель – доктор искусствоведения, профессор Института искусств АГУ А.Н. Соколова) в 2007–2008 гг. В ходе реализации проекта Т.П. Хлынина участвовала в экспедиции в специально построенный для переселенцев аул Мафэхабль (в переводе с адыгского – «счастливый аул») Майкопского района Республики Адыгея, брала интервью у репатриантов, собирала, анализировала и обобщала полевые и ранее опубликованные материалы. Результаты исследований нашли выражение в выступлениях на круглом столе в АГУ по итогам реализации проекта, других конференциях, публикациях статей и сборников[3].

[1] *Хлынина Т.П.* Жалоба, или о чем писали в органы власти советские граждане в начале 1930-х годов // Диалоги с прошлым: исторический журнал. 2004. Вып. 3. С. 65–70; *Ее же.* Кассовая книга Гатлукаевского аульного общества как источник по социальной истории Адыгеи (1918–1919 гг.) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2002. Вып. 5. С. 220–224 и др.

[2] *Хлынина Т.П.* Проблемы Великой Отечественной войны в контексте «социальной направленности» исторических исследований: срезы историографии // 50 лет Великой Победы: материалы научно-практической конференции, состоявшейся в апреле 1995 года. Майкоп, 1996. С. 144–153.

[3] *Хлынина Т.П.* Косовские адыги в Адыгее: механизмы и проблемы адаптации малой группы // Социокультурная адаптация косовских адыгов в Адыгее: материалы круглого стола. Майкоп, 2007. С. 32–43; *Ее же.* Косовские адыги в Адыгее: опыт и проблемы социальной адаптации малой группы // Этнопанорама. 2008. № 3–4. С. 52–57; *Соколова А.Н., Тхагапсова Г.Г., Хлынина Т.П.* Косовские адыги в Адыгее: основные социокультурные потребности группы и механизмы и удовлетворения // Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона: сборник статей. Майкоп, 2008. С. 19–29; *Их же.* Косовские адыги в Адыгее: основные социокультурные потребности группы и механизмы их удовлетворения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп, 2008. Вып. 8. С. 196–204; *Хлынина Т.П.* Косовские адыги в Адыгее: устойчивое развитие региона и адаптационный потенциал группы // Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона: сборник статей. Майкоп, 2008. С. 29–34; *Ее же.* Проблемы и перспективы социальной адаптации косовских адыгов в Республике Адыгея // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: сборник научных статей. Ростов н/Д, 2008. С. 132–139 и др.

Неоднократно Т.П. Хлынина выступала с рецензиями как на монографии коллег, так и на крупные обобщающие и справочные труды[1]. Многие из ее рецензий представляли собой настоящие исследования, в которых не просто пересказывался текст анализируемой работы, но и велась дискуссия с его автором.

Будучи настоящим человеком науки, Т.П. Хлынина никогда не замыкалась в рамках традиционных сюжетов и «кабинетных» исследований. Именно поэтому ее привлекала студенческая аудитория. Реализации ее педагогических возможностей в значительной степени способствовало обновление гуманитарного образования в России, появление в образовательном пространстве новых учебных дисциплин и учебных заведений. В 1993 г. по инициативе А.К. Тхакушинова (в 2007–2017 гг. – глава Республики Адыгея) из трех учреждений среднего специального образования был создан Майкопский государственный технологический институт (с 2004 г. – Майкопский государственный технологический университет). Вместе с вернувшимся из Санкт-Петербурга по окончании аспирантуры С.Р. Абрамовым Т.П. Хлынина активно включилась в процесс «культурной революции», в течение нескольких лет проводя занятия со студентами по истории мировых цивилизаций и культурологии. В условиях отсутствия необходимых учебно-методических материалов по новым дисциплинам она немало сил потратила на разработку методических пособий и рекомендаций для студентов[2].

Разнообразие содержания и методов педагогической деятельности Т.П. Хлыниной впечатляют, пожалуй, не менее, чем широкий спектр ее собственных исследований. На историческом факультете АГУ она читала курс «Место XX века во всемирно-историческом процессе» и другие учебные предметы. Но период сотрудничества

[1] *Хлынина Т.П.* История Кубани XX век: очерки // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1999. Вып. 2. С. 126–128; *Ее же.* Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1999. Вып. 1. С. 101–103; *Ее же.* Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2001. Вып. 4. С. 227–231; *Ее же.* Матвеев О.В. Герои и войны в исторической памяти кубанского казачества // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2004. Вып 3. С. 166–167; *Ее же.* Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2005. Вып. 2. С. 370–374 и др.

[2] *Хлынина Т.П.* История мировых цивилизаций (методические рекомендации для студентов заочников). Майкоп, 1998; *Ее же.* История мировых цивилизаций (методические рекомендации к изучению курса). Майкоп, 1998; *Ее же.* История мировых цивилизаций (методические рекомендации к практическим занятиям для студентов вузов). Майкоп, 1998; *Ее же.* История мировых цивилизаций: пространство и возможности учебного курса // Неделя науки в МГТИ: материалы научно-практической конференции МГТИ. Майкоп, 1997. Вып. 2. С. 55–57.

с родным факультетом оказался коротким. Нельзя не выразить сожаления по данному вопросу, поскольку только исторический факультет осуществлял подготовку профильных специалистов, и потенциал Т.П. Хлыниной мог быть здесь максимально востребован. Недолгой по времени была и ее работа в филиале Московского открытого социального университета в городе Майкопе. В то же время ее пригласили на филологический факультет АГУ, где она вела курсы страноведения России и семиотики. Три года, с 2004 по 2008 гг., Т.П. Хлынина проработала в филиале Российского государственного социального университета (РГСУ) в городе Майкопе. Здесь она вела курсы прогнозирования, проектирования и моделирования в социальной работе, социальной политики, а также руководила дипломными проектами студентов факультета социальной работы[1]. Увлеченность исследователя проблемами, разрабатывавшимися совместно со студентами, привела к появлению ряда публикаций по вопросам социальной политики и социальной работы[2].

Преподавательская деятельность не ограничивалась учреждениями высшего образования. В 1990-е гг. Т.П. Хлынина вела занятия со старшеклассниками в лицее № 19[3]. По предложению директора Центра

[1] *Хлынина Т.П.* Прогнозирование, проектирование и моделирование в социальной работе (учебно-методическое пособие для студентов очной формы обучения). Майкоп, 2005; *Ее же.* Прогнозирование, проектирование и моделирование в социальной работе (учебно-методическое пособие для студентов заочной формы обучения). Майкоп, 2005; *Ее же.* Социальная политика (учебно-методическое пособие для студентов заочной формы обучения). Майкоп, 2005; *Ее же.* Социальная политика (учебно-методическое пособие для студентов очной формы обучения). Майкоп, 2005. См. также: *Хлынина Т.П.* Проектная деятельность в социальной сфере: образовательные возможности и проблемы методического обеспечения учебного курса // Проблемы становления гражданского общества на Юге России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (14–15 апреля 2006 г.). Ставрополь, 2006. С. 154–157.

[2] *Хлынина Т.П.* Центры социальных исследований как механизмы обеспечения взаимодействия теории и практики в социальной работе // Профессиональная подготовка социальных работников: проблемы, опыт, перспективы: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград, 24–25 апреля 2007 г. Волгоград, 2007. С. 149–151; *Ее же.* Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, с ограниченными возможностями здоровья в современном образовательном пространстве // Актуальные проблемы социализации и социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья, имеющих социальный статус детей-сирот, и детей, оставшихся без попечения родителей: сборник материалов региональной научно-практической конференции (28 марта 2008 г.). Армавир, 2008. С. 57–61 и др.

[3] *Кринко Е.Ф.,* Хлынина Т.П. Программа школьной творческой лаборатории «Постижение истории или ремесло историка» (программа курса) // Образование города на пути к XXI веку: проблемы, исследования, опыт, перспективы. Майкоп, 2000. Вып. 1. С. 205–213; *Их же.* Творческая лаборатория в системе школьного исторического образования // Там же. С. 201–204.

интеллектуального развития ребенка «Аякс» кандидата педагогических наук (в настоящее время – доктора педагогических наук, профессора) Т.Ф. Сергеевой были подготовлены учебные пособия по истории для дошкольников[1], истории и культуре кубанского казачества для младших школьников[2]. Глубокая озабоченность Т.П. Хлыниной процессами, происходившими в историческом образовании, выразилась в цикле посвященных им публикаций. В частности, в них рассматривались его цели и характер, роль и содержание национального (регионального) компонента, учебников истории[3]. Активно включилась она и в обсуждение комплекта учебников по истории Адыгеи[4].

В 2008 г. в жизни и профессиональной судьбе Т.П. Хлыниной произошли значительные перемены – она переехала в Ростов-на-Дону и перешла на работу в Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН). Здесь она первоначально была принята на должность ведущего научного сотрудника в отдел гуманитарных исследований. По итогам аттестации в 2009 г. переведена на должность главного научного сотрудника. С момента создания Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН (ИСЭГИ ЮНЦ РАН) работала в должности главного научного сотрудника лаборатории истории и этнографии.

Необходимо заметить, что к моменту переезда Т.П. Хлынина была уже состоявшимся исследователем, имевшим в своем «багаже»

---

[1] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История человека для самых маленьких: экспериментальное учебное пособие. Ч. 1. Майкоп, 1994; Ч. 2. Майкоп, 1996. *Их же*. Историческое образование в контексте модели «раскрепощенного сознания» (концепция пропедевтического курса) // Методические особенности учебно-воспитательного процесса в инновационной школе. Майкоп, 1996. С. 9–16; *Их же.* История для самых маленьких (программа курса) // Там же. С. 16–18.

[2] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История кубанского казачества: учебное пособие. Майкоп, 1998; *Их же.* Культура и быт кубанского казачества: учебное пособие. Майкоп, 1999; *Их же.* История и культура кубанского казачества. Майкоп, 2000. С. 12–14.

[3] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Размышления о школьной истории, ее возможностях, а также о том, чего же мы от нее ждем // История. 2000. № 20. С. 1–2; *Хлынина Т.П.* Современный учебник истории как жанр // История. 2000. № 39. С. 12; *Ее же.* О вечных истинах, индивидуальных предпочтениях и исторической дидактике (по поводу новых стандартов – но не только о них) // История. 2002. № 46. С. 1–2; *Ее же.* Мифотворчество или увлекательное путешествие в прошлое? Региональный компонент в историческом образовании современного российского школьника: субъективные суждения и приглашение к заинтересованному разговору // История. 2003. № 45. С. 11–15; *Ее же.* Фантомы и реалии современного школьного образования: размышления на заданную тему // Образование. Пространство. RU. Майкоп, 2004. № 1–2 (3–4). С. 55–56 и др.

[4] *Хлынина Т.П.* Отрадный факт, порождающий проблемы. Их нужно решать сообща // Школьные учебники «История Адыгеи»: «за» и «против». Армавир, 2003. С. 4–7.

более 200 публикаций по различным проблемам отечественной истории, историографии и проблемам преподавания гуманитарных дисциплин, в том числе несколько монографий и статей в центральных журналах. Но, безусловно, переход на работу в ЮНЦ РАН открыл новые перспективы для реализации ее исследовательских возможностей. Благодаря председателю ЮНЦ РАН академику Г.Г. Матишову как яркому научному лидеру и крупнейшему научному организатору, здесь выполнялись программы фундаментальных исследований Президиума РАН и другие крупные коллективные проекты. В них были задействованы не только сотрудники ЮНЦ РАН и выделившегося из него ИСЭГИ ЮНЦ РАН, но и при необходимости другие ведущие специалисты в разных областях. Проводились крупные научные форумы с участием российских и зарубежных ученых. Высокой издательской культурой неизменно отличались и выходившие под грифом ЮНЦ РАН публикации. Поэтому именно время работы в ЮНЦ РАН и ИСЭГИ ЮНЦ РАН можно считать периодом главных научных достижений Т.П. Хлыниной, когда она не только лично участвовала в реализации многих проектов, но и сама стала руководителем и ответственным исполнителем ряда исследований.

О новых направлениях в исследованиях Т.П. Хлыниной свидетельствуют публикации по проблемам безопасности южного макрорегиона, которым всегда уделялось значительное внимание в ЮНЦ РАН[1]. По предложению академика Г.Г. Матишова была издана коллективная монография по историографии истории Северного Кавказа[2]. В то же время у нее продолжают выходить статьи и монографии, в том числе коллективные[3], посвященные формированию национальной государственности на Северном Кавказе, национальным районам, межнациональным отношениям народов региона

[1] *Батиев Л.В., Елецкий Н.Д., Кринко Е.Ф., Сущий С.Я., Тарасова Т.Т., Хлынина Т.П.* Безопасность Южного макрорегиона как проблема комплексного научного исследования // Этнические проблемы современности. Ставрополь, 2008. Вып. 13. С. 66–84; *Хлынина Т.П.* «Кому ты опасен, историк?»: экспертные возможности знания о прошлом и практики его проблематизации на Юге России // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций XX века: материалы научной конференции 24–26 сентября 2009 г. Краснодар, 2009. С. 103–112; *Ее же.* Проблемы обеспечения безопасности южного макрорегиона в контексте исторической памяти // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М., 2010. Вып. 5. Ч. 1. С. 390–396 и др.

[2] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009.

[3] Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX–XXI вв.). М., 2009; Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика. М., 2010; Россия – Грузия: альтернатива конфронтации – созидание. Проблемы истории российско-грузинских отношений XIX–XX вв. М., 2011.

и осмыслению данных вопросов в историографии[1]. Проблемам историографии были посвящены и другие публикации[2]. А в 2009 г. в Белоруссии вышла обобщающая работа по современной российской историографии, где Т.П. Хлынина была автором главы по региональной историографии[3]. В том же году АРИГИ издал первый том обобщающего труда по истории Адыгеи, в который вошли и подготовленные ею несколько лет назад материалы[4]. Немало публикаций было посвящено демографическим проблемам развития региона[5], устной истории[6], историографии повстанческих действий

---

[1] *Хлынина Т.П.* «Синдром осажденной крепости», или как на Кубани появились национальные районы // Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края. Т. III (24). Краснодар, 2008. С. 194–203; *Ее же.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: Проблемы историографии. Saarbrucken, 2011; *Ее же.* Решение национального вопроса на Северном Кавказе // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 128–135; *Ее же.* Становление и развитие государственности Адыгеи (1920-е – 1990-е гг.) // Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи. Ростов н/Д, 2012. С. 184–196; *Ее же.* «Судьбу национальных районов еще долго будут определять чуждые нам элементы»: идеи и люди в становлении Чеченской автономной области // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – IV: материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18–20 ноября 2011 г. Пятигорск, 2012. С. 376–384; *Ее же.* Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. // Вестник Южного научного центра РАН. 2014. Т. 10. № 3. С. 106–111 и др.

[2] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Советский Северный Кавказ в 1920–1940-е годы: проблемные зоны современной отечественной историографии // Вестник Южного научного центра РАН. 2009. Т. 5. № 3. Июль – сентябрь. С. 76–83.

[3] Современная российская историография: в 2 ч. Ч. 2. Минск, 2009. С. 255–272.

[4] История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в.: в 2 т. Т. I. Майкоп, 2009.

[5] *Хлынина Т.П.* Демографическая статистика 1920-х гг. о численности и размещении славянского населения Адыгейской автономной области // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2008. Вып. 4. С. 42–49; *Ее же.* Русские, великороссы и украинцы…: методика подсчета и численность украинского населения в Адыгее в 1920-е гг. // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2008. Вып. 3. С. 286–291; *Ее же.* Всероссийские переписи населения 1959 г. и 2002 г. как источник демографической информации... и не только // Историческая демография. 2010. № 1 (5). С. 76–81 и др.

[6] *Хлынина Т.П.* Устная история между теорией и методом // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.: материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2009. С. 33–40; *Ее же*. Устная история и ее возможности в решении задач современного гуманитарного знания // Былые годы. 2011. № 4 (22). С. 53–58; *Ее же.* Устная история как междисциплинарная практика // Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г. М., 2012. С. 143–152 и др.

на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг.[1] В значительной степени под воздействием академика Г.Г. Матишова были продолжены исследования политики украинизации на Северном Кавказе, начатые ею в предыдущие годы[2].

С самого начала своей работы в ЮНЦ РАН, а затем в ИСЭГИ ЮНЦ РАН Т.П. Хлынина принимала активное участие в реализации базовых тем научно-исследовательских работ и других проектах. Многие подготовленные ею материалы включались в подготовленные по их итогам отчеты и публикации. В 2009 г. Т.П. Хлынина сама стала руководителем проекта «Историческое знание и его возможности в обеспечении устойчивого развития южного макрорегиона» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» Президиума РАН на 2009–2011 гг. Проводимые исследования получили продолжение в ее следующем проекте «История и политика на Северном Кавказе: проблемы и механизмы взаимодействия» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг. В рамках указанных проектов Т.П. Хлынина сумела определить «проблемные

---

[1] *Хлынина Т.П.* Повстанческое движение 1920–1930-х гг. на Северном Кавказе в лабиринтах современной историографии: основные концепты и исследовательские практики // Чеченцы в сообществе народов России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г. Грозный, 18–19 декабря 2008 г.): в 2 т. Т. 2. Назрань, 2008. С. 357–366; *Ее же.* Хорошие концепции, новые источники и ...? Современная отечественная историография антисоветских выступлений на Северном Кавказе 1920–1930-х гг. в поисках третьей составляющей // Вопросы Южнороссийской истории. М.; Армавир, 2009. Вып. 15. С. 114–123.

[2] *Хлынина Т.П.* Политика украинизации Кубани (1920-е – 1930-е годы) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год: материалы научно-практической конференции. Краснодар, 1998. С. 30–32; *Ее же.* Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение (по материалам Национального архива Республики Адыгея) // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 38–45; *Ее же.* Украинизация Кубани и ее последствия // Былые годы. 2010. № 3 (17). С. 96–95; *Ее же.* Украинская диаспора Ростовской области и Кубани в русскоязычном сегменте интернета (опыт профессиональной рефлексии) // Историческая наука: проблемы и основные тенденции развития: материалы Международной научной конференции. Тула, 30 мая. 2010 г. Тула, 2010. С. 13–23; *Хлынина Т.П., Васильев И.Ю.* Украинизация как политика и проблема современной историографии // Історіографічні дослідження в Україні. Вип. 22: Доповіді та матеріали Міжнародної наукової конференції Інститут історії України на зламі епох, у світлі традицій та перетворень. 75 років інституціонального буття (20–21 жовтня 2011 р., м. Київ). Київ, 2012. С. 201–214.

зоны» в изучении советского прошлого народов южного макрорегиона, «места исторической памяти» и их воздействие на развитие отдельных субъектов макрорегиона. Выявление механизмов формирования исторической памяти позволило установить взаимосвязь между современными практиками историописания и образами прошлого южного макрорегиона, проанализировать наиболее спорные сюжеты советского прошлого юга России, степень их воздействия на развитие современной ситуации в регионе[1]. В реализации данных исследовательских задач в качестве исполнителей участвовали сотрудники лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН/ИСЭГИ ЮНЦ РАН, включая ее заведующего доктора исторических наук Е.Ф. Кринко, кандидата исторических наук А.Т. Урушадзе, Т.Г. Курбат и других исследователей. В значительной степени под влиянием Т.П. Хлыниной одним из важнейших направлений исследований лаборатории стало изучение имперского и советского опыта управления Северным Кавказом и административно-территориальных преобразований в данном регионе. Указанным вопросам был посвящен ряд специальных публикаций[2]. В 2012 г. Т.П. Хлынина выиграла на конкурсной основе целевой грант РГНФ «Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона», по итогам выполнения которого была издана коллективная монография[3].

---

[1] *Хлынина Т.П.* История, социальная практика и социогуманитарная экспертиза на Юге России // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т. V: Социальные и гуманитарные науки. Ростов н/Д, 2009. С. 178–193; *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Региональная история: конфликтный и консолидирующий потенциал // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: сборник научных статей. Ростов н/Д, 2010. С. 216–233; *Матишов Г.Г., Клычников Ю.Ю., Хлынина Т.П.* «Черкесский вопрос»: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра РАН. 2012. Т. 8. № 1. С. 80–89; *Хлынина Т.П.* История и социальная практика: проблемы взаимодействия // Российские и славянские исследования: научный сборник. Минск, 2012. Вып. 7. С. 73–80; *Ее же.* История, политика и экспертные возможности знания о прошлом на Юге России // Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона. Ростов н/Д, 2012. С. 409–425 и др.

[2] *Батиев Л.В., Урушадзе А.Т., Хлынина Т.П.* Имперский и советский опыт управления Северным Кавказом // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: сборник научных статей. Ростов н/Д, 2010. С. 12–51; *Хлынина Т.П., Урушадзе А.Т.* От Кавказского наместничества к Северо-Кавказскому краю: поиск оптимальной модели управления // Вестник Южного научного центра РАН. 2011. Т. 7. № 2. С. 94–102; *Хлынина Т.П.* Проблемы государственного строительства и федеративных отношений на Северном Кавказе // Российская история. 2011. № 5. С. 203–207; *Хлынина Т.П., Урушадзе А.Т.* Проблемы управления полиэтничным регионом: исторический опыт и современные задачи // Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона. Ростов н/Д, 2012. С. 33–54.

[3] *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012.

Последним исследованием, выполненным под ее непосредственным руководством, стал проект «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований «Нации и государство в мировой истории» Отделения историко-филологических наук РАН на 2012–2014 гг. В рамках данного проекта, как, впрочем, и других, наряду с традиционной для историков работой в архиве, Т.П. Хлынина широко использовала опросы. В частности, были проведены интервью с представителями ряда культурно-национальных объединений и национальных обществ – армянами, дагестанцами, евреями, осетинами, украинцами, шапсугами. Результаты исследований были представлены в статьях[1], сборниках материалов и итоговой монографии[2].

В 2009–2011 гг. Т.П. Хлынина участвовала в реализации научно-исследовательского проекта «Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг.» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН (руководитель – Е.Ф. Кринко). В рамках данного проекта она исследовала вопросы определения границ советского повседневья, организации досуга и быта советского человека, эволюцию образов Запада в представлениях советского человека и другие

---

[1] *Хлынина Т.П., Курбат Т.Г.* Евреи Таганрога: между прагматизмом современной жизни и традиционными ценностями // Социс. 2011. № 9. С. 97–101; *Хлынина Т.П.* Украинская диаспора Ростовской области: механизмы и практики поддержания этнического самосознания // Былые годы. 2012. № 2 (24). С. 62–68; *Хлынина Т.П., Курбат Т.Г.* «Армяне Таганрога» как гражданский проект и досуговая практика // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2012. С. 216–222; *Хлынина Т.П.* Лидеры общественных организаций и население Республики Адыгея о роли Российского государства в решении проблемы репатриации соотечественников // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – V. Пятигорск, 2013. С. 325–330; *Ее же.* Нациестроительство и современные этнополитические процессы на Северном Кавказе // Лавровский сборник: материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2013. С. 597–602; *Ее же.* «На Северном Кавказе мы не застали оформленных наций»: советские практики нациестроительства и их региональные особенности // European Researcher. 2014. № 1–1 (66). С. 42–48; *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф.* Национальный вопрос и институциональные практики его разрешения на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2014. № 4. С. 44–50.

[2] Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики: материалы заочного круглого стола. Ростов н/Д, 2012; Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: сборник научных статей и материалов. Ростов н/Д, 2013; *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014.

сюжеты[1]. Указанные сюжеты вошли и в изданную по итогам проекта коллективную монографию[2].

Продолжением работы того же исследовательского коллектива стал проект «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)», реализованный в рамках гранта РГНФ в 2012–2013 гг. (руководитель – Е.Ф. Кринко). В ходе выполнения проекта Т.П. Хлынина проработала ряд фондов в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО), Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве экономики, Центральном государственном архиве города Москвы, принимала участие в записи интервью с очевидцами событий военных лет. Собранные и изученные ею источники позволили раскрыть роль писем, дневников и устных рассказов в отражении семейных историй, организацию и освоение жилого пространства в предвоенные и военные годы, другие аспекты проблемы, что нашло свое отражение в опубликованных статьях и итоговой монографии[3].

[1] *Хлынина Т.П.* Досуг и быт советского человека образца 1920-х гг. в пространстве истории повседневности: опыт одной реконструкции // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2009. Вып. 9. С. 209–224; *Ее же.* Повседневный мир советского человека эпохи раннего тоталитаризма: от концептуального осмысления к жанру исторического комментария // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сборник статей. Ростов н/Д, 2009. С. 16–36; *Ее же.* Запад в восприятии советского человека 1920-х годов // Российская история. 2010. № 5. С. 38–48; *Ее же.* «Кто более матери-истории ценен?»: красноармейцы и инвалиды в системе социального обеспечения (1920-е – начало 1930-х гг.) // Проблемы российской истории: научный ежегодник. М.; Магнитогорск, 2010. Вып. X. С. 118–126; *Ее же.* Пространство повседневной жизни советского человека 1920-х – 1930-х гг.: границы, социальные функции, практики освоения // Сумський історико-архівний журнал. 2011. № XVI–XVII. С. 142–149 и др.

[2] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011.

[3] *Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени как исследовательский проект // Былые годы. 2012. № 3 (25). С. 98–105; *Ее же.* Жизнь в эпоху перемен, или о том, как в 1920-е – 1940-е гг. в советской России решался жилищный вопрос // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 3. С. 54–62; *Ее же.* Частная жизнь советского человека в двух дневниках периода Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 2013. № 1. С. 66–72; *Khlynina T.P.* Family and Family Relationship in Oral Recollections by Veterans of the Great Patriotic War // European Researcher. 2013. № 3–1 (43). P. 549–554; *Хлынина Т.П.* Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 56–69; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д, 2013.

В 2014 г. была начата реализация еще двух грантов РГНФ с участием Т.П. Хлыниной в качестве основного исполнителя – «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны» (руководитель – академик Г.Г. Матишов) и «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны» (руководитель – доктор исторических наук М.А. Рыблова). На основе документов ГАРО, ЦДНИРО и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации Т.П. Хлынина исследовала новые для нее вопросы эвакуации гражданского населения, строительства оборонительных сооружений, санитарного состояния войск и фронтовой повседневности[1], детского восприятия событий Великой Отечественной войны[2]. Итоговые монографии по данным проектам, включавшие подготовленные ею материалы, как и ряд других публикаций, вышли уже после того, как ее не стало[3].

Неизменно высокое качество было присуще научно-редакционной работе Т.П. Хлыниной. Еще в Майкопе под ее редакцией вышли 8 номеров «Информационно-аналитического вестника» АРИГИ, 3 выпуска тематического сборника «Вопросы казачьей истории и культуры», 3 выпуска сборника статей филиала РГСУ в городе Майкопе «Социальные науки и социальная работа»/«Социальные науки и социальные технологии», юбилейный сборник в честь

[1] *Хлынина Т.П.* «А потом я услышал это странное слово…»: эвакуация в воспоминаниях очевидцев и партийных документах Ростовской области // Военный сборник. 2014. Т. 3. № 1. С. 33–40; *Khlynina T.P.* "In order to strengthen the protection of Rostov mobilized population": the construction of fortifications autumn 1941 – summer 1942 // Былые годы. 2015. № 2. С. 434–441.

[2] *Кринко Е.Ф., Курилла И.И., Рыблова М.А., Хлынина Т.П.* Детство Великой Отечественной: историография, память, проблемы поля // Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград, 2014. С. 6–17; *Khlynina T.P.* Tales of War: Childhood Memories of Elderly People // Былые годы. 2014. № 1 (31). С. 49–55; *Ее же.* Проблемы деятельности санитарной службы Юго-Западного (Сталинградского, Донского) фронта по обеспечению боеспособности личного состава (1942–1943 гг.) // Вестник Южного научного центра. 2015. Т. 11 № 2. С. 78–86 и др.

[3] *Arkhipova E.V., Krinko E.F., Ryblova M.A., Khlynina T.P.* Children of Stalingrad Talk about Themselves: Characteristics and Problems of Recording the Memories of Witnesses // Русский архив. 2015. № 4. С. 256–266; *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 46–55; *Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Архипова Е.В., Курилла И.В., Назарова М.П.* Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград, 2015; *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Медведев М.В.* Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). Ростов н/Д, 2016 и др.

Н.Ф. Бугая[1] и другие работы. В Ростове-на-Дону Т.П. Хлынина выполняла научно-редакторскую работу по подготовке к изданию ряда сборников материалов конференций и круглых столов. Кроме того, в 2014–2015 гг. она была главным редактором журнала «Русская старина» и членом редколлегии журнала «Русский архив».

Необходимо отметить, что Т.П. Хлынина принимала активное участие в научно-организационной работе, была членом и заместителем председателя оргкомитета ряда всероссийских и международных конференций, проводившихся ЮНЦ РАН и ИСЭГИ ЮНЦ РАН[2].

Переехав в Ростов-на-Дону, Т.П. Хлынина продолжила преподавательскую деятельность, хоть и в значительно меньшем объеме. В Донском государственном техническом университете она вела историю и культурологию. Лишь в последние полтора года жизни по состоянию здоровья ей пришлось отказаться от преподавания, но она не теряла надежды к нему вернуться. Уже находясь на длительном больничном, согласилась возглавить магистратуру по историческому образованию в Таганрогском институте им. А.П. Чехова (филиале) РГЭУ (РИНХ), разрабатывала рабочие планы и программы.

Профессиональная судьба не дала Т.П. Хлыниной возможности руководить аспирантами и докторантами, хотя, безусловно, она могла создать яркую плеяду учеников, продолжавших разработку поднятых ею проблем, и собственную научную школу. В то же время Т.П. Хлынина неоднократно выступала официальным оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций, готовила отзывы ведущей организации или писала собственные отзывы на диссертационные исследования. И даже к этим, казалось бы, «ходульным» формам относилась творчески, находя в каждой рецензируемой работе свою «изюминку», сочетая внимательный критический разбор с доброжелательностью к соискателям. Это хорошо знали не только в регионе, но и в Москве: порой ее оценка служила немаловажным основанием для вынесения соответствующих решений по присуждению ученой степени. Никогда не отказывала она в профессиональной помощи и другим коллегам, особенно начинающим исследователям.

---

[1] Народы и власть в истории России: проблемы исследований: сборник научных статей, посвященных 60-летию со дня рождения Н.Ф. Бугая. Майкоп, 2002.

[2] Всероссийские научные конференции «Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации» (14–15 сентября 2011 г.), «Национальная политика и модернизация системы управления на юге России: исторический опыт и современные вызовы» (27–28 сентября 2012 г.), «Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности» (3–4 октября 2013 г.), «Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития» (17–20 сентября 2014 г.)», международная научная конференция «Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития (3–45 октября 2013 г.) и др.

Татьяна Павловна прожила короткую, но яркую жизнь, успев сделать неимоверно много за отпущенное ей время. Статьи и материалы, представленные в данном сборнике, позволят представить ее отдельные черты как человека, ученого, преподавателя. Но широта и разнообразие ее научного и научно-педагогического наследия обуславливают необходимость его дальнейшего специального изучения.

Историографическая эпистема Хлыниной

А.П. Скорик

В исторической науке историография является вспомогательной дисциплиной, но ни одно серьезное историческое исследование не обходится без историографического анализа. Специалистов-историографов среди профессиональных историков в количественном отношении не так уж много, а историографов по типу мышления, по познавательной форме мировосприятия, по генерированию нового знания, по стилю жизни еще меньше, ибо вписаться в когнитивные пределы исторической эпистемологии довольно сложно. Но именно к числу таких людей и профессионалов, как мы полагаем, относилась Татьяна Павловна Хлынина. По крайней мере, в личной памяти автора она такой останется навсегда...

Нас по жизни с ней связывали по большей мере профессиональные контакты и особенное межличностное общение, которое обычно сближает коллег на почве общего исследовательского интереса. Если Татьяне Павловне я дарил какую-то очередную свою книгу или вышедшую монографию своих учеников, она всегда с улыбкой вопрошала: «И когда Вы всё успеваете?!», хотя сама публиковалась очень много и достаточно часто, демонстрируя различные познавательные формы исторического процесса и широту профессионального видения. Преимущественно интересующий нас исторический период 1920–1930-х гг. входил и в ее поле исследовательского внимания, что и подпитывало во многом наше профессиональное общение.

Татьяна Павловна выстраивала свои историко-познавательные взгляды на известных и признаваемых историками принципах объективности, системности, социального интереса, альтернативности, историзма, которые очерчивают креативные возможности мнений, концептов, теорий по отношению к различным историческим периодам. Однако делала она это как-то по-своему легко, живо, напористо, увлекательно, поистине захватывающим образом,

когда при общении создавалось впечатление, будто сама Татьяна Павловна проживает в реконструируемой социальной реальности. Хлынину никогда нельзя было ни на йоту заподозрить в предвзятости: если что-то говорила, то именно так и думала. Ее честность, искренность, порядочность и глубокий профессионализм по жизни преподносили ей немало недругов, но назвать Татьяну Павловну конфликтным человеком категорически нельзя.

Мы обозначили свои заметки на полях творческого полета мысли и жизни Хлыниной как описание индивидуальной историографической эпистемы, и это не случайно. Татьяна Павловна настолько основательно изучала интересующие ее историко-культурные пласты, настолько глубоко вникала в мельчайшие детали конкретного исторического источника, настолько тщательно «взрыхляла» познавательную почву, что рождавшееся в ее персональной исследовательской лаборатории историческое знание давало интереснейшие выходы в смежные отрасли наук. Она никогда не боялась делать предположения об альтернативах исторического процесса и всегда последовательно объясняла, на чем именно они строятся, но отнести ее к приверженцам футурологической функции исторической науки нельзя. Мыслительные представления Хлыниной скорее ограничивались продуцируемым образом исторической вероятности. Плодом ее такой индивидуальной исследовательской траектории, открывающей новое эпистемное пространство, становились доклады на пленарных заседаниях конференций, проводившихся в ЮНЦ РАН.

Одно из многих ярких личных историографических воспоминаний, связанных с Т.П. Хлыниной, отложилось у меня после обсуждения моей статьи об известном профессоре Ростовского государственного университета А.И. Козлове[1]. Татьяна Павловна сама мне позвонила и сказала, что статья ей понравилась, поделилась своими размышлениями о сложности этого жанра исторических работ, сочетающих анализ индивидуальных творческих достижений и описание особенностей человеческой судьбы известного ученого, и высказала добрые пожелания по опубликованному материалу. Услышать высокую оценку от историографа, конечно же, было приятно. Однако когда я ей об этом сказал, то она ответила: «А почему бы не порадоваться чужому успеху, если действительно здорово получилось?!»

Описанный эпизод отражает персональную исследовательскую позицию Татьяны Павловны: она очень внимательно отслеживала историографические и исторические публикации по интересующей ее проблематике и не только, для себя фиксировала выходящие

[1] *Скорик А.П.* Донской историк Александр Иванович Козлов // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 109–115.

работы коллег. Потом это находило отражение в авторских научных статьях и монографиях, а нередко и в соавторских трудах, ибо по определению Хлынина исповедовала потрясающую открытость к научному диалогу и сотрудничеству. У нее была удивительная память на детали человеческого микромира, причем как по отношению к историческому прошлому, так в общении с кругом людей, которые входили в ее личное профессиональное пространство. Она в разговоре нередко вспоминала мельчайшие детали из прошлых встреч и живо интересовалась фрагментами человеческой судьбы собеседника. Она искренне умела сопереживать, по-доброму сочувствовать и непременно передавала приветы общим знакомым. Такой ненавязчивый стиль общения и человеческого внимания всегда подкупал своей свободой мировосприятия и мягкой иронией на грани легкого сарказма. Она умела очень предметно и необидно пошутить, отмечая особенности микромира конкретного человека, непременно сохраняя уважение к собеседнику.

Татьяну Павловну отличали особая деловитость и склонность к системному анализу практически во всем: от рассмотрения изучаемой научной проблемы до объяснения банальной житейской ситуации. Разложить всё исключительно «по косточкам», постичь сложную «археологию знания», представить свой взгляд на положение вещей – это было в ее индивидуальном стиле историографически структурированного познания, ее бытия исторической мысли. Названные личностные качества сочетались у Хлыниной с безусловным лекторским талантом, профессиональным умением в ходе публичного выступления представить авторскую точку зрения весьма образно и буквально с цифрами на руках, с тезисом и антитезисом в изложении авторской позиции, с целеполаганием и разъяснением использованного ею способа решения научной задачи, с познавательной конфигурацией и мультимедийной презентацией, с речевой акцентуацией и доброжелательным обращением к слушающей публике, с подчеркиванием реальных заслуг коллег и непременным обозначением неизученных проблем, никоим образом ни кичась при этом своими познаниями и научными достижениями.

Татьяна Павловна относилась к числу профессиональных историков, которые могут аргументированно поставить интересную научную проблему и последовательно отстаивать при этом занятую позицию. Она была истинным диспутантом и полемистом, и не потому, что ей не требовалось каждый раз, образно говоря, лезть за словом в карман, а потому что для нее муза Клио никогда не была простой фигурой речи, и в момент дискуссии она поистине преображалась в эту самую молодую женщину с одухотворенным, наполненным глубокой мыслью лицом, готовую поделиться с окружающими искусной чашей с напитком знания. С ней мы отнюдь не

всегда соглашались, но ее принципиальность, безусловно, вызывала уважение. Хлынина никогда не спорила по пустякам, но, участвуя в научной дискуссии, полемизировала мастерски, с явным достоинством, с симптоматичными примерами, с интересными фактами, с легкой улыбкой на устах. Причем это не было неким «боем титанов», а по-хорошему оживляло профессиональное общение.

И еще одно замечательное личное качество Татьяны Павловны нам припоминается. Она являлась вдумчивым научным редактором, но работала без особого фанатизма. Делала свою работу профессионально, доброжелательно и точно в отведенное время. Если моя рукопись попадала к ней, то можно было не сомневаться, что все шероховатости и неточности будут замечены и настойчиво предъявлены к исправлению. Такая конструктивная критика всегда помогала добиться искомой научной презентации текста и «прозрачности» изложения. Научные сборники, выходившие под ее личным патронажем, составляют одну из примечательных частей моей авторской библиотеки.

А в завершение личных заметок о Татьяне Павловне хотелось бы высказать искреннее человеческое сожаление о ее совершенно безвременном уходе, о том, что далеко не всегда мы использовали имевшиеся возможности для дружеского общения. Татьяна Павловна Хлынина останется в нашей памяти искрометной кометой профессионального таланта, мерой любви к исторической науке, дружелюбным фейерверком симптоматичных фраз и оценок, планетой человеческой душевности, примером российской интеллигентности, образцом интеллектуального подвига и фантомом непостижимого женского очарования.

Исторические источники в работах Т.П. Хлыниной

Е.Н. Бадмаева

Татьяна Павловна Хлынина – известный и авторитетный российский историк, внесший значительный вклад в современную историческую науку. Об этом свидетельствует и большое количество работ, статей, опубликованных в центральных и региональных изданиях, а главное – востребованность ее идей и научных разработок нынешним поколением историков, которое постоянно обращается и возвращается к трудам признанного, несмотря на сравнительно молодой возраст, крупного исследователя отечественной истории. На значимость ее работ указывает высокий индекс цитирования в реферируемых научных периодических изданиях. А число ссылок на публикации ученого в научном мире , как известно, о многом говорит и многое значит. В исследовательском плане Т. Хлынину трудно с кем-то перепутать, у нее особая, отличительная от всех творческая индивидуальность, свой неповторимый «хлынинский» стиль и язык. Как писал калмыцкий поэт Д. Кугультинов: «У каждого из слов своя душа, на душу говорящего похожа».

Татьяна Павловна из когорты тех настоящих ученых-историков, которым присущ широкий взгляд на исторический процесс, раскрываемый в явлениях человеческой жизни, деятельности отдельных лиц и включающий в рассмотрение весь спектр проблем жизни народов и государства: экономические, социальные, духовные и др. Татьяна Павловна изучала историю народов Северного Кавказа не только через событийный ряд, но также через постижение внутреннего мира, частного и социального поведения, представлений о мире, повседневного бытия человека. Она не была отстраненным ученым, которому интересны только факты и цифры, безусловно, важные для историка. Для нее как исследователя характерен гражданский взгляд на развитие общества, судьбы людей, которые в противоречивом XX в. пережили множество трагических событий,

повлиявших на ход истории. И потому о ней нельзя сказать, что это Нестор-летописец, ученый в башне из слоновой кости, беспристрастно описывающий дела минувших дней. Исследуя, например, такие сложные, деликатные обществоведческие проблемы, как национальный вопрос, межнациональные отношения, она старается, не принижая достоинство того или иного этноса, не сталкивая их «лбами», с объективных позиций осветить противоречивое прошлое народов, что особенно трудно сделать, изучая такой непростой регион, как Северный Кавказ. Она не приукрашивает историю, не затушевывает отдельные негативные факты, тщательно изучает и анализирует их. Как ученый с ответственной гражданской и гуманистической позицией, в первую очередь, стремится высветить то лучшее, хорошее, что сближает людей разных национальностей, культур, традиций, обычаев, религиозных убеждений и т.д., способствует укреплению многонационального российского сообщества народов.

О Татьяне Павловне с полным правом можно сказать, что она нациестроитель, ученый и гражданин, формирующий общероссийскую идентичность. В своих работах, в которых рассматривается история северокавказских народов, ученый, смело проникая в «толщу веков», пытался найти в прошлом ответ на вечный «проклятый вопрос», актуальный и в наши дни: как обустроить Россию без конфликтов и потрясений? Историк как мостик между прошлым, настоящим и будущим, связующее звено межвременного диалога. Ведь история сегодня — это постоянно продолжающийся, постоянно возобновляемый диалог современности с прошлым, который должен предостеречь современное общество от повторения совершенных в прошлом ошибок, во всяком случае, настоятельно напоминать о необходимости учиться на горьком историческом опыте. Уроки прошлого позволяют обществу развиваться и двигаться вперед с меньшими потрясениями, без катаклизмов и потерь. Проблематика исторического исследования о прошедшем времени вне сомнения так или иначе диктуется, задается современностью и проецируется на будущее.

В сфере разнообразных научных интересов Т.П. Хлыниной, характеризующих ее как пытливого и разностороннего ученого, – теория и методология исторического познания, советская национальная политика, повседневная и частная жизнь советского человека и т.п. Хорошая профессиональная подготовка, совершенное владение важнейшими методологическими принципами, методами, приемами и способами исследования, обладание целостной системой знаний, основанной на обширных познаниях истории, философии, права, этнологии, этнографии, филологии, социологии, культурологии, подкрепленных циклом знаний по экономике, демографии,

естествознанию, географии, способствовали написанию серьезных работ по истории северокавказских республик и народов и другим научным проблемам.

В ряду сильных сторон ее исследовательской системы можно назвать широкое использование различного спектра исторических источников. В современных исследованиях историческими источниками принято считать все, что создано в процессе деятельности людей, несет информацию о многообразии общественной жизни и служит основой для научного познания. Есть множество определений исторического источника, данных в разное время российскими и зарубежными учеными. Непосредственно этого понятия (не давая самого определения), его содержания, места в системе современного исторического знания и использования исторических источников в научных исследованиях касается и Т.П. Хлынина в монографии, написанной совместно с доктором исторических наук Е.Ф. Кринко[1]. В главе 4 указанного исследования «Исторические источники и перспективы дальнейшего изучения северокавказской истории 1920–1940-х гг.» представлен сюжет «о месте источника в современной системе исторического познания и его воздействии на характер и современные практики изучения прошлого». Авторы объясняют свое обращение к теоретико-методологической проблеме «возрастающей ролью методологии и теоретического источниковедения в работе историка, ее увеличивающейся зависимостью от эпистемологических новаций последнего времени»[2]. Исторический источник, документ – необходимый и важный компонент научного исследования: «При всей неоднородности современного историографического пространства, его перенасыщенности методологическими и теоретическими новациями критерием научности исторического познания по-прежнему остается его опора на исторический источник». По словам авторов, «единственная доступная исследователю реальность заключается в документе, в этом “следе, который оставили после себя события прошлого”»[3].

Какими же историческими источниками пользовалась Т.П. Хлынина в своих исследованиях? На основании знакомства с ее работами видно, что исследователь тщательно изучил и использовал документы федеральных архивов – Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории; ведомственного Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации; региональных государственных архивов Ростовской области, Краснодарского края, Республики Северной

[1] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009.

[2] Там же. С. 6.

[3] Там же. С. 203, 204.

Осетии – Алании, Республики Адыгея, Карачаево-Черкесской Республики; Центра документации новейшей истории Краснодарского края, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Центра документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики, Центрального государственного архива историко-политических документов Республики Северная Осетия – Алания. Она также исследовала документы, имеющиеся в архивных отделах ряда городских и районных администраций региона, различных ведомственных архивах, фондах центральных и местных музеев. Ее как ученого-историка удручало то обстоятельство, что значительная часть документов по-прежнему закрыта для исследователей. В настоящее время по доступным для исследователей кратким записям постановлений заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) невозможно выяснить мнение того или иного партийного руководителя по принятому вопросу. Еще малодоступны для историков стенограммы заседаний, подготовленных документов к постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б), использование которых позволит не только реконструировать сам процесс разработки и принятия законодательных актов, но показать роль конкретных исторических личностей в принятии тех или иных политических решений.

Серьезные тревоги и размышления возникали у Т.П. Хлыниной в связи с усиливающимся процессом переноса архивного документа в новую, «виртуальную» информационную среду. Нет, в целом она не была против идущего прогрессивного технического процесса, но считала, что научный электронный архив должен иметь официальный статус и гарантировать достоверность своих электронных копий, иначе его массивы могут быть использованы только в ознакомительных целях или нести «переправленную», искаженную информацию. И в этой ремарке, казалось бы, по незначительному вопросу чувствуется беспокойная душа ученого с вполне понятной заботой о достоверности исторических источников и ее высокопрофессиональное отношение к своему любимому делу.

Историческими источниками работ Т.П. Хлыниной стали, в первую очередь, официальные материалы федеральных, региональных, ведомственных архивов. Официальные источники из архивов – важная составляющая ее исследовательских работ. Историк в статье «Источники официального происхождения в пространстве новой локальной истории» дальнейшую судьбу исторической науки связывает «с расширением традиционного для нашей профессии корпуса источников – источников, имеющих официальное происхождение и, как правило, находящихся в архивах»[1]. В другой статье

[1] *Хлынина Т.П.* Источники официального происхождения в пространстве новой локальной истории // Новая локальная история: по следам Интернет-конференций. 2007–2014 гг. Ставрополь, 2014. С. 250–252.

«История и социальная практика: проблемы взаимодействия» она подчеркивает, что «использование архивного документа определяло и по-прежнему определяет научность исторического сочинения и его принадлежность к академической истории»[1].

В своих исследованиях она также привлекает источники личного происхождения (опубликованные и неопубликованные мемуары, дневники, частную переписку), общественного происхождения (периодические издания 1920–1930-х гг., публицистику, сборники тематических документов и материалов), а также статистику. «Книжными» источниками ее исследований становятся опубликованные работы зарубежных и отечественных историков по изучаемой проблематике. В случае с Хлыниной знакомство с ними – это не механическое прочтение чужих работ, а трудоемкий процесс задумчивого чтения, что называется, с карандашом в руках. Поэтому и встречаем в ее работах критический анализ, поддержку или оппонирование мыслей и идей коллег, поиск перспективных направлений изучения проблематики исследования, поэтому столь обширен список использованной литературы и библиография любой ее научной работы.

Исторические источники личного и общественного происхождения явились основой для написания монографий и статей по вопросам истории Северного Кавказа, его социальному развитию, национально-государственному строительству, участию жителей северокавказских республик, краев и областей в войнах и вооруженных конфликтах в 1920–1940-х гг. Т.П. Хлынина в своих работах дает обширные обзоры важных архивных фондов по той или иной научной проблематике, благодаря которым с документами архива познакомились и могут познакомиться многие молодые ученые.

Изучая историю Северного Кавказа 1920–1940-х гг., Т.П. Хлынина исследовала официальные документы, включая гражданскую и военную документацию — законодательные акты, директивную и делопроизводственную документацию государственных, партийных и советских органов, судебно-следственные материалы, документы общественных организаций, статистику и другие источники, характеризующие «заботу государства... о своей истории»[2]. Дальнейшие перспективы в развитии источниковой базы автор тесно связывал не только с вовлечением в научный оборот все новых документов, но и с использованием иных исследовательских подходов, современных методик анализа источников. К числу других перспективных

---

[1] *Хлынина Т.П.* История и социальная практика: проблемы взаимодействия // Российские и славянские исследования: научный сборник. Минск, 2012. Вып. 7. С. 74.

[2] Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 678.

методов изучения источников официального и личного характера, наряду с традиционным источниковедческим анализом, она относит контент-анализ, количественные методы обработки исторической информации, использование новых компьютерных технологий, создание электронных архивов и баз данных и т.п.

Исследуя историографию работ по национально-государственному строительству в СССР, Т.П. Хлынина пишет: «Формирование источниковой базы проблемы национально-государственного строительства на Северном Кавказе происходило одновременно со становлением ее историографии. Первоначально она складывалась из документов официального происхождения, представленных выступлениями, статьями и речами непосредственных участников, руководителей советского государства и национальных автономий в регионе»[1]. Затем стали вводиться разнообразные документальные свидетельства из центральных и в основном региональных архивохранилищ, повествующие о состоянии дел в том или ином регионе. В историографию стали включаться материалы, содержащиеся в первых послереволюционных работах непосредственных участников довоенного социалистического строительства, историков, обществоведов, а также мемуарная литература. Значительный пласт составляют постановления партийных и государственных органов, выступающие юридической основой деятельности Советского государства, закрепляющие правовой статус автономий, краев и областей Северного Кавказа, порядок создания и основные направления деятельности их органов власти и управления, регулирующие работу государственных структур и общественных организаций в центре и на местах в 1920–1940-е гг. В процессе изучения историки значительно расширили географию и тематику используемых источников.

На современном этапе в изучении межэтнических отношений и национальной политики, по мнению Т.П. Хлыниной, наступает «качественно новый этап. Он связан не столько с видовым обновлением традиционно используемых историками документов, сколько с изменением методики их анализа. Основное внимание в ней начинает уделяться, скорее, не объективным показателям, а субъективным факторам и обстоятельствам. В этом отношении дальнейшее развитие источниковой базы процессов национально-государственного строительства на Северном Кавказе будет определяться и современными представлениями о месте и роли исторического документа в постижении прошлого»[2]. Как представлялось

[1] *Khlynina T.P.* Sources on the History of Nation-building in the Northern Caucasus: Species Diversity and the Possibility of Using // Русский архив. 2014. Vol. (3). № 1. С. 5.

[2] Там же. С. 7–8.

ученому, открытие нового пласта архивных источников в связи с демократизацией общества позволило специалистам отказаться от ранее незыблемых представлений об отсутствии проблем в развитии национальных отношений в нашей стране и исследовать ряд новых научных сюжетов. Постепенно происходит обновление фактологической основы исследований в данной области, что находит отражение и в переосмыслении природы и причин образования первых советских республик в регионе. В автореферате кандидатской диссертации Т.П. Хлынина отмечает характерные недостатки региональной историографии по актуальной научной проблематике: «Крайне редко историки национально-государственного строительства обращаются к нормативно-правовым документам и практически не проводят собственные полевые исследования»[1]. Обозначаются и другие недостатки региональной историографии: малое «задействование» документов федеральных архивов, преимущественное разрабатывание фондов местных архивохранилищ.

Вместе с тем Т.П. Хлынина подчеркивает важность обращения к местным архивным материалам: «Так, обращение к фондам региональных архивохранилищ по традиционным для нашей историографии проблемам национально-государственного и административно-территориального устройства народов Северного Кавказа позволяет выявить существенный зазор ("управленческий лаг") в реализации регионами судьбоносных решений центра, а также лоббировании местами собственных интересов»[2]. Правда, в последнее время сложившаяся ситуация с использованием источников с перекосами в ту или иную сторону начинает постепенно выправляться. Историки регионов стали все больше опираться на материалы центральных архивов, при этом активно и творчески привлекая материалы местных архивохранилищ, наблюдения смежных социально-гуманитарных дисциплин. Среди таких региональных работ по национально-государственному строительству можно назвать в первую очередь работы самой Татьяны Павловны, а также Е.Ф. Кринко, К.Н. Максимова, В.Г. Шнайдера и других исследователей.

Как правило, в советское время многие источники по военной теме, прежде всего партийные и советские документы, были засекречены или публиковались в усеченном виде. Доступные исследователям официальные документы не отражали просчетов в деятельности советского руководства, трудностей повседневной жизни населения военного времени, недовольства населения властью.

[1] *Хлынина Т.П.* Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1993.

[2] *Хлынина Т.П.* Источники официального происхождения в пространстве новой локальной истории. С. 250–252.

Естественно, в научных исследованиях также происходил дозированный показ проблем советского общества в годы войны, и сами исследования были ограничены узостью разрешенных для изучения вопросов. Отсюда и появление в регионах в основном идеологизированных работ, показывающих роль партийных (советских, профсоюзных, комсомольских) организаций в боевых победах на фронте, трудовых доблестях в тылу, восстановлении порушенной экономики и т.п.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. начали издаваться материалы о депортациях репрессированных народов, коллаборационизме, бандитизме, дезертирстве и других негативных явлениях военных лет, а также о жизни «наказанных» народов в местах вынужденной ссылки. В российской историографии появились работы Н.Ф. Бугая, К.Н. Максимова, В.Б. Убушаева и других исследователей по указанной проблематике. Источниковая база проблемы расширилась за счет документов из рассекреченных архивов. Комплекс официальных документов и в настоящее время представляет собой основу источниковой базы для изучения истории Северного Кавказа в 1920–1940-х гг.

В то же время появились новые направления исследовательского поиска. Все шире используются воспоминания, письма, устные истории, фольклорные произведения и рассказы очевидцев событий XX в., являющиеся главной источниковой основой изучения социально-психологических аспектов важнейшей научной проблемы. Уместно будет отметить, что Т.П. Хлынина не абсолютизировала свидетельства, полученные как из письменных документов, так и от живого человека. Устные свидетельства должны выступать в качестве полноценных исторических источников, наряду с письменными источниками. Главное, чтобы они раскрывали и показывали подлинную историю государства, общества, судьбу конкретного человека в пространстве и времени.

Новые направления исследовательских исканий российских историков в какой-то мере присутствовали в «арсенале» такого пытливого и разностороннего ученого, как Т.П. Хлынина, о чем говорит знакомство с ее научными работами. В них она не раз говорила о необходимости привлечения в научные исследования самых разных источников, углубления их анализа, расширения самого круга рассматриваемых вопросов, при этом речь должна идти, по ее глубокому убеждению, о качественном переосмыслении имеющегося в распоряжении исследователей материала.

Сегодня эти мысли Татьяны Павловны воспринимаются как завет сегодняшнему и будущему поколению историков, для которых работы Ученого с большой буквы будут всегда иметь огромное значение.

Татьяна Павловна Хлынина: ученый и человек

С.М. Сивков

Среди талантливейших исследователей Северного Кавказа особое место занимает Татьяна Павловна Хлынина. Круг ее интересов был достаточно широк, а область научных интересов многообразна: теория и методология исторического познания, советская национальная политика, повседневная и частная жизнь советского человека. По словам ростовского историка А. Урушадзе, «в круг профессиональных интересов Татьяны Павловны входил широкий набор проблем исторического познания. Среди ее публикаций работы по социальной истории, историографии, исторической памяти и политике. В последние годы Татьяна Павловна много и плодотворно занималась историей повседневности населения СССР в годы Великой Отечественной войны»[1].

Жизнь этого талантливого исследователя началась 9 января 1967 г. в военном городке Сенеже Солнечногорского района Московской области. Она родилась в семье кадрового военнослужащего. Можно предположить, что сама дата рождения Татьяны Павловны определила ее будущую специальность профессионального историка.

В 1989 г. окончила Адыгейский государственный педагогический институт. Дальнейший выбор жизненного пути был сделан в пользу повышения профессиональной квалификации. Она поступила в очную аспирантуру Института российской истории РАН, которую успешно завершила в 1993 г. В этом же году Татьяна Павловна защитила кандидатскую диссертацию по отечественной истории на тему «Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.». Научным руководителем стал известный российский ученый, доктор исторических наук, профессор Николай Федорович Бугай.

Затем поступила в докторантуру Московского государственного областного университета. Через десять лет после защиты

[1] *Урушадзе А.Т.* Жизнелюбивый академизм. Татьяна Павловна Хлынина (9 января 1967 – 10 июня 2015) // Новое прошлое/The New Past. 2016. № 2. С. 328.

кандидатской, в 2003 г., защитила докторскую диссертацию по историографии, источниковедению и методам исторических исследований на тему «Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа, 1917–1937 гг.: проблемы историографии». Ее научным консультантом выступил известный специалист по отечественной историографии, доктор исторических наук, профессор Олег Владимирович Волобуев.

Первичное профессиональное становление Т.П. Хлыниной прошло во время работы в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований (далее – АРИГИ) в Майкопе. Здесь она проделала путь от младшего до ведущего научного сотрудника.

В 2008 г. произошло событие, коренным образом изменившее ее жизнь. Она переехала в Ростов-на-Дону, где начала работу в Южном научном центре РАН. С момента создания Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН работала в нем на должностях ведущего и главного научного сотрудника лаборатории истории и этнографии. Активно участвовала в реализации многих научных проектов, была руководителем и ответственным исполнителем проектов в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН и Отделения историко-филологических наук, а также по грантам РГНФ.

Татьяна Павловна принимала активное участие в преподавательской деятельности. Ее знали студенты в Адыгейском государственном университете, Майкопском государственном технологическом университете, Донском государственном техническом университете, филиале Российского государственного социального университета в городе Майкопе и других вузах. Активно участвовала в издательской деятельности, являясь с 2014 г. главным редактором исторического журнала «Русская старина», членом редакционной коллегии исторического журнала «Русский архив».

Татьяна Павловна Хлынина оставила огромный пласт научных знаний по основным направлениям своей профессиональной деятельности. Ее историографическое наследие –460 опубликованных работ, включая почти 20 монографий, брошюр и коллективных трудов. В настоящее время в базе РИНЦ размещены сведения о 166 ее публикациях (в том числе 51 в изданиях, входящих в список ВАК, а 32 – в ядро РИНЦ), на которые имеется более 560 ссылок, а индекс Хирша составляет 9[1]. Ее работы цитируются в 442 публикациях. Самой цитируемой является совместная монография с Е.Ф. Кринко и И.Г. Тажидиновой[2] – 43 ссылки. Всего к настоящему времени

[1] Хлынина Татьяна Павловна. URL: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=252025 (дата обращения: 02.05.2017).

[2] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Кринко Е.Ф.* Повседневный мир советского человека 1920–1040-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011.

цитируются 65 публикаций Т.П. Хлыниной (почти 40 % от общего количества ее публикаций в РИНЦ). В среднем число цитирований в расчете на одну публикацию чуть менее 2. Сравнительно невысок уровень самоцитирования – менее 10%. Количество публикаций за последние 5 лет (2012–2016) составляет 81 работу (48,8%), а число их цитирований – 160 (28,5%). Притом, что ее не стало еще в 2015 г. Поток цитирований идет с нарастанием, от 1–2 в 1997–2004 гг., 6–10 в 2005–2008 гг. до 20–23 в 2009–2010 гг., 33–53 в 2011–2014 гг. Самые высокие показатели приходятся на 2015 и 2016 гг. – соответственно, 94 и 91 цитирования. Общее число цитирований ее публикаций за последние 5 лет составляет 392 (69,8%)[1]. Это еще одно подтверждение того, что в последние годы Татьяна Павловна вела активную научную деятельность, несмотря на состояние здоровья, и ушла из жизни, находясь на взлете своей научной карьеры.

Более подробный анализ данных, представленных в электронной научной библиотеке elibrary.ru, показывает, что статьи Татьяны Павловны опубликованы в таких ведущих центральных и региональных научных журналах, как «Отечественная история» (с 2008 г. – «Российская история»), «Вопросы истории», «Социологические исследования», «Отечественные архивы», «Былые годы», «Русская старина», «Русский архив», «Культурная жизнь Юга России», «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН», «Вестник Адыгейского государственного университета», «Историческая демография», «Наука Юга России», «Научная мысль Кавказа», «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион» и многих других. Распределение статей по журналам, индексируемым в РИНЦ, выглядит следующим образом.

Больше всего публикаций проиндексировано в российском историческом журнале «Былые годы» (Сочинский государственный университет) – 21. Далее идет журнал Южного научного центра РАН «Вестник ЮНЦ РАН» (в настоящее время – «Наука Юга России», Ростов-на-Дону) – 10. Немало статей опубликовано в журналах научного издательского дома «Исследователь» (Сочи). Наибольшее количество – в журнале «European researcher. Series A» – 8, в журналах «Русская старина» и Русский архив» – по 6, «История и историки в контексте времени» – 4, «Военный сборник» – 3. В ведущем академическом журнале, специализирующемся на истории России, «Российская история» («Отечественная история», Москва) – 5. В ежегоднике «Проблемы российской истории» (Магнитогорский государственный университет) – 4. В кубанском историческом журнале «Голос минувшего» (Кубанский государственный университет, Краснодар), в журналах «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки» (Южный федеральный университет,

[1] Хлынина Татьяна Павловна.

Ростов-на-Дону), «Отечественные архивы» (Москва), «Современные проблемы сервиса и туризма» (Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва), «Историческая демография» (Институт истории, языка и литературы Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар), «Гуманитарная мысль Юга России» (Северо-Кавказский научно-исследовательский институт истории и социокультурных исследований», Краснодар) – по 3.

В ведущем социологическом академическом журнале «Социологические исследования» (Москва), в журналах «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» (Майкоп), «Научная мысль Кавказа» (Южный федеральный университет), «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» (Элиста), «Sochi Journal of Economy» (Сочинский государственный университет), «Научный диалог» (Центр научных и образовательных проектов, Екатеринбург), «Российские регионы: взгляд в будущее» (Москва) – по 2.

Ряд статей опубликован в зарубежных изданиях. В РИНЦ зарегистрированы 5 из них (3 % общего количества публикаций в РИНЦ). 2 статьи опубликованы в украинском журнале «Історичні і політологічні дослідження»/«Исторические и политологические исследования» (в настоящее время – «Журнал исторических, политологических и международных исследований», Донецкий национальный университет). 1 статья опубликована в грузинском научном журнале «Власть и общество (история, теория, практика)» (Ассоциация открытой дипломатии, Тбилиси).

На английском языке опубликовано по 1 статье в словацком журнале «European Journal of Social and Human Sciences» (Университет Матея Бела, Банска Быстрица) и в журнале «Social Sciences» (East View Press, США).

В ведущем российском историческом журнале «Вопросы истории» (Москва), в журналах «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке» (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток), «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС» (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону), «Человек. Сообщество. Управление» (Кубанский государственный университет), «Культурная жизнь Юга России» (Краснодарский государственный институт культуры), «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» («Наука и образование», Краснодар), «Кубань» (Краснодар) – опубликовано по одной статье.

Однако знакомство с полным списком публикаций Т.П. Хлыниной показывает всю ограниченность данных, приводимых на портале

elibrary.ru. Например, в «Вопросах истории» опубликованы 2, а не одна статья, а в «Информационно-аналитическом вестнике. История. Этнология. Археология» 17 статей, большая часть которых не зарегистрирована в РИНЦ.

Среди фундаментальных научных работ Т.П. Хлыниной следует выделить труд «Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии»[1]. Эта монография была посвящена изучению сложного и неоднозначного процесса формирования современной российской историографии ранней советской истории Северного Кавказа. В ней анализировались механизмы создания исторических образов советского прошлого региона, особенности региональной и общероссийской историографий, природы и характера возникновения наиболее острых и дискуссионных историографических сюжетов.

Другой интересной работой стал труд «Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций», подготовленный в соавторстве с Е.Ф. Кринко и И.Г. Тажидиновой[2]. Тем же коллективом была издана работа о частной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны[3].

Удачным опытом изучения системы управления Юга России стала монография «Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона», подготовленная ею по гранту РГНФ в соавторстве с Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе[4]. Работа была посвящена анализу ключевых административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе второй половины XIX–XX вв., предопределивших современное состояние границ региона и учреждение в нем органов власти. В книге рассматривались основные реформы системы управления и соответствующие им административно-территориальные изменения, выявлялись их динамика и обусловленность. Определялись принципы и формы взаимодействия центра и региона. Прослеживалась взаимосвязь между доктринальными представлениями управленческой элиты, потребностями развития страны и формированием административных практик интеграции региона

[1] *Хлынина Т.П.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003.

[2] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. …

[3] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д, 2013.

[4] *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012.

в российское государственное пространство. Выявлялась роль профессионального сообщества в формировании бытующих на протяжении последних двух столетий представлений о разбалансированности власти и слабой управляемости регионом.

Татьяна Павловна всегда быстро откликалась на предложения принять участие в различных конференциях. Так, например, она участвовала и в нашей заочной конференции, представив доклад «“Казаки просят автономию, а нации такой нет…”: случай Притеречного округа». Он был опубликован в сборнике «Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты»[1].

Вспоминается и еще один случай. Увидев в ЮНЦ РАН нас, краснодарцев, Татьяна Павловна задала вопрос: почему мы не всегда заходим к ней в кабинет? Ведь у нее всегда есть интересные материалы по нашей проблематике. Это замечание мы постарались учесть и всегда ее посещали.

Татьяна Павловна покинула нас 10 июня 2015 г. Не хочется верить в это, как и в то, что мы не смогли поздравить ее с 50-летним юбилеем.

[1] *Хлынина Т.П.* «Казаки просят автономию, а нации такой нет…»: случай Притеречного округа // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты: сборник статей 2-й международной научной конференции / под ред. С.М. Сивкова. Краснодар, 2014. С. 237–244.

Памяти ученого, историка, коллеги

А.И. Тетуев

Научная и творческая деятельность Татьяны Павловны Хлыниной была поистине безгранична. Ее кандидатская и докторская диссертации были посвящены вопросам национально-государственного строительства на Северном Кавказе и их отражению в отечественной историографии. Помимо этих проблем она занималась исследованием проблем исторического познания, взаимоотношений истории и политики, социальной историей и повседневной жизнью в советский период.

Татьяна Павловна была настоящим человеком науки. Она постоянно занималась поиском новых научных проблем и идей, которые в большинстве своем впоследствии реализовывались в научных изданиях. Татьяна Павловна Хлынина – автор более 400 научных и научно-методических трудов. Она внесла весомый вклад в развитие исторической науки, ее труды заслужили общественное признание и получили высокую оценку ведущих отечественных и зарубежных ученых[1].

Своими работами Татьяна Павловна внесла значительный вклад в исследование проблем национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Научная новизна ее работ заключается в том, что она одной из первых, опираясь на архивные

[1] В качестве наиболее значительных работ следует указать: *Хлынина Т.П.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003; *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011; *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д, 2013; *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014 и др.

документы, провела комплексный анализ истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе на протяжении непростого периода 1920–1930-х гг. В ее трудах на основе анализа уже опубликованной научной литературы исследуется историография проблемы, особенности и специфика национальной политики и национально-государственного строительства на Северном Кавказе в советский и постсоветский периоды.

Особой заслугой автора является умение четко выделить в условиях реформирующегося общества предмет исследования: эволюция, опыт, тенденции национально-государственного строительства на Северном Кавказе, поиск оптимальных путей гармонизации межэтнических отношений. Автор на основе сравнительного анализа национально-государственного строительства у народов региона показывает его эволюцию, что позволяет более полно и объемно представить изменения, последовавшие уже в условиях новой России.

Научные работы Татьяны Павловны производят яркое впечатление и содержанию, и по оформлению. Их всегда отличает высокий профессионализм, глубина и тонкость анализа проблем, желание автора видеть Российскую Федерацию единым демократическим государством, где обеспечиваются права человека для представителей всех народов, независимо от их численности. В целом труды Т.П. Хлыниной представляют собой значительный шаг в исследовании проблем национально-государственного строительства на Северном Кавказе.

Талант Татьяны Павловны как ученого сочетался с ее яркими организаторскими качествами. Она являлась инициатором подготовки и проведения многих научных мероприятий, конференций, форумов, круглых столов, в которых мне неоднократно посчастливилось участвовать. На любом месте и в любое время проявляла высокую ответственность, профессиональное отношение к делу, доброжелательность и стремление помочь людям. Необыкновенная личная скромность сочеталось в ней с умением отстаивать свою позицию.

Для своих учеников и последователей Татьяна Павловна была справедливым и доброжелательным учителем-наставником, на своем личном примере ежедневно доказывающим преданность науке. Многим и многим она открыла дорогу в науку, хоть и не являлась научным руководителем кандидатских и докторских диссертаций. И все же многие молодые ученые благодарны ей за свои первые шаги в науке. Человек большого жизнелюбия и неиссякаемой энергии, Татьяна Павловна пользовалась заслуженным авторитетом и уважением среди ученых, коллег и друзей.

Прошло более года, как ее нет с нами, талантливого ученого, чьи труды пользуются повышенным спросом среди ученых и граждан нашего Отечества и надолго переживут их автора. Имя Татьяны Павловны запомнится всем, кто ее знал, человека высочайшей культуры, беспредельной честности и безграничной доброты.

Историк по призванию

К.Г. Ачмиз

К сожалению, лично знать Татьяну Павловну мне не довелось, хотя с ее супругом, Евгением Федоровичем Кринко, меня связывают дружеские узы и многие близкие нам проблемы исследований, в первую очередь, неисчерпаемая тема Великой Отечественной войны. Как человек неравнодушный к проблемам истории Адыгеи XIX–XX вв., я внимательно следил за научными публикациями и на эту тему. Меня интересовали вопросы национально-государственного становления горских народов. Еще в студенческие годы, обучаясь на физико-математическом факультете Адыгейского государственного педагогического института, я серьезно занимался этими проблемами. Уже тогда пытался найти ответы на вопросы, связанные с разным государственно-правовым статусом существовавших в СССР наций и народностей.

В 1966–1968 гг. в научных кругах шла оживленная дискуссия по проблемам наций и национальных отношений в СССР, начатая по инициативе журнала «Вопросы истории». Подвергалось критике определение нации, данное И.В. Сталиным в его работе «Марксизм и национальный вопрос» в 1913 г. Я изучил все материалы дискуссии, написал работу «Основные идеи К. Маркса и Ф. Энгельса по национальному вопросу» для студенческой научной конференции. Работа получила высокую оценку и была рекомендована на всесоюзную студенческую конференцию. Я состоял в переписке с профессором Московского государственного университета, доктором философских наук М.С. Джунусовым, одним из ведущих специалистов по этим проблемам в стране, и рассчитывал, что он впоследствии станет моим научным руководителем в изучении проблем межнациональных отношений. Многие философские работы Маркса, Энгельса, Гегеля, Фейербаха, Канта, Аристотеля, Бэкона, Юма и других авторов были мною внимательно изучены. Но, к сожалению, АГПИ

не выделили места в аспирантуру. Тем не менее интерес к этой проблематике у меня не иссякал, и я пытался не пропускать публикации на эту тему. В первую очередь, это касалось трудов наших местных, или, как говорят сегодня, региональных исследователей.

Когда началась перестройка, заметно возрос интерес людей к своему историческому прошлому. В тот период историки были востребованы. Их приглашали на различные круглые столы, тематические вечера для чтения лекций в многочисленных аудиториях, и проводимые мероприятия всегда имели широкий резонанс. Залы домов культуры, учебных заведений были забиты до отказа. Становление Татьяны Павловны как профессионального историка проходило именно в это удивительное время. Интерес к истории Адыгеи ее жителей, независимо от национальности, был также велик. Это было связано с тем, что на Кубани освещение исторического прошлого региона приобрело несколько искаженный характер. Некоторые историки Краснодарского края упорно не хотели признавать, что адыги (черкесы) являются автохтонным населением Северо-Западного Кавказа и Кубани в целом. Примером тому может служить решение краевых властей широко, помпезно отметить в 1988 г. 150-летие со дня основания Сочи (Саше), Туапсе, Новороссийска (Бата), которые были отмечены еще на древних греческих картах II в. до н.э. Самое удивительное состояло в том, что ни 100-летие, ни 125-летие этих древних населенных пунктов, принадлежавших предкам адыгов – черкесам, никто не отмечал, да и само проживание на этой территории коренного населения – черкесов – в ученом мире никто до перестройки не отрицал. Датой же основания этих населенных пунктов была избрана дата высадки десанта царских войск и закладки фортов в годы Кавказской войны, закончившейся в 1864 г. национальной катастрофой и изгнанием подавляющей части адыгского (черкесского) этноса со своей исторической родины в Османскую империю. Форты, конечно же, закладывались не на пустом месте, а в ходе ожесточенного военного штурма хорошо вооруженными царскими войсками населенных пунктов и изгнания местного населения.

Было весьма печально, что даже в условиях расширяющейся гласности историческое прошлое адыгского народа оказалось беззащитным перед некомпетентностью партийно-государственного руководства Кубани и поддакивающей этому руководству группой кубанских историков. В чем только не обвиняли интеллигенцию Адыгеи на партийных пленумах и различных совещаниях! На собрании актива Краснодарской краевой партийной организации в мае 1988 г. в докладе первого секретаря крайкома КПСС И.К. Полозкова отмечалось: «Но не следует закрывать глаза на тот факт, что у части населения не изжиты элементы националистического сознания.

Проявляются они порой у интеллигенции и студентов. Кое-кто на их разжигании пытается нажить некий капитал. Так, были попытки воспрепятствовать проведению праздников городов Сочи и Туапсе, посвященных исторически достоверной дате их зарождения – 150-летию»[1]. Относилось все это к интеллигенции и студенчеству Адыгеи.

Тогда областной комитет КПСС поручил Адыгейскому научно-исследовательскому институту экономики, языка, литературы и истории (АНИИЭЯЛИ), в котором я работал в должности ученого секретаря, срочно подготовить и выпустить книгу об Адыгее. И такая коллективная работа «Адыгея: историко-культурный очерк» под редакцией доктора исторических наук профессора Э.А. Шеуджен была выпущена в начале 1989 г. Пятитысячный тираж книги разошелся в считанные недели. В этой коллективной работе мне принадлежала глава «Победа Великого Октября. Образование Адыгейской автономной области». Так я «прикипел» к проблемам национально-государственного строительства на Северном Кавказе, в частности, в Адыгее, и старался не пропускать ни одной публикации на эту тему, продолжая ее дальнейшую разработку. Этими проблемами весьма плотно занималась и Татьяна Павловна.

Тогда в АНИИЭЯЛИ работало всего 14 научных сотрудников. Однажды, в январе 1987 г., зайдя в читальный зал нашей библиотеки, я обратил внимание на скромную посетительницу, хрупкую девушку, внимательно изучающую какую-то монографию и делающую из нее выписки. Я поинтересовался у заведующей библиотекой С.Я. Зекох о читательнице. Светлана Яхьявна объяснила мне, что эта посетительница – Татьяна Хлынина – является студенткой исторического факультета АГПИ, она пишет дипломную работу, и директор Д.Х. Мекулов разрешил ей пользоваться фондами научной библиотеки. Надо заметить, что в научной библиотеке института, несмотря на период немецко-фашистской оккупации, удалось сохранить много уникальных изданий дореволюционных лет и книги, изданные в первые годы советской власти. Библиотека тогда выписывала десятки научных журналов по различным отраслям знания, таких как «Вестник древней истории», «Советская этнография», «Советская археология» и многие другие. Сам факт присутствия постороннего исследователя в научной библиотеке – обычное, рядовое событие. Но чтобы в библиотеке работала студентка – это, конечно, явление обнадеживающее, вселяющее надежду, что мы вскоре будем иметь дело с серьезным исследователем. Так оно и получилось.

Закончив пединститут в 1989 г., она пришла на работу в отдел истории АНИИЭЯЛИ, который возглавлял в те годы маститый ученый, крупный исследователь социально-экономической истории

[1] Советская Кубань. 1988. 7 мая.

Северного Кавказа доктор исторических наук Б.М. Джимов. У Буба Моссовича молодой сотруднице было чему поучиться. Подавляющее число его работ носили, если можно так выразиться, академический характер и по выходу становились хрестоматийными.

Аспирантскую подготовку в 1990–1993 гг. Татьяна Павловна прошла в ведущем исследовательском центре страны в Москве – Институте истории СССР Академии наук СССР (с 1992 г. – Институт российской истории Российской академии наук). Ее кандидатская диссертация «Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.», написанная под руководством видного историка России, профессора Н.Ф. Бугая, сразу же привлекла внимание научной общественности и заняла достойное место в кругу исследовательских работ по национальным проблемам северокавказского региона. И этой теме она осталась верной до конца своей научной карьеры.

Через 10 лет она успешно защитила там же, в Москве, докторскую диссертацию на тему «Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 г.: проблемы историографии». В роли научного консультанта по этой работе выступил известный отечественный историк и специалист по историографии профессор О.В. Волобуев.

Вполне понятно, что в круг моих интересов входила и тематика исследований Т.П. Хлыниной, в частности, проблемы связанные со становлением национальной государственности на Северном Кавказе, в том числе и в Адыгее. Когда я готовил главу в коллективную работу «Адыгея: историко-культурный очерк», использовал много архивных материалов. С тех пор эта тема стала как бы родной. Полностью согласен с выводами Т.П. Хлыниной о том, что «процесс становления национальных автономий относится к наиболее мифологизированным сюжетам российской истории». Тому есть много объяснений. Здесь наиболее отчетливо «прослеживается воздействие официальной идеологии на формирование представлений о государственности нерусских народов»[1].

Национальная государственность преподносилась «в качестве безусловной и исторически выстраданной ценности». Но при этом не учитывалась практика формирования самосознания самих народов в ходе национального строительства, различные формы получения государственности рассматривались как самостоятельные процессы в их государственно-правовом становлении. На эти парадоксальные моменты в становлении горских народов и обратила свое внимание Т.П. Хлынина.

[1] *Хлынина Т.П.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2003. С. 3.

Общеизвестно, что на начальном этапе становления государственности Адыгеи при Кубано-Черноморском исполкоме была создана Горская секция, преобразованная впоследствии в Горский исполком Кубано-Черноморской области. Устоявшееся в литературе положение о планомерном расширении функций административного аппарата, имевшем целью вовлечение в его работу все большего числа граждан из местного населения и создавшем возможности для образования автономной области, по мнению Т.П. Хлыниной, едва ли можно считать научно обоснованным. По ее мнению, вызванное к жизни течением обстоятельств повышение статуса национальных органов самоуправления, зачастую сугубо номинального, происходило явно стихийно и не позволяет обнаружить в данном процессе логической запрограммированности. Предоставленная автономия, как и предшествующие ей формы государственности, являла собой вынужденное компромиссное образование в системе «национализм – советская власть» и отражала реакцию центра на усиление сепаратистских тенденций[1].

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. До начала горбачевской перестройки считалось, что в нашей стране национальный вопрос в том виде, в котором он достался в наследство от царизма, решен полностью и окончательно. Но при этом за бортом исследований оказались грубейшие нарушения в национальной политике государства, выразившиеся в депортации народов в годы Великой Отечественной войны. При этом, правда, оговаривалось, что КПСС и государственное руководство СССР нашли в себе силы осудить эти грубейшие нарушения, совершенные в годы «культа личности» Сталина, и реабилитировали в середине 1950-х гг. депортированные народы, вернули их на свою историческую родину. Замалчивалась судьба крымских татар, российских немцев Поволжья, турок-месхетинцев, курдов и других национальных меньшинств. Утверждалось, что ленинская национальная политика позволила добиться равноправия и процветания народов СССР. За годы социалистического строительства у нас сложилась новая историческая общность – советский народ, характеризующийся политическим, экономическим и социальным единством. Сближение наций, базирующихся на однотипной экономике и социальной структуре, имеющих общее мировоззрение – марксизм-ленинизм – и одну цель – построение коммунизма – привело к появлению общих черт в духовном облике и психологии всех трудящихся.

Примерно так говорилось с высоких трибун на всех пленумах и партийных съездах КПСС с конца 1950-х гг. Но в годы перестройки

[1] *Хлынина Т.П.* Адыгейская автономная область в 1920-е годы. Процесс создания области // Архив отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. С. 18. Этот текст Т.П. Хлыниной представляет собой раздел, подготовленный для II тома «Истории Адыгеи».

все это монолитное единство рухнуло. Это показала XIX Всесоюзная партийная конференция в июне 1988 г., затем пленум ЦК КПСС, состоявшийся в сентябре 1989 г., обсудивший впервые после 1922 г. проблемы национальных отношений в стране. На партийной конференции была принята платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», а на пленуме ЦК ставилась задача усовершенствовать, сделать полнокровной советскую федерацию, поднять роль и правовой статус национальных автономий, на качественно новый уровень поднять политику и внимание в отношении национальных культур и языков. Но все эти программы, к сожалению, запоздали на десятилетия.

Перестройка обнажила долго скрываемые противоречия советского строя, в том числе нерешенность национального вопроса и его новое обострение. При попустительстве М.С. Горбачева за создание черного мифа об историческом пути, пройденном СССР, взялись «архитекторы» и «прорабы» перестройки. Их усилиями вся история существования советского общества была представлена как сплошная цепь ошибок, которая завела страну в «коммунистический тупик». Стали появляться многочисленные публикации о том, что союзные республики устали кормить Россию, хотя из 15 республик, входивших в состав СССР, лишь РСФСР и Белорусская ССР не были дотационными. Доля потребления в других республиках в 1,5–3,5 раза превышала их вклад в общесоюзную копилку. Исторический образ России и СССР был повсеместно демонизирован: страну представляли как агрессора, а русских – как угнетателей и оккупантов. Свою лепту в искажение исторического прошлого России вносили СМИ и, в первую очередь, телевидение, в телепередачах развернулась настоящая истерия вокруг советской истории. События и процессы 1917–1991 гг. подавались, да и сейчас продолжают подаваться как цепь чудовищных злодеяний коммунистов, а годы существования СССР – как «окаянные годы». Из анналов истории был извлечен давно опровергнутый миф о том, что события октября 1917 г. были не народной революцией, а государственным переворотом, совершенным кучкой зловредных большевиков на немецкие деньги[1]. Представления тогдашнего лидера страны о национальной политике характеризуют его слова, прозвучавшие на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС: «Наш Союз настолько разносторонен, – говорил М.С. Горбачев, – что придется по-разному держать его разные части: одних за ошейник, других – на коротком поводке, третьих на длинном»[2].

---

[1] *Литвиненко В.В.* «Немецкие деньги». Глиноногая ложь антисоветизма – от Керенского до Пушкова // Советская Россия. Улики. 2017. № 98. 13 апреля. С. 2.

[2] *Барсенков А.В.* Был ли СССР обречен на распад? // Живая история. Нет ничего современнее истории. Научно-популярный исторический журнал. 2016. № 12 (18). С. 9.

Хорошо помню, что все эти «концепции» Татьяна Павловна, воспитанная в лучших традициях отечественной историографии, органически не воспринимала. Она не была бездумным приверженцем советской действительности, но искажение истории было для нее недопустимо. И в своих публикациях она аргументировано отражала подобные нападки на национальную политику, которую проводило Советское государство.

Помимо проблем национально-государственного строительства, она плодотворно разрабатывала различные проблемы отечественной истории, в частности проблемы Великой Отечественной войны в контексте социальной направленности исторических исследований. Яркое выступление молодого кандидата наук Т.П. Хлыниной на республиканской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Великой Победы в Майкопе в апреле 1995 г., отличалось новизной подходов в освещении этих событий и определило дальнейшие направления в разработке историографических проблем. В своем выступлении она, в частности, отметила, что высшее руководство страны в кратчайший срок смогло найти формулу национального единения, существенно отличающуюся от «декларативного единства партии и народа предвоенного времени», и признало общество полноправным партнером государства. И далее она делает существенный научный вывод о том, что, несмотря на кратковременный и вынужденный характер подобного сотрудничества, назрела необходимость «поставить вопрос о пересмотре или корректировке утвердившегося тезиса о тоталитарном характере советской государственности в годы войны и поствоенного времени»[1]. Заметим, что это замечание наконец-то удалось реализовать авторскому коллективу 12-томного труда «История Великой Отечественной войны», изданного к 70-летию Великой Победы.

Другое направление ее научной деятельности состояло в том, что она с коллегами обратила внимание на судьбы обычных, рядовых тружеников в период различных социальных катаклизмов. Эта категория людей, как правило, остается в тени, хотя это и есть то самое большинство, которое определяет ход современной истории. Существует затертое клише: народ – творец истории. Но на практике после прочтения десятков и сотен исторических книг складывается впечатление, что жизнь обыкновенного человека ничего не стоит, и он не может влиять и определять ход событий. Вспомним заключительную сцену пушкинского «Бориса Годунова». Как известно, в ее финале звучат слова Мосальского, вышедшего

[1] *Хлынина Т.П.* Проблемы Великой Отечественной войны в контексте «социальной направленности» исторических исследований: срезы историографии // 50 лет Великой Победы: материалы научно-практической конференции, состоявшейся в апреле 1995 года. Майкоп, 1996. С. 152.

на крыльцо «дома Борисова» в Кремле: «Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (Народ в ужасе молчит). Что же вы молчите? Кричите: да здравствует Царь Дмитрий Иванович!» Далее пушкинской рукой написано: «Народ безмолвствует». Чуть ниже: «Конец»[1]. По мнению В. Белинского, «в этом безмолвии народа слышен страшный трагический голос новой Немезиды, изрекающей суд свой над новою жертвою – над тем, кто погубил род Годуновых…»

Все это происходило в период Смутного времени, в самом начале XVII в. По мере прогресса в развитии России роль народных масс постоянно возрастала. В водоворот событий втягивались десятки и сотни тысяч людей. Они все активнее выражали свой протест, становились не винтиками в историческом процессе, а реальной силой. Крестьянские войны под предводительством Степана Разина (1670–1671), Емельяна Пугачева (1773–1775), Отечественная война 1812 г., революционные события 1905–1907 гг., революция 1917 г., Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и другие события способствовали росту самосознания многонационального российского народа.

С помощью таких исследователей, как Т.П. Хлынина, происходила реабилитация жизни и чувств обычных, «маленьких» или «простых» людей. Ученые стали обращаться к проблемам их повседневного существования, что позволило осмыслить не только отдельные фрагменты, но и целые пласты исторической реальности, ранее остававшиеся за гранью их профессиональных интересов. Исследование повседневности заставляет осмыслить не только правила и запреты, регулирующие поведение людей, но и способы увиливания от них, на которых и держится повседневная жизнь[2]. Общеизвестно, что этика повседневного поведения «не сводится к высокоморальным тирадам, а состоит из незначительных, но решающих индивидуальных актов, решений и выборов»[3]. Всеохватность повседневности, проникающей во все без исключения сферы человеческого существования, создает возможность и необходимость применения при ее анализе подходов, сложившихся в других науках. Феномен повседневности находится в центре внимания представителей различных областей гуманитарного и социального знания: философов и социологов, антропологов и культурологов, обусловливая целесообразность осмысления теоретических истоков и предпосылок ее изучения[4].

---

[1] *Пушкин А.С.* Сочинения: в 3 т. Т. 2. Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. М., 1986. С. 426.

[2] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011. С. 9–10.

[3] *Бойм С.* Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 11.

[4] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Указ. соч. С. 11.

Великая Отечественная война с первых же дней внесла серьезные коррективы в устоявшийся быт и складывавшиеся в условиях нового общественного строя, основанного на социалистических принципах организации народного хозяйства и коллективизма, традиции народов Северного Кавказа. Она существенным образом изменила менталитет русского народа. Идеи патриотизма, защиты Родины от иностранного посягательства наполнились новым содержанием. Об этом свидетельствовали многочисленные митинги, состоявшиеся в трудовых коллективах, в том числе общегородские, сходы граждан по месту жительства. Подтверждением тому стало массовое добровольческое движение во всех слоях населения, особенно среди молодежи, воспитанной в новых условиях. Под этим влиянием происходили изменения и в ментальности других народов России. Постепенно сложился своеобразный политико-психологический тезаурус, позволивший единообразно воспринимать формировавшуюся, складывающуюся окружающую социально-политическую реальность, взвешенно оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными, устоявшимися в общности нормами и образами поведения, независимо от пола, национальной принадлежности, адекватно воспринимая и понимая при этом друг друга. С первых дней войны стало складываться единое общественное сознание, единый образ мышления, в основе которого лежала идея патриотизма, защиты Родины от немецко-фашистских захватчиков. Этому в немалой степени способствовали лозунги и патриотические движения, возникшие с первых дней войны, такие как «Фронту надо – сделаем!», «Работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт!», «В труде, как в бою!», «Все для фронта, все для победы над врагом!», движение фронтовых бригад и звеньев, другие инициативы, родившиеся в гуще народных масс. В формировании такого образа мышления решающую роль сыграли партийно-государственные органы и общественные организации северокавказских республик, которые для достижения поставленных целей опирались на традиционные нормы поведения горских народов, а также кодекс «Адыгэ хабзэ».

Толерантность адыгского (черкесского) этноса подтверждается различными сведениями. Одним из уникальных явлений межэтнического согласия, толерантных взаимоотношений черкесов с другими народами выступает присутствие в их среде представителей других народов, считавших родным языком черкесский. В XV в. на территории Зихии (Черкесии) появляется смешанная этническая группа черкесо-франков, когда переплелись интересы двух элит – черкесской и генуэзской. Черкесо-франки жили обособленно в Кафе и других местах, являлись католиками, а в культурном и лингвистическом отношениях почти ничем не отличались от черкесов. Позднее в XVI–XVII вв. в черкесской среде появляется черкесогайское население, сконцентрированное на территории Темиргоевского

княжества в аулах Адыхой, Гяур-хабль, Егерухай и Зути. Кроме того, они были рассеяны еще по 13 черкесским аулам. В июле 1842 г. был уничтожен закубанский черкесогайский (армянский) аул Ермэлхьабл. Сегодня нет на географической и политической карте Северо-Западного Кавказа этих аулов, но в исторической памяти адыгов черкесогаи воспринимаются как яркий пример уживчивости армян и черкесов[1]. Волей обстоятельств в Черкесию вынуждены были переселиться из Абхазии абазины, но при этом они сохранили свой язык и культуру.

Институт гостеприимства получил свое развитие и в годы Великой Отечественной войны. Примером мужества и героизма, проявленного в годы Великой Отечественной войны, можно назвать поступок жителей аула Бесленей Хабезского района Черкесской автономной области. Не побоявшись карательных действий фашистов, шедших буквально по следам обоза с эвакуированными из блокадного Ленинграда детьми, жители аула в течение одного дня забрали их в свои семьи. Их подвиг особенно показателен ввиду того, что не всем детям, эвакуированным в Карачай и Черкесию, к сожалению, удалось спастись. В Бесленее же жителями аула было принято единственно правильное решение: все дети были внесены в похозяйственную книгу сельсовета, и им были даны черкесские имена. Во многом благодаря этому мудрому и дальновидному решению дети были спасены. Мера предусмотрительности была ненапрасной. Русоволосые, светлоглазые дети привлекали внимание фашистских солдат. Самые дотошные из них усердно пытались понять, как среди местных преимущественно смуглых жителей появилась ни на кого здесь не похожая молодая поросль. Но в бумагах был полный порядок. Во время оккупации Бесленея ни один житель не проговорился. Старики, женщины и даже дети аула, верные древней адыгской традиции, рискуя своими жизнями и благополучием своих семей, не подвергли жизнь маленьких приемышей опасности, проявив редкую находчивость и бесстрашие. Эти детдомовские дети шли несколько дней через многие станицы и хутора Краснодарского и Ставропольского краев, но никто не рискнул приютить их у себя.

Актуальность напоминания об этой истории войны на Северном Кавказе обусловлена, прежде всего, нашим стремлением развеять существующий в общественном сознании россиян миф о черкесах как сторонниках сепаратистских настроений. Это не соответствует действительности. Вспомним хотя бы постоянно вбрасывающийся в общественное сознание миф о «Великой Черкесии», десятки раз опровергнутый ведущими учеными и специалистами из самих

[1] *Хотко С.Х.* Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп, 2015. С. 17, 179.

черкесских республик (Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии).

Т.П. Хлынина активно работала в таком научном направлении, как устная история, которое появилось в мировой исторической науке в первой половине XX в. Уникальность устноисторического метода исследования в том, что собранный материал дает возможность погрузиться в историческую эпоху и на основе свидетельств очевидцев глубже понять и осознать социокультурные процессы, происходящие в обществе. При таком подходе и анализе событий «повседневность выступает результатом социального конструирования, вбирающего достаточно длительный исторический опыт, что придает обыденной жизни определенный консерватизм». Но при этом опыт исследования феномена повседневности приводит нас к выводу, что «специфика повседневных форм жизнедеятельности выступает отличительным признаком социальной группы, основой для признания самобытности той или иной культуры»[1].

Особо следует подчеркнуть: все народы России с глубоким уважением относились и относятся к государствообразующему народу – русскому народу, именно с ним связывали свое благополучие и процветание. Эту мысль проводит в своих работах Т.П. Хлынина. Подтверждением тому стали события Первой мировой войны 1914–1918 гг. Возьмем для примера Черкесский полк Кавказской туземной конной дивизии («Дикой дивизии»). Большинство всадников вынуждены были эмигрировать после революции и Гражданской войны. Но даже находясь в эмиграции, они оказались верны боевому братству, сложившемуся в эти годы, когда русские, горцы, казаки, другие представители многонациональной России защищали ее интересы.

В 1942 г. один из лидеров «Дикой дивизии» Султан-Гирей Клыч, имевший задание от вермахта сформировать добровольческий полк из черкесов для борьбы с СССР и для этого специально приехавший в Адыгею, говорил аульчанам: «Я объехал весь мир. Но страны лучше России я нигде не встречал. Русские и только они могут сплачивать, помогать другим народам. В русском человеке, в его характере заложены эти удивительные качества. Вам надо жить только с Россией, с русским народом. Это ваша Родина. Не изменяйте ей. Не дайте немцам обмануть вас. Не слушайте их. Не доносите друг на друга. Оберегайте друг друга. В этом ваше спасение»[2].

Задание он не выполнил. Его судьба трагична и драматична. Выданный союзниками, в соответствии с решениями Ялтинской

[1] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг… С. 11.

[2] *Беджанов М.Б.* Генерал Султан-Гирей Клыч. 2-е перераб. и доп. изд. Майкоп, 2002. С. 320.

конференции, генерал Султан-Гирей Клыч вместе с другими деятелями Белого движения был казнен по приговору военного трибунала в январе 1947 г. в Москве. Имел ли он шансы не возвращаться в СССР? Многочисленные источники свидетельствуют о том, что он не только имел такие шансы, но его уговаривали не делать такого опрометчивого шага. В мае 1945 г., выступая в Австрии перед такими же обманутыми кавказцами (около 5 тыс. чел.), он сказал: «Пусть те, кто в состоянии уйти, особенно молодежь, немедленно уйдет и забудет о нашей мечте освободить Кавказ и кавказские народы. Сам же я слишком стар, чтобы продолжать борьбу, и предпочитаю сдаться на милость победителя». Призыв этот возымел действие, и англичанам сдались 125 кавказских офицеров во главе с ним[1]. На все увещевания не ехать в Россию, по свидетельству известного кубанского литератора В.А. Канашкина, долгие годы возглавлявшего журнал «Кубань», он ответил: «Какими глазами я буду смотреть в лицо окружающим, если мои товарищи П. Краснов, А. Шкуро, С. Краснов, Г. Доманов, А. Васильев и другие, с которыми я укрывался одной буркой, а седло служило нам подушкой, поедут в Россию на верную гибель, а я их брошу, останусь здесь? На этот шаг я никогда не пойду!» Отважный воин, храбрый до безумия черкес, он до конца остался верен боевому братству, сложившемуся между казаками и горцами в годы Первой мировой войны. Согласно сообщению Военной коллегии Верховного Суда СССР Султан-Гирей Клыч был казнен через повешение в январе 1947 г. Так закончил свой жизненный путь блистательный командир Черкесского полка «Дикой дивизии».

Более 1200 членов Союза писателей СССР участвовали в Великой Отечественной войне. Это примерно половина всех писателей предвоенного времени. И среди них адыгейский писатель, член Союза писателей СССР с 1939 г. Юсуф Ибрагимович Тлюстен. Призван он был в первый год войны. В 1942 г. оказался в политотделе 51-й армии, защищавшей Сталинград. В армейской газете 51-й армии работали рука об руку Валентин Овечкин – русский, Вениамин Гоффеншефер – еврей, Кайсын Кулиев – балкарец, Алим Кешоков и Юсуф Тлюстен – адыги.

Трудно найти слова, чтобы передать силу духа, любовь к своей Отчизне, которые проявляли рядовые и командиры, защищая свою землю от врага. Но журналисты находили эти слова, газета выходила регулярно, поднимая боевой дух защитников Сталинграда. Военные журналисты были всегда на передовой и помещали яркие очерки о боевых буднях солдат и офицеров. Случай, о котором в одной из своих заметок после войны рассказал Юсуф Тлюстен, произошел в первые дни освобождения Сталинграда. Одно из воинских

[1] *Кошев М.* Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX–XX вв.). Майкоп, 1999. С. 108.

подразделений в ходе наступления достигло Котельниково. Фашисты в панике покинули город. Подразделение, в котором оказался политрук Ю. Тлюстен, было накануне переформировано, вошло в состав новой дивизии. Кухня отстала. У солдат, как говорится, два дня во рту «маковой росинки» не было. А что за боец, если он не накормлен? Нужно было срочно накормить солдат. Надо было раздобыть немного муки, а женщины медсанбата, да и местные, помогли бы испечь хлеб. Командир батальона попросил Юсуфа Тлюстена сопроводить его до городской мельницы. Пришли на мельницу, уже вечерело. В хозяйственном дворе мельницы подошли к дому и вызвали, как они полагали, заведующего мельницей. Увидев двух офицеров в сопровождении двух автоматчиков, он испугался.

– Ты мельник? – спросил командир батальона.

– Я не знаю, мельник я или нет, машинист я.

– Мы должны найти немного муки, солдаты у нас не накормлены, кухня отстала.

Машинист почесал в затылке, покачал головой и сказал: «Здесь вы не найдете ни одного килограмма муки. Все вывезли немцы».

– Тогда мы будем действовать по законам военного времени. Начинаем обыск. Я не думаю, чтобы у мельника не было муки, – заключил комбат.

– Как хотите, – сказал мельник.

В это время две красивые, на выданье девушки появились на пороге и стали за спиной мельника. Они слышали разговор. Одна из них сказала своему отцу на родном языке: «Папа, не давай себя обыскивать. Оставь себе один мешок, а два отдай им». Все это было сказано на адыгейском языке. Рассказчик посмотрел в их сторону с интересом.

– Вы адыги? – спросил Тлюстен. Девушки смутились. Отец тоже растерялся на некоторое время. Но более всего удивился комбат, который смотрел на спрашивающего.

Выяснилось, что они родом из Адыгеи, из аула Пчегатлукай, из рода Дзыбовых. Сам Юсуф Тлюстен был родом из соседнего аула Шаханчериехабль.

– И хотя я знал многих Дзыбовых, – продолжает свой рассказ Ю.И. Тлюстен, – этого представителя рода не знал. Их было много братьев и в основном они были заняты в мукомольном производстве. Вероятнее всего, он был одним из пострадавших в годы насильственной сплошной коллективизации и был выселен за пределы Адыгеи. Но самое главное, пожалуй, состояло в том, – продолжает Юсуф Тлюстен, – что мельник зла на советскую власть не таил. Он прекрасно понимал, что не власть виновата в том, что он с семьей был вынужден покинуть родной аул, а люди, которые хотели выслужиться перед этой властью.

– Мы для нас и соседей уберегли немного муки, – вынужден был признаться мельник. Я поделюсь с вами, – сказал он.

Солдатам дали два мешка муки, на большее они и не рассчитывали. Женщины быстро испекли хлеб, приготовили мясной бульон, и солдаты были накормлены. На следующий день батальон нагнала кухня[1].

Поведенческие мотивы в годы войны, коллаборационизм – особая тема в научном творчестве Т.П. Хлыниной и других исследователей. Конечно, однозначной оценки этого явления нет. Причины, толкавшие отдельных граждан страны пополнять ряды коллаборационистов, в каждом отдельном случае были разными. Они хорошо описаны в литературе и явление это «не может быть глубоко понято и оценено в антитезе “герои” – “предатели”»[2].

Перипетии судьбы уважаемого в предвоенные годы хозяйственного работника Адыгеи Биболета Довлетуковича Абадзе, ставшего в одночасье бургомистром и по советским меркам коллаборационистом, тому подтверждение. Многие представители старшего поколения знают эту историю, и ни у кого не возникло даже мысли зачислить его в предатели, борца с советским режимом. Материал, изложенный ниже, взят нами из книги видного кубанского ученого, доктора социологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Кубани и Республики Адыгея, члена Союза писателей и Союза журналистов России Аюба Айтечевича Хагурова, которую он озаглавил «В плену у памяти скитаюсь…». Автор придумал своему очерку весьма точное название «Бургомистр Абадзе в яростном мире»[3].

До Великой Отечественной войны Биболет Абадзе работал председателем колхоза в родном ауле Панахес. С первого же дня войны он просился на фронт. Но партийное руководство района и автономной области рекомендовало ему до особого распоряжения исполнять обязанности председателя колхоза. Фронт приближался к Краснодару. Биболет снова подает очередной рапорт с просьбой отправить его на фронт. В ответ поступает распоряжение: весь обобществленный скот Афипсипского сельсовета, а это четыре аула (Афипсип, Панахес, Хаштук и Псейтук), пригнать на станцию Энем для его дальнейшей эвакуации в Дагестан и Казахстан. Несколько тысяч голов в сохранности он пригнал на станцию Энем. А там уже немцы. Один из обиженных скотников, проявивший малодушие во время вражеского налета авиации при перегоне скота и отчитанный

[1] *Тлюстен Ю.И.* Рассказы о мужестве. Из воспоминаний военного корреспондента // Зэкъошныгъ (Дружба). Литературно-художественный и общественно-политический альманах. Майкоп, 1985. № 2. С. 95 (на адыг. яз.).

[2] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг… С. 324.

[3] *Хагуров А.А.* В плену у памяти скитаюсь… Краснодар, 2016. С. 17–59.

за это Биболетом Абадзе, объяснил немецкому офицеру, что их руководитель – коммунист. Биболета арестовали и препроводили в тюрьму в Краснодаре. Как известно, немецко-фашистские оккупанты проводили на занятых территориях политику заигрывания с нерусскими нациями. Они собрали сход жителей четырех аулов Афипсипского сельсовета и предложили им избрать бургомистра округа. Сход единогласно назвал Абадзе Биболета. Немцы быстро разыскали Биболета и предложили ему: будешь или живым бургомистром, или мертвым коммунистом. Так в течение месяца Биболет из советского председателя колхоза превратился в немецкого бургомистра. Изначально Биболет Абадзе знал, что дело немцев обреченное. «Я нутром своим чувствую, не получится у них ничего», – говорил он своим близким и делал все от него зависящее, чтобы облегчить условия существования аульчан в годы оккупации. Биболет рассказывал своему брату, что наши (имеется в виду советская власть) «никогда меня не поймут. И не простят. Немцы, чтобы меня совсем замарать, в какой-то трибунал ввели. Он решает одно: вешать и стрелять. Я там ни разу не заседал, но расписываться заставляли. Так что, брат, моя песня спета»[1]. Действительность тех лет могла вынести Биболету Абадзе только один приговор: смертный. И он ушел с немцами. Он попал в так называемый «адыгский обоз», который в едином потоке дошел до Австрии. Здесь в обозе он встретил черкешенку Сусанну, единственной виной которой было то, что она была учительницей немецкого языка, и немцы заставили ее быть переводчицей. «Адыгский обоз» распался в Австрии, а Биболет с Сусанной оказались в Италии и были взяты в плен американцами. Так же, как и Султан-Гирей Клыч, они по условиям Ялтинских соглашений были выданы СССР. Конечным пунктом их скорого поезда (этот поезд действительно ехал без остановок) оказалась сибирская глубинка. И присудили Биболету двадцать пять лет лагерей и пять лет поражения в правах. В 1949 г. Биболету устроили большой открытый судебный процесс в Краснодаре. Вызвали свидетелей из всех четырех аулов Афипсипского сельского совета. Ни один свидетель не дал показаний против подсудимого. По-боевому защищали Биболета русские жители хутора Пароно-Покровского, где он спас жизнь не одному человеку в бытность бургомистром. Пришлось судебным властям открытый суд сделать закрытым. Биболету присудили очередные двадцать пять лет, с пятью годами поражения в правах. На этот раз его сослали в г. Прокопьевск, куда с детьми приехала и его супруга Сусанна. Только в 1956 г. по хрущевской амнистии Биболет Абадзе вернулся с семьей в свой аул.

Можно привести десятки подобных примеров по каждому региону. К сожалению, коллаборационизм рассматривался

[1] *Хагуров А.А.* В плену у памяти скитаюсь… С. 34.

в отечественной научной литературе сквозь призму морально-этических категорий исключительно как «предательство» и «измена Родине». Ученым предстоит еще большая работа по изучению различных форм активного и пассивного сопротивления противнику в годы Великой Отечественной войны.

Есть у П.А. Вяземского в стихотворении «Первый снег» (1819) такое выражение: «По жизни так скользит горячность молодая, И жить торопится, и чувствовать спешит», которое А.С. Пушкин использовал в качестве эпиграфа к своему «Евгению Онегину». Татьяна Павловна словно чувствовала, что она не сможет победить свой тяжелый недуг, и спешила творить. Судите сами. За четверть века своей научной деятельности она сумела опубликовать 460 научных статей, включая оригинальные монографии, публикации в ведущих научных исторических и социологических журналах страны, в том числе и в зарубежных научных изданиях. Она была активной участницей многих научных конференций различного уровня: международных, всероссийских, региональных. При этом ни в одной своей научной статье она не повторялась в выводах. Те, кто серьезно занимается наукой, понимают, о чем идет речь. Просто поражаешься ее плодовитости и оригинальности ее научных публикаций. Вот несколько выборок количества публикаций по годам: 2008 г. – 35 публикаций, 2009 г. – 31 публикация, 2010 г. – 30 публикаций, 2011 г. – 32 публикации; 2014 г. – 40 публикаций.

Лично мне приятно, что наши с Т.П. Хлыниной статьи об актуальных проблемах нашей непростой отечественной истории встречались, можно сказать, дополняли друг друга и были напечатаны под одной обложкой в материалах различных научно-практических конференций по проблемам отечественной истории.

Какое завещание оставила нам Т.П. Хлынина? Как историк, она была убеждена в том, что нельзя «мерить советскую эпоху аршином тотальной несвободы или всеобщего равенства». Это бессмысленно. Она «гораздо разнообразнее и интереснее в своих проявлениях, далеко выходящих за рамки отведенного ей официальной историографией места»[1]. Будем помнить об этом всегда.

[1] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг... С. 338.

Список публикаций доктора исторических наук Т.П. Хлыниной

1992

1. Большевистская модель решения национального вопроса на примере горских народов Кубанской области // Национальные отношения в СССР: проблемы историографии: материалы научной конференции. М.: Институт российской истории, 1992. С. 56–62. Деп. № 47503 от 30.12.92.

2. Горские народы Кубанской области: большевистская модель решения национального вопроса // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп: АНИИЭЯЛИ, ИРИ РАН, 1992. С. 52–63.

3. Национальные проблемы историографии российских автономий 1988–1990 гг. // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп: АНИИЭЯЛИ, ИРИ РАН, 1992. С. 6–43 (в соавторстве с Н.Ф. Бугаем, М.М. Кудюкиной).

1993

4. Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1993. 28 с.

1994

5. Адыгские народы Кубанской области: проблемы советизации (начало 20-х годов) // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп: Меоты, 1994. С. 100–112.

6. История человека для самых маленьких: экспериментальное учебное пособие. Майкоп: Изд-во АГУ, 1994. Ч. 1. 41 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

1996

7. Герменевтика исторического процесса // Материалы первой конференции Адыгейского регионального отделения российского психологического общества. Майкоп: [Б.и.], 1996. С. 3–4 (в соавторстве с С.Р. Абрамовым).

8. Иногородние в Кубанской области: этнопсихологические особенности восприятия осваиваемой территории // Национальное возрождение России: теория и практика: сборник статей и тезисов научно-практической региональной конференции «Русский национальный характер: основные ценности». Ростов н/Д: РГПУ, 1996. С. 69–71.

9. Историческое образование в контексте модели «раскрепощенного сознания» (концепция пропедевтического курса) // Методические особенности учебно-воспитательного процесса в инновационной школе. Майкоп: Изд-во АГУ, 1996. С. 9–16 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

10. История для самых маленьких (программа курса) // Методические особенности учебно-воспитательного процесса

в инновационной школе. Майкоп: Изд-во АГУ, 1996. С. 16–18 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

11. История человека для самых маленьких: экспериментальное учебное пособие. Майкоп: Изд-во АГУ, 1996. Ч. 2. 40 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

12. Ментальное измерение истории: возможности использования судебно-следственных материалов // Менталитет и политическое развитие России: тезисы докладов научной конференции. Москва, 29–31 октября 1996 г. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 113–115.

13. «Нам не дано предугадать…»: к проблеме смыслопостижения исторического события // Проблемы речевого воздействия: материалы всероссийской научной конференции (Лиманчик-96). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1996. С. 52–54.

14. Национальное согласие и модель «естественной конфликтности»: проблемы научной мироориентации // Философские и религиозные проблемы современности: тезисы докладов II межрегиональной конференции. Ставрополь: АО «Пресса», 1996. С. 64–65.

15. Проблемы Великой Отечественной войны в контексте «социальной направленности» исторических исследований: срезы историографии // 50 лет Великой Победы: материалы научно-практической конференции, состоявшейся в апреле 1995 года. Майкоп: Меоты, 1996. С. 144–153.

16. Этнически маркированная конфликтность: возможности и перспективы культурологического анализа проблемы // Неделя науки МГТИ: материалы первой научно-практической конференции МГТИ. Майкоп: Изд-во МГТИ, 1996. Вып. 1. С. 145–147.

1997

17. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар: Качество, 1997. 127 с.

18. Влияние административно-территориальных преобразований на развитие национальной ситуации на Кубани (1920-е годы) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1996 год: материалы научно-практической конференции «Дикаревские чтения – 3». Краснодар: Краевой научно-методический центр культуры; Центр народной культуры Кубани, 1997. С. 3–9.

19. Женщина в традиционном обществе: возможности «гендерного видения» проблемы // Неделя науки в МГТИ: материалы научно-практической конференции МГТИ. Майкоп: Изд-во МГТИ, 1997. Вып. 2. С. 62–63.

20. Идеи «географического синтеза» и проблемы исторических исследований // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных трудов. Майкоп: Изд-во АГУ, 1997. Вып. 2. С. 21–33.

21. История мировых цивилизаций: пространство и возможности учебного курса // Неделя науки в МГТИ: материалы научно-

практической конференции МГТИ. Майкоп: Изд-во МГТИ, 1997. Вып. 2. С. 55–57.

22. «История повседневности» в изучении своеобразия цивилизационного развития // Неделя науки в МГТИ: материалы научно-практической конференции МГТИ. Майкоп: Изд-во МГТИ, 1997. Вып. 2. С. 57–58.

23. Проблемы советского строительства в Адыгее: состояние и возможности архивной базы данных // Проблемы развития архивного дела в Республике Адыгея: материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Государственного архива Республики Адыгея (27 мая 1997 года, город Майкоп). Майкоп: Газетно-издательский комплекс «Благодарение», 1997. С. 29–42.

24. Проблемы становления единой политехнической школы в Адыгее (1950–60-е годы) // Образование в регионах России: уроки истории и перспективы: сборник тезисов. М.: ОДИ–INTERNATIONAL; Общество «Радетели просвещения», 1997. С. 34–37.

25. Роль религии в формировании индийской цивилизации // Неделя науки в МГТИ: материалы научно-практической конференции МГТИ. Майкоп: Изд-во МГТИ, 1997. Вып. 2. С. 58–60.

1998

26. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления автномии // Северный Кавказ на пороге XXI века: материалы региональной научно-практической конференции 17–18 апреля 1998 г. Пятигорск: ИнЭиУ; НИЦ «Кавказоведения», 1998. С. 76–78.

27. Идея цивилизационного подхода и ее возможности // Человек и общество: проблемы взаимодействия школ и вузов в формировании гражданской культуры молодежи: материалы региональной научно-практической конференции, г. Краснодар, 22 ноября 1997 г. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 1998. С. 50–53.

28. История как опыт прочтения прошлого // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы всероссийской научной конференции (Лиманчик-98). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1998. Вып. 2. С. 30–32.

29. История кубанского казачества: учебное пособие. Майкоп: Изд-во АГУ, 1998. 50 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

30. История мировых цивилизаций (методические рекомендации для студентов-заочников). Майкоп: Изд-во МГТИ, 1998. 28 с.

31. История мировых цивилизаций (методические рекомендации к изучению курса). Майкоп: Изд-во МГТИ, 1998. 20 с.

32. История мировых цивилизаций (методические рекомендации к практическим занятиям для студентов вузов). Майкоп: Изд-во МГТИ, 1998. 28 с.

33. История, цивилизация, природа // Неделя науки МГТИ: материалы научно-практической конференции МГТИ. Майкоп: МГТИ, 1998. Вып. 3. С. 21–23.

34. Политика украинизации Кубани (1920-е – 1930-е годы) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. Дикаревские чтения (4): материалы науч.-практической конф., Белореченск, 23 мая 1998 г. Белореченск: ООО РКА «Пресс-Имидж», 1998. С. 30–32.

35. Советы и традиционное общество Юго-Востока Европейской России // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению: материалы международной научной конференции. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 270–282.

1999

36. Адыги Кубанской области в составе Российской империи (из опыта регулирования национальных отношений) // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины (22–24 сентября 1999 г., станица Каневская Краснодарского края). Краснодар: РИО ККИДППО, 1999. С. 132–134.

37. [Рец.]: История Кубани XX век: очерки // Информационно-аналитический вестник. Майкоп: АРИГИ, 1999. Вып. 2. С. 126–128.

38. История, семиотика, текст // Информационно-аналитический вестник. Майкоп: АРИГИ, 1999. Вып. 2. С. 5–9.

39. Культура и быт кубанского казачества: учебное пособие. Майкоп: Изд-во АГУ, 1999. 62 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

40. Национально-государственное строительство: о некоторых теоретических особенностях исследования проблемы // Информационно-аналитический вестник. Майкоп: АРИГИ, 1999. Вып. 1. С. 23–29.

41. Федерализм и проблемы территориальной целостности России // Политические процессы в условиях современной России: материалы всероссийской научно-практической конференции г. Краснодар, 6–7 июня 1998 г. Краснодар: КубГУ, 1999. С. 193–195.

42. [Рец.]: Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года // Информационно-аналитический вестник. Майкоп: АРИГИ, 1999. Вып. 1. С. 101–103.

43. [Ред.]: Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: АРИГИ, 1999. Вып. 1. 108 с.

44. [Ред.]: Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: АРИГИ, 1999. Вып. 2. 135 с.

45. [Ред.]: Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения…». Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп: Меоты, 1999. 170 с.

2000

46. Антисемитизм на Кубани: опыт характеристики массового сознания пореволюционной эпохи // Информационно-аналитический вестник. Майкоп: Меоты, 2000. Вып. 3. С. 148–154.

47. Бунтарь или государственник: образ казачества в учебной литературе // Проблемы изучения и развития казачьей культуры. Майкоп: Кубанская ассоциация «Региональный фестиваль казачьей культуры», 2000. С. 4–12 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

48. История и культура кубанского казачества // Майкоп: Кубанская ассоциация «Региональный фестиваль казачьей культуры», 2000. С. 12–14.

49. История как повествование: об особенностях организации и передачи исторического материала // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2000. С. 55–58.

50. О природе кубанского сепаратизма (1917–1918) // Информационно-аналитический вестник. Майкоп: Меоты, 2000. Вып. 3. С. 172–177.

51. Программа школьной творческой лаборатории «Постижение истории или ремесло историка» (программа курса) // Образование города на пути к XXI веку: проблемы, исследования, опыт, перспективы. Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. Вып. 1. С. 205–213 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

52. Размышления о школьной истории, ее возможностях, а также о том, чего же мы от нее ждем // История. 2000. № 20. С. 1–2 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

53. Современный учебник истории как жанр // История. 2000. № 39. С. 12.

54. Творческая лаборатория в системе школьного исторического образования // Образование города на пути к XXI веку: проблемы, исследования, опыт, перспективы. Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. Вып. 1. С. 201–204 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

55. [Ред.]: Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2000. Вып. 3. 291 с.

2001

56. Административно-территориальные автономии Юго-Востока России: понятие и сущность // Неделя науки МГТИ: материалы научно-практической конференции. Майкоп: Изд-во МГТИ, 2001. Вып. 4. С. 26–28.

57. Административно-хозяйственные преобразования 1920-х годов: поиски приоритетов // Нэп и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность: материалы Всероссийской научной конференции, Славянск-на-Кубани, 17–20 октября 2001 г. Краснодар, 2001. С. 212–214.

58. Исторический источник как условие постановки и решения научной проблемы // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных статей. Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. Вып. 3. С. 30–37.

59. История, которую нам предлагают, или игра по чужим правилам // История. 2001. № 44. С. 6–7.

60. Национальная политика и этнические конфликты на Северном Кавказе в 1920-е годы // Северный Кавказ в условиях глобализации: тезисы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. С. 452–456.

61. [Рец.]: Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2001. Вып. 4. С. 227–231.

62. Проблемы региональной истории в современном школьном образовании // Особенности развития образования в условиях полинационального города: тезисы городских педагогических чтений. Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. С. 49–50 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

63. Р. Кайзер о политической географии и национализме в Российской империи // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2001. Вып. 4. С. 222–226 (в соавторстве с Т.Л. Пятаковой).

64. Советская национальная государственность: понятие и его образы (статья первая) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2001. Вып. 4. С. 25–32.

65. Советская национальная государственность: понятие, природа, образ. Майкоп: Качество, 2001. 68 с.

66. [Ред.]: Информационно-аналитический вестник. История. Этнография. Археология. Майкоп, 2001. Вып. 4. 236 с.

2002

67. Горская АССР и ее роль в национальном самоопределении народов Северного Кавказа: историографический аспект проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. 2002. № 3–4. С. 52–58.

68. Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп: Качество, 2002. 167 с. (в соавторстве с А.Ю. Чиргом, Н.Н. Денисовой).

69. Казачество в межнациональных отношениях на Кубани (февраль – октябрь 1917 г.) // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп: Кубанская ассоциация «Региональный фестиваль казачьей культуры», 2002. Вып. 1. С. 118–122.

70. Кассовая книга Гатлукаевского аульного общества как источник по социальной истории Адыгеи (1918–1919 гг.) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2002. Вып. 5. С. 220–224.

71. Национальная историческая мысль в годы войны и первое послевоенное десятилетие // Вторая мировая и Великая Отечественная война: актуальные проблемы социальной истории: материалы межвузовской научной конференции с международным участием. 28–31 мая 2002 г. Майкоп: Изд-во АГУ, 2002. С. 369–374.

72. О вечных истинах, индивидуальных предпочтениях и исторической дидактике (по поводу новых стандартов – но не только о них) // История. 2002. № 46. С. 1–2.

73. Почти невыдуманная история: несколько дней из жизни председателя станичного ревкома // Диалоги с прошлым: исторический журнал. Майкоп: Изд-во АГУ, 2002. Вып. 2. С. 50–54.

74. Проблемы государственного устройства и деятельность органов власти в Адыгее (февраль – октябрь 1917 г.) // Народы и власть в истории России: проблемы исследований: сборник научных статей, посвященных 60-летию со дня рождения Н.Ф. Бугая. Майкоп: Меоты, 2002. С. 59–69.

75. Профессиональная историография и региональный компонент в формировании новой школьной истории // Философско-исторические основы общего образования в России: материалы Всероссийской научной конференции 3–4 октября 2002 г. М.: ИТОиП РАО, 2002. С. 397–402.

76. Северокавказские национальные движения в революции 1917 года: проблемы исследований // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2002. Вып. 5. С. 46–61.

77. 1917 год на Кубани: живая история в исторических источниках // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп: Кубанская ассоциация «Региональный фестиваль казачьей культуры», 2002. Вып. 1. С. 14–22.

78. Формирование советской национальной государственности у народов Северного Кавказа: состояние и проблемы исследований // Народы и власть в истории России: проблемы исследований: сборник научных статей, посвященных 60-летию со дня рождения Н.Ф. Бугая. Майкоп: Меоты, 2002. С. 135–155.

79. [Ред.]: Вторая мировая и Великая Отечественная война: актуальные проблемы социальной истории: материалы межвузовской научной конференции с международным участием. 28–31 мая 2002 г. Майкоп: Изд-во АГУ, 2002. 384 с.

80. [Ред.]: Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2002. Вып. 5. 328 с.

81. [Ред.]: Народы и власть в истории России: проблемы исследований: сборник научных статей, посвященных 60-летию со дня рождения Н.Ф. Бугая. Майкоп: Меоты, 2002. 236 с.

2003

82. «…ввиду царившей в России анархии и пользуясь признанным самим Петроградским правительством правом»: представления о революционной государственности горских народов Северного Кавказа // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2003. Вып. 6, 7. С. 297–301.

83. Вместо комментария (послесловие к статье В.В. Гудакова «Этногенез кубанского казачества») // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2003. Вып. 6, 7. С. 40–41.

84. Войны в истории XX в.: проблемы теории и методологии исследования // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.): сборник научных статей по итогам Международной научной конференции, посвященной 60-летию Сталинградской битвы. Волгоград, 15–17 апреля 2003 г. Волгоград: Перемена, 2003. Ч. 1. С. 6–13.

85. Землеустройство горских евреев как социальный проект советской власти // Социальное образование: традиции, проблемы, перспективы: материалы научно-практической конференции (17–18 мая 2003 г.). Армавир: ООО «Базис», 2003. С. 293–303.

86. История «малых форм»: о предмете и жанровых особенностях микроисторического анализа // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных трудов. Майкоп: Изд-во АГУ, 2003. Вып. 4. С. 51–58.

87. Казачество и проблемы национально-территориального размежевания на Северном Кавказе (1920-е гг.) // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп: Кубанская ассоциация «Региональный фестиваль казачьей культуры», 2003. Вып. 2. С. 63–70.

88. Казачий вопрос и его разрешение на Северном Кавказе в 1920-е годы // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2003. С. 101–107.

89. Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: стратегия научного исследования // V конгресс этнологов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г.: тезисы докладов. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 63–64.

90. Мифотворчество или увлекательное путешествие в прошлое? Региональный компонент в историческом образовании современного российского школьника: субъективные суждения и приглашение к заинтересованному разговору // История. 2003. № 45. С. 11–15.

91. Национально-языковое строительство в Республике Адыгея: основные тенденции и противоречия // Интернет-журнал «Полемика». 2003. № 14 (в соавторстве с Т.Л. Пятаковой). URL: http://www.irex.ru/publications/polemika/14/ (ресурс более не доступен).

92. [Рец.]: Нетрадиционный взгляд на «закрытую тему» (рецензия на монографию А.С. Иващенко) // Советская Адыгея. 2003. 27 августа. С. 4.

93. Отрадный факт, порождающий проблемы. Их нужно решать сообща // Школьные учебники «История Адыгеи»: «за» и «против». Армавир: ГУП Армавирское полиграфическое предприятие, 2003. С. 4–7.

94. Представление о «революционной государственности» горских народов Северного Кавказа в их причинной и этнической

обусловленности // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Дикаревские чтения (9). Краснодар: Изд-во «Крайбибколлектор», 2003. С. 139–143.

95. Проблемы социального развития России в школьном курсе обществознания // Социальное образование: традиции, проблемы, перспективы: материалы научно-практической конференции (17–18 мая 2003 г.). Армавир: ООО «Базис», 2003. С. 26–37 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

96. Процессы межэтнической консолидации на Юге России в годы Гражданской войны: проблемы и суждения // Россия в войнах XX века: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков (Адлер, 1–4 октября 2003 г.). Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2003. С. 67–70.

97. Региональный компонент в современной российской историографии: общее и особенное в изучении национально-государственного строительства на Северном Кавказе // Духовность. Книга пятая (октябрь – декабрь). Проблемы регионалистики: сборник научных трудов. Сергиев Посад: ИРИ РАН, СПГУ, 2003. С. 119–124.

98. Советские республики и их роль в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе в осмыслении отечественной историографии // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2003. Вып. 6, 7. С. 66–79.

99. Современная историография о причинах административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки (приложения). 2003. № 4. С. 54–62.

100. Становление советской национальной государственности на Северном Кавказе в условиях формирования гражданского общества // Гражданское общество в России: проблемы формирования и развития: материалы межвузовской научно-практической конференции, состоявшейся 25 апреля 2003 г. в г. Майкопе. Майкоп: Изд-во ООО «Аякс», 2003. С. 145–152.

101. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 268 с.

102. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2003. 40 с.

103. [Ред.]: Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2003. Вып. 6, 7. 396 с.

2004

104. [Рец.]: Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения Чечено-Ингушетии в 1917–1937 годах // Информационно-

аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2004. Вып. 8. С. 260–262.

105. «Военно-революционный совет Сунженской линии считает крайне необходимым»: новые источники по истории межнациональных отношений на Тереке в 1918 г. // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп: [Б.и.], 2004. Вып 3. С. 66–74.

106. Возможности времени, или о трудностях, сопряженных с семантической атрибуцией Мусульманской секции в истории взаимоотношений народов Кубани // Historia Caucasica: региональный исторический сборник научных статей. Краснодар: КГИАМЗ, 2004. Вып. 3. С. 48–55.

107. Война как объект историко-антропологических исследований // Российское общество и войны XX века: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала русско-японской, 90-летию Первой мировой войн и 60-летию освобождения территории СССР в Великой Отечественной войне. Адлер, 27–30 мая 2004 г. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2004. С. 3–6.

108. «Воображаемые миры» национального прошлого: стратегии освоения и конструирования исторической реальности // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Сборник статей. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. Вып. 24. С. 180–193.

109. Жалоба, или о чем писали в органы власти советские граждане в начале 1930-х годов // Диалоги с прошлым. 2004. № 3. С. 65–70.

110. Инверсия прошлого: современные этнополитические реалии на страницах школьных учебников истории // Человек и этносы в трансформирующемся обществе: социальные девиации и пути их преодоления: тезисы докладов и выступлений на межрегиональной научной конференции (22–23 апреля 2004 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. С. 277–281.

111. История в пространстве личного восприятия, или о чем свидетельствует обыкновенная жалоба // Личность, общество, культура в историческом процессе: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2004. Вып. 2. С. 134–143.

112. «История России есть история страны…»: проблема «разбегающегося пространства» в школьном курсе отечественной истории // Современные методы в современном преподавании. Научно-практическая конференция 23–24 марта 2004 г.: Тезисы. М.: ГПИБ, 2004. С. 121–125.

113. «Исчезающий класс» современной России: проблемы трудового этоса отечественного крестьянства // Российское село в XXI веке: проблемы и перспективы: материалы Первой Всероссийской конференции по социологии села. М.; Краснодар: КубГАУ, 2004. Вып. 1. С. 39–47.

114. Коренизация в ее истоках и последствиях в Адыгее // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2004. Вып. 8. С. 241–251.

115. [Рец.]: Матвеев О.В. Герои и войны в исторической памяти кубанского казачества // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2004. Вып 3. С. 166–167.

116. Межэтническая толерантность и проблемы формирования гражданского самосознания российского общества // Проблемы становления гражданского общества на Юге России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (17–18 апреля 2004 г.). Армавир: ООО «Базис», 2004. С. 131–135.

117. Модель или образ? Историческая картина мира кубанского казачества // Голос минувшего. 2004. № 1. С. 67–69.

118. Мятежная Сунжа: к вопросу о причинах казачье-горского противоборства на Тереке в 1918 г. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Четвертой международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Краснодар – Армавир: Краснодарский краевой общественный фонд культуры Кубанского казачества «Линеец», АГПУ, 2004. С. 118–121.

119. Не духом единым… Из предыстории образования СССР // История. 2004. № 21. С. 26–31.

120. Об этносах, национальном вопросе и профессиональных увлечениях в истории // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2004. Вып. 8. С. 252–259.

121. Образы войны в профессиональной жизни человека моего поколения // Сборник статей, посвященных 70-летию со дня рождения А.С. Схакумидова. Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. С. 59–66.

122. Первый опыт межэтнического взаимодействия: отечественная историография о национально-государственном строительстве на Северном Кавказе в годы Гражданской войны // История и историки в контексте времени: сборник научных трудов. Краснодар; Сочи: Кубанский госуниверситет, 2004. Вып. 2. С. 74–98.

123. Предисловие // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп: [Б.и.], 2004. Вып. 3. С. 3 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

124. Роль «русскоязычного фактора» в реализации гражданского проекта на Северном Кавказе // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2004. С. 141–149.

125. Социальная история советской Адыгеи: очерки политической антропологии. 1930-е годы. Майкоп: Качество, 2004. 62 с.

126. Фантомы и реалии современного школьного образования: размышления на заданную тему // Образование. Пространство. RU. 2004. № 1–2 (3–4). С. 55–56.

127. Чистки и лишение избирательных прав советских граждан в 1930-е годы: штрихи к портрету времени // Российская

история: проблемы, мнения, оценки (федеральных, региональных социально-экономических и политических процессов): ученые записки. Пятигорск: ПГЛУ, 2004. Вып. 3. С. 94–103.

128. Этнические меньшинства Адыгеи: правовой казус 1920-х гг. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2003 год. Дикаревские чтения (10): материалы краевой конференции. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2004. С. 50–58.

129. Этноцентризм и этнофобии в северокавказской политики РФ и возможности реализации гражданского проекта в регионе // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания. Всероссийская научная конференция: сборник научных статей. М.: Изд-во МГОУ, 2004. С. 289–296.

130. [Ред.]: Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2004. Вып. 3. 170 с.

131. [Ред.]: Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: Меоты, 2004. Вып. 8. 267 с.

132. [Ред.]: Сборник статей, посвященных 70-летию со дня рождения А.С. Схакумидова. Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. 176 с.

2005

133. Гражданственность как категория и предмет современной образовательной практики // Проблемы становления гражданского общества на Юге России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (15–16 апреля 2005 г.). Ставрополь: ООО «Базис», 2005. С. 292–296.

134. [Рец.] Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2005. Вып. 2. С. 370–374.

135. Деятельность Наркомнаца по развертыванию национально-государственного строительства на Северном Кавказе: состояние и перспективы исследования проблемы // Научная мысль Кавказа. 2005. № 3. С. 35–40.

136. «Интернационализм» и его генеративные возможности в изучении межнациональных отношений в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в контексте истории XX века: материалы международной научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2005. С. 312–315.

137. История «исчезающего времени», или о некоторых современных тенденциях репрезентации прошлого // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: материалы 3-й Всероссийской научно-методической конференции, г. Сочи, 13–14 мая 2005 г. Сочи: РИО СГУТиКД, 2005. С. 170–174.

138. Кубанская мозаика: исторический опыт и перспективы исторического взаимодействия народов региона // Межнациональные отношения в Краснодаре на современном этапе: перспективы устойчивого развития (подходы к решению общероссийской проблемы): материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: [Б.и.], 2005. С. 133–136.

139. Массовые ожидания и коллективные психозы советского общества как диагностический показатель его развития // Социальное развитие России: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 15–16 апреля 2005 г. Майкоп: ООО «Аякс», 2005. С. 296–302.

140. [Рец.] Мининков Н.А. Методология истории: пособие для начинающего исследователя // Гуманитарная мысль Юга России: региональный научный журнал. 2005. № 1. С. 181–184.

141. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы: проблемы современной историографии // Отечественная история. 2005. № 1. С. 154–163.

142. Отечественная историография революции 1905–1907 гг. на Северном Кавказе // Революция 1905–1907 годов: взгляд через столетие: материалы Всероссийской научной конференции 19–20 сентября 2005 г. М.: МГОУ, 2005. С. 203–211.

143. Прогнозирование, проектирование и моделирование в социальной работе (учебно-методическое пособие для студентов очной формы обучения). Майкоп: ООО «Аякс», 2005. 44 с.

144. Прогнозирование, проектирование и моделирование в социальной работе (учебно-методическое пособие для студентов заочной формы обучения). Майкоп: ООО «Аякс», 2005. 32 с.

145. Проза советского повседневья в пространстве «детских» впечатлений профессионального историка: жанровые возможности памяти // Historia Caucasica: региональный исторический сборник научных статей. Краснодар: КГИАМЗ, 2005. Вып. 5. С. 50–57.

146. Психология «большого» террора, или «маленькие» страхи советского человека образца 1930-х гг. // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: материалы XVIII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г.: в 2 ч. СПб.: Нестор, 2005. Ч. 2. С. 253–257.

147. Роль подвижной границы во взаимоотношениях народов России и Северного Кавказа во второй половине XIX в. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (Материалы 9-й Всероссийской научно-практической конференции). Армавир: АГПУ, 2005. Ч. I. С. 65–69.

148. Русские в национальных областях Северного Кавказа в 1920-е гг.: к вопросу «численного представительства»

и «исторической миссии» // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2005. Вып. 2. С. 18–29.

149. «Самоподдерживающаяся неизменность» как генеративная метафора исследования революционных потрясений начала XX в. на Юге России // Мир Шолохова: история и культура: тезисы докладов Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 12–14 мая 2005 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005. С. 77–79.

150. Советское повседневье в пространстве «большой» истории: проблемы и возможности «малого» жанра // Гуманитарная мысль Юга России: региональный научный журнал. 2005. № 1. С. 37–44.

151. Социальная политика (учебно-методическое пособие для студентов заочной формы обучения). Майкоп: ООО «Аякс», 2005. 44 с.

152. Социальная политика (учебно-методическое пособие для студентов очной формы обучения). Майкоп: ООО «Аякс», 2005. 52 с.

153. Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп: Качество, 2005. 63 с.

154. Убийство наследника российского престола: сакральность власти и ритуализация насилия в революции 1917 г. // Мечом и пером: вехи истории культуры служилой элиты России (к 625-летию победы на Куликовом поле и 15-летию Российского дворянского собрания): материалы международных дворянских чтений. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2005. С. 23–27.

155. Увлекательная попытка // Дискуссионные аспекты проблемы российско-кавказской интеграции: материалы преподавательско-аспирантского семинара. Армавир: АГПУ, 2005. Вып. 8. С. 35–38.

156. Устная история и ее возможности в постижении этоса традиционной культуры // Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность: материалы краевой научно-исследовательской конференции 28–29 октября. Краснодар, 2005 год. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2005. С. 75–83.

157. [Отв. ред.]: Социальное развитие России: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 15–16 апреля 2005 г. Майкоп: ООО «Аякс», 2005. 367 с.

2006

158. [Рец.]: Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е годы XX века) // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. № 1. С. 178–181.

159. В преддверии «большого террора»: борьба с контрреволюцией в Адыгее в начале 1930-х гг. и ее последствия // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: материалы IV Всероссийской научной конференции. Краснодар: Экоинвест, 2006. С. 107–112.

160. Время истории: исчезающая категория или новая стратегия освоения прошлого? // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. № 1. С. 31–40.

161. «Вычищенные» и «лишенные избирательных прав»: социально неблагонадежные категории советского общества 1930-х гг. // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. Научный и научно-методический ежегодник. Армавир, 2006. № 4. С. 168–173.

162. Город и его обитатели: идеалы и практика общественного служения на рубеже XIX – XX вв. // «Да кто душу положит за други своя…». К 130-летию участия Русского дворянства в освобождении православного населения Балкан от османского ига: материалы II Международных дворянских чтений (25–26 ноября 2006 г.). Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2006. С. 114–121.

163. Государственная поддержка и стратегия выживания малообеспеченных категорий населения в Республике Адыгея: опыт сравнения 1920-х и 1990-х гг. // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2. С. 69–77 (в соавторстве с Э.Б. Тинским).

164. Гуманитарное наследие советской эпохи и его отражение в современной образовательной практике // Научное наследие советской эпохи: современное осмысление: материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Николая Гавриловича Чернышева. Краснодар, 8 сентября 2006 г. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2006. С. 155–158.

165. Детские впечатления профессиональных историков как исторический источник // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв.: сб. научных статей: в 2 ч. М.: ГОУ ВПО «МГУС», 2006. Ч. II. С. 149–154.

166. Историческое познание в эпоху глобализации: есть ли будущее у науки о прошлом? // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: материалы Четвертой Всероссийской научно-методической конференции, г. Сочи, 19–20 мая 2006 г. Сочи: РИО СГУТиКД, 2006. С. 144–148.

167. Историческое познание в эпоху глобализации: есть ли будущее у науки о прошлом // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 года. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 239–241.

168. История «исчезающего времени»: прошлое в пространстве постнеклассического знания // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2006. № 1–2. С. 3–7.

169. Люди своего времени: чиновный мир российской провинции на рубеже XIX–XX вв. // Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления: материалы XX Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 18–19 декабря 2006 г.: в 3 ч. СПб.: Нестор, 2006. С. 234–238.

170. Национально-государственные образования в составе Северо-Кавказского края: опыт 1920-х гг. // Государственно-правовая система России: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции (2 ноября 2006 г.). Майкоп: Изд-во ООО «Аякс», 2006. С. 229–233.

171. Национальный вопрос и межнациональные отношения на Северном Кавказе в первое послеоктябрьское десятилетие // Власть и общество: национальная политика и межнациональные отношения (исторический опыт и современность). 1906–2006 гг.: материалы краевой научно-практической конференции. Адлер, 7–11 октября, 2006 г. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2006. С. 258–263.

172. Нужда и забота: социальное обеспечение населения Адыгеи в 1920-е гг. // Актуальные вопросы социальной политики в регионе. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2006. С. 185–190.

173. «Переломные» эпохи и «переломные судьбы»: опыт историко-антропологического осмысления революционного времени // Человек на исторических поворотах XX века. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2006. С. 233–240.

174. Подотдел по национальным делам Кубано-Черноморского революционного комитета: проект или реальность? // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Пятой международной Кубано-Терской научно-просветительской конференции. Краснодар–Армавир, 2006. С. 99–102.

175. Практики социального взаимодействия и реалии советской национальной политики 1920-х годов // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте: тезисы международной научной конференции. Москва, 20–22 апреля 2006 г. М.: РГГУ, 2006. С. 137–139.

176. Предваряя будущее и созидая настоящее // Вопросы южнороссийской истории: научный сборник. М.; Армавир: [Б.и.], 2006. С. 28–31.

177. Представления о нужде и нуждающихся категориях населения в системе оказания социальной помощи: диагностические возможности используемых понятий // Социальная работа: традиции и инновации: материалы международной научно-практической конференции, 21–22 ноября 2006 г. Ульяновск: УлГУ, 2006. С. 253–256 (в соавторстве с М.Ю. Илларионовой, А.В. Казаковой и К.В. Копаневой).

178. Проектная деятельность в социальной сфере: образовательные возможности и проблемы методического обеспечения учебного курса // Проблемы становления гражданского общества на Юге России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (14–15 апреля 2006 г.). Ставрополь: ООО «Базис», 2006. С. 154–157.

179. Пространство власти и особенности ее восприятия в послефевральской России: взгляд из провинции // Власть и общество в России: опыт истории и современность. 1906–2006 гг. (к 100-летию

российского парламентаризма): материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Адлер, 26–30 мая 2006 г. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2006. С. 332–335.

180. Размышления об истоках нашего «извечного неудовольствия» // Социальная работа. 2006. № 2. С. 29–30.

181. Роль подвижной границы во взаимоотношениях народов России и Северного Кавказа во второй половине XIX в.: заметки по поводу // Кавказская война: уроки истории и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19–22 мая 2004 г. Майкоп: АРИГИ им. Т.М. Керашева, 2006. С. 633–639.

182. Советское повседневье в пространстве «большой истории»: проблемы и возможности взаимодействия // XX век: человек в эпохе. Эпоха в человеке: материалы Всероссийской научно-практической конференции 14–15 ноября 2005 г. Сыктывкар: Национальный музей Республики Коми, 2006. С. 105–113.

183. Социальные науки в эпоху глобализации: возможности и перспективы развития // Социальные науки и социальная работа в России: сборник научных статей. Майкоп: ООО «Аякс», 2006. Вып. 1. С. 9–13.

184. 1937 год в Адыгее: политические репрессии или «корректировка» правящего курса? // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: материалы III Всероссийской научной конференции. Краснодар: ООО Компания «Волонтер», 2006. С. 112–114.

185. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение (по материалам Национального архива Республики Адыгея) // Кубань – Украина: Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар: Картика, 2006. Вып. 1. С. 38–45.

186. «Что в имени твоем?»: Собирательный образ кубанского горца по материалам советских учреждений 1920-х годов // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края. Краснодар: ООО «Книга», 2006. Т. 1 (22). С. 183–194.

187. [Ред.]: Социальные науки и социальная работа в России: сборник научных статей. Майкоп: ООО «Аякс», 2006. Вып. 1. 190 с.

188. [Ред.]: Человек на исторических поворотах XX века. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2006. 260 с.

2007

189. «Беспризорное детство» и борьба с ним на Кубани и Адыгее в 1920-е годы // Закон «О государственной политике в сфере сохранения и развития традиционной народной культуры в Краснодарском крае». Мир материнства и детства этносов и этнических групп ЮФО и Кубани: методические материалы научно-практической конференции (2–3 ноября 2007 г., г. Краснодар). Краснодар: ООО РКА «Пресс-Имидж», 2007. С. 44–51.

190. [Рец.]: Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI веков): Книга-мониторинг // Голос минувшего. 2007. № 3–4. С. 111–114 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

191. Вместо предисловия: Центры социальных исследований как механизмы обеспечения взаимодействия теории и практики в социальной работе // Социальные науки и социальные технологии в России: сборник научных статей. Майкоп: ООО «Аякс», 2007. Вып. 2. С. 7–9.

192. Генеративная метафора и ее возможности в изучении революционных потрясений начала XX века на Юге России // История и историки в контексте времени: сборник научных трудов. Краснодар; Сочи: Кубанский госуниверситет, 2007. Вып. 5. С. 43–50.

193. Государственный терроризм и национальная политика советского руководства в 1930-е гг. // Природа терроризма и психология человека на историческом фоне его угрозы: материалы XXI Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 14–15 мая 2007. СПб.: Нестор, 2007. С. 295–300.

194. Гражданские инициативы и общественные объединения в системе городского самоуправления (1950–1980-е гг.) // Екатеринодар – Краснодар: 140 лет городского самоуправления. История и современность: материалы межрегиональной научно-практической конференции, Краснодар, 12 мая 2007 г. Краснодар: [Б.и.], 2007. С. 128–131.

195. Динамика социального самочувствия репатриантов как показатель адаптивных возможностей традиционной культуры // Сбережение народа: традиционная народная культура: материалы научно-практической конференции. 8–9 июня 2007 г., г. Краснодар. Краснодар: Изд-во «Мир Кубани», 2007. С. 133–137.

196. Коренизация и политика «империи позитивного действия»: что стояло за «национализацией» советской власти в Адыгее в 1920–1930-е гг.? // Региональные политические исследования. 2007. № 1. С. 85–91.

197. Косовские адыги в Адыгее: механизмы и проблемы адаптации малой группы // Социокультурная адаптация косовских адыгов в Адыгее: материалы круглого стола. Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. С. 32–43.

198. «Налаживая быт и созидая человека будущего…»: из истории работы детских территориальных комиссий 1920–1930-х гг. // Социальные науки и социальные технологии в России: сборник научных статей. Майкоп: ООО «Аякс», 2007. Вып. 2. С. 24–31.

199. Наука о прошлом и научность его постижения: возможности и пределы одного исследовательского принципа // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: материалы 5-й Всероссийской научно-методической конференции, г. Сочи, 18–19 мая 2007 г. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 193–195.

200. [Рец.]: Научная жизнь и судьба российских ученых в XX веке: опыт современного прочтения // История регионального научного сообщества: проблемы изучения. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2007. С. 265–272 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

201. Научное сообщество или профессиональная корпорация: что и как объединяет людей в современной науке // История регионального научного сообщества: проблемы изучения. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2007. С. 7–14.

202. Научность как принцип исследования и критерий достоверности в познании прошлого // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Международные Лихачевские научные чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб.: СПбГУП, 2007. С. 307–308.

203. Национальные образования: государственно-правовой и теоретический аспекты проблемы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Научный и общественно-теоретический журнал. 2007. № 2. С. 106–121 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

204. Национальные районы Кубани: механизм возникновения и практики «спонсируемой поддержки» // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития Кубани. К 70-летию со дня образования Краснодарского края и 215-й годовщине основания казаками кубанских земель: материалы межрегиональной научно-практической конференции. XII Адлерские чтения. Краснодар: Традиция, 2007. С. 289–292.

205. О влиянии полиэтнического окружения на процессы социальной адаптации косовских адыгов в Адыгее // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: тезисы докладов региональной научной конференции (19–20 сентября 2007 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. С. 103–104.

206. Образы российских революций в современной исследовательской и образовательной практике // Образование, просветительство и гражданское общество (к 60-летию общества «Знание» России): материалы Всероссийской научно-практической конференции, Адлер, 25–29 мая 2007. Краснодар: Традиция, 2007. С. 307–310.

207. «Общие места» советского повседневья: организация и формы нового быта // Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей: материалы XXII Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 17–18 декабря 2007 г.: в 2 ч. СПб.: Нестор, 2007. Ч. 2. С. 160–164.

208. Природа и типология войн и вооруженных конфликтов новейшего времени // Человек и война в XX веке: материалы межвузовской научно-практической конференции, г. Тольятти, 2 июня 2007 г. М.: РГГУ, 2007. С. 3–7 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

209. Проблемы истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX в. // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. Вып. 45. С. 120–146.

210. Революционное время как переломная эпоха // История: перекрестки и переломы: материалы Международной конференции. Волгоград, 14–15 мая 2007 г. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2007. С. 284–292.

211. «Русский вопрос» и административные практики его разрешения в Адыгейской автономной области 1920-х гг. // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар: Изд-во «Мир Кубани», 2007. Вып. 3. С. 194–203.

212. «Синдром осажденной крепости», или как на Кубани появились национальные районы // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар: Изд-во «Мир Кубани», 2007. Вып. 3. С. 96–111.

213. [Рец.]: Система координат [Рец. на книгу О.В. Матвеева «Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности»] // Кубанский сборник. Краснодар: ООО «Книга», 2007. Т. 2 (23). С. 488–491.

214. Устойчивое развитие региона в условиях изменения этнического состава его населения // Устойчивое развитие Северного Кавказа: проблемы и перспективы: материалы «круглого стола» (18 апреля 2007 г., г. Майкоп). Майкоп: ООО «Аякс», 2007. С. 73–78.

215. Центры социальных исследований как механизмы обеспечения взаимодействия теории и практики в социальной работе // Профессиональная подготовка социальных работников: проблемы, опыт, перспективы: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград, 24–25 апреля 2007 г. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2007. С. 149–151.

216. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе в 1920–1940-е годы // Историческая демография: сб. науч. статей / ред. и сост. И.Л. Жеребцов. М.; Сыктывкар: ИЯЛИ, 2007. С. 133–137 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

217. Эффект смещенной перспективы: социальные потрясения времени в пространстве исторической антропологии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп, 2007. Вып. 1 (25). С. 148–154.

218. «Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей»: попытки гражданской консолидации общества в условиях революционного кризиса // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности: тезисы региональной научно-практической

конференции, г. Урюпинск, 26–29 апреля 2007 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 142–145.

219. [Отв. ред.]: Социокультурная адаптация косовских адыгов в Адыгее: материалы круглого стола. Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. 96 с.

220. [Ред.]: Социальные науки и социальные технологии в России: сборник научных статей. Майкоп: ООО «Аякс», 2007. Вып. 2. 204 с.

2008

221. Актуальные проблемы и административно-правовые механизмы совершенствования федеративных отношений на Северном Кавказе // Проблемы консолидации народов Северного Кавказа: материалы научно-практической конференции «Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: проблемы и пути решения (23–27 октября 2008, г. Нальчик)». Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. С. 186–192.

222. Безопасность Южного макрорегиона как проблема комплексного научного исследования // Этнические проблемы современности. Ставрополь: Изд-во Ставропольского госуниверситета, 2008. Вып. 13. С. 66–84 (в соавторстве с Л.В. Батиевым, Н.Д. Елецким, Е.Ф. Кринко, С.Я. Сущим, Т.Т. Тарасовой).

223. Демографическая статистика 1920-х гг. о численности и размещении славянского населения Адыгейской автономной области // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2008. Вып. 4. С. 42–49.

224. Демографическая статистика и ее возможности в изучении славянского населения Адыгеи в 1920-е гг. // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ: научный и учебно-методический ежегодник. Армавир, 2008. Вып. 6. С. 234–238.

225. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, с ограниченными возможностями здоровья в современном образовательном пространстве // Актуальные проблемы социализации и социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья, имеющих социальный статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: сборник материалов региональной научно-практической конференции (28 марта 2008 г.). Армавир: [Б.и.], 2008. С. 57–61

226. «Жизнь в профессии»: практики репрезентации личного опыта и сценарии освоения пространства «большой» науки // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты: материалы научной конференции Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2008. С. 179–188.

227. Инновационный потенциал современного школьного образования в его возможностях и пределах // Актуальные проблемы качества менеджмент-образования в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Армавир,

17–18 мая 2008 г.). Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2008. С. 62–69 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

228. [Рец.]: История России XX века в современных вузовских учебных пособиях республики Беларусь // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сборник научных статей. СПб.; Киев; Минск: Санкт-Петербургский институт истории РАН; Институт истории Украины НАН Украины; Белорусский госуниверситет, 2008. С. 702–705 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

229. [Рец.]: История России. XX век: учебное пособие. Минск, 2005; Современная историография новейшей истории России и истории СССР: справочно-библиографическое пособие для студентов. Минск, 2006 // Российские и славянские исследования: научный сборник. Минск: Белорусский госуниверситет, 2008. Вып. III. С. 257–262 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

230. Косовские адыги в Адыгее: опыт и проблемы социальной адаптации малой группы // Этнопанорама. 2008. № 3–4. С. 52–57.

231. Косовские адыги в Адыгее: основные социокультурные потребности группы и механизмы их удовлетворения // Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона: сборник статей. Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. С. 19–29 (в соавторстве с А.Н. Соколовой, Г.Г. Тхагапсовой).

232. Косовские адыги в Адыгее: основные социокультурные потребности группы и механизмы их удовлетворения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». 2008. Вып. 8. С. 196–204 (в соавторстве с А.Н. Соколовой, Г.Г. Тхагапсовой).

233. Косовские адыги в Адыгее: устойчивое развитие региона и адаптационный потенциал группы // Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона: сборник статей. Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. С. 29–34.

234. Косовские адыги-репатрианты в миграционном потенциале Республики Адыгея // Миграционные процессы на Юге России: реалии, проблемы, перспективы: сборник материалов международной научно-практической конференции. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2008. Вып. 2. С. 74–77.

235. [Рец.]: Н.Ф. Бугай. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века) // Отечественная история. 2008. № 3. С. 200–201 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

236. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 35–60 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко, И.В. Юрчук).

237. Образы советского Северного Кавказа 1920–1940-х гг. в современной отечественной историографии // Вс.Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения (I Всероссийские Миллеровские чтения): тезисы докладов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. С. 99–100 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

238. Очевидность научного знания и новые стратегии освоения прошлого // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: материалы 6-й Всероссийской научно-методической конференции, г. Сочи, 21–22 февраля 2008 г. Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. С. 261–264.

239. Память, воображение и реальность прошлого // Российское общество: историческая память и исторические реалии: материалы межрегиональной научно-практической конференции. XIV Адлеровские чтения. Краснодар: Традиция, 2008. С. 304–307.

240. Повстанческое движение 1920–1930-х гг. на Северном Кавказе в лабиринтах современной историографии: основные концепты и исследовательские практики // Чеченцы в сообществе народов России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г. Грозный, 18–19 декабря 2008 г.): в 2 т. Назрань: Пилигрим, 2008. Т. 2. С. 357–366.

241. Построение модели прогнозного фона «Адаптация косовских адыгов в Республике Адыгея» и определение ее «коридора возможностей» // Полиэтничный макрорегион: язык, культура, политика, экономика: тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9–10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 344–347.

242. Правовой нигилизм и «наивное судопроизводство» в советской России 1920-х гг. // Судебная защита прав человека в России: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (20 декабря 2007 г.). Майкоп: ООО «Аякс», 2008. С. 104–106.

243. Предпосылки и механизмы перехода к инновационному развитию региональной экономики. Шахты: ЮНЦ РАН, ЮРГУЭС, 2008 (в соавторстве с Н.Д. Елецким, Е.Ф. Кринко и др.).

244. Принимающее сообщество и репатрианты: проблемы взаимовосприятия (на примере косовских адыгов в Адыгее) // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия: тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 ноября 2008 года. М.: ИРИ РАН, 2008. С. 237–241.

245. Проблемные зоны памяти, национальная идентичность и процессы социальной адаптации косовских адыгов в Адыгее // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории: материалы международной научной конференции

(Пятигорск, 25–27 апреля 2008 г.). Ставрополь; Пятигорск; М.: Изд-во Ставропольского госуниверситета, 2008. С. 362–370.

246. Проблемы и перспективы социальной адаптации косовских адыгов в Республике Адыгея // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: сборник научных статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 132–139.

247. [Рец.]: Реабилитация «наказанных народов» // Новая Польша. Общественно-политический и литературный ежемесячник. 2008. № 2 (94). С. 18–20 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

248. Русские, великороссы и украинцы…: методика подсчета и численность украинского населения в Адыгее в 1920-е гг. // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар: Картика, 2008. Вып. 3. С. 286–291.

249. Рынок как часть социальной биографии города // Социальные науки и социальные технологии в современной России: материалы межвузовской научно-практической конференции. Майкоп: ООО «Аякс», 2008. Вып. 3. С. 106–110 (в соавторстве с В.Н. Казак, Д.А. Очередниченко, О.В. Чебановой).

250. «Синдром осажденной крепости», или как на Кубани появились национальные районы // Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края. Краснодар: ООО «Книга», 2008. Т. III (24). С. 194–203.

251. Современная исследовательская практика и ее возможности в изучении национально-государственного строительства на Северном Кавказе // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России: в 2 ч. Карачаевск: КЧГУ, 2008. Ч. 2. С. 244–253.

252. Состояние источниковой базы и ее возможности в изучении советской истории Северного Кавказа 1920–1940-х гг. // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. Научный журнал. 2008. Вып. 3–4 (5–6). С. 188–197 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

253. Социальное самочувствие репатриантов как показатель устойчивости развития региона (на примере косовских адыгов Республики Адыгея) // История и обществознание: научный и учебно-методический ежегодник исторического факультета АГПУ. Армавир: АГПУ, 2008. Вып. VI. С. 76–78.

254. Социальное самочувствие репатриантов как показатель устойчивого развития региона (на примере косовских адыгов Республики Адыгея) // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: материалы межрегиональной научной конференции. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2008. С. 147–151.

255. Становление системы социального обеспечения и социального контроля в советской России 1920-х гг. // Социальные науки и социальные технологии в современной России: материалы межвузовской научно-практической конференции. Майкоп: ООО «Аякс», 2008. Вып. 3. С. 102–106.

256. Школьная история в ее пределах и возможностях: опыт одной интеллектуальной провокации // Актуальные проблемы исторического и обществоведческого образования в школе и вузе: материалы всероссийской научно-практической конференции (28–29 марта 2008 г.). Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2008. С. 106–109.

257. [Отв. ред.]: Социальные науки и социальные технологии в современной России: материалы межвузовской научно-практической конференции. Майкоп: ООО «Аякс», 2008. Вып. 3. 195 с.

2009

258. Архивы как государственные учреждения и меморатные практики, или о «неспецифических» трудностях освоения прошлого // Архивная служба Адыгеи. 85 лет: сборник материалов по празднованию 85-летия Архивной службы Адыгеи и научной конференции «Формирование и использование документов Архивного фонда Республики Адыгея». Майкоп: ООО «Качество», 2009. С. 37–46.

259. Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития: Всероссийская научная конференция, посвященная 180-летию присоединения Карачая к России // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3. С. 125–127 (в соавторстве с Р.М. Бегеуловым).

260. Демографическая статистика 1920-х гг. как источник по изучению славянского населения Адыгейской автономной области // Диалог культур: славяне в социокультурном пространстве Северо-Западного Кавказа. Майкоп: ООО «Качество», 2009. С. 113–119.

261. Диагностический потенциал современного исторического знания и его возможности в определении уровня фоновой напряженности на Юге России // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов: материалы Всероссийской научной конференции (21–22 сентября 2009 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 341–344.

262. Досуг и быт советского человека образца 1920-х гг. в пространстве истории повседневности: опыт одной реконструкции // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН, МаГУ, 2009. Вып. 9. С. 209–224.

263. За пределами советской повседневности // Личность, общество, государство. Проблемы развития и взаимодействия: межрегиональная научно-практическая конференция, 2–6 октября 2009 г. Краснодар: Традиция, 2009. С. 428–431.

264. Застойные десятилетия в истории советской Адыгеи: в преддверии грядущих перемен // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – II: материалы региональной научной конференции. Пятигорск, 20–22 ноября 2009 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 316–325.

265. Индикаторы «проблемных зон» в изучении ранней советской истории народов южного макрорегиона // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: материалы Всероссийской научной конференции (9–10 июня 2009 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 326–329.

266. Историческая наррация: между реальностью и авторским вымыслом // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: материалы 7-й Всероссийской научно-методической конференции, г. Сочи, 20–21 февраля 2009 г. Сочи: СГУТИК, 2009. С. 182–186.

267. Историческое знание и его экспертные возможности в обеспечении устойчивого развития Южного макрорегиона // Актуальные проблемы гуманитарных наук: материалы 2-й региональной конференции. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. С. 211–217.

268. История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в.: в 2 т. Т. I. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное изд-во, 2009. 452 с. (в соавторстве с П.У. Аутлевым, Н.Н. Денисовой и др.).

269. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

270. История, социальная практика и социогуманитарная экспертиза на Юге России // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т. V: Социальные и гуманитарные науки. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 178–193.

271. «Кому ты опасен, историк?»: экспертные возможности знания о прошлом и практики его проблематизации на Юге России // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций XX века: материалы научной конференции 24–26 сентября 2009 г. Краснодар: Традиция, 2009. С. 103–112.

272. Народы, власть и экспертное сообщество в современных этнополитических процессах на Юге России // Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межнациональных отношений: материалы XXV Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 12–13 мая 2009 г. СПб.: Нестор, 2009. С. 298–303.

273. Научный семинар «Классическая русская литература и современные социокультурные тенденции: к юбилею Н.В. Гоголя и А.П. Чехова» // Вестник Южного научного центра РАН. 2009. Т. 5. № 3. Июль – сентябрь. С. 150–151 (в соавторстве с М.Ч. Ларионовой)

274. Национальная государственность как особенность и вызов российской цивилизации // Стратегии России в историческом и мировом пространствах: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 5 июня 2009 г.). М.: Научный эксперт, 2009. С. 1049–1068.

275. Окно в прошлое: исторический источник в пространстве интеллектуальных вызовов времени // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 3 (13). С. 7–15.

276. От автономии к полноправной государственности: опыт одной реификации // Традиционная культура народов Краснодарского края и Северного Кавказа. К 100-летию Леонида Ивановича Лаврова: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Краснодар, 21 ноября 2009 г.). Краснодар: Традиция, 2009. С. 113–124.

277. Повседневный мир советского человека эпохи раннего тоталитаризма: от концептуального осмысления к жанру исторического комментария // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сборник статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 16–36.

278. Принцип этнического квотирования и жизнь «по праву большинства»: реалии и казусы современной северокавказской истории // Материалы Всероссийской конференции «Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России», 22–26 мая 2009 г. Краснодар: Традиция, 2009. С. 500–504.

279. Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX–XXI вв.). М.: ИРИ РАН, 2009. С. 109–132 (в соавторстве).

280. Роль религиозного фактора в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе в 1920-е гг. // Религии и религиозные объединения как фактор гражданского мира и межнационального согласия на Северном Кавказе: материалы региональной научно-практической конференции. Махачкала, 19 ноября 2009 г. Махачкала, 2009. С. 195–201.

281. Роль советского государства в становлении национальных автономий народов Северного Кавказа: опыт историографического осмысления // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа: материалы региональной научной конференции. Пятигорск, 14–16 ноября 2008 г. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. С. 315–328.

282. С высоты птичьего полета, или Что привлекает современного исследователя в повседневном мире советского человека 1920–1940-х гг. // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сборник статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 5–8 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

283. Советский Северный Кавказ в 1920–1940-е годы: проблемные зоны современной отечественной историографии // Вестник

Южного научного центра РАН. 2009. Т. 5. № 3. Июль – сентябрь. С. 76–83 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко)

284. Современная российская историография: в 2 ч. Минск: РИВШ, 2009. Ч. 1. 338 с. Ч. 2. 274 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко, В.И. Меньковским и др.).

285. Современный российский федерализм в системе обеспечения устойчивого развития Северо-Кавказского региона // Южный федеральный округ: динамика межэтнических отношений в меняющемся этнополитическом пространстве: материалы научно-практической конференции. Ростов-на-Дону; Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009. С. 232–243 (в соавторстве с Л.В. Батиевым).

286. Социальные преференции и стратегии жизнеобеспечения малых этнических групп в условиях формирования интенсивной модели социальной помощи // Современная Россия: проблемы и тенденции социального развития: материалы всероссийской научно-практической конференции (29–30 мая 2009 г.). Армавир, 2009. С. 173–176.

287. Устная история или «психология рассказанной жизни» в поисках метода // Методология и методы исторической психологии: материалы XXVI Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2009 г. СПб.: Нестор, 2009. С.111–116.

288. Устная история между теорией и методом // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.: материалы научно-практической конференции. Краснодар: Традиция, 2009. С. 33–40.

289. Хорошие концепции, новые источники и ...? Современная отечественная историография антисоветских выступлений на Северном Кавказе 1920–1930-х гг. в поисках третьей составляющей // Вопросы Южнороссийской истории. М.; Армавир: [Б.и.], 2009. Вып. 15. С. 114–123.

2010

290. Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества // Вестник Южного научного центра. 2010. Т. 6. № 3. С. 115–116 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

291. Вклад Северного Кавказа в достижение Победы: формирование источниковой базы проблемы (1940–1950-е гг.) // Юбилейный сборник научных трудов СНИЦ РАН и СГУТиКД. Сочи: РИО СГУТиКД, 2010. С. 15–22.

292. Война в пространстве новой исторической памяти // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 41–47.

293. Война в современных политиках памяти, или отчего так неохотно меняются ее официальные образы // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв. Уроки истории и вызов современности: материалы конференции. Краснодар: Традиция, 2010. С. 511–514.

294. Время как исследовательская категория и ощущение жизни: насколько и как измеримо существование советского человека 1920-х гг. // Личность, общество, государство. Проблемы развития и взаимодействия: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2–6 октября 2010 г. (XVIII Адлеровские чтения). Адлер: Традиция, 2010. С. 421–424.

295. Всероссийская научная конференция «Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов» // Вестник Южного научного центра РАН. 2010. Т. 6. № 1. С. 101–102.

296. Всероссийские переписи населения 1959 г. и 2002 г. как источник демографической информации... и не только // Историческая демография. Научный журнал. 2010. № 1 (5). С. 76–81.

297. Горцы, казаки и национальный вопрос на Северном Кавказе в 1920-е гг.: возможности историографического осмысления проблемы // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 151–154.

298. «Жизнь никогда не стояла на месте и на удивление походила на уже прошедшую»: Майкоп и майкопчане в летописи социалистического строительства // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции. Магнитогорск, 10–11 декабря 2010 г. Магнитогорск: МаГУ, 2010. С. 12–24.

299. Запад в восприятии советского человека 1920-х годов // Российская история. 2010. № 5. С. 38–48.

300. Имперский и советский опыт управления Северным Кавказа // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: сборник научных статей. Ростов н/Д: [Б.и.], 2010. С. 12–51 (в соавторстве с Л.В. Батиевым, А.Т. Урушадзе).

301. Историческая регионалистика: основные концепты и проблемы дисциплинарного роста // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 3 (17). С. 71–78.

302. История как политика, или «искусство невозможного» // История и историки в контексте времени: ежегодник. Сочи: РИО СГУТиКД, 2010. Вып. 7. С. 11–22.

303. «Казачий след» в общественной жизни дореволюционного Майкопа (опыт микроисторического анализа) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы седьмой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. Армавир: [Б.и.], 2010. С. 100–102.

304. «Кто более матери-истории ценен?»: красноармейцы и инвалиды в системе социального обеспечения (1920-е – начало

1930-х гг.) // Проблемы российской истории: научный ежегодник. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН, МаГУ, 2010. Вып. X. С. 118–126.

305. Личные фонды Национального архива Республики Адыгея: практика комплектования и перспективы использования // Отечественные архивы. 2010. № 2. С. 34–38 (в соавторстве с Ф.З. Гонежук).

306. Национальная история в пространстве обыденных представлений и политической прагматики // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследство: материалы Всеросийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 79–80.

307. Национально-государственное развитие Чечено-Ингушетии накануне Великой Отечественной войны в зеркале современной историографии // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2010. С. 559–566.

308. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны: по страницам библиотеки «Либерального чтения» // Былые годы. 2010. № 2 (16). С. 98–100.

309. Нескучный быт: уроки истории с А.П. Чеховым // Таганрогский вестник: материалы Международной научно-практической конференции «Истоки творчества А.П. Чехова: биография и поэтика». Таганрог: [Б.и.], 2010. С. 105–113.

310. Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика. М.: Голден-би, 2010. 384 с. (в соавторстве).

311. Поймут ли славяне славян: о некоторых проблемах изучения украинской диаспоры Кубани и Ростовской области // Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского: материалы международной научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2010. С. 139–145.

312. Проблемы обеспечения безопасности южного макрорегиона в контексте исторической памяти // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2010. Вып. 5. Ч. 1. С. 390–396.

313. Проект «единого отечества» и возможности его реализации на Северном Кавказе // Фундаментальные пробемы пространственного развития Юга России: междисциплинарный синтез: тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 336–339.

314. Региональная история: конфликтный и консолидирующий потенциал // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: сборник научных статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 216–233 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

315. Современное состояние и сценарии развития Северного Кавказа // Вестник Южного научного центра РАН. 2010. Т. 6. № 4. С. 122–123 (в соавторстве с А.Т. Урушадзе).

316. Традиции и обычаи в управлении Кавказом (исторический опыт) // Современное состояние и сценарии развития Северного Кавказом: материалы расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН. 29 июня 2010 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 77–82 (в соавторстве с А.Т. Урушадзе).

317. Украинизация Кубани и ее последствия // Былые годы. 2010. № 3 (17). С. 96–95.

318. Украинская диаспора Ростовской области и Кубани в русскоязычном сегменте интернета (опыт профессиональной рефлексии) // Историческая наука: проблемы и основные тенденции развития: материалы Международной научной конференции. Тула, 30 мая 2010 г. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. С. 13–23.

319. Устная история или «психология рассказанной жизни» в поисках метода // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: материалы VIII-й Всероссийской научно-методической конференции, г. Сочи, 19–20 февраля 2010 г. Сочи: РИЦ СГУТиКД, 2010. С. 137–142.

320. Экспертные возможности знания о прошлом в определении и локализации очагов потенциальной конфликтности в полиэтничном макрорегионе // Межнациональные отношения на Европейском Севере: история и современное состояние: материалы Всероссийской научной конференции. Сыктывкар: [Б.и.], 2010. С. 156–160.

321. [Ред.]: Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 448 с.

2011

322. Адыги в административно-территориальном пространстве советской России: механизмы интеграции // История и историки в контексте времени. Сочи, 2011. Вып. 8. С. 81–89.

323. Архивы как меморатные практики и их возможности в освоении прошлого // Сумський історико-архівний журнал. 2011. № XIV–XV. С. 7–14.

324. Героизм депортированных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне в региональной историографии // Война в истории и судьбах народов Юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): материалы Международной научной конференции (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 314–318.

325. Государственное строительство и национальная политика на Северном Кавказе: прошлое в настоящем // Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития региона: материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 270–273.

326. Досуг и отдых трудящихся советской Адыгеи. 1920-е гг. // Современные проблемы сервиса и туризма. 2011. № 1. С. 31–36.

327. «Думаю, что это письмо не останется без внимания, ибо это голос масс»: «женское» и «мужское» в отношении к абортам в 1930-е гг. // Частное и общественное: гендерный аспект: материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 года, Ярославль. М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 375–379.

328. Евреи Таганрога: между прагматизмом современной жизни и традиционными ценностями // Социс. 2011. № 9. С. 97–101 (в соавторстве с Т.Г. Курбат).

329. Использование инновационных методов и технологий в практической деятельности по профилактике идеологии терроризма // Вестник Южного научного центра РАН. 2011. Т. 7. № 1. С. 99–100.

330. История vs политика: экспертный потенциал знания о прошлом на юге России // Политическая наука: состояние и перспективы развития в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2011. С. 483–491.

331. История как жанр, или почему нас так неохотно читают // Былые годы. 2011. № 3 (21). С. 76–84.

332. Источники официального происхождения в пространстве новой локальной истории // Интернет-конференция «Предметное поле новой локальной истории – источниковедческая методология исторического познания: опыт и перспективы взаимодействия». URL: http://www.newlocalhistory.com/node/461 (дата обращения: 29.05.2017).

333. Кому ты полезен, историк? Об исторической экспертизе и ее возможностях // Будущее нашего прошлого: материалы Всероссийской научной конференции, 15–16 июня 2011 г. М.: РГГУ, 2011. С. 262–272.

334. Кто виноват и что делать, если прошлое не оправдывает ожиданий настоящего (по страницам северокавказских историй) // Историк и общество. Исторический факт как аргумент политической полемики. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 201–214.

335. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: Проблемы историографии. Saarbrucken: Lambert Academic Publishing, 2011. 369 с.

336. Новая биографическая история в поисках путей понимания взаимодействия человека и общества // История идей и история общества: материалы IX Всероссийской научной конференции.

Нижневартовск, 14–15 апреля 2011 года. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2011. С. 365–367.

337. От Кавказского наместничества к Северо-Кавказскому краю: поиск оптимальной модели управления // Вестник Южного научного центра РАН. 2011. Т. 7. № 2. С. 94–102 (в соавторстве с А.Т. Урушадзе).

338. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой).

339. Показана ли российскому Кавказу политика канадского мультикультурализма? // Канадский опыт мультикультурализма и российская политика на Кавказе = The Canadian Experience of Multiculturalism and Russian Policy in the Caucasus: материалы научно-практической конференции, Волгоград, 14–15 апреля 2011 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. С. 82–103 (в соавторстве с А.Т. Урушадзе).

340. Политика «положительного действия», автономии и разделенные народы на Северном Кавказе // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 190–196.

341. Причерноморские шапсуги: советский опыт национального районирования и современные проблемы // «Черкесский вопрос» в контексте угроз и рисков в Азово-Черноморском регионе: материалы Расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (5 июля 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 67–75.

342. Проблемы государственного строительства и федеративных отношений на Северном Кавказе // Российская история. 2011. № 5. С. 203–207.

343. Роль национальных историй в создании новых этнокультурных брендов Северного Кавказа // Культура и пространство. Книга третья. Этнокультурный бренд и историко-культурные образы в инновационном развитии Северо-Кавказского региона: сборник научных статей. Ростов н/Д; Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2011. С. 150–160.

344. Россия – Грузия: альтернатива конфронтации – созидание. Проблемы истории российско-грузинских отношений XIX–XX вв. М.: ИРИ РАН, ЗАО «Гриф и К», 2011. 452 с. (в соавторстве).

345. Северокавказские национальные движения и революция 1917 г. в осмыслении современной историографии // Юг России: реформы, революции, поиски гражданского мира (памяти П.А. Столыпина): материалы региональной научной конференции (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 32–39.

346. Системный кризис на Северном Кавказе и проблемы укрепления российской государственности // Былые годы. 2011. № 2. С. 110–111 (в соавторстве с А.Т. Урушадзе).

347. Советский опыт решения «черкесского вопроса» // Власть и общество (история, теория, практика). Научный журнал Ассоциации открытой дипломатии. 2011. № 4 (20). Т. II. С. 63–72.

348. Украинизация Кубани и ее последствия // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар: Экоинвест, 2011. Вып. 6. С. 300–303.

349. Устная история и ее возможности в решении задач современного гуманитарного знания // Былые годы. 2011. № 4 (22). С. 53–58.

350. In search of a new image North Caucasus in the era of global changes // European researcher. 2011. № 9 (12). P. 1302–1305 (на рус. яз.).

351. Rehabilitacja «Ukaranych narodow» // Новая Польша. Общественно-политический и литературный ежемесячник. 2011. Wydanie Specjalne. 2005–2011. P. 72–74 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко, на польск. яз).

352. Soviet Georgia attainments and losses in 1920–1930 according to modern Georgian historiography estimations and public conscience // European researcher: Multidisciplinary scientific periodical. 2011. № 1 (3). P. 27–38 (на рус. яз.).

353. "The house that Swift built": Taganrog Jews in search of ethnic identity // European researcher: Multidisciplinary scientific periodical. 2011. № 2 (4). P. 156–164 (в соавторстве с Т.Г. Курбат, на рус. яз.).

354. Ukrainization: between big time politics and current objectives of soviet construction // European researcher: Multidisciplinary scientific periodical. 2011. № 6 (9). P. 963–970 (в соавторстве с И.Ю. Васильевым, на рус. яз.).

355. [Зам. отв. ред.]: Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 376 с.

2012

356. «Армяне Таганрога» как гражданский проект и досуговая практика // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 216–222 (в соавторстве с Т.Г. Курбат).

357. Архивация индивидуальной памяти и возможности ее использования // Нові сторінки історії Донбасу: збірник статей. Донецьк: [Донецький національний університет], 2012. Кн. 21. С. 20–30.

358. Архивные источники по истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // У всякого народа есть родина, но только у нас – Россия. Проблема единения народов России в экстремальные периоды истории как цивилизованный феномен российской государственности. Исследования и документы. М.: Прометей, 2012. С. 140–157 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

359. В поисках профессионального домена: история и историки во времена нестабильности // Былые годы. 2012. № 1 (23). С. 62–70.

360. История и социальная практика: проблемы взаимодействия // Российские и славянские исследования: научный сборник. Минск: Белорусский госуниверситет, 2012. Вып. 7. С. 73–80.

361. История как социальная практика и возможности ее экспертирования // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7–8 февраля 2012 года). Ч. I. История идей и история общества. Отечественная история. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2012. С. 485–487.

362. История, политика и экспертные возможности знания о прошлом на Юге России // Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 409–425.

363. «Казачий вопрос» и проблемы национально-государственного строительства на Северном Кавказе // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (октябрь 2011 г.). Краснодар: Традиция, 2012. С. 257–263.

364. Материальное измерение жизни советского человека 1920-х гг. в пространстве детских воспоминаний // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ: Інститут історії України НАН України, 2012. Вип. 6. С. 457–466.

365. Проблемы управления полиэтничным регионом: исторический опыт и современные задачи // Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 33–54 (в соавторстве с А.Т. Урушадзе).

366. Пространство повседневной жизни советского человека 1920-х – 1930-х гг.: границы, социальные функции, практики освоения // Сумський історико-архівний журнал. 2011. № XVI–XVII. С. 142–149.

367. Прошлое в современных этнополитических процессах Республики Адыгея // Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики: материалы заочного круглого стола. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 136–153.

368. Регионализация vs этнизация прошлого: издержки и приобретения. URL: http://history.org.ua/?webinar=5035 (страница более не доступна).

369. Регионализация знаний о прошлом и формирование новых научных школ на юге России // Историки, научные школы и исторические сообщества Юга Российской империи, СССР и постсоветского пространства: материалы Международной научной конференции:

сборник научных статей. Краснодар: Изд-во Южного института менеджмента, 2012. С. 227–239.

370. Решение национального вопроса на Северном Кавказе // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 128–135.

371. Роль национальных историй в создании новых этнокультурных брендов Северного Кавказа // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 212–219.

372. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе).

373. Северо-Восточное Приазовье в системе административно-территориальных преобразований на юге России: из опыта формирования региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 4. URL: http://www.online-science.ru/m/products/istori_sciense/gid175/pg0/ (в соавторстве с А.Т. Урушадзе).

374. Социальное время и стратегии овладения им в 1920-е – 1930-е гг. // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2012. Вып. XI. С. 242–256.

375. Становление и развитие государственности Адыгеи (1920-е – 1990-е гг.) // Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 184–196.

376. «Судьбу национальных районов еще долго будут определять чуждые нам элементы»: идеи и люди в становлении Чеченской автономной области // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – IV: материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18–20 ноября 2011 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. С. 376–384.

377. Теле-шоу: историческое знание за пределами научного жанра // Научный диалог: журнал научных публикаций. 2012. № 4. История. Социология. Культурология. Этнография. С. 238–252 (в соавторстве с А.Т. Урушадзе).

378. Украинизация как политика и проблема современной историографии // Історіографічні дослідження в Україні: доповіді та матеріали Міжнародної наукової конференції Інститут історії України на зламі епох, у світлі традицій та перетворень. 75 років інституціонального буття (20–21 жовтня 2011 р., м. Київ). Київ: Інститут історії України НАН України, 2012. Вип. 22. С. 201–214 (в соавторстве с И.Ю. Васильевым).

379. Украинская диаспора Ростовской области: механизмы и практики поддержания этнического самосознания // Былые годы. 2012. № 2 (24). С. 62–68.

380. Устная история как междисциплинарная практика // Стены и мосты: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г. М.: Совпадение, 2012. С. 143–152.

381. Фактор общего прошлого и его возможности в развитии южного макрорегиона // Реалии многоукладного макрорегиона: потенциал обновления и препятствия развитию: материалы Расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (7 февраля 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 97–110.

382. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени как исследовательский проект // Былые годы. 2012. № 3 (25). С. 98–105.

383. «Черкесский вопрос»: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра РАН. 2012. Т. 8. № 1. С. 80–89 (в соавторстве с Г.Г. Матишовым, Ю.Ю. Клычниковым).

384. «Черкесский вопрос» как незавершенный проект нациестроительства на Северном Кавказе // Історичні та політологічні дослідження. 2012. № 2 (50), вересень. С. 174–185.

385. «Этот поразительный человеческий документ публиковался два раза»: письма и дневники военного времени как исторический источник // Народы юга России в отечественных войнах: материалы Международной научной конференции (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 385–392.

386. Юго-Восток России: реформа районирования и ее итоги // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI века): сборник статей всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 1150-летию российской государственности, памяти профессора А.В. Ремнева (1955–2012), 60-летию со дня рождения профессора А.И. Репинецкого (г. Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 г.). Оренбург: Пресса, 2012. С. 456–460.

387. “Hot” Memory of Peoples from South Russia: What Kind of the Past is needed to Modern Society of Russia? // European Researcher. 2012. № 2 (17). P. 120–125 (на рус. яз.).

388. Private Life of Soviet Man during Wartime in Documentary Witnesses of Regional Record Vault // European Researcher. 2012. № 11–1 (33). P. 1852–1858 (на рус. яз.).

389. [Зам. отв. ред.]: Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 416 с.

390. [Отв. ред.]: Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики: материалы заочного круглого стола. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 178 с.

2013

391. «Адыгейское дело»: три версии одного события // Пленарный доклад на Международном симпозиуме «Роль Гулага в освоении циркумполярной зоны» (Воркута, 17–19 октября 2013 г.). Сыктывкар – Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 20 с.

392. «Армяне Таганрога» как досуговая практика и этнический проект // X Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 79.

393. «Армянские разговоры» в эпоху взрыва этничности // Социс. 2013. № 7. С. 44–52 (в соавторстве с Т.Г. Курбат).

394. «В этой истории я чуть имею, как говорят, корни»: практики институционализации украинской диаспоры Ростовской области и ее особенности // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 142–148 (в соавторстве с Т.Г. Курбат).

395. Великая Отечественная война и новая историческая память: «понимающее забвение», «проработка прошлого» и креативное мифотворчество // Русская старина. 2013. № 2 (8). С. 97–104.

396. Жизнь в эпоху перемен, или о том, как в 1920-е – 1940-е гг. в советской России решался жилищный вопрос // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 3. С. 54–62.

397. Жилищная политика советского государства накануне и в годы Великой Отечественной войны // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 246–252.

398. Жилое пространство и особенности его организации в советской России в 1920–1940-е гг. (Статья первая) // Былые годы. 2013. № 1 (27). С. 61–70.

399. Имперская и советская управленческие практики формирования Северо-Кавказского региона // Проблемы взаимодействия власти и общества: осмысление исторического опыта: сборник статей. Оренбург: ООО Агентство «ПРЕССА», 2013. С. 11–18.

400. Институционализация диаспор Ростовской области как механизм «встраивания» в пространство межкультурного взаимодействия // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: мат-лы II Всероссийской науч.-практ. конф. (г. Нижневартовск, 8 февраля 2013 г.). Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного ун-та, 2013. Ч. II. История идей и история общества. Теория истории, историография, методология исторического исследования. Проблемы отечественной истории. С. 196–201.

401. Исторический источник: жизнь в контексте времени // Русский архив. 2013. № 1 (1). С. 3–6.

402. Историческое знание как тестовая методика анализа фона напряженности на юге России // Русская старина. 2013. № 1 (7). С. 39–44.

403. История и политика: что происходит на Северном Кавказе, и повинно ли в этом прошлое? // Вестник. Северный Кавказ. 2013. № 1. С. 178–180.

404. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе // Історичні і політологічні дослідження. 2013. № 4 (54). С. 305–312.

405. Корпус источников по истории казачества раннего советского времени и его исследовательские возможности // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века: материалы Всероссийской научной конференции (17–18 октября 2013 г., г. Волгоград). Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГОУ ВПО РАНХиГС, 2013. С. 242–247.

406. Культурные ракурсы прошлого столетия // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 3 (50). С. 115–117.

407. Лидеры общественных организаций и население Республики Адыгея о роли Российского государства в решении проблемы репатриации соотечественников // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – V. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. С. 325–330.

408. Нациестроительство и современные этнополитические процессы на Северном Кавказе // Лавровский сборник: материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: Кунсткамера, 2013. С. 597–602.

409. Национально-государственное строительство в Чечне в 1920-х гг. в пространстве советской и современной российской историографии // Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность: материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни. Грозный, 30 ноября – 1 января 2012 г. Грозный: ЧГПУ, 2013. С. 209–215.

410. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: замыслы, воплощение и результаты // Россия и Кавказ: история и современность: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности, г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. Грозный: Aleph, 2013. С. 731–742.

411. «Писали и про войну, и тоску по дому»: дневники и письма военного времени как практики реализации приватного // Проблемы российской истории. Магнитогорск: МаГУ, 2013. № 1. С. 295–307.

412. По ту сторону тоталитаризма: коммунальное жилье // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013 гг.: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского

государства: материалы VIII Международной конференции. Краснодар: Экоинвест, 2013. Ч. II. С. 18–29.

413. Произведения А.П. Чехова как исторический источник // А.П. Чехов: пространство природы и культуры: сборник материалов Международной научной конференции. Таганрог, 11–14 сентября 2013 г. Таганрог: Лукоморье, 2013. С. 58–64.

414. Роль прошлого в нормализации жизни современного чеченского общества // Послевоенная реконструкция в Чеченской Республике и мировой опыт. 1-е Кадыровские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Дня республики (Дня гражданского согласия и единения). Грозный. 3–4 сентября 2012 г. Грозный: АН ЧР, 2013. С. 503–511.

415. Россия и Кавказ: болевые точки взаимодействия и стратегия «исторического» примирения // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КубГУ, 2013. С. 45–53.

416. «Таганрог многонациональный» как социальный проект // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. 29–30 января 2013 г. «Задачи преобразования Таганрога». Таганрог: Ангел Руси, 2013. С. 152–153.

417. Формирование советской национальной политики: между изобретением традиции и воображаемыми сообществами // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2013. № 3. С. 87–96.

418. Частная жизнь и ее проявления в женских воспоминаниях о войне // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории. Нальчик; Москва: КБГУ, 2013. Т. 1. С. 188–190.

419. Частная жизнь советского человека в двух дневниках периода Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 2013. № 1. С. 66–72.

420. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой).

421. Шапсугская проблема в зеркале экспертного мнения // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: сб. науч. статей и мат-лов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 103–151.

422. Шапсугская проблема: механизмы формирования зоны геополитической напряженности // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности: мат-лы Всероссийской науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 71–75.

423. Это было не простое, но удивительно легкое знакомство... // Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов. Армавир; Ставрополь: Дизайн-Студия Б, 2013. С. 553–554.

424. Family and Family Relationship in Oral Recollections by Veterans of the Great Patriotic War // European Researcher. 2013. № 3–1 (43). P. 549–554 (на рус. яз.).

425. Living Space and Its Arrangement in Wartime (The second article) // Былые годы. 2013. № 3 (29). С. 62–68.

426. The House Was More Than Just the Place We Lived in: Living Space Development by the Participants of the Great Patriotic War // Военный сборник. 2013. Т. 1. № 1. С. 48–60 (на рус. яз.).

427. [Ред.]: Коренной перелом в Великой Отечественной войне. К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 456 с.

428. [Отв. ред.]: Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия: сборник научных статей и материалов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 246 с.

429. [Ред.]: Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013 гг.: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства: материалы VIII Международной конференции. Краснодар: Экоинвест, 2013. Ч. I. 420 с. Ч. II. 416 с.

430. [Зам. отв. ред.]: Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 322 с.

2014

431. «А потом я услышал это странное слово…»: эвакуация в воспоминаниях очевидцев и партийных документах Ростовской области // Военный сборник. 2014. Т. 3. № 1. С. 33–40.

432. «В деле охраны здоровья работающей женщины мы добились значительных успехов»: комната личной гигиены // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: в 2 т. М.: ИЭА РАН, 2014. Т. 1. С. 204–207.

433. Война длиною в вечность, или Perpetuum mobile адыгского единства // Антропология конфликта и мира в культуре народов юга России, Кавказа: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Книга, 2014. С. 164–175.

434. Детство Великой Отечественной: историография, память, проблемы поля // Дети и война: Сталинградская битва и жизнь

в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 6–17 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко, И.И. Куриллой, М.А. Рыбловой).

435. Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 56–69.

436. Жилищный вопрос и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2014. № 5 (29): История. Социология. С. 17–38.

437. Историческая политика и общественное сознание эпохи российского транзита // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 433–438 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

438. История в эпоху перемен: между академической наукой и социальной практикой // Особистість, суспільство, держава: проблеми минулого ісьогодення: збірник матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції: у 2 ч. (Суми – Курськ, 18 квітня 2014 р.). Суми; Курськ: Сумський державний університет; Південно-Західний державний університет, 2014. Ч. 2. Т. 1. С. 57–61.

439. История и политика на Северном Кавказе: повинно ли прошлое в том, что происходит в неспокойном регионе // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VI: материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 22–23 ноября 2013 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С. 293–300.

440. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

441. Источники официального происхождения в пространстве новой локальной истории // Новая локальная история: по следам Интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь: СКФУ, 2014. С. 250–252.

442. «Кадры из военного детства»: о чем и как вспоминают очевидцы Великой Отечественной в преддверии юбилея Победы // Знаки войны в жизни и памяти: влияние вооруженных конфликтов XX века на российское общество: сборник научных статей. Ростов н/Д: Foundation, 2014. С. 178–190.

443. «Казаки просят автономию, а нации-то такой нет...»: случай Притеречного округа // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты: сборник статей 2-й международной научной конференции. Краснодар: Изд-во Южного института менеджмента, 2014. С. 237–244.

444. Казачество в практиках современного нациестроительства // Из истории и культуры линейного казачества Северного

Кавказа: материалы девятой международной Кубанско-Терской научной конференции. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2014. С. 108–110.

445. Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. // Вестник Южного научного центра РАН. 2014. Т. 10. № 3. С. 106–111.

446. Локусы приватного: дом и семья в устных воспоминаниях очевидцев Великой Отечественной войны // Сумський історико-архівний журнал. 2014. № XXII. С. 24–32.

447. Между двумя Югами: северо-восточное Приазовье в 1920-е – 1930-е гг. // Південь України у вітчизняній та европейській історії: материали II Міжнородної науково-практичної конференції (Одеса, 25–26 вересня 2014 року). Одеса: Астропринт, 2014. С. 176–181.

448. "We haven't come across any formalized nations in the North Caucasus": Soviet nation-building practices and their regional characteristics // European Researcher. 2014. № 1–1 (66). С. 42–48 (на рус. яз.).

449. Нациестроительство на Северном Кавказе: исследовательский проект и его итоги // Материалы II Международного форума историков-кавказоведов (15–16 октября 2014 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2014. С. 25–30.

450. Национальное образование на Северном Кавказе и его правовое обеспечение // Российские регионы: взгляд в будущее: научно-практический журнал. 2014. № 1. 35–52 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

451. Национальный вопрос и институциональные практики его разрешения на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2014. № 4. С. 44–50 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

452. О кризисе жанра современного историописания и одной из возможностей его преодоления // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7 февраля 2014 года). Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского госуниверситета, 2014. Ч. I. С. 206–209.

453. Оккупация советских территорий в исторической памяти ее очевидцев // Победа – одна на всех: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 24 апреля 2014 г. Витебск: Витебский госуниверситет имени П.М. Машерова, 2014. С. 51–54.

454. Памятник на площади: жизнь в тени праздника // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 3. С. 27–35 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

455. Семейная переписка периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в коллекции ЦГА Москвы // Отечественные архивы. 2014. № 2. С. 50–59.

456. Советская национальная государственность: понятие, ставшее реальностью // Российская история в начале XXI века: опыт,

проблемы, перспективы: международная научно-практическая конференция. Оренбург, 13–14 мая 2014 г.: сборник статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. С. 346–349.

457. Современное знание о прошлом и его возможности в формировании позитивного имиджа северокавказского региона // Имидж в стратегии инновационного развития регионов России: всероссийская научно-практическая конференция. Волгоград, 19–21 июня 2014 г. Волгоград: Изд-во ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 199–201.

458. Современные подходы и информационные ресурсы в изучении Первой мировой войны // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 18–25 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

459. Устная история и ее возможности в изучении Великой Отечественной войны // Научное наследие А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.). Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2014. С. 269–275.

460. «Черкесский вопрос» и Всероссийская перепись населения 2010 г. // Историческая демография. 2014. № 1 (13). С. 39–42.

461. An Interview with Anatoly Konstantinovich Agarkov (Conducting the interview; preparing the material for publication) // Русский архив. 2014. Vol. 5. № 3. P. 163–190 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко) (на рус. яз.).

462. An Interview with Nadezhda Fedorovna Reznikova (Conducting the interview; preparing the material for publication) // Русский архив. 2014. Vol. 5. № 3. P. 191–207 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко) (на рус. яз.).

463. Evacuation of Civilians and Material Values During the Great Patriotic War: Memory vs Document // Русская старина. 2014. № 2 (10). С. 69–79 (на рус. яз.).

464. From a Military Fortification to an Olympic Capital: a Historiographical Survey of the History of the Formation and Development of Greater Sochi // European Journal of Social and Human Sciences. 2014. Vol. 3. № 3. P. 125–143 (на англ. яз.).

465. History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941–1945 // Русский архив. 2014. Vol. 5. № 3. P. 152–162 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко, на рус. яз.).

466. Letters and Diaries of E.M. Rudneva as a Historical Source // Русская старина. 2014. № 1. С. 11–17 (на рус. яз.).

467. Milestones of Return of "Forgotten War": Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World // Былые годы. 2014. № 33 (3). С. 296–305 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко, на рус. яз.).

468. Sources on the History of Nation-building in the Northern Caucasus: Species Diversity and the Possibility of Using // Русский архив. 2014. Vol. 3. № 1. P. 5–9 (на рус. яз.).

469. Tales of War: Childhood Memories of Elderly People // Былые годы. 2014. № 1 (31). С. 49–55 (на рус. яз.).

470. The Second Forum of Caucasus Studies Historian // Русская старина. 2014. Vol. 12. № 4. P. 239–240 (на рус. яз.).

471. "We Wanted Sound Wages, Clothing, and Galoshes": The Material Remuneration and Temptations of Workers in Soviet Adygea in the 1920s // Русская старина. 2014. Vol. 12. № 4. P. 226–234 (на рус. яз.).

472. [Глав. ред.]: Русская старина. 2014. № 1. 60 с.

473. [Глав. ред.]: Русская старина. 2014. № 2. 42 с.

474. [Глав. ред.]: Русская старина. 2014. № 3. 54 с.

475. [Глав. ред.]: Русская старина. 2014. № 4. 80 с.

2015

476. Дворцы из сливовых косточек»: градостроительные утопии и советская жилищная политика 1920-х – 1930-х гг. // Проблемы российской истории. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2015. Вып. XIII. Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. С. 89–98.

477. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 336 с. (в соавторстве с М.А. Рыбловой, Е.Ф. Кринко, Е.В. Архиповой, И.В. Куриллой, М.П. Назаровой).

478. Жизнь в военном Сталинграде: детские воспоминания и большая наука // Антропология конфликта и мира: Великая Отечественная война в исторической памяти и культуре народов юга России: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Книга, 2015. С. 21–31.

479. Проблемы деятельности санитарной службы Юго-Западного (Сталинградского, Донского) фронта по обеспечению боеспособности личного состава (1942–1943 гг.) // Вестник Южного научного центра. 2015. Т. 11. № 2. С. 78–86.

480. Проблемы изучения детской памяти о Великой Отечественной войне // Дети и война: социально-психологические, демографические, историко-культурные последствия войны для детей и юношества: материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 23–25 октября 2014 г. Волгоград: Альфа, 2015. С. 78–84. (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

481. Проект У.Д. Алиева по созданию Национального совета и его роль в решении национального вопроса на Северном Кавказе //

Виноградовские чтения: материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, 11 апреля 2015 г.). Армавир: Дизайн студия Б., 2015. С. 165–169.

482. Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 46–55 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

483. Современный метанарратив о войне: участники, источники, границы // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 475–479.

484. Украина без Ленина: старые памятники и новая идеология // Российские регионы: взгляд в будущее: научно-практический журнал. 2015. № 1 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко). URL: http://futureruss.ru/wp-content/uploads/2015/02/Krinko_Chlinina.pdf.

485. «Хранители памяти» и стратегии воскрешения прошлого // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 года) Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского госуниверситета, 2015. Ч. I. С. 250–253.

486. Children of Stalingrad Talk about Themselves: Characteristics and Problems of Recording the Memories of Witnesses // Русский архив. 2015. № 4. С. 256–266. (в соавторстве с Е.В. Архиповой, М.А. Рыбловой, Е.Ф. Кринко, на рус. яз.).

487. Condition and Organization of Everyday Life in the Military Units of the Southwestern, Stalingrad and Don Fronts (1942–1943) // Военный сборник. 2015. № 1. С. 40–47 (на рус. яз.).

488. “In order to strengthen the protection of Rostov mobilized population”: the construction of fortifications autumn 1941 – summer 1942 // Былые годы. 2015. № 2. С. 434–441 (на рус. яз.).

489. [Глав. ред.]: Русская старина. 2015. № 1. 76 с.

490. [Глав. ред.]: Русская старина. 2015. № 2. 74 с.

2016

491. Мемориальные практики сохранения памяти о Великой Отечественной войне в республиках Северного Кавказа // Вклад народов Чечено-Ингушетии в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (III Кадыровские чтения): сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (г. Грозный, 15 апреля 2015 г.). Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс “Грозненский рабочий”», 2016. С. 285–306 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко).

Какой мы ее помним

Лучшие из нас уходят первыми…

Е.М. Малышева

Бессмысленный вопрос, на который никто не даст ответа: ну почему? Почему Бог, Вселенная, Фортуна или что там еще так жестоко несправедливы, вырывая из жизни молодых, талантливых, дерзких, тех, кому должно принадлежать будущее?

Таня, Танечка, Татьяна, Татьяна Павловна Хлынина…

Я познакомилась с ней, когда она сдала документы для поступления на факультет истории и советского права Адыгейского государственного педагогического института. Конкурс на факультет тогда был одним из самых высоких в институте, привлекал правовой контекст названия факультета и правовой подготовки выпускников.

Тогда все абитуриенты приглашались на собеседование: традиция обязательного предварительного, еще до начала экзаменов, знакомства и собеседования декана с каждым абитуриентом.

В мой кабинет стремительно вошла хрупкая девушка с широко распахнутыми глазами, полная намерения наповал сразить своим интеллектом любую комиссию, и четко представилась. Достаточно неожиданно, с отчеством: Татьяна Павловна Хлынина!

Она была такой – порывистой, искренней, абсолютной максималисткой, отчаянно четко, для себя, разграничивавшей краски и оценки людей, событий на полярные: это отлично, а это недопустимо!..

Училась вдохновенно, успевая принимать участие во всех многочисленных характерных для того периода мероприятиях истфака: день первокурсника, факультетские вечера «Алло, мы ищем таланты!», субботники, дни здоровья, кроссы, КВН, капустники (в которых, кстати, она изображала декана, обув туфельки на очень высоких каблучках и очень похоже пародируя мой быстрый темп речи и обращение к студентам, обороты речи и т.п.).

Все у нее получалось, энергия била через край, очень много читала, хотя зрение падало уже с юных лет.

Так сложилось, что она тянулась ко мне, и в студенческие годы у нас сложились дружественно-доверительные отношения. Она могла прийти ко мне, заявив, что очень нужен совет: «Я ценю Ваше мнение, Вы хорошо знаете студентов, что мне ответить Г., он предложил мне дружбу. Я сделаю так, как Вы мне посоветуете!..»

Выпускники оставляли факультету на память коллективное фото. Осталась и фотография Таниного выпуска, на которой были написаны адресованные мне стихи.

Автор этих дорогих моему сердцу строк – Татьяна Хлынина. Пусть они останутся как память о ней и ее поэтическом даре:

Как всем нам грустно расставаться
С деканом нашим дорогим…
Но место наше в сердце Вашем
Мы никому не отдадим…
Скажите честно, только Вы нас
Умели сердцем понимать.
Вы от души могли лишь с нами
И пошутить, и отругать!
Вдруг в институте лопнут струны
Звенящих наших голосов…
О Вас же Память будет юной
От посвященных вам стихов….

«Нашему декану Елене Михайловне Малышевой от исторического выпуска исторического факультета»… И множество подписей…

Жизнь развела нас….

Татьяна продолжала жить и беспрестанно, без отдыха учиться – вдохновенно, как бы торопясь чего-то не успеть…. Стала доктором исторических наук, выступала на конференциях и симпозиумах, писала научные труды, поражая своим глубоким проникновением в саму суть исследуемых социальных процессов.

Когда она успела повзрослеть, стать взрослой, любимой, супругой, матерью? Осталась похожая на нее доченька Оленька, взявшая от своих талантливых отца и мамы самые хорошие черты: доброту, пытливый ум и стремление к совершенству…

Время забирает лучших…

Несправедливо, но на самом деле лучшие из нас уходят первыми… Навсегда…. Остается в памяти ощущение потери, оно сродни боли… И светлые, яркие, как звезды, имена…

Среди них Таня, Танечка, Татьяна Павловна Хлынина…

«Леди Фукидид» начала XXI в. (памяти Татьяны Павловны Хлыниной)

Л.Р. Хут

Она была из блестящей когорты выпускников истфака Адыгейского госуниверситета, являющейся оправданием нашего педагогического труда, результаты которого в минуты унынья кажутся просто ничтожными. Невероятная эрудиция, фантастическая трудоспособность, мастерское владение устной и письменной речью, светлейшие мозги, четко артикулированная жизненная позиция, красивая жизнь в профессии.

Мы, что называется, сразу нашли друг друга, как только я вернулась в Адыгею из очной аспирантуры на недавно созданный исторический факультет тогда еще Адыгейского госпединститута. Шел 1986 год… Перестройка вовсю шагала по стране. «Ветер перемен» будоражил и умы, и сердца. Вся страна зачитывалась перестроечными газетами и журналами, которые имели гигантские в сравнении с сегодняшними временами тиражи и которых тем не менее всем жаждущим все равно не хватало. Нас назначили ответственными за подписную кампанию на факультете (были и такие в советские времена). Сначала мы присматривались друг к другу, а потом стали дружить – я, молодой преподаватель, и она, студентка 2 курса.

Много позже я услышала историю о том, как на вступительных экзаменах на факультет абитуриентка Хлынина вступила в дискуссию с председателем комиссии по какому-то сюжету отечественной истории. Дело дошло до того, что по его разрешению она вышла из аудитории и в подтверждение своих слов занесла прихваченный из дому номер академического журнала «История СССР», в котором она вычитала то, о чем так бесстрашно говорила экзаменаторам. В этом была вся Татьяна.

Да, она была ершистой по жизни. Не умела молчать. Наверное, и поэтому тоже ей трудно было жить бесконфликтно. Дружить с ней было непросто. Такой вот ежик с очень острыми колючками. Могла сказать, как отрезать. Не считалась с авторитетами. Реальными и мнимыми. Но дружить она умела. Первой мчалась на помощь к друзьям. Она готова была обременять себя проблемами окружающих ее людей, но не готова была обременять своими проблемами окружающих. Смотрелась старше своих лет по зрелости суждений. Меня просто завораживало ее, я бы сказала, честное отношение к своей жизни. Казалось, что все ее страницы она пишет набело, без черновиков.

Как-то сразу Татьяна стала «моим» человеком в аудитории. Я могла, например, попросить ее со стороны посмотреть на мою

работу с аудиторией и письменно высказаться по этому поводу. Таня добросовестно и четко выполняла мою просьбу, подробно расписывая, в какой части лекции у меня был контакт с аудиторией, а когда он терялся, когда я демонстрировала какие-то азы педагогического мастерства, а когда терпела крах. Еще она вместе со мной (естественно, по моей просьбе) принимала семестровые экзамены на своем курсе. Очевидно, это было неким нарушением внутривузовских распорядков и регламентов, но она сидела рядом, внимательно слушала ответы сокурсников на экзаменационные вопросы, а потом уже я внимательно слушала ее комментарии. Право комментировать в глазах сокурсников она заслужила сама, так как накануне именно ее они признали самой подготовленной студенткой в рамках читавшегося мной курса новой истории стран Запада.

В своей взрослой жизни она невероятно много и плодотворно работала, как, впрочем, и в студенческой юности. Создавалось впечатление, что каждый ее день расписан по минутам и на раскачку у нее просто нет времени. Говорят, она продолжала писать и тогда, когда уже была прикована к постели.

В отношении к профессии Татьяна была очень академичным человеком. Ее тексты – тому подтверждение. Она никогда не позволяла себе произвольного обращения с фактами, случайно брошенного слова в контекстах своей профессиональной деятельности. У нее было чему поучиться и нам, кто был старшее ее, и тем, кто шел следом. «Жизнелюбивый академизм» – так стилистически верно обозначит это ее качество один из ее младших коллег[1]. Хорошо писала. Этот характерный «летящий» почерк, по которому о его обладателе можно было уверенно сказать, что он просто обожает острые углы и никогда их не сглаживает. Хорошо говорила. Оба эти таланта гуманитария давались ей легко, без напряжения. Она ничего из себя не выдавливала: текст, устный и письменный, лился из нее сам. Интеллектуальная широта, открытость новому не только в узкопрофессиональной сфере, но и много-много шире ее профессиональных интересов. Она была нетипичным историком советского прошлого. Казалось, сам факт ее существования в профессии был оправданием этому прошлому, в котором могли расцветать такие невиданные цветы интеллектуальной свободы, ясности мысли, метафоричности языка.

Мне довелось быть свидетелем выступления Татьяны в стенах Института всеобщей истории РАН, в рамках круглого стола «Исторический факт как аргумент политической полемики», который состоялся 25 октября 2010 г. К этому времени Таня уже работала в Ростове-на-Дону, в Южном научном центре РАН. Ее доклад «Кто

[1] *Урушадзе А.Т.* Жизнелюбивый академизм. Татьяна Павловна Хлынина (9 января 1967 – 10 июня 2015) // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 326–331.

виноват и что делать, если прошлое не оправдывает ожиданий настоящего (по страницам современных северокавказских историй)»[1] вызвал неподдельный интерес аудитории и буквально шквал вопросов.

Так случилось, что личная жизнь Тани стала продолжением ее жизни в профессии. Ее мужем стал еще один блестящий выпускник нашего факультета – Евгений Федорович Кринко. Этот научный и семейный тандем Хлынина-Кринко оказался чрезвычайно удачным и очень плодовитым. Интеллектуальная свобода и смелость Татьяны, помноженная на строгую основательность и энциклопедизм Евгения, дали прекрасные плоды в виде нескольких совместных исследовательских проектов[2], а я не уставала восхищаться тому, как успешно развивается их научная карьера в ЮНЦ РАН.

Это была семья настоящих книгочеев, любивших и собиравших книги, знавших им цену, чувствовавших их вкус. Помню, когда писала свою первую монографию[3], настоящей палочкой-выручалочкой для меня стали Татьяна и Евгений, их помощь в организации доступа к ряду необходимых материалов – книгам, журналам, статьям. Интернет еще не вошел в нашу жизнь так, как сейчас. Выезжать из Майкопа по объективным обстоятельствам я не могла. Библиотека Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко стала для меня настоящим спасением. Кроме того, они всегда откликались на мои просьбы привезти из частых своих командировок тот или иной материал. Помню, впервые я подержала в руках выпуски легендарного альманаха «THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем»[4] благодаря им.

Не единожды ловила себя на мысли, что вот только подумаешь о какой-нибудь книжке, а потом оказывается, что она есть в библиотеке Татьяны и Евгения. Так было и с книгой Вс.М. Вильчека «Прощание с Марксом (Алгоритмы истории»)[5], сыгравшей колоссальную

---

[1] Исторический факт как аргумент политической полемики. Программа. URL: http://www.worldhist.ru/News/348/5440/ (дата обращения: 24.07.2016).

[2] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009; *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д, 2013; *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014.

[3] *Хут Л.Р.* Новистика: вопросы теории. М., 2003.

[4] THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993–1994. Вып. 1–6.

[5] *Вильчек Вс.М.* Прощание с Марксом (Алгоритмы истории). М., 1993.

роль в осуществлении замысла моей докторской диссертации. К ужасу и недовольству Татьяны, получив эту книгу на руки, я ее всю просто варварски исчеркала, впиваясь в каждую строку. Это потом состоится мое личное знакомство с семьей Вс.М. Вильчека, к тому времени уже ушедшего из жизни при весьма драматичных обстоятельствах. Это потом появится сначала моя статья[1], а потом сюжеты в авторской монографии[2]. Это потом я «реабилитирую» себя, подарив Татьяне посмертное издание книги Вс.М. Вильчека[3]. На мою просьбу написать что-нибудь о «Прощании с Марксом» и его авторе Таня откликнется красивым текстом, в котором расскажет о собственных отношениях с марксизмом и роли в этом Вс.М. Вильчека, об увлечении со времен «Прощания с Марксом» проблемами методологии исторического исследования. Саму книгу она емко охарактеризует как «глоток свежего воздуха», как-то разом прекративший «затянувшиеся приступы идейного удушья»[4].

Таня всегда была скупа на избыточные эмоции. При этом она просто боготворила своего рано ушедшего из жизни отца, отставного военного, заведовавшего кафедрой военной подготовки в нашем вузе. Трепетно относилась к дочери Оле. В этих отношениях не было места сюсюканью, которым мы, родители, часто грешим по отношению к своим детям, а потом, став бабушками-дедушками, переносим на своих внуков. Она любила свою дочь «по-взрослому», т.е. четко зная, что дочь должна войти в самостоятельную жизнь самодостаточным человеком, защищенным от вызовов внешнего мира. Ольга, конечно, плоть от плоти Таниной, хотя в ней много и отцовского. Замечательный ребенок получился, с невероятно интересной начинкой. Помню, разговаривая однажды по телефону, я услышала от Татьяны: «Вот, решили с Олей по очереди книжки покупать – одна мне, другая – ей». Я совсем не удивилась. Только улыбнулась про себя: «Ну, вот, еще один книголюб в семье подрос».

Танюшка никогда ни на что не жаловалась. 9 мая 2015 г. она поздравила всех своих друзей и коллег рассылкой по электронной почте, написала мне, что все у нее нормально, что просто немножко не повезло – сначала сломала ногу, потом руку, что длинные письма писать пока не может… Утешала меня, когда я в очередной раз стала

---

[1] *Хут Л.Р.* Алгоритмы Вильчека, или российский интеллектуал в эпоху перемен // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. Вып. 28. С. 148–165.

[2] *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М., 2010. С. 40–41, 216–218, 220.

[3] *Вильчек Вс.М.* Алгоритмы истории. М., 2004.

[4] *Хлынина Т.П.* Глоток свежего воздуха. URL: http://www.worldhist.ru/club/forum/forum11/topic14/ (дата обращения: 24.07.2016).

жаловаться ей на жизнь, давала какие-то советы. Помню, я только слегка напряглась, когда Танечка сказала, что уже несколько месяцев с ними в Ростове живет ее мама, которая очень помогает по хозяйству. И все равно я и подумать не могла, что впереди у нее оставался всего месяц жизни…

И последнее. Об английском историке Кэтрин Маколей (1731–1791) я впервые услышала на лекции по истории английской историографии эпохи Просвещения из уст профессора исторического факультета Санкт-Петербургского университета Кирилла Борисовича Виноградова. «Леди Фукидид XVIII века» – так он ее называл. Этот образ и то нескрываемое уважение, с которым говорил об этой замечательной женщине маститый историограф, прочно закрепились в моем профессиональном сознании. На каком-то этапе подготовки данного мемориального текста, посвященного не кому-нибудь из старших коллег, а бывшей студентке (что само по себе очень тяжело), долго размышляя о наиболее адекватном заглавии, отражающем самую суть моей героини, я поняла, что наиболее подходящим будет то, на котором я в конце концов остановилась, ибо Татьяна Павловна Хлынина, дорогая наша Таня, Танечка, Танюшка, и есть настоящая «леди Фукидид» начала XXI в.

Моя Таня

Е.Ф. Кринко

Я долго сомневался, писать ли мне собственные воспоминания о Татьяне. Не будет серьезным преувеличением считать, что я знал ее больше всех других, ведь мы прожили с ней вместе более половины жизни. И писать о ней – это рассказывать о себе, о нашей совместной жизни, наполненной самыми разными событиями, мыслями, чувствами, сделав ее всеобщим достоянием. Даже просто описать основные этапы истории наших взаимоотношений непросто. Для этого потребовалась бы целая книга, на которую я пока не готов.

После нескольких предложений, написанных вскоре после похорон и составивших основу предисловия к этой книге, я долго не мог заставить себя продолжать. Несколько раз садился за ноутбук, набрасывал отдельные фрагменты и снова откладывал. Слишком болезненной была утрата. Уже подумал о том, чтобы ограничиться биографической статьей, посвященной Татьяне как историку. И все же сейчас, когда большая часть материалов сборника ожидает верстки, решил хотя бы на нескольких страницах рассказать о том, какой я ее помню. Это мои собственные воспоминания и мои представления о ней, которые могут, разумеется, не совпадать с тем, какой ее помнят другие. Поэтому я и назвал свой текст «Моя Таня».

…Наше знакомство состоялось совсем не при романтических обстоятельствах, в отличие от многих других обстоятельств последующей жизни. Вскоре после зачисления на первый курс исторического факультета Адыгейского государственного педагогического института (АГПИ) нас, вчерашних школьников, только ставших студентами, в сентябре 1985 г. отправили работать на овощную базу, располагавшуюся за Адыгейским переездом в городе Майкопе. Будучи назначен старостой одной из студенческих групп, я и на базе оказался на положении бригадира, которому приходилось отвечать за нескольких других однокурсников. Притом, что за нашу работу ничего не платили, это была сугубо общественная нагрузка, справиться с которой помогало ярко выраженное чувство ответственности при крайне незначительном тогда еще жизненном опыте.

В один из теплых сентябрьских дней, когда часть моих однокурсников перекладывала использованные деревянные ящики из одного угла в другой, маясь не столько от тяжести труда, сколько от его бессмысленности, на базе появилась девушка в полосатом джемпере и джинсах, представившаяся студенткой второго курса и членом комитета ВЛКСМ исторического факультета. Было ли ей, действительно, поручено проверить нашу работу или это была ее

личная инициатива, обусловленная собственным опытом годичной давности? Не знаю, сама она к этой ситуации редко возвращалась.

Меня сразу поразили ее серо-голубые глаза удивительной миндалевидной формы, которую я больше никогда не встречал, и переливающийся чистый, серебристый голос, по тембру напоминающий горный ручей. А еще темперамент, напор, готовность с полуоборота включаться в борьбу за отстаиваемые ею жизненные принципы, за социальную справедливость. В последние десятилетия «Повесть о настоящем человеке» выпала из обязательной школьной программы. Но Таня всегда была именно такой, настоящей, лишенной искусственности, что и привлекало к ней многих людей, коллег, студентов. Вот и в первую встречу она возмутилась нашим столь малоэффективным, сколь и малоинтересным времяпровождением. Конечно, никаких мер впоследствии принято не было, а вскоре мы вернулись на учебу.

Но первую встречу с Таней я запомнил надолго. Думаю, что у нас возникло обоюдное чувство симпатии, положившее начало последующему общению, которое, в свою очередь, позволило считать, что мы с первого взгляда не ошиблись друг в друге. Свой отпечаток наложила эпоха: вторая половина 1980-х гг. была ярким периодом в жизни советского общества, когда впервые за долгие годы стало интересно читать газеты и журналы, пошел поток новых публикаций, в том числе зарубежных и эмигрантских авторов, издавались десятилетиями запрещавшиеся книги, выходили острые публицистические материалы. Мы все в той или иной степени испытывали воздействие идей эпохи гласности и перестройки, но Таня шагала на голову впереди. К тому же ее интересы не ограничивались собственно историей, а включали философию, социологию, культурологию, семиотику и другие смежные дисциплины. Читала она намного быстрее и значительно больше основной массы студентов нашего факультета. Именно благодаря чтению она достигла той высокой эрудиции, которая неизменно восхищала впоследствии многих окружающих, а ей самой позволяла не только легко и непринужденно поддерживать беседы на различные темы, не только находить неожиданные ракурсы в исследуемых проблемах, но и браться за проведение совершенно далеких от полученной научной специализации учебных курсов. Чтение дало ей и столь необходимое знание жизни и человеческой психологии, на постижение которых у других уходят годы. Мой круг интересов был скромнее, читал я меньше, особенно художественной литературы, уделяя больше внимания профессиональной, за что не раз подвергался критике с ее стороны. К тому же в дополнение к увлечению футболом на втором курсе у меня добавился КВН, я участвовал в играх сборной исторического факультета АГПИ. И все же, как и она, конечно же, «гонялся»

за новыми изданиями, обменивался с ней не только новыми книгами, но и впечатлениями о прочитанном.

Однако в первые годы знакомства у нас сохранялись и другие личные и профессиональные увлечения. Я встречался со своей однокурсницей Ириной, а по окончании второго курса в 1987 г. ушел служить в армию. По возвращении, еще не закончив третьего курса, женился все на той же Ирине. У Тани, учившейся старше курсом, был другой, более взрослый круг общения. К тому времени, как я восстановился на третий курс, она уже закончила факультет и начала работать, а вскоре уехала учиться в аспирантуру в Москву. Наши пути на несколько лет разошлись. Тем не менее зародившееся в первую встречу чувство симпатии сохранялось. В моем личном архиве хранятся несколько писем, полученных от Тани во время армейской службы, столь блестящих по стилю, сколь и трудночитаемых из-за ее специфического, ни на чей другой больше не похожего почерка.

Мой первый студенческий брак продолжался недолго. Прожив три года, мы разошлись. Именно в это время Таня вернулась из Москвы, защитив кандидатскую диссертацию. Мы стали встречаться. Будучи единомышленниками в главных вопросах жизни и профессии, мы во многом различались по характеру и взглядам, ссорились, а затем мирились, понимая, что не можем друг без друга. И решение жить вместе было обоюдным, хоть и непростым, особенно для наших родителей. Полгода снимали квартиру, пока Танин отец, полковник Павел Фёдорович Хлынин, не подарил нам полученную им при выходе на пенсию однокомнатную квартиру в микрорайоне, называвшемся «Восход», где жили в основном семьи военнослужащих.

Начало 1990-х гг. – тяжелые годы, и мне, и ей приходилось работать сразу в нескольких местах. При этом я писал кандидатскую диссертацию. Спасибо, что помогали родители. Через несколько лет при финансовой поддержке уже моего отца мы обменяли нашу квартиру на «двушку» в центре. Вскоре родилась Оля. В декрете Таня находилась недолго, и уже через год вышла на работу, поручив дочь заботам мамы, Надежды Васильевны Хлыниной. Позже мы стали в помощь ей нанимать няню.

Профессиональная деятельность составляла весомую часть нашей жизни. Таня работала в АРИГИ, попутно преподавала в вузах. Я преподавал в школе и также в нескольких вузах. В 2003 г. она, а в 2004 г. я защитили докторские диссертации. Еще через три года, в 2007 г., мне пришлось уйти из филиала одного вуза, где я заведовал кафедрой и вел несколько курсов. В это время последовало неожиданное приглашение переехать на работу в Южный научный центр РАН. Так мы оказались в Ростове-на-Дону.

Жизнь с Таней складывалась не всегда просто, но интересно. В своих вкусах Таня серьезно отличалась от многих. Имея аристократические привычки, была достаточно скромна в быту. Единственное, на чем никогда не экономила, – это хорошие духи и хорошая обувь. А на работу могла ходить в майке и джинсах, которые нередко предпочитала всем остальным нарядам.

Зато очень любила путешествовать, гулять на свежем воздухе и особенно читать. Она проглатывала книги за считанные дни. Поэтому, когда шел большой объем работы, ограничивала себя в чтении, выделяя норму в определенное количество страниц, как другие ограничивают себя в количестве сладостей. Уже после защиты моей диссертации, когда наше финансовое положение немного улучшилось, мы стали проводить отпуск за границей. Побывали вдвоем в Чехии, Италии, вместе с Олей съездили в Египет, Париж, Турцию, на Мальту, Кипр. Инициатором всех поездок неизменно выступала Таня. Мы с Олей ей полностью доверяли в вопросах планирования и организации совместного отпуска, неизменно утверждая на «семейных советах» все ее предложения.

Наша жизнь была всегда эмоционально насыщена. Таня вообще стремилась жить, дыша полной грудью, как будто знала, что ее жизнь будет такой недолгой, и хотела все успеть за отведенный ей срок. А я не понимал этого и порой ее ограничивал в каких-то инициативах, о чем сейчас искренне сожалею. Она же редко что-то требовала, особенно в материальной сфере, и при отсутствии возможностей стремилась сама их найти и самостоятельно решить вопрос.

В еде предпочитала рыбу мясу, свежие фрукты и овощи всему остальному. Очень любила черешню, дыни, арбузы, но особенно яблоки, которые могла съедать килограммами, вместе с косточками. Напротив, была совершенно равнодушна к клубнике. Яблоки были у нас практически в любой сезон и любое время года. Летом 2014 г. мы вместе работали в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации в Подольске. И, отправившись в одно из дальних хранилищ, неожиданно для себя обнаружили по пути яблони с ранними яблоками. Позже выяснилось, что яблони растут по всему Подольску, с настолько вкусными яблоками, что и я в этот раз с удовольствием составил ей компанию. И мы, два доктора наук, вовсю грызли яблоки как в перерывах между работой, так и в вечерних прогулках по городу. У меня сохранилась замечательная фотография, на которой она идет по Подольску и грызет яблоко.

Вообще, Таня всегда умела радоваться жизни, даже мелочам, поэтому было очень приятно делать ей подарки, пусть и небольшие. Особенно это проявилось в последние годы ее жизни. Мы к этому времени наконец перестали выяснять, кто из нас более «материистории ценен», и стали жить друг для друга, а значит, для себя,

понимая, что мы и есть семья. К сожалению, нам оставалось для счастья уже очень немного времени.

Еще в 2011 г. у Тани обнаружили серьезное заболевание. Ей пришлось сделать операцию, пройти серьезное лечение. В 2013 г. последовала повторная операция. И все же мы считали, что нам удалось победить болезнь, и искренне радовались, что смогли это сделать вместе. Ведь это значит, что мы можем вместе все! Гнали от себя плохие мысли, надеясь на лучшее. Надежды оказались безосновательны. С середины 2014 г. Таня стала испытывать сильные боли в спине и ногах, ей стало сложно передвигаться. И мы ходили всюду вместе…

В январе 2015 г. мы шли на работу по проспекту Соколова, было скользко. Почти у самой улицы Пушкинской она поскользнулась, сильно вскрикнула. Вызвав такси, я отвез ее домой. Выяснилось, что у нее перелом ноги. Это было началом самого тяжелого периода в нашей жизни. Будучи по своей природе удивительно жизнерадостным и активным человеком, любившим яркие краски во всем, Таня страшно мучилась не только от сильных болей, но и от ограничения в своих движениях. В помощь к нам приехала Надежда Васильевна. Но победить болезнь нам так и не удалось. Она победила нас…

Время проходит, а горечь утраты остается, только принимает другие формы, может быть, не такие острые, но от того не менее болезненные. Я не знаю, как дальше сложится моя жизнь. Но уверен, что никогда больше не встречу человека, способного задать такую планку человеческим отношениям и в личной, и в профессиональной сфере. Остается только жалеть об упущенных возможностях, о времени, потраченном на работу, на общение с другими людьми, на решение будничных задач. Ведь его можно было провести рядом с ней…

В аспирантуре Института истории СССР Академии наук СССР

Н.Ф. Бугай

В обращении к коллегам доктор исторических наук Евгений Кринко верно заметил о Татьяне Хлыниной, что она была, наряду с женой, матерью, также прекрасным человеком, другом, исследователем, преподавателем, коллегой. Для меня лично она была еще и моим аспирантом. Татьяна проходила обучение в аспирантуре института, в секторе истории национальных отношений в СССР, в бурное переходное время в государстве. Как аспирантка отличалась необыкновенной собранностью, организованностью, железной логикой изложения мыслей, грамотным научным языком, лаконичностью. Содержательными были ее выступления на заседаниях коллектива ученых сектора, научных конференциях, а также при изложении годовых отчетов о проделанной работе.

Конечно, подготовка в университете (Адыгейский государственный университет) играет огромную роль в становлении студента, выявлении его способностей, в определенной мере проявляется и возможность спрогнозировать его дальнейшую судьбу. В этом плане заметную роль играет эрудиция студента, его начитанность, умение чувствовать ту историческую эпоху, которая больше привлекает его, выстраивать событийный ряд, делать обобщения, сопровождая их собственными выводами, а не прибегать к использованию уже готовых, изложенных выводов, однако принадлежавших другому исследователю. Стремление к познанию, расширению его диапазона играет важную роль в формировании представлений личности как исследователя тех или иных ее процессов и явлений, в усвоении понятий гуманитарных наук.

Безусловно, за время обучения в аспирантуре происходит определенная переоценка ценностей, накопленного жизненного опыта. Появляется возможность для более широкого общения с теми коллегами, которые также испытывают тяготение к исторической науке, к исследованию. Татьяна Хлынина придерживалась этих негласных установок, была активным участником многих дискуссий как в официальной, так и в неофициальной обстановке. И надо сказать, что ее замечания отличались четкостью, знаниями, особенно по вопросам существовавших дискуссий в исторической науке, касалось ли это событий досоветского периода или советской эпохи.

Постепенно она собирала богатый исторический материал. Работа в центральных государственных архивах и библиотеках содействовала не только накоплению необходимых исторических знаний, формированию собственной источниковой базы, но

и ощутимости пополнения своих научных знаний по истории столь сложного региона страны, каким был и остается Северный Кавказ, отличающийся своей спецификой, многонациональностью и многоконфессиональностью.

Уже будучи в аспирантуре, Татьяна Хлынина выступает со своими статьями. Конечно, к этому времени она уже имела определенный опыт, что в некоторой мере облегчало ее работу. В этой связи сопутствовавшими факторами были ее прилежность, более глубокие познания предмета исследования, и это выступало основой для подготовки добротных по своему содержанию научных статей. В целом я выступал научным руководителем около 20 аспирантов, и Татьяна Хлынина среди них была яркой личностью. Очевидно, не случаен и тот факт, что она в числе первых защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук, представив интересное исследование процессов формирования государственности у народов Северного Кавказа.

Татьяна Хлынина была постоянно активным участником обсуждений докладов ученых и аспирантов, выступавших на заседаниях сектора, в том числе ученых, занятых в исследовании проблем культуры, искусства, живописи. Как правило, такие встречи протекали увлекательно и были полезными. Конечно, аспирант самостоятельно распоряжался своим временем. Мир аспиранта многогранен, но все его деяния подчинялись науке. Татьяна относилась к той категории аспирантов, которые стремились к познанию всего и сразу. В ходе беседы приходилось подбрасывать и свои рекомендации о посещении того или иного театра, а потом были и совместные обсуждения, например, нашумевшей в то время постановки на сцене театра им. Е. Вахтангова «Конармия» или спектакля в театре им. Ермоловой «На всякого мудреца довольно простоты» и многих других. Конечно, в этом ряду были и посещения художественных выставок, тогда входивших в моду. В беседах с Татьяной всегда вызывала удивление и восхищение ее отличная память. Мимо ее внимания не проходили самые мелкие детали событий. Она их излагала в подробности, видя в этом и смысл, и связующую нить спектакля.

Татьяна Павловна быстро влилась в коллектив сектора. Обучение в аспирантуре в это же время проходили будущие ученые из Карачаево-Черкесской автономной области, Брянска, Москвы. Все они стали друзьями, находили общие интересы и, что ценно, уже в последующем, после защиты своих кандидатских диссертаций, поддерживали тесные контакты. Обремененные житейскими заботами, находили время, чтобы выразить друг другу теплые слова поддержки.

В последующие годы Татьяна Хлынина в каждый из приездов в Москву старалась пообщаться, обсудить свои творческие планы, новые замыслы, вспомнить о прошлом.

Примечательно то, что Татьяна обладала почерком, понятным только ей. Я пытался постичь эту рукопись, но мне она поддавалась с трудом. Татьяну это несколько возмущало, но сам я заметил, что в ходе чтения представленных ею разделов я больше погружался в понимание почерка, забывая о главном. Договорились рукопись подавать в напечатанном виде.

Она отличалась тщательной проработкой замечаний по изложенному материалу. Не просто готовила ответы на вопросы, а проникала в сам процесс, выясняя причину: почему появились эти замечания, что ею не доработано. Это вызывало, несомненно, восхищение и удовлетворение ее работоспособностью как аспиранта, ее глубокими приобретенными знаниями, способностью к обобщению.

Будучи в аспирантуре, она участвовала в подготовке объемного раздела в книге «Северный Кавказ: национальные отношения (историография проблемы)» (Майкоп, 1992). Несомненно, эта работа потребовала многих усилий для сбора и обобщения материала по названной теме истории многонационального региона страны.

Одновременно Татьяна Хлынина занималась и подготовкой рукописи диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1921–1924 гг.». Это был очередной шаг в изучении сложной и объемной научной темы, многие аспекты которой рассматривались на примере одного национального государственного образования. Учитывались все особенности этого сложного периода в развитии Советского государства, события в котором протекали, как в калейдоскопе: здесь и революция, и Гражданская война, и первые начинания формировавшейся государственности народов; вопросы религии; роли партийных организаций, советского строительства; изучение форм административно-территориальной и политической автономии народов. Выводы автора заслуживали внимания и по своему содержанию могли быть экстраполированы на другие регионы обширного края, отличавшиеся специфичностью.

Конечно, в центре исследования были горские народы, их связи с русским народом, с центром страны. Автор по-своему толкует различия между административно-территориальным и национально-территориальным принципами государственного строительства у народов Северного Кавказа. В значительной мере выдвинутые Т. Хлыниной положения были развиты позже, в диссертации по теме «Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук (2003).

Осталась в памяти защита кандидатской диссертации Т. Хлыниной. Работа получила самые высокие оценки в выступлениях оппонентов. Одним из них был кандидат исторических наук Александр Барсенков (МГУ им. М.В. Ломоносова), который особо отметил научный стиль изложения, назвав его новацией, базировавшейся на глубоком знании автором материала, зарубежной историографии и тщательным толкованием дискуссионных вопросов темы. Был отмечен ее философско-исторический подход к оценке процессов, связанных с решением вопроса обустройства народов Северного Кавказа в сложный конститутивный период советской власти, ее упрочения.

Следует заметить, что непосредственно в Институте истории СССР АН СССР история национальной политики приобретала статус самостоятельного направления, что объяснялось потребностями времени. В этих сложных условиях возникала и потребность в ответе на многие вопросы современности, в оценке состояния межэтнических отношений в государстве, определении новых направлений изучения, выработки рекомендаций и механизмов осуществления намеченных мер.

Именно в секторе национальных отношений закладывалась основа для формирования специалистов по проблеме, которые, конечно же, сыграли большую организационную роль на местах – в республиках, краях СССР. К этой группе как раз относились молодые ученые Татьяна Хлынина (Адыгейская автономная область), Фатима Озова (Карачаево-Черкесская автономная область), Елена Зуйкина (Москва), Ольга Кузиванова (Коми АССР), Сергей Ильин (Москва), Андрей Завалишин (Хабаровск), Татьяна Иванова (Якутская АССР). Затем изучением этой же проблемы занимались Адам Хунагов (Республика Адыгея), Изольда Дидигова (Республика Ингушетия), Айдамир Ржавин (Краснодарский край), Виктор Котов (Москва) и др. Их научные исследования были посвящены проблемам истории народов Северного Кавказа, Якутии, других регионов страны. Сергей Ильин впервые обратился к теме роли этнических меньшинств в автономных областях и республиках Юга России.

Судя по всему, именно тематика исследований объединила эту группу аспирантов в начале 1990-х гг., они оставались верными изучаемому предмету и друг другу, поддерживая контакты до настоящего времени. Не прерывалась их связь и с научным руководителем. Но особенно не было предела моему удивлению, когда по инициативе Татьяны Хлыниной, благодаря ее организационным способностям, был издан сборник статей «Народы и власть в истории России: проблемы исследований» (Майкоп, 2002).

Вряд ли мог бы появиться на свет этот сборник статей без приложения усилий Татьяны Павловны. Он был приурочен к моему

шестидесятилетию. Шесть моих бывших аспирантов представили в нем свои работы, уже будучи кандидатами исторических наук. В это время Т. Хлынина, Ф. Озова, Т. Иванова работали над докторскими диссертациями. В сборнике также выступили уже ставшие известными учеными Е.М. Малышева (Республика Адыгея), Л.С. Гатагова (Москва), Л.Н. Беленчук (Москва), Е.Ф. Кринко (Республика Адыгея) и другие.

Одним словом, пришлось узнать о себе то, о чем я никогда и не помышлял. Но в любом случае это приятно, что о тебе пишут или хорошо, или посредственно твои ученики. Ты становишься и более требовательным к себе. Это уже школа ученых, работающих самостоятельно по всегда актуальным проблемам развития многонациональной государственности.

Так сложилось, что Татьяна Павловна стала душой этого сформировавшегося творческого коллектива. И в этом плане ее талант организатора, способности, как всегда, были востребованы. Она была человеком, полным энергии, поиска нового, новых подходов в науке.

Она оставалась и знатоком зарубежной историографии. Этому помогало знание ею английского языка. Всегда живой была ее полемика с зарубежными авторами (Великобритании, США, Израиля и др.). Эти дискуссии в большей мере касались вопросов истории народов Юга России.

Татьяна Павловна становится одним из ведущих специалистов Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, одновременно занимается преподавательской работой, передавая свой опыт и навыки исследовательской работы студентам.

Она не оставляла научную исследовательскую работу, представляя на суд свои монографии, разделы в коллективных изданиях по актуальным проблемам истории общества, современности. Конечно, заниматься изучением современной истории (1990–2015) – это в целом сложная задача. В мгновенности хода событий с учетом бурных преобразований в государстве возникали, как правило, трудности с полученными выводами, которые подвергались быстрым изменениям и постоянно требовали новых корректив.

Наверное, это был самый болезненный вопрос, который так часто нами совместно обсуждался с Татьяной Павловной. Безусловно, это объяснялось столь частой сменой событий, спецификой регионов, многонациональностью и поликонфессиональностью Российского государства, поиском новых путей развития экономического сектора, возраставшей ролью этнических общностей, включая этнические меньшинства, казачество, значением их возраставшей этнической мобильности и пр.

Анализом именно этих особенностей отличались появившиеся в 2000-е гг. многие публикации Т.П. Хлыниной. В частности, это

работы «Советская национальная государственность: понятие, природа, образ» (Майкоп, 2001), в которой автор проявляет особый интерес к проблемам теоретического осмысления самой национальной государственности, анализу историографической традиции, понимания ее эволюции, что, по мнению Т.П. Хлыниной, только начинало формироваться. Автор вносит вклад в выработку основных представлений о советской национальной государственности и ее природе.

В другой работе «Совершенствование федеративных отношений на Северном Кавказе: институты власти», опубликованной в изданной Институтом российской истории РАН книге «Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX–XXI век)» (М., 2009), особое внимание уделяется эволюции межэтнических отношений как составной части процесса развития российской государственности с прошлых веков и до современности. В этой связи решение проблемы институционализации процесса регулирования системы межэтнических отношений было важным и выступало составной частью совершенствования федеративных отношений на территории многонационального Северного Кавказа.

Судя по всему, в условиях существования многонационального государства, каким является Российская Федерация, проблемы ее разделения на автономные территории, консолидации и единства общества могут быть затруднены и приобретают статус вечных. Все же более приемлемым были бы не бесконечные акции по сохранению автономных образований как наследия социалистического прошлого, а четкое следование праву свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, формировать взаимоотношения с этническими общностями места проживания, содействовать консолидации многонационального сообщества в государстве. Естественно, соблюдая при этом законы и нормы общежития того региона страны, который личность избирает местом своего жительства.

Необходимостью становится создание таких условий, при которых фактор сохранения себя уходил бы в прошлое. Правилом общества становилась бы востребованность личности, проявление ею творческого потенциала, возможность жить там, где чувствуешь себя комфортно. Фактор обязательного проживания на той или иной территории в рамках одного государства терял бы свою значимость в современном ее толковании. Он не был бы определяющим в понимании сущности самой этнической общности.

В конкретном случае трудно не согласиться с основными положениями исследований этнополитических процессов на Северном Кавказе и, в частности, в Республике Адыгее, которые проводила Т.П. Хлынина. «Общественные организации считают, этнос сохраняет не территория и ее правовой статус, а способность народов к самоорганизации, формой которой не обязательно должна

выступать национальная государственность», – таков общий вывод, сделанный автором о национальном суверенитете и обустройстве самих жизненных условий в республике. При этом он опирается на богатый полевой материал, собранный по общественным организациям[1]. Безусловно, что в этой ситуации должен восторжествовать «здоровый прагматизм».

При этом Татьяна Павловна Хлынина выступала последовательным сторонником глубокого исследования процессов межэтнических отношений. С учетом того что процессы на Северном Кавказе протекали на грани сочетания временного, психологического, исторического факторов, всегда призывала к соблюдению чуткого отношения к этим моментам и строгого следования этому правилу, так как за любыми событиями, замечала она, стоит легко ранимый человек.

Несомненно, отдавая дань прошлому, следует помнить, что эти начинания, память о них делают взаимоотношения между народами более прочными, полными и открытыми. Ничто так не хранит прошлое, как человеческая память. Река времени уносит многое, наполняя жизнь новым содержанием, новыми отношениями. Поэтому необходимо бережное отношение к воспоминаниям репрессированных народов – балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, калмыков, немцев. Тексты показывают, что даже в экстремальных условиях люди ощущали плечо друг друга, оставаясь на чужбине преданными своему отчему краю. И в данном вопросе очень важно проявление профессионального такта и исследовательской этики. В своей практике я также старюсь соблюдать это неписаное правило. Между тем, «к сожалению, категория деликатности не является “сильным” местом отечественного историописания и рассматривается скорее как дань ситуативной конъюнктуре»[2]. По нашему мнению, такой подход заслуживает высокой оценки.

Актуальной остается поставленная Т.П. Хлыниной проблема зависимости стабильности и социальной безопасности в обществе от состояния межэтнических отношений, что постоянно пребывает предметом ожесточенной политической полемики и дискуссии исследователей[3]. Правда, только в последние годы историки и политологи стали обращать внимание на этот вопрос. Т.П. Хлынина

---

[1] *Хлынина Т.П.* Прошлое в современных этнополитических процессах Республики Адыгеи // Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Ростов н/Д, 2012. С. 151.

[2] *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 88.

[3] См., например: *Бугай Н.Ф.* Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX–XXI вв.). М., 2015; *Бугай Н.Ф., Штурба Е.В.* Казаки России в обеспечении безопасности: проблемы внутренних угроз. 1990-е – 2015 гг. М., 2016 и др.

полагала, что в условиях существования разного рода угроз, наличия дезинтеграционных сил, потери должного контроля над управлением страной в целом все это выступает угрозой существованию самой государственности. В этом отношении Т.П. Хлынина оставалась сторонником сильной власти федерального центра и считала слабой его стороной «следование “искуплению многовековых прегрешений”», включая и время имперской России. Фактически это было выступление против всяких негуманных теорий, движений «покаяния» за прошлое на фоне резкой стагнации социально-экономического развития государства, что, действительно, становилось модным брендом этого периода, ведущим к фактической утрате позиций центра на местах.

Татьяна Павловна была постоянным участником многих международных, всероссийских, региональных научных конференций, симпозиумов, заседаний круглых столов. Правдиво и объективно она излагала свои взгляды по обсуждаемым проблемам.

Ею были внесены коррективы в неверные утверждения, касающиеся эволюции принудительных переселений в России, СССР. Так, она не согласилась с точкой зрения П.М. Поляна, а заодно и Т. Мартина[1] по поводу их начала. Дело в том, что П.М. Полян, рассматривая первые депортации 1920-х гг., делает заключение, что именно «три операции – корейскую образца 1928–1931 гг.[2], а также “польскую” и “финскую” образца 1929–1930 гг. – можно по праву считать истинным началом этнических депортаций в СССР»[3]. Вывод поспешный, не совсем соответствующий действительности. Предложение П.М. Поляна не может быть принятым в качестве исходной точки этнических переселений. Т.П. Хлынина отмечает по этому поводу, что еще в 1920-е гг. проходили акции по принудительному переселению групп населения и на Дальнем Востоке, и на Северном Кавказе. В частности, в 1922 г. в Адыгее раздавались призывы «не выбирать в исполкомы русских и коммунистов, отрицательно относившихся к черкесской автономии», в связи с чем звучала просьба «наладить связь с эмигрантами, содействовать их беспрепятственному

[1] *Martin T.* The Origin of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. Vol. 70. № 4. (December 1998). P. 835, 850.

[2] Переселения этого периода носили скорее внутрирегиональный характер или же были связаны с освоением такой сельскохозяйственной культуры, как рис, в новых регионах СССР. В 1928 г., например, в Казахскую ССР были направлены 300 специалистов сельского хозяйства. Они занимались определением северных границ распространения рисосеяния в связи с тем, что культура риса вытеснялась хлопком с южных районов Средней Азии и Казахстана. В 1929 г. в Кзыл-Ординской области возникает колхоз «Казрис». Его первым председателем был Ким Тюн Хо, в последующем расстрелянный и реабилитированный (1958).

[3] Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 37.

возвращению на родину». Подобная обстановка приводила и к тому, что уже в первой половине 1920-х гг. выборы проходили под лозунгом «проведения своих». В пропаганде звучали также и далеко не безобидные предложения «убраться из аулов».

К сожалению, практика аналогичных приемов исполнения репрессивных мер набирала широкие обороты. В 1925 г. проводилось огульное выселение находившихся на территории Шапсугского района армян и русских. Оно было пресечено органами власти края. Однако на местах это была открытая установка на произвол в решении судеб многих людей.

Путем принудительных переселений, проводившихся под разными лозунгами, решались и другие вопросы. Так, для урегулирования возникавших земельных претензий земельный кризис мог быть разрешен «лишь путем переселения части малоземельных и безземельных русских жителей за пределы автономии»[1]. В конечном счете так это и делалось, в том числе и на основе принятого областным исполкомом решения о переселении русского населения из центральных районов страны «в пределы Северного Кавказа ввиду его малоземелья». Политика местных органов власти, базировавшаяся на идейных установках центра, формировала совершенно новое национальное сознание горской массы. Среди черкесского населения в середине 1920-х гг., как замечает Т.П. Хлынина, получало большое распространение «настроение за выселение всех русских крестьян, живущих в Адыгее, за пределы области и переселение на их место черкесов из Турции»[2].

Мне помнится ее выступление на одной из ежегодно проводимых в Институте российской истории РАН конференций под общим названием «Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия». Она представила содержательный доклад «Принимающее сообщество и репатрианты: проблемы взаимовосприятия (на примере косовских адыгов в Адыгее)», в котором пришла к выводу: «Различные группы репатриантов не только по-разному восприняли облик вновь обретенной родины, но и по-разному позиционировали с нею. “Лифт” этих различий во многом предопределил процесс их адаптации, вызвав новые стратегии освоения не совсем привычного социокультурного пространства принимавшего сообщества»[3].

---

[1] *Хлынина Т.П.* «Русский вопрос» и административная практика его разрешения в Адыгейской автономной области 1920-х годов // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2003. С. 200.

[2] Там же. С. 201.

[3] *Хлынина Т.П.* Принимающее сообщество и репатрианты: проблемы взаимовосприятия (на примере косовских адыгов в Адыгее) // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия: тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Москва, 25–26 ноября 2008 года). М., 2008. С. 238.

Это был глубокий разбор положения части этнической общности адыгов, возвращавшихся на родину через столетия. Практика показала, что и для такой категории людей – репатриантов – важную роль в большей мере играли не факторы адаптации и интеграции в местный социум, а факторы времени и пространства, что и проявилось в наибольшей мере в последующем.

Надо отметить, что инициатива появления настоящего научного сборника памяти Т.П. Хлыниной заслуживает признательности. Это сделано с целью отдать дань памяти молодому и, не побоюсь этого слова, талантливому ученому, внесшему за короткий срок заметный вклад в историческую науку Российской Федерации, особенно ее составной части – истории Северного Кавказа.

Татьяна Павловна многое из задуманного не успела воплотить в жизнь. Однако она остается в нашей общей памяти и лично в моей как мой аспирант, как носитель лучших черт и традиций российской исторической науки, лучших качеств российского ученого. Тяжело осознавать то, что ее как человека, как талантливого ученого, проявлявшего постоянное внимание и к личным вопросам, и к науке, уже нет с нами.

Таня в беседе часто заявляла: «Не понимаю, как ученый может работать без интереса, особого задора. Ведь не надо ничего придумывать. Надо просто увлеченно трудиться, и тогда твой труд принесет тебе и собственное удовлетворение, и признание, и уважение». Что ж, это верный подход к самооценке.

Она была для меня примером…

М.Н. Глумная

Мы познакомились, когда учились в аспирантуре Института российской истории, правда, были в разных секторах и на разных курсах. Темы наших исследований хотя и относились к периоду советской истории, но различались по проблематике. Татьяна для меня всегда была примером настоящего исследователя – целеустремленного, неутомимого, бесконечно талантливого. Она была большая умница.

Меня всегда восхищала ее хорошо поставленная речь. Благодаря Татьяне, я стала следить за своей речью: правильно ли произношу какие-то слова, корректно ли ставлю ударение. Я потом даже специально купила орфоэпический словарь, чтобы сверяться с ним в случае затруднений. В то же время меня удивляло при ее столь блестящем русском языке отсутствие склонности к английскому. На занятиях по подготовке к сдаче кандидатского минимума по английскому языку у нее были некоторые трудности, которые она сумела преодолеть.

Так получилось, что какое-то время (около двух лет, я думаю) мы были соседями по комнате, жили в так называемой «трешке», но, к счастью, вдвоем. В Доме аспирантов и стажеров РАН на ул. Островитянова, 33а была блоковая система (2+3). Это было самое начало 1990-х гг., время, как известно, не самое благоприятное для научных исследований, так как на первое место выходил вопрос элементарного выживания. Но Татьяна, в отличие от некоторых наших соседей-аспирантов и однокурсников, которые тем или иным способом старались заработать, закрепиться в Москве, жила наукой, торопилась поскорее защититься, состояться как ученый. Она спешила жить и многое успеть, как будто зная, что судьба отпустила ей такой небольшой срок.

Она успевала везде: и в библиотеку ИНИОН (нашу любимую), и в «Ленинку», и в архив. Мы с ней не раз выбирались в театр. Почему-то так получалось, что чаще всего мы оказывались на Арбате, в театре им. Вахтангова. Помню один из спектаклей – «Мартовские иды» с М. Ульяновым, который произвел на нас большое впечатление. Можно сказать, это был наш любимый театр. В прошлом году, когда я была на курсах в Москве, я дважды выбралась в этот театр, шла по Арбату и вспоминала наши с ней вылазки. Только не знала, что ее уже нет.

Вспоминается такой эпизод. Татьяне очень нравился фильм «Генералы песчаных карьеров», она его уже видела. И однажды в рекламной газете она увидела, что этот фильм идет в каком-то

кинотеатре на утреннем сеансе. И мы в воскресенье, ни свет, ни заря, в какую-то скверную весеннюю погоду поехали на другой конец Москвы (добираться нужно было не менее 1,5–2 часов), чтобы посмотреть этот фильм. Но удовольствие все-таки получили.

Она приезжала ко мне в Вологду. Тут нам немножко не повезло. В вагоне, в котором мы ехали, сломалась система отопления, а на улице – конец декабря. Замерзли мы с ней, конечно, страшно, но как-то добрались и даже не заболели. Думаю, наши холода произвели на Татьяну впечатление. Ведь она была человеком южным, к тому же по натуре была «зябликом», рассказывала, что дома она спала под пуховым одеялом, устраивая из него «норку», из которой очень не хочется вылезать по утрам. В Вологде мы ходили гулять на реку, где традиционно устраивают ледяные горки. Татьяна, она же ведь была такая заводная, конечно, не преминула отважно с горки съехать пару раз. Ведь, как я понимаю, в Майкопе таких ледяных горок не было. Я лично струсила, боюсь высоты.

Из бытовых мелочей. Времена были трудные, у нас основная еда была каша (греча, овсянка) или так называемая «феррака» (за правильность названия не ручаюсь, но мы это блюдо называли именно так, позаимствовав рецепт у арабов, соседей по общежитию) – мелко нарезанный картофель жарился вместе с мелко нарезанной морковью и луком, и все это заливалось взбитым яйцом. Татьяна в ходе своих исследований высмотрела какой-то рецепт из кухни, если не ошибаюсь, горских евреев (что-то вроде тушеной капусты с пшеном) и попыталась его приготовить, но «феррака» оказалась вкуснее. Иногда у нас случались очень хорошие «времена» – это когда родители передавали Татьяне посылку: фрукты, варенье, сыр адыгейский и пр. Все это, конечно, шло в общий котел.

У нас были свои домашние имена. Я и наши друзья ее называли «Сюлик», если не ошибаюсь, это производное от «кисюлик». Мне кажется, так ее называли дома. Она меня называла «Плохиш», как я понимаю, благодаря моей «плохишской» комплекции. Кстати, она себя поддерживала в хорошей спортивной форме, регулярно делала зарядку, тем самым благотворно воздействуя и на меня. Я, на нее глядя, тоже потом стала делать зарядку, когда уже жила одна.

О Татьяне, конечно, можно вспоминать бесконечно. Просто мои воспоминания очень личные. Пусть земля ей будет пухом.

Памяти друга

Е.А. Прокофьева

Татьяна Павловна Хлынина была не только моей однокашницей по аспирантуре в Институте российской истории Российской академии наук, не только коллегой по историческому цеху. Она была человеком, дружбой с которым я гордилась. Для меня и моих домашних она была той Танюшей, которую мы всегда были рады видеть в своей квартире в моменты ее, увы, нечастых посещений Москвы, куда она приезжала на конференции, чьи-нибудь защиты в качестве оппонента, а заодно посидеть в архивах и библиотеках. Ее приезда мы ждали с нетерпением, она была желанной гостьей, несмотря на то что своим посещением ломала установившийся распорядок нашей довольно хаотичной жизни. Она всегда привносила с собой жизнерадостную суету, сидение до раннего утра за интересным разговором, когда вроде и спать пора, а расходиться не хочется. Ее приезд становился поводом (превратившимся в традицию) пригласить «на огонек» наших общих приятелей – Диму и Наташу Олейниковых, Александра Ялбулганова – и до поздней ночи наслаждаться развернувшейся за чашкой чая исторической или семантической дискуссией.

Наша первая встреча произошла в стенах Центра по истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, где Таня училась уже второй год под руководством Н.Ф. Бугая, а я только поступила, и моим руководителем стала И.М. Некрасова. Я помню, что тогда Татьяна как раз отчитывалась о проделанном за год. Меня поразил объем материала, который она умудрилась проработать. Она с легкостью ориентировалась в фондах архивов, о которых я ничего не знала, а количество проанализированных монографий меня просто сразило. Стало очевидным, что именно Татьяна задала ту высоту, которой должны были соответствовать аспиранты Центра, но достигнуть ее было практически невозможно. Многим, но не Тане.

Помню еще один момент, который меня поразил в самом начале обучения в аспирантуре: выходившие на обсуждение диссертации соискатели давали Татьяне почитать свою работу. Ее положительный вердикт гарантировал, что и в Центре обсуждение пройдет удачно, а вот критический отзыв заставлял соискателей понервничать. Таня читала чужие работы очень внимательно, не жалея своего личного времени, и я вспоминаю постраничный список замечаний, который от нее получали аспиранты.

Она обладала поразительной работоспособностью. ГАРФ, «Ленинка», РЦХИДНИ, ИНИОН – здесь Татьяна буквально дневала и ночевала, позволяя себе получасовой отдых в течение дня. А вечером, в общежитии, она не отдыхала, а проводила анализ архивных

материалов и научных исследований. Со временем я поняла причину ее необычайного трудолюбия: для нее наука не была просто работой, для Тани это была жизнь. Она жила исследовательской деятельностью, дышала ею. Именно такое (только такое!) отношение к науке и позволило Тане стать не просто ученым – одним из многих, а известным ученым, экспертом-универсалом, автором необычайно глубоких по содержанию статей и монографий.

Я вспоминаю, как проходила защита ее кандидатской диссертации. В том, что работа будет защищена, сомнений не было. Беспокоило одно обстоятельство – Таня очень сложно писала, ее работа была буквально нашпигована терминами, которые на тот момент в исторической науке еще не устоялись (одна «октроированность» чего стоила!). Ее работа была во многих отношениях «первопроходцем», некоторые постулаты, вынесенные на защиту, казались спорными, выходившими за принятые рамки, смысл некоторых аргументов был не всегда ясен из-за своеобразного стиля изложения. По этим причинам среди почтенных членов диссертационного совета ощущалось определенное недовольство. Ситуацию разрядил поднявшийся на трибуну официальный оппонент, тогда еще кандидат исторических наук, преподаватель МГУ А.С. Барсенков, который произнес: «Ну что же, диссертация для умных». В зале возникло оживление, и защита вошла в привычное русло. Почему я вспомнила об этом эпизоде? Потому что Таня вынесла отсюда для себя урок – необходимо поработать над стилем. Не каждый, между прочим, способен провести работу над собственными ошибками. Часто мы считаем себя близкими к совершенству, болезненно воспринимая не только критику в свой адрес, но даже данный в мягкой форме совет. Тане не была свойственна гордыня. Возможно, именно это и позволило ей достичь небывалых научных высот.

Она была очень чутким и внимательным человеком. Вспоминаю, как Таня приехала ко мне в один из не самых удачных периодов моей жизни. Так совпало. Все время, пока у меня жила, Таня старалась хоть как-то разрядить обстановку. Как только она уехала, я обнаружила на холодильнике ювелирный набор – кольца и серьги – прекрасное произведение мастеров Северного Кавказа – и сразу стала звонить Тане, предлагая выслать ей бандеролью забытые вещи. И услышала в ответ: «Они твои. Тебе это нужнее». Какую глубочайшую благодарность я испытала тогда, да и как-то неприятности поблекли и потеряли остроту. С тех пор я практически каждый день надеваю Танин подарок, поэтому частица ее души, ее щедрого сердца в буквальном смысле остались со мной.

Таня ушла, не дожив до пятидесяти лет – чудовищная несправедливость! Остались ее удивительно интересные, глубокие и актуальные работы, и мы, ее любящие и помнящие.

Что запомнилось

В.Л. Телицын

Когда архангела труба
Из гроба нас подымет пением,
Одна нас поведет судьба
По рассветающим селениям.

И там, на берегах реки,
Где рай цветет нам уготованный,
Не выпущу твоей руки,
Когда-то на земле целованной.

Мы сядем рядом, в стороне
От серафимов, от прославленных.
И будем помнить о земле,
О всех следах, на ней оставленных...
Наталья Крандиевская

Когда в июне 2015 г. я узнал от нашего общего знакомого о смерти Татьяны Павловны… Тани… Танечки, я посчитал это известие неуместной шуткой. Но известие оказалось трагической правдой…

И все же – отказывался верить до тех пор, пока не увидел некрологи…

Что-то внутри оборвалось…

Сейчас, уже год спустя после того черного дня, удалось собраться с мыслями… Мои заметки-воспоминания могут показаться чересчур субъективными, но такой я запомнил и ее, и то время, когда мы познакомились…

…Когда познакомились? В день сдачи экзаменов в аспирантуру (сентябрь 1990 г.). Господи, кажется, это было вчера, а на самом деле прошла четверть века.

Два-три провинциала и масса разодетых во что-то яркое, отчаянно горланивших и самоуверенных москвичек, заполнивших аудиторию Института истории Академии наук… Казалось, перевес на стороне последних, но мы были более упорны в достижении цели… Так и поступали в аспирантуру – без всякой надежды на помощь «мохнатой руки», поскольку таковой у нас не было, рассчитывали только на себя.

Первый раз слушал ее на экзамене по истории. Отметил для себя: «Толковая… У нас в университете таких не встречал…» Видимо, не только я так подумал, но и те, кто принимал у нее экзамен: слышал от экзаменаторов только восторженные эпитеты.

Перед экзаменом по философии (сдавал я, она – не помню, может быть, сдала заранее) втолковывала мне что-то из современных достижений философской науки. И вновь удивление – откуда все знает? Для меня многое из сказанного было в новинку. Не про нее уж точно сказано: «Курица не птица…»

Но вот экзамены позади, а впереди – три года аспирантуры. Годы эти пришлись, как сейчас принято говорить, на «лихие девяностые»… Нет, для нас они не были «лихими», это было время познания мира…

Что-то сближало… Тяга к знаниям? Может быть… Но скорее всего другое – стремление доказать миру свою исключительность. У Тани этот «бонапартизм» прошел быстро, у меня – нет… Излечение шло долго, и Татьяна Павловна сыграла не последнюю роль в том, чтобы исчезла глупая самоуверенность.

…Первое впечатление: в чем только душа держится – в прямом и переносном смысле – «тростинка». Но отметил характерный жест руки, подкрепляющий слово. Глаза, глубоко посаженные, глаза человека, всю жизнь познающего окружающий мир. Взгляд непередаваем по глубине своей… Порывистость… Умение сконцентрировать внимание на главном. Убедить собеседника, но при этом даже не стараясь «надавить» на него.

Уже тогда было понятно: на «голову» выше (в первую очередь – меня) знаниями, которыми не кичилась, делилась с другими. Желание помочь всем, кто ее окружал и кто действительно нуждался в помощи. А сама впитывала все новые и новые знания, как «губка». Удивительно, при ее объеме знаний и умении логично и доходчиво объяснить ту или иную проблему она посещала все лекции, и к каждому преподавателю у нее были вопросы. И это была не показуха, не заискивание перед возможным экзаменатором или членом диссертационного совета. Нет. Таню интересовало все, и очень подробно – особенности, аспекты, оттенки… Учителя в Академии наук у нее были отличные, но как ученый-историк, как исследователь она сформировала в большей степени сама себя, самостоятельно. Тематику выбрала одну из самых сложных во всем многообразии исторического прошлого. Но – не спасовала, была не из пугливых… Был в ней стержень!

Была коммуникабельна, умела слышать собеседника (редкое качество для женщины, особенно для женщины – научного сотрудника). Казалось, была рождена для науки… Всю себя – для науки: тогда это представлялось естественным. Хотя и говорила (если не ошибаюсь), что родители выбором дочери профессии остались недовольны. По прошествии времени понял – наука хоть и стала для нее «храмом», но уж никак не «фетишем»: ничто человеческое не было ей чуждо. Она прекрасно понимала, что «наука – это не эгоистическое удовольствие».

Говорила, что ей проще выступить с кафедры, чем оформить свои мысли в качестве статьи. Как оказалось, могла и то, и другое – и очень талантливо и удачно.

Слышал ее редкие выступления на лекциях (и, кажется, на аспирантской конференции), сразу стала видна разница между настоящим ученым и начетчиком.

Жили в разных концах Москвы, пересекались в основном на лекциях либо в архиве или библиотеке. После бдений в аудитории или читальном зале куда-то ходили, не помню, куда… Беседовали обо всем на свете, понимали друг друга с полуслова, с полунамека (редкий дар для женщины-ученой, была возможность в этом убедиться). Что нас интересовало тогда?.. То, что происходило в стране и мире, то, чему мы были свидетелями, и то, что волновало нас как простых обывателей. Жила она в одной комнате (на улице Островитянова, в общежитии РАН) с другой нашей не менее талантливой аспиранткой М.Н. Глумной (из Вологды). Бывал у них в гостях, правда, не очень часто, но каждый раз – как праздник, пир души – общение, которого, как всегда, не хватало.

Критиковали, оценивали, спорили (в основном я – как упертый провинциал; Таня была сдержанной и не стремилась «излить душу»). Но, допустив оплошность в оценке того или иного человека, готова была принести ему извинения, страшно переживая за неудачно вырвавшееся слово. Невероятно деликатная!

Она всегда представлялась мне старше своих лет, хотя я был старше почти на полгода (по аспирантским меркам – огромный разрыв).

После окончания аспирантуры пути разошлись: я остался в Москве, Татьяна Павловна вернулась к себе на родину. Общение поддерживалось только благодаря почте, но письма год от года становились все реже и реже… «Затухая», как свет далекой звезды…

Письма от нее я сохранил в своем архиве, некоторые – да простит мне ее Душа – я позволю себе опубликовать. В них – ее голос, ее мысль, ее взгляд, ее слово…

19.05.1998

Уважаемый Вадим Леонидович!

Письмо Ваше оставляет достаточно разноречивое впечатление, самым общим из которых является недоумение. Во-первых, стиль, который вслед за Бомарше уместно было бы определить как «изящный канцеляризм». Ведь мы с Вами знакомы и знакомы нешапошно. Во-вторых, форма поставленной задачи: отозваться о книге. Это можно сделать и в виде впечатлений, навеянных прочитанным, и в анализе поставленных автором проблем, и, наконец, в обсуждении вопросов, предлагаемых редакцией. Поэтому, в силу неясности предстоящей работы, я попыталась выразить то, что мне как

«периферийному» специалисту дала книга в прояснении исторической судьбы России.

И самое главное. Мне как-то неловко писать о творчестве человека, с произведениями которого меня связывают устоявшиеся и приятные впечатления. Я очень заинтересована в Вашем трезвом отзыве и серьезной оценке. Пожалуйста, напишите, как Вы его находите[1].

Заранее признательна, Хлынина

15.06.1998

Уважаемый Вадим Леонидович,

«Лига наблюдателей» просто очаровательна, за исключением нескольких стилистических «варваризмов», коими Вы пытаетесь совместить высокий слог («наречь») с описываемыми реалиями обыденной жизни («ретивые молодцы с Лубянской площади»)[2]. Признаюсь – читала не без удовольствия. Написано хорошо. Надеюсь, что моя работа Вас несильно разочарует, хотя многие места уже сейчас выглядят пугающе провальными.

И, как водится, напоследок – две огромные просьбы: если не затруднит, пожалуйста, вышлите наложенным платежом третий сборник «Революции и человека» и материалы конференции по Октябрю (если они еще в производстве, то имейте в виду)[3], и по возможности информируйте меня о любых конференциях по вопросам социоестественной истории.

Заранее благодарна, Т. Хлынина

Большой привет И. Орлову[4].

24.12.1998

Уважаемые коллеги![5]

Сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым годом! Надеюсь, что в отличие от года уходящего, он станет для всех нас рубежным и принесет не только профессиональное, но и личное

---

[1] Честно говоря, уже не помню, о какой книге идет речь. Да это и не важно, важно другое – тот урок, который получил…

[2] *Телицын В.Л.* Судьбы русской революции в оценках «Лиги наблюдений» // Меньшевики и меньшевизм: сборник статей. М., 1998.

[3] Третий сборник «Революции и человека» так и не вышел в свет. «Материалы конференции по Октябрю» – речь идет о следующем издании: 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998.

[4] Орлов Игорь Борисович (род. в 1961 г.) – историк, доктор исторических наук. Ныне – профессор Высшей школы экономики. Наш сокурсник по аспирантуре.

[5] Письмо было адресовано мне, но обращалась Таня также и ко всем моим коллегам по научному совету «История российских революций».

удовлетворение во всех наших начинаниях. Здоровья Вам и творческих удач!

P.S. Вадим Леонидович – Вас хочется поздравить особенно!

Выражаю надежду, что новый год, помимо хороших профессиональных достижений, внесет в Вашу аскетическую жизнь ученого хоть какое-то разнообразие. Если решитесь на столь серьезный шаг – обязательно сообщите. Ради Вас – приеду.

Приглашаю в гости: мы получили квартиру на 2 комнаты в центре города, с постоянным телефоном…

Завершаю книгу «Непрошеный дар русской революции» (о природе национальной государственности в России). Работы еще много, т.к. хочется совместить глубину научного анализа и легкость изложения. Пытаюсь писать «без оскомины неверных слов плохого тона» – очень трудно… Огромный привет И. Орлову.

Татьяна.

Сообщите, что в планах работы Научного совета, как прошло обсуждение книги В. Кантора?[1]

15.02.1999

Уважаемый Вадим Леонидович!

Письмо Ваше вызвало двойственные и весьма противоречивые чувства: с одной стороны, благодарность за полученную книгу, с другой стороны – «глухое раздражение» по поводу чрезмерной скрытности. Хотя я очень рада столь неожиданным для меня изменениям в Вашей жизни. Теперь – по порядку.

Во-первых, примите мои самые добрые и искренние поздравления – просто невероятно! Во-вторых, очень бы хотелось приобрести Вашу книгу о Н. Махно[2]. В-третьих, посылаю Вам книгу своего коллеги. Возможно, она заинтересует Вас с точки зрения содержащегося в ней фактического материала.

У меня все по-прежнему. Планирую в конце года стажировку в Москве.

Огромный привет И. Орлову и Владимиру Прохоровичу (кстати, его «Смута» породила в умах наших «ученых» настоящий кавардак[3]. Словосочетание «психоаналитические версии» и «революционный психоз» стали просто олицетворением непристойности).

Т. Хлынина

---

[1] Обсуждение не состоялось.

[2] Речь идет о книге: *Телицын В.Л.* Нестор Махно: Историческая хроника. М.; Смоленск, 1998.

[3] Булдаков Владимир Прохорович (род. в 1944) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. Речь идет о его книге «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия» (М., 1997).

11.05.2000

Уважаемый Вадим Леонидович, посылаю Вам обещанный материал для альманаха. Очень надеюсь на благоприятный «прием». По возможности сообщите: подойдет ли…

P.S. В свою очередь приглашаю Вас в «Вестник». Вышлю 2 номера, один их них – не самый удачный – отсылаю. Требования такие же: дискетка и распечатанный текст (не более 1 п.л.)[1].

Проблематика самая широкая, но с каким-нибудь упоминанием о Северном Кавказе. Буду искренне признательна за участие в нашем издании, которое открыто для всех желающих…

Жду статей, «хороших и разных».

Хлынина

«Была», «была», «была»…

…Прощай, Танечка, Таня, Татьяна Павловна… Я всегда буду носить память и печаль в своем сердце… Уйдя от нас, Вы оставили пустоту, которую уже ничем нельзя будет заполнить… Но, зная Таню, уверен, что она бы ответила бы мне просто вот так: «Не говорите громких слов – они так мало значат»…

[1] Опубликоваться удалось: *Телицын В.Л.* Двадцатые годы: реанимация «военного коммунизма» в деревне // Информационно-аналитический вестник. Археология. Этнография. История. Майкоп, 2000. № 4. С. 121–128.

Память о друге

И.Б. Орлов

Воспоминания, на мой взгляд, самый неблагодарный жанр. Память играет с нами в странные игры, заставляя, с одной стороны, воспроизводить ненужные, как нам, и особенно окружающим, кажется, подробности. С другой стороны, время стирает из памяти то, что вспоминать больно. Последнее в большей степени относится к воспоминаниям о людях, которые оставили яркий след в нашей жизни.

Время лечит – гласит народная мудрость. Умом это понимаешь, но сердце подсказывает, что горечь утраты становится только чуть тупее. Но если это уйдет, то вместе с ней умрет и память о человеке.

Торопилась жить – сейчас эта банальная фраза, когда вспоминаешь Таню, приобретает особую остроту. Более четырех сотен научных трудов, активная преподавательская и организаторская работа, постоянное самообразование, заботы о семье. На примере жизни Татьяны убеждаешься, что верна народная мудрость: чем больше делаешь, тем больше успеваешь. Хотя она нередко жаловалась на нехватку времени. Впрочем, кто из нас не мечтал о лишних перетройке часов в сутках.

Никогда не писал некрологи и тем более воспоминания об ушедших из жизни друзьях. Хотя, к сожалению, для них уже не хватает пальцев одной руки. Сознание, определяемое, если верить классикам марксизма, бытием, подбрасывало самое простое решение – написать в память о Татьяне статью по социальной истории или истории советской повседневности, которые всегда привлекали ее своим обращением к жизни обычных людей. Но вряд ли появление еще одного научного опуса способно сохранить память о чудесной женщине, стезей которой стала историческая наука.

Хочется сохранить память о Тане в том виде, в котором ее запечатлело сознание в последнюю встречу на конференции в Ростове-на-Дону в конце апреля 2010 г. (во время конференции в начале июня 2015 г. Таня уже сильно болела и не хотела, чтобы ее видели беспомощной). Хотя организационные хлопоты отнимали у нее массу времени, Татьяна находила время пообщаться с массой знакомых и малознакомых людей. Как сейчас помню, что в последнюю нашу встречу она по-дружески подкалывала меня на предмет моей многодетности (за год до этого у меня появился четвертый ребенок) и желала, чтобы моя плодовитость воплощалась и в научной сфере. Тогда я дал ей «торжественное» обещание не останавливаться на достигнутом. Через два года у меня родилась дочь, чему Таня весьма порадовалась в телефонном разговоре, а затем опять то ли в шутку,

то ли всерьез напомнила о моем обещании выдать «на гора» что-то «эпохальное».

Она всегда была «язвой», что, впрочем, никогда не скрывала и даже немного этим гордилась. Острый, как бритва, ум, критическое отношение ко всему (включая собственное творчество) и при этом удивительная способность привлекать людей. Возможно, именно требовательность к себе (на мой взгляд, излишняя) останавливала ее от руководства аспирантами и докторантами. Жаль, у нее было удивительное для ученого качество доступно излагать самые путаные теории и концепции.

Но память постоянно возвращает на двадцать лет назад, к самой первой встрече осени 1990 г., когда после окончания университета мы поступали в аспирантуру Института истории СССР Академии наук СССР (ныне – Института российской истории РАН). Имея за плечами несколько лет военной службы, диплом с отличием исторического факультета Харьковского университета, семью и туманные перспективы учительской стези, я, как в омут, с головой бросился в бурные воды исторической науки. Последняя на излете перестройки переживала нелегкие времена «смены исторических вех». То есть в это время, когда золотой телец превратился в кумира миллионов сограждан, судьба нищего ученого (особенно гуманитария) в общественном мнении демонстрировала наглядный пример аутсайдера и неумения поймать удачу за хвост. Кроме того, по мнению наших сограждан, именно историки несли значительную долю ответственности за «белые» и «черные» пятна отечественной истории.

Сейчас, спустя годы, осознаешь, как надо было любить научное творчество, чтобы сделать выбор вопреки, как сейчас бы сказали, мейнстриму личного успеха. Или быть немного сумасшедшим. Или то и другое вместе взятое. Таня, как и все мы, дышала воздухом науки и не мыслила себя в роли бизнесвумен или домохозяйки. Помню, как сразу ярко загорались ее глаза и включался эмоциональный драйв при малейшем намеке на интеллектуальный (далеко не всегда исторический) спор. Она на все имела свое мнение. Причем с годами, что поразительно, сохранялись и эмоции, и собственная траектория в объяснении исторических и социальных процессов.

Что может рассказать о человеке его библиография? На первый взгляд, ничего существенного. Что-то написала, чем-то интересовалась в большей или меньшей степени... Но это если рассматривать работы Татьяны в отрыве от ее жизненной позиции. А она была четко определена – никакой научной халтуры и ничего, за что было бы стыдно, даже не столько перед коллегами, сколько перед самой собой. А для этого, считала она, нужно быть в курсе того, что рождает из себя ежедневно и ежечасно историческая наука у нас и за рубежом. Я помню, как в каждый приезд в столицу Татьяна сетовала

на то, что не может купить и взять с собой в Майкоп (потом, после переезда в Ростов-на-Дону) все книжные новинки. Причем меня всегда удивляла ее всеядность. Покупаемые в больших количествах книги («у нас в провинции ничего не достанешь») охватывали разные сферы гуманитарного и социального знания. Хотя я бы не сказал, что у Татьяны был какой-либо комплекс «провинциалки» от науки. Обучение в аспирантуре ведущего академического института, постоянная связь с коллегами по историческому цеху, защита в столице кандидатской и докторской диссертаций, необычайные творческая плодовитость и публикационная активность – все это способствовало становлению уверенного в своих силах ученого.

Хотя это воспоминания о Тане, но не могу не сказать о том, что судьба связала ее с коллегой по профессии – тоже моим другом Женей. Эта «историческая семья» всегда была для меня примером того, как они переживали свои собственные и общие творческие успехи. Я не готов оценить, кто был «паровозиком» в этой семье, но видел, что они относились к своим совместным работам как очередному ребенку, в дополнение к их дочери.

Когда уходит из жизни близкий человек, всегда кажется, что в мире стало меньше света и тепла. Но самое главное, что живет память о Тане. И от этого тепла и света в мире прибавляется. Она будет жить в наших сердцах.

Историческая наука в пространстве и во времени правды (памяти коллеги)

А.А. Ялбулганов

В год моего поступления в аспирантуру Института российской истории РАН Татьяна Хлынина успешно защитила кандидатскую диссертацию. Вначале я познакомился с Татьяной заочно, услышал положительные отзывы о ее защите от научных сотрудников нашего отдела, а затем и от аспирантов двух родственных отделов, специализировавшихся по советской и досоветской истории народов России. Когда в один из ее приездов в институт нас познакомили коллеги, Татьяна показалась мне очень строгой девушкой, жесткой в рассуждениях, в оценке текущих событий, связанных с исторической наукой и преподаванием истории. Впоследствии я понял – это принципиальность, стремление к объективности. Я помню, что отметил для себя тогда: умная, мудрая не по годам и как складно рассуждает – оратор от Бога. Кажется, я даже не стал завидовать, счел это бесполезным делом, выбрав для себя оправдание: просто ей повезло, и в армии, как я, не служила, и из семьи, наверняка, профессорской, и вообще мне не дотянуться до высот, достигнутых ею.

К счастью, наше общение не закончилось одной этой встречей. Оно продолжилось в будущем, во время приездов Тани в Москву, где она обычно останавливалась у нашей коллеги, Елены Прокофьевой. Трудно описать мое волнение, когда по приглашению Татьяны я передал свою статью в сборник, готовившийся под ее научной редакцией. Мне важно было знать мнение Татьяны, ее оценку, и как было радостно получить от нее весточку со словами поддержки и одобрения.

Татьяна была добрым и, как мне кажется, счастливым человеком, влюбленным беззаветно в свою работу, в науку. Могу уверенно выделить черту ее характера, которую я считаю очень важной и за которую я очень благодарен дорогой Татьяне Павловне, – свободные от всяких эмоциональных наслоений и субъективизма честность, несгибаемость в объективной оценке событий истории народов Северного Кавказа.

Человек полета (памяти Т.П. Хлыниной)

Н.Н. Денисова

На жизненном пути мне встретилось немало достойных людей, в той или иной мере оказавших влияние на мое формирование как личности и профессионала. Всех их помню и бережно храню память о них. Особое место среди них занимает Татьяна Павловна Хлынина. По своему возрасту она не являлась моим учителем, но была и остается (несмотря на безвременный уход из жизни), в силу своего высокого интеллекта, профессионализма и нравственных позиций, настоящим наставником по научному цеху.

Хорошо помню события, положившие начало нашему знакомству и дальнейшей совместной работе. Первая встреча состоялась осенью 1991 г., когда в Адыгейский научно-исследовательский институт пришла группа талантливой научной молодежи. Татьяна Павловна уже тогда обратила на себя внимание своей не по возрасту зрелостью, ответственностью, самодостаточностью и талантом историка. Как со временем стало ясно, к своим природным данным она относилась весьма ответственно, не позволяя себе расслабиться ни на минуту.

Татьяна Павловна прекрасно знала как отечественную, так и зарубежную историческую литературу, имея свою собственную точку зрения на высказываемые в тот непростой для России период концепции и оценки, с которыми многие ее коллеги не рисковали спорить. Со временем мы научились улавливать каждое ее слово по поводу состояния современной исторической науки.

Уже в начальный период своей научно-исследовательской деятельности Татьяна Павловна кропотливо работала в Национальном архиве Республики Адыгея, извлекая малоизвестные факты из истории адыгов, одновременно по-новому трактуя то, что давно и прочно было введено в научный оборот. Работая в библиотеке и архиве, она полностью погружалась в историю, отстаивая свое право на собственную ее оценку, которая не всегда совпадала с общепринятой. Ее невозможно было застать ничего не делающей, она вся была сосредоточена на предмете, которым занималась, ее не отвлекали никакие посторонние разговоры и обсуждения. Загоралась она лишь тогда, когда речь заходила об истории. Умение вопреки всему (даже самым неблагоприятным обстоятельствам) погружаться в проблему и решать ее удивляло и поражало всех, знавших ее. И это было не просто погружение ради погружения, а полет научной мысли человека, рассматривавшего историю не только как науку, а как своего рода искусство проникновения в уже имеющееся знание и формирование нового его уровня, что доступно далеко не каждому.

Татьяне Павловне, как представляется, оно было вполне подвластно, это и отличало ее от других научных сотрудников. Со временем она сама, когда читала работы, как будто «правильные», «гладкие», но без личностного сопереживания, отмечала, что в них нет полета научной мысли. И это была самая резкая ее критика, которая заставляла коллег пересматривать свои научные позиции, добиваясь самостоятельности и оригинальности.

В первый же год работы в отделе истории Татьяна Павловна поступила в аспирантуру Института истории СССР Академии наук СССР (ныне – Института российской истории РАН) (впрочем, в ее целеустремленности никто не сомневался). Годы ее учебы совпали с не самым благоприятным периодом как в отечественной науке, так и в российском обществе в целом. В Москве мы встретились с ней в библиотеке Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН), в фондах которой она с первых же шагов прекрасно ориентировалась, чем удивляла всех нас. Ни холод (в то время ИНИОН практически не отапливался), ни отсутствие необходимых материальных условий не страшили молодого исследователя. С первых дней учебы в аспирантуре Татьяна Павловна работала, что называется, без устали, находя в этом истинное счастье. Никого поэтому не удивило, что защита кандидатской диссертации прошла весьма успешно, что было делом далеко не простым при таком руководителе, как Н. Бугай. Запомнились ее очень добрые воспоминания о них.

Вернувшись в институт молодым кандидатом наук, Татьяна Павловна сразу же заявила о себе как о зрелом исследователе, самодостаточной личности, заставившей считаться с собой именитых ученых. В этот период у нее были большие планы. Она планировала скомплектовать группу историков, занимающихся проблемами социальной истории, но не нашла поддержки у руководства института и отдела. Следующим ее проектом было издание отделом истории «Информационно-аналитического вестника. История. Этнология. Археология». Именно Татьяной Павловной были разработаны его концепция и структура. Главной целью «Вестника» становились исследования различных аспектов истории северокавказского региона. Структура включала в себя разделы: теория, источниковедение, методы исторических исследований; исторические очерки; критика и библиография. Открывая первый номер «Вестника», Татьяна Павловна, как ответственный редактор, четко определила его задачи: поиск нового теоретического обоснования проводимых исследований, «необходимость расширения привычной территории» исторических исследований. В своем вступительном слове основное внимание она уделила проблемам местной «национальной» истории, качество и проблематика которой требовали особого внимания

ученых. По глубокому убеждению Татьяны Павловны, «именно региональный компонент придает восстанавливаемому прошлому ощущение полноты и реальности жизни, а также своеобразие всему ходу исторического развития»[1].

Сама Татьяна Павловна напечатала в «Вестнике» ряд своих статей по национально-государственному строительству, которые живо обсуждались научным сообществом, не оставляя никого равнодушным. Как истинный просветитель, на страницах «Вестника» она знакомила читателей с новинками исторической литературы, делая это мастерски и критически. Ей принадлежит анализ доклада американского исследователя, доктора философии Р. Кайзера «Политическая география и национализм в императорской России»[2], опубликованного на английском языке в книге «История национальных политических партий России»[3].

Привлекла к себе внимание исследователей и ее рецензия на работу «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления» под редакцией С.Г. Агаджанова и В.В. Трепавлова[4]. В целом высоко оценив рецензируемый труд, Татьяна Павловна, однако, была далека от того, чтобы считать его редким историческим изданием, «которое реально способно обогатить практику строительства новой российской государственности». Ценность данного труда, по ее мнению, заключалась, прежде всего, «в утверждении необходимости видеть в истории не только инструмент для исправления настоящего с помощью прошлого, но и возможность соприкоснуться со всей сложной и противоречивой жизнью многонациональной Российской державы»[5].

В этот период автору статьи посчастливилось реализовать совместно с Татьяной Павловной проекты: «Государственность Адыгеи: этапы становления и развития»[6], «Адыги Кубанской области

---

[1] Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 1999. С. 4.

[2] *Пятакова Т.Л., Хлынина Т.П.* Р. Кайзер о политической географии и национализме в Российской империи // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2001. Вып. 4. С. 222–226.

[3] История национальных политических партий России: материалы международной конференции. М., 1997. С. 65–82.

[4] *Хлынина Т.П.* Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с. // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2001. Вып. 4. С. 227–231.

[5] Там же. С. 231.

[6] *Чирг А.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П.* Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп, 2002.

под контролем колониальной административно-политической системы»[1] и ряд других, что дало возможность ближе познакомиться с творческой лабораторией талантливого историка, каковым, без сомнения, являлась Татьяна Павловна.

Одновременно Татьяна Павловна упорно занималась докторской диссертацией. Подготовке к ней не мешали ни огромная загруженность учебно-преподавательской работой (она была блестящим, любимым студентами преподавателем), ни напряженная исследовательская деятельность, ни семейно-бытовые проблемы (через неделю после рождения дочери мы уже видели ее на работе). Татьяна Павловна настойчиво шла к своей цели. Поэтому для коллег не стала неожиданностью успешная защита ею докторской диссертации.

Многие авторы отмечают, что Татьяна Павловна не имела своих аспирантов и докторантов. Это, действительно, факт. Но многие ее коллеги хорошо знают и помнят ее помощь и вклад в их профессиональный рост и считают себя ее учениками, почитая ее как своего наставника.

Судьба оказалась не очень благосклонной к этому удивительному и такому талантливому человеку. Ее жизнь и путь в науке не были простыми и тем более легкими. Но у этой хрупкой и порой такой уязвимой женщины хватило мужества и сил преодолеть все и занять свое место не только в региональной, но и в российской современной исторической науке. Татьяне Павловне Хлыниной не хватило только сил преодолеть смертельную болезнь, так рано прервавшую ее полет в науке.

Коллеги по работе в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований помнят и высоко ценят вклад Татьяны Павловны в развитие исторической науки Республики Адыгея.

[1] *Денисова Н.Н., Хлынина Т.П.* Адыги Кубанской области под контролем колониальной административно-политической системы // История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. Т. 1. Майкоп, 2009. С. 251–294.

О Татьяне

О.М. Цветков

Люди живы до тех пор, пока они живут в нашей памяти и, значит, в нашей жизни. Эту нехитрую мысль высказывали многие, и ее соответствие истине представляется мне очевидным.

Татьяна оказалась одной из тех, кто, наряду с другими людьми, волею судьбы был вплетен в мою жизнь, стал ее частью. И хотя нас связывали с ней довольно поверхностные формально служебные отношения, за ними скрывалось еще нечто, придававшее им невидимую для стороннего взгляда глубину, достоинство и изящество.

В первые годы нашего знакомства я никак не мог распознать в ней, в этой скромной сотруднице отдела истории периферийного НИИ, ее саму, т.е. ту, которую увидел позже. Она была для меня всего лишь одной из тех, кто работает в соседнем кабинете, кто работает «где-то рядом» и «что-то пишет». Как человек, занимающийся немного философией, немного социологией и немного политологией и подверженный при этом профессиональному эгоизму, я смотрел на нее снисходительно и свысока, как и на любого другого историка, занимающегося калькуляцией исторических фактов и, как мне казалось, не способного подниматься до сокрытых сокровенных смыслов социальных процессов. Татьяна, вероятно, чувствовала мое высокомерие и отвечала холодностью. Между нами появилась тогда стеклянная стена, хотя и не очень толстая.

Постепенно ошибки молодости были преодолены, профессиональный и прочий эгоизм смирен, стена разрушена. Она разрушалась постепенно, и я увидел другую Татьяну.

Она, другая Татьяна, оказалась очень чутка: к слову, взгляду, жесту, мимике, всем этим мизансценам и антуражам, наполняющим нашу жизнь. А поскольку я и сам тоже смотрю на все это иногда довольно пристально, мне было интересно смотреть вместе с ней. И ей, кажется, тоже. Она умела видеть красивое и некрасивое, прекрасное и безобразное. Вполне возможно, что людей, которые видят это, не так уж много. Татьяна была одной из немногих.

Я обнаружил в ней также человека, который чуток к слову. Мне было интересно сидеть рядом с ней на конференциях, слушать некоторых не очень образованных ораторов и, подобно школьникам, вместе с ней хихикать над ними. Хотя она была уже к тому времени доктором наук, беззлобное хихиканье ее красило и делало сильно моложе. За пределами научных аудиторий она, разумеется, не только хихикала, но и громко и заразительно смеялась. Я помню этот смех до сих пор.

Я думаю, что Татьяне очень повезло. Ее существование было подлинным, непритворным и внутренне свободным, а это большая редкость. Подлинность ее существования могла, конечно, спровоцировать безрассудные поступки, но она их, кажется, все же не совершала. По меньшей мере – непоправимых, роковых. Впрочем, эти подробности ее жизни мне неизвестны.

На одном из научных семинаров я услышал от Татьяны то, что является для меня высшим критерием разумности в отношении к историческому процессу, – она рассуждала об истории (исторической науке) как об интерпретации. Рассуждения были глубокими и тонкими. И это не было робинзонадой, поскольку она прочитала и усвоила тех историков, которые мыслили в этом же направлении. Это была та вершина, которую она непринужденно и изящно взяла – может быть, даже не очень заметив, что это вершина.

То, что я написал о Татьяне, – мое краткое личное воспоминание и впечатление. В моей памяти она остается именно такой – умной, изящной, достойной и живой. Она была хорошим человеком. Вечная память.

От студентки к выдающемуся исследователю

Р.Х. Емтыль

Татьяна Павловна Хлынина всю свою жизнь посвятила исследованию истории и историографии истории народов Северного Кавказа. Весомым вкладом в историческую науку стали ее работы, посвященные становлению советской национальной государственности у народов Северного Кавказа.

Татьяна с отличием окончила Адыгейский государственный педагогический институт (АГПИ), затем аспирантуру в Москве. Успешно защитила там же кандидатскую и докторскую диссертации. В период ее учебы в АГПИ я вела на историческом факультете курс методики преподавания истории. Среди студентов она всегда выделялась своей скромностью и, конечно, умом. Уже тогда было понятно, что она станет в будущем крупным историком-исследователем.

После прихода Татьяны в Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева мы работали вместе с ней в одном кабинете истории, как говорится, рука об руку. Об этом периоде жизни и работы Татьяны сохранилось много хороших воспоминаний. Вообще, где бы она ни работала, везде проявляла большое усердие, была творческим человеком, настоящим исследователем. В любую минуту была готова безотказно помочь. Обладала редко встречающимся ныне даром писать увлекательно, но содержательно, легко, но обстоятельно, просто, но академично. По-хорошему ей можно было в этом только завидовать. Татьяну также характеризовали открытость и отзывчивость. Эти качества привлекали к ней окружавших людей. Ни на кого и никогда она не повышала голос. Всегда была спокойной, уравновешенной, корректной, умной собеседницей.

Монографии, статьи, рецензии, обзоры Татьяны Павловны Хлыниной чрезвычайно важны для молодых ученых-историков, приступающих к написанию кандидатских и докторских диссертаций. Однако, работая вместе с Татьяной Павловной, у нее могли многому научиться не только молодые исследователи, но и ученые постарше. У нее были неуемная работоспособность, широкий диапазон знаний. Особенно привлекала ее тема советской национальной политики на Северном Кавказе. Когда знакомишься с ее многочисленными трудами, статьями, посвященными советской истории Северного Кавказа, расширяются представления по историографии, истории, методологии науки.

Я вспоминаю отзыв Татьяны на мою кандидатскую диссертацию и выполненную на ее основе монографию «Социально-экономическое развитие адыгейского аула в 20-е годы XX века».

До сих пор благодарна ей за то, как она глубоко, интересно, конкретно определила значение моей работы. Ее мнение как рецензента было учтено диссертационным советом Кубанского государственного университета, где я защитила диссертацию.

Для коллег, друзей и студентов она навсегда останется в памяти как компетентный и творчески активный ученый, умный человек.

Пусть земля ей будет пухом.

Честность является основной добродетелью ученого

А.Н. Соколова

Кто посвятит свою жизнь служению науке, того имя и после смерти будет бессмертным.

Навои

Татьяна Павловна Хлынина – мой младший друг, коллега, соратник и одновременно педагог моего сына, жена моего заведующего кафедрой, невестка моей коллеги по работе. Татьяна Павловна не переставала меня удивлять как в быту, в экспедиционной работе, так и в учебной аудитории, и на трибуне научной конференции. Она могла обратиться ко мне за советом о том, где найти мойщика окон, и одновременно выговаривала, если я осмеливалась заступиться за ее мужа в тех же семейно-бытовых делах. Татьяна Павловна категорически отвергала наличие в ее квартире красивой посуды за стеклом шкафа и в то же время одаривала меня бусами из натурального камня в честь защиты докторской диссертации, а порой сама щеголяла в модных сережках или колье. Довольно жестко отзываясь о коллегах-ученых или учивших ее педагогах, она всегда оставалась человечной, незлобливой, незлопамятной, готовой прийти на помощь любому нуждающемуся, войти в положение каждого студента. Очень многие любили ее за искренность и правдивость, профессионализм и эрудицию, великолепную память и скорость постижения нового знания. Т. Хлынина буквально «глотала» книги, следила за всеми новинками, искренне радовалась новым изданиям своих коллег.

Как-то странно и непривычно говорить о Татьяне Павловне в прошедшем времени. Она всегда с нами рядом. Даже после переезда в Ростов-на-Дону мы вспоминали ее всякий раз, когда устраивали обеденное чаепитие, перераставшее в послеобеденные светские разговоры. В это время Татьяна Павловна уже сидела на своем обычном месте у окна в читальном зале Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева и работала. Многим из нас было неловко вести легкую беседу в присутствии коллеги, погруженной в чтение научной литературы, делающей нужные для себя выписки. Ее вид настраивал на работу, хотелось всегда соответствовать человеку, для которого научная деятельность являлась смыслом жизни и кому было дано быть Исследователем.

Научная неуемность Татьяны Павловны меня восхищала. Она читала не только литературу по историческим дисциплинам, ее интересовали новинки филологии, лингвистики, семиотики, ей интересны были книги по философии, культурологии, антропологии и социологии. Она блестяще вела лекционный курс и семинарские занятия по культурологии в Майкопском государственном технологическом университете и филиале Российского государственного социального университета в Майкопе. Не заглядывая ни в какие записи, она читала лекции как по писаному, не произнося ни одного лишнего слова и именно с той скоростью, которая была удобна для записи ее текстов. Наклонившись вперед, она вглядывалась в каждого студента, казалось, что она обращается каждому из них. При этом она чутко реагировала на их эмоции и понимала, когда надо что-либо повторить или разъяснить. Ее лекции строились по жесткому плану, и она успевала в академическую пару рассказать все то, что было запланировано в начале занятия. Задания для самостоятельной работы студентов отличались четкостью и конкретностью. Татьяна Павловна никогда не отказывала в моей просьбе посетить ее лекции не только по формальной причине (я, как заведующая кафедрой, должна была это делать согласно должностным обязанностям). Она просто была щедрым человеком и готова была делиться знаниями со всеми, кто этого хотел.

Много лет проработав вместе в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований, Майкопском государственном технологическом университете и филиале Российского государственного социального университета в Майкопе, в 2006 г. мы задумали с Татьяной Павловной организовать научную группу по изучению косовских адыгов, проживающих в ауле Мафэхабль. В 1998–1999 гг. во время известных югославских событий и жесткого сербо-албанского противостояния в Адыгею, на историческую родину, из Косово вернулись около 200 адыгов, получивших статус беженцев. В группу вошли кандидаты исторических наук Галина Григорьевна Тхагапсова, Мира Юнусовна Унарокова, Марат Нурбиевич Губжоков.

Совместная работа над проектом, формулирование его названия, актуальности, новизны, ожидаемых результатов – все проходило в непосредственном контакте с Татьяной Павловной. И для нее, и для меня это был первый исследовательский проект, получивший поддержку Российского гуманитарного научного фонда. Мы чувствовали величайшую ответственность и желание открыть неизведанное, найти не только новое событийное знание, но и выявить новые методологические подходы в изучении особого для России явления – репатриации. Название проекта предложила Татьяна Павловна. Оно звучало так: «Косовские адыги в Адыгее: проблемы

адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона». Вторая часть названия вызвала бурную дискуссию. Я сомневалась в том, что участники нашей группы готовы глубоко и профессионально обсуждать тему устойчивого развития региона, понимая, что этот идиоматический комплекс вбирает в себя десятки составляющих его смыслов. Татьяна Павловна не только настаивала на сохранении второй части названия проекта, но и обязалась разрабатывать его содержание. И хотя, на мой взгляд, обсуждение и анализ корпуса вопросов об «устойчивом развитии региона» были не самой удачной частью в реализации проекта, возможно, именно благодаря такой формулировке названия заявка успешно прошла конкурс.

В результате двухлетней работы над проектом были получены новые теоретические знания о путях и формах адаптации малочисленных групп в инокультурном пространстве; социальном самочувствии косовских репатриантов, новые данные о динамике ценностных ориентаций косовских адыгов, причин и условий сохранения/заимствования элементов языка, фольклора (в том числе и музыкального), культуры питания, формировании специфической картины мира репатриантов. Важным результатом проекта стало создание «Программы диагностики социального самочувствия репатриантов» и анализ внешних и внутренних параметров устойчивого развития региона в условиях изменившегося состава населения.

Содержание фактически проделанной работы впечатляет даже сегодня. Участники группы отчитались о том, что были накоплены новые теоретические и практические знания, связанные с изучением процессов адаптации малой группы; разработаны новые подходы и методики для изучения групп репатриантов; создан электронный банк данных «Косовские адыги в Республике Адыгея»; разработана «карта» культурных потребностей репатриантов; сформулированы стержневые принципы этнической идентичности косовцев; выявлены самоидентификационные показатели косоваров; реконструирован танцевальный комплекс, бытовавший у югославских адыгов; воссоздана система питания адыгов, характерная для момента разделения этноса; выявлены закономерности формирования ономастикона косовцев; разработаны сценарии прогнозного фона адаптации малой группы; создана модель устойчивого развития региона.

На профессиональную камеру было отснято 10 часов рабочего материала о жизни косоваров в Адыгее (интервью с репатриантами, виды аула Мафэхабль и др.); создан фильм «Потеряли танцы, но остались адыгами», переведенный на английский язык и показанный в Чехии; издан сборник научных статей «Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое

развитие региона», в который вошли 11 работ 7 авторов; в научных сборниках Армавира, Краснодара, Майкопа, Москвы, Праги, Ростова-на-Дону опубликованы более 30 работ (тезисов и статей) общим объемом 24 п.л.; собраны более 60 фотодокументов, связанных с жизнью и бытом косоваров.

Накопленный материал «раздвинул» исследование из области социокультурных проблем в сферу этнографии, этнолингвистики, ономастики, этнопсихологии, этномузыкознания и других наук.

Исследование показало, что адаптация косовских адыгов к условиям проживания в Республике Адыгея – процесс мультивекторный, а взаимодействие косовских адыгов с соотечественниками этнического ядра и репатриантами из других регионов диаспоры (из Турции, арабских и европейских стран) протекает в русле внутриэтнической реконсолидации (воссоединения). Татьяна Павловна убедительно доказала, что процесс внутриэтнической реконсолидации не исключает фузии инновационных черт, приобретенных каждой локальной группой адыгов, которые на протяжении последних полутора столетий вынуждены были развиваться дифференцированно и в изоляции друг от друга; что авангардная и этнособирающая роль в процессе реконсолидации обособленных локальных групп репатриантов, и в том числе косовских адыгов, становится исторической миссией адыгов этнического ядра; это обусловлено как их беспрерывным пребыванием в экологической нише этнической территории, так и демографическими факторами: в Республике Адыгея проживает 109 тысяч адыгов, представляющих этническое ядро, а косовцев – не более 140 человек;

В отчете по проекту фиксировалось, что перспектива долговременного и непосредственного взаимодействия в поликультурной иноэтничной среде с различными народами в условиях Республики Адыгея, где функционируют два государственных языка – адыгейский и русский, – объективно приведет косовских адыгов к билингвизму, что является маркером приближения к ассимиляционному порогу. Вместе с тем внутриэтнической реадаптации косовских адыгов неизменно будут сопутствовать культурные реалии, характерные интеграционным процессам.

На основе социологического опроса, глубинных интервью и благодаря перманентным контактам с представителями группы исследователи получили возможность не только реконструировать отдельные подсистемы культурного целого (танцевальный пласт культуры, систему питания, самоидентификационные признаки и др.), но и определить сценарии прогнозного фона адаптации группы, а также разработать модель устойчивого развития региона.

Иммиграция косовских адыгов не нарушила сложившейся этнической структуры региона, не повлияла на изменение культурной

идентичности и устойчивость социума, не нарушила равновесия в системе «природа-население-хозяйство».

Т.П. Хлынина выявила и описала три сценария прогнозной адаптации группы: 1) ассимиляционный, 2) стабилизационный, 3) консервативный. Она предположила, что при реализации каждого из этих сценариев произойдут определенные изменения, не выходящие за пределы «пороговых величин» устойчивого состояния системы и в силу этих обстоятельств являющиеся положительными. Показателями успешности процессов адаптации репатриантов служат отсутствие конфликтов в течение десятилетнего пребывания группы в новых для нее условиях, вживание членов группы в трудовые процессы, низкие значения смертности, положительная динамика воспроизводства и т.п. Членам переселенной группы приходится вживаться не только в поликультурную среду региона, в котором проживают более 60 народов. Одновременно происходят процессы реинкультурации, т.е. вживания в этническую среду, покинутую полтора столетия назад. За это время этническая среда изменилась, как изменился и этнокультурный облик самой переселенной группы косовцев. Присутствие репатриантов в среде адыгов дает положительный эффект ощущения принадлежности к большому народу и рождает надежду на более тесные и продуктивные для этнокультуры контакты с адыгскими диаспорами других стран.

Развивая прогностические ожидания, Татьяна Павловна констатировала, что в случае реализации первого сценария будет наблюдаться расхождение между положительным восприятием произошедших изменений системой в целом (где в качестве таковой выступает мультикультурное сообщество республики) и отрицательной их оценкой ее сегментом (группой репатриантов). В случае реализации второго сценария ситуация сложится обратным образом, и расхождения будут наблюдаться между отрицательным восприятием изменений самой системой и положительной их оценкой репатриантами. В третьем случае возможно достижение баланса за счет совпадения положительной тональности восприятия изменений как системой, так и ее сегментом. Хотя для такого варианта развития событий необходима большая внутренняя однородность системы и резкое ухудшение околосистемной (внешней по отношению к ней) среды.

За годы выполнения проекта Татьяна Павловна несколько раз вместе с группой выезжала в экспедиции в аул Мафэхабль с целью сбора материалов для научного обобщения (всего было 12 выездов); подготовила и опубликовала по теме проекта 15 работ общим объемом 4 п.л.; участвовала в работе международной научной конференции «Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории» (Пятигорск, 25–27 апреля 2008 г.);

выступила с докладами на конференциях «Полиэтничный макрорегион: язык, культура, политика, экономика» в Ростове-на-Дону (9 октября 2008 г.) и в Москве «Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия» (25 ноября 2008 г.); разработала модель прогнозного фона «Адаптация косовских адыгов в Республике Адыгея» и сценарии адаптации группы в условиях устойчивого развития региона; провела и обработала ряд неструктурированных интервью с репатриантами, полученные данные которых использовала в публикациях по проблеме; определила параметры и границы понятия «карты социокультурных потребностей репатриантов»: участвовала в сборе материалов для разработки электронного банка данных «Косовские адыги в Республике Адыгея»; составила и отредактировала совместную публикацию исследовательского коллектива по данной теме «Косовские адыги в Адыгее: основные социокультурные потребности и механизмы их удовлетворения».

В последний год работы над проектом Татьяна Павловна уже жила в Ростове-на-Дону, но благодаря электронной почте и другим возможностям Интернета наше сотрудничество не стало менее интенсивным или продуктивным. Мы переписывались, поздравляли друг друга с праздниками, делились успехами наших детей, изредка встречались на конференциях. Между тем я продолжала следить за научными успехами Т. Хлыниной и не уставала удивляться ее продуктивности и качеству научной продукции. Думаю, что совместный опыт работы над исследовательским проектом пригодился каждой из нас. Возглавив еще несколько научных коллективов, работающих по грантам РГНФ, я нередко пыталась взглянуть на проблему «критическим оком» Т. Хлыниной, которая не щадила ни себя, ни своих соратников, ставя во главу угла только значимость и важность научного результата.

Список публикаций Т.П. Хлыниной, выполненных в рамках проекта «Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона»

Хлынина Т.П. Устойчивое развитие региона в условиях изменения этнического состава его населения // Устойчивое развитие Северного Кавказа: проблемы и перспективы: материалы «круглого стола» (18 апреля 2007 г., г. Майкоп). Майкоп, 2007. С. 73–78.

Хлынина Т.П. Динамика социального самочувствия репатриантов как показатель адаптивных возможностей традиционной культуры // Сбережение народа: традиционная народная культура: материалы научно-практической конференции (8–9 июня 2007 г., г. Краснодар). Краснодар, 2007. С. 133–137.

Хлынина Т.П. Влияние полиэтничного окружения на процессы социальной адаптации косовских адыгов в Адыгее // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: тезисы докладов региональной научной конференции (19–20 сентября 2007 г.). Ростов н/Дону, 2007. С. 103–104.

Хлынина Т.П. Косовские адыги в Адыгее: механизмы и проблемы адаптации малой группы // Социокультурная адаптация косовских адыгов в Адыгее: материалы круглого стола, 29 ноября 2007. Майкоп, 2007. С. 32–43.

Хлынина Т.П. Программа диагностики социального самочувствия репатриантов, разрабатываемая в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона», проект № 07–06–00767а // Социокультурная адаптация косовских адыгов в Адыгее: материалы круглого стола, 29 ноября 2007. Майкоп, 2007. С. 75–92.

Хлынина Т.П. Косовские адыги-репатрианты в миграционном потенциале Республики Адыгея // Миграционные процессы на Юге России: реалии, проблемы, перспективы: сборник материалов международной научно-практической конференции. Выпуск второй / отв. ред. А.В. Понеделков. Ростов н/Д, 2008. С. 74–77.

Хлынина Т.П. Социальное самочувствие репатриантов как показатель устойчивого развития региона (на примере косовских адыгов Республики Адыгея) // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: материалы межрегиональной научной конференции. Армавир, 2008. С. 147–151.

Хлынина Т.П. Построение модели прогнозного фона «Адаптация косовских адыгов в республике Адыгея» и определение ее «коридора возможностей» // Полиэтничный макрорегион: язык, культура, политика, экономика: тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9–10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2008. С. 344–347.

Хлынина Т.П. Проблемы и перспективы социальной адаптации косовских адыгов в Республике Адыгея // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: сборник научных статей. Ростов н/Д, 2008. С. 132–138.

Хлынина Т.П. Принимающее сообщество и репатрианты: проблемы взаимовосприятия (на примере косовских адыгов в Адыгее) // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия: тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 ноября 2008 года. М., 2008. С. 237–241.

Хлынина Т.П. Проблемные зоны памяти, национальная идентичность и процессы социальной адаптации косовских адыгов в Адыгее // Национальная идентичность в проблемном поле

интеллектуальной истории: материалы международной научной конференции (Пятигорск, 25–27 апреля 2008 г.). Ставрополь; Пятигорск; Москва, 2008. С. 362–370.

Хлынина Т.П. Косовские адыги в Адыгее: устойчивое развитие региона и адаптационный потенциал группы // Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона: сборник статей. Майкоп, 2008. С. 29–34.

Хлынина Т.П. Социальное самочувствие репатриантов как показатель устойчивого развития региона (на примере косовских адыгов Республики Адыгея) // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: материалы межрегиональной научной конференции. Армавир, 2008. С. 147–151.

Соколова А.Н., Тхагапсова Г.Г., Хлынина Т.П. Косовские адыги в Адыгее: основные социокультурные потребности и механизмы их удовлетворения // Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона: сборник статей. Майкоп, 2008. С. 19–29.

Соколова А.Н., Тхагапсова Г.Г., Хлынина Т.П. Косовские адыги в Адыгее: основные социокультурные потребности группы и механизмы их удовлетворения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология». 2008. № 8. С. 196–204.

Стихотворение маме

О. Кринко

Здравствуй, здравствуй, мама!
Долго ты меня ждала….
Вот и я тебя, родная,
Навестить теперь пришла…
Тебя вижу я во сне,
Часто вспоминаю,
Как ходили в парк с тобой,
Вместе мы гуляли…
Замок Синей Бороды
Вместе навещали
И веселые стишки
Вместе сочиняли…
А теперь вот мы вдвоем
С папой здесь гуляем
И тебя, любимая,
Часто вспоминаем…
Только уж не радостно –
Мне на сердце грустно,
Потому что на твоем
Месте стало пусто.
И печально обхожу
Парка я ограды,
И тоскую по тебе:
Нету тебя рядом…
Дни на месте не стоят,
Быстро пролетают,
Время медленную жизнь
Скоро обгоняет…
Только, несмотря на то,
Все воспоминанья
Прилетают в мои сны,
Мысли посещают…
Кажется, что ничего
Мне теперь не надо,
Лишь бы ты вернулась к нам,
Вновь была бы рядом…
Сложно то мне передать,
Что сильнее чувства,
Потому что на твоем
Месте стало пусто…

Март 2016 г.

Наука – жизненное кредо Татьяны

А.Ю. Шадже

В моей памяти остался светлый образ Татьяны Павловны Хлыниной, в котором гармонично сочетаются черты ученого, заслуживающие внимания. У нее много достоинств, всех не перечислишь, но на некоторых из них мне хотелось бы остановиться.

Профессионализм Татьяны, безусловно, бросался в глаза в течение всех лет ее плодотворной работы. Ее профессиональные качества отмечают все, кто с ней работал. Трудно было понять, когда и как она все успевала. Вспоминаю, как на одной из наших встреч она рассказывала мне с недоумением, что один коллега возмущался тому, как она может написать столько научных статей. Татьяна рассказывала мне, что не может понять, в чем упрек.

Я другому удивлялась: как совмещались в этом человеке профессионализм – написание научных монографий, статей, оппонирование – и добрые человеческие качества? Она была прекрасной дочерью, матерью и женой. Выстраивала человеческие отношения на основе определенных принципов, но они были настоящими/надежными.

О ее порядочности знает каждый, кто хоть раз обращался к ней. Ее слово никогда не расходилось с делом. На нее всегда можно было положиться, она брала на себя ответственность. Профессионально, принципиально и честно осуществляла все виды научно-педагогической работы.

Татьяна завоевала заслуженный и непреклонный авторитет и признание в научном сообществе не только Адыгеи, но и историков Краснодарского края, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов.

Жизнь преподносила ей немало ударов и переживаний, но она научилась достойно выходить из трагических ситуаций, не потеряв, а сохранив себя. Мне казалось, что она порой очень страдала от несправедливости в человеческих взаимоотношениях.

С радостью вспоминаю, что наше активное общение происходило через книги. Все выпущенные свои книги Татьяна дарила мне. Во-первых, наши научные интересы пересекались – межэтнические отношения. Поэтому при встрече всегда был предмет обсуждения и размышления. Во-вторых, я не забуду никогда ее дарственные надписи на книгах. Она находила удивительно незабываемые слова… Об одном я очень сожалею, что одну ее просьбу не выполнила – заказанная статья осталась не написанной мною. Простите, Татьяна…

Как яркий огонек, Таня вспыхнула и быстро сгорела… Но остался ее образ, остались научные книги и статьи…

Вспоминая Татьяну

А.Н. Еремеева

В 2003 г. Сергей Васильев – аспирант историка и киноведа Юрия Анатольевича Болдырева (безвременно ушедшего из жизни в 2011 г.) – защищал в Кубанском университете кандидатскую диссертацию о судьбе отечественной киноиндустрии в эпоху перестройки. Состав оппонентов был чисто женский – Татьяна Павловна Хлынина, только что ставшая доктором наук, и автор этих строк. Так мы и познакомились.

Хрупкая, с горящими глазами молодая женщина озвучила свой очень конструктивный, неформальный, одновременно критичный и доброжелательный отзыв. Мы обменялись адресами и с тех пор в течение 12 лет регулярно общались – переписывались, перезванивались, встречались на конференциях в Краснодаре, Ростове, Адлере, Анапе. Время от времени «пересекались» на краснодарском вокзале – пересадочном пункте семьи Кринко – Хлыниной по дороге из Ростова в Майкоп и обратно.

Несколько лет подряд я организовывала конференции по истории регионального научного сообщества, и всегда докладчиком на пленарном заседании была Татьяна. Это задавало научным форумам достойный уровень и правильную тональность.

Благодаря организационной и издательской активности Татьяны и Евгения в ЮНЦ РАН, мне и моим коллегам предоставлялась возможность опробовать новые темы, расширить круг общения.

Татьяне чужда была снисходительность при оценке научных трудов, даже если это касалось начинающих ученых. Она предпочитала «гамбургский счет». «Хорошо» – значит, действительно качественный текст. Написанные ею (обязательно включавшие критические замечания, размышления, в общем «не дежурные») отзывы на авторефераты моих аспирантов и мои книги сами по себе представляли большой интерес. Они задавали векторы дальнейшего исследования.

Общение наше вынужденно происходило урывками и ограничивалось в основном двумя темами – история и дети. В материнстве, как и в науке, Татьяна реализовалась полностью. Она как будто спешила отдать дочери все по максимуму. Оля росла в окружении любящих родителей и уже в детстве и отрочестве успела узнать и увидеть значительно больше, чем ее сверстники. Дай Бог ей счастья!

Сейчас я работаю над завершением книги о практиках выживания ученых в годы Гражданской войны. Первый текст на эту тему меня сагитировал написать Евгений Кринко для своего сборника по истории повседневности. Появлением многих сюжетов я обязана настойчивости Татьяны. Один из них раскрыт в последнем отредактированном ею номере журнала «Русская старина» (2015. № 1)... Спасибо, Таня!

Прекрасный человек и большой ученый

В.И. Меньковский

Научные интересы Татьяны Павловны Хлыниной были многовекторными как в проблемном поле исторической науки, так и в географии научных контактов, охватывали не только многие аспекты современного исторического знания, но и различные страны и регионы.

Мы познакомились с Татьяной Павловной на «Адлерских чтениях» в Сочи, продолжали общение в Сыктывкаре, Ростове-на-Дону, Воркуте. С первой встречи было понятно, что судьба свела меня с настоящим ученым и прекрасным человеком. Когда коллектив авторов Белорусского государственного университета начал готовить издание учебного пособия «Современная российская историография», для нас было очевидно, что без помощи Татьяны Павловны не обойтись. Мы были чрезвычайно благодарны, встретив с ее стороны понимание и любезное согласие войти в авторский коллектив. После успешного завершения этого проекта сотрудничество было продолжено. Труды Татьяны Павловны публиковались в белорусских периодических научных изданиях, она редактировала публикации белорусских авторов в Российской Федерации.

Сотрудничество становилось все более тесным, перспективы представлялись многообещающими. Но судьба распорядилась иначе. С позиций сегодняшнего дня во все большей степени осознается значимость и глубина научных достижений Татьяны Павловны.

Памяти Татьяны Хлыниной

Ю.Ю. Клычников

Пытаюсь вспомнить, когда мы познакомились с Татьяной Павловной Хлыниной, и не могу. О ней как хорошем специалисте и порядочном человеке всегда с уважением отзывался мой научный наставник Виталий Борисович Виноградов. Поэтому, даже не будучи лично представлен, я испытывал к Татьяне симпатию, зная, что мой Шеф имеет на людей хорошую «чуйку».

Так уж получается, что наш брат-кавказовед зачастую узнает о коллегах из публикаций, а уже потом знакомится непосредственно. Вот и мы, встретившись на одной из конференций, сблизились на почве общих интересов, хотя и специализировались на разных исторических периодах. Как-то незаметно перешли на «ты» и в дальнейшем общались по-товарищески, иногда подтрунивая друг над другом. Таня была «врединой» и «ершистым» исследователем, иногда весьма едкой в своих оценках тех или иных событий. Ее мнение по тому или иному вопросу отличалось взвешенностью аргументов, за которыми она скрывала свою эмоциональность и, наверное, ранимость. Внешне непреклонный ученый-боец, где-то азартный полемист, она пропускала через себя ту тему, которой занималась. Такие люди многого добиваются, но и выгорают при этом слишком быстро…

Для меня существует круг исследователей, чьим мнением и признанием я по-настоящему дорожу. Он невелик, а потому очень ценен. Таня была из числа этих людей. Когда она предлагала откликнуться на ту или иную тему, пусть и далекую от моих текущих научных интересов, не мог отказать ее просьбам. И никогда не жалел об этом, так как каждый раз нащупывал некую перспективную идею, которая захватывала и доставляла радость творчества. А когда Татьяна предложила в соавторстве выпустить статью, даже порадовался тому, что нахожусь «в обойме», раз уж интересен специалисту такого уровня.

Мы редко виделись. Общались все больше по телефону либо по переписке. Но когда появлялся в Ростове и видел Таню вместе с ее супругом Женей Кринко, казалось, что расстался с ними только вчера. Наверное, если люди подспудно находятся у тебя в сознании, то вроде и не расстаешься с ними. Наши с Евгением Федоровичем немножко хулиганские посиделки Татьяна Павловна сносила стойко, хотя, возможно, и устраивала ему потом «разъяснительные беседы». Для себя считаю высокой честью тот факт, что эти ученые предложили мне выступить в качестве одного из рецензентов их совместной монографии. Даже помыслить не мог, что она станет

своеобразным подведением итогов на научном пути Татьяны Павловны.

Врезался в память наш последний телефонный разговор. Таня узнала об одном погане́ньком пасквиле, в котором мы с ней упоминались. Всегда державшаяся в рамках академической формы дискуссии, она была возмущена тем, как хамски ведут себя оппоненты. Тогда постарался свести все к шутке, говорил: «Так приходит слава!» и т.п. Не знаю, сумел ли я тогда убедить ее не обращать внимания на ту концентрированную глупость, с которой приходится сталкиваться нам как исследователям, а тратить на нее время – непозволительная роскошь. Спросил только: «А что, раньше тебе было легче?» Таня, после короткой паузы, ответила: «Нет, было всякое». Тепло попрощавшись, мы сказали друг другу: «До свидания», но судьба распорядилась иначе…

Осталась светлая память и щемящее чувство утраты. Царствие небесное тебе, Татьяна Павловна.

О Хлыниной Татьяне Павловне. Небольшой рассказ о важном Человеке

Н.А. Гаража

Многие люди проходят сквозь нашу судьбу, к сожалению, не оставляя следа и памяти о себе. Но есть те, о ком наши воспоминания и связанные с ними эмоции мы храним вечно, даже если присутствие этих персон во времени и событиях нашей жизни не выглядит столь насыщенным.

С Татьяной Павловной мы были коллегами на протяжении нескольких лет, работая в Майкопском филиале Российского государственного социального университета. Так случилось, что нет уже коллеги, нет и филиала… Продолжая работать некоторое время без нее, он однозначно уже тогда опустел и осиротел. Каждого из коллег потрясало трудолюбие Татьяны Павловны, четкость мысли и, безусловно, фееричное владение сложнейшим терминологическим аппаратом. Наши студенты просили, чтобы я обязательно сказала всем о невероятной эрудиции их Учителя, восхитительном умении держать и влюблять в себя аудиторию, взаимодействовать с ней, но более – об особом сочетании профессионализма и искусства всегда оставаться человеком.

Моя первая случайная встреча с Татьяной Павловной Хлыниной состоялась задолго до совместной работы. Доктор наук не стал разуверять заблуждение относительно ее статуса. Наоборот, она охотно «согласилась» быть аспиранткой и обсудить все наболевшие вопросы нашей «нелегкой жизни», при этом скромно включая в разговор важные советы. Это был один из уроков интеллигентности в моей жизни.

Запоминающимся стал еще один случай. Однажды, услышав слова о том, что в нас – преподавателях высшей школы, педагогах и ученых – нет никакой уникальности знания и опыта, мы всего лишь легкозаменяемые болтики-винтики системы, она, скромно сославшись на слова Николая Ивановича Кареева, сказала: «Учителю достаточно 20 минут, чтобы объяснить всю историю российского государства крестьянину N-ской губернии, вот только хватит ли последнему всей жизни, чтобы понять». Татьяна Павловна никогда и ни для кого не оставляла возможности попирать достоинство Ученого и Учителя. Это был еще один важный урок в моей жизни.

Памяти Татьяны Павловны Хлыниной

В.А. Авксентьев

Уход Татьяны Павловны Хлыниной в июне 2015 г. был для всех нас шоком, несмотря на то что мы знали, что она тяжело болела. Просто не верилось, что такой жизнерадостный человек, такой, как мне казалось, неисправимый оптимист больше не будет появляться в стенах нашего института, не верилось, что болезнь может победить. Казалось, что ее отсутствие на работе в последние месяцы – временное явление и вскоре мы вновь услышим ее бодрый голос. Но чуда не произошло, и сегодня мы посвящаем Татьяне Павловне наши воспоминания и наши научные работы.

Татьяну Павловну я запомнил прежде всего со стороны ее профессиональных качеств, которые, однако, неотделимы от личных. Назову два основных. Первое – высокий профессионализм. Я думаю, это качество отметят все, знавшие ее, но для меня, в прошлом директора института, в котором работала Татьяна Павловна Хлынина, эта черта являлась ключевой. Любая работа, которая поручалась Татьяне Павловне или за которую она бралась сама, была выполнена на самом высоком уровне. На Татьяну Павловну ложился основной объем работ по содержательной подготовке конференций, проведенных институтом, через нее проходили все тексты, которые затем превращались в научные сборники. Все это делалось спокойно, качественно и в срок. Как директору мне не было нужды о чем-либо напоминать Татьяне Павловне, она все всегда делала на высшем уровне.

Думаю, всем запомнились многие конференции и расширенные заседания президиума ЮНЦ РАН и нашего института. Практически на всех выступала Татьяна Павловна. Ее доклады всегда были тщательно подготовлены, они были не просто содержательны, но поданы с определенным эмоциональным пафосом, не обезличенно. Татьяна Павловна говорила быстро и при этом как бы старалась убедить аудиторию. Восхищало то, как она ориентировалась в материале. Было понятно, что все это ею не просто изучено, но пропущено через себя. Иногда создавалось впечатление, что она просто «купалась» в научном материале. Чувствовалось, что ей это было интересно, что она увлечена исследовательской работой.

Ни на одном научном или организационном мероприятии Татьяна Павловна не сидела отстраненно, «для массы». Она участвовала во всем, задавала вопросы, выступала. Так поступают те, кто не равнодушен к своему делу, кто нашел себя в этом деле. Татьяна Павловна работала спокойно, без эмоциональных срывов. Иногда казалось, что Татьяна Павловна работает с некоторой иронией. Такое

могут позволить себе те, кто знает себе цену и в то же время как профессионал понимает, что нет ни одной работы без издержек, без того, что приходится иногда делать ненужную работу. К сожалению, и в нашей творческой работе хватает бюрократических компонентов, далеких от научного поиска.

Вторая черта, которая, на мой взгляд, характеризует Татьяну Павловну, – методичность, аккуратность и пунктуальность. Безусловно, это тоже часть профессионализма, но особая, отнюдь не свойственная всем нам, даже успевшим «отметиться» на научном поприще. Некоторые представляют себе работу ученого, исследователя как путь от одного озарения к другому, от одного творческого порыва к следующему. Такое, наверное, бывает, но жизнь современного ученого требует усидчивости, трудолюбия. В нашей работе сегодня, увы, не так много романтики. Особенно трудно дается молодому поколению методичность в работе. Это то качество, которым Татьяна Павловна обладала сполна и которое, наверное, на 99 % обеспечило ее творческие достижения.

Татьяна Павловна любила работу, любила сам процесс работы. Жена и мать, любимый и любящий человек, я думаю, Татьяна Павловна не делила жизнь на работу и «личное время». Работа была для нее такой же личной жизнью. Это характерно для настоящих ученых. В этом радость их жизни и одновременно их бремя. Татьяна Павловна преодолела отчуждение, которое свойственно современному миру и о котором писали еще Гегель и Маркс. Ее жизнь была единым целом. Это делает будни человека наполненными особой энергией. Не знаю достоверно, но мне кажется, работа помогала Татьяне Павловне бороться с ее болезнью, не давала «уйти в себя», в уныние. Благодаря этому практически до последних недель ее борьба с болезнью была именно борьбой за жизнь, а не со смертью.

Я не общался с Татьяной Павловной, так сказать, на личном уровне. Наше общение было деловым. Но в небольшом коллективе, таком, каким является наш институт, деловые и личные качества людей становятся быстро очевидными и, что особенно важно, они сливаются воедино. Человеческая жизнь Татьяны Павловна оказалась непозволительно короткой, но ее научная жизнь не измеряется прожитыми земными годами. Она сделала много, и этим наследием мы еще долго будем пользоваться.

Мой друг Таня Хлынина

М.Ч. Ларионова

Мы с Таней пришли работать в Южный научный центр в 2008 г., с разницей в месяц. Я уже успела немного освоиться, познакомиться с коллегами, но все еще чувствовала себя неуютно. И к новой соседке отнеслась с интересом, но и с настороженностью: как-то нам будет работаться лицом к лицу. Это ведь в молодости сходиться с людьми легко, дружеские отношения устанавливаются без особенных усилий. Скоро я поняла, что Таня испытывает похожие чувства. Она тоже перешла на работу в другой город, испытывала те же бытовые и психологические трудности, так же должна была встраиваться в новый коллектив, заниматься новыми темами.

Поначалу именно эти обстоятельства сблизили нас. Но постепенно мы обнаруживали все больше общего. Мы любили одни книги и фильмы, брошенная в речи цитата сразу распознавалась – это создавало особый язык общения. Вот и сейчас Таня бы сразу поняла, что заголовок этих воспоминаний отсылает к любимым нами обеими повести и фильму «Мой друг Иван Лапшин». Наш кабинет стал особым миром, где мы проводили едва ли не больше времени, чем дома.

Близорукая, она всегда подслеповато щурилась. Маленькая и худенькая, не производила впечатления маститого ученого. Понадобилось время, чтобы разглядеть ее красивые большие голубые глаза, чтобы убедиться, с каким уважением относятся к ней коллеги и не только историки. Меня всегда поражала Танина работоспособность. Так и вижу: захожу в кабинет, а Таня, как птичка, уткнулась носом в экран компьютера и строчит тексты.

У нее была феноменальная память и феноменальная эрудиция. Мне, чтобы написать статью, нужно перелопатить множество источников, несколько раз с карандашом и закладками перечитать литературное произведение, выстроить в уме будущее высказывание. Она писала легко. Но это была кажущаяся легкость, за ней стоял постоянный умственный труд, колоссальный массив информации, который она держала в памяти.

При этом она могла отвлечься на разговор, на чай. «Синдерелла» – так она меня называла, потому что чаем обычно занималась я. О чем только мы не говорили! Из профессиональных были две любимые общие темы: устная история, где действуют некоторые законы мифотворчества и фольклора, и история и литература. Так и не написанной осталась совместная статья, которую мы часто обсуждали, об историческом факте и историческом мифе в «Войне и мире» Л. Толстого. Из личных, конечно, дети и семья.

Несмотря на то что мы много лет работали рядом, или именно поэтому я лучше знала Таню – человека, а не ученого. Знала ее трогательное отношение к дочери. Несколько раз в день они созванивались: пришла ли из школы, пообедала ли, как дела, да и просто так, чтобы услышать друг друга. Маме мальчиков, мне были забавны эти нежности: «малыш», «котенок». Но я видела, какой орлицей становилась Таня, когда чувствовала угрозу для Оли, как бросалась на ее защиту. То же происходило и с мужем. Она могла быть чем-то недовольна, но была всегда надежным товарищем, как пелось в одной песне – «спина к спине у мачты, против тысячи вдвоем».

Мне всегда казалось, что Таня не очень любит хозяйствовать. Она иногда тяготилась необходимостью постоянно готовить. Тем больше я была удивлена, когда впервые побывала у нее дома: чистота, порядок, вкусная еда.

В некоторых вопросах мы расходились. Джинсы, водолазки – мне всегда казалось, что нужно одеваться как-то по-другому. Таня только смеялась, когда я приходила в новом платье. Но как же хорошо она выглядела в платьях и юбках – как девочка! А туфли на высоком каблуке – ее страсть! Было в ней это неистребимо женское.

За те годы, что мы близко общались, Таня изменилась. Стала мягче, снисходительнее к людям. Но подлости и вранья не терпела. Я же, наоборот, стала жестче и нетерпимее. Особенно теперь, когда ее нет. Как будто за нас обеих.

Не могу вспоминать период ее болезни. Я все думала, что она справится. Не верила, что все кончится так. Хотела прийти, навестить ее. Таня отказывалась. Все шутила: «Представляешь, Мурочка, я снова руку сломала». Что-то писала, работала лежа. Каким мужеством обладала эта маленькая женщина! Моя дорогая, моя близкая подруга, какую я уже не думала обрести и потерять. Танька, Танечка, Танюшка. Закрываю глаза и вижу: вхожу в кабинет, Таня отрывается от компьютера, потягивается и радостно говорит: «О, Мурочка, привет!» До сих пор в ее компьютере стоит ее пароль. А на стене – ее фотография. А в шкафу – елка, которую мы с ней покупали и каждый Новый год наряжали, чтобы у нас в кабинете был праздник. В прошлом году я не смогла без нее, а в этом обязательно поставлю. Как память.

Татьяна Павловна…

С.Я. Сущий

Мы пришли в ИСЭГИ почти параллельно. Я весной 2007 г., Татьяна Павловна (ТП) появилась в институте в середине 2008 г. Тематически наши исследования почти не пересекались, и у нас не было общих проектов (различались даже базовые темы). Мы сидели в разных кабинетах и не были курильщиками (занятие, зачастую способствующее творческому общению в организациях нашего рода).

Но чтобы понять, с кем имеешь дело, подчас достаточно самого минимума – перехваченного жеста, интонации, походки. Первые недели (месяцы?) ТП для меня – быстрый четкий перестук каблуков за дверью (наши кабинеты были рядом) и столь же быстрая, четкая речь, сразу выдающая «моторный» психотип и развитое мышление, совместившее легкость и дисциплину. А еще – ощущение внутренней свободы, считываемой даже при случайном пересечении в институтском коридоре, в дежурном обмене парой коротких фраз.

Повторюсь, это первое впечатление, что сложилось еще до того, как были прочитаны тексты ТП и я услышал ее на конференциях. Но в главном оно не обмануло. Все оказалось правдой – энергетика, свобода, профессионализм и честная резкость суждений.

ТП была первоклассным историком, узким и широким одновременно, сочетая отличное знание ряда предметных исследовательских направлений с «панорамным» кругозором (не только историческим, но и социокультурным), позволявшим ей быть профессионалом в самым разных вопросах и во многих сегментах общественно-гуманитарного знания. При ней были все компетенции, необходимые для исследователя первого ряда. Фундированное владение собственной предметной областью и всех пограничных с ней территорий научного поиска; порядочный английский, столь недостающий многим даже вполне состоявшимся российским ученым; предельная исследовательская честность и… хотелось сказать, трудолюбие/усидчивость, но более точно здесь – полная увлеченность своим делом; если угодно – истовость, задающая и максимальную работоспособность.

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на библиографию ее научных работ, оценить их предметную широту и динамику по годам. При том что едва ли не больше времени у ТП уходило на труд редактора, который никак нельзя назвать благодарным. И тем не менее не было года, чтобы через ее полновесную редактуру не прошли десятки текстов коллег, прежде чем стать сборником статей или материалами конференции.

Повторюсь, у нас с ТП не было общих проектов, и все наше околонаучное общение – это быстрые спонтанные диалоги по случаю на самые разные темы; по большей части незаконченные, но обрываемые с договоренностью когда-нибудь их продолжить. Конечно, продолжения не было. Хотя и не без исключений. Запомнился, например, два или три раза возобновлявшийся, но так и не законченный спор об эвристическом потенциале и встроенных ограничителях («блеске и нищете») набирающего силу исследовательского направления – истории повседневности, которое увлекало ТП новыми возможностями, а меня настораживало преувеличенной концентрацией специалистов на отдельных (подчас случайных) фактах, способных заслонять явления большого социального масштаба.

Но чаще в таких скоростных коридорных диалогах мы обнаруживали близость позиций, совпадая, в том числе, и в критическом отношении к исследовательскому уровню современного российского гуманитарно-общественного знания, что на деле означало соответствующее отношение к его носителям – профессиональному сообществу. В этой критике абсолютно логично было начинать с себя. И мы вполне реалистично (то есть достаточно иронично) оценивали собственные усилия и достижения на профессиональном поприще, считая себя больше научными сотрудниками, нежели учеными.

Противоречит ли это сказанному выше о безусловном профессионализме ТП? Ни в коей мере. Свойственная ей самокритичность, как представляется, была следствием высокой исследовательской планки, которую она ставила перед собой (и всеми другими представителями научного сообщества), определяя, что является новым знанием, а что относится к сфере, заключающей уже почти бесконечное множество вторичных компиляций/интерпретаций, присутствующих в современном обществознании.

Достаточно близко располагались мы и на системной оси, протянутой от кондового патриотизма до либерал-фундаментализма (в срединной зоне, далеко от ее крайних точек). Хотя я и ощущал себя несколько ближе к первому из названных концептуальных полюсов, что и понятно. Внутренняя свобода ТП, конечно, не была равнозначна идейному либерализму. Но определенные корреляции между ними имелись, и ТП по своим взглядам вполне могла считаться русским европейцем. Ее либерализм, как мне казалось, был не только следствием благоприятной социальной среды (семья, школа, вуз…), не мешавшей развитию человеческого достоинства, или результатом самостоятельной сознательной работы (чеховская стратегия выдавливания внутреннего раба), но имел какую-то природную основу, генетические предпосылки.

Мне казалась, что ТП родилась свободной. Таким «прирожденным» либералам в русской истории, как правило, приходилось очень

непросто. Но ТП повезло. В конце концов, застой 1970-х гг. (детство) не годы первых сталинских пятилеток. А учеба в вузе и становление в качестве профессионального историка у ТП вообще пришлись на перестройку и первое постсоветское десятилетие. При всех своих недостатках это время прямо располагало к персональной свободе и самостоятельности. Не удивительно, что эти черты стали для ТП определяющими. Они выглядывали из ее речи – легкой, точной, быстрой (приходится повторяться); обнаруживались в позиции по самым разным вопросам; неизменно присутствовали в ее печатных работах, формируя неповторимый авторский стиль, позволявший в коллективных сборниках узнавать ее тексты с первого абзаца…

Я сказал, что ТП была человеком европейского склада. Это правда. Как и то, что она была очень русским человеком. В том числе, как мне кажется, и в своих центральных установках по отношению к работе и к жизни в целом. В отличие от классического европейца, четко, если не мелочно, соизмеряющего свои усилия с предлагаемым ему трудовым заданием, ТП была щедрым работником. В русском варианте такая работа была, что называется – «на разрыв». И, конечно, были персональные индикаторы, указывавшие на это, настоятельно требовавшие сбросить скорость, на что ТП по-русски не обращала внимание. Потому что, помимо всего сказанного, относилась к породе «спринтеров». И если авральный способ работы на пределе сил в крови у всего русского народа, то его спринтеры вообще не дают себе передышки, сопрягая такие авралы в один непрерывный забег. Этот алгоритм, позволяя сжимать трудовую дистанцию-норму большой жизни до 15–20 лет, в силу запредельного усилия нередко столь же существенно укорачивает и срок земного существования.

Но и в самом прямом смысле у ТП было очень русское (т.е. «рисковое», с точки зрения европейца) отношение к жизни. Приходит на память ее большая, заведомо утомительная поездка вместе с семьей в Юго-Восточную Азию, предпринятая в марте 2013 г., всего через полтора месяца после серьезной операции. Хотя благоразумие настоятельно требовало перехода на новый, куда более осторожный и «экономный» по расходу витальной энергии, образ жизни. Только это было бы совсем не по-русски. Или принципиальное нежелание пользоваться очками, что при сильной близорукости заставляло ТП во время ежедневной многочасовой работы за компьютером буквально водить лицом по монитору. Очевидно, что подобная практика, растянутая на десятилетия, должна была самым негативным образом сказаться не только на самом зрении, но и на состоянии всей иммунной системы организма. Можно ли было не понимать этого столь умному человеку?

Однако умозрительное понимание, как мне кажется, заслонялось чисто русским отношением к опасностям – свысока, с презрительной

усмешкой, а еще точней, пренебрежительно отбрасывалось концептуальным «авось», ставшим одним из основных ингредиентов национальной натуры и в полной мере свойственным ТП.

Страна, использовавшая в своем развитии данный принцип, существует уже многие сотни лет. И триста из них является великой державой. Но это же «авось», позволяющее русскому народу и России многого достигать и многое выносить, становится одной из основных причин национальной сверхсмертности (к русским «по крови» здесь можно присовокупить и большинство остальных россиян – всех, прочно усвоивших русский психоповеденческий архетип). А в отдельной человеческой жизни данный принцип означает, что все в ней на удачу – пронесет, не пронесет. Случай с ТП – второго ряда…

Мой индивидуальный график работы «на дому», связанный со спорадическим посещением корпуса на Чехова, определяет и базовый консерватизм памяти. В ней до сих пор коллеги сидят на своих местах в порядке, сложившемся годы назад. И в одном из кабинетов, как всегда, близоруко переклоняется к самому монитору ТП.

И память (простится тавтология) помнит, что при первом же удобном случае можно будет зайти к ней и продолжить один из незавершенных споров или начать новый, опять-таки не закончив его. Потому что наука, как живая связь любознательных людей, ценящих больше всего именно это совместное ощупывание неизвестного – занятие бесконечное, передаваемое через поколения, как эстафетная палочка.

Да, человеческая память несовершенна. И я уже никогда не увижу ТП в коридорах и кабинетах нашего института. Но если верно библейское – «все проходит», то истинно, и что «ничего не пропадает» (П. Флоренский). Книги и статьи Татьяны Павловны стали неотъемлемой частью развернутой в будущее пружины человеческого поиска – науки, в которой навсегда остаются запечатленными имена и усилия самых верных и талантливых ее добровольцев.

P.S. Два дня как был закончен текст воспоминаний о ТП. Но перечитывая его последние формулировки, я не чувствую полного внутреннего совпадения с ними. Верная сама по себе констатация того, что написанное ТП стало частью процесса познания, не вмещает полностью сложного синтетического мыслечувства, которое требует своего точного выражения.

Проблема не в недостатках моей памяти, не успевающей за временем. Просто нечто внутри меня уверено, что ТП сохранилась не только в качестве текстов, но и во всей полноте своей человеческой личности. Что в Универсуме правило Флоренского/Бродского («Ничего не исчезает»/«Бог сохраняет всё…») неукоснительно соблюдается.

Повторяю – я, как насельник своего века и прилежный выученик современной науки, не имею об этом ни малейшего представления. Но нечто во мне об этом вполне информировано. И дает знать через уверенность в возможности новых встреч с ушедшим человеком; подсказывая самыми разными способами, что просто в силу детского примитивизма нашей цивилизации мы лишены подходящего транспорта, средств доставки в тот абсолютно невероятный для мелкотравчатой земной логики пространственно-временной формат, в который перешли дорогие нам люди. Где они есть всегда и где когда-нибудь окажемся мы сами…

Памяти Татьяны Павловны Хлыниной

Т.Т. Тарасова

Прошло уже больше года со времени ухода Татьяны Павловны, однако день, когда новость об этом облетела институт, никогда не забудется. В коридорах института стояла непривычная тишина, и както сразу повзрослела наша молодежь. Наряду со щемящим чувством невосполнимой утраты, не давал покоя вопрос: почему так рано уходят ТАКИЕ люди? О том, каким Татьяна Павловна была человеком, мне и хотелось бы написать…

Прежде всего, хотелось бы сказать, что Татьяна Павловна – настоящий УЧЕНЫЙ, высочайшего уровня профессионализма, служивший науке с такой отдачей и бескомпромиссностью, как, вероятно, служат только Родине. Никто не забудет ее всегда блестящих и интереснейших докладов на конференциях и семинарах, остроумных дискуссий, метких и содержательных замечаний.

При этом не могу не отметить самую важную с моей точки зрения черту характера Татьяны Павловны – это умение и смелость отстаивать истину и свою точку зрения на любом уровне – будь то самые «высокие» чиновники или ученые. Исключительный талант ученого и преподавателя, ее высокие моральные качества, искрометное чувство юмора никого не оставляли равнодушным. И хотя с уходом Татьяны Павловны в мире стало более пусто, она навсегда останется в нашей памяти образцом настоящего ученого и нравственным ориентиром.

Хрупкий алмаз (памяти Татьяны Павловны Хлыниной)

В.И. Афанасенко

В мае 2005 г. в городе Тимашевске проходила конференция, посвященная 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Я выступил на этой конференции с докладом о действиях казачьей кавалерии в 1941 г. на Южном фронте. Там я познакомился с высоким худощавым мужчиной с очень выразительным лицом горца, словно высеченным из камня. Это был Евгений Фёдорович Кринко, доктор исторических наук, работавший в то время в Майкопе. В неформальном общении выяснилось, что мы, как и многие другие участники конференции, имеем сходные или близкие взгляды на проблемы изучения отечественной истории, такие как Великая Отечественная война, эпоха Большого террора, депортации народов Юга России. Тогда я и узнал, что известный специалист по национальной политике СССР на Северном Кавказе, доктор исторических наук Хлынина Татьяна Павловна, – его жена, у них прелестная дочь-первоклассница.

В начале 2009 г. по предложению Евгения Фёдоровича я стал работать младшим научным сотрудником в Южном научном центре Российской академии наук (а позже перешел в Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, лабораторию истории и этнографии). Вскоре он представил меня Татьяне Павловне. Стройная, хрупкая женщина с удивительно яркими глазами, приветливо улыбнувшись, сказала:

– Я уже давно наслышана о Вас от Евгения Фёдоровича, и, надеюсь, Вы сумеете увлечь и нашего академика Матишова заниматься не только историей казачества и терроризма, но и проблемами отечественной истории Юга России. Всегда готова помочь Вам во всех научных проектах и исследованиях!

Такая помощь и поддержка, действительно, понадобилась и очень скоро. Несколькими годами ранее я принимал участие как разработчик экспозиции Музея памяти жертв фашизма «Змиевская балка» в оформлении «Зала скорби» и «Зала памяти». Еще в 2004 г. на мемориале появилась табличка с текстом: «11–12 августа 1942 года здесь было уничтожено нацистами более 27 тысяч евреев. Это самый крупный в России мемориал Холокоста». Табличка была установлена без согласования с Управлением культуры администрации Ростова-на-Дону и Областной инспекцией по охране и эксплуатации памятников истории и культуры. Появление этой таблички вызвало недоумение и недовольство у потомков казненных в балке, в том числе представителей национальных диаспор, историков, авторов

мемориала. В 2011 г., с началом реконструкции мемориала, спорная табличка была снята и заняла место в экспозиции музея. На мемориале появилась новая табличка с текстом: «Здесь, в Змиевской балке, в августе 1942 года гитлеровскими оккупантами были уничтожены более 27 тысяч мирных граждан Ростова-на-Дону и советских военнопленных. Среди убитых – представители многих национальностей». Этот текст и решение о смене таблички Управление культуры администрации Ростова-на-Дону в лице начальника Людмилы Павловны Лисицыной объяснило следующим образом: «Учитывая многочисленные обращения граждан и организаций о необходимости восстановления исторической справедливости и отражения на информационной доске, что в Змиевской балке стали жертвами фашизма, кроме евреев, и люди других национальностей. Также подвергались уничтожению цыгане; военнопленные; душевнобольные и инвалиды – по нацистской программе истребления неизлечимо больных людей; раненые фронтовики, находящиеся в госпиталях и др. (копии писем прилагаются). В то же время при реконструкции мемориала были учтены особенности разных национальностей, есть места для возложения цветов и зажжения свечей для православных, вдоль "Дороги скорби" у кустов можжевельника уложен красный природный камень для поминания, согласно давней еврейской традиции, центральное место в музейной экспозиции занимают материалы, посвященные геноциду еврейского народа».

К 70-летию массовых казней еврейского населения Ростова-на-Дону, 11–13 августа 2012 г., на отреставрированном мемориальном комплексе проводились мероприятия, организованные Российским еврейским конгрессом и научно-просветительным центром «Холокост». Возник конфликт, потребовавший судебного разбирательства. Татьяна Павловна в это время занималась документами о трагедии еврейского населения г. Таганрога, была знакома с руководителем Таганрогского отделения Всероссийского научно-просветительского центра «Холокост» Т.М. Отерштейном и помогла мне в подготовке научной справки на основе документов государственного архива. Эта справка очень пригодилась при принятии судебного решения. Я хорошо запомнил ее фразу о том, что для «войн памяти» и «памяти о войне» необходимо владение всеми источниками.

– Владимир Иванович, запомните на всю оставшуюся жизнь, что любой вывод историка должен опираться на неопровержимые факты, а не на приблизительность или единичный случай, который может быть исключением. Любой оппонент должен иметь возможность проверить Вашу аргументацию, выводы и закономерности. Внимательно читайте работы своих коллег по Вашей проблематике, это избавит от «изобретения велосипеда». Не нагромождайте

сложносочиненных предложений и псевдонаучных фраз. Ваш текст должен быть понятен не только узкому специалисту, но и любому заинтересованному читателю, – говорила доктор исторических наук Хлынина мне, шестидесятилетнему «эмэнэсу» ЮНЦ РАН. На мое замечание, что «телеграфный стиль» Хемингуэя – пример краткости изложения, Татьяна Павловна, улыбаясь, парировала:

– Но у Вас, мой дорогой Эрнест Иванович, армейские сводки, рапорты и приказы, а не стиль «папы Хэма»!

Крыть мне было нечем…

Меня всегда поражала широта ее кругозора. Считая себя докой в живописи русского и французского авангарда начала XX в. и в современной латиноамериканской литературе (романы, повести и рассказы Марио Варгаса Льосы, Алехо Карпентьера, Хорхе Луиса Борхеса, Хулио Кортасара, Габриэля Гарсиа Маркеса занимают в шкафу целую полку), я лихо и неточно процитировал фразу из романа Маркеса «Сто лет одиночества». Татьяна Павловна лукаво на меня взглянула и попросила повторить сентенцию Маркеса. Я повторил, чувствуя, что в чем-то переврал. И вот тут Хлынина спокойно процитировала фразу, интонацией выделив точный текст автора. Мне стало стыдно за свои «понты», и я, извинившись, пробормотал, что «сочинительство» меня иногда заносит. Я тогда навсегда запомнил фразу Татьяны Павловны:

– Занятие историей – это скорее творчество, чем рациональный анализ, но недопустим вымысел или подтасовка фактов. Реконструкция прошлого должна быть точной, как в аптеке, но работа реставратора – это работа ученого, работа специалиста. Владимир Иванович, если Вы читали Германа Гессе, то обратите внимание, как он строит исторический вымысел в «Игре в бисер» или в «Степном волке». Вы знаете, я убеждена, что «чистых» историков не бывает, необходимы глубокие знания литературы, психологии, экономики той эпохи, которой занимаетесь. Вы должны чувствовать грань между академической наукой и образованием, пусть даже высшим, ощущать невидимую границу между истиной и достоверностью.

Однажды я, по простоте душевной, порекомендовал знакомому поисковику-исследователю, прежде чем попросить Евгения Фёдоровича Кринко написать рецензию на его «историческое сочинение», поговорить с Татьяной Павловной Хлыниной, которая никогда не отказывает в помощи начинающим исследователям. Уверяя давнего знакомого, что так будет лучше, я по глупости добавил:

– Она к тому же еще и жена Кринко!

И в этот момент я увидел сверкающие негодованием глаза Татьяны Павловны. Она проходила мимо и случайно услышала мой разговор. Лицо ее раскраснелось, медленно и негромко она попросила меня зайти в кабинет, который занимала с другими сотрудниками.

Вот там, за плотно прикрытой дверью, она устроила мне такую выволочку, что я еще долгое время спустя краснел при встрече с нею. Этот возмущенный голос я слышу и сейчас, когда совершаю что-то недостойное или постыдное:

– Никогда, Вы слышите, никогда не смейте смешивать дела профессиональные и личные отношения! Никогда не используйте дружеские или родственные связи и отношения для проталкивания кого-либо или чего-либо, пусть даже этот кто-то или это что-то заслуживает внимания и поддержки! Это моя принципиальная позиция как ученого, как гражданина, как человека! Вы слышите меня?!!!

Я слышу, Татьяна Павловна. Я стараюсь быть честным перед собой, коллегами, перед светлой памятью о Вас.

В мае 2015 г. мой график был весьма плотным. Несколько массовых мероприятий в честь 70-летия победы в Великой Отечественной войне, марш Бессмертного полка, дачный сезон семейного общения, три поездки нашей волонтерской бригады в подшефную воинскую часть ДНР под Мариуполь, в район села Широкино. 16 мая наша троица привезла очередной груз в село Безымянное. Среди прочего, были и меднаборы, и аптечки для санчасти полка. На раскрашенной, как цветочная клумба (такой креативный камуфляж), «Ниве» с ярко-синей надписью на бортах «3-й блокпост» я поехал вместе с военврачом в район села Саханка, на этот самый блокпост, забрать «двухсотого» и двух «трехсотых» – результат ночной вылазки разведгруппы второго батальона. Подъехали двумя машинами, в «Москвич» местного дедка с позывным Харон быстро погрузили погибшего и одного раненого. Лицо раненого было в пятнах крови и зеленки, замотано бинтами. Обе руки имели такой же раскрас. «Посекло мелкими осколками, – буркнула женщина-военврач, – главное – глаза вроде бы целы». Харон виртуозно развернулся и плавно покатил обратно.

Второй раненый лежал на обычной скамейке частного домовладения. Ярко-зеленый забор и такие же металлические ворота были в пулевых и осколочных отметинах. У раненого ниже колен обеих ног не было. Буро-коричневые бинты и тряпки плотным комом свисали ниже колен. Грязный камуфляж был в таких же пятнах и потеках. Под голову была подложена куртка. Раненый молча, без стонов и матюков, смотрел в ярко-голубое майское небо. Я никогда не забуду выражения его глаз. Смесь неизбывной тоски и какого-то стоического смирения застыла в серо-голубых глазах. Давно небритое лицо в засохших брызгах крови не маскировало возраст – лет 30–35, не больше. Я сидел, отгоняя веточкой налетающих мух от его лица и тела, молча курил. Минут через пять раненый скосил глаза на меня. «Закуришь?», – спросил я. Он прикрыл и открыл веки. Я прикурил новую сигарету и аккуратно всунул ему в прокушенные

и слипшиеся от крови губы. Он затягивался медленно, вытянув губы трубочкой, и выпускал дым через нос. С противным мяукающим звуком прилетела первая мина и хлопнула метрах в сорока, за сараем соседнего двора. Я механически присел, прижавшись к железным воротам. Следующая мина взорвалась дальше, через два или три двора. Третья – еще дальше. Когда я встал и повернулся взглянуть на раненого, то поразился абсолютно спокойному, даже умиротворенному выражения его лица. Сигарета выгорела до фильтра и чуть тлела в сомкнутых, серо-синих губах. Ополченец с позывным Крот был мертв.

Минут через пять вернулся Харон на своем раздолбанном «Москвиче». Я помог загрузить еще не застывшее тело в багажник, сел рядом с Хароном, и мы поехали на новое кладбище в Широкино. Крот не был первым умершим в моем присутствии, но меня поразило тихое мужество, с каким он встретил смерть.

Татьяна Павловна с таким же солдатским мужеством вела свой безнадежный бой с неизлечимой болезнью до последнего мгновения, невероятной силой воли удерживая вытекающую жизнь, пока дочь Оленька не закончит десятый класс. Талантливый ученый с энциклопедическими знаниями, любящая и любимая жена и мать, все понимающая и мужественно несущая в себе боль. Настоящий алмаз, настоящий стойкий солдатик! Учиться бы нам, мужчинам, такой стойкости и такому терпению, иметь такое великое чувство любви и материнского долга.

Мудрые говорят, что время лечит боль утраты. Может быть, мудрецы и правы. Я, проживший на этой земле 65 лет, благодарен судьбе за счастье в течение нескольких лет рядом работать, общаться и учиться у настоящего большого ученого, талантливого человека, красивой, со вкусом одетой женщины, с удивительно живыми, насмешливыми неповторимыми глазами. Татьяна Павловна! Я надеюсь, что, может быть, когда-нибудь заслужу возможность встретиться и подискутировать с Вами там, в тонких мирах Вселенной, где «душа с душою говорит».

Линия жизни – линия памяти

И.В. Митрофанова

Работаю в ЮНЦ РАН с 2004 г., практически с момента создания центра. Работаю, как сейчас говорят, в удаленном доступе, так уж сложилось из-за того, что проживаю в другом регионе. Поэтому возможность вживую увидеться, пообщаться с коллегами, обменяться мнениями и впечатлениями появлялась периодически в рамках организуемых центром междисциплинарных конференций. На одной из них я впервые и познакомилась с Татьяной Павловной Хлыниной…

От истории я относительно далека, но когда эта аккуратная, хрупкая женщина выходила к кафедре и начинала говорить – зал затихал. Я экономист, но то, как освещала результаты своих исследований Татьяна Павловна, было интересно и понятно абсолютно всем в зале. Мы-то с вами знаем, что так «держать» аудиторию могут далеко не все. Можно быть прекрасным ученым, хорошо излагать свои мысли на бумаге, но в то же время быть не очень хорошим оратором, не уметь донести свои идеи до всех.

В Татьяне Павловне совмещалось все – и талант ученого, и необыкновенная харизма, и умение заинтересовать уже порядком подуставшую аудиторию. Уверена, что ей удались бы и мастер-классы, посвященные тому, как правильно подать результаты своей научной работы. От ее выступлений у всех оставалось неизгладимое впечатление.

То, чем занималась Татьяна Павловна как исследователь, историк, ее научные интересы, как мне кажется, имело патриотический оттенок: история Северного Кавказа; национальная государственность и ее формы; частная жизнь советского человека в условиях военного времени; повседневный мир советского человека; воздействие знаний о прошлом на состояние и перспективы развития южного макрорегиона; стратегии выживания советских граждан и другие. Эти темы никого не могли оставить равнодушным.

Мы нечасто пересекались с Татьяной Павловной по организационным вопросам, не были ни близкими подругами, не приятельницами, но как к коллеге я всегда испытывала к этому человеку глубокое уважение и, признаюсь, даже восхищение.

Страшно жаль и обидно, что линия жизни талантливого ученого трагически оборвалась. Но, увы, философия жизни и смерти нам не подвластна. 48 лет… Так много и так мало… Вклад Татьяны Павловны в развитие исторической науки трудно переоценить, яркая звездочка ее таланта зашла, но не погасла. Она сохраняется в нашей памяти, в том внушительном научном наследии, которое осталось и будет, я уверена, приумножено ее учениками и последователями.

Мысли о памяти, человеке, истории

С.Ю. Иванова

Пишу первые в своей жизни воспоминания о человеке, о коллеге, о женщине – о Татьяне Павловне Хлыниной. Мне довелось работать с ней, слушать ее доклады. Сегодня жалею, что за привычной спешкой не было у нас времени для обстоятельных разговоров, для простого человеческого общения. В последние дни, готовя этот текст, перечитала несколько ее статей. Ее работы – тексты профессионала, историка. И это заметно, когда читаешь несколько ее исторических работ подряд. Особенно ценно это в наше время воинствующего и агрессивно наступающего дилетантизма. Татьяне Павловне удавалось ярко и интересно писать об историографии. Этот предмет казался мне в годы студенчества скучным, но, читая ее тексты и слушая выступления, укоряю себя прошлую – чрезвычайно интересно! Сами речи Татьяны Павловны были очень эмоциональными. Она умела убеждать, умела быть настойчивой. Была она хрупкой и сильной одновременно. Эти свойства есть не в каждой женщине.

Была в ней ненарочитая, подлинная интеллигентность, даже в том, как она мужественно переносила борьбу со своим тяжелым недугом. Подлинная интеллигентность, к сожалению, уходящая натура в наше время. Просветительская функция интеллигенции основывается на тесной связи с профессией. Многообразие культурных ситуаций и особенности их определения – характерная черта переходного общества, и в российских условиях профессиональная позиция интеллигента особенно существенна, поскольку в ней он реализует свою миссию по производству и сохранению культуры.

Проблемой в современной России является воспроизводство гуманитарной интеллигенции в новых поколениях. Гуманитарное образование как процесс передачи от старших поколений младшим определенного объема исторических знаний и установок предполагает не только формальные средства такой передачи, т.е. не только наличие учебных учреждений, но и наличие некоторой устойчивой общности, которая несла бы в себе импульс такой ретрансляции знаний, свои эталоны и образцы. Очевидно, что в отношении гуманитарного образования такую миссию несет на себе гуманитарная интеллигенция. И Татьяна Павловна выполняла эту миссию профессионала и ученого.

Она получила хорошее образование и ежедневно продолжала учиться, сохраняя неподдельный интерес к миру, к людям. Хорошее, качественное гуманитарное образование необходимо рассматривать как основную базу воспроизводства интеллигенции. В наше время в России этот процесс не имеет ясно очерченных границ

и характеристик. Прежде всего, эту неясность порождает смена социальной структуры, которая в этой части существенно обновляется. Далее, немаловажно то, что предназначение интеллигенции изменяется как в российском, так и в глобальном мировом контексте. Умственный труд, интеллектуальное и художественное творчество перестают быть уделом группы людей с определенной образовательной подготовкой, основанной на специальном знании и идентификации с определенными культурными образцами.

Наконец, существенно, что в новых поколениях россиян, жизненные ориентиры которых сформировались после перестройки, ценности, присущие интеллигенции, и образ жизни интеллигентов не обладают столь большой привлекательностью, как раньше, а жизненный успех понимается в формах, нередко далеких от установок тех, кто сохраняет идентичность интеллигенции. В этом плане могут быть осмыслены жизненные ориентации российских студентов, поскольку интеллигенция преимущественно набирается из студенческой среды. К сожалению, в числе этих ценностей труд, знания, уважение коллег, профессионализм не занимают верхних ранговых позиций.

Татьяна Павловна была выдающимся историком. Поскольку историки являются одновременно наблюдателями и участниками событий, их исторические труды написаны с точки зрения их времени и обычно не только являются политически пристрастными, но и разделяют все проблемы своей эпохи.

Российская историческая наука сегодня стоит на пороге нового этапа своего развития. Этот этап, представляется, обусловлен вызовами времени как внутри страны, так и в мире в целом. Завершается переходный период мировой истории. Страны Запада выходят на новые рубежи развития, остро стоит проблема сохранения в привычном цивилизационном контексте общего европейского пространства. Все с большей силой заявляют о себе страны Востока (Китай, Япония, другие азиатские страны). Требуют исторического объяснения рост терроризма, религиозного фундаментализма, национализма и многие другие процессы сегодняшней реальности.

История сегодня для России – это самая проблемная область науки. Достаточно обратиться к дискуссиям о школьном образовании, о стандартах третьего поколения по истории, о едином учебнике по истории, о едином государственном экзамене по истории и месте предмета в системе дисциплин. Историческое прошлое России составляет важную часть гуманитарного пространства на разных уровнях общественного сознания – от политического языка до повседневной жизни населения. И в этой ситуации особенно нужны беспристрастные, честно служащие своей науке профессионалы, к которым, безусловно, относилась и Татьяна Павловна.

Историческое сообщество разбито на различные статусные группы. Есть академическая наука, есть университетская наука, историческое знание «производят» различные структуры (центры, фонды, институты). Исторические оценки даются и тиражируются не только историками, но и журналистами, филологами, свою лепту в ситуацию вносят порой не обладающие профессиональными знаниями в этой области писатели. Татьяна Павловна была и ученым, и преподавателем, несущим подлинно научное историческое знание, основанное на фактах, источниках, документах.

Российской исторической науке в наши дни предстоит интенсификация исследований новых субъектов исторического процесса – новой России, нового места России в системе международных отношений, вызовов глобализирующегося мира в последнее двадцатилетие, смены идеологии, строительства новой государственности.

Вообще, современная история России формируется всеми науками об обществе, средствами массовой информации, общественным мнением, политиками. И здесь у современной истории есть свое место. Ее функция – связать события, происходящие в политике, экономике, культуре, во всех сферах общественной жизни, воедино. Сегодня в российской историографии присутствуют две проблемы: причины и обстоятельства кризиса коммунистической власти и распада СССР; особенности становления и развития постсоветской России. Новым явлением отечественной историографии стало стремление применить знания о прошлом для нужд сегодняшнего дня.

Перед историками сегодня стоит задача профессионально реагировать на новую волну интереса к истории со стороны российского общества; на фрагментарную ностальгию по советскому прошлому в разных группах российского населения; на факт некорректной эксплуатации исторического прошлого в проведении культурной политики государства (через ТВ, кинематограф и СМИ); на раскол российского общества по поводу российской, советской и постсоветской истории; на волну интерпретаций советской и постсоветской истории, на вал лженаучных и псевдонаучных сенсационных открытий в истории. Задач много, но Татьяне Павловне уже не суждено отвечать на эти вызовы времени.

Задумываясь о том, как несправедливо рок вырывает из жизни молодых, достойных, полных дел и планов людей, приходишь к желанию, чтобы рай или нечто подобное существовало. Но в реальности от ученых остаются книги, память и уважение коллег, любовь близких. И это немало.

Т.П. Хлынина: история знакомства

О.В. Ратушняк

С Татьяной Павловной Хлыниной я познакомился на одной из научных конференций. На ней, как, впрочем, и на многих других научных форумах, она обращала на себя внимание не только профессионализмом, но и эмоциональностью, с которой она делилась своими научными изысканиями и отстаивала свои научные взгляды, положения, концепции. В силу этой эмоциональности ее выступления воспринимались первоначально как выступления молодой школьницы, студентки. Однако широта видения изучаемой проблемы, глубина анализа материала выдавали в ней хорошо подготовленного исследователя высокого уровня. Она с увлечением слушала выступления многих своих коллег, активно участвовала в дискуссиях. Ее комментарии были порой остры, но никогда не были злыми или обидными.

Позже несколько раз мы пересекались с ней в неформальной обстановке, в кафе, в компании коллег. И здесь она открылась еще в одном качестве, как добрый, интеллигентный, чуткий и внимательный человек с великолепным чувством юмора. При этом чаще всего общение с ней неизбежно переходило на профессиональные проблемы. У нее было свое видение многих из них, порой довольно оригинальное, но всегда основанное на глубоком анализе источников. Она буквально жила наукой, своими исследованиями и с большим интересом слушала о научных изысканиях коллег. Казалось, что кроме науки ее ничто другое не интересует. И только с немногими людьми она раскрывалась просто как человек со своими проблемами, переживаниями, заботой о семье и хлебе насущном. И в этом качестве она была не менее интересной, чем в качестве научного работника. Возможно, это тот редкий случай, когда в одном человеке гармонично сочетались профессиональный исследователь, ученый и просто женщина, мать, жена. И эти черты нашли свое воплощение в жизни в ее научных трудах и ее замечательной дочери.

Т.П. Хлынина: штрихи к портрету ученого

С.А. Кропачев

С Татьяной Павловной Хлыниной я познакомился в Краснодаре в ноябре 2005 г. Краснодарское краевое отделение Российского общества «Мемориал» проводило очередную конференцию, посвященную проблемам массовых политических репрессий в СССР. Татьяна Павловна выступила с докладом, посвященным преддверию «большого террора» в Адыгее. Мне запомнилось ее выступление убедительными примерами и четкими выводами. При этом она говорила без конспекта, не обращалась к записям. Вопросы докладчикам она задавала смело, бескомпромиссно. Были они, как правило, из разряда «неудобных» и «острых».

В 2013 г., на VIII конференции «Мемориала», Т.П. Хлынина выступила с интересным исследованием на тему коммунального жилья в СССР. Она одна из первых в стране, кто обратился к новой проблеме – изучению повседневности эпохи сталинизма.

Очень жаль, что Татьяна Павловна ушла из жизни так рано, в самом расцвете творческих сил, не завершив многие научные проекты. Мы всегда будем ее помнить как яркую личность, глубокого исследователя, доброго, чуткого человека.

Такой она была…

А.М. Бугаев

Приезжая в Москву, я стараюсь найти время, чтобы познакомиться с новинками научной литературы, особенно по проблеме, которой я занимаюсь уже достаточно длительное время. Для этого использую фонды «Ленинки» – Российской государственной библиотеки. Еще в семидесятые годы, будучи аспирантом Института истории СССР АН СССР (ныне – Институт российской истории РАН), по совету своих научных руководителей, сначала профессора Эсфири Борисовны Генкиной, а после ее смерти – члена-корреспондента АН СССР (позже – академика РАН) Ю.А. Полякова, я начал заниматься исследованием истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе в советскую эпоху.

В 2009 г., возможно, и чуть раньше, знакомясь с перечнем новейшей литературы и диссертационных исследований по своей научной проблематике, я узнал, что в 2003 г. в Московском государственном областном университете защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии». Автор – Хлынина Татьяна Павловна. Естественно, не откладывая в долгий ящик, я заказал автореферат диссертации, который буквально через пару часов оказался на рабочем столе в читальном зале моей любимой библиотеки. Для знакомства с небольшим по объему текстом автореферата, как известно, не требуется много времени. Потому этот день считаю днем своего знакомства (заочного) с доктором исторических наук Татьяной Павловной Хлыниной.

На этой же неделе в Институте российской истории РАН у меня состоялась встреча с профессором Николаем Фёдоровичем Бугаем, с которым был знаком еще с 1970-х гг. В беседе с ним я поделился своими впечатлениями о новинках научной литературы по северокавказской проблематике. При этом особо выделил диссертационное исследование Т.П. Хлыниной, что послужило поводом для обмена мнениями по некоторым ключевым положениям ее работы. В ходе этой беседы я узнал, что под научным руководством Н.Ф. Бугая Т.П. Хлынина подготовила и в 1993 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.» Но со временем она актуализировала тематику своих исследований. В центре ее внимания оказались проблемы историографии. А чтобы в этой области исторической науки достичь весомых результатов, как известно, недостаточно освоить широкий круг работ по соответствующей

тематике. Необходим, даже может быть, в первую очередь, достаточно высокий уровень теоретико-методологических знаний.

Еще в 1978 г. в сборнике аспирантов Института истории СССР АН СССР[1] была опубликована моя статья «Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. (Исторический обзор[2])». Она была написана на основе анализа работ известных в то время исследователей проблем истории становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа М.Т. Ансокова, Х.М. Бербекова, Ф.И. Врублевского, А.Х. Дудаева, М.А. Казанбиева, Ю.И. Кониева, А.Л. Летифова, Р.С. Мулукаева, У.А. Улигова, С.Э. Эбзеевой и др. Была предпринята попытка предложить свой вариант периодизации многогранного процесса национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Спустя 25 лет – в 2003 г. – Т.П. Хлынина в своей докторской диссертации и одноименной монографии[3] в целом дала высокую оценку нашим выводам. Естественно, такое признание, пусть даже позднее, меня, бесспорно, порадовало. Но не только этот нюанс, а в целом концептуальный подход автора стимулировал мой интерес к ее работам, интересным, несмотря на небесспорность отдельных ее оценок и выводов.

В 2012 г. в Грозном готовилась Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию со дня образования автономии чеченского народа (30 ноября 1922 г.). В оргкомитет поступила и заявка доктора исторических наук Т.П. Хлыниной. Ее приезд в Грозный для меня лично имел немаловажное значение. Возможность в очной форме обсудить с ней ряд проблем современной историографии национально-государственного строительства на Северном Кавказе, а также отдельные аспекты политической истории региона мне, как руководителю проекта «Чечня и чеченцы. Век XX-й: политическая история», утвержденного Президиумом Академии наук Чеченской Республики, представлялась очень полезной. К сожалению, Татьяна Павловна не смогла тогда приехать в Грозный. Но мы включили ее доклад в сборник материалов конференции[4], хотя не все выводы автора нам представлялись убедительными. Однако, уважая право автора на свое видение и учитывая, что ее подход может «спровоцировать» полезные дискуссии и новый творческий поиск,

[1] Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР: сборник статей. М., 1978. Вып. II. С. 127–150.

[2] Правильно: Историографический обзор.

[3] *Хлынина Т.П.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг. Проблемы историографии. М., 2003.

[4] Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность: Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни. Грозный, 30 ноября – 1 декабря 2012 г. Грозный, 2013.

мы приняли решение доклад Т.П. Хлыниной публиковать. Скажу без излишнего пафоса, что верх взял авторитет состоявшегося ученого.

Но в последующие годы встречи с Татьяной Павловной и ее супругом Кринко Евгением Федоровичем – доктором исторических наук, заместителем директора (а позже – директором) Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН происходили неоднократно (в г. Ростове-на-Дону) на различных научных форумах, с пользой для академического сообщества региона, проводимых по инициативе ЮНЦ РАН.

Наши беседы и обсуждения в дни проведения этих форумов убедили меня в том, что мое ранее сложившееся мнение о Татьяне Павловне как о серьезном и глубоко мыслящем ученом не является ошибочным.

Не менее значимым было и то, что она являлась скромной труженицей науки, обладающей искренней, по-настоящему земной добротой и человеколюбием.

Говорят, что Архимед сказал: «Вы не можете ничего поделать с длиной вашей жизни, но можете сделать многое с ее шириной и глубиной».

Татьяна Павловна ушла безвременно. Болезнь укоротила отведенный ей срок. И, как будто предчувствуя это, Татьяна Хлынина торопилась и жить, и творить. В 26 лет она защитила кандидатскую диссертацию в головном научном учреждении страны по историческим наукам – Институте российской истории РАН. В 36 лет она стала доктором исторических наук. Я знаю, что у нее не было диплома профессора. Но убежденно знаю и то, что по уровню и глубине своих знаний она не уступала многим из тех, кто имел это звание. Если можно выразиться образно, я считаю, что ее ученые регалии – это ширина ее жизни, а ее ум и талант ученого – глубина ее мудрости.

Правда, такой она, Татьяна Павловна Хлынина, была, и такой она останется в нашей благодарной памяти!

Татьяна Хлынина – талантливый историк и светлый человек

С.И. Аккиева

В начале 1990-х гг. один из коллег приехал из Майкопа и привез пару сборников статей. В одном из них я нашла две статьи, которые привлекли мое внимание. Одна из этих статей, посвященная советской национальной политике в Кубанской области, особенно понравилась постановкой проблемы, стилем изложения, глубиной анализа, и я запомнила имя автора – Т.П. Хлынина. Потом я прочитала несколько десятков статей этого автора и могу утверждать, что она являлась лучшим знатоком темы советской национальной политики на Северном Кавказе. Очное знакомство с коллегой, труды которой я уже много лет штудировала, состоялось осенью 2010 г. в Пятигорске на круглом столе «Этнокультурный бренд и историко-культурные образы в инновационном развитии Северо-Кавказского региона». Выступление Татьяны Хлыниной «Роль национальных историй в создании новых этнокультурных брендов Северного Кавказа» было самым ярким и интересным, оживило атмосферу и подтолкнуло всех собравшихся к активной дискуссии. В перерыве выстроилась очередь из желающих задать ей вопросы и пообщаться с ней. Я еще до начала круглого стола успела познакомиться и сказала, что давно ее читаю. Оказалось, что и она меня знает заочно, что меня обрадовало. Со мной на конференции был мой брат, биолог-эколог, заместитель директора по науке Кабардино-Балкарского высокогорного заповедника, которому очень понравилось выступление Тани, и он сказал, что эта хрупкая женщина – настоящий большой ученый и ее выступление было лучшим.

Таня подарила мне в честь знакомства книгу, подготовленную и изданную совместно с Е.Ф. Кринко «История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография» (Ростов-на-Дону, 2009). И вот на протяжении более шести лет эта работа коллег остается одной из моих настольных книг. Я неизменно к ней обращаюсь, прежде чем начать работать над очередной статьей, чтобы понять, на что обратить внимание и какие вопросы затронуть. В этой работе Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлынина дали глубокий, всесторонний и высокопрофессиональный анализ состояния российской историографии ранней советской истории Северного Кавказа, и мне представляется, что эта работа еще многие-многие годы не потеряет своей значимости и ценности для исследователей историков, занимающихся периодом 1920–1940-х гг.

Татьяна Хлынина относится (не могу писать в прошедшем времени) к числу редких исследователей, которые взвешенно, глубоко,

всесторонне исследуют поднятую проблему, а излагают ее понятно и доступно. Именно потому ее труды читают и непрофессионалы, просто те, кто интересуется историей. И я это знаю точно, потому что у меня есть знакомые, которые, профессионально не имея отношения к гуманитарным и общественным наукам, читают статьи Т.П. Хлыниной и отмечают доступность изложения ею сложных проблем.

Таня относится также к числу тех людей, которые поддержат и найдут слова, чтобы ободрить человека, кроме того, она очень тактична и великодушна. В этом я убедилась сама. Однажды, просматривая почту, я нашла письмо о конференции в Ростове-на-Дону. Как я поняла, письмо пришло от Тани. Мы с братом сделали заявку на конференцию, затем подготовили текст статьи и отправили ее. Брат был в экспедиции, статью я доделывала сама. Но это был период, когда я восстанавливалась после серьезной аварии и работать полноценно не могла. Как бы то ни было, статья была написана и отправлена. Через пару дней пришло письмо от Тани, она просила внимательно посмотреть наш текст и проверить сноски. Когда я стала читать статью, то поняла, что текст очень хорошо отредактирован. Это потрудилась Таня, но тактично умолчала об этом. Оказалось, что я отправила статью, толком ее не вычитав, а Тане пришлось не только редактировать, но и исправлять опечатки. Таня пригласила меня приехать в Ростов-на-Дону на конференцию, нашла слова, чтобы ободрить меня и подвигнуть на поездку. Это была одна из моих первых поездок после тяжелой аварии, и, не будь Таниной поддержки и организации моего комфортного пребывания в Ростове-на-Дону, организации встречи и проводов, я бы еще долго не принимала бы участия в научных мероприятиях.

28 апреля 2015 г. Таня мне позвонила. Она интересовалась тем, как я восстанавливалась после аварии. Оказалось, что зимой она упала и сломала ногу, а процесс восстановления у нее затягивался, и улучшений она не видела. Мы с ней стали часто перезваниваться, писали письма, Таня не теряла оптимизма, и я старалась ее поддержать, искренне верила, что все будет хорошо. На одно из моих писем она не ответила: 10 июня в 6 утра Таня ушла…

Уход Тани был воспринят очень тяжело, было ощущение, что я потеряла очень близкого и родного человека. Но в то же время мне кажется, что она просто временно куда-то уехала и она скоро вернется. Сегодня 9 января 2017 г. – день Таниного дня рождения. Ей исполнилось 50 лет…

Татьяна Павловна Хлынина написала десятки великолепных статей, несколько серьезных, фундаментальных книг, ее имя есть и останется в золотом фонде кавказоведения и в наших сердцах.

В память о светлой душе...

Т.У. Эльбуздукаева

С Татьяной Павловной Хлыниной впервые мы встретилась на предзащите моей докторской диссертации в Южном федеральном университете в апреле 2012 г. Она выступала экспертом по диссертации, а на защите была официальным оппонентом. Первые впечатления – бескомпромиссный ученый, обладающий мощным интеллектом и обширным кругозором. Ее замечания были уместны, хотя задевали самолюбие.

В июле 2012 г. Татьяна Павловна приехала в город Грозный на конференцию. Мы общались с ней на разные темы, говорили о восстановлении экономики республики, Грозного, об обычаях и традициях чеченцев. Ей понравился Грозный, она была довольна гостеприимством и радушием, с каким принимали гостей. Поэтому, когда я приехала в Ростов-на-Дону в сентябре 2012 г., Татьяна Павловна пригласила меня остановиться у них.

Я узнала ее с другой стороны, как заботливую мать и жену, рачительную хозяйку. Татьяна Павловна – душа семьи: у нее хватало времени заниматься спортом, готовить обед, проверять уроки дочери-подростка, узнавать, как дела в школе, заботиться о кошке. Тогда же я впервые узнала, что Татьяна Павловна серьезно больна, случайно услышав ее разговор с матерью по телефону. Обсуждая планы на отпуск, Татьяна Павловна сказала: «Ты же знаешь, что мне осталось недолго жить».

У меня защемило сердце. Почему так несправедлив мир? Почему молодая женщина, прекрасная мать, жена, талантливый ученый, должна так рано уйти??? Я прекрасно понимала ее состояние, поскольку мой муж тоже рано ушел из жизни от этой болезни. Но ее стойкости позавидовал бы любой мужчина.

С того времени я воспринимала Татьяну Павловну как мужественного человека, борющегося с тяжелым недугом. Что у нее было на душе, одному Богу известно, но на людях она не подавала виду, не впадала в уныние.

В 2013 г. успешно прошла защита моей докторской диссертации, Татьяна Павловна, как всегда, прекрасно оппонировала, затем предложила участвовать в проекте, посвященном нациестроительству на Северном Кавказе в его историческом измерении и сегодняшних практиках.

Мы дружески общались, поздравляли друг друга с праздниками, обсуждали научные проблемы. Последний ее звонок был в апреле 2015 г. Она поздравила меня с присвоением городу Грозному звания города воинской славы. На вопрос о самочувствии Татьяна Павловна

сказала, что после перелома почти не ходит и что родным она доставляет много хлопот.

Татьяна не хотела быть обузой, старалась сохранять бодрость духа. Вскоре ее не стало… Это невосполнимая потеря для меня. Ушла родственная душа, Ученый с большой буквы. Татьяна Павловна многого достигла за свою короткую жизнь, оставила светлую память. Я благодарна судьбе за наше короткое знакомство.

Жизнелюбивый академизм[1]

А.Т. Урушадзе

«Надо писать, Амиран! Мы ведь больше ничего не умеем!» – говорила мне Татьяна Павловна, когда замечала, что природная леность брала верх над желанием научно высказаться. Татьяна Павловна обладала редко встречающимся ныне умением писать увлекательно, но содержательно, легко, но обстоятельно, просто, но академично. Татьяне Павловне, профессионалу без слабых мест, были чужды снобизм и ученое чванство. Открытость и отзывчивость – это то, что ее отличало и что увлекало в ней окружающих. Татьяна Павловна была частью жизни каждого из знавших ее, с ее уходом ушла часть всех наших жизней – колокол звонит по всем нам.

Жизнь и профессиональная деятельность Татьяны Павловны были связаны с разными городами и научно-образовательными институтами. Будущий историк родился 9 января 1967 г. в военном городке Сенеже Солнечногорского района Московской области в семье офицера Советской армии. Татьяна Павловна – выпускница Адыгейского государственного педагогического института (1989), аспирантскую подготовку прошла в ведущем исследовательском центре страны – Институте российской истории РАН (1993). Там же защитила кандидатскую диссертацию «Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.» (1993). Научным руководителем Татьяны Павловны являлся крупнейший специалист по советской национальной политике доктор исторических наук, профессор Николай Федорович Бугай. Уже через десять лет Татьяна Павловна подготовила и защитила в Московском государственном областном университете докторскую диссертацию – «Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии», научным консультантом которой выступил известный специалист по отечественной историографии доктор исторических наук, профессор Олег Владимирович Волобуев.

Профессиональное становление Татьяны Павловны прошло в стенах Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Параллельно с исследовательской работой Татьяна Павловна активно преподавала в Адыгейском государственном университете, Майкопском государственном технологическом университете, филиале Российского государственного социального университета в Майкопе.

В 2008 г. Татьяна Павловна с семьей переезжает в Ростов-на-Дону. Здесь ее карьера связана с Южным научным центром РАН

[1] Впервые статья была опубликована в журнале «Новое прошлое/The New Past» (2016. № 2. С. 326–331).

и Институтом социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. Татьяна Павловна руководила различными исследовательскими проектами, проводимыми под эгидой Президиума РАН и Российского гуманитарного научного фонда. На новом месте она продолжила и преподавательскую деятельность, теперь в Донском государственном техническом университете. В круг профессиональных интересов Татьяны Павловны входил широкий набор проблем исторического познания. Среди ее публикаций работы по социальной истории, историографии, исторической памяти и политике. В последние годы Татьяна Павловна много и плодотворно занималась историей повседневности населения СССР в годы Великой Отечественной войны. Всего в списке научных публикаций Татьяны Павловны четыре с половиной сотни заглавий.

Татьяна Павловна была блестящим знатоком темы советской национальной политики на Северном Кавказе. Ее многочисленные труды, посвященные этой масштабной исследовательской проблеме, существенно расширили исторические представления, дав оригинальные ответы и предложив новые нетривиальные вопросы для дальнейшего научного поиска. Но при этой глубокой научной, профессиональной специализации Татьяна Павловна буквально поражала своей широчайшей эрудицией. Она была готова поддержать беседу по самым разным историческим сюжетам и эпохам. Ее наблюдения, мнения, замечания всегда были «свежи», иногда по-хорошему провокативны, но неизменно точны и обдуманы. Мне не раз приходилось удивляться тому, как Татьяна Павловна могла с поражающей легкостью подсказать интересное направление для размышлений, новый перспективный исследовательский ракурс. Могу сказать, что многое из услышанного от нее в профессиональных, но душевно теплых разговорах останется для меня актуальной повесткой в исследовательской работе.

Много пишущие гуманитарии обычно не успевают так же много читать, довольствуясь в основном новинками в рамках собственных научных интересов. Татьяна Павловна была исключением из этого правила. Она с большим интересом читала современную художественную литературу и приобщала к этому своих коллег. Произведения Иэна Макьюэна и Мишеля Уэльбека стали для меня «своими» благодаря Татьяне Павловне. От нее можно было не только получить совет на тему вечернего чтива, но и обсудить прочитанное на волне литературного «послевкусия». И, конечно, у Татьяны Павловны всегда можно было взять почитать заинтересовавшую книгу, а потом, не рискуя навлечь на себя недовольство, благополучно ее «замылить».

Это может показаться неожиданным, но Татьяна Павловна всерьез интересовалась спортом, особенно футболом и хоккеем.

Обсуждение прошедших и предстоящих телевизионных трансляций было обычной темой разговора в ее рабочем кабинете в дни крупных спортивных состязаний. Интуиция Татьяны Павловны позволяла ей регулярно вызывать коллег и друзей на шуточные букмекерские пари, большинство из которых она выигрывала.

Профессиональная судьба сложилась так, что Татьяне Павловне не довелось руководить аспирантами и докторантами. Об этом можно только сожалеть. Татьяна Павловна любила общение, диалог, обмен мнениями. Она всегда была готова выслушать и помочь, указать путь. В Институте социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН было много начинающих, еще совсем «зеленых» исследователей. Все они с благодарностью пользовались заинтересованностью, которую неизменно проявляла Татьяна Павловна. В ее кабинет входили, не боясь нарваться на плохое настроение. Работая много и напряженно, Татьяна Павловна не давала даже нежданному визитеру повода почувствовать собственную неуместность. Она делилась не только своим опытом и знаниями, но и своим прекрасным, светлым настроением, которое, казалось, ее не покидало. Я никогда не уходил от Татьяны Павловны без угощения. Предметом ее особой гордости были различные сорта изумительного китайского чая, которым она щедро потчевала коллег.

Открытость, демократизм натуры Татьяны Павловны производили большое впечатление на окружающих. Один из моих друзей-историков, говоря о Татьяне Павловне, был предельно лаконичен и выразителен: «Никогда не видел таких докторов наук!» Иерархии, формальные звания и степени, занудный академический политес – все это было для нее лишь фоном жизни людей в науке, которых Татьяна Павловна оценивала по блеску увлеченности профессией в глазах. У нее было много друзей среди коллег-историков. Татьяну Павловну одинаково радушно принимали и в столице, и в регионах. И это при том, что она не избегала дискуссионных тем, не боялась провокационных вопросов, не стремилась всюду быть ко двору. Интеллектуальная независимость была для Татьяны Павловны не роскошью и не обузой, а категорическим императивом.

Неординарность Татьяны Павловны проявлялась не только в личном общении, но даже в таком формализованном жанре, как отзыв на диссертационное исследование. Не секрет, что многие гуманитарии пренебрежительно относятся к подобного рода работе. Татьяна Павловна, напротив, писала отзывы на таком же кураже, как и другие свои тексты. Она была принципиальным рецензентом. Последовательно, а порой и жестко указывая на недостатки работы, Татьяна Павловна каким-то образом избегала менторского тона. Ее мнение как рецензента высоко ценилось в столичных

и региональных научных центрах, а положительная оценка для многих была важным знаком качества.

Известно, что многие замечательные писатели были далеко не так убедительны в устной речи. Татьяна Павловна обладала всеми гранями таланта к слову. В отличном стиле и высоком качестве ее печатных работ легко убедиться. Но еще древние заметили, что «Viva vox alit plenius» – «Живая речь питает обильнее». Речь Татьяны Павловны, ее выступления на научных конференциях различного уровня – это наслаждение, настоящий интеллектуальный гедонизм для любой аудитории. Всегда плавный, но стремительный ход речи Татьяны Павловны завораживал слушателей. У нее было то, к чему стремятся многие, но имеют единицы – собственный голос, который было не спутать ни с одним другим. Еще одна моя коллега, опытный университетский преподаватель, впервые услышав выступление Татьяны Павловны, воскликнула: «Я хотела бы послушать ее лекции!»

Татьяна Павловна ушла от нас 10 июня 2015 г., до последнего сражаясь с тяжелой болезнью. Хрупкость ее фигуры так же не соответствует крепости ее характера, как прошедшее время – упоминанию ее имени. Татьяна Павловна, Вы с нами.

Рим – Каир – Грозный

Е.М. Горюшина

Когда оплот католицизма едва начал просыпаться после каменного сна, письмо от Татьяны Павловны вовсю вопрошало о том, какую книгу я читаю. Накануне похвастaвшись только что приобретенной электронной книгой фирмы Kobo, я поставила себя в неловкое положение – выбор чтива был огромен, поэтому я качала все, а читать приходилось, стоя в просторных римских вагонах метро синей ветки. Я начинала свой ответ с вальяжного «cara Tatiana», заведомо предугадывая ее реакцию, продолжала отрывистыми впечатлениями от жидкокристаллических страниц романа испанца Альберто Васкес-Фигероа. Туарег по имени Гасель Сайях, чья империя – пустыня.

Мы так много переписывались с Татьяной Павловной о пустыне, что она превратилась и в нашу империю скромных размеров. Временами над ней парил сокол, выискивающий заблудшего пса, так нелепо сбившегося с большой дороги. Совсем рядом по темно-серой шоссейной ленте проносились полутораэтажные автобусы с ледяным от кондиционера воздухом внутри, и где-то обязательно ехали бы Вы.

На экскурсию в совершенно незнакомый город-мир. Чего стоил Ваш рассказ о победоносной Аль-Кахире, непревзойденной матери всех цивилизаций. Оказавшись в Вашем кабинете, я получила четкие рекомендации, где и как остановиться в этом воинствующем городе. Помню, как держала клочок белой бумаги с названием отеля, в котором, по Вашим заверениям, «не водилось тараканов, и был приличный душ». Я и сейчас помню Вашу интонацию, благодаря чему мои сомнения, лететь или не лететь в Каир, росли как на дрожжах. Но где наша не пропадала?

И спустя время я оказалась в заветном городе уже не как турист, а как почетная гостья на арабской свадьбе. Играла “Daret el ayam”, доносились запахи жареного мяса, везде сигналили автомобили, ветер вздымал тонны песка величайшей пустыни над горами Эль-Моккатам, естественной преградой многоликой Аль-Кахиры. Я распаковала вещи в однокомнатном номере с тяжелыми темными портьерами, создававшими атмосферу театральных подмостков. Открыв их, я прильнула лбом к разгоряченному панорамному окну – на меня смотрел изболевший густонаселенный город Ближнего Востока. По ту сторону другого континента я пристально наблюдала за его движением, равномерным дыханием и вздымающейся от постреволюционной боли грудью.

Город, о котором Вы мне рассказали в своем маленьком кабинете на втором этаже в Ростове, не шел ни в какое сравнение с тем

гигантским организмом, который оказался напротив меня. Одним своим видом он уничтожал нелюбимый Вами Ростов-на-Дону и сотни других населенных пунктов. Я не верила своим глазам – будучи в самом центре египетской столицы, я то задергивала шторы, то, вновь возвращаясь из постели, наблюдала за тем, как Аль-Кахира лишь оживает в 10 вечера, заполняя свои улицы бесконечным людским потоком. Помню, как писала Вам, что весь вечер не могу выйти на улицу и купить воды – я ведь учила «фосху», а не египетский диалект, отчего местные смеялись и давались диву – русская и лопочет на литературном арабском!

Именно Татьяне Павловне я писала из египетского министерства, что жива, что выживаю и что меня весьма недурно принимают. Я сообщила о том, что тараканов пока не видела, а если бы даже и увидела, то это была б меньшая из проблем по сравнению со снующим подозрительного вида людом и крысами, бегающими в нижнем слое мусора у рынков и мест столпотворения. Я была уверена, что Татьяна Павловна разделяла мою любовь к приключениям, путешествиям с паспортом в кармане и минимумом денежных знаков за душой. Главное – не забыть ее, эту самую душу. Татьяна Павловна, как никто другой, знала, что такое распознать своего человека в толпе. И подобная способность нередко спасала в разных ситуациях. Потом были интервью для нашего с ней проекта по нестабильности, на свой страх и риск я интервьюировала уверенных на тот момент в своей политической непоколебимости «ихванов». И через какие-то несколько месяцев они вновь оказались вне закона. Мы обменивались сообщениями телеграфного характера, зная, что тонкая связь не порвется. Несмотря на перевороты на Ближнем Востоке или мой отъезд в Италию.

Невзначай Татьяна Павловна подтолкнула меня к лучшему путешествию, которое началось с терминала F Шереметьево и долгого ожидания посадки. Будто все происходило, как в старом египетском кино, когда женщины не облачались в хиджабы, а Каир считался едва ли не чистым городом и конкурировал по красоте с Парижем. Благодаря ей я влюбилась в лучший город Северной Африки и, кажется, прочитала об этом городе все, что было доступно в жанре «городских биографий».

Перед этим был другой, не менее противоречивый город – Грозный. И впервые я отправилась туда с Татьяной Павловной. Знакомство и патронаж Д. Абдурахманова, ушедшего из жизни в прошлом году, Академия наук Чеченской Республики, парламент Чеченской Республики и «Грозный-сити». Вы приоткрыли все эти книги, а я уже с головой ныряла в повести, романы, саги. Мой другой визит в 2016 г. в Чечню был уже совершенно неожиданным для меня открытием и того самого Грозного, в который мы когда-то мчались

на поезде, и новых – не побоюсь этого слова – волшебных мест в республике.

Все изменилось, Татьяна Павловна. Я более не пишу о Каире, не изучаю его историю, не посвящаю ему на английском языке страницу в день. Я бежала из Рима в Вами любимую Флоренцию, к ее узким улицам и безукоризненному мясу по-тоскански. Я бежала из Италии в Россию, добралась до горного села Хой.

Там, на высоте в 1800 метров, я подняла камень разрушенной сторожевой башни, которая некогда была форпостом на границе с Дагестаном. Без Вас не было бы всех этих удивительных путешествий и дорог. Потому что жизнь вовсе не там, где однажды ранним утром забрезжит искусственный свет в стерильных коридорах венского аэропорта. Жизнь там, где к небу возносятся ароматы жареного мяса, лепешек, где кровавая история переливается из одного звонкого бокала в другой, а обшарпанные здания в скором времени превращаются в песок времени.

Вы тот самый кочевник со смуглой кожей Фигероа, что размеренно бредет сквозь пески времени ради справедливости, ради того, чтобы расстаться с жизнью после дела чести.

Воспоминания о Т.П. Хлыниной – талантливом ученом и прекрасном человеке

О.Ю. Патракеева

Татьяна Павловна была не только талантливым ученым, но и прекрасным, интересным человеком с чудесным чувством юмора. Общение с ней для меня всегда было в радость.

С Татьяной Павловной я познакомилась на конференции Южного научного центра в 2009 г. Поразило то, насколько интересно, четко, грамотно было выстроено ее выступление. Ни одного лишнего слова! И по реакции зала было видно, что доклад привлек внимание. Для себя я отметила, что именно так стоит подходить к своей работе и представлению ее результатов.

К сожалению, совместных рабочих проектов у нас практически не было. Но в 2014 г. мы с Татьяной Павловной готовили сборник статей к очередной конференции института. Казалось бы, известный ученый, доктор наук, она могла поручить мне основной объем работы и не оказывать никакой помощи. Но вышло иначе. Мы совместно кропотливо готовили книгу, и Татьяна Павловна помогала в решении всех вопросов. И совместная работа шла легко и непринужденно.

Весь институт надеялся, что Татьяна Павловна поправится. Ее уход – огромная потеря для нас. Но остается память. И в наших силах ее сохранить.

Больше чем коллега, больше чем учитель, больше чем друг

И.В. Бобякова

Отчаянье раскраивает мне,
как доску, душу надвое, как нож, но
не я с ним остаюсь наедине.
И. Бродский

Каждый из нас мечтает встретить человека, который двигал бы вперед, помогал развиваться, своим примером показывал бы, что нельзя опускать руки, и с которым бы всегда хотелось поговорить. В моей жизни таким человеком оказалась Татьяна Павловна.

Редко встретишь человека, первое впечатление от встречи с которым так разнится со всеми последующими. Слова «редко встретишь» хочется употребить десятки раз, говоря о Татьяне Павловне. Потому что она по-настоящему уникальный человек (писать о ней в прошедшем времени не хочется и не получается).

Я познакомилась с Татьяной Павловной несколько лет назад, когда приходила к своей научной «маме» Марине Ченгаровне Ларионовой, с которой Татьяна Павловна дружила и делила кабинет в ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Складывалось тогда ощущение, что тебя экзаменует очень строгий и требовательный человек. Стоило кому-то из студентов Марины Ченгаровны проявить невоспитанность, невежливость или необразованность пусть даже в самом мелком масштабе, тут же следовал едкий, остроумный и точный комментарий от Татьяны Павловны. Но если она замечала в тебе симпатичного ей человека – от излишней строгости и требовательности не оставалось и следа. Так произошло и со мной, чему я бесконечно благодарна, и буду радоваться этой встрече всю свою жизнь.

Если Татьяне Павловне кто-то нравился, она окружала этого человека своим участием, заботой и добротой. За внешней холодностью и строгостью скрывалось очень чуткое сердце. Будучи очень принципиальным человеком, имеющим внутри себя, казалось, железный стержень, Татьяна Павловна была ранимой, сопереживающей и очень светлой. Я считаю себя закрытым человеком, однако Татьяна Павловна знала обо мне и моей семье все, постоянно интересовалась моей жизнью, давала ценные советы, которые всегда будут со мной. Тот уровень доверия, который вызвала Татьяна Павловна за несколько дней плотного общения с ней, некоторые люди не вызывают годами.

Татьяна Павловна любила читать современную литературу – в этом мы с ней похожи. Мы постоянно обменивались книжками

и потом долго обсуждали прочитанное. Стоило выйти новому роману у Пелевина, Эко, Франзена, Макьюэна и т.д. – первой репликой Татьяны Павловны была: «Ира, мы должны это прочесть!» И вот снова – редко встретишь даже среди филологов такого, который был бы так азартен в прочтении всего хорошего и современного. Литературный вкус у Татьяны Павловны был безупречный. То же касается театральных постановок, фильмов, опер и т.д. Она всегда была в курсе всех культурных событий города и всегда приглашала посетить тот или иной театр. Сказать, что Татьяна Павловна – невероятно интересный человек и собеседник, – это не сказать ничего.

Многие, не только историки, знают ученого – Татьяну Павловну Хлынину. Сочетание глубокого материала и легкого, интересного языка – крайне редкое для любого ученого. Татьяне Павловне удавалось писать по-настоящему захватывающие читателя статьи и книжки, о чем я ей всегда говорила, а она скромно отвечала: «Это потому что я много книжек читаю». Постоянное желание и готовность узнать что-то новое для себя всегда отличали Татьяну Павловну. Неизвестное для нее английское слово, неизвестное для нее имя в литературе (список можно продолжать бесконечно) – Татьяна Павловна моментально схватывала все новое и осваивала его. Об уровне эрудиции и образованности Татьяны Павловны обычными словами не написать – это было что-то запредельное и недостижимое.

Необходимость в постоянном внутреннем развитии в Татьяне Павловне – удивительное ее качество, которое хочется перенять и к которому хочется стремиться. Если правда то, что каждый человек, встречающийся нам в жизни, чему-то нас учит, то перечислить все хорошее, чему меня научила Татьяна Павловна, не представляется возможным.

Невосполнимая утрата, которую всем нам пришлось пережить, осталась в моем сердце теперь уже навсегда. Невозможно описать на бумаге, что для меня значит Татьяна Павловна. Больше, чем коллега, больше, чем учитель, больше, чем друг. Пронесу ее образ через свою жизнь.

Несколько слов о Татьяне Павловне Хлыниной

О.В. Степаньян

Мне довелось познакомиться с Татьяной Павловной несколько лет назад. Примечательно, что это знакомство состоялось в библиотеке нашего академического центра. Несмотря на то что я по образованию морской биолог, увлекаюсь историей, особенно военной историей. В тот день я просматривал несколько академических журналов на военно-историческую тему и уже подготовил несколько выпусков «Российской истории», «Востока», «Военно-исторического журнала», «Социологических исследований» для того, чтобы взять их с собой. Татьяна Павловна быстрым шагом вошла в помещение библиотеки и сразу направилась к стенду с новинками академической периодики. Увидев, что буквально «из-под носа» я забираю несколько нужных ей журналов, она опешила и возмутилась. В тот момент меня даже несколько обидела такая ее реакция, но через несколько секунд, примерив на себя эту ситуацию, я, конечно же, уступил Татьяне Павловне столь ожидаемые ею журналы, попросив сообщить, когда она с ними ознакомится, чтобы потом их взять для прочтения. Этим я ее очень удивил, вероятно, она не встречала морского биолога, интересующегося социологией или историй. Потом около месяца она несколько подозрительно на меня смотрела, особенно когда я направлялся в сторону библиотеки. Рассеять тень ее сомнений относительно искренности моих интересов удалось, после того как я задал несколько вопросов о методике проведения социологических опросов и интерпретации полученных данных. Не знаю, повлиял ли этот разговор или Татьяна Павловна «навела справки» относительно моих «журнальных» интересов, но ее отношение стало очень доброжелательным, и она всегда была готова ответить на мои, вероятно, иногда наивные вопросы в области гуманитарных наук.

Узнав мою биографию и мою родословную, Татьяна Павловна решила сделать меня своим объектом исследований. Результатом такого решения стал почти двухчасовой опрос об армянской диаспоре на Дону. Помню, ее удивил мой ответ, что я считаю себя принадлежащим к ростовским армянам, жителям Дона, а не к некому абстрактному армянскому сообществу. На ее несколько провокационный вопрос, на чьей стороне я буду сражаться в случае военных действий между Россией и Арменией, я ответил, что такое событие невозможно себе представить, но привел в пример ситуацию, когда армяне исторически были разделены между Османской и Российской империями. Военную повинность они несли в стране проживания и вполне могли столкнуться на полях сражений между двумя

империями. Но дальнейшие кровавые события 1915 г. в Турции, геноцид армянского населения навсегда поставил точку в вопросе, на чьей стороне будет армянское население. В годы Великой Отечественной войны на стороне вермахта воевало пару тысяч предателей в составе Армянского легиона, но им противостояли сотни тысяч армян в тылу и на передовой.

На примере своей семьи я рассказал Татьяне Павловне, насколько важна оценка роли донских армян в партизанской борьбе в период оккупации Ростова и области, когда большинство армянских жителей оказывали явное или скрытое сопротивление. В их числе были и мои прадед Лусеген и дед Нерсес. Хотя восприятие советской власти и отдельных ее представителей в послевоенные годы было в моей семье неоднозначным. Для прадеда, деда, отца, прежде всего, были важны работа и восприятие местным сообществом, которое зачастую состояло из соплеменников. Отметил, что это характерная черта армянского народа, где бы он не проживал. Татьяне Павловне я выразил уверенность в том, что все армяне понимают: без России само существование независимого армянского государства невозможно, особенно сейчас, в современных геополитических реалиях.

Результатом этой долгой беседы стали опубликованные научные материалы Татьяны Павловны. Правда, в этой публикации я скрываюсь под ником «респондент номер такой-то». Меня удивил оперативный выход указанных материалов. Я был искренне рад, что смог помочь Татьяне Павловне и дать определенное мнение об армянском населении Дона.

Через некоторое время, отметив для себя отсутствие встреч с Татьяной Павловной в библиотеке и в коридорах центра, я спросил у Евгения Федоровича Кринко, куда же он так надолго заслал в командировку уважаемую Татьяну Павловну и какие новые материалы стоит ожидать. Я был очень расстроен, когда узнал, что Татьяна Павловна борется с тяжелой болезнью. Через несколько недель Татьяны Павловны не стало.

Татьяна Павловна осталась в моей памяти светлым и веселым человеком, эрудированным специалистом в различных областях гуманитарной науки. Ее потеря невосполнима ни для ее родных и близких, ни для Южного научного центра РАН, ни для всей гуманитарной науки.

Незаурядная женщина и талантливый историк

В.В. Белоцерковская, Г.А. Белоцерковский

В наше время многие женщины успешно реализуют себя в науке. Татьяна Павловна успела сделать многое как историк. Ее научные труды хорошо известны коллегам на всем пространстве бывшего СССР. В этой миниатюрной, изящной женщине чувствовались сила воли, принципиальность и твердый характер. Выступая на семинарах и конференциях, она говорила компетентно и авторитетно и в то же время эмоционально. Всегда была готова к полемике, оставляя мало шансов своим оппонентам. Всегда очень внимательно относилась к молодым научным сотрудникам, работающим в ее лаборатории истории и этнографии, являлась для них наставником и просто добрым советчиком.

В науке, равно как и в других сферах деятельности, женский ум может оказаться проницательнее, чем мужской. И это значительное преимущество. Наверное, осознавая это, Татьяна Павловна видела ценность и важность семейных отношений. Поэтому, посвятив себя науке, она одновременно сумела создать крепкую семью, которая может для многих служить примером.

Однажды мы обратились к ней с просьбой подготовить материал для одного из общественно-политических журналов Юга России. Татьяна Павловна охотно согласилась и самостоятельно подготовила материал точно в срок. Более того, он был написан доступным языком, о сложных вещах автор рассказывал просто и понятно, чувствуя аудиторию, отказавшись от тяжелой для многих сугубо научной терминологии. Тем самым она показала себя не только как ученый-историк, но и как популяризатор науки. Люди, обладающие таким даром, в научной среде встречаются очень редко. И здесь уместно привести слова академика Г.Г. Матишова: «Если то, что ты делаешь, понятно тебе одному, то это не наука».

Нам всем посчастливилось знать эту незаурядную женщину. Светлая память Татьяне Павловне!

Шесть разговоров с Татьяной Павловной

О.В. Семенова

Мы не были особенно близки с Татьяной Павловной, просто коллеги, работающие в одной лаборатории. Возраст и общая специальность – история – не делали нас ближе. До последних дней ее жизни мы оставались на «Вы». Однако профессионализм, широчайшая эрудиция (не только профессиональная), истинная культура вызывали глубокую симпатию и уважение. А еще мне как женщине было заметно женское очарование Татьяны Павловны: хрупкое, изысканное, своеобразное, но незабываемое.

Особо мне запомнился один апрельский день – день, когда мы с ней разговаривали по телефону шесть раз! Каждый разговор касался поначалу тяжелой для меня темы – проблемы с глазами. Эта неприятность подкралась ко мне незаметно. Работать стало очень сложно. Обращения в разные клиники давали противоречивые рекомендации. Как-то в разговоре после моей жалобы на очередной фантастический диагноз Татьяна Павловна порекомендовала мне обратиться в краснодарскую офтальмологическую клинику «Три-З». Настойчивая и аргументированная рекомендация сделала свое дело. Изучен сайт клиники, осуществлена запись на консультацию и, наконец, я в Краснодаре.

Те, кто сталкивался с проблемой, подобной моей, понимает, что вердикт врача ожидается, как приговор. Клиника оказалась достойной. Посетитель чувствовал себя вполне комфортно. Однако сама процедура была длительной, многоступенчатой и неприятной. Закапали глаза, нужно ждать расширения зрачка. Все плывет, глаза режет, и ничего не видно. И вот в таком состоянии и в таком месте мы с Татьяной Павловной провели большую часть дня, разговаривая по телефону.

Телефонный разговор! Это, наверное, одно из чудес света! Два человека могут не просто обменяться новостями. Они чувствуют друг друга, проникаются взаимным настроением, улавливают интонации. Флер телефонных разговоров иногда остается у собеседников надолго, а то и навсегда.

Для меня шесть телефонных разговоров с Татьяной Павловной стали какой-то новой точкой отсчета жизни. Причем в ходе разговора мы все больше раскрывались друг другу. Проникались доверием и симпатией. Пять звонков были от Татьяны Павловны и один ей от меня, уже вечером, отчетный обо всем.

Конечно, мы разговаривали еще до моего отъезда в Краснодар. Татьяна Павловна поддержала мои планы. Однако, когда я сидела в комнате ожидания на синем кожаном диване, сжавшись от предварительного диагноза, с пеленой лекарства в глазах, словно спасение, раздался первый звонок.

– Как Вы? Добрались нормально? Встретились с врачом?

Столько в этих словах было заботы, внимания, доброты! А у меня что-то идет не так. Необходима консультация хирурга, а он на операции. Сижу полчаса, час. Ни ходить, ни делать ничего не могу. Практически слепа. И тут голос Татьяны Павловны! Я от жалости к себе и от такого доброго участия плачу. А она начинает говорить со мной твердо, убедительно:

– Все в порядке. Вам уточнят диагноз. В этой клинике хорошая аппаратура и отличные специалисты.

Голос в телефонной трубке стал для меня спасением в этот момент. Отплакавшись и посетовав на нестыковки, я благодарю Татьяну Павловну, и мы с ней договариваемся, что я обязательно позвоню, когда все прояснится.

Идет время. Я жду. В голове какие-то смутные идеи и мысли. Врача нет. Передвигаться невозможно. Потеряла счет времени. Звонок Татьяны Павловны.

– Какие новости? Что говорит доктор?

Она бодрым голосом убеждает меня, что все нормально. И затем мы начинаем уже более спокойно обсуждать сложившуюся ситуацию. Так случилось, что я пошла на консультацию одна. Татьяна Павловна советует обратиться к персоналу с просьбой вызвать такси на обратную дорогу. И слова вроде обычные, но сам тон, авторитетное мнение, твердость вызывают убеждение, что все идет правильно.

Замечу, что в это время Татьяна Павловна лежит в постели. Болезнь ее измучила. Сил мало. Но так много духа в этой хрупкой женщине! Мы с ней поговорили и кладем трубки.

Время тянется страшно медленно. Где же врач? У него перерыв на обед. Фантастика! Пациентка ждет 4 часа, не может с места тронуться, а доктор обедает. Ну да ладно!

Звонок. Третий! Мне становится очень неудобно, что она так волнуется за меня. Я ведь знаю, что ей самой очень тяжело и больно. Поэтому перевожу разговор на ее проблемы.

– А как Ваши дела? Какие перспективы? Что говорит доктор?

Понимаю насколько ее проблемы страшнее моих. Она держится отлично, но говорит, что уже почти нет сил. Очень хочется в Майкоп. Домой. В родной двор. Дома ведь и стены помогают! Поддерживаю ее, как могу. Мы долго беседуем, как мне кажется, с радостью понимания. Доверяя и сопереживая, мы с ней потянулись друг к другу, как очень близкие люди. Беседуем около получаса. Отбой. Томительное ожидание. Почему я решила, что мне никто не нужен во время обследования? И никто не звонит, как назло! А в обычное время телефон просто разрывается от звонков. Тянется и тянется бесконечное ожидание… И вдруг!

– Ольга Валерьевна, я не могу ни о чем думать! Все время возвращаюсь к нашему с Вами разговору о смысле человеческой жизни.

Я удивлена. Татьяна Павловна не просто сложившийся человек. Великолепный историк, жена, мама. Какие же сомнения по поводу того, что делается?

– Татьяна Павловна, Вы хотите изменить свою жизнь?

– Да. Знаете, я ведь могу заниматься социальными проектами! Только бы мне встать на ноги!

Для меня это открытие. В ее голосе чувствуется решимость. Энергия заряжает надеждой и меня. И правда, если с глазами не наладится – займусь чем-нибудь другим. Разговариваем с нею бодро, с юмором и самоиронией. И совсем не так, как могут говорить попавшие в сложную ситуацию люди.

Вот и доктор! Завершаем с Татьяной Павловной беседу. А на душе хорошо! Есть надежда, что все происходящее не конец света!

Уже после консультации с хирургом (кстати, все оказалось не так уж плохо) еду в такси. Долго. Час пик. И опять раздается звонок.

– Каковы результаты? Вот видите, все не так плохо! Вы молодец, что не остановились на ростовских клиниках.

Не могу разговаривать на личные темы при посторонних. Водителю, похоже, все равно, а мне – нет.

– Татьяна Павловна, я перезвоню Вам из дома.

Вечер. Улеглись волнения. Спала режущая пелена с глаз. Я успокоилась. Огромное желание услышать ее голос. Звоню сама.

– Добрый вечер!

И мы снова, взахлеб, разговариваем и разговариваем, как школьницы-старшеклассницы. Скоро лето!

– Татьяна Павловна, мы с Вами обязательно поедем в «Затерянный мир» (историко-этнографическая база в хуторе Пухляковском). Будем пить чай на веранде. Будет тихо, тепло, кругом стрекочут букашки.

– Мы обязательно поедем! Да! – отвечает она.

– Я возвращаюсь домой и обязательно приду к Вам.

– Да, обязательно заходите. Мне тяжело в четырех стенах.

– Спасибо Вам!

– И Вам огромное спасибо! Спокойной ночи! –

Отбой. Шесть телефонных разговоров за один такой сложный для меня день… Такая поддержка! Сила. Уверенность в благополучном исходе. Доверие. Открытость. Искренность. Что-то меняют такие беседы. Этот апрельский день и меня в чем-то изменил. Нужно верить. Меняться. Не бояться нового. Делать хорошо любое дело. Уметь протянуть руку помощи. Даже по телефону.

Мы с ней больше не увиделись. Хрупкая мужественная женщина. Она за один день стала мне родным и близким человеком. Ловлю себя на мысли, что мне очень хочется поговорить с нею. Хотя бы однажды…

Тепло. Тихо. Стрекочут букашки. Пустая веранда. «Затерянный мир». Ее нет…

Впечатления о встрече

И.В. Лиджиева

Ноябрь 2013 г. Краснодар. VII Международная научная конференция «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР 1953–2013 гг.: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства». Участники конференции неторопливо подтягиваются к началу. Познакомились с учеными из Ростова-на-Дону. Первые впечатления о Татьяне Павловне – интересный человек, с искрой в глазах.

Сама атмосфера конференции была камерная и очень теплая… хотелось слушать, задавать вопросы и делиться наработками… Мои впечатления о Татьяне Павловне подтвердились уже в ходе работы. По ее выступлению я сначала решила – «полевик», далее – еще и любитель «архивной пыли». Общее впечатление в конце конференции – Историк! Неугомонный, интересующийся, ищущий, анализирующий!

Встреча с удивительным человеком

В.В. Шапаренко

С Татьяной Павловной знакома была недолго. Вначале заочно, мы работали над рубрикой научного журнала, и всегда это было чрезвычайно плодотворное общение сродни «мозговому штурму».

Наша личная встреча состоялась лишь однажды, когда кафедра истории Сочинского государственного университета праздновала выпуск молодых учителей истории и окончание 2012/2013 учебного года. Татьяна Павловна приехала в Сочи интервьюировать одного из глав местной национальной общины и посетила весь наш коллектив. Я увидела небольшую, тонкую, хрупкую и очень живую женщину. Как оказалось чуть позже, с мощным внутренним началом.

Беседа наша с коллегами и Татьяной Павловной касалась различных областей исторического знания, начиная от Византии и расселения славян до современности. При обсуждении каждого вопроса реакция Татьяны Павловны была молниеносной, открывала не только глубину кругозора, но точность, остроту, масштабность ее невероятного, как мне показалось, неженского ума.

Касались в разговоре проблемы немотивированных и не слишком прилежных студентов. Мнения коллег разделились, а позиция Татьяны Павловны была однозначной и принципиальной: нет плохих студентов и непоправимых педагогических ситуаций, задача педагога – обучать и находить правильные решения.

Особенно запомнилось: когда речь зашла о состоянии научно-педагогических кадров в столицах и на периферии, Татьяна Павловна сказала, что, по ее мнению, сейчас не в столице, а в провинции творится и созидается что-то удивительное, новое, апробируются исследовательские методы, появляются интересные ученые.

Татьяна Павловна, без сомнения, оставалась незаурядным человеком. Имея высокий статус доктора наук и ведущего научного сотрудника ЮНЦ РАН, она с величайшей скромностью говорила о себе не более как об исследователе, хотя являлась уникальным ученым – исследователем академического масштаба. Даже недолгая встреча с таким человеком, как Татьяна Павловна, остается в памяти на всю жизнь.

Воспоминания о Татьяне Павловне

Ю.С. Панфилова

Мое знакомство с Татьяной Павловной можно назвать случайным. Не получив возможности проходить производственную практику «поближе к дому», я попала в число тех, кого преподаватели факультета социологии и политологии направили в ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Помню, как, прилично опоздав, я робко постучала в нужную дверь. Войдя в кабинет, я увидела хрупкую женщину, сидящую перед большим монитором. «Чем Вы занимаетесь в университете?» – поинтересовалась она. Поняв, что мои студенческие чаяния слабо связаны с научными направлениями, разрабатываемыми в ИСЭГИ, она спросила: «Что будем делать с Вами?» В ответ на мой грустный вздох я получила задание и была отпущена домой на две недели.

Как я узнала позже, моя работа стала маленькой частью проекта «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики». К слову сказать, на тот момент я слабо представляла значение ключевого термина, а проблема нациестроительства в истории нашей страны была для меня во многом нова. Спустя две недели мое задание было выполнено и представлено на строгий суд Татьяны Павловны. Каково же было мое удивление, когда она предложила мне продолжить работать вместе!

Около полугода под ее чутким руководством разрабатывался банк данных проявлений незавершенности нациестроительства в регионе. Результаты этой работы были представлены на конференции базовых кафедр ЮНЦ РАН. Отложив свои многочисленные дела, она не единожды отрабатывала со мной мой доклад. Панически боясь публичных выступлений, я попросила Татьяну Павловну быть в зале и смотреть на меня. Навсегда запомню ее ободряющий взгляд…

После завершения работы над банком данных Татьяна Павловна часто предлагала мне разного рода работу. Помню, как я расшифровывала для нее серию глубинных интервью. Переслушивая сейчас эти записи, ее быструю, напористую речь, четко, со знанием дела поставленные вопросы, я осознаю для себя, насколько увлеченным, горящим идеей ученым была эта женщина. Ее желание докопаться до сути, понять причины было настолько заразительным, что даже сейчас, работая над какой-либо проблемой, я думаю: а как бы поставила здесь вопрос Татьяна Павловна?

Несмотря на свою занятость, Татьяна Павловна всегда находила время, чтобы спросить, как дела, учеба, поздравить с праздниками. Иногда спрашивала, как дела на «личном фронте». Почему-то запомнился эпизод, произошедший в то время, когда мы работали

над банком данных. В одну из встреч Татьяна Павловна спросила, собираюсь ли я связать свою жизнь с наукой. Я ответила, что собираюсь, и тогда Татьяна Павловна сказала: «Если действительно хочешь посвятить жизнь науке, то знай, что больших денег ты здесь не заработаешь». «Как же тогда устроиться в этой жизни?» – спросила я. «Можешь попробовать удачно выйти замуж», – с улыбкой ответила она. «Это не мой путь», – возмутилась я. Помню, она посмотрела на меня долгим взглядом и серьезно сказала: «Тогда ты проживешь во многом трудную, но наполненную и интересную жизнь».

Известие о том, что Татьяны Павловны больше нет, стала для меня ошеломляющей неожиданностью, ведь начав работать в университете, я редко забегала в ЮНЦ и не знала, что в последнее время она боролась с тяжелым недугом. За это время мы созванивались не один раз, но ни в одном телефонном разговоре я не заподозрила отчаяния и большой беды: Татьяна Павловна, как всегда, шутила, а в ее голосе звучал рабочий настрой. Может быть, поэтому осознание ее ухода до сих пор не приживается во мне: каждый раз, проходя мимо здания ЮНЦ на Чехова, я невольно представляю, как она работает за своим столом возле окна, слышу ее бодрый голос и обрываю в себе желание зайти…

Какую роль сыграло в моей жизни знакомство с Татьяной Павловной? Прежде всего, и за это я буду благодарна ей всю жизнь, она стала одним из первых людей, кто рассмотрел во мне человека, способного на что-то большее, чем хорошо писать студенческие работы. Ее вера в меня, даже несмотря на мои неудачи и промахи, иногда в разы превышала мою собственную уверенность в своих силах. Но помнить ее я буду не только за это. В моих глазах Татьяна Павловна стала примером того, как преодолевает внешние трудности человек, горящий идеей: в тяжелое для Академии наук время, когда многие исследовательские коллективы были вынуждены выживать, Татьяна Павловна не опускала руки и не бросала начатое. Тогда мне казалось это естественным для увлеченных своим делом людей, но только став старше, я осознала, насколько трудно сохранять веру в важность и нужность того, что ты делаешь, когда волей судьбы ты становишься объектом неоднозначных реформ. И да, именно со знакомства с Татьяной Павловной началось мое увлечение историей Северного Кавказа.

Я до сих пор храню ее визитку…

Актуальные проблемы исторической науки сквозь призму исследований Т.П. Хлыниной

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

К вопросу о «провале» административной реформы 1840 г. в Закавказье

О.В. Матвеев, В.С. Кондусов

В 2012 г. в издательстве Южного научного центра Российской академии наук вышла монография «Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона». Написанная коллективом ведущих ростовских исследователей, душой которого выступила известный историк-кавказовед Татьяна Павловна Хлынина (1967–2015), работа подвела итоги многолетнему изучению российских практик формирования системы управления регионом. Авторы обогатили традиционные подходы к истории северокавказской окраины свежими методологическими концептами (фронтирные области и элиты, имперское пространство, централистская и регионалистская формы интегрирования, поиски оптимальной хозяйственно-административной модели управления и пр.), рассмотрели достижения и просчеты территориально-национального строительства царской России, Советского Союза и Российской Федерации.

Привлекает в этом исследовании и стремление постичь логику кавказского прошлого через позицию «вненаходимости», приглашение к дальнейшим размышлениям «о непростых судьбах одного из наиболее любопытных и интригующих воображение исследователей регионов страны»[1]. Откликаясь на этот призыв и отдавая тем самым дань памяти безвременно ушедшего коллеги и друга, мы обратились к одному из сюжетов монографии, связанных с административной реформой 1840 г. Преобразования, которые в исследовании приписываются одному сенатору П.В. Гану, признаются авторами книги «крайне неудачными» и «провальными»[2].

[1] *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012. С. 6.

[2] Там же. С. 52, 54.

Представляется, что в данном случае уважаемые коллеги следовали в русле сложившейся в историческом кавказоведении традиции негативных оценок периода управления Кавказом генерала Е.А. Головина, который вынужден был проводить в жизнь реформу 1840 г.

Эта традиция была заложена современником генерала, государственным деятелем николаевской эпохи бароном М.А. Корфом, на глазах которого разворачивалась история с оформлением нового Учреждения об управлении Закавказьем. М.А. Корф отметил в своих записках: «Многое на деле оказалось не соответствующим местным нуждам, даже невозможным в исполнении, другое, противное нравам и навыкам жителей, возбудило ропот, недоразумения, вящие неустройства; партия приверженцев старого порядка полагала всемерные преграды введению нового, частью из личных видов; определенные после преобразования чиновники выказались, по большей мере, или неспособными, или безнравственными; народу, лишенному прежней азиатской расправы, окутанному неизвестными ему формами, подверженному новым притеснениям, стало еще хуже и тяжелее, чем когда-либо; наконец, Головин, нерешительный, слабый, игралище партий, вместо решительного рассекателя Гордиевых узлов являлся везде или орудием чужих страстей, или бездейственным зрителем»[1].

Именно с подачи М.А. Корфа в дореволюционной и отчасти в современной историографии сложилось мнение, что реформа административно-политической системы в Закавказье 1840 г. полностью провалилась. Кавказовед Е.Г. Вейденбаум называл ее «печальной памяти реформа»[2], а В.Н. Иваненко отметил: «Не прошло и четырех лет, как архитектурное здание гражданского управления, воздвигнутое Ганом без всякого внимания к местным условиям, превратилось в груду развалин»[3]. Современный азербайджанский историк Сулейман Алиярлы один из разделов своей главы в коллективной монографии по истории Азербайджана назвал «Неудача реформы 1840 г.»[4].

Между тем известно, что М.А. Корф был далеко не беспристрастен в описании государственных деятелей эпохи Николая I[5].

---

[1] *Корф М.А.* Записки / под ред. И. Захарова. М., 2003. С. 330.

[2] *Вейденбаум Е.Г.* Кавказские этюды / сост. и вст. ст. С.В. Болгачева. Пятигорск, 2013. С. 337.

[3] *Иваненко В.Н.* Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк // Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. В.А. Потто. Тифлис, 1901. Т. XII. С. 307.

[4] История Азербайджана с древнейших времен до 70-х гг. XIX в. Изд. 2-е / под ред. С. Алиярлы. Баку, 2009. С. 626.

[5] *Ружицкая И.В.* М.А. Корф и его дневник // Корф М.А. Дневник 1838 и 1839 гг. / под ред. И.В. Ружицкой. М., 2010. С. 11.

Чувствуется личная неприязнь, когда М.А. Корф перечисляет Е.А. Головина в перечне корпусных командиров как людей посредственных «или еще ниже посредственности как в мирное, так и в военное время»[1]: здесь он явно несправедлив. Если бы Головин был посредственностью, слабым и нерешительным военачальником и администратором, его бы не назначили на знаковую должность командира Отдельного Кавказского корпуса, он не мог бы усмирить восстание в Самурзаканском округе, не выдержал бы ожесточенного сражения при Аджиахуре, не разгромил Шамиля на Хубарских высотах. Документы в фондах Российского государственного исторического архива позволяют утверждать, что Головин отнюдь не был слепым исполнителем навязываемых ему решений, старался отстоять собственное видение местных проблем. Так, 29 октября 1838 г. в рапорте военному министру графу А.И. Чернышеву Е.А. Головин представил 7 предложений по управлению пшавами, тушинами и хевсурами, где среди прочих пунктов посчитал необходимым подчинить эти народы «одному Начальнику под названием пристава Тушино-Пшаво Хевсурского с двумя помощниками»[2]. Главноуправляющий считал крайне важным «распространить власть его с предоставлением права за непослушание и небольшие проступки жителей, вверенных его управлению, по древним обычаям наказывать телесно и взыскивать штрафы, которые поступать будут на украшение церкви»[3]. Рапорт Е.А. Головина был отдан на рассмотрение считавшемуся в Петербурге специалистом по Кавказу П.В. Гану, тот внес свои поправки, а 6 декабря 1838 г. А.И. Чернышев ответил Е.А. Головину. Практически все предложения главноуправляющего были приняты, за исключением введения должности одного пристава. Военный министр писал, что государь император «Высочайше повелеть соизволил <…> оставить эти племена по-прежнему в управлении двух приставов: Тушинского и Пшаво-Хевсурского, выбирая их из способных офицеров; а не туземцев; ибо подчинение же сих племен одному приставу Его Величество находит неудобным, как по отдаленности их и трудности сообщений, так и по различной степени гражданственности, неодинаковым характерам и образу жизни означенных племен»[4].

Казалось бы, высочайшая воля определена, основная часть предложений принята, остается только исполнять. Однако Головин в рапорте 16 февраля 1839 г. вновь пытается аргументировать свою позицию: «Распоряжение мое о подчинении Тушин, Пшавов и Хевсур

[1] *Корф М.А.* Дневник 1838 и 1839 гг. С. 446.

[2] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 20об.

[3] Там же.

[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 27.

одному военному приставу сделано было с тем, чтобы полицейская власть сосредоточилась в одном лице, подчинить кордонному начальнику, коему поручено охранение границ Кахетии и самих Тушин; оно нисколько не касалось гражданского управления, разумея под сим тяжебные дела по важным уголовным преступлениям»[1]. Эти народы, писал Е.А. Головин, предоставлены «сами себе, жили в непрестанных между собою раздорах и от того не могли защититься от хищных своих соседей, чему был пример в прошлом 1837 году. Что касается до степени гражданственности, отличающей якобы Пшавов и Хевсуров от Тушин, то я, по сведениям самым основательным и сомнению не подверженным, смею уверить, что различия этого не существует, образ жизни и нравы их одинаковы. Общий между ними обычай украшать внутренность домов своих отрубленными руками неприятелей своих показывает, на какой степени они находятся в гражданском быту»[2]. На горские племена Закавказья главноуправляющий смотрит с цивилизаторских позиций (акцент на неуправляемость и дикие обычаи), но для нас важно, что Головин не только подвергает сомнениям высочайшее повеление, но и ставит правительство в известность, что он уже ввел своим распоряжением должность единого пристава!

В ответ А.И. Чернышев, не скрывая раздражения, пишет Е.А. Головину 11 марта 1839 г.: «Милостивый Государь Евгений Александрович! Рассмотрев отзыв Вашего Превосходительства от 16 минувшего февраля, я нахожу, что он существенно содержит в себе: во-первых, опровержение начал, по коим разрешено устроить управление Тушинами, Пшавами и Хевсурами, и, во-вторых, о том, может ли в дальнейшем по видам, Вами изложенным, там где встречается надобность, некоторых из Горских племен особое начальство для приведения их в прямую зависимость и для управления диких их обществ, хотя порядок управления означенными племенами, предписанный с Высочайшего разрешения, не мог бы подлежать ныне никаким суждениям»[3]. Чтобы поставить точку в споре с главноуправляющим Грузией и закавказскими провинциями, А.И. Чернышев напомнил, что все остальные предложения Головина были приняты и лишь «предположение Ваше по сему предмету изменено только тем, что вместо предназначавшегося вами одного начальника, управление разделено между двумя приставами»[4].

Согласно существующей бюрократической системе Е.А. Головин должен был принять в расчет обвинение в «опровержении

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 34об.

[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 35об.–36.

[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 38–38об.

[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 38об.

высочайших начал», так поступил бы, если следовать логике М.А. Корфа, «генерал ниже посредственности». Но «нерешительный» и «слабый», по словам Корфа, «орудие чужих страстей», Головин неожиданно проявляет твердость в отстаивании своих решений. 24 августа 1839 г. он пишет из Тифлиса военному министру: «Одни только слухи о разделении управления Тушин и Пшаво-Хевсур между двумя приставами, распространившиеся среди этих <…> горских племен, ослабили в них повиновение до того, что совершенно препятствовали сбору предположенной Тушино-Пшаво-Хевсурской милиции, чрез что он, Начальник Лезгинской кордонной линии, поставлен был в затруднительное положение, будучи лишен совершенно неожиданно содействию <…> племен, прославившихся храбростию»[1]. Указывая на опасность вторжения лезгин в Кахетию, Е.А. Головин сообщает А.И. Чернышеву: «Я нашел необходимым приостановить распоряжение это (о двух приставах. – *В.К., О.М.*) впредь для удобнейшего времени, когда с принятыми мерами спокойствие Кахетии прочно утвердится»[2]. При этом главноуправляющий указывает на необходимость принимать во внимание сложившиеся местные традиции и условия: «При объезде всего вверенного мне края я убедился, как трудно и даже опасно в управлении <…> народами, в нем обитающими, не сложившими еще оружия и всегда готовыми обратить его против власти, над ними господствующей, руководствоваться другими правилами кроме тех, кои указываются местными потребностями и укоренившимися обычаями. Поступая иначе и с самыми благонамеренными видами, можно изменить существенным пользам общего государственного дела»[3]. Как видим, забота о государственных интересах для Е.А. Головина была важнее слепого иерархического исполнения, и его фигура вовсе не укладывается в оценки «нерешительного бездейственного зрителя». Показательно, что в приведенном примере генерал сумел на время настоять на своем. 11 сентября 1839 г. военный министр сообщал Е.А. Головину: «Его Величество <…> повелеть соизволил: управление Тушинами и Пшаво-Хевсурами оставить, впредь до времени, в ведении одного начальника, согласно предположению Вашему; дальнейшее же рассмотрение обстоятельств сего дела отложить до прибытия Вашего Выскокопревосходительства в Санкт-Петербург»[4].

Генерал Е.А. Головин прибыл в Тифлис, когда происходил поворот в политике русского правительства в Закавказье. После вхождения

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 40об.

[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 41.

[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 41об.

[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 88. Л. 47.

закавказских провинций в результате русско-иранских и русско-турецких войн первой трети XIX в. в состав империи становилось очевидным несоответствие введенного в крае разнообразия систем управления новым политическим и экономическим установкам[1]. В 1837 г. обсуждался проект об устройстве Закавказского края, разработанный членом Государственного совета сенатором П.В. Ганом. Проект предусматривал полную унификацию системы управления в Закавказье с внутрироссийской, русификацию края без учета этнографических, культурных и социально-экономических особенностей Закавказья, своеобразия в управлении и законодательно-правовой сфере. Вмешательство предшественника Е.А. Головина на посту главы кавказской администрации барона Г.В. Розена сильно затянуло окончательное оформление этого проекта. Успевший глубоко ознакомиться с местными особенностями, Г.В. Розен выступал против поспешной и радикальной ломки сложившейся системы управления. На все предложения комиссии П.В. Гана о скорейшей унификации с имперской системой управления барон предлагал «сообразоваться с местными обстоятельствами и понятиями жителей»[2].

Г.В. Розен, в частности, настаивал на сохранении местных судов, основанных на обычном праве[3]. Однако П.В. Ган, доложивший императору о беспорядках и злоупотреблениях на Кавказе, по сути, способствовал увольнению Г.В. Розена с должности. Препятствие к реализации проекта было устранено, а вновь назначенного главноуправляющего Кавказским краем П.В. Ган в расчет не брал. Е.А. Головина амбициозный сенатор считал малоопытным и не уверенным в себе администратором, не представлявшим угрозы проекту об устройстве Закавказского края. Дореволюционный исследователь реформы Гана-Головина В.Н. Иваненко писал, что когда проект был передан на заключение Е.А. Головину, новый главноуправляющий Кавказским краем не представил никаких возражений[4]. Однако этому историку, по-видимому, не были знакомы дела фонда Кавказского комитета, хранящиеся ныне в РГИА.

30 декабря 1839 г. в Санкт-Петербурге Е.А. Головин представил на обсуждение обширную записку «Об управлении Кавказским и Закавказским краем». В этом документе, во-первых, необходимость унификации управления увязывается с учетом местных политических и конфессиональных условий. Е.А. Головин указывает,

[1] Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1998. С. 261.

[2] Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (далее – АКАК). Тифлис, 1881. Т. VIII. № 58. С. 79.

[3] Национальные окраины Российской империи. С. 262.

[4] *Иваненко В.Н.* Гражданское управление Закавказьем ... С. 292.

что «Закавказские провинции, столь разнообразные между собою, совершенно чуждые нам по свойству обывателей, край населяющих, нравам, обычаям, а большая часть и по религии. Здесь одна только Грузия, ранее других поступившая под власть России, связанная притом с нами единоверием, получила гражданское образование, основанное на общих началах губернского учреждения, с некоторыми местными изъятиями. В других областях и провинциях, населенных большею частию народами Магометанского исповедания, покоренных силою оружия или добровольно признающих власть Империи, но не всегда твердых в своей покорности и часто изменявших долгу верноподданства, управление образовалось разновременно, по обстоятельствам, приличное тогдашнему положению областей, волновавшихся безначалием и требовавших управления, в котором бы власть военная и гражданская соединены были вместе»[1]. Во-вторых, Е.А. Головин отдает должное усилиям своего предшественника и указывает на необходимость иметь «в виду предложения Генерал-адъютанта барона Розена об улучшении управления магометанскими народами»[2]. Здесь прослеживается явное нежелание следовать в русле только лишь проекта П.В. Гана.

Как вспоминал В.С. Толстой, «ревизовавший гражданское управление барона Розена сенатор барон Ган был оставлен в Закавказье ознакомить Головина со всей грязью, им открытой, что он и исполнил. Но, несмотря на его близкое исследование края, он только указывал на зло, но не мог придумать средства устранить это зло и указать на личности из тамошних служащих, в состоянии способствовать вести порядок»[3].

Е.А. Головин предлагал не критиковать существующие пороки организации власти в Закавказье, на чем был во многом построен проект П.В. Гана, а тщательно их изучить: «Я не считаю здесь нужным входить в разбирательство недостатков этого управления, потому что предмет сей подлежит рассмотрению особой Комиссии, на сей счет учрежденной»[4]. Не случайно Комитет по устройству Закавказского края в конце 1839 г., воспользовавшись приездом Е.А. Головина в столицу, возвратил проект П.В. Гану, предложив переделать его совместно с главноуправляющим Кавказским краем. При этом с подачи графа П.Д. Киселёва Е.Д. Головину и П.В. Гану предлагалось учесть следующие пожелания:

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 39. Л. 156об.

[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 39. Л. 154об.

[3] Кавказские записки декабриста В.С. Толстого (публ. В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Россия и Северный Кавказ / под ред. О.М. Рапова. М., 2000. С. 123.

[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 39. Л. 157об.

1. Дать территориям с мусульманским населением управление, «сходное с существующим» и «применяясь к действительным нуждам и понятиям жителей».

2. Не торопиться распространять на эти провинции действия имперского законодательства, «предоставив жителям в делах тяжебных разбираться у полицейских властей или в словесных народных судах по своим законам и обычаям».

3. В местностях с христианским населением «допустить в делах тяжебных применение грузинских законов и обычаев в пределах крайне необходимых и точно очерченных»[1].

В результате, по справедливому мнению ряда современных исследователей, «был разработан крайне осторожный в своих основных положениях проект, который после обсуждения в Государственном совете Николай I утвердил»[2]. 10 апреля 1840 г. проект стал законом.

Реформа 1840 г. существенным образом меняла далекую от совершенства административно-политическую систему Закавказья. Закавказский край был разделен на две части: «Одну губернию, под наименованием Грузино-Имеретинской, и одну область, под наименованием Каспийской»[3]. Грузино-Имеретинская губерния, в которую помимо территорий Восточной Грузии была включена часть азербайджанских и армянских земель, с центром в Тифлисе состояла из 8 уездов и 3 округов. Каспийская область, куда вошла большая часть территории Северного Азербайджана, с центром в г. Шемахе, включала 7 уездов. За главноуправляющим, назначаемым и увольняемым императором, сохранялось верховное управление Закавкасзким краем с правами генерал-губернатора внутренних губерний. «Главный Начальник всего Закавказского края, – говорилось в Учреждении, – есть Главноуправляющий, заведывающий всеми гражданскими и пограничными делами. Вместе с тем он есть Председатель Совета Главного Управления и Командир отдельного Кавказского корпуса»[4]. «По отдаленности и особым обстоятельствам Закавказского края» главноуправляющий мог отменять «постановления губернских правительствующих мест, на основании общих законов состоявшиеся, и распоряжения свои приводить в исполнение, под личною за все последствия ответственностию, с тем чтобы о каждом таковом по распорядительной части отступлении от общих постановлений или законов он, Главноуправляющий,

[1] *Иваненко В.Н.* Гражданское управление Закавказьем ... С. 293.

[2] Национальная политика России: история и современность / рук. авт. колл. С.В. Кулешов. М., 1997. С. 87.

[3] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2. Т. XV. Отд. 1. 1840. СПб., 1841. Ст. 13 368. С. 237.

[4] Там же. С. 239.

непременно доносил Правительствующему Сенату и уведомлял Министров по принадлежности, с изложением причин, побудивших его прибегнуть к таковой мере»[1].

Никаких грузинских и мусульманских законов Учреждение не признавало, лишь для бракоразводных и семейных дел оставались шариатские суды. В § 251 Учреждения отмечалось: «Жителям, исповедывающим Магометанскую религию, предоставляется право во всех между ними спорах и тяжбах и в делах семейных по разделу имений, по несогласию родителей с детьми и между супругами искать удовлетворения и разбираться в духовном суде Шаро или Шариат»[2]. Порядок судопроизводства в Закавказском крае определялся «общими правилами, для судебных дел установленными, с некоторыми лишь изъятиями для сокращения форм и обрядов»[3]. Магальные наибы, диванные беки и другие представители местных привилегированных сословий, которых ранее привлекали в качестве экспертов и помощников, были заменены русскими чиновниками. Вместо магальных наибов вводилась должность участкового заседателя, вместо провинциального коменданта – уездные начальники.

В 1840 г. Е.А. Головину «в воздаяние долговременной, ревностной и полезной службы, ознаменованной неусыпными трудами по званию главноуправляющего за-Кавказским краем и непосредственным участием в составлении проекта нового учреждения для управления за-Кавказских наших владений» были пожалованы алмазные знаки Александра Невского. В 1841 г. он за введение этого учреждения был награжден орденом Владимира 1-й ст.[4]

Одним из главных аргументов сторонников версии о провале реформы 1840 г. являются факты широкого протеста против ее реализации в начале 1840-х гг. В.Н. Иваненко отмечал: «Новое учреждение вызвало всеобщий ропот: жаловался народ, жаловались чиновники, жаловался и приходил в отчаяние сам Головин. Страшный формализм опутал всю правительственную систему – никто не смел подать просьбу даже уездному начальнику, минуя участкового заседателя. В Гурии вспыхнул бунт; в Осетии и Белоканах произошли волнения; повсюду появились разбойничьи шайки. Явный разбойник выходил из суда оправданным, по неимению формальных, предустановленных законом доказательств. Народ как будто сговорился не выдавать нам своих преступников, прибегая к лжесвидетельству и к подкупу судей. Оправданных было приказано держать

[1] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XV. Отд. 1. 1840. СПб., 1841. Ст. 13 368. С. 239.

[2] Там же. С. 258.

[3] Там же. С. 259.

[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 150. Л. 62об.

в тюрьмах, в явную насмешку над затейливой и тонко придуманной судебной реформой»[1].

Наиболее показательной реакцией на новое Учреждение считается Гурийское восстание 1841 г. Поводом послужило введение в Гурии денежной системы обложения. Восстание, начавшееся 22 мая, скоро охватило всю Гурию. Крестьяне отказывались платить казенные подати. Повстанцы (более 7 тыс. чел.) захватили все укрепленные места Гурии. 9 августа 1841 г. при деревне Гогорети они заставили отступить отряд полковника Брусилова[2]. В крае за исключением Озургети власть помещиков и чиновников фактически была ликвидирована, и правление сосредоточилось в руках «Главного штаба», руководившего восстанием. Несмотря на эти успехи в конце сентября Гурийское восстание было подавлено силами кавказских войск и местных ополчений. Исследователи, занимавшиеся изучением Гурийского восстания, традиционно обличали колониальную политику царизма, национальный и помещичий гнет гурийцев, однако мало кто обращал внимание на результаты расследования, проведенного Е.А. Головиным после мятежа. В рапорте военному министру А.И. Чернышеву 26 октября 1841 г. Е.А. Головин сообщал, что «по окончании военных действий в Дагестане» он отправился «в Кутаис для личного обозрения дел по возникшим там беспорядкам»[3]. Командир Отдельного Кавказского корпуса установил, «что все крестьяне Саабекского участка Кутаисского уезда, раскаявшись в безрассудстве своем, не только внесли всю следующую с них в земскую повинность денежную сумму; но даже большая часть из виновных и самые подстрекатели к неповиновению по призыву правительства находятся ныне в составе Имеретинской милиции, собранной для наказания бунтующих Гурийцев»[4].

Е.А. Головин «вполне убедился, что возложенная на них денежная земская повинность нисколько не обременительна». Командующий приказал генерал-майору Каханову «не приступать уже к следствию, ибо производство следствия в настоящее время может возродить новые неудовольствия, а возвратиться в Тифлис»[5]. Наказание участников выступления было относительно мягким. Жителей Саабекского участка, пишет Е.А. Головин, заслуживших некоторым образом снисхождение к своему невежеству и неведению законов, «я отставил от суда и следствия свободными, поручив Кутаисскому уездному начальнику внушить им, чтобы они впредь не осмеливались уклоняться от исполнения требования начальства

[1] *Иваненко В.Н.* Гражданское управление Закавказьем ... С. 298.

[2] *Хачапуридзе Г.* Гурийское восстание в 1841 году. Тбилиси, 1931. С. 57–58.

[3] АКАК. Т. IX. Тифлис, 1885. № 204. С. 176.

[4] Там же.

[5] Там же.

и чтобы теперешний свой поступок загладили усердием»[1]. Лишь «главнейших виновников и подстрекателей <…> крестьян Рамаза и Сехниа Двалишвили, дерзнувших явиться вооруженными к своему начальству, оказать земской власти ослушание и участвовать в преступной богопротивной присяге, приказал я наказать в своем селении каждого по сто ударов розгами и, водворив на прежнем месте жительства, внушить им и их односельцам, что подобных беспорядков я не буду прощать, если они опять впадут в пагубное для них преступление. Собственно же в Гурии жители еще до моего прибытия в Кутаис, при движении наших войск к Озургетам, разошлись по своим селениям»[2].

Движение отряда князя Аргутинского в Гурии, сообщал Е.А. Головин военному министру 7 октября 1841 г., было «совершено благополучно, и не только без сопротивления жителей, но даже с некоторою помощью при разработке дорог, что было исполнено ими по первому приказанию»[3]. 17 октября 1841 г. графу Строганову Е.А. Головин писал: «Спокойствие между жителями водворилось; они обратились к своим занятиям и обязанностям, и земская власть возымела свое действие в надлежащей силе»[4]. Сообщая военному министру 5 декабря 1841 г. о захвате князем Аргутинским-Долгоруким зачинщиков мятежа, Е.А. Головин отмечал, что «о поимке остальных зачинщиков бунта приняты надлежащие меры, которым жители не только не противятся, но даже сами способствуют»[5]. В отношении наказания зачинщиков Е.А. Головин не хотел переусердствовать. В своем рапорте А.И. Чернышеву он писал, что имел возможность принять суровые меры, сославшись на § 18 Учреждения для управления Закавказским краем 10 апреля 1840 г.[6], согласно которому «в обстоятельствах чрезвычайных, главноуправляющий уполномачивается действовать всеми вверенными ему средствами, не ожидая разрешения высшей власти, если исполнение по свойству дела не может быть отложено без важного вреда или ущерба»[7].

Однако при этом Головин запрашивал Петербург: «Каким судом следует судить пойманных зачинщиков бунта в Гурии, военным или гражданским, так как теперь по укрощению бунта в Гурии, действия порядка гражданского восстановлены»[8]. По-видимому,

[1] АКАК. Т. IX. Тифлис, 1885. № 204. С. 176.

[2] Там же.

[3] Там же. № 205. С. 176.

[4] Там же. № 206. С. 177.

[5] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 172. Л. 2.

[6] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 172. Л. 2–2об.

[7] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XV. Отд. 1. 1840. СПб., 1841. Ст. 13 368. С. 240.

[8] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 172. Л. 3.

он осознавал недостаточную правовую базу карательных полномочий главноуправляющего согласно Учреждению 10 апреля 1840 г., поэтому решил подстраховаться. Резолюция императора на запрос Головина также свидетельствует о том, что Учреждение для управления Закавказским краем не на все давало прямые ответы: Николай I «Высочайше повелеть соизволил: вопрос сей рассмотреть во всех подробностях в Комитете об устройстве Закавказского края и замечания Комитету представить Его Величеству»[1]. Сама постановка вопросов, связанных с правовой базой наказания виновников мятежа, плохо работает на образ Головина как «посредственности» и «бездейственного зрителя».

Впоследствии Е.А. Головин утвердил приговор суда над участниками восстания, согласно которому 34 человека были приговорены в зависимости от степени вины к наказанию шпицрутенами, направлению в арестантские роты и на каторжные работы в Сибирь, прочие были «освобождены от всякого наказания и отданы на поручительство»[2]. Если принять во внимание, что в мятеже принимали участие до 7 тыс. человек, а в результате нападений на русские укрепления и в стычках с войсками были жертвы со стороны солдат и казаков, мера наказания была сравнительно мягкой.

Не последнюю роль в восстании сыграл внешний фактор. Е.А. Головин сообщал военному министру 19 сентября 1841 г. на основании донесений генерала Коцебу: «О действительных причинах к восстанию распространились различные мнения. Не подлежит, однако же, никакому сомнению, что к первоначальному непослушанию и рассеянию нелепых слухов дало повод введение нового порядка управления и сбора податей, коим воспользовались злонамеренные люди к ложному распространению видов правительства и к вредным внушениям о наборе рекрутском, о постепенном ежегодном увеличении подати и т.д. Партия этих людей увеличилась освобождением по всемилостивейшему манифесту некоторых преступников. Нет сомнения также, что в подстрекательствах подобных участвовали и заграничные турки, а может статься, и другие иностранцы, ищущие возбудить беспокойства в Закавказских наших провинциях и тем более и более затруднить правительство»[3]. Под «другими» неназванными иностранцами подразумевались англичане. В Батуме сидел английский вице-консул Фридрих Гаррачино. Он помог получить повстанцам военное снаряжение и боеприпасы из Трапезунта. Грузинский советский историк Г. Хачапуридзе справедливо отмечал: «Благодаря именно этой помощи гурийские повстанцы

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 172. Л. 10.

[2] *Хачапуридзе Г.* Гурийское восстание в 1841 году. С. 77.

[3] АКАК. Т. IX. № 202. С. 174.

оказались достаточно снабжены оружием, порохом, свинцом; поэтому они могли повести решительное наступление против регулярных русских войск, мегрельской и имеретинской милиции. Надежда на внешнюю иностранную помощь и наличие среди повстанцев турецких вооруженных лиц безусловно способствовали подъему настроения среди восставших и давали им веру в возможность выйти из борьбы победителями»[1].

Таким образом, протестное движение начала 1840-х гг. нельзя связывать лишь с реформой Гана-Головина, здесь были задействованы многие внутренние и внешние факторы, осложнявшие интеграцию Закавказья в пространство Российской империи, процессы трансформации традиционных обществ в условиях неизбежной модернизации этой национальной окраины.

Определенной трансформации подверглись преобразования Е.А. Головина в вопросе о земельных правах местных феодалов – агаларов и беков. Еще в декабре 1839 г. Е.А. Головин сообщал императору: «По жалобам, принесенным Вашему Императорскому Величеству жителями некоторых деревень о притеснении их агаларами, строго подтвердил местным начальникам наблюдать, чтобы Агалары ничем не пользовались более, как предоставлено по положению, в 1817 году для них изданному; деревни, находящиеся в управлении агаларов без разрешения Главного тамошнего начальства, а в особенности населенные армянами, приказал отобрать и принять за правило, чтобы по смерти агаларов, управляющих деревнями, не отдавать оные их наследникам, разве что из уважения к какимнибудь особым достоинствам или заслугам последних, а поставлять над ними старшин по выбору обществ, без предоставления какихлибо прав агаларов, ныне присвоеных»[2]. Реформа Гана-Головина стала проводиться в жизнь актами против земельных прав агаларов и беков. 25 апреля 1841 г. Комитет об устройстве Закавказского края принял постановления об освобождении армянских селений Казахского, Шамшадьилского и Борчалинского участков Грузино-Имеретинской губернии, а также «татарских селений» от управления агаларов. После утверждения императором 23 мая 1841 г. эти постановления стали законом. По этому закону были конфискованы принадлежащие 59 агаларам 102 селения, состоящие из 15 245 семей райятов[3].

Недовольство местных феодалов значительно осложнило здесь российское управление. Появилась опасность совместного выступления беков и агаларов с крестьянской массой против русских

[1] *Хачапуридзе Г.* Гурийское восстание в 1841 году. С. 41.

[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 1.39. Л. 190об.

[3] История Азербайджана с древнейших времен до 70-х гг. XIX в. С. 627.

властей. С 1842 г. последние стали осознавать, что местные беки, «используя свое влияние и исторически сложившийся авторитет среди своих братьев единоверцев», на окраинах, еще окончательно не слившихся с Россией, могут осложнить обстановку[1]. Необходимость использования в качестве социальной опоры беков и агаларов в мусульманских провинциях в корне изменила отношение русского правительства к земельным правам местных феодалов. 2 ноября 1842 г. император Николай I отдал приказ главноуправляющему на Кавказе в вопросе о правах высшего мусульманского сословия исходить из реалий вековых традиций[2].

В том же году император Николай I послал в Закавказье комиссию военного министра князя А.И. Чернышева и статс-секретаря М.П. Позена. В это время Е.А. Головин, М.П. Позен и А.И. Чернышев были завалены просьбами о расширении судебной власти полицейских начальников и об учреждении постоянных судов для решения споров и тяжб не по российским законам, а по местным обычаям. Уступая этим просьбам, А.И. Чернышев приказал уездным судам решать все тяжебные дела на сумму до 200 руб. «без переноса на высшую инстанцию», а Е.А. Головину предложил заняться вопросом об учреждении словесных расправ по выбору жителей «для разбора по местным обычаям»[3].

Комиссия после завершения поездки рекомендовала усовершенствовать систему управления краем. М.П. Позен в докладе императору пришел к выводу, что народы, населяющие Закавказье, столь различны, что к ним не следовало применять однообразный порядок управления и суда. «Единство, – заключал М.П. Позен, – должно заключаться в единстве власти и в единстве цели, но отнюдь не в единстве средств, приводящих к той цели»[4]. В итоге Николай I обвинил П.В. Гана в обмане правительства: «Кроме Гана никто не видел и не знал местности. Одних, кто их знал, – Ермолова и Паскевича – тут не было. Еще виню я и себя; но мне умели представить это в таком виде, что я вдался в обман»[5]. Косвенным образом это сказалось и на отозвании с Кавказа Е.А Головина, хотя император принял во внимание значительный вклад главноуправляющего в укреплении российского влияния в крае. В рескрипте 10 октября 1842 г. об увольнении Е.А. Головина «по расстроенному здоровью» Николай I отмечал: «Отдавая всегда справедливость вашим личным трудам и благонамеренности, Я с удовольствием слышал отзыв

[1] История Азербайджана с древнейших времен до 70-х гг. XIX в. С. 627.

[2] Там же. С. 628.

[3] *Иваненко В.Н.* Гражданское управление Закавказьем ... С. 309.

[4] Цит. по: *Иваненко В.Н.* Указ. соч. С. 300.

[5] *Корф М.А.* Записки. С. 338.

военного министра о том отличном усердии, с коим вы содействовали всеми зависевшими от вас средствами к успешному выполнению возложенного на него поручения в Закавказском крае. Мне приятно было также удостовериться, что во время вашего управления войска Отдельного Кавказского Корпуса оказали значительные успехи в отношении внутреннего устройства и воинского образования; и что распоряжения, в последнее время по военной части сделанныя, оправдали вполне основательность предпринятых мер и должны послужить к прочному утверждению спокойствия и порядка в тамошнем крае. Относя исполнение сего к попечительности вашей и постоянному стремлению довести все части оного сложного управления, которое было вам вверено, до лучшего устройства, изъявляю вам особенное Моё благоволение»[1].

Сам Е.А. Головин, по словам А.П. Ермолова, поначалу почитал реформу «даром небес, ниспосланным для счастья Грузии»[2]. Однако, натолкнувшись на многочисленные жалобы и прямое сопротивление преобразованиям, он, в отличие от П.В. Гана, честно доносил в Петербург «о неудобствах нового устройства»[3]. При этом Е.А. Головин, не снимая с себя ответственности, полагал, что эти «неудобства» «суть более общие для всего края, нежели местные для некоторых его частей; что неудобства сии не обнаруживались, однако дотоле такими явлениями, которые бы требовали мер чрезвычайных, и что сущность их заключается в умножении числа чиновников, в ограничении власти полицейского разбора и в многосложности и неопределенности форм»[4].

Правда, после своего удаления с Кавказа Е.А. Головин позволял себе критические высказывания о реформе 1840 г. А.П. Ермолов писал в феврале 1846 г., что Е.А. Головин «был в знаменитую эпоху законодательства Гана, вспомоществовал ему и после разрушал его сотворение. Он резко доказывает нелепость их»[5]. Возможно, в перемену оценок реформы вмешались личные отношения. П.В. Ган, по свидетельству М.А. Корфа, стремился «сделаться не блюстителем над Головиным, а, с переменою фрака на военный мундир, полным его преемником <…> Прежнее пребывание его за Кавказом не обошлось и без разных неприятных личностей с Головиным: они при расставании окончились, правда, наружной мировой, но Головин никогда не мог забыть, что Ган отправлен был при нем в качестве

[1] АКАК. Т. IX. № 47. С. 42.

[2] *Ермолов А.П.* Кавказские письма 1816–1860 / сост., коммент. Г.Г. Лисициной, Б.П. Миловидова. СПб., 2014. С. 504.

[3] *Корф М.А.* Записки. С. 332.

[4] Там же.

[5] *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 476.

пестуна, и вскоре после его отъезда. Подстрекаемый еще и другими, явно поднял забрало»[1].

А.П. Ермолов считал, что своей постоянной опекой Петербург связывал руки Е.А. Головину. «Жаль бы мне было, – писал А.П. Ермолов М.С. Воронцову, – если бы ты думал, что о Головине позволяю я себе быть невыгодного мнения. Я признаю в нем большим преимуществом то, что ему известны цели и намерения правительства, которое до твоего назначения полномочным представителем руководило каждым действием бессильных твоих предместников»[2].

Анализ преобразований Е.А. Головина в Закавказье показывает, во-первых, самостоятельную роль главноуправляющего в подготовке и реализации реформы 1840 г.; во-вторых, максимальное стремление Головиным изучить местную политическую и этноконфессиональную обстановку и исходить из ее реалий; в-третьих, энергичные меры генерала по скорейшему введению закавказских провинций в правовое поле империи. Относительно мягкой представляется репрессивная политика Е.А. Головина по отношению к протестному движению в крае. Главноуправляющий продемонстрировал здесь достаточно гибкий подход и желание увязать карательные меры с существующей правовой системой. Всё это позволяет не согласиться со сложившимся в историографии однозначным суждением о полном провале реформы 1840 г. и головинского периода управления Закавказьем в целом. Представляется, что реформу Гана-Головина следует рассматривать в свете концепции догоняющей модернизации: болезненная, как и многие подобные преобразования для современников, она была нацелена на перспективу, на ликвидацию правовых границ между имперским центром и окраинами. С этой реформы началось введение общероссийской системы управления в Закавказье. Здесь мы солидарны с позицией, высказанной в отношении реформы современными историками-кавказоведами Л.С. Гатаговой и Д.И. Исмаил-Заде: «Неизбежность этого вполне очевидна, ведь “слияние” окраин с метрополией было невозможно без единой административно-политической системы в контексте имперской модели управления»[3]. Многие преобразования Головина в Закавказье оценили по достоинству уже после того, как Евгений Александрович покинул край. В местной газете в 1846 г. отмечалось: «Тифлис шел быстро вперед <…> в управление Генерала Головина, он образовался совершенно Европейским городом. На пустырях везде стали строиться большие на Европейский лад дома, многие улицы покрылись мостовыми, тротуары спасли

[1] *Корф М.А.* Записки. С. 329–330.

[2] *Ермолов А.П.* Кавказские письма 1816–1860. С. 476.

[3] Национальные окраины Российской империи. С. 264.

тысячи пешеходов от неудовольствия тонуть в грязи, бассейны с чистой горной водой появились во многих местах, магазины и лавки улучшились, и этот город с 52 тысячами жителей, с красивыми зданиями, с живописным местоположением и, наконец, с оригинальною смесью Востока и Запада, стал одним из любопытнейших и обширнейших городов России»[1].

Имперская бюрократическая система, в которой приходилось работать этому незаурядному государственному деятелю и военачальнику, диктовала определенные нормы управления, которые оставляли мало места для творческого подхода к местной политике. Тем не менее Е.А. Головину удалось оставить о себе память в Закавказье как о преобразователе, созидателе и устроителе края, многие начинания которого были продолжены его наследниками – М.С. Воронцовым, А.И. Барятинским, Великим князем Михаилом Николаевичем.

Возвращаясь к труду ростовских коллег, можно только поддержать их аргументированный вывод о «прагматической направленности российской политики в регионе, ее готовности к признанию собственных ошибок и поиску новых решений»[2]. В то же время вспоминаются размышления Т.П. Хлыниной в рецензии на относительно давнюю коллективную монографию об управлении национальными окраинами Российской империи. Большой мастер этого научного жанра, Татьяна Павловна увидела ценность вышедшей работы «в утверждении необходимости видеть в истории не только инструмент для исправления настоящего, но и возможность соприкоснуться со всей сложной и противоречивой жизнью многонациональной Российской державы»[3]. Верность профессиональным принципам исторического кавказоведения будет самой востребованной данью памяти талантливому ученому и замечательному человеку.

---

[1] *Ъ.И.* Общественные увеселения в Тифлисе // Кавказ. 1846. № 2. 12 января. С. 1.

[2] *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ ... С. 271.

[3] *Хлынина Т.П.* Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. – 416 с. // Информационно-аналитический вестник АРИГИ. Майкоп, 2001. Вып. 4. С. 23.

Религия и политика в деятельности М.С. Воронцова на Кавказе (1845–1853 гг.)

А.Т. Урушадзе

В мае 2010 г. начался новый этап в моей жизни. Меня, долго и уже отчаянно искавшего работу по специальности, взяли стажером-исследователем в лабораторию истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. Так получилось, что как-то сразу я оказался под приятной и полезной опекой Татьяны Павловны Хлыниной. Нас объединил научный интерес к проблемам прошлого Северного Кавказа. Раннесоветский период северокавказской истории – профессиональный домен Татьяны Павловны. Я же пытался (и продолжаю пытаться) заниматься эпохой Кавказской войны. Когда Татьяна Павловна поняла, что может на меня рассчитывать как на «человека пишущего», она любила говорить: «Амиран, вы у нас “закрываете” имперский период». Эти ее слова не только обязывали, но и окрыляли. Я счастлив, что Татьяна Павловна стала моим соавтором. Вместе мы написали несколько статей и коллективную монографию, посвященные особенностям российской/советской политики на Северном Кавказе[1]. Татьяна Павловна писала

[1] *Хлынина Т.П., Батиев Л.В., Урушадзе А.Т.* Имперский и советский опыт управления Северным Кавказом // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: сборник научных статей. Ростов н/Д, 2010. С. 12–50; *Хлынина Т.П., Урушадзе А.Т.* Традиции и обычаи в управлении Северным Кавказом (исторический опыт) // Современное состояние и сценарии развития Северного Кавказа: материалы Расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (29 июня 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2010. С. 77–82; *Их же.* От Кавказского наместничества к Северо-Кавказскому краю: поиск оптимальной модели управления // Вестник Южного научного центра РАН. 2011. Т. 7. № 2. С. 94–102; *Их же.* Показана ли российскому Кавказу политика канадского мультикультурализма // Канадский опыт мультикультурализма и российская политика на Кавказе: материалы науч.-практ. конф., Волгоград, 14–15 апр. 2011 г. Волгоград, 2011. С. 82–103; *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012.

о нациестроительстве, я «закрывал» историю Кавказского наместничества.

Предлагаемая читателю статья продолжает и развивает эту тематику. В ней предлагается попытка концептуального анализа взглядов, мотивов, решений первого кавказского наместника М.С. Воронцова по вопросам, связанным с религиозными институтами и практиками.

В историографии эта тема не стала предметом специального изучения. В обобщающих работах время наместничества М.С. Воронцова не выделяется в качестве отдельного, самостоятельного этапа в истории взаимоотношений имперской власти и различных конфессий Кавказа[1]. В книгах, посвященных личности и административной деятельности М.С. Воронцова, эта тема также систематично не рассматривалась. О.Ю. Захарова[2] остановилась на подробном изложении взаимоотношений первого кавказского наместника с армянским католикосом Нерсесом V (Аштаракеци), но не предложила целостного осмысления политики М.С. Воронцова в религиозной области. Замечания по обозначенной теме в книге В.А. Удовика[3] предельно лаконичны, и, вследствие этого, малоинформативны. Наиболее обстоятельно религиозно-политическая деятельность кавказского наместника описывается в монографии С.С. Лазаряна[4]. Однако приводимые факты не стали основой анализа и выделения сущностных характеристик, самобытных черт конфессиональной политики М.С. Воронцова.

Для определения особенностей стратегии и тактики М.С. Воронцова в конфессиональном вопросе на Кавказе необходимо кратко остановиться на основных этапах и результатах религиозной политики Российской империи в крае до середины XIX в.

Православие традиционно мыслилось российской элитой не только как составляющая государственной идеологии, но и важный инструмент внешней политики. Именно на основе мотива единоверия выстраивались отношения российского государства с грузинской царской династией. Закономерно, что и христианское наследие Северного Кавказа со временем стало каналом распространения российского влияния в южном направлении. Наиболее широко христианское наследие было представлено на Центральном Кавказе, а именно в Осетии, которая еще в средневековую эпоху

[1] *Верт П.* Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2014.

[2] *Захарова О.Ю.* Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001.

[3] *Удовик В.А.* Воронцов. М., 2004. С. 257.

[4] *Лазарян С.С.* Экономическая, социальная и этноконфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск, 2014.

была объектом активной деятельности грузинских миссионеров. Начало русской православной миссии в Осетии датировано 1745 г. Уже через год была создана Кавказская комиссия для восстановления православия среди осетин и других народов Кавказа. Показательно, что до 1764 г. Комиссией руководил грузинский священник Пахомий. Именно грузины были проводниками «восстановления» православия в регионе. Только за один 1751 г. им удалось окрестить 2 тыс. ингушей[1]. В правление Елизаветы Петровны политика распространения православия на окраинах империи была особенно решительной, а иногда и откровенно агрессивной. Работа Кавказской комиссии была делом высшей степени государственной важности и направлялась Синодом, а сами миссионеры опирались на военно-административные ресурсы комендантов Моздока и Кизляра[2].

Религиозная политика Екатерины II была значительно более вариативной. Распространение православия по-прежнему оставалось приоритетным направлением, но и внимание к выстраиванию отношений с иноверными конфессиями стало частью новой имперской стратегии. В екатерининское время «восстановление» православия проходило преимущественно на добровольных началах. Эти перемены коснулись и Кавказа. В 1771 г. Кавказская комиссия была преобразована в Осетинскую духовную комиссию. В этом решении угадывается отказ от амбиций повсеместного распространения православия в пределах Кавказа. Основные усилия преобразованный институт должен был направить на христианизацию осетинских обществ. В это время за осетинами в имперском дискурсе прочно закрепляется наименование «древние христиане».

Окончательное оттеснение грузинского духовенства от дела распространения православия на Северном Кавказе происходит в 1793 г., когда на смену упраздненной Осетинской духовной комиссии приходит Моздокско-Маджарский викариат Астраханской епархии. Однако в дальнейшем, по мере укрепления российской власти в регионе, Грузинскую церковь ожидали значительное более масштабные потрясения, венцом которых стало упразднение автокефалии Грузинской православной церкви, оформленное 30 июня 1811 г.[3]

Несмотря на все усилия по христианизации Центрального Кавказа, империя достигла здесь скромных результатов. В первой

[1] Кавказ. 1849. № 18. 30 апреля.

[2] Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М., 2007.

[3] *Рыбаков А.Л.* В «области кесаря»: проблема статуса и структуры Грузинской православной церкви после отмены автокефалии (первая половина XIX века) // Конфессия, империя, нация: религия и проблемы разнообразия в истории постсоветского пространства. М., 2012. С. 274–315.

половине XIX в. Осетия не раз становилась очагом крупных выступлений, проходивших под лозунгами борьбы за чистоту ислама. В 1802–1805 гг. мусульман Дигории и Тагаурии повел за собой Ахмат Дударов. В 1830-е гг. с большим трудом было подавлено восстание Беслана Шанаева, объявившего джихад русскому правительству.

Окончательно подорвал все усилия Российской империи по масштабному «восстановлению» христианства на Северном Кавказе мюридизм, «соединивший» – по словам командующего Черноморской береговой линией в 1851–1856 гг. вице-адмирала Л.М. Серебрякова, – «религию с понятием о противодействии владычеству нашему на Кавказе»[1].

В этих условиях М.С. Воронцов принимает на себя должность кавказского наместника и прибывает в Тифлис в 1845 г. Генеральными задачами в конфессиональной области, решение которых наместник должен бы попытаться найти, были поиск новых методов укрепления православия в крае и организация идеологического противодействия мюридизму, охватывающему все больше мусульман Кавказа.

В уже цитированной записке Л.М. Серебрякова есть характерное замечание: «Каждый частный начальник, поставленный для управления краем, должен иметь в виду, что, кроме чести и славы оружия, лежит на нем священный долг споспешествовать духовенству в святом деле его»[2]. «Споспешествовал» православным миссионерам и первый кавказский наместник. Особенности подхода М.С. Воронцова к этой проблеме ярко проявились в ходе долгого обсуждения (1846–1851 гг.) порядка учреждения духовной миссии в Абхазии.

Первоначальный замысел учреждения абхазской миссии, возникший в Синоде, предполагал организацию православного института в составе архимандрита, трех иеромонахов, двух иеродьяконов, двух же причетников и одного переводчика, который должен был помочь русским священнослужителям найти общий язык с местным населением. Для привлечения неофитов миссию предполагалось снарядить значительной суммой денег. В Синоде больше рассчитывали на звон монет, чем на слово пастыря. Новую миссию предполагалось подчинить Синоду, а не экзарху Грузии.

Все эти предположения встретили несогласие М.С. Воронцова, раскритиковавшего проект в отношении к обер-прокурору Синода Н.А. Протасову. Прежде всего, наместник обратил внимание на проблему языкового барьера между членами православной миссии, полностью составленной из русских священнослужителей, и населением Абхазии. По мнению М.С. Воронцова, одного переводчика

[1] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Т. X. Тифлис, 1885.

[2] Там же. С. 233.

для эффективной работы миссионеров было явно недостаточно. Наместник всегда подчеркивал необходимость преодоления взаимного языкового отчуждения имперской власти и коренного населения Кавказского края. Для М.С. Воронцова это было одной из приоритетных задач. Выступая на открытии Кавказского учебного округа 5 апреля 1849 г., наместник произнес такие слова: «Зная волю государя, я, согласно ей, и по собственному убеждению, желаю, прошу начальство округа, и буду настаивать, чтобы языки русский и местные были главными, безусловными предметами преподавания, чтоб каждый туземец знал хорошо по-русски, а каждый бы русский знал непременно не менее двух языков здешних. Тогда только мы будем иметь вполне способных офицеров и чиновников»[1]. Эти же принципы были актуальны и для открытой в июле 1846 г. Кавказской духовной семинарии в Ставрополе. В учебной программе и светских, и духовных учебных заведений важное место занимало изучение русского и местных языков. В Кавказскую семинарию принимались крещеные осетины и черкесы, которых начальство затем направляло в соответствующие приходы, ожидая от их работы плодов более обильных, чем от просветительской деятельности русскоязычных священников[2].

М.С. Воронцов считал совершенно бессмысленной «покупку» новых православных подданных за счет казенных средств: «Нет сомнения, что при первом известии о том, что миссия имеет деньги для раздачи, она будет беспрестанно обеспокоена просьбами и даже желанием принять христианскую веру. Было множество примеров, что абхазцы, получив награждение, принимали христианскую веру, и вслед за тем отказывались от оной, а потом являлись как новые прозелиты – и это случалось как в Абхазии, так и в сопредельных с нею Цебельде и Сванетии»[3]. Вместо этого наместник предлагал открыть в Абхазии духовное училище, которое со временем смогло бы стать надежным каналом распространения православия и лояльности имперским властям.

Наместник также негативно оценил идею подчинить миссию напрямую Синоду: «Опыт доказал, что разделение властей в одном и том же крае и по одному и тому же ведомству имеет самые дурные последствия. Синод, при всем желании и при всем усердии, не может действовать, как должно, в расстоянии более 2 тыс. верст. Прежде нежели миссия успеет сделать представление Синоду и получить разрешение, обстоятельства могут перемениться несколько раз, и повеления Синода, по получении их, будут оказываться уже

[1] Кавказ. 1849. № 18. 30 апреля. С. 71.

[2] АКАК. Т. X. С. 226–227.

[3] Там же. С. 255.

не нужными»[1]. М.С. Воронцов решительно отстаивал служебные права и привилегии, закрепленные за кавказским наместником и освобождавшие наместничество от докучливой опеки министров и главноуправляющих[2]. Процитированное замечание из отношения к Н.А. Протасову по смыслу сходно со многими другими утверждениями М.С. Воронцова относительно возможного вмешательства в «кавказские» дела столичной бюрократии. В черновиках писем М.С. Воронцова к управляющему канцелярией наместника В.С. Сафонову мы можем прочитать: «Предположение – заняться в Петербурге преобразованием теперешнего порядка гражданских дел у нас весьма меня пугает; они сделают ералаш»[3]. Подчинение абхазской миссии Синоду могло создать прецедент, ограничивающий права Тифлиса в пользу Петербурга.

Предложения кавказского наместника были приняты. Число переводчиков при миссии увеличили до трех, а кроме того в Синоде решили привлечь к просветительской работе игумена Германа – духовника абхазского князя и российского генерал-адъютанта М.Г. Шервашидзе. От идеи подчинения миссии Синоду в столице отказались. Направлять миссионерскую деятельность в Абхазии поручили грузинскому экзарху Исидору (Никольскому). В Пицунде, которая была определена в качестве местопребывания архимандрита, было решено открыть училище.

Вскоре проблема абхазской православной миссии снова оказалась в центре внимания наместника. В 1849 г. князь М.Г. Шервашидзе выступил с ходатайством об учреждении в Абхазии архиерейской кафедры. У абхазского владетеля имелась и своя кандидатура на место епископа. Им князь видел своего духовника, уже (с 1 сентября 1847 г.) архимандрита Германа. Это намерение М.Г. Шервашидзе вызвало сомнения и возражения в столице империи. Синод и Кавказский комитет были единодушны во мнении, согласно которому в случае назначения архимандрита Германа епископом князь получит огромное влияние на церковные дела в Абхазии и тем самым займет особое положение среди прочих княжеских фамилий Западной Грузии. Однако князь М.Г. Шервашидзе успел получить согласие на «повышение» своего духовника со стороны кавказского наместника и экзарха Грузии. М.С. Воронцов всегда поддерживал прекрасные отношения с элитами и населением управляемых им областей. Так было в Крыму, Бессарабии. Так было и на Кавказе. Наместнику удалось переубедить членов Кавказского комитета. В отношении военному министру и председателю комитета А.И. Чернышеву

[1] АКАК. Т. X. С. 255.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXI. Отделение I. 1846. СПб., 1847. С. 17–19.

[3] Архив князя Воронцова. Кн. XXXVIII. М., 1892. 725 с.

кавказский наместник отмечал важность верноподданнических чувств абхазского князя, которые могли пошатнуться от решения, принятого не в пользу архимандрита Германа. Распространять христианство в Абхазии М.С. Воронцов считал возможным только при деятельной поддержке местной власти: «Этого содействия, столь для нас необходимого, и без которого все наши усилия будут слабы, а может быть ничтожны, не будет, и мы его ждать не можем, коль скоро новый архиерей будет выбран другой, а не тот, которого ожидает князь Шервашидзе»[1]. Наместник даже предлагал вовсе не учреждать епископской кафедры в Абхазии, в случае если Синод и император Николай I так и не согласятся видеть архимандрита Германа ее главой.

Такая решимость М.С. Воронцова принесла ему очередную победу в служебно-иерархических столкновениях с петербургской бюрократией. Кавказский комитет переменил свое мнение, Николай I, утвердивший 15 апреля 1851 г. назначение духовника князя М.Г. Шервашидзе абхазским епископом, сделал примечательную пометку на журнале комитета: «…впредь в эту обязанность не назначать лицо, бывшее прежде духовником владетеля»[2]. Это еще раз подчеркивает исключительность принятого решения и исключительность влияния М.С. Воронцова.

Усилия по распространению христианства на Кавказе, поддерживаемые имперской администрацией края, отражались на ее взаимоотношениях с исламской общиной. М.С. Воронцов останавливал особо рьяных христианских просветителей, если их инициативы могли привести к ущемлению прав местных мусульман. Весной 1848 г. грузинский экзарх Исидор, сетуя на упадок христианства среди осетин Владикавказского округа, предлагал запретить устройство мечетей в аулах, населенных мусульманами. Наместник отверг это предложение почти в гневной форме: «… такого запрета никогда не было, а его введение имело бы для нас в здешнем крае неприятные и, смею сказать, гибельные последствия»[3].

Вместе с тем М.С. Воронцов ввел жесткие меры, препятствовавшие переходу из православия в ислам жителей Осетии. Чиновники его администрации и представители местной епархии объехали все селения Владикавказского и Дигорского округов с объявлением о строгом воспрещении перехода христиан в ислам. Всякий нарушивший этот запрет отправлялся в арестантские роты. Это же наказание ожидало и тех христиан, дети которых будут обращены родителями в мусульманство. Такие драконовские меры имели

[1] АКАК. Т. X. С. 231.

[2] *Шереметевский В.* Герман (Гоголашвили) // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 5. М., 1916. С. 37–38.

[3] АКАК. Т. X. С. 228.

результат – с каждым годом число христиан, перешедших в ислам, становилось меньше.

У наместника были благожелательные отношения со всеми духовными лидерами Кавказа. Патриарх армян Нерсес V и экзарх Грузии Исидор являлись личными друзьями М.С. Воронцова. Об Исидоре наместник писал как об «архиепископе во всех отношениях отличном и по глубоким сведениям, как общим, так и местным, совершенно благодетельным для здешнего края»[1]. Дружба и высокая оценка личных качеств духовных пастырей не мешали наместнику оставаться верным собственным политическим представлениям и идеалам.

Исидор открыто критиковал М.С. Воронцова за излишнее внимание к мусульманам Кавказа, которое вызывало ревность духовной паствы грузинского экзарха. Наместник многое сделал для формирования комфортной среды жизни и службы мусульман, стремясь шире разлить среди них чувство лояльности «белому царю» и его наместнику на Кавказе. Открытие учебных заведений для мусульман было частью образовательной реформы М.С. Воронцова. Учреждение «мусульманских» учебных заведений проходило с одобрения влиятельного шиитского богослова Шейх аль-Ислама в Тифлисе, который «принял в этом деле живейшее участие и описывал неисчислимую пользу, которую принесет для края и правительства подобного рода заведение»[2].

Первым учебным заведением для мусульман стало открытое в 1847 г. Тифлисское мусульманское училище для шиитов[3]. В 1848 г. там же было открыто училище для суннитов. Тифлис был избран местом основания первых мусульманских училищ как центр империи на Кавказе, где наместник мог внимательно следить «за ходом и успехом этого заведения»[4]. Штат преподавателей училищ состоял из двух учителей. Один – для мусульманского, а другой – для русского курса. При этом учитель русского языка избирался попечителем училища либо из русских, знавших местные языки, либо из уроженцев Кавказа, «основательно знающих русский язык»[5].

В мусульманских училищах учебный курс состоял из следующих дисциплин: русский, персидский, арабский и местные (в первую очередь кумыкский) языки, «сокращенные» география и история, арифметика, чистописание, «общее понятие о русских узаконениях,

---

[1] АКАК. Т. X. С. 238.

[2] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10. Л. 127.

[3] В документах оно именуется «Мусульманским училищем Алиева учения».

[4] РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10. Л. 137.

[5] Там же.

формы и порядки судопроизводства»[1]. Такой учебный курс должен был быть достаточным для того, чтобы мусульманские воспитанники «приобрели познания по законам их веры», изучили русский язык в объеме, необходимом для повседневной жизни и служебной деятельности.

Выпускники мусульманских училищ получали ряд преимуществ при продолжении обучения или поступлении на службу. Окончившие полный курс обучения производились в офицерский чин на один год раньше «противу общего сроку»[2]. Интересно, что в первоначальном проекте воспитанникам мусульманских училищ, поступившим на военную или гражданскую службу, предполагалось сократить срок получения чина по выслуге лет в два раза. В случае продолжения обучения в Тифлисской гимназии выпускник мусульманского училища мог отказаться от изучения латинского, немецкого и французского языков[3]. Можно сказать, что здесь мы сталкиваемся с практиками «позитивной дискриминации», методы которой М.С. Воронцов активно использовал в реализации различных направлений своей образовательной политики.

Мусульманские училища в период наместничества М.С. Воронцова получили широкое распространение на Кавказе. В течение 1849 г. были открыты еще семь подобных училищ[4], а общее число их воспитанников составило 586 человек[5].

Расширяя ряды лояльных империи мусульман, наместник использовал их религиозные чувства и в откровенно пропагандистских целях. Для уличения имама Шамиля в «лживом толковании Корана» из Крыма еще в 1845 г. был приглашен кади Эспер-саид. Спустя семь лет М.С. Воронцов для выполнения той же задачи пригласил на Кавказ десять улемов из Оренбургского муфтията. Однако все эти попытки большого успеха не имели. К тому времени Шамиль и его сторонники обладали уже большим опытом богословско-правовых дискуссий с представителями мусульманской оппозиции имамату (Саид Араканский, Йусуф Аксайский, Сулейман-эфенди)[6].

Рассмотренные в статье эпизоды деятельности кавказского наместника М.С. Воронцова позволяют выделить несколько сущностных особенностей проводимой им конфессиональной политики.

---

[1] РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10. Л. 138.

[2] РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10. Л. 140.

[3] РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10. Л. 131.

[4] В Дербенте два училища, в Баку – одно, Шемахе – два, в Шуше и Елизаветополе по одному.

[5] АКАК. Т. X. С. 897.

[6] *Кемпер М.* Шариатский дискурс имамата в Дагестане первой половины XIX в. // Ахульго. 2013. № 2. С. 15–28.

Мероприятия, реализуемые наместником в религиозной сфере, были тесно связаны с общими принципами его политики. М.С. Воронцов всегда стремился к максимально возможной самостоятельности в пределах вверенного ему края. Поэтому вмешательство Синода в дела грузинского экзархата воспринималось им столь же болезненно, как и попытки министров сковать или ограничить его региональное самовластье. Тесный союз и согласие с местными элитами и населением были для наместника важнее, чем гармоничные отношения с петербургской бюрократией. Покровительствуя усилиям грузинского экзарха Исидора к восстановлению православия на Кавказе, М.С. Воронцов ограждал духовные права мусульман, а также способствовал их активной интеграции в имперские институты. Своеобразным символом этой открытости М.С. Воронцова различным конфессиям является Алупкинский дворец светлейшего князя, в южном фасаде которого все «дышит» мусульманским Востоком, а в полукружии знаменитой ниши есть повторяющаяся шесть раз надпись на арабском языке – «Нет победителя, кроме Аллаха».

Республика Коми: путь к национальной государственности

И.Л. Жеребцов

История обширнейшей России – это в первую очередь история ее регионов и народов, эти регионы населяющих, история того, как из множества отдельных земель, этнических территорий складывалось и развивалось самое большое государство мира. Вполне понятен поэтому интерес отечественных и зарубежных историков к вопросам формирования и модернизации как самого государства (то единого, то раздробленного, то унитарного, то федеративного), так и его отдельных регионов, в особенности национальных.

При всем разнообразии как конкретно-исторических, так и природно-географических условий, в которых складывалась национальная государственность народов современной России – будь то Кавказ, Поволжье или Север, – в данном процессе можно найти не только отличия, но и сходные черты, обусловленные, в частности, общностью социально-политических условий модернизации национальных регионов. В этом со всей очевидностью убеждаешься, сопоставляя данные, изложенные, например, в обстоятельных работах К.И. Куликова об Удмуртии[1], Т.П. Хлыниной об Адыгее, Чечне и некоторых других национально-государственных образованиях Северного Кавказа[2], А.Ф. Сметанина, А.А. Попова и О.Ю. Кузивановой о Коми[3].

---

[1] *Куликов К.И.* Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. Ижевск, 1993.

[2] *Хлынина Т.П.* Становление и развитие государственности Адыгеи (1920-е – 1990-е гг.) // Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи. Ростов н/Д, 2012. С. 184–196; *Ее же.* Решение национального вопроса на Северном Кавказе // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 128–135; *Ее же.* Горская АССР и ее роль в национальном самоопределении народов Северного Кавказа: историографический аспект проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. 2002. № 3–4. С. 52–58.

[3] *Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути. Сыктывкар, 1996.

Особенно отчетливо это видно при исследовании «замыслов, воплощения и результатов» (позволю себе позаимствовать эти слова из названия одной из публикаций Т.П. Хлыниной, посвященной Северному Кавказу[1]) национально-государственного строительства 1920–1930-х гг.[2] Исследователи неоднократно справедливо указывали на это в своих публикациях[3].

Однако нельзя не упомянуть о существовании различных подходов к тому, что, собственно, следует принимать за точку отсчета существования национальной государственности того или иного народа: можно ли считать началом создание автономной области (автономного округа) либо указанные автономии являлись лишь административно-территориальными единицами (хотя и имевшими особый этнический состав населения с присущими ему своеобразными чертами культуры, быта и хозяйствования), а о государственности надлежит говорить только после образования автономной республики?

Например, в период подготовки и празднования 95-летия национальной государственности Республики Коми в 2016 г. сыктывкарский исследователь к.г.н. А.П. Обедков в своих выступлениях подвергал сомнению принятую хронологию процесса национально-государственного строительства в регионе, полагая, что созданная в 1921 г. автономия в виде области не более чем структура самоуправления на территории проживания народа коми, а о коми национальной государственности можно вести речь только с 1936 г. – со времени принятия Конституции СССР, в соответствии с которой была образована Коми автономная советская социалистическая республика.

На мой взгляд, эта точка зрения не вполне справедлива. Конечно, Коми автономная область – так же, как созданные до нее Вотская (Удмуртская), Калмыцкая и Марийская, – не имела своей конституции, гражданства, не провозглашалась государством. Эти атрибуты

---

[1] *Хлынина Т.П.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: замыслы, воплощение и результаты // Россия и Кавказ: история и современность: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности, г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. Махачкала, 2012. С. 731–742.

[2] См. напр.: *Хлынина Т.П.* Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997; История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2.

[3] *Хлынина Т.П.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003; *Ее же.* Современная историография о причинах административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки (приложения). 2003. № 4. С. 54–62 и др.

появились только с созданием Коми АССР. Исполнительные комитеты (руководящие органы) автономных областей функционировали на тех же правах, что и исполкомы «обычных» губерний (не характеризовавшихся национально-культурным своеобразием)[1]. Вместе с тем автономные области, в отличие от губерний, обладали правом принятия положения об автономной области. Это, разумеется, далеко не конституция, но все же особый конституционный акт. К сожалению, это право реализовано не было – возможно, в силу того что руководство Коми АО все двадцатые годы активно выступало за преобразование области в автономную республику и вело работу по созданию республиканской конституции, не считая нужным тратить силы на областное положение. Только после того, как в 1930 г. мечты о создании АССР были окончательно похоронены с созданием Северного края и включением Коми АО в его состав, областные власти занялись разработкой «Положения о Коми автономной области, входящей в состав Северного края Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Проект положения был подготовлен в 1931 г.[2], однако в условиях разгоравшейся борьбы с «национал-шовинизмом» принят не был.

Но даже в отсутствии положения автономная область обладала своей национальной территорией (территорией расселения титульной нации и представителей иных укорененных и других народов), и органы власти автономии реализовали здесь свои властные полномочия, проводя, в частности, политику «зырянизации», включая расширение социальных функций коми языка, ускоренное развитие национальной культуры, подготовку национальных кадров и, что весьма важно, активнейшую пропаганду идеи национального своеобразия коми народа, значимости сохранения его самобытности, культурных традиций. Автономная область – это не просто структура территориального самоуправления (как уезд или губерния), а структура самоуправления на этнической территории народа, организованная с учетом национального состава населения. С созданием Коми АО впервые территория, на которой сформировался и на протяжении многих веков проживал коми народ, была объединена в рамках одной административно-территориальной единицы, представлявшей собой пусть еще не национальное государство, но национально-территориальное образование с некоторыми элементами государственности. В организации Коми автономной области как формы национально-территориальной автономии нашло государственно-правовое выражение право

[1] *Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути.

[2] Республика Коми – 80 лет. Очерки, посвященные 80-летию государственности Республики Коми в составе Российской Федерации. Сыктывкар, 2001; *Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути.

народов на самоопределение, о чем говорят специалисты[1]. Следовательно, вполне оправданно, на мой взгляд, вести отсчет истории национальной государственности Республики Коми со времени создания Коми автономной области. Разумеется, это был лишь начальный этап национально-государственного строительства, продолжавшийся до создания Коми АССР в 1936 г.

Конечно, путь к национальной государственности начался не в 1921 г. Созданию автономной области предшествовало формулирование идей о целесообразности коми-зырянской автономии, а к рождению этих идей вел весьма долгий путь этнокультурного и социополитического развития различных территориальных групп коми, постепенно осознававших себя частями единого народа. Отметим несколько вех на этом пути.

Коми народ формировался на рубеже I и II тысячелетий н.э. Он существует с XI в. Поскольку преодолен новый рубеж тысячелетий, то можно сказать, что исполнилось тысячелетие существования коми народа[2]. Вот уже десять веков коми живут на северо-востоке европейской России, осваивая природные богатства этого сурового края[3]. Еще на заре своей истории древние коми вступили в контакты с русскими – вначале новгородцами, затем жителями Ростово-Суздальского (или Владимиро-Суздальского, как оно стало называться позднее) княжества. Богатый пушным зверем регион манил к себе взоры новгородских бояр и ростовских князей, под контроль которых попали западные окраины населенной древними коми территории (Луза, Малая Северная Двина и, возможно, некоторые другие). В более отдаленных от русских земель районах

---

[1] История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2; *Попов А.А., Нестерова Н.А.* Реализация принципа национально-культурной автономии в государственной национальной политике Республики Коми в 1920–1930-е гг. и 1990-е гг.: сравнительный анализ // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации. Сыктывкар, 2006; *Михайлов В.А., Попов А.А., Марков В.П., Нестерова Н.А.* Права коренных народов Севера России в международном, национальном и региональном законодательстве // Северное измерение глобальных проблем. Первые итоги Международного Полярного Года: IV Северный социально-экологический конгресс. М., 2009.

[2] *Жеребцов И.Л.* Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // Природа. 2000. № 7. С. 71–75; *Его же.* Русские в Коми. Взгляд сквозь тысячелетие // Жизнь национальностей. 1998. № 1–2. С. 79–87; *Его же.* Тысячелетие народа коми: человек и климат // Арт. 2000. № 1. С. 153–162.

[3] *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001; *Жеребцов И.Л.* Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав. Сыктывкар, 2000; *Королев К.С., Жеребцов И.Л.* Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар, 2000.

(Вымь, Вашка, Сысола, Вычегда) ни Новгород, ни Ростов прочно закрепиться не могли. Из-за Уральских гор на верхнюю Печору и верхнюю Вычегду продвигались отряды вогульских (так в старину называли народ манси) княжеств, добравшихся до территории современного Усть-Вымского района[1]. Возможно, на западной окраине этнической территории коми появлялись и пришельцы из более отдаленных мест – Скандинавии[2].

В XIV в. в соперничество новгородцев, суздальцев и вогулов за власть на Европейском Северо-Востоке вмешалось быстро развивавшееся Московское княжество. В 1364 г. в руки Москвы перешел Великий Устюг (опорный пункт суздальцев), а с ним, вероятно, и Прилузье[3]. Важным шагом в укреплении влияния московского князя в остальной части Коми края, управлявшейся собственными руководителями – старейшинами или, как сообщается в русскоязычных документах, сотниками, стало образование в 1383 г. Пермской епархии во главе со Стефаном Пермским; резиденция епископа находилась в Усть-Выми. В XV в. власть Москвы в Коми крае укрепилась. В 1451 г. здесь появился наместник великого князя Московского – князь Ермолай Вымский, которого позже сменил на этом посту его сын Ермолай. Они правили территорией, которая именовалась «земля Пермь Вычегодская» (она охватывала селения по Вычегде, Сысоле, Выми, Вашке и верхней Мезени)[4]. Новгородцы после ряда поражений перестали претендовать на владение землями Коми края. Вогулы также вынуждены были отойти с Вычегды вначале на Печору, а затем и за Урал; от них в Коми осталось несколько названий, в том числе Вычегда (коми называют эту реку Эжвой). В 1481 г. в Коми крае было проведено первое описание земель и населения, которое окончательно закрепило эту территорию в составе Московского княжества; длительный процесс вхождения Коми края в Русское государство завершился[5].

---

[1] От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2014; *Жеребцов И.Л.* К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. С. 5–43.

[2] Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979; *Васкул И.О.* Пермь вычегодская и ее соседи // История Республики Коми. М., 2000. С. 56–60; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994.

[3] *Давыдов В.Н.* Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977.

[4] *Давыдов В.Н.* Управление Коми краем (Пермью Вычегодской) во второй половине XV в.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983.

[5] *Жеребцов Л.Н.* Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005.

Важно подчеркнуть, что Пермь Вычегодскую второй половины XV в. можно рассматривать не только как административно-территориальное (подобно соседним Двинской и Устюжской землям), но в определенной степени и как национальное образование, поскольку она представляла собой основную часть территории, на которой обитал коми народ (этнос). И управлялась она династией князей Вымских, которые, вполне возможно, происходили из местной коми знати. Национальная (этническая) специфика сказалась и на сложении территориально-административных округов внутри Перми Вычегодской: каждый из районов проживания территориально-племенных групп коми (вычегжане, сысольцы, вымичи, удорцы, верхнесысольцы или ужгинцы) составил отдельный округ, который управлялся местными выборными правителями-сотниками в соответствии с древними традициями самоуправления[1]. Можно сказать (с некоторой, конечно, долей преувеличения), что земля Пермь Вычегодская во главе с князьями Вымскими была первым далеким прообразом будущей Коми автономии.

В 1502 г. наследственную власть князей Вымских в Перми Вычегодской (ставшей позднее Яренским уездом) упразднили. Московские великие князья, а затем и цари стали присылать сюда временных управленцев-воевод. В Русском государстве шли процессы централизации управления, укреплялась государственная власть на местах. Тем не менее XVII столетие можно без всякой иронии назвать веком Коми автономии, поскольку царь Михаил пожаловал жителям большинства волостей Коми края права самоуправления в судебной и налоговой сферах. Они управлялись выбиравшимися на 1 год должностными лицами и по всем вопросам, связанным со сбором налогов и судопроизводством, обращались напрямую в Москву, минуя уездных воевод. Правительство определяло лишь общие размеры налогов, которое оно считало нужным получить с той или иной земли и волости. Как эти налоги распределялись между местными жителями, в зависимости от чего устанавливалась сумма налога на каждое хозяйство, решали на местах. Эта система была ликвидирована только при Петре I[2].

В XX в. территория современной Республики Коми вступила разделенная между четырьмя губерниями. Несмотря на административную разобщенность этнической территории коми, передовые местные политические и общественные деятели еще в конце XIX в.

---

[1] *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н., Сметанин А.Ф.* Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001.

[2] *Жеребцов И.Л.* Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV– начало XX века). Сыктывкар, 1993; История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 1.

стали осознавать себя не просто «управленцами», представителями населения того или иного уезда или губернии, а представителями особого народа коми (зырян), имеющего свою специфику культурного и исторического развития. А это закладывало базу для появления в недалеком будущем политиков, формулировавших идеи создания национальной коми государственности. Наиболее ярко это проявлялось в Усть-Сысольском уезде, абсолютное большинство жителей которого (включая и Усть-Сысольск) составляли коми. Этническое своеобразие города и уезда признавалось и на региональном уровне. Неофициальный титул «столицы Зырянского края» прочно закрепился за Усть-Сысольском. Характерно, например, сообщение одной из вологодских газет о мероприятиях по случаю 300-летия Дома Романовых в 1913 г.: «Юбилейные торжества… в столице Зырянии прошли очень шумно»[1].

Весьма показательно, например, что депутаты усть-сысольской городской думы, избранной летом 1917 г., в обращении к Временному правительству именовали свою думу «Зырянской», как бы заявляя тем самым свое право говорить не от имени жителей одного из городов России, но от имени зырянского (коми) народа. Разумеется, это было уже революционное время, когда умонастроения передовой части коми населения хорошо передавались, например, словами коми писателя В.Т. Чисталева, в апреле 1917 г. писавшего: «Теперь имеем полное право называться зырянами, а край наш Зырляндией... Отныне будет свобода всем народам, живущим в России... Будем свободно говорить, писать и печатать по-своему, не боясь и не стесняясь...»[2]

Один из известнейших коми политиков начала XX в. Дмитрий Яковлевич Попов («духовный отец Коми автономии», как его иногда называли) в январе 1918 г. в ходе организации новых органов власти в Усть-Сысольске и уезде заявил о «чрезвычайной важности автономии для нашего края». «Нам, зырянам, имеющим особые условия быта, мировоззрения и языка, надо стремиться к этому… Край наш… имеет полное право на самостоятельное существование, обладая громадностью территории, национальными богатствами и даже выходом в море...» «Мы установим автономию на совершенно свободных, бытовых началах в порядке внутреннего управления». Так была сформулирована первая программа создания Коми автономии в составе России. Но во время разгоревшейся в том же

[1] *Жеребцов И.Л., Королев К.С.* «Повергнуть к стопам Его Императорского величества верноподданнические чувства зырян» // Известия Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 2005. № 3. С. 68–73; История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 1.

[2] *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.* Коми национальное движение: от эсеров до наших дней. Сыктывкар, 2016; *Их же.* Первые коми политики. Сыктывкар, 2007.

1918 г. Гражданской войны стало не до автономии. Д.Я. Попов скончался в 1919 г., два года не дожив до осуществления своей мечты[1].

Идею создания Коми автономии, выдвинутую Дмитрием Поповым, воплотил в жизнь Дмитрий Александрович Батиев. Возглавив в конце 1920 г. Зырянский отдел при Наркомате по делам национальностей РСФСР, Батиев в течение месяца сумел добиться выдающихся результатов: Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Наркомнац РСФСР согласились на образование Коми автономии. Батиев подготовил для обсуждения во ВЦИК и Совнаркоме РСФСР проект основных положений об образовании Зырянской АССР. В январе 1921 г. в Усть-Сысольске состоялся Первый Всезырянский съезд коммунистов, созванный для решения вопроса о Коми автономии. Батиев участвовал в нем как делегат от ЦК РКП(б), и именно в этом качестве он 8 января открыл съезд. 9 января Батиев выступил с докладом, в котором изложил свои взгляды на образование Коми автономии: «Мы приступаем к новому строительству и поднятию экономического благосостояния страны... Необходимо в данный момент поднять на должную высоту культурный и экономический уровень народа коми; для осуществления означенной задачи необходимо выделить его в отдельную самостоятельную административную единицу». Он предложил создать Советскую социалистическую республику Коми в составе РСФСР. Съезд поддержал это предложение[2].

25 апреля 1921 г. вопрос о Коми автономии обсуждал Совет национальностей Наркомнаца России. Батиев убеждал присутствовавших «высказаться за выделение народа коми в автономную республику». Однако И.В. Сталин, возглавлявший тогда Наркомнац, был настроен против республики – достаточно будет и автономной области, рассудил он. Сталина поддержали другие члены Совета национальностей. Только один Батиев не согласился с наркомом и потребовал внести в протокол свое особое мнение на сей счет. Но Президиум ВЦИК особое мнение Батиева во внимание не принял и 5 мая 1921 г. постановил образовать Коми автономную область[3].

---

[1] *Жеребцов И.Л., Жданов Л.А., Сметанин А.Ф., Таскаев М.В.* Создатели Коми автономии. Сыктывкар, 2006; *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.* Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921. Сыктывкар, 2001; *Жеребцов И.Л.* Отношение населения Коми края к власти в 1918 – начале 1920-х годов // Отечественная история. 1994. № 6. С. 65–73; *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.* Коми край в годы гражданской войны: население и власть. Сыктывкар, 1994.

[2] *Жеребцов И.Л.* Дмитрий Александрович Батиев: создатель Коми автономии, «враг народа», почетный гражданин. Сыктывкар, 2016; Они любили край родной. Сыктывкар, 1993; *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Стоявшие у истоков (очерки истории становления гуманитарной науки в Коми). Сыктывкар, 2005.

[3] *Жеребцов И.Л.* Коми: от области к республике // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 3 (27). С. 15–22; *Его же.* Власть и общество на Европейском Северо-Востоке России в годы Гражданской войны. Сыктывкар, 2016.

После этого Батиев приложил все силы для того, чтобы Коми автономия (пусть не республика, а область) была как можно более обширна. В докладе на заседании Наркомнаца 28 июня 1921 г. он настаивал на включении в Коми область всего Прикамья, всей Печоры, островов Новая Земля, Вайгач, Колгуев и даже Шпицберген, побережья Северного Ледовитого океана с Чёшской и Карской губами, Глазовского уезда Вятской губернии. Наконец 22 августа 1921 г. был подписан декрет ВЦИК «Об автономной области Коми (Зырян)», в котором территория области была, однако, совсем не столь обширной, как хотел Батиев. 27 августа 1921 г. появился знаменитый приказ № 1 коми ревкома (революционного комитета – временного органа управления) о вступлении его в управление Коми автономной областью. Председателем ревкома (первым руководителем Коми автономии) стал Дмитрий Ильич Селиванов[1].

Создание автономной области стало лишь первым этапом формирования государственности коми народа. Предстояло сформировать государственные, экономические и общественные структуры, способные обеспечить реализацию автономных прав народа, его социальный прогресс. Необходимо было организовать управление огромной территорией. Почтовые отправления до Ижмо-Печорского уезда шли два–три месяца, отсутствовала телеграфная связь между Ижмой и Усть-Сысольском, Усть-Сысольском и Москвой. Не хватало средств для организации административно-управленческого аппарата, подготовленных кадров[2].

Череда социальных потрясений привела и без того слаборазвитое хозяйство края в полное расстройство. Руководители Коми области предлагали развивать кооперацию, большее внимание уделять животноводству, чем не слишком выгодному на севере земледелию. Но хотя абсолютное большинство жителей области занимались сельским хозяйством и промыслами, коми лидеры понимали, что надо взять курс на индустриализацию. Коми крестьяне издавна занимались лесозаготовками, поскольку одним сельским хозяйством прокормиться было крайне сложно. Этот опыт хозяйствования и планировали использовать руководители автономии, задумав создать на юге области предприятия лесной промышленности. Первым шагом в этом направлении стало строительство лесозавода в Усть-Сысольске в 1922–1926 гг. (будущего Сыктывкарского

[1] *Жеребцов И.Л.* Стоявшие у истоков (коми политические и культурные деятели первых послереволюционных лет) // Жизнь национальностей. 1996. № 4. С. 31–33; *Его же.* Власть и общество на Европейском Северо-Востоке России в годы Гражданской войны // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество. Пенза, 2016. С. 126–133.

[2] *Жеребцов И.Л.* Долгий путь к национальной государственности // Регион. 2016. № 8. С. 49–52.

лесопильно-деревообрабатывающего комбината). Леса в области заготавливали все больше и больше. Пиломатериалы вывозили во многие страны Европы и даже в Африку. А в конце двадцатых было принято решение о строительстве близ города, в селе Слобода (на территории нынешней Эжвы), крупного целлюлозно-бумажного комбината. В селе даже состоялся митинг по этому случаю[1]. Но построили завод гораздо позже…

Заготовкой леса занимались многие коми крестьяне, но добровольных рабочих не хватало. С конца двадцатых годов крестьян стали обязывать работать на лесозаготовках, а тех, кто не выполнял задание, объявляли «вредителями». Но и этого было недостаточно, поэтому из центральных районов страны привезли тысячи лишенных почти всего своего имущества крестьян-спецпереселенцев, которых разместили в лесу в специальных поселках и приказали заниматься лесозаготовками. Кроме того, лес заготавливали и многочисленные заключенные нескольких «исправительно-трудовых лагерей». Коми область в тридцатых годах нередко называли «Деревянным Донбассом» – таким же богатым источником дешевого леса, как Донецкий угольный бассейн (Донбасс) – угля. Центральные власти стремились превратить Коми во «всесоюзную лесопилку», «валютный цех страны» (значительная часть заготавливавшегося здесь леса продавалась другим странам за валюту). Началась механизация заготовок и сплава леса, строились лесовозные дороги, внедрялись более современные инструменты.

Головной болью местных руководителей была неразвитость транспорта. Как вывозить продукцию лесной промышленности, тем более если появятся крупные предприятия? Реки да малопроезжие грунтовые дороги – вот и все, что имелось в наличии. Как известно, голь на выдумки хитра – зимой устраивали ледяные лесовозные дороги. А вот летом – пиши пропало… Но постепенно автомобильный транспорт становился чуть более привычным и в более отдаленных от столицы автономии районах. В 1930-х гг. построили автомобильные дороги Усть-Вымь–Чибью (Ухта), Сыктывкар–Усть-Кулом, Сыктывкар–Мураши.

Как воздух, нужна была железная дорога. Предлагали массу всевозможных проектов ее строительства – первые из них появились еще до революции. Планировалось, что железная дорога через Коми область свяжет российский Север с Сибирью и Уралом, по ней пойдет масса грузов от Омска до Архангельска и Ленинграда. Однако такое строительство требовало огромных денег. Пришлось искать

[1] Связь времен. Сыктывкар, 2000; *Таскаев М.В., Жеребцов И.Л.* Формирование полиэтничной общности на Европейском Северо-Востоке // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов. Ростов н/Д, 2009. С. 312–314.

более скромные и дешевые варианты. В первой половине 1930-х гг. построили узкоколейные дороги: Кажимскую (в верховьях Сысолы) и Воркутинскую (от воркутинских угольных шахт Воркуты до пристани Воркута-Вом на реке Уса, где уголь перегружали на баржи). А появления «полноценной» железнодорожной магистрали Котлас–Воркута пришлось ждать до 1941 г. А в столицу республики первый поезд пришел только через 20 лет после этого… Первый самолет жители Усть-Сысольска увидели только в 1925 г. Регулярное авиасообщение в Коми началось в 1930 г., когда открылась авиалиния Архангельск–Котлас–Усть-Сысольск[1].

В 1929 г. на реке Ухте высадилась группа заключенных, положившая начало Ухто-Печорскому лагерю. Начались активнейшие поиски нефти и угля, и уже на следующий год получили первую нефть на Ухте, еще год спустя заложили угольную шахту на Воркуте. Сеть лагерей покрыла огромную территорию. Осенью 1936 г. в Коми области находилось около 100 тыс. заключенных, добывавших нефть, уголь, лес, строивших железную дорогу[2].

Постепенно, год за годом Коми из сельскохозяйственного края становился регионом с развитой промышленностью – лесной, нефтяной, угольной. Там, где десятилетием ранее едва ли не единственным видом транспорта была лошадь, где небольшой пароход являлся торжеством цивилизации, появились железнодорожный, авиационный и автомобильный транспорт. Десятилетием раньше это казалось многим несбыточной мечтой. Но эти несомненные успехи достались дорогой ценой. Быстрые темпы экономического развития были достигнуты огромным перенапряжением сил всего народа. Сложившаяся в стране политическая система, опираясь на жесткие командные методы управления, смогла мобилизовать ресурсы государства для решения нужных задач. Но при этом гражданин страны, человек, стал восприниматься не как личность, обладающая правом самостоятельно распоряжаться собственной судьбой, а как безымянный, бездушный винтик огромного механизма…

В таких условиях долгожданное преобразование Коми автономной области в автономную советскую социалистическую республику 5 декабря 1936 г., за что так долго боролись коми руководители, уже не имело былого значения. Права на распоряжение природными богатствами республики принадлежали не ее жителям и даже не ее руководству, а находившимся в далекой Москве министерствам и ведомствам. В 1990 г. из названия убрали слово «автономная»,

---

[1] *Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф.* Коми край. Очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003; *Жеребцов И.Л., Шабаев Ю.П., Мальцев Г.И.* Опыт национального строительства коми-пермяков: историко-социологический анализ // Отечественная история. 2005. № 1. С. 74–86.

[2] Очерки по истории политических репрессий в Коми. Сыктывкар, 2006.

что, впрочем, никак не сказалось на правовом статусе республики. А в 1992 г. Коми советская социалистическая республика была переименована в Республику Коми[1].

17 февраля 1994 г. Верховный Совет РК принял ныне действующую Конституцию Республики Коми, признающую источником государственности республики коми народ; съезд коми народа и его исполнительный комитет получили право законодательной инициативы. Добившись столь крупных успехов в национальном движении, последующие съезды коми народа сосредоточились в основном на социально-экономических и культурных проблемах функционирования коренного этноса в регионе. В 1990-е гг. была проведена реформа системы государственной власти Коми. Был учрежден пост главы Республики Коми – высшего должностного лица республики, руководителя ее правительства, организованного вместо ранее существовавшего Совета министров. Вместо Верховного Совета был создан Государственный Совет Республики Коми. На основе реализации принципа разделения властей произошло распределение полномочий между законодательной и исполнительной сферами государственного регулирования[2].

В полиэтничном регионе, каким является Республика Коми сегодня, история не знает серьезных конфликтов в сфере межнациональных отношений. В условиях демократизации общественной жизни в конце XX в. в республике сформирована региональная модель государственно-национальной политики, являющаяся основным фактором гармонизации межэтнических отношений.

---

[1] *Попов А.А., Нестерова Н.А.* Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века (историческое исследование). Сыктывкар, 2000; *Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л.* Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование): материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 1999. С. 45–52.

[2] *Shabaev Y., Zherebtsov I.* The Siberian Movement and Modern Russian Regionalism // Rethinking Russia's Pivot to Asis: Context, Perceptions, and Prospects. The 6th HK International Conference. Seoul, 2016. P. 109–121; *Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.В.* «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012, № 4. С. 134–153; *Шабаев Ю.П., Александер Дж., Жеребцов И.Л.* Национальное развитие и этнополитика в восточно-финских республиках России // Мир России. 1997. № 4. С. 171–182.

Национально-государственное строительство и образовательная политика на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг.

С.И. Аккиева

В начале XX в. в России, этническая структура которой была чрезвычайно пестрой, а нерусские национальности составляли более 50 % населения, одной из актуальных проблем был национальный вопрос. Решение национального вопроса стояло в программных документах политических партий самого разного толка: монархических, либеральных, левых, и каждая из них предлагала свой вариант разрешения этой сложной и актуальной проблемы. Позиция по вопросу сохранения или реформирования формы правления и государственного режима, а также политическая ситуация оказывали влияние на динамику взглядов и воззрений партий и предлагаемых ими путей решения национального вопроса. Российская социал-демократическая рабочая партия еще в 1898 г. на I съезде заявила о праве наций на самоопределение. Этот тезис был подтвержден в 1903 г. на втором съезде партии. В 1912–1914 г. В.И. Ленин продолжил теоретическую разработку национального вопроса и более детальное рассмотрение вопроса о праве наций на самоопределение.

После прихода к власти большевиков в их первых правовых актах – Декрете о мире 26 (8) ноября 1917 г. и Декларации прав народов России 2 (15) ноября 1917 г. – был подтвержден принцип права наций на самоопределение. В декларации провозглашались: «1) Равенство и суверенность народов России. 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»[1]. Одним из первых практических реализаций декларации стало постановление

[1] Декларация прав народов России. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/peoples.htm (дата обращения: 06.04.2017).

Совета народных комиссаров «О признании независимости Финляндской Республики от 18 (31) декабря 1917 г.»[1]. Однако в дальнейшем практическое применение принципов самоопределения оказалось совсем не простым делом, и при всей кажущейся простоте поставленной задачи ее реализация потребовала больших усилий, нежели изначально предполагалось, а порой изобретательности[2], в особенности в таких регионах, как Северный Кавказ.

Северный Кавказ относился к регионам России, где национальные и земельные (территориальные) отношения были тесно переплетены, здесь проживало много народов, численность этих народов была также различна. Попытку разрешения сложных земельных и национальных вопросов на Северном Кавказе большевики предприняли сразу после Гражданской войны. Разработкой основных направлений национальной политики на Северном Кавказе руководил глава правительства В.И. Ленин. В октябре 1920 г. он выработал проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу «О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами», в котором говорилось: «Признать необходимым проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений»[3].

Исследователи отмечают трудность и оригинальность решения национального вопроса в первые годы революции: не «национальные окраины» обращались к центральной власти с требованием свободы и самоопределения, а центр настойчиво приглашал эти «забытые, заброшенные, униженные окраины» созывать свои учредительные съезды советов, организовываться в своих территориальных границах и, в зависимости от революционных возможностей той или иной национальности, от численности трудящихся, материальных ресурсов, устанавливать соответствующие формы развития нации (эта функция закреплялась за центром)[4].

Наиболее приемлемой формой национальной государственности для народов Северного Кавказа в начале 1920-х гг. виделось создание национальной государственности в форме автономий.

---

[1] Постановление СНК «О признании независимости Финляндской республики». URL: http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19171231finn.php (дата обращения: 06.04.2017).

[2] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Советский Северный Кавказ в 1920–1940-е годы: проблемные зоны современной отечественной историографии // Вестник Южного научного центра. 2009. Т. 5. № 3. С. 78–79.

[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1981. Т. 41. С. 342.

[4] *Хлынина Т.П.* Формирование советской национальной политики: между изобретением традиции и воображаемыми сообществами // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2013. № 3. С. 92.

Целесообразность такой автономии определялась общностью социально-экономических, политических и культурных интересов горских народов, необходимостью объединения их усилий в борьбе за строительство новой жизни, осознанием трудящимися своих классовых и национальных интересов. Созданию такой автономии благоприятствовало также историческое прошлое родственных горских народов, их этническая близость, родство нравов, обычаев, уклада жизни, смежное территориальное проживание[1].

В руководящих кругах терской и дагестанской партийных организаций были разногласия по вопросу создания автономии горских народов, многие руководящие работники выступали против автономии, ссылаясь на отсутствие у горских народов достаточного экономического и культурного потенциала, национальных кадров и т.д. Идея советской автономии горцев была поддержана и проведена в жизнь после разъяснений И.В. Сталина, Г.К. Орджоникидзе, С.М. Кирова, находившихся в то время (осенью 1920 г.) на Северном Кавказе[2].

В конце 1920 г. на съезде народов Дагестана в Темир-Хан-Шуре и съезде народов Терека во Владикавказе была торжественно провозглашена советская автономия Дагестана и горцев Терской области. 20 января 1921 г. постановлением ВЦИК РСФСР было оформлено образование Дагестанской и Горской автономных советских республик. Обе республики учреждались как полиэтничные и имели административное деление на округа по этническому признаку. Инициатива создания указанных автономий, как было уже отмечено, исходила из центра (от ЦК РКП(б) и Кавбюро, а не от местных руководителей). Дагестанская республика состояла из 14 округов (Аварского, Андийского, Ачикулакского, Гунибского, Даргинского, Дербентского, Казикумухского, Буйнакского, Кайтаго-Табасаранского, Кизлярского, Кюринского, Махачкалинского и Хасав-юртовского), организованных по этническому принципу (по компактному территориальному расселению этнических групп в Дагестане). Окружной (этнический) принцип формирования Дагестанской АО (а затем республики) проводился в условиях, когда национальные идентичности были неустойчивыми (к аварцам или даргинцам приписывали андийцев, бежтинцев и т.д.) Этот же принцип сохранялся в Дагестане и в последующие годы и обусловлен был тем, что крупный этнос (доминирующий) имел и больший доступ к власти.

В состав ГАССР входили 6 национальных округов: Кабардинский, Карачаевский, Балкарский, Осетинский, Чеченский и Ингушский. Столицей Горской Автономной Советской Социалистической

[1] *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб., 2009. С. 112.

[2] Там же. С. 112–113.

Республики стал г. Владикавказ. Высшими государственными органами горской автономии являлись: съезд Советов, ЦИК, Совнарком и народные комиссариаты[1].

Исследователи высоко оценивают факт создания на Северном Кавказе национальных автономных республик. Они также близки в оценке причин образования Горской республики: «Горская республика обеспечила дальнейшее развитие народов», в отличие от образовавшихся позднее автономных областей, «Горская республика была более высокой политической формой автономии»[2], была «удачным, хотя и временным путем концентрации усилий ранее разрозненных народов Северного Кавказа в единое многонациональное государственное образование»[3], «объединение горских народов в ГАССР на добровольной основе, организация деятельности органов власти и управления с учетом национальной специфики свидетельствовали о дальновидности программы большевиков по национальному вопросу, которая во многом предопределила их победу на Кавказе»[4].

Образование на Северном Кавказе национальных автономных республик вызвало широкий резонанс в странах Востока. Так, в декабре 1920 г. после провозглашения Горской и Дагестанской АССР председатель Великого национального собрания Турции (1920–1923 гг.), первый президент Турецкой республики (1923–1938 гг.) Мустафа Кемаль Ататюрк в приветственной телеграмме на имя В.И. Ленина писал: «Я бесконечно благодарен Вам за ту дальнозоркую политику, которую начала по Вашему Высокому почину проводить Советская Республика, как на Востоке, так и во всем мире»[5]. В ответной телеграмме В.И. Ленин подчеркнул, что «советская власть предоставляет автономию всем народам на ее территории и поддерживает образование ими местных республик, согласно принципу права каждого народа на самоопределение. Только этот принцип позволяет установить братские отношения, основанные на взаимопонимании и взаимном доверии, которые существуют между всеми нациями, входящими в Советскую Россию. Только такая политика укрепляет

---

[1] *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик, 1979. С. 286–287.

[2] *Ансоков М.Т.* Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936 гг.). Нальчик, 1974. С. 78–79.

[3] *Бугай Н.Ф. Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп, 1994. С. 94.

[4] *Даудов А.Х., Месхидзе Д.М.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). С. 124–125.

[5] Документы внешней политики СССР: в 22 т. Т. 3 / под ред. Г.А. Белова. М., 1959. С. 451.

и объединяет все нации России в одну великую могучую семью, способную бороться против окружающих нас бесчисленных врагов. Я рад констатировать, что меры, принимаемые нами в отношении малых наций, правильно истолкованы Вами и встречают с Вашей стороны прием, который может только благоприятствовать установлению хорошего взаимопонимания и взаимного доверия»[1].

В отличие от Дагестанской АССР Горская республика оказалась менее жизнеспособным образованием, и вскоре начался процесс ее распада и образование отдельных автономных областей. Первоначально из состава Горской АССР 1 сентября 1921 г. вышла Кабарда с образованием отдельной Кабардинской АО.

16 января 1922 г. была образована Кабардино-Балкарская автономная область. Постановление предусматривало установление территориальных границ Кабарды и Балкарии специальной комиссией, кроме того, устанавливался принцип паритетности во властных структурах[2]. С созданием автономной Кабардино-Балкарии было официально признано существование кабардинцев и балкарцев как отдельных народов, а прочие идентичности становились неактуальными[3].

12 января 1922 г. было принято решение об образовании Карачаево-Черкесской автономной области (КЧАО), которое начало реализовываться лишь спустя два месяца, ввиду осложнения ситуации с карачаево-кабардинским пограничным конфликтом. В нем на стороне Карачая выступили известные абазинские, ногайские и бесленеевские лидеры, что в результате привело к ускорению его разрешения. 4 марта 1922 г. был создан Карачаево-Черкесский областной ревком, в его состав вошли представители трех народов – карачаевец К.-А.А. Курджиев (председатель ревкома), русский Я.Ф. Балахонов и черкес Д.Н. Гутякулов (заместители председателя)[4].

В 1922 г. из состава Горской АССР выходит также Чеченский округ и г. Грозный. Наконец, 7 июля 1924 г. республика упраздняется с разделением на Северо-Осетинскую АО, Ингушскую АО, Сунженский округ и Владикавказ.

Дезинтеграция Горской АССР и образование новых автономий – процесс сложный, долгий и неоднозначный из-за того, что власти

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 301.

[2] *Губогло М.Н., Думанов Х.М. , Аккиева С.И.* Панорама этнополитической жизни Кабардино-Балкарии // Политика и право в сфере этногосударственных отношений // авт.-сост.: С.И. Аккиева, Х.М. Думанов; отв. ред. М.Н. Губогло. Т. 1. М.; Нальчик, 2001, С. 93.

[3] *Тхамокова И.З.* Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик, 2014. С. 94.

[4] *Аккиева С.И.* Этническая история в Новейшее время // Карачаевцы. Балкарцы / отв.ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев М., 2014. С. 69.

Горской республики желали сохранить ее, а элита округов хотела выйти и создать свои автономии. В результате были образованы не 6 автономий (учитывая, что было 6 округов), а в конечном итоге 4: Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская, Карачаево-Черкесская и Северо-Осетинская.

Опыт объединения в одну автономию у Советов уже был. Еще в 1918 г. Комиссариат по делам национальностей пытался провозгласить Татаро-Башкирскую республику, в которую должны были войти башкиры и татары (следует отметить, что в 1918 г. в Казани было провозглашено автономное и потенциально антибольшевистское Итиль-Уральское (т.е. Волго-Уральское государство). Большевистский проект по провозглашению Татаро-Башкирской республики быстро был свернут, и в 1919 г. была образована Башкирская автономная область, а следом в 1920 г. была образована Татарская республика. Ряд западных исследователей (в их числе и татары), считают, что причиной создания отдельных Башкирской и Татарской автономных республик был страх большевиков перед татарским национализмом и тюркским единством: «Итиль-Уральское или Татаро-Башкирское государство было разделено еще до своего существования, потому что его существование стало бы слишком реальной угрозой, и советское правительство, уже уставшее от национализма своих мусульманских меньшинств, не могло допустить такого»… «советское правительство предпочло способствовать формированию малых республик»… «облегчая себе контроль над народами данного региона»[1].

Адыгские общественные объединения с конца 80-х гг. прошлого века по настоящее время постулируют точку зрения, что советская власть разделила единый адыгский этнос, не дала адыгам возможности для создания единой государственности. Однако эта точка зрения не соответствует реалиям начала XX в., и на это указывает исследователь А. Боров в работе «“Черкесский вопрос” как историко-политический феномен», отмечает, что на протяжении 1917–1920-х гг. вопрос о государственности адыгов (черкесов) в этнополитических процессах Кубанской и Терской областях не ставился. Боров пишет, что позднее, в «1921–1922 и 1926–1928 гг. местная советская элита сыграла довольно активную роль в создании Кабардинской (затем Кабардино-Балкарской), Адыгейской и Черкесской автономных областей, но нет свидетельств постановки ими вопроса об объединении черкесов в рамках единого политико-административного образования. Отсутствовало также какое-либо “несистемное” национальное движение в черкесской среде. Суждения о том, что советская власть целенаправленно и “искусственно” разделила “единый этнос” между тремя национально-

[1] *Халим А.* Книга печали, или записки аборигена. Вильнюс, 1991. С. 160–161.

государственными образованиями не имеют убедительных подтверждений и основаны на экстраполяции в прошлое современных этноидеологических представлений»[1].

Влияние современного политического контекста на область прошлого и его активизация, по справедливому мнению Т.П. Хлыниной, связано не со стремлением понять причины не свершившегося в прошлом, а с потребностью исправить ошибки истории[2].

Национальная политика советской власти была тесно связана с идеологической. Этнический фактор и национальная идея использовались в качестве инструмента укоренения и стабилизации советского общества. По мнению профессора Гарвардского университета Т. Мартина, Советский Союз был первой в мире империей положительной деятельности[3]. Советская власть поощряла национальное самосознание, развитие языков и повышение уровня образования, а также проводила коренизацию окраин бывшей Российской империи.

На Северном Кавказе развитию образования большевики уделяли внимание, справедливо считая его важным инструментом формирования новой, советской идентичности. Образование в Северо-Кавказском крае было осложнено рядом местных специфических особенностей. Наряду с общими, присущими всей стране причинами слабого развития народного просвещения – недостаток научно-педагогических кадров, отсутствие необходимой материальной базы – в национальных районах Северного Кавказа оно встречало и дополнительные препятствия в своем развитии. В их числе: фактическое отсутствие письменности у многих народов, чрезвычайная пестрота этнографического состава населения, многообразие бытовых особенностей, влияние мусульманской (арабоязычной) культуры, социальная пассивность, сохранение межэтнической конфликтности на бытовом уровне. Следует отметить и тот факт, что к русской культуре и русскому языку со стороны определенной части автохтонов края существовало определенное недоверие, русский разговорный язык фактически не получил широкого распространения в крае.

Важным документом, послужившим основой формирования системы образования, стал декрет ВЦИК от 16 октября 1918 г. «О единой трудовой школе РСФСР» и постановление Наркомпроса РСФСР

---

[1] *Боров А.* Черкесский вопрос как историко-политический феномен. Нальчик, 2013. С. 19.

[2] *Хлынина Т.П.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе // Історичні і політологічні дослідження. 2013. № 4 (54). С. 306.

[3] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 гг. М., 2011.

от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств»[1]. Это позволило ввести единую систему бесплатного совместного обучения с двумя ступенями образования: 5 лет обучения в школе первой ступени, 4 года в школе второй ступени. Все начальные и средние школы, ремесленные училища, низшие и средние технические, сельскохозяйственные, экономические школы и училища преобразовывались в единую школу. Провозглашалось право всех граждан на образование независимо от расовой, национальной принадлежности и социального положения, равенство в образовании женщин и мужчин, обучение на основе соединения с производительным трудом. Проект единой трудовой школы ликвидировал элитарные и тупиковые учебные заведения, обеспечивал преемственность между основными звеньями системы народного образования.

Политика советской власти в образовательной сфере была призвана решать идеологические и политические задачи новой власти. Цели новой власти в многонациональном северокавказском регионе было легче донести на языке, понятном для представителей разных народов, т.е. на родном языке[2].

Декретом СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (1918 г.) церковь отделялась от государства и школа от церкви, провозглашалась безусловно светская школа. Перед народами Северного Кавказа в связи с этим встала проблема создания письменности, поскольку у многих из них обучение велось в основном в религиозных школах и на арабском языке. Задачам советской школы, которая предполагала обучение на родном языке, не отвечала распространенная на Кавказе арабица. Для власти, форсирующей в 1920-е гг. развитие советской культуры, радикальную культурную реформацию общественной жизни также был важен разрыв с традиционной культурой[3], тесно связанной с исламом и арабским письмом. Большинство народов Северного Кавказа ко времени установления советской власти не имели своей письменности, а письменность аварцев, кумыков, лезгин, лакцев, даргинцев была на арабской основе. Эта письменность представляла собой механическое приспособление арабского алфавита к фонетическим

---

[1] «О школах национальных меньшинств». Постановление Народного комиссара просвещения РСФСР от 31 октября 1918 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_386.htm (дата обращения: 06.04.2017).

[2] *Аккиева С.И.* Формирование новой системы образования на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной конференции. Киев. 10–12 октября 2013 г. Киев, 2014. С. 266.

[3] *Красовицкая Т.Ю.* Латинизация графики языков Северного Кавказа в контексте модернизации // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2010. Вып. X. С. 274.

особенностям языков этих народов. Письмо это было несовершенно и изобиловало надстрочными и подстрочными знаками, создающими дополнительные трудности в усвоении грамоты.

Другой вопрос состоял в том, что значительное большинство грамотных людей на Северном Кавказе также были в основном представителями исламского духовенства. В связи с этим политика новой власти в ее отношении характеризовалась большой осмотрительностью и осторожностью. Новая власть пыталась использовать в своих задачах по переустройству общества национальную интеллигенцию (в том числе и духовенство) и потому, реализуя утвержденные на VIII и X съездах РКП(б) установки, пленум Юго-Восточного краевого комитета РКП(б) в своем постановлении отмечал, что текущий момент выдвигает перед местными организациями серьезный вопрос о наилучшем использовании в общественной работе представителей из местной интеллигенции. Местным советским и партийным органам рекомендовалось окружить национальную интеллигенцию «атмосферой товарищеского доверия и раз и навсегда устранить нередко встречавшийся ранее в отношении местной интеллигенции тон пренебрежения и недоброжелательства»[1]. Многие представители из числа местных интеллектуалов стали на путь сотрудничества с новой властью, а некоторые из них стали активными проводниками политики власти.

В 1921 г. на X съезде ВКП(б), на котором обсуждался национальный вопрос, было принято решение «помочь трудовым массам невеликорусских народов... развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения»[2]. Реализация поставленных задач предполагала подготовку кадров из числа представителей титульных народов. Таким образом, осуществлялась политика внедрения представителей коренных народов во все сферы деятельности национальных республик и областей, которая дала, как пишет Т.П. Хлынина, «мощный толчок социально-экономическому и культурному развитию северокавказских народов, заложила основы представлений о наличии особых национальных интересов, разрешение которых требует особой политики». Она отмечает, что коренизация по сути стала политикой по вовлечению национальных меньшинств в русло советского строительства, а ее основными направлениями были признаны выдвижение национальных кадров в партийный и советский руководящие аппараты; подготовка для отраслей промышленности и сельского хозяйства;

[1] Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 366.

перевод делопроизводства и образования в национальных автономиях на «коренные» языки[1].

Необходимо было решить и проблему письменности для большинства народов Северного Кавказа. И некоторые энтузиасты из числа горских интеллектуалов пытались это сделать, и каждый решал эту задачу соответственно своему видению. Одни создавали алфавит на арабской графической основе, другие на латинице, а третьи обращались к кириллице. В 1920 г. был создан кабардинский алфавит на арабской графической основе. Для балкарского языка арабская графика в связи со структурными особенностями тюркских языков не была лучшим выходом, потому были созданы три алфавита, два из них на кириллице. Алфавит на основе латиницы был создан видным северокавказским советским работником Магомедом Энеевым, который в свой букварь включил впервые напечатанный на балкарском языке текст «Интернационала». В национальных школах Адыгеи обучение велось по составленному до революции и изданному в марте 1918 г. «Черкесскому букварю» С. Сиюхова и И. Хидзетля (переиздан в 1921, 1924 гг.) на арабской графической основе.

Создание письменности на языках народов Северного Кавказа было невозможно без государственной поддержки. Вопрос о том, какую графическую систему признать наиболее целесообразной для создания письменности, оставался актуальным на протяжении 1920-х гг. В преддверии мировой революции, которая для советских идеологов виделась скорым явлением, предполагалась полная замена арабской графической основы письма народов страны, исповедующих ислам, на латиницу. Смена арабской графической основы должна была ослабить влияние религиозной идеологии, переориентировать развитие мусульманских народов на новые духовные ценности.

25 сентября 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) на основе доклада И. Сталина «О латинском шрифте в мусульманской письменности» признало желательным поддержать решения Азербайджанского ЦИК по введению латинского шрифта в мусульманской письменности. Еще в середине 1922 г. Наркомат по делам национальностей РСФСР разработал проект образования Комиссии по реформе арабского алфавита. Компетенция Комиссии распространялась и на нетюркские языки, приспособлявшие к своим нуждам арабское письмо. 25 января 1923 г. коллегия Наркомнаца по докладу замнаркома Г.И. Бройдо утвердила ее состав. В состав комиссии среди других вошли У. Алиев (Северный Кавказ) и Г. Джабаев (Закавказье). В указанном составе комиссия работала в феврале-марте 1923 г. В целом ее работа свелась к сбору информации о практике применения арабского

[1] *Хлынина Т.П.* Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10. № 3. С. 106, 107.

алфавита в регионах и о признании общественно-политического значения латинского алфавита в целом. Высказывались разные мнения относительно использования латиницы, сроков латинизации и многое другое. Звучало мнение не только о необходимости развернуть работы по составлению латинского шрифта, но и провести «пробную кампанию в пользу его нормального введения». Были и откровенные суждения о нежелательности проводить латинизацию путем декретирования. Но доминирующей стала точка зрения, высказанная представителем Северного Кавказа Умаром Алиевым, о том, что «Свет латинского алфавита с Востока служит лучшим способом приобщения так называемых "диких" народов к общечеловеческой культуре»[1].

В мае 1923 г. по инициативе С.М. Кирова в Пятигорске была созвана конференция представителей мусульманских народов Северного Кавказа по вопросам алфавита для горских языков. На совещании было признано право выбора для каждого народа той или иной графики и было подчеркнуто, что воздействие сверху в данный вопрос является недопустимым. Вместе с тем на совещании было признано, что в силу экономических, политических и социально-культурных факторов предпочтительным является принятие общей основы графики всеми горскими народами Северного Кавказа. Из трех графических основ: арабской, кириллической (русской) и латинской – совещание высказалось в пользу латинской графики. Вместе с тем, учитывая высокую религиозность населения и популярность среди них арабской графической основы, была признана допустимость обучения на арабской графической основе параллельно латинской.

В 1925 г. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) созвало в Ростове вторую конференцию по вопросу просвещения горцев Северного Кавказа, на которой было принято решение усилить пропаганду введения в горских обществах латинского алфавита. В 1921 г. У. Алиев подготовил алфавит на латинской графической основе для карачаевского языка. В 1924 г. были введены в действие кабардинский и балкарский алфавит на латинской основе. Авторами кабардинского алфавита являлись Т.А. Шеротлоков, Б. Хуранов, А.И. Пшунетов[2].

В апреле 1924 г. власти Дагестана приняли решение об организации Дагестанского комитета нового алфавита для подготовки перехода на латиницу. В 1925 г. V Вседагестанский съезд Советов по инициативе Н. Самурского принял постановление о трехязыковом

---

[1] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1548. Л. 10. Цит. по: *Красовицкая Т.Ю.* Латинизация графики языков Северного Кавказа в контексте модернизации // Проблемы российской истории. С. 291.

[2] *Жирков Л.* К реформе алфавитов восточных народностей (опыт графического анализа алфавита) // Новый Восток. 1925. № 10–11. С. 233.

принципе национальной школы в республике: использовались родной, тюркский и русский язык. На протяжении 1920-х гг. не утихала полемика о языке межнационального общения. Основная борьба шла между представителями тюркской языковой группы (кумыки) и иберийско-кавказской (аварцы, лакцы, даргинцы и др.).

В Дагестане, Чечне и Адыгее из-за сопротивления мусульманского духовенства алфавит на латинице был создан гораздо позже. Чеченский алфавит на латинице был создан в 1925 г. Х. Ошаевым, обучение в школах по нему было начато в 1926–1927 гг. В феврале 1928 г. на пленуме Дагестанского обкома ВКП(б) обсуждался доклад «О языке и алфавите для школ Дагестана». По итогам данного обсуждения пленумом было вынесено решение перевести школы с арабской письменности на новый алфавит, созданный на латинской основе. Новый алфавит был разработан для аварского, даргинского, лезгинского, кумыкского, лакского, азербайджанского и татского языков. Наряду с переводом письменности дагестанских народов на латинскую графическую основу в республике в анализируемый период была развернута работа по созданию письменности для отдельных бесписьменных народов – лезгинского и табасаранского.

В условиях многонационального и многоязычного Дагестана еще более острым, чем перевод письменности с арабской графической основы на латинскую, явился вопрос определения языка межнационального общения. С установлением советской власти партийные, советские органы Дагестана развернули большую работу по решению вопроса языка обучения подрастающего поколения, официального государственного. На IV Вседагестанском съезде Советов в 1925 г. было принято постановление, по которому национальная школа строилась на трехъязыковом принципе: родной, тюркский и русский языки как предметы преподавания. Тюркский (кумыкский) язык в Дагестане имел своих лобби в лице части руководства Дагестана и плоскостная часть населения Дагестана была заселена тюрками, которые были более развиты в экономическом отношении, чем горцы. Тюркский язык потому рассматривался как язык межэтнических (межплеменных отношений).

В 1920-е гг. повсеместно в северокавказском регионе идет открытие новых светских школ. Открытие школ и перевод письменности на латинскую графику явился важным мероприятием, которое способствовало повышению уровня грамотности среди народов Северного Кавказа. Так, например, если в 1920 г. грамотность среди кабардинцев составляла всего 2,1 %, а среди балкарцев – 0,9 %, то в конце 1925 г. она возросла у кабардинцев до 11,2 % и у балкарцев – до 7,5 %[1].

[1] *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик, 2007. С. 121.

В 1920-е гг. шла интенсивная подготовка учительских кадров. Учителей, способных наладить работу в новых школах, не хватало, особенно сложная ситуация складывалась с сельской местности, где жила основная масса народов Северного Кавказа. Новая власть большое внимание уделяла управлению школьным делом, подготовке учительских кадров, развитию методической базы. Но из-за проблем с финансированием заработная плата учителей оставалась низкой, ощущалась острая нехватка учительских кадров. В 1924 г. был сформирован специальный фонд народного просвещения.

Для решения этой острейшей проблемы в различных регионах Северного Кавказа были открыты курсы по ускоренной подготовке учителей. На этих курсах в течение 1,5–2 месяцев шло обучение будущих учителей на родном языке, методике преподавания, знакомство с азбукой в латинской или арабской графике. Сеть краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке учителей на Северном Кавказе получила широкий размах и была увеличена продолжительность обучения на курсах с 2 до 5 месяцев. В 1923 г. в Нальчике, а в 1926 г. в Баталпашинске были открыты педагогические техникумы (их открыли также в Буйнакске, Дербенте, Владикавказе, в Грозном и Майкопе). Открытие педтехникумов позволило снять остроту нехватки учителей в регионе. Подготовка квалифицированных кадров из числа представителей местных народов проводилась в Москве, Ростове-на-Дону, Тбилиси, Ленинграде и др. В 1924/1925 учебном году в различных городах страны обучалось 200 кабардинцев и балкарцев, а в 1925–1926 гг. – 685 человек[1].

В результате работы по созданию письменности на основе латиницы, увеличения количества школ, повышения квалификации учителей произошел заметный рост образовательного уровня народов Северного Кавказа. В 1928/1929 учебном году грамотных на своем родном языке стало: у адыгейцев 50 %, у черкесов – 45%, у кабардинцев и балкарцев – 50 %, у ингушей – 34,2 %, у осетин – 35,8 %[2].

В ликвидации неграмотности определенную роль сыграли такие характерные для эпохи 1920–1930-х гг. кампании, как «культурные штурмы», «культсанштурм», пункты ликвидации неграмотности и др.

В первые годы советской власти на Северном Кавказе и особенно в Дагестане сохранялись религиозные традиции и влияние мусульманского духовенства на общественное сознание, сеть мусульманских религиозных школ оставалась значительной. Указ о запрете преподавания мусульманского вероучения привел к тому,

[1] *Чеченов Ш.Ш.* Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1971. С. 27.

[2] *Магидов Ш.Г.* Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Махачкала, 1971. С. 67.

что процесс закрытия мусульманских школ ускорился. В 1930-е гг. многие из них функционировали нелегально. Усилилось преследование духовенства по обвинениям, часто надуманным, в сопротивлении политике советской власти, подрывной деятельности. В Кабардино-Балкарии запрет обучения в мусульманских учебных заведениях поднял волну протеста в Баксане, возглавил борьбу Асхад Шогенцуков, известный мусульманский богослов. Открытые выступления верующих против мер государства не привели к обратному, к 1930 г. в Кабардино-Балкарии и в других республиках практически все мусульманские школы были закрыты, были закрыты и мечети, против мулл и эфенди были начаты репрессии.

В 1930-е гг. на Северном Кавказе, как и во всей стране, осуществляется перевод на всеобщее начальное образование, которое на XVI съезде КПСС было объявлено «боевой задачей» партии в ближайший период. В тот же период был урегулирован и вопрос о языке обучения. В национальной школе дети на начальном этапе обучались на родном языке, а русский шел как предмет со 2-го по 4-й класс. С 5-го класса обучение осуществлялось на русском языке, а родной преподавался как предмет. В 1936–1937 гг. был осуществлен сравнительно легкий и быстрый перевод письменности народов Северного Кавказа на русскую графическую основу. Переход на единую кириллическую базу имел как экономическую, так и идейно-психологическую. В марте 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об изучении русского языка в нерусских школах страны, в котором объявлялись единые требования к объему знаний и навыков по русскому языку. На практике в национальных автономиях Северного Кавказа изучение русского языка начиналось со второго года обучения, с прохождения предварительного курса, цель которого – накопление необходимого запаса слов. Обучение по-прежнему шло на национальных языках[1] (такая система действовала до конца 1950-х гг.).

Исследователи отмечают, что события прошлого, в том числе формирование и непростое становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа, до настоящего времени сказываются на развитии современных северокавказских республик[2] и влияют на мобилизацию этничности. Ключевым аспектом национально-государственного строительства и образовательной политики в первые десятилетия советской власти была политика коренизации советских органов власти и развитие местных языков и системы образования на родных языках как наиболее

[1] *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социального статуса. Ростов н/Д, 2003. С. 97.

[2] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009. С. 51.

доступного на тот момент инструмента советизации национальных регионов. Т.е. в целом политика Центра на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. была подчинена практическим и идеологическим целям советской власти. Одновременно она была направлена на создание на Северном Кавказе культурной инфраструктуры, «национальной по форме и социалистической по содержанию», в том числе в сфере образования.

Образовательно-культурное строительство в Поволжье в первые годы советской власти

Е.А. Прокофьева

К талантливому исследователю Татьяне Павловне Хлыниной менее всего подходит термин «узкий специалист». Она тонкий и глубокий знаток как советской эпохи, так и истории Нового периода, да и постсоветская проблематика не была ей чужда. Национально-государственное строительство, национальная политика, межэтнические отношения, образование и культура в национальных регионах, источниковедческие и историографические аспекты – вот, пожалуй, некоторые из сфер исторического знания, которыми Татьяна Павловна была наиболее увлечена. Регион, о котором она знала всё – от древности до современности, – Северный Кавказ. Здесь она много лет жила, на его благо трудилась, его она хорошо знала и любила.

Ориентируясь на круг исследованных Татьяной Павловной аспектов, полагаю вполне уместным показать, как осуществлялась образовательная и культурная политика в 20-х гг. прошлого столетия в еще одном многонациональном, поликультурном и многоконфессиональном регионе нашей страны – Поволжье.

* * *

Коренные национальности Поволжских регионов: Башкирии, Татарии, Мордовии, Удмуртии, Чувашии – отставали от русского населения по количеству квалифицированных специалистов, уровню профессиональной подготовки, грамотности. Поэтому проблему воспитания национальных кадров для различных отраслей народного хозяйства, органов управления и задачи культурного подъема регионов пришлось решать одновременно. Партийное руководство на X съезде РКП(б) следующим образом определило задачу и направления культурной и образовательной политики в национальных регионах: «помочь трудовым массам невеликорусских

народов... развить и укрепить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительские учреждения на родном языке; поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и, прежде всего, в области просвещения»[1]. Началась кропотливая работа по созданию культурно-просветительских, школьных, средних специальных и высших учебных заведений. Как правило, они комплектовались приезжими преподавательскими кадрами. Молодежь национальных регионов принималась в средние профессиональные учебные заведения и вузы российских городов на льготных условиях.

Одной из важнейших задач для Поволжья (как, впрочем, и для всей страны) была ликвидация неграмотности. Наибольший процент неграмотных приходился на нерусское население. В Чувашии, например, 91 % местного населения к началу 1920-х гг. был неграмотным. Чуваши не имели ни книг, ни газет на родном языке. Такая же картина наблюдалась во всех автономиях Поволжского региона. Например, в Пензенской и Ульяновской губерниях среди мордвы грамотных было примерно 28 % мужчин и 3,5 % женщин, среди русских – 34,5 % мужчин и 14,3 % женщин; среди татар – 28,7 % мужчин и 19 % женщин[2]. По переписи 1920 г. грамотных в Марийской автономной области было 26 %, в Татарии – 25 %, в Чувашии – 23 %.

Повсеместно стали открываться пункты по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, одновременно велась подготовка преподавательских кадров для их комплектации, а так как Поволжье – регион полиэтнический, необходимо было готовить преподавателей, знающих родной язык своих будущих учеников. В Татарии только в 1923–1924 гг. успешно действовал 1051 такой пункт, в Чувашии к 1925 г. – 107 пунктов, в Марийской области в эти же годы – 208 пунктов. Активно участвовали в процессе ликбеза партийные и комсомольские организации различных предприятий, ликпункты и культпросветкружки действовали на базе фабрик и заводов. Несмотря на принимаемые в первые годы советской власти, и особенно в реконструктивный период, меры, значительных успехов в ликвидации неграмотности добиться не удалось. В 1926 г. грамотность в среднем по РСФСР составляла 44 %, в Поволжье же этот показатель был ниже. Данные переписи 1926 г. позволяют проследить уровень развития образования разных этических групп

[1] Жизнь национальностей. Кн. I. 1923. С. 19.

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 25. Л. 130.

Поволжского региона[1]. Так, в Татарии на 1926 г. среди русского населения доля грамотных составляла 42,9 % (26,9 % – женщины), грамотных татар было 33,4 % (14,6 % – женщины), чувашей – 34,5 % (10,4 % – женщины), в ЧАССР среди русского населения грамотных среди русских было 46,2 %, чувашей – 34,5 %. В Башкирии доля грамотных среди русских составляла 36,4 %, среди башкир – 23,9 % (женщин – 7,5%). Из числа живших в Марийской области русских грамотных было 47,1 %, среди марийцев – 27 % (грамотных женщин было 5 %). При этом количество грамотных среди сельского населения было, естественно, ниже.

Государственные органы и общественные организации прилагали большие усилия для ликвидации неграмотности в Поволжье. Чрезвычайная комиссия по ликбезу постановлением от 19 декабря 1925 г. предписывала ликвидировать неграмотность к 10-летию Октябрьской революции в 18 регионах, в том числе и в Поволжье (за исключением Самарской губернии, для которой срок отодвигался до 1933 г.). Однако, по сведениям Средне-Волжского статистического отдела, процент грамотных мужчин в 1926–1927 гг. составлял 51,3 %, грамотных женщин – 25 %, что было ниже среднего показателя по РСФСР (56,4 % и 33,2 % соответственно).

Необходимо было искать более действенные формы и методы борьбы с неграмотностью. По инициативе Саратовского коммунистического университета в 1928 г. начинается культпоход «Борьба за грамотность, за новый быт». Миллионы грамотных по всей стране включились в работу, это способствовало повышению темпов искоренения неграмотности в поволжских регионах. Исключительно успешным стал первый год культпохода в Татарии. Здесь было обучено 41 тыс. человек, что в два раза больше, чем в предыдущем году. Культпоход на Нижней Волге дал следующие результаты: грамотность выросла с 43 % в 1927/1928 учебном году до 68 % в 1928/1929 учебном году, а в 1930/1931 учебном году достигла 94 %[2].

Кроме созданных во всех автономиях пунктов по ликвидации неграмотности, приобщение к грамоте происходило и через разного рода культпросветучреждения, сеть которых действовала в 1920-е гг. в Поволжье. Развернулась кампания по распространению литературы на русском и национальном языках, увеличению числа библиотек, пополнению их книжных фондов. Появилось большое количество изб-читален, клубов, кружков и курсов. В Марийской области, например, действовали 152 избы-читальни, а к 1926 г. уже 180. Работали 11 библиотек, 13 клубов и 70 культпросветкружков.

[1] Здесь и далее рассчитано автором по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 3. М., 1928. С. 190, 191, 193, 198, 199. Т. 4. С. 19, 20, 312, 313, 318, 319.

[2] *Федосеева Л.Ю.* Участие рабочих Поволжья в культурном строительстве (1926–1935 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Пенза, 1994. С. 39.

В Чувашии к 1925 г. функционировали 5 центральных библиотек, 70 изб-читален, Клуб молодежи, Дом крестьянина, передвижная библиотека. В Татарии еще в 1921 г. действовали 75 клубов, 399 культпросветкружков, 771 изба-читальня. Для более широкого охвата населения библиотечной работой создавались передвижные фонды, книжные базары, книжные лавки, не будем забывать и о профсоюзных библиотеках, работавших при клубах и крупных предприятиях. Однако, с точки зрения комплектации, библиотечное дело оставляло желать лучшего, например, не хватало литературы на национальных языках. В Чувашии, например, избы-читальни и народные дома кроме периодических изданий и брошюр времен военного коммунизма не имели ничего. Центральные библиотеки в уездах не пополнялись новой литературой. Библиотекари Татарии с болью сетовали на то, что «по сравнению с русской, татарскую библиотеку обидно даже называть библиотекой и обидно работать в ней»[1]. Сказывалась слабая полиграфическая база в регионе, недостатки комплектования, излишнее неуместное рвение ряда сотрудников. Работники Чувашиздата жаловались на то, что из-за ужасного состояния полиграфической базы («комплектовалась из машин, проданных Москвой из-за их преклонного возраста»[2]) не выполняются 50 % поступивших заказов. Работники марийской типографии отмечали нехватку шрифтов марийского алфавита. Бумажный дефицит и нехватка денежных средств становились причиной уменьшения тиража и увеличения интервала между выпусками периодических печатных изданий. В Чувашии, например, видное место занимала газета «Канаш». Кроме Чувашии ее читали в Башкирии, Татарии, Самарской и Ульяновской губерниях. Из-за слабой технической базы ее тираж постоянно уменьшался и, в конце концов, выходившую ежедневно газету стали выпускать лишь три раза в неделю[3]. Аналогичная судьба постигла и марийские газеты «Марийская деревня» и «Йошкар-Кэче». Понятно, что укрепление полиграфической базы стало приоритетным и легло на плечи, прежде всего, рабочего класса Поволжья. Так, к 1930 г. в Саранске была построена первая типография, которая через четыре года выпускала пять газет. К середине 1930-х гг. собственные типографии были практически во всех городах Поволжья, а народы региона обрели возможность читать газеты на родном языке.

Властные структуры в Центре и на местах делали все от них зависящее, чтобы не ущемлять национальные языки и дать им возможность развиваться. Например, в Башкирии в 1923 г. появляются

[1] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 15. Д. 623. Л. 85.

[2] ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 5. Д. 435. Л. 128.

[3] Там же. Л. 129.

на башкирском языке книги, учебная, методическая литература, начинает издаваться научно-педагогический журнал «Белем» («Знание») на татарском и башкирском языках, а с 1924 г. стала выходить и республиканская газета «Башкортостан».

В эти же годы началось издание книг на мордовском и марийском языках. Однако роль русского языка как средства национального общения была по-прежнему велика, хотя бы в силу существования различных языков и наречий у поволжских народов. Существовавшая при Академии наук СССР Комиссия по изучению племенного состава населения СССР отмечала, что наречия мордвы-эрзя и мордвы-мокша «не настолько разные, чтобы не понимать друг друга, но разница в произношении их настолько велика, что живущие не по соседству и не привыкшие к чужому произношению представители этих групп предпочитают во взаимных отношениях прибегать к русскому языку»[1]. Жившие в горных районах Марийской области горные марийцы, бывало, не понимали луговых марийцев, правда, в данном случае дело было не в разнице произношения, как у мордвы, а в том, что вследствие долгого соседства с татарами, язык горных марийцев впитал в себя много татарских слов и в силу этого часто был непонятен луговым марийцам. Руководящих работников, понимавших эти наречия, попросту не было. Только после принятия множества управленческих решений оба наречия стали целенаправленно развиваться.

Одной из составляющих культурного строительства в национальных регионах Поволжья стала образовательная политика. Трудно переоценить роль начального, среднего и специального (профессионального) образования для строящего народно-хозяйственного комплекса.

В первые послереволюционные годы для увеличения численности начальных и средних школ, высших учебных заведений, профессионально-технических училищ, научно-просветительских учреждений использовалась прежняя материальная база, дореволюционная (здания и помещения, аппаратура и оборудование). Речь о строительстве новых зданий, выпуске нового оборудования даже не шла. Общей бедой всех поволжских регионов было недостаточное количество пригодных для эксплуатации школьных зданий, острая нехватка учебников на национальных и русском языках, отсутствие оборудования кабинетов и классов. Так, из 636 школ I ступени, работавших в Чувашии, собственное здание имели лишь 432 школы, остальные же работали в сдаваемых в аренду частных зданиях. Из имеющихся в Башкирии школьных зданий 70 % были непригодными к эксплуатации, что приводило к большой скученности детей в пригодных для этих целей помещениях. В некоторых

[1] ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 5. Д. 435. Л. 134, 136.

школах республики количество одновременно обучающихся детей доходило до 70 человек (особенно часто это наблюдалось в башкирских школах, да и в русских ситуация была немногим лучше)[1]. Большинство крестьянских детей вынуждены были заниматься в холодных избах, в результате чего «к концу учебного года 30–40 % детей были больными и требовали лечения в санаториях и домах отдыха»[2].

Из-за общего безденежья страдала и комплектация учебных классов. Так, в Чувашии оборудованных кабинетов не имели школы II ступени, техникумы, школы-восьмилетки. Катастрофически не хватало новых методических пособий и учебных материалов. Так как количественный рост школ (число школ I ступени в Марийской автономной области в 1924–1925 гг. увеличилось с 310 до 351, школ-семилеток с 11 до 17, аналогичные процессы происходили, например, и в Чувашии) явно превышал темпы развития полиграфической отрасли региона, национальные школы страдали от отсутствия учебников на местных языках, учебников на русском языке также не хватало. Школами Чувашии в эти годы были закуплены 13 тыс. букварей на чувашском языке вместо 20 тыс. необходимых, а из 5 положенных по норме книг чувашский ученик имел только 2. Кстати, в русских школах положение было не лучшим – оснащенность учебниками составляла 1,2 книги на ученика при норме в 4 книги[3].

Архивные источники дают интересные сведения по охвату школьным образованием в начале 1920-х гг. разных этнических групп. В Чувашии на каждую тысячу человек той или иной национальности в школах II ступени училось 0,6 чувашей, 12,62 русских, 7,64 марийцев. В техникумах на то же количество учащихся приходилось 0,9 чувашей, 1,41 русских, 1 мариец. В общей сложности в школах II ступени русских учащихся было 62,7 %, чувашских – 35,3 %, прочих национальностей – 2 %[4]. В Татарии среди учащихся школ обеих ступеней 52 % составляли татары. В Башкирии рост сети школ I ступени далеко не соответствовал потребностям республики. По числу школ этого типа и количеству обучающихся в них первое место прочно занимали татары, второе – башкиры, третье – русские. В школах же второй ступени положение было иное: от русских детей серьезно в количественном отношении отставали татарские и башкирские. Так, из всего количества школ II ступени в 1926–1927 гг. на долю русского населения приходилось более 65 %, башкирского –

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 270. Л. 155.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 288. Л. 50.

[3] ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 5. Д. 435. Л. 124.

[4] ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 5. Д. 435. Л. 118.

14,6 %, татарского – 14,3 %, остальной процент приходился на долю прочих национальностей[1].

Довольно низкий охват школьным образованием детей нерусских народов отчасти объяснялся нехваткой учительских кадров, особенно национальных. Так, по данным Всесоюзной переписи на 1926 г., из имеющихся в автономиях учителей большинство составляли, конечно, русские: в Марийской области работало 610 русских и 275 марийских преподавателей, в Татарии – 2714 русских и 1674 татар, в Пензенской губернии – 3120 русских и 182 педагога из мордвы, в Башкирии – 2154 русских учителя и 451 преподавателей-башкир; даже в Чувашии, где русских было гораздо меньше чувашей, количество преподавателей-чувашей и русских учителей было примерно одинаково (727 чувашей и 712 русских)[2]. Чтобы хоть как-то утолить кадровый голод, учителями брали тех, кто едва умел считать, но хорошо знал язык коренной национальности.

Для решения проблемы преподавания в национальных школах на родном языке Совет национальных меньшинств, входивший в состав Наркомпроса и отвечавший непосредственно за работу среди нацменьшинств, потребовал от местных органов власти принять срочные меры по введению во все учреждения национальных языков и созданию постоянно действующих учительских курсов. Особое внимание должно было уделяться подготовке сельского национального учительства.

Работники народного просвещения Поволжья испытывали те же трудности, что и педагоги всей страны. Материальное положение их было поистине бедственным. Власти регионов зачастую не торопились решать эти проблемы. Как пример приведу тревожные данные, поступавшие из различных кантонов Башкирии: «На погашение задолженностей учителям по зарплате БашЦИК дал 27 тыс. рублей. Из них 7 тыс. “застряли” в кантисполкоме. При дальнейшем движении денег от двадцати тысяч осталось очень мало. В Тамьян-Тангуровской волости учителя не получают зарплату уже 3 месяца». Доходило до того, что деньги приходилось занимать у кулаков. Также сообщалось, что «учителя голодают» и вынуждены идти на сезонные работы[3].

Даже в таких сложнейших условиях учителя поволжских регионов самоотверженно выполняли свою работу и служили на благо отечественного образования. Хотя было очевидным, что без должного внимания центральной и местной власти поднять его на нужный уровень очень и очень сложно.

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4347. Л. 247–249.

[2] Рассчитано автором по Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 20. С. 131, 364–377, 400, 401; Т. 21. С. 95, 468–471.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 288. Л. 14, 15, 22, 23.

Послереволюционное десятилетие было чрезвычайно значимым для большевистского правительства, сродни вопросу «быть или не быть». Потому советская власть, победившая на огромной территории многонациональной и поликонфессиональной страны, остро нуждалась в поддержке населявших ее народов. Разработанная концепция национальной стратегии включала в себя решение задач экономического, социального, образовательно-культурного подъема народов национальных окраин и регионов страны. Одним из таких национально и культурно многообразных регионов было Поволжье.

В сфере образования и культуры в данном регионе приоритетными были задачи развития общего и профессионального образования на национальных языках, выпуск национальных периодических изданий и литературы, культурный подъем, прежде всего, нерусских народов. Преградами к выполнению задуманного являлись: острая нехватка преподавателей из представителей нерусских народов либо преподавателей, знающих национальные языки, слабость полиграфической базы, старая, еще дореволюционная сеть образовательных учреждений, их материальная необеспеченность. Тем не менее в результате предпринятых центральными и местными властными структурами шагов, подвижнического труда населения Поволжья и командированных в этот регион учителей резко вырос уровень грамотности населения (особенно нерусского), расширилась сеть библиотек (стационарных и передвижных), улучшилась полиграфическая база, что позволило печатать больше книг, увеличить тираж газет и журналов как на русском, так и на языках живущих там народов. Многие поволжские народы впервые обрели возможность читать на родном языке, в полной мере развивать свои языки и наречия. Путем приоритетного и целенаправленного принятия нерусской молодежи в техникумы и педагогические училища (зачастую в ущерб русскому населению) развивалась национальная общеобразовательная и профессиональная школа, преодолевался национальный «кадровый голод», в конечном итоге формировалась та многонациональная трудовая армия, которой предстояло поднимать, развивать и модернизировать экономику поволжского региона.

Принцип поликультурности образования и школа нерусских народов

Л.Н. Беленчук

Несмотря на явный профессиональный интерес Татьяны Павловны Хлыниной к вопросам социально-политическим, становление советской школы в регионах, населенных преимущественно нерусским населением, типичные и специфические черты образовательной системы, сложившейся, в частности, на Северном Кавказе в переломный период отечественной истории, стали еще одним серьезным направлением ее исследовательской деятельности. Мне бы хотелось познакомить читателя с принципами и путями развития национальной школы в Российской империи, ведь каждая нация в определенную историческую эпоху опиралась на очень похожие и понятные для всех народов гуманистические основы бытия, обогащая их неповторимым национальным колоритом.

* * *

Один из основных принципов отечественной государственности – принцип поликультурности – нашел свое отражение и в построении школьной системы. Российская империя характеризовалась культурным многообразием. В ней существовало 17 групп языков и наречий, 16 религиозных конфессий, 35 типов начальных школ[1]. Важнейшим культурным признаком было вероисповедание, которое в большей степени определяло культурную идентичность, нежели язык. Школьные системы базировались на религиозных мировоззрениях и конфессиональных институтах, и светский элемент образования был в них ничтожно мал (за исключением протестантских школ, которые уже давно представляли по существу светскую школу). При этом мусульманские или, например, буддийские школы у отдельных народов практически ничем не различались

[1] Однодневная перепись начальных школ Российской империи 18 янв. 1911 г. Пг., 1915. Вып. XVI. Ч. 2. С. III.

между собой, кроме языка преподавания, да и то не всегда. Основу их обучения составлял арабский язык или старомонгольское письмо. Поэтому мы будем рассматривать не школы отдельных народов, а школы вероисповеданий трех мировых религий – христианства, мусульманства и буддизма – в их сопряжении с общегосударственной образовательной политикой и русской школой.

Католические школы. Католические школы существовали издавна практически при каждом приходе или монастыре и отличались хорошо налаженным преподаванием богословского цикла знаний, а также языков и ряда гуманитарных светских наук. Некоторые из них вели свое существование от древних иезуитских колледжей или монастырских школ. В XVIII в. орден иезуитов был запрещен папой римским, и его представители оказались в основном в Восточной Европе, где в значительной мере повлияли на образование и школу. В Российской империи католики как община появились при Петре I, к концу царствия которого их насчитывалось 2000 чел. После присоединения польских территорий (раздела Польши в конце XVIII в.) католическое население составляло уже несколько миллионов, а к 1917 г. – 10,5 млн человек. В России католические учебные заведения в основном концентрировались на Северо-Западе и Западе страны – в Польше, Литве, Белоруссии и Украине. Имелись они также и в столицах. В конце XIX в. Римско-католической церкви принадлежали 2 гимназии в Санкт-Петербурге и одна в Москве[1]. Два университета давали католическое богословское образование (Варшавский и Виленский).

Сложность образовательной политики на Западе России состояла в том, что если для подавляющего большинства восточных народов приобщение к русской культуре означало в новое время подъем на новую ступень образования, то польское и германское культурные влияния соперничали с русским в своей миссии относительно балтийских народов.

После присоединения Царства Польского к России довольно долгое время польское образованное общество игнорировало правительственные школы, открытые в западных губерниях. Духовенство всемерно уклонялось от преподавания в них римско-католического вероучения (которое было дозволено законом), открывая альтернативные частные (на средства шляхты) школы на польском языке и школы при костелах. Катехизационные собрания выполняли не свойственные им широкие функции, включающие общее образование. В Тирасполе и Плоцке были открыты римско-католические семинарии, при которых епархиальные католические власти добивались разрешения организовать гимназии с польским

[1] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 846. Оп. 1. Д. 165. Л. 23–23об.

языком преподавания, с курсом и правами правительственных гимназий, однако с подчинением католическому епископу и единым с семинариями преподавательским составом.

До восстания 1830-х гг. польская школа развивалась на Западе страны, ничем не стесняемая со стороны властей, и представляла собой самостоятельную систему. «Мечтательное полонофильство Александра I привело к тому, что православный народ Правобережной Украины и Белоруссии, имевший позади более чем двухсотлетнюю историю борьбы за Православие… остался фактически без должной поддержки Государя и правительства Империи, в которой Православная Церковь официально имела статус господствующей… Организованный А. Чарторыйским Виленский учебный округ был… звеном в цепи его планов по реставрации Речи Посполитой»[1]. Российская история в польских школах не преподавалась, русский язык преподавался как иностранный. «В официальных документах Виленского учебного округа родным языком всего населения Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины, среди которого поляки составляли абсолютное меньшинство, именовался польский[2].

Однако после польского восстания 1830–1831 гг. государство стало видеть в школе опору сепаратистских устремлений польских высших слоев. Но и после восстания были приняты меры, касающиеся снижения польского влияния вне Царства Польского (упразднение католических училищ в Белоруссии, на Украине, в Виленском учебном округе). В 1839 г. был организован Варшавский учебный округ. Министр народного просвещения, граф С.С. Уваров тем не менее был против принудительных мер. Он восстановил упраздненное после восстания употребление польского языка в преподавании. Одновременно было введено и преподавание (наряду с латынью) церковнославянского языка в школах края, а учебные планы школ приведены в соответствие с общероссийскими. Гимназии Царства Польского были сориентированы на поступление в российские университеты[3]. Начальное и женское образование по-прежнему оставались в руках римско-католического духовенства.

Школьная проблема в западных губерниях сразу же приобрела политическую окраску. Дополнительным языком богослужения (кроме основного – латыни) и молитв у литовцев, западных белорусов и украинцев являлся польский язык. Соответственно, как язык вероучения, а значит, учебного предмета «Закон Божий» он проникал и в школу, завоевывая там все более существенное место. В 1862 г. была полностью восстановлена система польских школ.

[1] *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 98.

[2] Там же. С. 99.

[3] Там же. С. 103.

После подавления польского восстания 1863–1864 гг. правительство пыталось принять меры к усилению русского культурного влияния в крае. Указом 1869 г. преподавание в Царстве Польском было переведено на русский язык, исключая католический Закон Божий. Были устроены русские православные школы в сельской местности для православных русских, белорусов и литовцев. Для католиков учреждались школы при костелах. Высшее духовное образование они получали в Краковской академии.

Попечитель Виленского учебного округа в 60-х гг. XIX в. И.П. Корнилов (известный географ и этнограф, член Русского географического общества, императорского Одесского общества истории и древностей, Православного палестинского общества и др.) содействовал открытию русской публичной библиотеки в Вильне, архива, археографической комиссии, занимавшейся изданием древних документов. И.П. Корнилов являлся и автором многочисленных работ по культуре, школьному образованию и истории Северо-Западного края, которые позволяют говорить об его оригинальном подходе к вопросу соотношения общегосударственного и этнокультурного начал в просвещении.

Одной из сторон его творчества являлся анализ причин слабости российской школы в регионе. После польского восстания середины 60-х гг. XIX в. польские школы были запрещены законом. Запрещение касалось и польской литературы и книгоиздательского дела. Жесткие меры не могли не вызвать недовольства населения. До 1864 г. педагогический персонал Виленского учебного округа составляли по преимуществу поляки: русских учителей было не более 20 %[1]. В крае совершенно не была налажена книготорговля русскими изданиями. В итоге большой по народонаселению край оказался вообще без литературы. Также после закрытия польских училищ литовские уездные города остались без школы. И.П. Корнилов отмечал, что после принятия этих актов в культурной и школьной жизни края создался некий вакуум – не стало книг и учебников, учителей, вероучительной и литургической литературы. Правда, польские издания все же просачивались через все барьеры, и рынок наводняла нелегальная учебная литература, в которой нередки были прямые антиправительственные выпады[2].

Противостоять сильному польскому культурному и политическому влиянию можно было только с помощью создания национальной литовской школы на родном языке. И.П. Корнилов осознавал сложность этой задачи – ведь в крае ранее имелось большое количество давно существующих польских учебных заведений со своими традициями, своей учебной литературой и педагогическим

[1] РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 91. Л. 12об.

[2] РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 882. Л. 58; 116.

персоналом. Для введения государственного образования и языка в Виленской губернии нужны были значительные средства, которые можно было получить только путем их перераспределения из центральных губерний, которые сами испытывали их недостаток.

Одним из направлений деятельности И.П. Корнилова на посту попечителя Виленского учебного округа была попытка введения русского алфавита в литовский язык, прежде всего в учебную литературу: ведь до начала XVII в. на русском языке писались важнейшие литовские документы, велось делопроизводство, как церковное, так и гражданское. Он призывал рассматривать русскую графику не как новый алфавит присоединившей Литву страны, а как возвращение к старому письму[1]. Это совсем не означало запрета на польские буквы – книги могли бы, писал И.П. Корнилов, печататься двумя способами.

В 1865 г. была напечатана литовская азбука на основе русской графики, составленная учителем Жилинским и называвшаяся по европейской традиции «АБСция». Этот же автор составил и хрестоматию, но она напечатана не была. В 1865–1868 гг. в литовских школах появились русскобуквенные учебники. В 1866 г. вышло высочайшее повеление об издании литовских книг русскими буквами, в котором было предписано составить литовскую грамматику, литовско-русский и русско-литовский словари[2]. Но постановление никак не проводилось в жизнь, и не было никаких сведений об использовании подобных книг в школах и библиотеках. Из-за их недостатка при обучении грамоте ограничивались только письмом, что нарушало методику и логику обучения языку.

В 1892 г. были составлены и изданы два новых учебника на русском алфавите: «Литовская грамматика» и «Русская грамота для литовцев». Предполагаемые высочайшим указом 1866 г. словари так и остались неизданными[3].

Уже в 90-е гг. XIX в., оценивая школьную политику в Западном крае за прошедшие 30 лет, И.П. Корнилов сделал вывод, что главная причина неудач – колебания правительства в политике и неумение привлечь местное общество на свою сторону.

Другим деятелем школы, оставившим свой след в развитии образования Прибалтики, был попечитель Варшавского учебного округа в 70–90-е гг. XIX в. (в течение 17 лет), А.Л. Апухтин, в прошлом педагог, ректор Московского Константиновского межевого института. Отвечая своим оппонентам, он так писал о задачах школы в Царстве Польском: «Как не дело русских педагогов брать

[1] РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 187. Л. 2.

[2] РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 557. Л. 8–8об.

[3] РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 557. Л. 61–65.

на себя неисполнимую задачу – силою обрусить целый край, так и не их дело внушать польскому юношеству, что не по долгу и не в силу исторической необходимости, а по сознанию материальной выгоды, могущей произойти от искреннего союза поляков с Империей, они должны быть русскими верноподданными»[1]. Верность Отечеству не воспитывается с помощью политических амбиций и сознания экономических интересов, а мысль о выгоде должна быть полностью устранена из гражданского воспитания – вот основная идея педагога.

Осуществляя руководство в таком сложном и автономном регионе, он поставил перед школой следующие конкретные задачи: подобрать однородный по духу состав учителей, преследующих одинаковые цели; вывести из школ «дух политиканства» (как польского, так и русского: под политиканством он понимал ложно интерпретируемые национальные или государственные интересы). Это дало свои плоды: во времена его управленческой деятельности все учащиеся школ Варшавского учебного округа в достаточной степени владели русским языком. В школу вводились лучшие педагогические новации. В этот период в Варшавском учебном округе были открыты 6 городских училищ и 300 начальных народных школ. Существовал даже термин «апухтинская школа» как символ всего основательного и одновременно передового в педагогике[2].

К началу XX в. стало очевидно, что российское правительство не сумело обеспечить поступательное развитие общенационального компонента школы в Прибалтике. Слабая и недостаточная сеть православных и государственных школ не могла противостоять давно работающей, слаженной системе католического образования.

Протестантизм. Протестантизм проникал в Россию различными путями: сначала это были купцы – немецкие, шведские, датские, английские и голландские. На их подворьях было позволено отправлять протестантские богослужения и заводить школы. Начиная с XVI в. на Русь прибывали специалисты в разных отраслях хозяйства – медики, строители, художники, ремесленники. Много протестантов спасались в России в период европейских религиозных войн. Во время царствования Алексея Михайловича в России проживало до 18 тыс. протестантов. В правление Петра I эта армия пополнилась военными и инженерами, Екатерина II позволила немецким крестьянам-лютеранам селиться на южных и поволжских землях. Число протестантов росло и за счет военных приращений территорий севера (особенно в 1809 г. – присоединения Финляндии и в 1815 г. – части Польши с протестантским населением). В 1832 г. Устав лютеранской церкви был включен в Свод законов Российской

[1] РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 74. Л. 3об.

[2] РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 74. Л. 5–7.

империи. По переписи 1897 г. лютеране составляли вторую по численности конфессию в России.

Вопросами культурного развития части Прибалтики, находившейся под влиянием немецкой культуры, занимался видный политический деятель и ученый Ю.Ф. Самарин, который некоторое время состоял там на государственной службе. Ю.Ф. Самарин имел и педагогический опыт: он директорствовал и преподавал в открытых им трех сельских школах в своем имении, в Самарской губернии. Он активно критиковал правительственную политику в Прибалтике, особенно в церковной и образовательной сферах, и был преследуем властями. Правительство считало его убеждения слишком крайними, способными спровоцировать осложнения в политической сфере.

Начиная свой труд «Окраины России», посвященный прибалтийскому региону, Самарин обвинил государственную власть в безразличии и бездействии. Особой критике была подвергнута администрация края, отмечена «бесплодность попыток ввести русский язык в училища и в официальное употребление»[1]. Ю.Ф. Самарин вскрыл причины нераспространения государственного языка в Прибалтике, показывая силу немецкого культуртрегерства, основанную на образовательном характере лютеранской церкви, который она окончательно приобрела во второй половине XVIII в. Сравнивая лютеранские и православные приходские школы, Ю.Ф. Самарин отмечал прекрасную организацию, «бдительное руководство и высокую посещаемость» первых и слабую организацию вторых. У лютеран были прекрасные школьные здания, преподавание основ научных знаний на немецком языке (в некоторых школах присутствовал и русский язык как предмет), уроки пения на латышском языке.

В 1845 г. российское правительство разрешило латышам и эстам переходить в православную веру и постановило открыть с этой целью в Лифляндской губернии приходские православные школы. В 1850 г. были разработаны правила для православных приходских школ, по которым все дети православных семей обязаны были их посещать[2]. Когда сельские латышские и эстонские общины разделились пополам – на лютеран и православных, школа, принадлежавшая всей общине, также должна была быть разделена, однако на деле она оставалась у лютеранского духовенства, поскольку его поддерживали состоятельные немецкие помещики[3].

Тем не менее у местного населения было желание учить детей в русской школе; число школ с 1850 по 1870 гг. выросло с 28 до

[1] *Самарин Ю.Ф.* Окраины России. Т. VIII. М., 1890. С. 108.

[2] РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 658. Л. 1–21.

[3] *Самарин Ю.Ф.* Окраины России. Т. IX. М., 1898. С. 183.

107 (не считая 252 вспомогательных, учивших разговорному русскому языку)[1]. В 1860-е гг. власти попытались ввести во всех народных школах русский язык, одновременно укрепив положение русских школ, управлявшихся Советом по делам сельских народных училищ. В городах при этом повсеместно была распространена только немецкая школа, на содержание которой местным дворянством выделялись значительные суммы.

Ю.Ф. Самарин предлагал начать реформы образования в Прибалтике снизу, главной консолидирующей силой сделав церковно-приходскую школу и христианское воспитание. Эти меры противоречили выводам генерал-губернатора края Альбединского, изложенным в докладе правительству. Последний предлагал прекратить всякие попытки реформировать сельскую (народную) школу ввиду «невозможности изъять народное образование из рук лютеранских пасторов и дворянства». По его мнению, необходимо было постепенно улучшать положение православной церкви в крае, «создать русские умственные центры в Риге, Дерпте, Ревеле», привлечь русское купечество в Прибалтику и постепенно внедрять русский язык в делопроизводство.

Отмечая сложность формирования общенационального компонента образования в прибалтийских губерниях, надо сказать, что этому были объективные причины. Относительно недавнее вхождение этих территорий в состав Российской империи, слабость экономических связей с центральными территориями, отсутствие русского населения, сильное влияние римско-католической и протестантской религий, имевших древние воспитательные и образовательные традиции, сопряжение культурных реалий прибалтийских народов с польской (в течение 400 лет) и немецкой (еще более длительный срок) культурами.

Но субъективные факторы также играли не последнюю роль. Только слабостью администрации можно объяснить почти полное отсутствие русского языка (даже как предмета) в прибалтийских школах, полное отсутствие системы подготовки русскоязычных учителей в крае, которые были бы знакомы с местными языками и особенностями культуры и быта прибалтийских народов. Принадлежность прибалтийских народов к иному культурно-историческому типу сильно затрудняла процесс вхождения их в российское образовательное пространство. Кроме того, если в России существовала мощная школа научной ориенталистики, изучались языки и культуры народов Востока, то новые, недавно присоединенные западные народы оставались для русских малознакомым и неизведанным элементом. Ни в одном учебном заведении центра России не изучались западные языки и культуры, и это

[1] *Самарин Ю.Ф.* Окраины России. Т. IX. С. 173.

тоже стало препятствием в сближении русского и прибалтийского образования и культур.

На других территориях России протестантская школа также занимала значительное место, существуя почти при всех приходах лютеранских и других церквей. Немецкие колонисты прекрасно поставили обучение русскому языку и другим предметам, в курсе которых изучалась русская культура. Сильной стороной протестантских школ была отлично поставленная система обучения основам научных знаний, развития интеллекта.

Армянская школа. Древней системой собственных школ располагал армянский народ. Исторически здесь существовала система духовных учебных заведений – церковно-приходских школ со светским элементом обучения и духовных семинарий, которые по своему характеру приближались к гимназиям. Эчмиадзинская школа считалась высшим духовным образовательным учреждением Армянской церкви.

После выхода правительственной инструкции 29 октября 1871 г. армяно-грегорианские школы практически остались вне контроля государства. В них слабо было поставлено преподавание русского языка, а в некоторых – отсутствовало вовсе. Школьная система армян со временем все больше приобретала черты общеобразовательной автономной школы, в которой региональный аспект образования явно превалировал над общероссийским, что не могло не беспокоить правительство. В 1884 г. вышел указ о запрещении учреждения армянских школ вне церквей и монастырей и с требованием ввести в школах преподавание русского языка, истории и географии России (изъяв из программ историю и географию Армении). На Министерство народного просвещения было возложено наблюдение за учебной частью школы (кроме преподавания Закона Божьего). Школы не всегда подчинялись этому распоряжению и в подобном случае закрывались на год.

В 1897–1898 гг. армянские школы были поставлены под полный учебный контроль Министерства народного просвещения, что вызвало серьезное сопротивление населения. В 1903 г. земельное имущество армянских церквей было передано в казну, на что духовенство отреагировало закрытием школ; но уже в 1905 г. школы были открыты вновь, а имущество им возвращено[1]. Наместнику на Кавказе было поручено совместно с соответствующими ведомствами выработать новое положение об армянских церковных школах. В 1906 г. против армянского духовенства объединились дашнаки (местная националистическая партия), ратовавшие за официальную передачу школ армянской общественности.

Мусульманская школа. На российских землях ислам с давних времен имел мощные традиции. Исламскими государствами были

[1] Русская школа. 1906. № 1. С. III–IV.

Волжская Булгария, Золотая Орда, Астраханское, Крымское, Сибирское ханства. Ислам на территории России сыграл известную роль в обращении язычников к единобожию. Именно поэтому некоторые государи поощряли его распространение в стране. Постепенно Российская империя, расширяясь на Восток, обрастала исламскими территориями. Традиционными ареалами ислама являлись часть Поволжья, Кавказа и Закавказья, Туркестан, Крым. Перед захватом власти большевиками в России мусульмане составляли 25–30 % всего населения страны. Неотъемлемым атрибутом исламской общины являлась школа – начальная (мектебе), где все мальчики получали религиозное образование: в основном навыки чтения Корана и религиозных книг и основы шариата, или средняя (медресе), с расширенной программой богословского образования. За высшим мусульманским образованием необходимо было ехать в медресе Бухары, или Стамбула, или даже Каира.

Ислам в Средние века обладал огромным культурным потенциалом, впитав в себя многие элементы культуры античного и древневосточного мира. В конце XIX в. в мусульманское образование начинает проникать светский элемент – все больше распространяется движение джадидизм, которое в России возглавил известный крымский просветитель И. Гаспринский, инициатор создания так называемых новометодных школ, долгое время живший в Европе и ратовавший за научное образование мусульман. Мусульманское духовенство в основном держалось старого, исключительно религиозного образования, которое называлось кадимистским.

Закон о просвещении нерусских национальностей (Правила 1870 г.) состоял из преамбулы и двух частей – «просвещение христиан» и «просвещение магометан». Второй раздел закона (о мусульманах) рождался в принципиальных спорах. Многие ученые (а комиссия по выработке закона состояла из целого ряда имен мировой величины) вообще выступали против этого раздела (например, известный ориенталист, проф. В.В. Григорьев, поддерживающий политику невмешательства в дела мусульман). В итоге получился документ рекомендательного характера, предусматривавший освобождение учащихся-мусульман от церковнославянского языка в системе начальных школ и греческого и немецкого языков – в гимназиях и законодательно оформленное введение мусульманского вероучения в курс начального обучения. Рекомендовалось «располагать местные магометанские общества к устройству классов русского языка». То есть правительство на том этапе практически отказалось от какого-либо вмешательства в дела мусульманской общины в сфере просвещения и не декларировало обязательность изучения мусульманами России русского языка как государственного.

Важным достижением закона было признание возможности государственного школьного строительства на негосударственных языках, отсутствия какой-либо законодательной регламентации объема преподавания на родном языке, законодательное закрепление права преподавать в школах вероучение неправославных народов. Новым было определение педагогического значения факта принадлежности учителя и учеников к одному этносу.

В 1876 г. была принята инструкция Министерства внутренних дел об отношении к мусульманской школе, в которой местным административным органам рекомендовалось знакомиться с работой учебных заведений мусульман, вникать в их устройство, собирать статистику. В 1886 г. были утверждены предложения Д.А. Толстого об образовательном цензе для мусульман, претендующих на занятие светских и общественных должностей, мусульманского духовенства и мусульманского учительства; об учреждении новых мусульманских школ только при наличии в них русского класса, открываемого на средства общины[1].

Протест со стороны мусульман вызвали положения закона 1906 г. об установлении контроля над мусульманскими школами Министерства народного просвещения и введении русской транскрипции местных языков вместо арабской. Министерство народного просвещения с помощью инспекторов народных училищ должно было наблюдать, «чтобы в этих школах не преподавалось ничего противного здравой педагогике и общечеловеческой нравственности». Русская транскрипция должна была облегчить переход к изучению русского языка. Сопротивление контролю над традиционной школой, внедрению государственной общеобразовательной школы и русскому алфавиту было таким активным, что фактически эти пункты так и остались на бумаге. Мусульманская общественность в письме в Министерство народного просвещения утверждала, что светская школа у мусульман – несбыточная мечта, а проект совмещения мектебе со светской школой утопичен, так как русско-туземная школа предусматривает в программе 30 часов светских предметов[2].

Мусульманскими общественными лидерами была сделана попытка совместить свои требования и предполагаемый проект введения всеобщего начального обучения в России. Для этого было предложено поступать в начальные училища министерства уже окончившим мектебе, сократив его курс до трех лет; и до такого же срока обучения – курс начального училища. В программе начального училища предполагалось расширить объем преподавания родного языка и мусульманского вероучения и сократить курс светских

[1] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 468. Л. 24об.

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3550. Л. 68.

предметов. Было высказано мнение о желательности устройства не общеобразовательной, а технической и сельскохозяйственной школы[1].

Сторонники мусульманского образования предложили отменить запрещение пользоваться учебниками и литературой, изданными за границей, поскольку многие учебники по мусульманскому богословию и религиозно-философским дисциплинам не издавались в России.

В сентябре 1907 г. при Министерстве народного просвещения собралось новое межведомственное совещание по вопросам просвещения восточных народов России с участием лиц администрации, крупнейших педагогов России, представителей Казанского и Оренбургского учебных округов, Кавказа, Казахской степи, Туркестана и Восточной Сибири. Среди них были и представители мусульманского духовенства[2]. В результате его работы через 20 месяцев после закона 1906 г. вышли Правила 1907 г., в которых разрешалось пользоваться как русской, так и арабской транскрипцией языков мусульманских народов, родным языком в первые два года учебы в казенной школе, устанавливалась обязательная принадлежность учителя к тому же народу, что и его ученики, либо к русской национальности. Контроль министерства над мусульманской школой, запрет преподавания в ней иностранных граждан, недопущение бесцензурной литературы были сохранены.

Однако министерская инспекция могла осуществлять контроль только над содержанием обучения светским предметам на русском языке (если таковые имелись в учебном плане медресе) и над тем, чтобы в мусульманских школах не учились дети других вероисповеданий. На практике же контроль над традиционной мусульманской школой во многих регионах отсутствовал, поскольку не было достоверной статистики по этим учебным заведениям (в Туркестане количество мусульманских школ было примерно подсчитано лишь в 1890-е гг.).

Наиболее сильным мусульманское образование было в Поволжье, откуда оно распространялось и на другие территории. Сила мусульман в Поволжье состояла в древней отлаженной мусульманской школьной системе и наличии собственного национального образования у татар: в Казанской губернии имелось в начале XX в. 2000 мусульманских и только 1600 православных начальных школ (кроме них еще 24 русско-татарских училищ), тогда как соотношение татарского населения и русского в губернии составляло 1:2. Если учесть, что к рубежу веков татары начали активно вводить в школы светские предметы, то можно сказать, что из всех народов

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3550. Л. 68–68об.

[2] РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 242. Л. 80.

России они были наиболее близки к введению всеобщего начального обучения, поскольку охват школой детей у этого этноса был практически стопроцентным. В Поволжье и Приуралье сеть эта руководилась самостоятельным органом – «Особым управлением мусульманскими школьными делами», организованным на пожертвование одного из крупных мусульманских деятелей[1]. В Поволжье же, традиционно торговом регионе, наиболее был распространен и русский язык, и нередки были случаи обучения детей вначале у муллы, а затем в русских учебных заведениях.

Разработчики новых Правил (1913 г.) заключили, что цели государства с распространением системы Ильминского на юг не были достигнуты, но сделали из этого ложный вывод – будто система Ильминского не приспособлена к новым задачам, уже выполнила свою миссию и потеряла всякое значение. Она была полностью отвергнута, и сделана ставка на всемерное развитие обучения на русском языке. Разумеется, и требование знания языка учащихся для учителей местных школ было отменено. Лишь на месте учитель «должен был озаботиться приобретением достаточного для школьных целей знакомства с природным языком учащихся».

Буддистское обучение. Буддизм получил распространение на территории России с XVII в. Россия являлась и является единственной в Европе страной, где буддизм существует традиционно. В 1741 г. указом императрицы Елизаветы буддизм получил официальный статус – его разрешалось проповедовать на традиционных территориях распространения. В 1853 г. было принято «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири», которое получило статус одного из высших сословий Российской империи (такой же, как и православное духовенство). При этом количество монастырей (дацанов и хурулов), а также монахов строго регламентировалось. Таким образом, впервые структура ламайской духовной и социальной организации законодательно определялась государственной властью. Правительство объясняло необходимость такой регламентации сокращением числа бурятов в России, поскольку в ламайской вере отсутствует белое духовенство. Ламы требовали, чтобы один сын из трех в семье шел в монахи. Родители, отдавая ребенка учиться и воспитываться в монастырь (дацан), фактически лишали его возможности иметь семью и детей, заниматься общественным трудом. Власть это не устраивало как в демографическом, так и в экономическом отношении.

Постоянное соперничество на Востоке с Англией, торговые интересы России, близость огромного и значительного по своему культурному влиянию буддийского мира вынуждали Россию пристально изучать эту культуру, организовывать научные экспедиции,

[1] РГИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 165. Л. 6об.

интересоваться жизнью буддийских народов. Российские ученые знали буддизм не отвлеченно, как западноевропейские, а конкретно, подолгу живя в среде ламаистских народов. Существование этих народов коренным образом меняло отношение государства к буддизму вообще. Это была проблема внутренней политики России. Однако это безусловно касалось и внешней политики. Калмыцкая знать и духовенство имели постоянные контакты с Тибетом и Далай-ламой, который назначал ханов в Калмыцком ханстве (существовавшем до 1771 г. на территории России). Высшее буддийское духовенство России получало образование в монастырях Монголии и Тибета.

Ламаистские народы долгое время вели кочевой образ жизни. Говорить в этом случае о совпадении этнических и национальных границ не приходится: буддисты в России проживали рядом, смешанно с язычниками и христианами. Как и у других религий, буддийские школы располагались в основном в монастырях (в Бурятии – дацанах), куда определяли мальчиков по достижении ими известного возраста. В лучших из них были библиотеки, типографии, изучались философские и богословские дисциплины, медицина, астрономия. На территории России перед революцией действовало 200 буддистских монастырей и храмов (включая Туву, которая с 1914 г. находилась под протекторатом России), было 25 тыс. представителей духовенства. Санкт-Петербургский дацан – первый буддийский храм в Европе – был освящен в 1915 г., принадлежал смешанной в этническом плане общине, куда входили и русские[1]. В начале XX в. в буддизме, как и в других конфессиях, возникает обновленческое движение одновременно за чистоту веры и за более активное введение в образование научных знаний.

Русская школа также постепенно распространялась среди ламаитов. В основном это были государственные учебные заведения и миссионерские школы (Забайкальская и Иркутская миссии Православного миссионерского общества). Выдающимся просветителем сибирских народов был митрополит Московский Иннокентий (Попов-Вениаминов), начинавший свою архипастырскую деятельность в Сибири. Он являлся автором алфавитов для народов, не имевших письменности, составлял для них грамматики, издавал первые учебные книги и книги для чтения.

Старейшей миссией в России была Забайкальская – она существовала с 1681 г. В нее входило 18 станов, включавших 27 школ с 635 учениками. С середины Х1Х в. на ее территории появились миссионерские станы, в которых открылись училища для бурят и тунгусов (эвенков). Учителями в них работали выпускники духовных семинарий, миссионерских курсов, уездных и духовных училищ. Мало

[1] Российская цивилизация. Словарь. М., 2001. С. 26.

кто из учителей миссии знал местные языки, им требовались переводчики, что затрудняло обучение и общение с населением. Такой состав учителей не удовлетворял миссию. Поэтому миссионерская школа при Посольском монастыре стала готовить учителей из местных народов. Учебный план первого (младшего) отделения школы включал русский язык, монгольское чтение и письмо, священную историю, Закон Божий и пение; второго отделения – русскую грамматику, письменный монгольский язык, историю, географию, чистописание, богословский курс. При Иркутском Воздвиженском монастыре также работала школа письменности монгольского языка. Несмотря на такую по возможности приближенную к местным культурным запросам программу обучения, ламаисты редко отдавали своих детей в русские школы: по данным журнала «Народное образование», за 1895–1896 гг. в приходских школах училось всего 36 ламаитов, а в школах Министерства народного просвещения за 1892–1896 гг. – 1 человек[1].

В 1897 г. Забайкальскую миссию с визитом посетил видный государственный деятель, один из авторов проекта всеобщего обучения А.Н. Куломзин, который был поражен бедностью миссии и экономическим процветанием ламаизма и численностью ламайского духовенства. В Сибири в конце XIX в. проживало всего 200 тыс. ламаитов (буряты и тунгусы), и на это число верующих насчитывалось 15–18 тыс. лам, т.е. примерно один лама на 13 чел., тогда как в России в среднем 1 священник приходился на 300 верующих[2].

Совещание 1905 г. по выработке новых Правил просвещения инородцев, разрабатывая проблему распространения общегосударственных элементов в школе по вопросу образования буддистов, опиралось на записку известного монголоведа А.М. Позднеева, в которой был представлен подробный исторический обзор буддийских и русских школ у калмыков и бурят по источникам первой руки и по личным наблюдениям автора. Вот краткое содержание этой записки. Калмыков в России проживает 479 тыс. чел. По своей вере это ламаисты (разновидность буддизма), часть из них – язычники-шаманисты. Буддисты имели духовного главу вне пределов России (в Китае и Монголии).

Среди бурят имелись как ламаисты, так и христиане (особенно в Иркутской губернии). Буряты образовывали свои частные школы, схожие по учебному материалу с русскими начальными школами. Но обучение там велось на основе старомонгольского письма (сложного и не имеющего практического применения). Школы эти преследовались местной администрацией как нечто нелегальное, как «не соответствующие народному развитию ламаистов».

[1] Народное образование. 1898. № 8. С. 10.

[2] *Никольский А.* Забайкальская духовная миссия (1681–1903). Очерк из истории православной миссии в Восточной Сибири. М., 1904. С. 69–71.

Государство пыталось интегрировать ламаитов в гражданское общество России. Для этого специально открывались школы – Астраханское калмыцкое училище, как и Аптекарскоостровское в Санкт-Петербурге, готовившие в основном чиновников для нужд местного управления. Учительская семинария в Чите не смогла стать в такое же отношение к бурятам, как Казанская учительская семинария по отношению к нерусским народам Поволжья. Только у бурят иркутских или предбайкальского края, давно принявших христианство и знакомых с русским языком, русско-бурятская школа, главным образом миссионерского и синодального ведомства, пустила более глубокие корни.

А.М. Позднеев писал, что отрешенный от жизни характер ламайской науки, излагаемой на чуждом населению языке и представляющей своеобразную смесь индийской и отчасти китайской философии с тибетским шаманством и туркестанским несторианством, не составляет удобной основы для народной школы в нашем современном понимании. Это сознается и ламами, которые считают это вероучение как бы своим сословным достоянием и, следовательно, запретным плодом для народных масс[1]. В таких школах можно было попробовать ввести только что-то похожее на классы русского языка, и то это может получиться лишь в том объеме, который достаточен для обслуживания сословных интересов лам. Для большинства населения должны быть учреждены такие же школы, как русско-инородческие в Поволжье. Обучение же своему Закону Божьему всех мирян вовсе не допускается устоями ламаизма, хотя со стороны администрации делались даже в недавнее время неуместные попытки навязывания калмыкам и бурятам преподавания буддийского или ламайского вероучения в школе.

Русский язык также должен преподаваться не по натуральному методу (русский на русском), а по системе Ильминского, при содействии природного языка детей. Ввиду трудностей изучения русского языка, курс его может быть удлинен с двух до трех лет. Возможен, как у киргизов, тип передвижной школы. Наряду с первоначальными училищами для ламаитов должны быть учреждены и четырехклассные либо в виде надстройки над первыми, либо самостоятельно. Учебные планы и программы должны быть согласованы с планами и программами других школ, работающих по системе Ильминского. «Равным образом должна быть в них выдвинута воспитательная, отечественно-патриотическая струя при одновременном уважении к природному языку детей и стремлении дать в школе перевес элементам внутренним, идейным над внешними, формальными»[2].

[1] Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. С. XXXVIII.

[2] Там же.

Русское правительство, сохраняя ламаистскую школу, устраивало государственные школы среди буддийских народов. Православная церковь также с помощью миссионерства по-своему приобщала народы, исповедовавшие буддизм, к российской культуре и общегосударственной жизни.

Таким образом, мы видим, что один из главных государственных устоев России – принцип веротерпимости – отражался и в законодательстве, и в повседневной политике власти, которая стремилась интегрировать исповедовавшие разные веры народы в общую гражданскую и культурную среду. Главным направлением образовательной политики всегда оставалось сочетание бережного отношения к традиционным культурам с развитием их в духе современных требований и общегражданского и общегосударственного устроения.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

К истокам сказаний народов Кавказа о пастухе Одноглазе[1]

Л.С. Ильюков

Хрупкая и обаятельная Татьяна Павловна Хлынина буквально впорхнула в жизнь нашего научного учреждения. Я с большим интересом слушал ее выступления по кавказской тематике. Они были хорошо продуманными и лаконичными.

Однажды, придя на работу, я увидел на соседнем столе книгу «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)»[2]. У книги была интригующая обложка. На ней в замочной скважине были видны какие-то персонажи. Любопытство заставило меня потянуться к этой книге. Открыв ее, я обнаружил в ней необычный подход к событиям военного времени через призму жизни рядового человека, которого окружали различные мелочи, личные вещи, разбросанные повсюду: на столе, по комнате и т.д. Идея изучения прошлого через личные вещи показалась мне очень интересной. Ведь их систематизация и анализ позволят реконструировать прошлое, канувшее в века! Тем более что мои профессиональные интересы так или иначе всегда были связаны с далеким прошлым, представленным предметами материальной культуры, которые иногда называют артефактами. Книга была написана тремя авторами: Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой и Т.П. Хлыниной Она только что была выпущена издательством ЮНЦ.

«Надо будет внимательно посмотреть ее», – решил я, думая о книге, о ее необычном ракурсе изучения истории по бытовым предметам, окружавшим человека.

---

[1] Работа выполнена в рамках темы № 100.12 «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени».

[2] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д, 2013.

В это время дверь скрипнула, и по коридору застучали каблучки. Это была Татьяна Павловна, которая, как всегда, торопилась в свой кабинет. Отбросив сомнения, я поспешил за ней, надеясь увидеть у нее эту книгу, а может быть, и получить ее. Сидя за рабочим столом, Татьяна Павловна как будто что-то высматривала на экране компьютера. Услышав мою просьбу, она улыбнулась и, достав из пакета вожделенную книгу, снабдила ее дарственной надписью и вручила ее мне.

Когда я увидел брошюру «Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг.», изданную в 2005 г. в г. Майкопе, мне стало ясно, что Татьяна Павловна уже давно занималась проблемой повседневности. Изучение исторического прошлого по предметам повседневности – одно из перспективных и интересных направлений в исторической науке. Замечание Ф. Броделя о том, что «из маленьких путешествий, путевых заметок вырисовывается общество. И никогда не бывает безразлично, каким образом на различных его уровнях едят, одеваются, обставляют жилища. Эти “мимолетности” к тому же фиксируют от общества к обществу контрасты и несходства, они вовсе не поверхностные»[1]. Наблюдения французского историка перекликались с оценками многочисленных фактов материальной культуры, которые попадали на рабочий стол археолога.

Интерес к кавказской тематике у Татьяны Павловны не был замкнут историей нашего времени. Она являлась редактором очередного сборника статей ЮНЦ РАН. В этот сборник я отдал свой первый опус, написанный по мотивам кавказских сказаний. Отзыв его редактора оказался положительным. В продолжение данной темы мною была подготовлена еще одна работа, в память о замечательной исследовательнице – Татьяне Павловне Хлыниной.

* * *

У народов Кавказа сохранились причудливые сказания о пастухе-великане, который пас скот на горных пастбищах. Его жилищем являлась пещера, устроенная на склоне горы. Каждый день пастух выгонял животных на пастбище[2]. В кавказских сказаниях отсутствуют упоминания предмета, который необходим был для управления овцами. Он позволял пастуху легко поймать любую овцу в их отаре. Этим инструментом являлась палка с загнутым концом, при помощи которого пастух, зацепив крючком овцу за заднюю ногу, приподнимал ее над землей, и она становилась беспомощной и легкой добычей пастуха. Посох с загнутым концом был широко

[1] *Бродель Ф.* Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 40.

[2] *Миллер В.Ф.* Кавказские сказания о циклопах // *Миллер В.Ф.* В горах Осетии. Владикавказ, 2007. С. 447–461.

распространен в культурах Древнего мира[1]. За ним сохранилось название *герлы́га* или *гирлы́га* ‘пастушеский посох с загнутым концом для поимки овцы за заднюю ногу’[2]. Украинское *кирли́г*, *гирли́га* – то же, что и рум. *cârlig* ‘крюк’.

В осетинском нартском эпосе одноглазый великан-пастух завалил вход в пещеру, затем он своей длинной палкой с крюком на конце поймал за ногу одну из своих овец и зарезал ее[3]. У осетин гирлыга состояла из простой палки и крючка на ее конце, который крепился к ней при помощи веревки[4]. По-видимому, в составном пастушеском предмете были соединены два изделия – простая палка или трость и крюк. У осетин посох – *лæдзæг* имеет три значения: 1) ‘палка, трость’; 2) ‘жезл, посох’; 3) ‘рычаг’[5]. Исследователи считают, что нартовские сказания сложились в глубокой древности. Нартский богатырь Урызмаг поймал барана величиной с порядочного быка, но не смог с ним справиться, тот его поволок, а вот Пастух-великан смог легко одолеть богатыря, посадил его в пастушью сумку и отправился с ним к себе в пещеру.

В кавказских сказаниях в руках пастуха находится палка, которую он вертит, как веретено, и использует как шампур. Он нанизывал на нее овец или людей и поджаривал их на огне.

Остановимся на двух сказаниях о пастухе-великане, у которого есть овцы и козы.

В сказании мингрелов братья попадают к великану пастуху на ночлег. Пастух огромного роста с одним глазом. Он пасет овец и коз, в руке держит громадную палку толщиной в столб и вертит ею, как веретеном. Но этот предмет не похож на пастушью палку чабана. Когда пастух пригнал свое стадо на ночлег к огромному зданию, в котором находились четыре отсека для коз, овец, ягнят и козлят, то вместе с животными в загон попали и братья. Он завалил вход так, что отпереть его было невозможно. На другой день, пригнав свое стадо на ночлег, великан развел огонь, насадив барана на шампур, стал его жарить, пока у барана глаза не лопнули. Съев барана, великан растянулся и захрапел. На следующий день великан выбрал одного из братьев, насадил его на шампур и стал его жарить на огне. Он съел всех братьев, кроме двоих. И тогда братья решили действовать. Как только великан захрапел, братья вытащили

[1] *Смирнов А.А.* Изображения посохов на антропоморфных изваяниях в эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье. Аналогии, интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 65–92.

[2] *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991, С. 91.

[3] *Калоев Б.А.* Осетины (историко-этнографические исследования). М., 1971. С. 152.

[4] Там же. Рис. на с. 87.

[5] Осетинско-русский словарь / науч. ред. Т.А. Гуриев. Владикавказ, 2004, С. 282.

из земли шампур, воткнутый около головы великана, положили шампур в огонь и раскалили его, а затем воткнули его в глаз спящему. Подпрыгнув от боли, великан стал искать виновников своей боли. Но ослепший пастух не нашел их. А утром, выпуская животных на пастбище, он стал обшаривать каждую овцу и козу. К полудню устав, пастух Одноглаз перестал ощупывать животное со всех сторон. Выпуская, он только гладил их по хребту. К этому времени братья сняли с двух баранов шкуры и надели их на себя. Таким образом, нарядившись в бараньи шкуры, став похожими на этих животных, братья ускользнули между ног пастуха. С собой они прихватили лучших коз и овец из его отары[1].

В осетинском сказании с одноглазым великаном встречается богатырь нарт Урызмаг. Нарты, долго терпевшие голод, отправились под предводительством Урызмага на поиски добычи. Вдруг Урызмаг у подножья горы заметил пастуха огромного роста со стадом овец. Никто не хотел скакать к пастуху. Тогда сам Урызмаг отправился в путь. Он поймал лучшего барана величиной с порядочного быка, но не удержался на ногах, и баран поволок его за собой. Так Урызмаг оказался в руках у великана-пастуха. Пойманного Урызмага пастух-великан бросил в пастушью сумку и пригнал свою отару в пещеру, вход в нее завалил скалой. В пещере его ждал сын, тоже великан. Сын принес железный вертел, и великан надел на этот вертел Урызмага. Однако вертел прошел не сквозь Урызмага, а между его телом и платьем. Затем великан поставил вертел на огонь и лег отдыхать. Урызмаг соскочил с вертела, раскалил его и воткнул в здоровый глаз великана. Взревев от боли, великан стал искать Урызмага. А утром, выпуская овец на пастбище, стал ощупывать каждую из них. Но к этому времени Урызмаг зарезал большого белого козла, снял с него шкуру и натянул на себя. Он на четвереньках покидает пещеру. Так Урызмаг ускользает от великана. В итоге великан с досады «околевает»[2].

Кавказские тексты показали, что сказания о пастухе-великане есть не только у греков, но и у других народов, это позволило В.Ф. Миллеру вывести «формулу Полифема»[3].

В чеченском сказании о пастухе-великане герои укрываются в человеческом черепе «величиной с двойной котел», из которого их заставляет выйти толчок пастушьей палки великана. Нанизав братьев на деревянный шест, великан приготовил из них шашлык. Пятерых он съел сразу, а шестого оставил на утро. Поутру герой ускользает от великана[4].

[1] *Миллер В.Ф.* Кавказские сказания о циклопах. С. 450.

[2] Там же. С. 454–456.

[3] Там же. С. 448; *Далгат У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 79, 268–287.

[4] *Миллер В.Ф.* Указ. соч. С. 456–457.

В осетинском *уæхст* – ‘вертел’, ‘шампур’ – восходит к осетинскому же *уæхсджи* ‘коромысло’; *уæхск* ‘плечо’, т.е. вертел, который удерживает тушу или ее часть над огнем (углями)[1].

Если в кавказских сказаниях мы не находим среди атрибутов пастуха-великана пастушьего посоха, то в греческом приключении Одиссея этот предмет «величиной с корабельную мачту» является неотъемлемым атрибутом пастуха – великана, одноглазого Полифема. Чтобы выбраться из западни, в которую попал Одиссей со своими спутниками, пришлось отрезать загнутый крюк пастушьей палки и снять шкуры с нескольких убитых овец. Крюк был отрезан, и палка заточена, затем ее острый конец был обожжен на огне, и только после этого полученный кол был направлен на единственный зрячий глаз великана. Этот кол, как вертел, лишил глаза великана. Набросив на себя овечьи шкуры, Одиссей со своими спутниками ускользают из рук ослепленного великана[2].

Для инкарнации души в потустороннем мире нередко в могилу помещалась овечья шкура с черепом и конечностями животного, но без копыт. В греческом тексте нет объяснения, почему пастушью палку лишили ее крючка. Без него пастуший посох приобретал другие свойства, палкой без крюка невозможно было бы поймать овцу. Ею можно было погонять животных, например коров или быков. У осетин гирлыга состояла из самой палки и крючка на ее конце, который крепился к палке при помощи веревки[3].

Наличие следов огня на остром конце вертела позволяет предположить, что палка без крючка, использовавшаяся для того, чтобы подгонять животных, могла иметь прямое отношение к огню домашнего очага. Вертел или шампур (деревянный или металлический) с одним заостренным концом для приготовления мяса был отмечен в разных сказаниях.

На заре бронзового века на северных склонах Кавказа появляются племена майкопской культуры, они проникают в степи Предкавказья. Их форпосты появляются в Нижнем Подонье. Ее следы известны в Подонцовье и на территории Волги. Это были скотоводческие племена с развитой культурой и передовой индустрией. Ее успехи базировались на процветании скотоводства, ремесел и торговли. Успехи в освоении маталлопроизводства давали ей большой шанс перед остальными культурными образованиями этого

[1] Осетинско-русский словарь. С. 426.

[2] *Ильюков Л.С.* Пастух Полифем и параллели в эпических сказаниях народов Кавказа // Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием: материалы IV Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 19–20 октября 2016 г.) / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д, 2016. С. 170–178.

[3] *Калоев Б.А.* Осетины. Рис. на с. 87.

региона[1]. Ее взаимодействие с сопредельными культурами привело к быстрому процветанию местных племен. Вероятно, этот импульсивный процесс развития культур нашел отражение в становлении и формировании мировоззренческих представлений пастушеских племен. Несомненно, истоки этих инновации на Кавказе были связаны с южным импульсом. По-видимому, Кавказ входил в ареал культурных достижений Циркумпонтийской зоны в период становления бронзового века.

На каком этапе развития культуры формируются герои и сюжеты нартского эпоса, как и хтонического периода развития дограческой мифологии, – неясно. Нет письменных источников. Однако в какой-то степени им на помощь могут прийти археологические источники. Однако образы, выросшие в среде пастушеских или земледельческих народов, переживали века. Например, «пастуший посох» или «стрекало», почти не изменившись, существовали тысячелетиями, иногда территория их распространения менялась, а сами предметы претерпевали существенные изменения.

На заре бронзового века произошло немало открытий. Появились колеса и колесный транспорт, инструменты для управления запряженными животными и т.д. Среди археологических находок в памятниках майкопского круга были хорошо известны инструменты (посохи, стрекала, шилья), которые бытовали в эпических сказаниях, и т.д.

В этот период получают распространение очажные подставки. Конец острой и округлой в сечении палки закреплялся в верхней части очажной подставки, которая нередко имела зооантропоморфные очертания[2]. В ней угадывался букраний. Неслучайно вилки для того, чтобы доставать говяжье мясо из котла, были выполнены в виде рогов животного, которые насаживались на древко[3]. Это древко могло выступать как культовый предмет – вертел или шампур, – в оформлении которого присутствовали признаки животного – коровы или быка. Мясо домашних животных, занимавших в жизни человека важное место, использовалось в обряде жертвоприношений. Фигурки четырех быков с сакральным, солнечным или астральным символом на лбу были нанизаны на длинные металлические шесты, обнаружены в Майкопском кургане.

---

[1] *Кореневский С.Н.* Древнейшие скотоводы и земледельцы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии М., 2004.

[2] *Кореневский С.Н.* Об очажных подставках племен майкопско-новосвободненской общности // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Краснодар, 2014. Вып. 14. С. 5–40.

[3] *Ильюков Л.С.* Металлические «вилки» майкопской культуры // Советская археология. 1979. № 4. С. 138–146.

Возможно, вертел, вставленный в отверстие очажной подставки, расположенное в ее верхней части, породил мифологический образ зооантропоморфного существа. Нередко солнечный диск, помещавшийся между рогов животного (быка, коровы), или смещенный на его череп, как у фигурок майкопских быков, мог ассоциироваться с «солярным глазом» этого животного. Эти майкопские фигурки, имевшие круглое отверстие в туловище животного, были нанизаны на металлические трубки[1]. По мнению М.П. Чернопицкого, каждый майкопский бычок был «проткнут» древком длинной металлической стрелы с кремневым наконечником. По-видимому, в погребальном пространстве набор «стрел» был перевязан тесьмой. Он напоминал ритуальные римские фасции, которые состояли из связки прутьев[2].

Возможно, вертел, вставленный в отверстие подставки, мог ассоциироваться с культовыми представлениями, для которых на огне готовилось мяса животного, который в жизни человека занимало важное место. Великан Одноглаз сохранил черты древнейшего типа. Это давало основание видеть в нем воплощение мифических представлений о солнце-глазе. Согласно древнейшим мифическим представлениям, солнцем называется глазом Варуна, Ормузда или Одина. Солнце было создано из глаза циклопа Круглоглаза[3].

Вероятно, уже в ранний период становления мифологии, который называют хтоническим или доолимпийским, складываются представления о богах с зооморфными чертами. Рудиментные признаки прослеживали у каждого из них. Элементы превращений или оборотничества присутствовали повсюду, по-видимому, начиная с периода становления и формирования мифотворчества[4]. Это было время складывания в сознании представления о демонизме, который определял судьбу человека. Демоны представлялись в виде различных чудовищ, порожденных Матерью-Землей. Одним из их первых поколений являлись боги-великаны, среди которых особое место занимали циклопы. Они являлись детьми Земли и Неба. Неслучайно эти существа обитали в чреве Земли, в пещерах.

---

[1] *Чернопицкий М.П.* Майкопский «балдахин» // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1987. Вып. 192. С. 33–39.

[2] Там же.

[3] *Далгат У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. С. 79.

[4] *Селиванова Л.Л.* Сравнительная мифология. Мифы о возрождении в древнем мире. Античный мир. Ч. II. М., 2003. С. 6–9.

Трансграничные переселения и их роль в усложнении этнополитической ситуации на Северном Кавказе в XVIII в.

Н.Н. Великая

Татьяна Павловна Хлынина являлась многогранным исследователем, чьи научные интересы далеко выходили за рамки советского прошлого. В частности, не утратила своего значения ее статья, посвященная роли подвижной границы во взаимоотношениях народов России и Северного Кавказа в дореволюционный период[1]. В ней охарактеризована историография проблемы, представлены разные мнения ученых. Одни из них видят границу как контактную зону, другими – как фронтир. По мнению Татьяны Павловны, теория «подвижной границы» дает возможность перевести рассмотрение самой проблемы в плоскость «пространственной коммуникации» и порождаемого ею диалога культур. Изменение ракурса позволит давать более взвешенные оценки российско-северокавказскому взаимодействию, снять историографическую «напряженность» в понимании непростого соприкосновения разных миров, вывести проблему из плоскости военного противостояния в область межкультурного взаимопроникновения[2]. Идеи, высказанные Т.П. Хлыниной, актуальны и находят применение и подтверждение при рассмотрении событий XVIII в. на Северном Кавказе.

Этнополитическая карта региона в этот период претерпела серьезные изменения. И это связано не только с усилением российского присутствия в Предкавказье, но и с ослаблением позиций кумыкских феодальных владетелей на Северо-Восточном, а кабардинских – на Центральном Кавказе. Влияние на этнокарту оказывали и междоусобицы. Так же, как и внутренние конфликты (борьба

[1] *Хлынина Т.П.* Роль подвижной границы во взаимоотношениях народов России и Северного Кавказа во второй половине XIX века // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (материалы 9-й Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1). Армавир, 2005. С. 65–69.

[2] Там же. С. 68–69.

«одного колена против другого», «кровомщение»), эпидемические заболевания, они приводили к серьезным демографическим потерям и в целом воздействовали на расширение или сужение этнических территорий. Нельзя не отметить и иноземные нашествия в регион. Так, после похода крымцев 1711 г. часть кабардинцев поселилась в Кумыкии. Известны они и на территории Чечни в Брагунах. Здесь они подвергались окумычиванию и со временем испытали сильное влияние русского, ногайского и др. языков[1]. Подобное наблюдалось и в некоторых плоскостных восточных селениях (Бамат-Юрт), где основу населения составляли кумыки и чеченцы. Последние постепенно ассимилировались, забывали родной язык, переходя на кумыкский.

В ряде районов Северного Кавказа состав населения из-за консолидационно-ассимиляционных процессов существенно менялся. В восточных районах Чечни из-за малоземелья и кровной мести оседало немало выходцев из Дагестана (аварцев, даргинцев, андийцев, лакцев и др.). Проживая среди чеченцев в селениях Зандак, Белгатой, Дарго и многих других, они в 3–4 поколениях утрачивали свой язык, переходили на чеченский, но местным населением все равно именовались дагестанцами (сули). Более всего они известны в Ичкерии, Чеберлое, в селениях по Шаро-Аргуну. Дагестанские по происхождению тайпы встречались и в надтеречных селениях, в том числе и западных[2]. В результате взаимных переселений в Чечне сложились тайпы, ведущие свое происхождение от аварцев, грузин, кабардинцев, казаков, калмыков, лакцев, осетин, татар, ногайцев и др.[3]

То же самое наблюдалось и у других народов. Появление у ногайцев таких племенных названий, как туьркпен (туркмен), къумукъ (кумык) и других, указывают на тесные связи ногайцев со своими соседями, часть которых вливалась в состав их родовых или территориальных групп[4].

В XVIII в. с согласия российского правительства на левобережье Терека возникают многочисленные поселения грузин и армян[5]. Выходцы из Закавказья приступают к экономическому освоению

---

[1] *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 58.

[2] *Виноградов В.Б., Великая Н.Н., Нарожный Е.И.* На терских берегах. Очерки об исторических группах старожильческого населения Среднего Притеречья. Армавир, 1997. С. 18–21.

[3] *Головлёв А.А.* Очерки о Чечне (природа, население, новейшая история). Ульяновск, 2007. С. 45–46; 271–272.

[4] *Волкова Н.Г.* Указ. соч. С. 83–84.

[5] *Великая Н.Н.* К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001. С. 31–44.

региона, составляют большинство в городах Кизляре и Моздоке, вступают в тесное взаимодействие с иными этническими группами.

Приведенные и другие факты со всей очевидностью опровергают представления о многовековой стабильности этнических границ и этнических территорий на Северном Кавказе. На протяжении всей истории они были чрезвычайно подвижны. Основными направлениями перемещений народов были юг-север и наоборот, а также восток-запад с таким же возвратным движением. В этой связи линии границ, устраивающие всех, не могут рождаться из прошлого, из апелляции к нему, поскольку в прошлом они постоянно менялись.

«Официальная» граница России с Ираном и Турцией (а фактически с северокавказскими народами) по Кубани и Тереку в XVIII в. не была закрытой на замок. Она позволяла перемещаться огромному числу товаров и людей в обе стороны. Ее открытость и прозрачность приводили к тому, что достаточно часто горцы и восточные славяне оказывались в иноэтничной среде. Это касалось пленных, которых захватывали во время набегов. Только в октябре 1780 г. шестеро казаков были захвачены у Ставропольской крепости, двое – у Московской и т.д.[1] Кроме того, немало было и беглых, тех, кто стремился к переселению по социально-экономическим и иным причинам. Инфильтрация таких групп в Закубанье, Затеречье и обратно происходила постоянно.

В Кабарде искали убежища казаки и солдаты регулярной армии, спасавшиеся от недоедания, муштры и т.п., совершившие проступки и преступления[2]. В XVIII в., когда складывается определенное доминирование в Предкавказье восточнославянских народов, которые создали здесь многочисленные оседлые поселения, набеги, ранее совершавшиеся, в основном на юг, в Грузию («лекианоба» грузинских источников) теперь меняют направление. Они обращаются на север, что объясняется экономическим фактором: возможностью получить большую добычу от грабежей сел, станиц и городов Предкавказья[3]. В ходе набегов захваченные пленные (если они не продавались в ближневосточные страны) оседали в аулах в качестве рабов либо принимали ислам и оставались в горских общинах на правах полноправных членов, давая начало «русским», «грузинским» и иным тайпам. В то же время наблюдалось и «давление гор на равнину», постепенное переселение к терскому правобережью и выход на левый берег разнородных северокавказских этнических групп[4], что делало этническую карту

[1] *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). СПб., 2002. С. 156.

[2] Там же. С. 139.

[3] *Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. Б.В. Виноградова. Пятигорск, 2011. С. 12.

[4] *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 8, 14.

региона еще более мозаичной. Отдельные группы горцев селились на левобережье Терека близ казачьих станиц и городов. Так, в 1760 г. герменчуковский владелец Девлет-Гирей с разрешения правительства «основал жительство свое выше Червлёного городка». Селение получило название Девлетгиреевского[1]. Надеясь пресечь набеги горцев на станицы Моздоксого полка, власти разрешили чеченским владельцам Казбулату Топлинскому и Альбеку Батырханову в 1784 г. переселиться на плоскостные места по Тереку[2]. В 1790 г. российское командование предоставило горским переселенцам (кабардинцам, абазинам и «закубанским татарам» – около 200 дворов) возможность основать вблизи Георгиевска поселение, названное Бабуковским аулом[3].

В рассматриваемый период города, гребенские и иные казачьи станицы пополнялись за счет представителей соседних народов, которые по тем или иным причинам становились изгоями (кровная месть, нарушение обычаев, неприятие ислама и пр.). Это было «мухаджирство», направленное в сторону Российской империи[4]. Исследователи обращают внимание на то, что первоначально на территории, подконтрольные России, переселялась горская аристократия (князья и их уздени). Они переходили на российскую службу, включались в единое социально-экономическое и культурное пространство страны. Однако во второй половине XVIII в. увеличилось число беглых «холопей», принимавших православие и не возвращавшихся своим владельцам. Горцы-переселенцы составляли целые кварталы в российских городах, селились они и в казачьих станицах. Этот процесс вызывал недовольство кабардинских князей, которые уже в 1712 г. писали Петру I, что «люди наши черкесские от нас бегут и живут на Терке, а иные в Астрахани, и тех людей своих просили мы; однако ж нам их не отдают». В 40-е гг. XVIII в. горский владелец Касай Шамурзин был вынужден покинуть Кизляр, так как его «холопья» вышли из повиновения и «угрожали принять крещение». В гребенских станицах крестились и оставались рабы, зависимые крестьяне, «люди пахотные… и бобыли»[5].

Казачество, оказавшееся в контактной зоне во взаимодействии со многими народами, постоянно ими пополнялось. Северокавказские беглецы в казачьи станицы фиксируются в документах уже с XVII в.

---

[1] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Извлечения. Нальчик, 2001. С. 64–65.

[2] *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. С. 157.

[3] *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 94.

[4] См.: *Голованова* С.А. Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект. Армавир, 2014. С. 98–107; *Ее же.* «Инородцы» в Кавказском линейном казачьем войске (XVIII–XIX вв.) // Культурная жизнь Юга России. 2004. № 2(8). С. 50.

[5] *Козлов С.А.* Указ. соч. С. 134, 139.

Так, к терско-гребенским казакам бежали кумыки, брагунцы, которые крестились в казачьих городках[1]. По более поздним документам известны и кабардинцы. В 1742 г. кабардинские владельцы сообщали: «Ушедши от нас на Терки в казачьи городки ясырей наших нам не отдают, а сказывают, якобы они крещение восприняли»[2]. На просьбы вернуть ясырей Коллегия иностранных дел приняла решение крестившихся не возвращать[3]. Кабардинские владельцы и в дальнейшем жаловались, что казаки не отдают беглых, объясняя это тем, что они уже приняли крещение[4]. Потомки кабардинцев (большей частью христиан) и по сей день проживают в г. Моздоке и селах Курского района Ставропольского края, составляя особую субэтническую группу моздокских кабардинцев[5].

По документам известны оставшиеся в гребенских станицах ногайцы, «ясыри» брагунских и других владельцев. Многие казачьи роды и в XX в. помнили о своем не восточнославянском происхождении: Тихоновы – от татар, Рогожины – от калмыков, Гуноевы, Гулаевы, Закаевы, Харсеевы, Молаевы, Егоркины, Титкины и другие – от чеченцев и т.п.[6] О том, что в состав прежде всего гребенского и кизлярского казачества вошли представители разных народов, свидетельствуют прозвища и фамилии казаков: Тарывердый, Ходжаев, Велиев, Казиев, Бетапов, Шергипов, Кантемиров, Гусенбеков, Татаров, Черкесов и др.[7] При этом одна часть инородческих групп постепенно ассимилировалась, другая на протяжении всего рассматриваемого периода сохраняла язык и особенности культуры.

В XVIII в. задачу пополнения казачества выходцами из кавказской среды берет в свои руки государство. В 1735 г. с основанием Кизляра

---

[1] *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. С. 120.

[2] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: сб. документов. Т. 2. М., 1957. С. 104.

[3] Там же. Т. 2. С. 110.

[4] Там же. Т. 2. С. 64, 104, 221; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX века: сб. документов. М., 1988. С. 33.

[5] *Викторин В.М.* Моздокские и курские кабардинцы: специфика этносоциального и конфессионального развития, межэтнических связей и современной субэтнокультурной самоорганизации // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2006. № 1. С. 21–27.

[6] *Ткачёв Г.А.* Станица Червлённая // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. № 7–12. С. 90; *Калоев Б.А.* Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. № 1. С. 49–50.

[7] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 180; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX века. С. 70–71; *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 153; Государственный архив Ставропольского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 105. Л. 30об.; Ставропольские губернские ведомости. 1857. № 19; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 15255. Оп. 1. Д. 4, 8, 10, 13, 22.

возникло Терско-Кизлярское войско. В него были включены терско-низовые казаки и горцы, чьи предки со времен Ивана Грозного находились на службе России и проживали соответственно в крепостях Терки, Святой Крест, а затем были поселены отдельной слободой в Кизляре[1]. В документах середины XVIII в. упоминается окоченский казак Аксай Гусенбеков[2]. Хорошо известно, что окочене (первоначально вайнахи, затем так стали называть тюркоязычных переселенцев) находились на службе России с XVI в. В 1588 г. Ших-мурза Окоцкий писал в Москву о том, что вместе с ним государю служат 500 казаков с Терека. Их совместные действия продолжались и в дальнейшем[3]. Таким образом, не случайно правительство посчитало возможным объединить в одно войско низовых казаков и горцев.

Терско-кизлярские казаки выступали в роли проводников, разведчиков, переводчиков, поскольку прекрасно знали языки северокавказских народов. Принятия христианства в этот период от них не требовалось. Это позволяло и в дальнейшем мусульманам региона пополнять ряды казачества.

В 1765 г. из числа беглых осетин и кабардинцев была сформирована так называемая Казачья братия Моздока. Переселившиеся на Моздокскую равнину в начале XIX в. осетины селений Черноярского и Новоосетинского выразили желание «отправлять казачью службу»[4]. В формировании терского казачества приняли участие и грузины. Включение в состав казачества Терека многочисленных одиночек и целых групп из числа кавказских и других народов, пополнение казачьих общин за счет горцев заметно повлияло на облик казаков, их обычаи и традиции.

В состав казачества Терека вливались и степняки-ногайцы. Так, в 1767 г. в Терском войске состояли Кара-мурза и Сары-мурза. Наравне с другими казаками они получали хлебное и денежное жалованье. Упоминаемый в документах ротмистр Шейдяков также имел тюркские корни (в XVII в. известен мурза Малого Ногая Шейдяков)[5]. С конца XVIII в. фиксируются и переходы на российскую сторону «татар» с левобережья Кубани. Они переселялись в Симферополь или оставлялись в Черноморском войске[6].

[1] *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 69.

[2] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. М., 1957. С. 180.

[3] *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. С. 118–119.

[4] *Голованова С.А.* Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект. С. 101–102.

[5] См.: *Великая Н.Н.* К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001. С. 55.

[6] *Матвеев О.В., Ракачёв В.Н., Ракачёв Д.Н.* Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 69.

Таким образом, казачество с момента своего появления на Северо-Восточном Кавказе «впитало» массу беглецов-переселенцев и с севера, и с юга, и поэтому оно может рассматриваться как результат своеобразного симбиоза народов Кавказа и России.

В станицах, помимо постоянных жителей, входивших в состав казачества, были и те, кто по тем или иным обстоятельствам более или менее продолжительное время там находились. Это были офицеры и солдаты Российской армии. В солдатской среде доминировали восточные славяне. Офицеры, квартировавшие в казачьих станицах, представляли почти всю этнографию России: среди командиров-линейцев были кабардинцы, поляки, немцы, грузины и др. В станицы по торговым делам приезжало большое число горцев.

В залог выполнения горцами присяг «на российскую сторону» брались аманаты. Проживая достаточно долго в крепостях и станицах, они имели возможность обучаться грамоте (в специальных аманатских школах), знакомиться с жизнью и бытом восточнославянского населения. Многие из горцев, бывших в свое время аманатами, получали образование и продолжали службу на Северном Кавказе. Так, ногаец генерал-майор Д.В. Тоганов (комендант Моздока в 1781–1798 гг.) писал, что дедом был отдан аманатом в Кизлярскую крепость, а затем окончил кадетский корпус в Санкт-Петербурге[1].

Во второй половине XVIII в. в процесс взаимодействия вступают большие массы населения, что поставило на очередь социально-экономическую и культурную интеграцию, к которой по разным причинам стороны в должной мере оказались не готовы[2]. В рассматриваемый период горцы Закубанья и Затеречья вступили в контакт с новыми соседями, которые были представлены казаками, русскими и украинскими крестьянами – выходцами из разных регионов, армянами, грузинами и другими поселенцами. Начинается и перемещение выходцев с гор на территории, подконтрольные российскому правительству. В результате этого Северный Кавказ представлял огромную контактную зону, на территории которой налаживались политические, социально-экономические и этнокультурные связи между народами. Приведенные в статье сведения показывают, что подвижные границы (разломы-соединения) были характерны для всего региона, буквально пронизывали его и охватывали не только северную часть.

---

[1] *Пылков О.С.* Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011. С. 162.

[2] *Клычников Ю.Ю.* Дорогами совместничества на Евразийских просторах // Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию В.Б.Виноградова. М.; Армавир, 2008. С. 92.

Общественный строй ногайцев: основные черты и особенности (XVIII – первая половина XIX в.)

А.А. Ялбулганов

Северный Кавказ всегда притягивал к себе внимание историков благодаря экономическому, культурному, этническому, религиозному многообразию. Каждый из проживающих здесь народов, бережно храня свою историю, язык, материальную и устную культуру, особенности быта, традиционные занятия и промыслы, создает совместно со своими соседями неповторимую, удивительную и живую историческую картину.

Татьяна Павловна Хлынина была известным знатоком Северного Кавказа. Конечно, «родным» был для нее советский период, но и к более ранним эпохам Татьяна Павловна неоднократно обращалась в своих исследованиях. Ее интересовали и масштабные процессы, кардинально менявшие облик региона, и история отдельных народов, издавна живущих на этой древней земле. Мне бы хотелось обратиться к истории ногайцев, специфической и необычайно колоритной.

* * *

Социальная структура. Развитие производительных сил, социальная структура ногайского общества, степень развития классовых отношений, положение народных масс и другие аспекты социально-экономической жизни ногайцев в XVIII – первой половине XIX вв. практически не изучены. В.М. Жирмунский, анализируя социально-экономические отношения в Ногайской Орде, отмечает, с одной стороны, характерные для ее общества патриархально-родовые отношения, а с другой – развитие противоречий, характерных для кочевого феодализма[1]. По его мнению, в Ногайской Орде собственность на землю была родоплеменной, общинной, а на скот – частной. Касаясь вопросов эксплуатации, исследователь

[1] *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.

высказывает мысль о более выгодном положении феодалов в сравнении с простыми улусными людьми, об их преимущественном пользовании общественной собственностью (землей) и большими размерами частной собственности, т.к. знать имела большие стада и землей пользовались фактически они. Причем патриархальные формы «родовой помощи» скрывали различные виды феодальной зависимости и эксплуатации богатыми бедных, т.е. не имеющих достаточного для пропитания количества скота.

М.Г. Сафаргалиев[1] считал, что кочевое хозяйство ногайцев являлось натуральным и мало затронутым товарно-денежными отношениями. В любом случае, эти отношения, хотя и отличались архаичностью, были далеко не простыми. Социальная структура ногайского общества в Орде была неоднородной, но его верхушка была представлена высшей степной знатью. Во главе государства стоял бий. Бия в Ногайской Орде выбирали мурзы на всеобщем курултае (совещании) знати. И только с начала XVII в. избранные бии стали утверждаться Московским царем. А.А. Новосельский[2] придерживался точки зрения, согласно которой актом возведения Иштерека-мурзы в княжеское звание царь Борис формально утвердил свой сюзеренитет в Орде.

В Ногайской Орде существовал институт нурадинства. Этот вопрос детально рассмотрен В.В. Трепавловым в статье, посвященной нурадинам Ногайской Орды[3]. Нурадин – это титул правителя правого крыла (западной части) Ногайской Орды XVI – начала XVII вв. Возникновение этого титула связано с именем сына эмира Эдигея (Едигея), Нур-ад-Дина, который владел территорией будущего правого крыла, предводитель левого крыла получил звание кековата – по имени Кей-Кобада, тоже сына эмира Эдигея. В.В. Трепавлов пришел описал традиционную схему кочевой государственности, выделив место в ней нурадинства с его особыми чертами, среди который второй по значимости пост в государстве, наличие особого титула, управление западной частью государства и др. Нурадинство утратило свое значение с распадом Ногайской Орды.

Значительную роль в Ногайской Орде играли также мурзы, которые, как и беки (бии), составляли высший слой ногайского общества. Мурзы стояли во главе улусов и являлись фактически неограниченными властителями в своих землях, они лишь условно признавали ногайских князей своими «старшими братьями», каждый мурза называл себя государем в своем государстве.

---

[1] *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

[2] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVIII в. Ч. I. М.; Л., 1948.

[3] *Трепавлов В.В.* Нурадины Ногайской Орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды: сборник статей. Махачкала, 1993. С. 43–61.

В.М. Жирмунский относит к знатным людям в Ногайской Орде также батыров (витязей и начальников воинских дружин) и карачей (должностных лиц)[1]. Относительно карачей В.В. Вельяминов-Зернов[2] писал, что Данило Губин, ездивший русским послом в ногайские улусы, в своем донесении на имя государя Ивана Васильевича, полученном в сентябре 1535 г., ставил наряду со словом «карачи» русское слово «временник». Автор также отмечает, что карачами у ногайцев, как и в Крыму, иногда называлось лицо, приближенное к правителю. Русские источники высшие незнатные сословия ногайцев называли «улусными лучшими людьми», а простых людей, кочевников-скотоводов, «черными людьми». В Ногайской Орде существовало и рабство, и в основном их труд применялся в кочевом хозяйстве ногайцев. Они пасли скот, рыли колодцы, собирали топливо.

В Ногайской Орде, таким образом, был выборный бий, имелась высшая знать, в то же время существовала сглаженность классовых противоречий (за счет патриархально-родовой оболочки). Для Ногайской Орды были в большей степени характерны раннефеодальные отношения, при этом сохранились такие архаичные институты, как рабство.

В конце XVII в. ногайцы активно переселяются из Нижнего Поволжья в степные районы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья. Миграция ногайцев проходила по огромным территориям, исчислявшимся несколькими тысячами километров, что оказывало влияние на социально-классовое положение сословий в ногайском обществе. Высшее сословие ногайского общества было представлено аристократией, но имелись средние и низшие слои. Аристократический класс в ногайском обществе XVIII – первой половины XIX вв. был представлен султанами (потомки крымских ханов), князьями, мурзами, баями, мелкими дворянами – узденями. К господствующей верхушке относились также представители духовенства: кадии, эфенди и муллы. Наиболее многочисленной частью населения, производившей основные материальные ценности, было «эксплуатируемое население». У ногайцев оно было представлено кадеями, байгушами, азатами. Отдельно следует сказать о рабах (къул), они занимали самую низшую ступень в социальной иерархии.

Н.Ф. Дубровин[3] выделял среди ногайских аристократов сословия султанов, князей, узденей. Духовенство автор относил к особому

[1] *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос.

[2] *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.

[3] *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. I. СПб., 1871.

сословию и различал среди них кадий, ахунов, эфенди и сохта (помощников эфендия).

Среди ногайских сословий султаны являлись самой малочисленной группой, но они принадлежали к высшему «дворянству». Все ногайские султаны являлись потомками крымских ханов. А. Берже[1] приводит следующие данные относительно северокавказских ногайских султанов и князей. Автор упоминает пять султанских и княжеских родов: Келембетовский, в том числе и фамилии князей Мансуровых, Карамурзинский, Кипчаковский, в том числе султанов Мамакаевых и князей Абдуловых, Наурузовский с фамилией князей Капланових и Магнитовский.

В основном султаны властвовали у кубанских ногайцев. Иногда султаны в своем подчинении имели несколько мурз, и тогда подвластные мурзам крестьяне несли подати и повинности в пользу султана. В начале второй половины XVIII в. на Северо-Западном Кавказе среди различных групп кубанских ногайцев чаще всего упоминаются такие султаны, как Расланбек Мансуров, Измаил Калмыков, Нурадин Киркоев. В то же время П.Г. Бутков[2] пишет об обитающих в верховьях Кубани таких владельцах, как Атажук Ахлов, которые перешли в российское подданство. Автор в своей работе приводит имена и других известных султанов Кубанской Орды, таких как Арслан-Гирей (его младшие братья – Селим-Гирей, Мурат-Гирей, Давлет Гирей, Султан-Менгли-Гирей). Сыну последнего, Арслану-Гирею, был 13 октября 1801 г. пожалован чин генерал-майора.

Царские власти всячески поддерживали и поощряли ногайских султанов, видя в них опору своей власти. Так, в 1803 г. Султан-Менгли-Гирей был назначен приставом у ногайцев, живших на Кубани. Все султаны были крупными землевладельцами, имели земли в несколько тысяч десятин, сотни подвластных дворов. Генерал-майору Султан Казы-Гирею при выходе его на пенсию было выделено 5 тыс. десятин земли.

Иными словами, в середине XIX в. султаны представляли феодальную верхушку кубанских ногайцев, а в XVIII в. они играли важную роль в общественно-политической жизни ногайцев, участвовали в управлении ими, одновременно являясь крупными скотоводами. Низшую после султанов сословную степень занимали мурзы. Мурзами назывались члены правящего княжеского рода, происходившего от золотоордынского эмира мангыта Идиге.

В рассматриваемый исторический период мурзы составляли самую многочисленную, политически влиятельную и богатую группу внутри господствующего класса. Ногайские мурзы имели достаточно высокий политический авторитет в обществе и в соседних

[1] *Берже А.П.* Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 87.

[2] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869.

государствах. Историки XVIII в. свидетельствуют о стремлении ногайских предводителей (князей и мурз) не только сохранить, но и расширить политические и экономические связи с Россией. В своих посланиях царствующим особам России они высказывают свое миролюбие и желание находиться под покровительством империи.

Известный правитель, мурза Муса Мурзабеков из Малой Ногайской Орды, в письме императрице Анне Иоанновне выражая свою верность российскому трону, оговаривает территорию кочевания своей орды и просит защиты от набегов калмыцких ханов. В 1742 г. императрица Елизавета Петровна направляет грамоты мурзам Малой Ногайской орды с выражением благодарности за верность России. Предводитель едисанских ногайцев Кутлу-Акай Хаджи вел оживленную переписку с Елизаветой Петровной и обращался неоднократно к императрице с просьбой о принятии в подданство и переселении едисанцев на Кубань.

Другим известным ногайским предводителем, к которому относились с уважением и в Крыму, и в Санкт-Петербурге, был Джан Мамбет-бей. Ферран, путешествовавший в 1709 г. из Крыма в Черкесию через земли ногайцев, сообщает о праздной жизни «дворян». «Дворянин Ногайский всегда носит на руке охотничью птицу, – пишет автор, – ничто не может принудить его заняться работою, знакомую ему только по слуху»[1].

Сообщения исследователей, чиновников, путешественников, ученых о ногайцах, их мурзах, также князьях и султанах отличаются противоречивостью оценок и характеристик, что является вполне нормальным вследствие субъективности восприятия ими тех или иных событий. Иосиф Дебу писал о ногайских мурзах как о воинственных людях, способных переносить со своим народом все тяготы и трудности жизни, умеющих «управлять своим оружием, которое любит и сохраняет более всего»[2].

В 1736 г. во время нападения калмыков на Кубанскую орду было убито 23 мурзы и их жены и дети, в том числе мурза Батыр-Азамат, многие были взяты в плен. Мурзы Малых Ногаев Бек-улу-Муса и Кара-улу-Мисоус, узнав о приближении калмыков, ушли в горы. Такие военные действия наносили огромный урон хозяйству ногайцев, потому что они были вынуждены оставлять скот или их попросту тысячами угоняли нападавшие. После продвижения русских экспедиционных войск в сторону Закубанья ногайские мурзы и султаны, чтобы спасти своих людей от нападения, добровольно

[1] *Ферран.* Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г., докт. Феррана // Русский вестник. 1842. Т. 6. № 4. Отд. 2. С. 46.

[2] *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2001. С. 71.

приносят присягу на верность России. Всего в подданство Российской империи было принято 200 мурз с населением, составившим 10 тысяч кибиток, содержащих более 15 тысяч военных людей.

Мурзы всегда отправлялись во главе делегации и посольств в соседние государства. Например, в 1772 г. в Санкт-Петербург прибыли делегации от четырех Ногайских Орд. Тенгиз-мурза возглавлял посольство Едисанской орды, Мамбет-Шахмурза и Назар-мурза посольство Буджакской орды, Каплан-мурза и Сары-мурза Едишкульской орды[1].

До полного вхождения ногайцев в состав России мурзы оставались экономически самостоятельными, т.к. в их пользу несли повинности подвластные им ногайцы. Они также пользовались большими льготами и правами вследствие «дворянского» происхождения. Мурзы имели уделы, подвластных узденей, выбирались в аульные старшины и табунные головы[2]. По другой информации, в каждом ногайском улусе (ауле) мурза (обыкновенно старший из дворян первой фамилии) являлся главой знати, все прочие знатные фамилии подчинялись ему[3]. Путешественнику XVIII в. Пейсонелю[4], видимо, сразу стала понятной картина сословий в ногайском обществе, роль мурз и других представителей дворян. Представители высшего сословия пользовались различными привилегиями. К привилегиям князей (биев) и мурз следует отнести и то, что они были неподсудны мирскому и духовному разбирательству[5].

Богатыми мурзами в XVIII в. у ногайцев считались те, которые имели около тысячи лошадей, 500 голов рогатого скота, 2 тыс. овец, 200 коз и 20 с небольшим верблюдов[6]. Иными словами, критерием богатства служит скот, вернее его количество. И от этого фактора во многом зависел авторитет мурзы в обществе. Мурзы считались собственниками всех земель, на которых жило подвластное население, как кочевники-скотоводы, так и земледельцы[7]. В 1825 г. во всех подразделениях ногайцев Северного Кавказа насчитывалось до 80 мурз.

---

[1] Архив внешней политики России. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

[2] *Дубровин Н.Ф.* История воин и владычества русских на Кавказе. С. 264.

[3] *Фелицын Е.Д.* Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVII столетии по Пейсонелю // Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар, 1981. С. 75.

[4] *Пейсонель К.-Ш.* Трактат о торговле на Черном море. Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1740-1760/Peyssonell_C_C/text1.htm (дата обращения: 28.04.2017).

[5] *Корнис.* Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольский уезд // Телескоп. 1836. Кн. 33. С. 277.

[6] Государственный архив Ставропольского края. Ф. 249. Оп. 3. Д. 3997. Л. 38.

[7] *Невская В.П.* Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкессии // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Черкесск, 1959. Вып. 111. Серия историческая. С. 114.

Столь резкое сокращение численности мурз, на наш взгляд, было связано с комплексом причин. Все они взаимосвязаны, постараемся рассмотреть эти причины. Во-первых, детей мурз часто брали в аманаты (заложники) представители царской власти. При нарушении мурзами-родителями данной присяги на верность их детей отправляли в Россию. Затем детей мурз крестили, нарекали русскими именами и в основном определяли в кадетские училища. Например, в 1742 г., когда султанульцы во главе с Муса-мурзой по договору с Кубанским сераскером бежали в Закубанье, у мурзы в заложниках оставался племянник Кузбулат Таганов. За нарушение мурзой подписанного договора представители царской власти отправили мальчика-аманата в Санкт-Петербург, где в 1745 г. он был крещен и получил имя Дмитрий Васильев. Во-вторых, очень многие мурзы погибали во время военных действий, столкновений с калмыками, царскими экспедиционными войсками. Особенно многочисленные людские потери ногайцы понесли во время битвы при урочище Кершенчик, где число убитых мурз достигло более 30 человек. Пленных мурз отправляли в центральные российские губернии, Санкт-Петербург, Москву.

В первой половине XIX в. в связи с общим экономическим упадком ногайского традиционного кочевого хозяйства происходит обеднение мурз. Постепенно стираются сословные грани между мурзами и нижестоящими представителями среднего ногайского «дворянства». Ими являлись, по мнению Б.-А.Б. Кочекаева[1], уздени. Он выделяет узденей в отдельную группу патриархальных феодалов. Исследователь отмечает, что они, будучи «служилым» населением, жили в аулах мурз и несли в основном военную службу. Уздени составляли конвой владельца и в случае надобности по первому же требованию мурз давали им лошадь и конвойных. В описываемой форме сословие узденей, вероятно, сформировалось в первой половине XIX в. Наименование «уздени», скорее всего, появилось под влиянием горских народов Северо-Западного Кавказа. А социальным прототипом ногайских узденей, на наш взгляд, являются воины, или, как пишет А. Скальковский, лучшие всадники, набиравшиеся из ногайских орд и служившие постоянно при Крымском хане. Они получали большое жалование за свою службу. По сути, это был конвой, гвардейцы, которые сопровождали хана при выездах. Такой же конвой, но меньший по составу существовал и при сераскерах в Кубанской, Едишкульской, Едисанской, Буджакской, Джембойлуковской ордах, а также при влиятельных и богатых мурзах[2].

[1] *Кочекаев Б.-А.Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Черкесск, 1973.

[2] *Скальковский А.* О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. № 11. С. 111–112.

По мнению Б.-А.Б. Кочекаева[1], в первой половине XIX в. обязанности узденей, кроме военной службы, состояли главным образом в том, что они помогали кочевым патриархальным феодалам осуществлять власть над зависимым ногайским населением. Иными словами, уздени составляли силу, принуждающую трудящихся выполнять волю знатной верхушки. Автор также подчеркивает, что уздени наравне с азатами выполняли в пользу мурз ряд повинностей, поясняя при этом, что под узденями первоначально подразумевали народ, подвластный мурзам, затем это название сохранилось за служилым сословием мелкого дворянства, а весь народ назывался «простые ногайцы». Д.С. Кидирниязов[2] относит узденей к основной производящей силы общества и отмечает, что они были юридически свободными, но фактически феодально-зависимым крестьянством.

По нашему мнению, уздени являются сословием, образовавшимся из простых ногайцев-воинов, выделившихся в особую группу (например, в гвардейцы хана, сераскера и т.д.) благодаря своим боевым качествам, воинским навыкам, преданности, смелости и другим качествам.

В ногайском обществе существовало сословие баев, которое, по мнению Б.-А.Б. Кочекаева[3], являлось продуктом феодальных отношений. Автор разделяет баев на наследственных, имеющих титулы (султаны, князья, мурзы) и ненаследственных баев, т.е. выходцев из зажиточных слоев населения, не имеющих наследственных званий.

Как уже было сказано, в Ногайской Орде во главе государства стоял бий, которого выбирали мурзы. Мурзы участвовали в курултаях по праву своей принадлежности к правящему роду эдиге. При этом на съезды аристократии допускались только «старшие» мурзы, т.е. номинальные старейшины разных родовых ответвлений. Б.-А.Б. Кочекаев ставит знак равенства между сословиями султанов и князей[4], но, к сожалению, не поясняет свое утверждение. Ссылаясь на слова И.Г. Георги о том, что у ногайцев «очень много дворян или мурз, из коих знатнейшие именуются князьками и имеют несколько мурз под собой»[5], автор приравнивает «князьков» к «султанам». Д.С. Кидирниязов считает, что князья – это бии, которые в сословной иерархии

---

[1] *Кочекаев Б.-А.Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ...

[2] *Кидирниязов Д.С.* Русско-ногайские отношения в XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Баку, 1983.

[3] *Кочекаев Б.-А.Б.* Указ. соч.

[4] Там же. С. 215.

[5] *Георги И.Г.* Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарского племени. СПб., 1796. С. 31.

ногайцев стояли выше мурз[1]. В подтверждение своего предположения исследователь обращается к статье Корниса[2], где сказано, что они и мурзы правили ногайскими родами. Как нам представляется, под «князем» имеется в виду просто верховный или главный правитель ногайцев вне зависимости от его реального титула.

В Ногайских ордах – Кубанской, Едисанской, Едишкульской, Джембойлуковской, Буджакской – вплоть до 1780-х гг., т.е. до окончательного вхождения ногайцев в состав России, правителя по-прежнему выбирали главы родоплеменных объединений из мурз и султанов. Фактически же процедура избрания находилась под контролем Крыма или Российской империи, смотря по тому, в чьей политической зависимости находились в данный момент ногайские этнополитические объединения. Иногда реальная власть в орде находилась в руках сераскера-наместника хана, военачальника, которого чаще всего выбирали из рода Гиреев, а если сераскером выбирали с согласия Крымского хана ногайского мурзу или султана, тогда он именовался бием с прибавлением титула «сераскера». Таким образом, до 1783 г., т.е. до падения Крымского ханства, присуждение титула бия (князя) находилось в зависимости от Крымского хана и, видимо, от ногайских мурз, глав родоплеменных объединений, которые не всегда соглашались на вручение этого титула тому или иному ногайскому мурзе.

Действительно, в источниках правители Ногайских орд очень часто именуются мурзами. Обратимся вновь к статье А. Скальковского, написанной им на основе документов из Запорожского кочевого или Сечевого архива. Автор пишет: «Во время осады Графом Паниным крепости Бендер, 25 июля 1770 г., прибыл к нему ногаец Тинай-ага, старшина Орды Едисанской, с письмом, подписанным пятью главными Ногайскими мурзами: Ислам-мурзой, Малсай-мурзою и Джаум Хаджи-мурзою из Орды Едисанской, и Джам Мамбет-мурзой от Орды Буджакской или Аккерманской»[3]. Обращает на себя внимание, что в других источниках второй половины XVIII в. мурзу Джан Мамбета именуют беем. В частности, в своем письме к мурзе Джан Мамбету императрица Екатерина II обращается к нему тоже как Джан-Мамбет-бею. На наш взгляд, титул князя уже после окончательного и полного вхождения ногайцев в состав России султаны и мурзы получали от царских властей, как и высшие воинские звания за особые заслуги перед Россией. Естественно, царские власти наделяли их большими участками земель и они становились крупными землевладельцами. Так, генерал-майор Султан-Азамат-Гирей

[1] *Кидирниязов Д.С.* Русско-ногайские отношения в XVIII в. С. 31.

[2] *Корнис.* Краткий обзор положения ногайских татар ...

[3] *Скальковский А.А.* О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии.

получил из соседней степи Каласо-Саблинских и Бештово-Кумских ногайцев 1309 дес. 127 саж. земли. Крупные землевладельцы, в том числе и князья, имели участки, занятые не только под зерновыми и огородными культурами, но и пастбищами и сенокосами. Таким образом, можно констатировать, что князья являлись и крупными землевладельцами-феодалами. Как отмечал С. Броневский[1], в случае возникновения каких-либо недоразумений между князьями и их подвластными, дело обычно разбирали третейские суды, которые состояли из посторонних князей, узденей и народных старшин.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что институт бийства существовал в реальности в Ногайской Орде в несколько усеченной форме, т.е. с необязательно вручаемым титулом, он (институт бийства) сохранялся в ногайских государственных образованиях XVIII в., а после их исчезновения титул князя (в основном у ногайцев Северо-Западного Кавказа) получали султаны и мурзы, особо отличившиеся на российской службе, или он им передавался по наследству.

Что же касается баев, выделившихся из зажиточных ногайцев, не имеющих каких-либо титулов, то по богатству и влиянию в обществе они нисколько не уступали князьям, султанам, мурзам. Баи (буквально – богач, богатый) особенно ярко были представлены у ногайцев Северо-Восточного Кавказа (караногайцы, кизлярские ногайцы).

В свою очередь, у них почти отсутствовали представители титулованной знати, кроме встречающихся иногда мурз. А. Павлов[2] в своей заметке о кизлярских ногайцах пишет, что в некоторых аулах есть мурзы княжеского происхождения, которые пользуются особым уважением у народа.

Караногайцы, как пишет В.Г. Гаджиев[3], в конце XVII в., не желая признавать власть мурз, откочевали от окрестностей крепости Терки на левый берег Терека, в Моздокскую степь. По мнению автора, за это они были названы «яманчи», а затем «караногайцы», т.е. «черные» или «простые ногаи».

Естественно, у них не могло быть представителей высших титулованных сословий –князей, мурз, султанов. В привилегированном положении в караногайском обществе находились баи, к которым мы относим и выборных должностных лиц, чаще всего избиравшихся по имущественном признаку. А. Рудановский[4]

[1] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, М., 1823.

[2] *Павлов А.* О ногайцах, кочующих по кизлярской степи. СПб., 1842.

[3] *Гаджиев В.Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой, находящихся как исторический источник по истории народов Кавказа». М., 1979.

[4] *Рудановский А.* О караногайской степи и кочующих на ней племенах // Кавказ. 1863. № 48.

подчеркивает, что караногайцы выбирают на своих собраниях, проводимых обычно в конце апреля – начале мая, своих начальников: светских (голову, старшину, аксакалов, десятников) и духовных лиц (кадия и наибов). Из всей перечисленной группы, наверное, следует особо выделить аксакалов (старейшин). Они руководили племенными подразделениями, а их особое положение определялось обычным правом. Аксакалы, как правило, имели достаточное количество скота. Свидетельством тому служат данные, которыми мы располагаем относительно трех ногайских аксакалов Кыпшака, Кайбуллы, Курманбия, у которых погибли от стужи в один месяц 256 голов лошадей, 733 головы крупного рогатого скота, 841 овец.

Многие крупные баи, как мы упомянули выше, имели большое количество скота. Баи кизлярских ногайцев получали немалые доходы и от продажи купцам «рогатой скотины, овец, лошадей, верблюжей шерсти, овчинных и мерлушечных тилупов, выделанных овчинок, мерлушек, масла и сыра»[1].

Прослойка богатых скотоводов-баев появились в ногайских кочевых обществах довольно рано. Причем они всячески подчеркивали свое отличие от бедняков даже атрибутами одежды. Эксплуатация бедняков баями осуществлялась часто в завуалированной, архаичной форме, как раздача скота на выпас.

Следует также отметить, что баи находились в двойном выгодном экономическом положении, чем простые ногайцы. Вследствие того, что у северо-восточных кочевых ногайцев земля находилась в общинной собственности. Как верно заметил Ф.И. Капельгородский[2], таким образом, наибольшую пользу из этого извлекал тот, кто имел наибольшее количество скота. Ими, конечно же, являлись богатые скотоводы степей.

Говоря об имущественной дифференциации в ногайском кочевом и полукочевом обществе, надо прежде всего отметить ее временный характер. Достаточно было земле покрыться снегом или льдом на несколько дней, как вчерашний бай мог стать бедняком. Однако, с другой стороны, экономически более сильное хозяйство всегда имеет и более устойчивую потенцию для восстановления. Прослойку богатых скотоводов, существовавшую у ногайцев, очевидно, можно отнести к категории «патриархальных феодалов». В состав высшего сословия ногайцев входили и представители мусульманского духовенства. Они относились к привилегированной части населения и представляли собой сравнительно многочисленный и влиятельный слой общества. Духовенство в основном было представлено кадиями, эфенди и муллами.

[1] *Павлов А.* О ногайцах, кочующих по кизлярской степи. С. 27.

[2] *Капельгородский Ф.И.* Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914.

И.В. Бентковский[1] выделял среди сословия духовенства и сеидов, которые, по его словам, пользовались особым уважением у народов. Согласно В.В. Вельяминову-Зернову, сеидами в мусульманском мире назывались потомки пророка Мухаммеда от дочери Фатимы и Халифа Али, т.е. потомки Хасана и Хусейна, сыновей Алия.

В каждой из Ногайских Орд были свои кадии, которые являлись судьями и решали все дела семейные, мирские, имущественные по нормам шариата. При кадии служил наиб, выполнявший обязанности секретаря. У ногайцев, переселенных после 1783 г. в Мелитопольский уезд, в 43 аулах было 43 подвижных мечетей (мечети-кибитки), а представители духовенства жили в 192 кибитках (всего ногайцев здесь было 744 человека, из них 32 женщины).

В сословной градации духовенства у ногайцев первое место занимали кадии. В первой половине XIX в. они имели широкие полномочия, т.к. их власть распространялась на несколько подразделений, а власть наиба – в пределах только одного подразделения ногайцев. Ахуны являлись потомками лиц духовного звания, но официально правами духовенства они не пользовались. Единственным правом ахунов было их присутствие при сватовстве, сговорах и свадьбах. Брак регистрировал мулла в присутствии родственников и свидетелей.

Муллы и эфенди избирались из духовных лиц в каждом ауле. Они занимали равное положение и находились на одном уровне в социальной иерархической лестнице. Только у ногайцев Северо-Восточного Кавказа избранные духовные лица аулов назывались муллами, а у ногайцев Северо-Западного Кавказа они именовались эфенди.

Мусульманское духовенство содержалось всем населением, причем наряду с сеидами и ахунами, оно было освобождено от несения каких либо повинностей и уплаты налогов. В сословие духовенства могли входить люди различных сословий после получения специального образования. В основном это было возможно главным образом для выходцев из богатых семей, представителей привилегированных слоев общества.

Наряду со знатью в ногайском обществе имелось и «податное сословие». В данную социальную группу входили азаты (кочевники-скотоводы, скотоводы-земледельцы), также кедеи и байгуши. Их принадлежность к названной социальной группе определялась их имущественным положением, отношением к собственности. Азаты, являвшиеся основной массой кочевого и оседлого населения, имели в частной собственности скот и землю. Намного сложнее провести четкую черту разделения между кедеями и байгушами.

[1] *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1883.

Б.-А.Б. Кочекаев[1] к кедеям относит менее обеспеченных скотом, а к байгушам – лишенных средств производства.

Сословие азатов имело скот, достаточный для жизнеобеспечения семьи, на продажу, чтобы на вырученные деньги можно было купить сельскохозяйственное оборудование и другие предметы и вещи необходимы в хозяйстве и в быту. Скот, а у земледельцев и земля, занятая под посевами, находились в частной собственности.

Среди ногайцев Северо-Восточного Кавказа, перешедших в конце XVIII в. к оседлой жизни, отмечаются крестьяне, имевшие в среднем от 9 до 15 голов крупного рогатого скота, от 50 до 80 голов мелкого рогатого скота, посевной площади до 8–10 акров, а площади покосов – до 10 акров.

И.Л. Щеглов[2] подчеркивает, что благополучие оседлых ногайцев и состояние их имущества зависело во многом от рабочего состава семьи. Согласно его данным, семья едишкульца состоит в среднем из 4,7 душ (2,65 муж. и 2,65 жен. пола); джембойлуковца – из 3,9 душ (2,42 муж. и 1,6 жен. пола); в ауле Абдул Газы – из 4,02 (2,42 муж. и 1,6 жен. пола); рабочий же состав, считая только мужскую силу, – в среднем 1,4 души. Среди аксаевских и костековских групп ногайцев к категории азатов можно отнести тех, кто имел в хозяйстве в среднем более 7 голов крупного рогатого скота, от 20 и более мелкого рогатого скота. Земледелие у них было незначительным, урожая пшеницы и проса едва хватало для семьи, а чаще всего их приходилось докупать муку. Эти группы ногайцев жили и хозяйствовали на скудных землях, в тяжелых природных условиях.

В конце XVIII в. у караногайцев к данному сословию относились скотоводы, которые имели от 100 и более голов скота. По данным, представленным И.В. Бентковским в работе об экономическом состоянии кочевников Среднего Кавказа, в том числе и о ногайцах[3], говорится, что из 3914 хозяйств степных ногайцев, исследованных им, 319 хозяйств имели от 30 до 100 голов скота.

К середнякам в ногайском кочевом обществе мы относим кедеев, которые представляли наряду с байгушами, значительную социальную группу. Байгуши составляли немалую долю ногайского населения, а одним из основных источников появления байгушей являлось резкое усиление имущественной дифференциации внутри ногайской кочевой общины. Интересно, что имущественная дифференциация часто возникала вследствие массовой гибели скота

[1] *Кочекаев Б.-А.Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ...

[2] *Щеглов И.Л.* Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии (сведения о хозяйстве оседлых и кочующих инородцев, русских крестьян и хуторян овцеводов в Трухменской и Ачикулакской степи Ставропольской губернии). Т. 1. Ставрополь, 1910.

[3] *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан…

в холодные зимы от метелей и буранов. Владельцы нескольких сотен голов скота могли сохранить одну-две сотни голов, а владевшие, например, 20–30 головами скота могли потерять все. Оставшись без средств производства, они вынуждены были идти работать к баю, тем самым преумножая его богатство, зарабатывая себе на жизнь. Байгуши, лишенные средства производства, главным образом скота, нанимались на тяжелые строительные работы, массами нанимались в работники для уборки сена, винограда. А. Рудановский[1] писал о том, что каждое воскресенье на крепостной городской площади несколько сотен байгушей предлагают свои услуги. Ежегодно для уборки садов к кизлярским армянам нанимается примерно 10 тыс. ногайцев. Автор сообщает также, что каждый ногаец получал плату за уборку винограда по 3 руб., за выжимку винограда и представление своей арбы в расположение работодателей – 4 рубля серебром. Таким образом, ногайское общество состояло из различных групп и слоев при сохранении патриархальной родоплеменной оболочки в сословных отношениях.

Другой характерной чертой социальных отношений в XVIII в. было наличие домашнего рабства. Рабами у ногайцев являлись, главным образом, христиане. На Северном Кавказе основными местами работорговли являлись деревня Эндери, которая находилась в 85 верстах от Кизляра, а так же село Джары в Лезгистане. Рабы («къул») занимали последнюю ступень в ногайском обществе. Д.С. Кидирниязов[2] к этой категории зависимого населения относит джоллукулов («рабов, имеющих путь») и джолсызкулов («рабов, не имеющих пути»). Автор при этом считает джоллукулов крестьянами, находившимися в личной зависимости от господина и передававшимся по наследству, он подчеркивает, что они имели жилище, скот, орудия труда, право заводить семью. Далее Д.С. Кидирниязов отмечает, что джолсызкулы (иначе их называли «ясырами») никаких имущественных и социальных прав не имели и даже их жизнь зависела от произвола господина. Численность рабов была незначительной, выполняли они в основном домашнюю работу. Никакой собственности у них не было, во всем полностью они зависели от своего хозяина. Рабы занимали самую низкую ступень в ногайском обществе, находились по существу на положении вещи. Однако по прохождении некоторого отрезка времени рабы освобождались, становились свободными крестьянами. В основном они оставались при бывшем хозяине, который наделял их скотом и землей. Тем не менее бывшие рабы, став свободными, по-прежнему оставались под властью своего господина.

Так выглядела, в основном, структура ногайского общества исследуемого периода. Господствующий класс состоял из сословий

[1] *Рудановский А.* О караногайской степи и кочующих на ней племенах.

[2] *Кидирниязов Д.С.* Русско-ногайские отношения в XVIII в.

султанов, князей, мурз, представителей духовенства, обладавших наследственными правами, которые закреплялись, главным образом, обычаями или законами. Князья, мурзы, духовенство представляли собой привилегированное сословие в ногайском обществе, а азаты, кедеи, байгуши и патриархальные рабы – «эксплуатируемое население».

Формы эксплуатации. В XVIII–XIX вв. у ногайцев существовали все три вида феодальной земельной ренты. В течение длительного времени ведущее место, по-видимому, занимала именно она; в то же время вплоть до 1917 г. существовала и отработочная рента.

Во всех пяти ногайских ордах в XVIII в. сбором податей и назначением повинностей для простых скотовладельцев-кочевников занимался старшина, находившийся в прямом и непосредственном подчинении сераскера и бия. Все подати поступали на содержание бия, сераскера, мурз, представителей духовенства.

Одной из самых распространенных форм продуктивной ренты в ногайском кочевом обществе являлась форма отдачи некоторой части мяса от зарезанного скота, а также других продуктов представителям знати.

Ногайцы Северо-Западного Кавказа в XVIII в. платили мурзам, главам аулов годовой оброк, состоявший из двух быков, десяти баранов, а также таких продуктов, как просо (жареное и перемолотое в муку), масло, плитки сгущенного творога.

Исследователи кочевых обществ Евразии считают одной из самых распространенных форм эксплуатации саунные отношения, то есть раздачу скота на выпас. Саунные отношения мы относим к формам отработочной ренты, прикрывавшимся патриархально-родовой оболочкой. Суть саунных отношений состояла в том, что богатые скотоводы раздавали бедноте дойных коров, лошадей, овец, при этом получавший скот мог распоряжаться вырабатываемыми продуктами (молоко, шерсть) и обязан был возвратить по истечении определенного срока полученных животных с приплодом. Раздача скота на выпас практиковалась во все времена у всех скотоводческих народов. Могли изменяться лишь условия договорных отношений, регламентирующих использование продуктов скотоводства, приплода и т.д., но форма сохранилась неизменной. Одной из важнейших причин возникновения саунных отношений была производственная необходимость. Владелец большого стада скота не в состоянии был справиться самостоятельно с их выпасом и уходом за ними. Следует добавить, что из этнографических источников известна и другая их форма – сдача скота на выпас бедными скотовладельцами более крупным собственникам для сохранения стад. В любом случае саунные отношения регулировали производственный процесс, позволяя сохранить кочевое хозяйство и подвижный образ жизни.

На наш взгляд, *саун* (наделение бедных родственников и сородичей скотом) у ногайцев являлся обычной формой эксплуатации. Эксплуатация богатыми скотовладельцами бедных сородичей в форме сауна внешне имела вид бескорыстной помощи, как дань обычаям и традициям, устоявшимся в обществе. При этом баи использовали саунные отношения для утверждения своего авторитета, как страхование на случай собственного разорения, рассчитывая на моральное право получить ответную помощь, а также для удовлетворения других корыстных намерений.

Саунная форма эксплуатации имела характер отработочной ренты, носившей лишь внешние признаки родовой взаимопомощи. До 1828 г. ногайская знать (мурзы и др.) были освобождены от отбывания натуральных повинностей в чью-либо пользу, но сами они взимали их у подвластных им людей. И.В. Бентковский писал о том, что мурзы получали от ногайцев, так называемых своих подвластных, с каждого дома по две меры проса, одну арбу сена и одну арбу дров или кизяка[1]. У оседлых ногайцев крестьяне отрабатывали на полях мурз, участвовали в сенокошении и уборке сена для них. Иными словами, основная земледельческая работа на полях крупных феодалов выполнялась ногайской беднотою.

Кроме того, они занимаясь хлебопашеством как на земле свободной, так и на земле принадлежавшей мурзам или князьям, в виде платы за землю вносили им определенное количество проса, пшеницы и урожай других засеянных зерновых и огородных культурах.

Оказавшись в составе России, ногайцы стали нести повинности в пользу государства, налоги они уплачивали в государственную казну. Относительно кизлярских ногайцев П.Г. Бутков[2] пишет об их использовании для перевозки провианта и других целей. Другие авторы свидетельствуют, что кизлярские «аульные ногайцы» своим транспортом доставляли груз в Грузию и Астрахань. Подобно другим кочевым подданным империи, ногайцы были обязаны нести почтовую повинность. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа за пользование предоставленной им царскими властями землей несли повинности в виде перевозки провианта по всем магазинам левого фланга Кавказской линии.

Согласно данным, приведенным И.В. Бентковским[3], ногайцы Калаусо-Джембойлуковского приставства обязаны были развозить впредь до особого расположения с Подпольной пристани (на Дону) в Ставропольские и другие подручные магазины четвертей провианта. А ногайцы Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского

[1] *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан…

[2] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.

[3] *Бентковский И.В.* Указ. соч.

приставства должны были развозить провиант и выставлять арбы только в экстренных случаях по команде властей.

Ногайцы вышеназванных приставств главным образом доставляли продукты из Шандруковской пристани, расположенной на побережье Каспийского моря, в города и крепости, находившиеся по условно установленной военной Кавказской линии.

Однако государственные повинности, которые выполняли ногайцы в первой половине XIX в., были нелегкими и не могли не оказывать влияние на их положение. Ногайцы поставляли до 40 тыс. подвод подрядных в год для подъема и перевозки казенного провианта во все магазины левого крыла Кавказской линии; до 10 тыс. подвод для доставки соли в три казачьи полка: Моздокский, Гребенский и Кизлярский.

Общественные или земские повинности ногайцев заключались и в содержании приставств, канцелярий и зданий администрации, выставлении лошадей для разъездов чиновников по управлению, как тогда было приято называть, магометанскими народами. На караногайцев было возложено содержание почтовых станций от Кизляра до Астрахани.

Караногайцы с последней четверти XVIII в. не платили никаких государственных налогов. Они были освобождены от их уплаты по указанию Петра I во время Персидского похода, в знак благодарности караногайцам, доставившим добровольно продовольствие для русской армии и подтвердившими при этом свою верность России.

Соседи кизлярских ногайцев, аксаевские и костековские ногайцы, платили государственные подати ежегодно в размере трех рублей с семьи, а земские и общественные подати, составлявшие около одного рубля с семьи, вносились один раз в год. Ногайцы, жившие на землях, принадлежавших тарковскому шамхалу, платили ему налоги продуктами, а также выполняли самые разные полевые работы с использованием своих животных (волов, быков).

Ногайцы Северного Кавказа, как и некоторые другие народы России, были освобождены от воинской повинности. Такое освобождение предоставлялось царскими властями взамен внесения определенной суммы в казну (воинского налога).

Кстати, одной из самых распространенных форм налогов в ногайском обществе являлся закят, основанный на шариате и регулируемый мусульманским правом. Ногайские мурзы использовали традиции коллективного труда, сохранившиеся в виде обычаев «талакъа» (безвозмездная помощь) для сенокошения, уборки урожая зерновых (пшеница, ячмень) и других работ. Как мы уже отмечали, во всех ногайских ордах в XVIII в. существовала должность старшины для сбора податей и наряда повинностей. Все натуральные налоги, выплачивались «эксплуатируемым населением» непосредственно

мурзами, баям, князьям. Также все виды отработок представители господствующих сословий организовывали сами, прибегая к помощи своих ближайших подручных.

Организация сборов всех видов налогов и выполнение назначаемых властями повинностей после вхождения ногайцев в состав России были возложены на местные административные органы управления. А.П. Берже[1] писал, что обычно частные приставы созывали народ на сход и оповещали их о требуемых повинностях. По денежным сборам называлась сумма денег, которые необходимо было уплатить, а для развозки провианта – число подвод. Устанавливалась сроки выплат и время выполнения назначенных работ. Затем народ, посовещавшись на сходе, распределял налоги и повинности по аулам. При этом составлялись списки, которые передавались старшинам и головам для исполнения. Непосредственным распределением повинностей в аулах занимался староста, который избирался чаще всего из представителей знатных сословий. Кроме того, в каждом ауле, состоявшем не менее чем из десяти кибиток, выбирался также и десятник, который оказывал содействие старосте и находился в его подчинении.

Административное устройство караногайцев было организовано с учетом удобства для сборов налогов и податей. Они разделялись на 4 куба (подразделения) по родоплеменному признаку, которые были представлены найманами, кичаками, минами и тереками. А каждый куб подразделялся на 4 аксакальства, которое в свою очередь делилось на несколько аулов. При возникновении споров, тяжб, также и по поводу уплаты налогов и податей, дела рассматривались в суде – маслагате. Они разбирались старшиной и головой. Представители знатных сословий имели свой маслагатный суд. Споры, возникавшие между ними, разрешались как по праву «сильного», так и на специальных маслагатских судах мурз. Следует заметить, что до вхождения ногайцев в состав России в маслагатном суде рассматривались также все уголовные и гражданские дела, за исключением семейных и наследственных, входивших в компетенцию шариатского суда. В основном во всех судах дела разбирались с грубым вмешательством и по произволу князей. Кроме суда-маслагат, действовавшего на основе обычного права (адат), большим авторитетом у ногайцев пользовался также казийский суд, где дела рассматривались на основе шариата. Юридически ответственным за проступки или преступления той или иной личности по обычному праву являлось не только отдельное лицо, но и племя, род, к которому оно принадлежало. Если преступник оказывался не в состоянии уплатить наложенный на него штраф, его должны были внести сородичи, в первую очередь ближайшие родственники.

[1] *Берже А.П.* Татарское племя на Кавказе.

Налоговым иммунитетом и льготами у ногайцев пользовались духовные лица, вдовы, калеки, представители знатных сословий. Кроме того, от повинностей на срок до трех лет освобождались домашние рабы, в случае получения ими свобод (и при условии, если они оставались в ауле), а также люди, поселившиеся в кочевьях ногайцев и прибывшие от соседских народов.

Налоги и повинности, которые уплачивали и выполняли ногайцы в XVIII – первой половине XIX вв., подразделялись на уплачивавшиеся государству и отдельным лицам (феодалам). Формы платы были самыми различными: денежные и натуральные налоги, взимавшиеся продуктами скотоводства, хлебопашества (мясо скота, зерно). Уплата налогов скотом либо зерном отражала соотношение скотоводства и земледелия у различных групп ногайцев в разных местностях. Денежный оброк занимал незначительное место в системе феодальной эксплуатации, т.к. товарно-денежные отношения были развиты сравнительно слабо. Ногайцы уплачивали воинский налог и как правоверные мусульмане вносили один из важнейших в исламе налогов – закят, который взимался в пользу малоимущих. Закят уплачивался взрослыми дееспособными людьми, владевшими определенным имуществом – скотом, землей с посевами. Обычно взималась десятая часть урожая, скота или какого-либо иного дохода. В трудовые повинности крестьян-скотоводов входила отработочная рента в форме сауна, прикрывавшейся патриархально-родовой оболочкой помощи соплеменникам, обычно обедневшим скотоводам. А крестьяне отрабатывали свои повинности на полях землевладельцев при вспахивании и уборке урожая.

Государственные повинности ногайцев состояли из трудовой повинности, почтовой повинности, транспортной (гужевой) повинностей (выставление подвод для перевоза казенного провианта и т.д.).

Проведенный нами анализ социально-экономических отношений ногайцев Северного Кавказа позволяет сделать следующие выводы: в общественном строе ногайцев (с конца XVIII и начала XIX в.) стали постепенно доминировать феодальные отношения, осложненные патриархальными пережитками; своеобразие общественного развития ногайцев в XVIII – начале XIX в. заключалось в том, что у них в рамках феодальной организации сохранялось патриархальное рабство; существовала система вассалитета – мелкопоместное узденство; другая важная особенность – это переплетение сословных отношений с классовым; производственные отношения у кочевой части ногайцев складывались на основе собственности на скот, а через скот – на землю. Существовала неразрывная связь между этими основными средствами производства.

Следует оговорить, что скот нельзя в то же время считать классическим средством производства. Он являлся им постольку, поскольку

определял всю хозяйственную жизнь кочевников-ногайцев. Скотоводство давало все необходимые продукты, становившиеся также предметами торговли, оно оказывало значительное влияние на ход экономических и политических связей с другими народами Юго-Восточной Европы. Исходя из таких позиций, можно говорить о стадах, табунах и территориях кочевий как о средстве производства в ногайском кочевом обществе; с переходом к оседлому образу жизни у ногайцев начинает складываться частная собственность на землю. Не у всех групп ногайцев земельное право было одинаковым. Среди них имелись такие, у которых земля долго находилась в общем пользовании. Однако среди других групп отмечается наличие крупных землевладельцев, взимавших подати и налоги подчиненных им соплеменников; развитие социально-экономических отношений у ногайцев было связано и с торговлей, отхожими промыслами, с изменением традиционного характера общества и постепенным втягиванием его в товарно-денежные отношения и общероссийский рынок.

Политическая деятельность атамана Донского казачьего войска А.М. Каледина

В.П. Трут

Светлой памяти выдающегося
ученого и человека большой души
Татьяны Павловны Хлыниной

Волею судеб мне довелось довольно длительный период времени общаться и сотрудничать с Татьяной Павловной Хлыниной. И это общение всегда отличалось открытостью, искренностью, добрым товарищеским отношением. Данные человеческие качества, присущие Татьяне Павловне, отмечают все без исключения коллеги, которые в той или иной степени сотрудничали с ней в научно-профессиональной, да и просто житейской сферах. И это притом, что Т.П. Хлынина уже давно заслуженно считалась одним из ведущих специалистов региона в таких крайне сложных областях научного знания исторической сферы, как теория и методология исторического познания, советской национальная политика на Северном Кавказе. Но в силу своих однозначно позитивных человеческих качеств, ей претил сам дух зазнайства и высокомерия. Любое дело, любой научный или организационный проект, которые она реализовывала, Татьяна Павловна всегда осуществляла на высоком профессиональном уровне, подходила к ним с искренним чувством долга и ответственности. И делала все это всегда с большим энтузиазмом, энергией, целеустремленностью и… неизменным хлынинским задором, с особым огоньком в глазах. Доброта и простота всегда отличали Татьяну Павловну и в личном общении. Достойный человек достоин во всем: и в профессиональном, и в житейском планах.

Т.П. Хлынина на очень высоком научно-профессиональном уровне занималась проблематикой национально-государственного строительства на Северном Кавказе и его отражения в отечественной историографии. С позиций всестороннего и обстоятельного обоснования авторских научных подходов она раскрывала сложные аспекты проблем исторического познания, взаимоотношений истории и политики, социальной истории и повседневной жизни в советский период, локальной истории. Данью искреннего человеческого

и профессионально уважения к Татьяне Павловне Хлыниной и является предлагаемая научная статья, затрагивающая один из вопросов донской региональной истории.

* * *

Несмотря на то что в силу известных обстоятельств собственно политическая деятельность Алексея Максимовича Каледина осуществлялась в весьма непродолжительный период времени, она оставила очень важный и, безусловно, яркий след в один из самых сложных, трагических и противоречивых периодов истории донского края.

Биография А.М. Каледина, его военная и политическая деятельность исследованы достаточно обстоятельно и всесторонне еще в белоэмигрантской, а затем и в советской, современной российской и отчасти зарубежной историографии. Поэтому мы остановимся на наиболее важных и дискуссионных вопросах.

Политическая деятельность А.М. Каледина началась после его избрания на пост войскового атамана Донского казачьего войска в июне 1917 г. С 26 мая по 18 июня 1917 г. в г. Новочеркасске работал I Большой войсковой круг войска Донского. Открывая его заседания, председательствовавший М.П. Богаевский, по свидетельствам очевидцев, объявил: «Позвольте мне, господа, после 198-летнего перерыва объявить открытым Большой Войсковой Круг»[1]. Тем самым подчеркивалась преемственность вновь созданных органов высшего казачьего самоуправления с их историческими предшественниками.

Ход и решения этого круга хорошо освещены в литературе[2]. Депутаты приняли резолюции в поддержку Временного правительства и о необходимости продолжения войны до победы. Обсуждая проблемы внутриполитического развития страны, многие выступавшие члены круга выражали серьезные опасения по поводу усиливавшейся «анархии и разрухи», подразумевая при этом нараставшие неконтролируемые процессы в обществе, рост революционной активности широких масс. Поэтому в посланной Временному правительству от имени круга телеграмме заявлялось о готовности казачества оказать всемерное содействие правительству в борьбе с анархией. Отличительной чертой круга, по свидетельствам

[1] Цит. по: *Карташёв И.П.* Ответ на анкету // Казачество. Мысли современников о пошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С. 162.

[2] См. например: *Бабичев Д.С.* Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д, 1969. С. 108–120; *Кириенко Ю.К.* Революция и донское казачество. Ростов н/Д, 1988. С. 50–59; *Сергеев В.Н.* Банкротство мелкобуржуазных партий на Дону. Ростов н/Д, 1979. С. 20–23; *Трут В.П.* Казачий излом (Казачество Юга-Востока России в начале XX века и в период революций 1917 года). Ростов н/Д, 1997. С. 86–88.

очевидцев, являлось то, что на нем «не было партий, партийной борьбы, партийных страстей… Партийные настроения, если они выявлялись, что было нечасто, нивелировались и сглаживались в округах… На круге выступлений от имени партий не было и не могло быть, а опираться можно было только на округа»[1].

В соответствии с решениями круга юридически утверждались образование, полномочия и функции высших органов казачьего самоуправления войска – войскового круга и избираемых на нем войскового атамана и войскового правительства. На пост атамана было выдвинуто 20 кандидатур. Подавляющее большинство депутатов проголосовало за генерала от кавалерии А.М. Каледина. По словам избранного тогда же товарищем (заместителем) войскового атамана М.П. Богаевского, «за Каледина голосовали не только станицы, но и огромная часть фронтовиков. Каледину поверили оттого, что это был не только генерал с громкой боевой славой, но и, безусловно, умный и безукоризненно честный человек»[2].

Буквально сразу же после своего избрания атаманом, А.М. Каледин развернул активную и многогранную властно-управленческую деятельность. По многочисленным свидетельствам современников, ему в самое короткое время удалось наладить очень продуктивную работу только что сформированного Донского войскового правительства, возглавляемого непосредственно атаманом. При этом он поступил как достаточно грамотный управленец-администратор и максимально задействовал имевшийся к тому времени, пусть и весьма скромный, опыт работы образованных на апрельском 1917 г. Войсковом съезде комиссий по всем основным сферам внутренней жизни Донской области. Тогда были созданы комиссии по управлению, по подготовке круга, военная, судебная, финансовая, земская, по пропаганде, земельная, землеустроительная, рыболовная, горная, лесная, по путям сообщений, по медицине, народного образования и шлюзовая[3]. Во многом именно на их основе формировались необходимые административные структуры правительства.

Однако атаману пришлось вплотную заниматься не только властно-управленческими и административно-хозяйственными вопросами жизни Области Войска Донского, но и проблемами, которые были обусловлены происходившими тогда в стране бурными, крайне сложными и весьма неоднозначными политическими

---

[1] Цит. по: *Каклюгин К.П.* М.П. Богаевский. Характеристика // Донская летопись. № 1. Документы. Белград, 1923. С. 45; *Его же.* Организация власти на Дону в начале революции.//Донская летопись. № 2. Документы. Белград, 1923. С. 101.

[2] Цит. по: *Богаевский М.П.* Ответ перед историей // Донская летопись. № 2. Документы. Белград, 1923. С. 358.

[3] Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 861. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

процессами. А.М. Каледин вскоре заявляет о себе не только как об областном политическом лидере, но и как об одном из известных и авторитетных деятелей регионального, а чуть позже уже и всероссийского уровней.

В складывавшейся сложной политической ситуации лета 1917 г. с целью противостояния неуклонно набиравшим силу процессам усиления «анархии и внутренней разрухи», во многом именно по инициативе А.М. Каледина начинается работа по организации регионального казачьего союза на юго-востоке европейской части страны. Первый практический шаг в этом направлении предпринимается в конце июля. В городе Новочеркасске 27–28 июля проходила конференция войсковых атаманов и членов войсковых правительств Донского, Кубанского, Терского, представителей Уральского (Яицкого) и Астраханского казачьих войск и Совета Союза казачьих войск страны. Участники конференции, обсудив политическое положение, приняли резолюцию, в которой констатировалось, что, несмотря на все предпринимаемые Временным правительством меры, страна по-прежнему находится в состоянии анархии и государству грозит «полное разложение». В итоге состоявшегося обмена мнениями о положении дел в стране в целом и в казачьих областях в частности собравшиеся пришли к заключению о необходимости скорейшего объединения казачества региона и наметили конкретные пути для достижения этой цели[1]. Полную поддержку получила идея образования Юго-Восточного союза казачьих войск.

Работавший в начале августа Малый войсковой круг войска Донского полностью поддержал устремления атамана Каледина и Войскового правительства к поддержанию порядка в области. Было также принято и достаточно неоднозначно характеризуемое впоследствии решение об образовании совместного политического блока Войска с кадетской партией на предстоящих выборах в Учредительное собрание[2].

Летом 1917 г. в стране нарастал серьезный политический кризис. Все отчетливее проявлялась неспособность Временного правительства эффективно контролировать внутриполитические процессы. Углубившийся кризис власти усугублялся активизацией крайне правых и крайне левых политических движений. Это происходило на фоне усиления недовольства широких народных масс, придавало новый импульс революционному движению. Выход из сложившейся крайне тревожной ситуации, по мнению правительства, должно было подсказать Всероссийское государственное совещание, открывшееся 12 августа в Москве. В его работе принимали участие и делегации от всех казачьих войск страны. Государственное

[1] Вольная Кубань. 1917. 29 июля.

[2] *Трут В.П.* Казачий излом. С. 95.

совещание стало точкой отсчета политической деятельности А.М. Каледина как одного из ведущих тогда политиков всероссийского уровня. И это было далеко не случайно, а вполне закономерно.

Поселившиеся вместе в одном зале Московского дворянского собрания 40 казачьих делегатов решили провести до официального открытия Государственного совещания собственное собрание[1]. На нем был даже избран президиум под председательством А.М. Каледина. Собравшиеся от имени своих войск изложили мнения о положении в стране. По словам одного из присутствовавших на этом заседании, посланцы различных казачьих войск «заговорили на одном и том же языке – одинаковая оценка положения и одинаковые методы лечения»[2]. В ходе состоявшегося обсуждения основных вопросов политической жизни страны казачьи делегаты выработали положения совместной политической декларации. Ее текст был утвержден на объединенном заседании представителей от всех казачьих войск. Выступить с ней с трибуны Государственного совещания поручили донскому атаману А.М. Каледину[3].

Уже во время работы этого совещания 13 августа произошла короткая встреча верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова и атамана А.М. Каледина. Они в общих чертах обсудили положение в стране, ситуацию на фронте и в тылу, пути выхода из нее, содержание докладов, с которыми они планировали выступить. По свидетельству члена донской делегации Н.М. Мельникова, после этой встречи Каледин внес дополнения в текст своей речи. На вопрос, зачем он это сделал, последний ответил, что в пункте об ограничении деятельности армейских комитетов он хочет изложить более радикальные требования с тем, чтобы на их фоне предложения Корнилова по данному вопросу показались «умеренными и относительно приемлемыми»[4]. А.М. Каледин сознательно «вызывал на себя огонь» левых политических сил с целью отвлечения или хотя бы ослабления их удара по Корнилову.

Оба генерала выступали на заседании 14 августа. Первому слово было предоставлено Л.Г. Корнилову. Изложенная им программа необходимых мер почти полностью совпадала с содержанием его записки, представленной на утверждение правительства еще 10 августа. Корнилов предлагал восстановить дисциплину в армии путем представления всей власти командирам, поднять авторитет и вес офицерского корпуса, ограничить функции всевозможных комитетов в армии только хозяйственными вопросами, распространить меры

[1] Вольный Дон. 1917. 7 сентября.

[2] *Мельников Н.М.* А.М. Каледин (личность и деятельность). Воспоминания // Донская летопись. № 1. Документы. Белград, 1923. С. 23.

[3] Вольный Дон. 1917. 7 сентября.

[4] *Мельников Н.М.* Указ. соч. С. 25.

по ужесточению дисциплины не только на армию, но и на тыл. Он призвал к решимости и твердой непреклонности в проведении этих мер[1].

Выступавший затем атаман А.М. Каледин предложил безотлагательно осуществить более суровые и радикальные мероприятия. По его мнению, необходимо было сделать следующее: армия должна быть вне политики, полное запрещение в ней митингов и собраний с их партийной борьбой и распрями, все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, которые должны выполнять чисто хозяйственные функции; декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей; дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами; тыл и фронт – единое целое и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу; дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены; вождям армии должна быть предоставлена полная мощь; страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узкопартийными групповыми программами; власть должна быть едина в центре и на местах; Россия должна быть единой, всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше; в области государственного хозяйства необходима строжайшая экономия, приведение в соответствие цен сельскохозяйственной и промышленной продукции, введение нормированной заработной платы и прибыли, разработка и проведение закона о трудовой повинности, прекращение подрыва производства сельскохозяйственной продукции вследствие нарушения порядка землепользования и арендных отношений[2].

По словам очевидцев, декларация, прочитанная А.М. Калединым от имени всего казачества, «произвела очень сильное впечатление»[3]. Впечатление присутствовавших от нее было колоссальное[4].

Возвращаясь с Государственного совещания, А.М. Каледин весьма мрачно и пессимистически оценивал внутриполитическое положение в стране и перспективы его развития и высказал мысль о том, что «Россию можно будет восстанавливать частями, по кускам, постепенно оздаравливая отдельными оазисами»[5]. Одним из таких

[1] *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 115.

[2] *Мельников Н.М.* А.М. Каледин (личность и деятельность). Воспоминания. С. 23; *Трут В.П.* Казачий излом. С. 96–97.

[3] *Малиновский А.* Три генерала на Московском государственном совещании // Донская волна. 1918. № 12. С. 7.

[4] *Мельников Н.М.* А.М. Каледин (личность и деятельность). Воспоминания. С. 29.

[5] Цит. по: *Мельников Н.М.* Донской сепаратизм // Казачий литературно-общественный альманах. Париж, 1930. С. 100.

оплотов, по словам атамана, мог бы стать Юго-Восток Европейской России. Предполагалось, что и в других регионах страны (в Сибири, на Урале, на Украине) могут создаваться такие же крупные «здоровые от надвигавшегося революционного развала образования». А после того как они добьются «оздоровления» у себя на местах, объединенными усилиями «помогут затем подняться всей России»[1].

А.М. Каледин невольно оказался в центре политических событий в период августовского 1917 г. политического кризиса, обусловленного выступлением генерала Л.Г. Корнилова. В день своего выступления главнокомандующий Русской армии обратился к казакам с особым воззванием[2] и отправил телеграмму атаману А.М. Каледину с предложением поддержать его действия[3]. 29 августа следует новая телеграмма Корнилова в Новочеркасск, в которой говорилось о необходимости координации действий.

В период выступления и сразу же после него возник вопрос о позиции и действиях атамана Каледина. Но еще 24 августа он выехал на север Донской области в Хоперский и Усть-Медведицкий округа. Официально было объявлено, что атаман решил ознакомиться с ходом подготовки к выборам в Учредительное собрание, с возможными последствиями неурожая и другими хозяйственными вопросами. В ходе своей поездки А.М. Каледин разъяснял казакам содержание своих предложений, высказанных на Государственном совещании[4]. За один день он объезжал 3–4 станицы. Только за первые 4 дня своей поездки он посетил 16 станиц Хоперского округа и 2 станицы Усть-Медведицкого округа[5].

В момент начала корниловского выступления донской атаман находился в районе станицы Нижне-Чирской. А известие о начале этого выступления он получил только 28 августа из телеграммы М.П. Богаевского, полученной им в станице Усть-Хоперской. Данное сообщение явилось для него, по свидетельству очевидцев, полной неожиданностью[6].

Тем не менее 29 августа в столичной прессе появилось сообщение о том, что Каледин якобы направил телеграмму Временному правительству с ультиматумом в поддержку Корнилова. Это известие тут же было перепечатано практически всей центральной и местной

---

[1] *Мельников Н.М.* Донской сепаратизм.

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1780. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

[3] ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.

[4] Вольный Дон. 1917. 2 сентября.

[5] *Мельников Н.М.* А.М. Каледин – герой Луцкого прорыва и Донской атаман. Мадрид, 1968. С. 169.

[6] *Мельников Н.М.* А.М. Каледин (личность и деятельность). Воспоминания. С. 31.

прессой и стало известно всей стране и на фронте. Необходимо отметить, что факт посылки Калединым телеграммы правительству в рассматриваемый период ни тогда, ни позже в историографии документально подтвержден не был. Ни сама эта телеграмма, ни другие документальные свидетельства ее существования, иные документы, проливающие свет на данное обстоятельство, нигде не обнаружены.

Сам донской атаман в это время находился в районе станицы Обливской, где он получил сведения о том, что его с целью ареста разыскивают отряды красногвардейцев из Царицына. Поэтому он с сопровождавшими лицами верхом на лошадях выехал вглубь I Донского округа, где был встречен новочеркасскими юнкерами на автомобилях, которых послал М.П. Богаевский[1].

Откуда же появились все эти газетные сообщения, послужившие основанием для начала расследования так называемого «дела Каледина»? Кому потребовалось широковещательное распространение версии о присоединении донского атамана к корниловскому выступлению и какие политические цели при этом преследовались?

К сожалению, никаких достоверных сведений относительно авторства сообщения о «выступлении атамана Каледина» исследователи не обнаружили. Нами найдено только косвенное доказательство непосредственной причастности к этому делу органов Временного правительства. В начале 1920-х гг. в одном из белоэмигрантских изданий промелькнула фраза о том, что о телеграмме Каледина Временному правительству газетам сообщили через бюро печати при Временном правительстве[2]. Видимо, в момент развивавшегося кризиса кто-то из членов правительственного кабинета или близких к нему структур предпринял данный маневр. Благо и общественное мнение в определенной мере уже было подготовлено к «выступлению казаков». Эти действия, конечно, вели к осложнениям отношений правительства с казачьими лидерами. Но зато во много раз повышались шансы возможного привлечения на сторону Временного правительства широких слоев населения и, что было для него особенно важно, армейских подразделений, в большинстве которых наблюдалось доминирование большевистского влияния.

В начале сентября продолжалось рассмотрение так называемого «дела Каледина». С этой целью 5 сентября созывается даже II Большой войсковой круг войска Донского. В начале его работы сам донской атаман, официально передавший все свои властные полномочия М.П. Богаевскому еще 1 сентября, избирается делегатами почетным председателем круга[3]. Но А.М. Каледин, заявив о подчинении реше-

[1] *Мельников Н.М.* А.М. Каледин (личность и деятельность). Воспоминания. С. 31.

[2] *Каклюгин В.П.* Войсковой Атаман А.М. Каледин и его время // Донская летопись. № 2. Документы. Белград, 1923. С. 124–125.

[3] ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

нию правительства об отрешении его от должности, от почетного председательства на круге отказался. На заседаниях круга атаман дал честное слово в том, что никакой телеграммы с ультиматумом правительству не посылал[1]. Он категорически отверг все обвинения в участии в корниловском выступлении. Но при этом он прямо заявил, что его личные взгляды совпадают с взглядами Корнилова и он не считает это преступным[2].

После продолжительного и обстоятельного рассмотрения всех аспектов данного дела 10 сентября круг принял постановление, полностью оправдывающее А.М. Каледина. Его первый пункт предписывал атаману немедленно приступить к исполнению своих обязанностей[3]. В довольно категоричной форме круг потребовал от правительства официально немедленно отменить распоряжение об отстранении Каледина от должности и опровергнуть сообщения о мятеже на Дону[4]. Последний (пятый) пункт постановления не допускал выезд атамана за пределы области[5]. 12 сентября круг еще раз запретил Каледину поездку в Могилев по приказу Временного правительства для дачи показаний специальной следственной комиссии, не без оснований опасаясь самосудных действий в его отношении[6].

11 сентября находившийся в Ставке Керенский в своей телеграмме в адрес правительства заявил о необходимости «ликвидировать дело смелым жестом, признав объяснения Каледина удовлетворительным»[7]. А спустя месяц он характеризовал это «калединское дело» как печальное недоразумение[8].

Полную невиновность А.М. Каледина подтвердила и специально посланная на Дон Чрезвычайная следственная комиссия, возглавляемая главным военно-морским прокурором Шабловским[9]. Инцидент считался исчерпанным, хотя отношения донского атамана с правительством оставались натянутыми[10].

---

[1] ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

[2] ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 6. Л. 9; Вольный Дон. 1917. 10 сентября.

[3] Постановление II Большого Войскового Круга Войска Донского. 5–14 сентября 1917 г. // Родимый край. 1929. № 3. С. 41.

[4] Там же. С. 41–42.

[5] Там же. С. 42.

[6] Там же. С. 42.

[7] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 366. Оп. 1. Д. 62. Л. 18.

[8] Речь. 1917. 18 октября.

[9] *Кириенко Ю.К.* Революция и донское казачество. С. 170; *Трут В.П.* Казачий излом. С. 108.

[10] *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. С. 175.

25 октября донской атаман А.М. Каледин получил телеграмму министра юстиции П.Н. Малянтовича с сообщением, что в столице большевики пытаются захватить власть[1]. Через несколько часов, уже поздним вечером того же дня, на имя Каледина приходит еще одна телеграмма, подписанная министром внутренних дел А.М. Никитиным, в которой говорилось о низложении Временного правительства[2]. Сразу после этого Каледин отправляет телеграммы Временному правительству, в штаб Верховного главнокомандующего, Совету Союза казачьих войск, атаманам всех казачьих войск страны, начальникам войсковых подразделений Донской области и во все казачьи части, в которых было заявлено, что донское войсковое правительство считает захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым и окажет полную поддержку Временному правительству[3]. Решительное заявление донских казачьих властей явилось одним из самых первых громких призывов к решительной борьбе с большевиками.

С этого времени начинается уже военно-политическая деятельность атамана А.М. Каледина. 2 ноября его приказом Ростовский, Черкасский и Таганрогский округа войска были объявлены на военном положении[4]. В этот же день им издается приказ об установлении в расположенных на территории Донской области казачьих частях строжайшего внутреннего распорядка, постоянном нахождении офицеров при своих частях и ряде других мер[5].

Наиболее упорная борьба в области в то время развернулась за Ростов, власть в котором находилась в руках местного ВРК. 18 ноября атаман Каледин отдает приказ о наступлении на город. Но казаки отказались его исполнять. Участники событий позже отмечали, что в сложившихся условиях дело даже доходило до того, что атаману приходилось ездить и уговаривать чуть ли не каждый полк и каждую батарею[6]. Всего в пределах Донской области в это время находилось 12 казачьих полков, несколько запасных батарей, а также некоторые мелкие подразделения казаков и местные станичные командиры. Но для активной вооруженной борьбы с советскими силами А.М. Каледину удалось привлечь весьма ограниченное число казаков[7].

---

[1] Вольный Дон. 1917. 26 октября.

[2] Вольный Дон. 1917. 27 октября.

[3] Приазовский край. 1917. 27 октября.

[4] Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 14. Оп. 1. Д. 270. Л. 30; Приазовский край. 1917. 5 ноября.

[5] РГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 270. Л. 31об.

[6] *Кирпичев Я.* Третий Войсковой Круг и вопрос о власти // Пролетарская революция: сборник 4. М.; Л., 1924. С. 19.

[7] *Трут В.П.* Казачий излом. С. 136.

24 ноября командующий войсками Таганрогского округа генерал Назаров докладывал атаману Каледину об открытом неповиновении казаков и об их отказе выполнять его приказания[1]. Каледин вынужден был принимать все возможные меры для организации наступления. Его настойчивые уже не столько приказы, сколько уговоры привели к определенным результатам. Часть казаков 46-го и 48-го Донских полков с большой неохотой, но все же двинулись к Ростову. Но и по ходу их продвижения проявлялись элементы неповиновения атаману и офицерам. Все отчетливей прослеживалась не только явная пассивность казаков в разгоравшейся вооруженной борьбе, но и их крайне негативное к ней отношение. Участились случаи отказа казаков от исполнения приказов. Причем с каждым днем данные настроения усиливались и становились доминирующими. Даже сам Каледин в беседе с генералом Деникиным с горечью констатировал: «Отдаю распоряжение и знаю, что почти ничего исполнено не будет»[2].

29 ноября верные Войсковому правительству части, 46, 48-й полки, 5-й Донской пеший батальон, две батареи, часть юнкеров Новочеркасского училища и уряднических курсов, немногочисленные добровольческие отряды из офицеров и учащейся молодежи при поддержке офицерских рот Алексеевской организации начали наступление на город[3]. 4 декабря они занимают Ростов[4]. Потери сторон, по свидетельствам очевидцев, были небольшими.

2–13 декабря работал III Большой войсковой круг войска Донского. Его делегаты обсудили сложившееся в стране положение и заявили о непризнании советской власти. Рассмотрев ситуацию в области, они решили утвердить предложенный проект новой организации управления Донской областью. Согласно его положениям, вплоть до созыва Донского учредительного собрания из представителей всего населения области органами высшей власти должны были стать Временное донское правительство и войсковое правление[5]. Для ослабления напряженности в отношениях между казаками и крестьянами, атаман Каледин предложил делегатам круга образовать объединенное правительство казачьего и неказачьего

---

[1] Из папки Донского Атамана Каледина. Документы // Пролетарская революция на Дону: сборник 2. Ростов н/Д, 1922. С. 128.

[2] Цит. по: *Деникин А.И.* Поход и смерть генерала Корнилова // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Т. 3. Начало гражданской войны. М.; Л., 1926. С. 4.

[3] *Сафонов И.Г.* Юбилейная пощечина // Вольное казачество. 1931. № 36. С. 20–21.

[4] *Богаевский М.П.* Ответ перед историей // Донская летопись. № 2. Документы. Белград, 1923. С. 367.

[5] ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

населения[1]. Сам атаман и все члены войскового правительства официально, с целью создания формального повода для формирования нового правительства, подали в отставку. И она была принята кругом[2]. После напряженного обсуждения депутаты круга признали необходимым организовать власть в области на равных, паритетных началах представительства, как от казачьего, так и от неказачьего всего населения области. Кругом было сформировано новое паритетное правительство, в которое вошло по семь представителей от казачества и от крестьянства. Председателем правительства был избран М.П. Богаевский. При возникновении спорных ситуаций при голосовании в правительстве его голос являлся решающим. Атаманом на круге, что являлось весьма показательным и свидетельствовало о его значительном политическом авторитете, вновь был избран А.М. Каледин. При обсуждении проблемы взаимоотношений с СНК большинство депутатов круга согласилось с тем, что Донской области угрожает серьезная опасность. Поэтому они проголосовали за постановление, предоставляющее атаману и правительству «все полномочия по принятию необходимых мер для защиты области»[3]. Атаман получал права командующего всеми донскими вооруженными силами.

В рассматриваемый период происходил рост не только миролюбивых, антивоенных, но и откровенно оппозиционных по отношению к атаману Каледину и его правительству настроений казаков-фронтовиков. Участники тех событий позже отмечали, что именно в это время выявилась полная непригодность стоявших на границах области фронтовых казачьих частей для борьбы с советскими силами[4]. Более того, в них «с каждым днем росла враждебность к собственным офицерам, делались все громче разговоры про то, что надо повыгонять всех добровольцев и партизан, по вине которых идут теперь войной большевики»[5]. В конце декабря активную позицию в этом отношении занимали казаки 35, 39 и 44-го Донских полков, среди которых отмечалось широкое распространение большевистской пропаганды[6]. На переговоры к ним была срочно направлена специальная делегация представителей войскового круга и войскового правительства. Но они ни к чему не привели:

[1] ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 64. Л. 6.

[2] ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 20. Л. 105, 108, 110.

[3] Вольный Дон. 1917. 10 декабря.

[4] *Белогорский Н.В.* Дни Каледина // Белое дело: Летопись Белой борьбы: материалы, собранные и разработанные бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и Светлейшим Князем А.П. Ливеном: в 6 т. / под ред. А.А. фон Лампе. Т. 4. Берлин, 1928. С. 54.

[5] Там же.

[6] Вольная Кубань. 1917. 19 декабря.

переубедить казаков не удалось. Большевистская агитация также велась и в 27, 31 и 33-м Донских полках[1]. Обозначавшийся перелом в настроениях казаков-фронтовиков стал проявляться и в их конкретных действиях. О своем неповиновении войсковому правительству открыто заявили казаки отборных гвардейских Атаманского и Казачьего полков, объединенных в Донскую гвардейскую бригаду. Служивший тогда в Атаманском полку Н.Н. Туроверов позже отмечал, что «гвардейская бригада, вернувшаяся с фронта в декабре 1917 г. и поставленная в районе станицы Каменской, как заслон с севера, перестала существовать… Свидание бригадных делегатов с красногвардейцами на Чертково (так в тексте. – В.Т.) создали тогда такое убеждение казаков: "Нас мутят офицеры. Красногвардейцы – люди, как люди. Пусть идут за буржуями да генеральскими погонами другие, а нам-то чего смотреть – айда по домам!"»[2] И казаки этих полков самовольно покинули позиции и разошлись по домам.

Осознавая серьезность ситуации, высшие войсковые структуры стремились укрепить свои властные полномочия. На заседании войскового правительства 20 декабря принимается специальное постановление «Об организации власти», в соответствии с которым существенно расширялись права войскового атамана[3]. (Примечательно, что формулировка по данному вопросу выглядела весьма своеобразно: «…предоставить Войсковому атаману права президента республики»[4]). Но реальная власть в тех условиях атамана и правительства не только не увеличилась, но и продолжала сокращаться, ввиду отношения к ним казаков, особенно фронтовиков. Даже депутаты войскового круга позже констатировали, что тогда «войсковой атаман Каледин и правительство теряли почву под собой»[5]. Причем данный процесс очень быстро прогрессировал.

28 января 1918 г. атаман А.М. Каледин опубликовал свое последнее воззвание к населению Донской области, в котором с нескрываемой горечью и досадой констатировал: «Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж (имелись в виду части, поддержавшие казачий ВРК. – В.Т.) и в союзе с вторгшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами сделали нападение на отряд полковника Чернецова и частью его уничтожили, после чего большинство полков рассеялось по хуторам… Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются

[1] *Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К.* Казачество и социализм. Ростов н/Д, 1986. С. 13–14.

[2] Цит. по: *Туроверов Н.Н.* Конец Чернецова // Казачьи Думы. 1924. № 23(7). С. 3.

[3] Вольный Дон. 1917. 21 декабря.

[4] Там же.

[5] *Шипшин Д.* Год тому назад (Воспоминания депутата войскового круга) // Донская волна. 1919. № 4. С. 12.

выполнять боевые приказы по защите Донского края»[1]. На следующий день, 29 января, он созвал экстренное заседание объединенного войскового правительства. На нем обсуждался один вопрос: сложившаяся в области ситуация. Выступивший походный атаман генерал-майор А.М. Назаров, по свидетельствам очевидцев, «нарисовал совершенно безнадежную картину: противник в нескольких шагах от Новочеркасска, казаки драться не желают; молодежь (т.е. бойцы партизанских отрядов. – *В.Т.*) изнемогает; Донское войско защищает немного больше 150 человек и две роты Добровольческой армии»[2].

После продолжительного обсуждения положения выступил Каледин, который назвал его безнадежным. При этом он особо отметил, что «население не только нас не поддерживает, но и настроено к нам враждебно»[3]. Дальнейшее сопротивление в такой ситуации он признал бесцельным и заявил о сложении с себя полномочий атамана и председателя войскового правительства. То же самое он предложил сделать и его членам. Вслед за ним с заявлением об отставке выступил М.П. Богаевский, а затем и все остальные члены правительства[4]. До открытия войскового круга, намечавшегося через четыре дня, и избрания на нем нового атамана и состава правительства власть в войске передавалась Новочеркасской городской управе, городскому военному комитету и Новочеркасскому станичному правлению[5]. Придя после этого заседания домой, А.М. Каледин выстрелом в сердце покончил с собой.

Современники, а позже и исследователи по-разному, зачастую с прямо противоположных позиций, характеризовали причины отставки атамана и правительства. Так, М.П. Богаевский уже на IV Малом войсковом круге прямо заявил, что первой и основной причиной этого явилось отсутствие у них реальной силы[6]. Н.В. Федоров указывал на неопределенность политики войскового правительства, «способность к компромиссам с большевиками», деятельность его левых группировок[7]. А авторитетный английский историк П. Лонгуорт, наоборот, считал, что Каледин в тех условиях оказался в безвыходной ситуации и «был проглочен белыми экстремистами»[8].

---

[1] Цит. по: Последнее воззвание А.М. Каледина // Донская волна. 1918. № 2. С. 11.

[2] Цит. по: *Мельников Н.М.* А.М. Каледин (личность и деятельность). Воспоминания // Донская летопись. № 1. Документы. Белград, 1923. С. 39.

[3] Приазовский край. 1918. 31 января.

[4] Вольный Дон. 1918. 1 февраля.

[5] М.П. Богаевский на IV-м Малом Войсковом круге 7 февраля 1918 г. // Донская волна. 1918. № 12. С. 13.

[6] Там же.

[7] *Фёдоров Н.В.* От берегов Дона до берегов Гудзона. С. 30–31.

[8] *Longworth Ph.* The Cossacks. London, 1969. P. 297.

Каждое из отмеченных обстоятельств, по нашему мнению, в той или иной мере было актуально, но главной причиной кризиса власти на Дону в рассматриваемое время являлся отказ основной массы казачества, прежде всего фронтового, от поддержки атамана и правительства и, как следствие, отсутствие в их распоряжении необходимых социально-политических и особенно военных сил.

Таким образом, довольно непродолжительная, но очень важная и насыщенная политическая, а после Октябрьского восстания большевиков, и вынужденная военно-политическая деятельность атамана А.М. Каледина довольно красноречиво свидетельствовала о его качествах как атамана, высшего должностного лица в войске, политика, военачальника. И если как политику и атаману к нему вполне оправданно относить и имевшиеся несомненные позитивные достижения и успехи, и просчёты, ошибки и неудачи, то при характеристике его личных морально-нравственных качеств приемлема, безусловно, позитивная оценка. По нашему мнению, трагедия А.М. Каледина как политика заключалась в том, что политическая деятельность, особенно в сложнейших, противоречивых, неоднозначных, поистине экстраординарных событиях Октябрьской революции и последовавшего за ней начального этапа Гражданской войны, потребовала от политиков совершенно иных личных качеств, зачастую весьма далеких от таких понятий, как мораль, нравственность, долг и честь. А для него такой подход был принципиально неприемлем. Как политический деятель А.М. Каледин, в силу целого ряда общих объективных и субъективных причин и многих конкретных негативных факторов, потерпел поражение.

Формирование тоталитарного права в ходе массовых политических репрессий 1930-х гг. в СССР

С.А. Кропачев

Массовые политические репрессии в СССР – это система государственных карательных мер, разработанных и осуществленных политическим режимом в огромных масштабах на протяжении длительного периода против определенных (целевых) групп граждан, сословий, классов, народов. Данная статья посвящена различным формам политических преследований в 1930-х гг. в СССР и их влиянии на формирование тоталитарного права.

В отечественной и зарубежной историографии за последние четверть века появились серьезные публикации, посвященные массовым политическим репрессиям в СССР, их механизму, масштабам и последствиям[1]. Значительно меньше работ[2], освещающих

[1] *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1. М., 2000; *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001; *Хлынина Т.П.* Социальная история советской Адыгеи: очерки политической антропологии. 1930-е годы. Майкоп, 2004; Демографическая модернизация России. 1900–2000. М., 2006; *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958. Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008; *Хлынина Т.П.* «Адыгейское дело»: три версии одного события. Сыктывкар; Воркута, 2013 и др.

[2] *Хлевнюк О.В.* Пределы принуждения: опыт административно-командного управления в предвоенные годы // Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР. М., 1989; *Курицын В.М.* 1937 год: истоки и практика культа // Реабилитирован посмертно. М., 1989. Вып. 1, 2; *Венгеров А.* Законность, как ее понимал Вышинский // Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М., 1992; *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 1, 2. М., 1997; *Жуков Ю.Н.* Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–26; *Петров А.В.* Введение // История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: в 7 т. Т. 2. Карательная система. Структура и кадры. М., 2004 и др.

государственный террор с точки зрения юридической экспертизы, анализа правовой системы в условиях тоталитарного режима, несвободы, подавления инакомыслия и массовых нарушений прав человека.

Термин «тоталитарное право» ввел в научный оборот А. Подгорецкий в 1996 г.[1] С ним согласен известный специалист в области изучения «сталинской» юстиции, профессор Университета Торонто П. Соломон[2]. Нам представляется, что термин недостаточно точно определяет положение правовых норм, систем и ведомств юстиции в условиях существования жестокого тоталитарного режима – такого, например, который утвердился в СССР в 1930-е гг. Не может быть тоталитарного, авторитарного или демократического права, как не бывает пролетарской физики или буржуазной математики. Право по своей сути должно быть демократичным и служить интересам всего общества. Иными словами, право и закон в принципе не могут быть орудиями политических режимов, элит или диктатур. Если это происходит, как многократно бывало в XX в., право превращается в фарс, ширму, фасад режима, формально существует на бумаге, в экспортном варианте и используется прежде всего для внешнеполитических целей как доказательство легитимности тоталитарного строя. Более точное определение в 1991 г. предложил другой западный ученый Л. Радзинович, назвавший исследуемый феномен «авторитарной моделью уголовной юстиции»[3].

В данной статье термин «тоталитарное право» употребляется условно – как некое собирательное, обобщающее понятие. Под этим термином понимаются право и правовая система, сложившиеся в СССР в 1920–1940е гг. в интересах большевистского режима, которым были свойственны полная зависимость от политической конъюнктуры, попрание прав и свобод человека, оправдание произвола и насилия как основных способов решения государством любых проблем.

В 1930-е гг. массовые политические репрессии были применены в огромных масштабах, в изощренных формах и напрямую влияли на формирование тоталитарного права. Нужно отметить, что карательные акции большевистский режим применял на практике и ранее («красный террор», ликвидация оппозиционных партий), и в последующие годы (депортации «неблагонадежных» и «наказанных» народов и представителей «неправильных» религиозных вер, разоблачение послевоенных «заговоров», борьба с космополитизмом, неоправданно жестокие указы 1947 г. о хищениях и т.д.). Но именно

[1] *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 450, 455.

[2] Там же. С. 450.

[3] Там же. С. 450, 455.

в 1930-е гг. был заложен фундамент «тоталитарного права», а отдельные «камни» в его здание закладывались в 1940-е гг. и в первой половине 1950-х гг.

Выделим четыре этапа репрессий в 1930-е гг.:

1. Раскулачивание и депортация зажиточных крестьян. В 1930–1931 гг. в ходе «кулацкой ссылки» на спецпоселение было отправлено 1803 тыс. крестьян[1]. Кроме того, насильственному переселению в 1930е гг. подверглось еще около 700 тыс. человек – так называемый «сомнительный» элемент из пограничных зон, деклассированные жители городов и др.[2] Апогеем борьбы с крестьянством стало принятие чрезвычайных постановлений ЦИК и СНК СССР в августе 1932 г., жестоко каравших прежде всего жителей деревни за хищения хлеба и спекуляцию (в том числе и зерном). По этим постановлениям вводилась ответственность вплоть до смертной казни[3]. В августе 1933 г. 44-й Пленум Верховного суда СССР подвел итог применению постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. («Закона о семи колосках») за период с момента издания до 1 июля 1933 г. По неполным данным, цифра осужденных составила 293 201 человек, из них к расстрелу было приговорено 13 844 человек и к 10 годам лишения свободы – 165 967 человек[4].

2. Насильственное переселение народов в середине 1930-х гг. В СССР депортации были организованы по социальному («кулаки»), этническому («неблагонадежные» и «наказанные» народы), религиозному (представители «подозрительных» конфессий) и политическому («власовцы», ауновцы) признакам. Примером первых массовых депортаций середины 1930-х гг., осуществленных по национальной принадлежности, стало насильственное переселение в 1935 г. из Ленинградской области и Карелии 23 217 финнов, в 1936 г. из Украинской ССР (районы вблизи границы с Польшей) 69 283 поляков, в 1937 г. из Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана 4280 курдов[5]. Но самым массовым и трагичным было переселение в конце сентября 1937 г. с Дальнего Востока 171 781 корейца (36 442 семьи)[6]. Корейцы были депорти-

---

[1] Демографическая модернизация России. 1900–2000. М., 2006. С. 423.

[2] *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2005. С. 281.

[3] Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. М., 1989. С. 475–478; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 647–649.

[4] История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 650.

[5] *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. С. 78–82.

[6] Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 651.

рованы на основании постановлений Политбюро ЦК ВПК(б) «О корейцах» от 21 августа и 23 сентября 1937 г. В них были определены районы Дальневосточного края, откуда должны были переселяться корейцы, сроки, масштабы и порядок депортаций. Насильственное переселение прошло под девизом «пресечения проникновения японского шпионажа в ДВК»[1].

Насильственные переселения народов накануне и в первые годы войны (финнов, поляков, курдов, корейцев, немцев, греков и других) носили упреждающий характер. Таким образом, режим наносил удар по несуществующей «пятой колонне». С 1943 г. в ссылку будут отправлены народы в наказание за преступления, совершенные их представителями в период оккупации (карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и др.). Всего в середине 1930-х гг. было депортировано по этническому признаку 268 561 человек. С учетом высокой смертности во время транспортировки и на спецпоселениях, можно предположить, что из них около 50 тыс. человек погибли[2].

3. «Большой террор» 1937–1938 гг. Впервые термин «большой террор» был введен в научный оборот в 1968 г. английским исследователем Р. Конквестом[3]. Сегодня существуют различные трактовки хронологических рамок «большого террора» (1934–1938, 1936–1938 и др.). Мы понимаем под «большим террором» события 1937–1938 гг., осуществлявшиеся вследствие принятого 30 июля 1937 г. оперативного приказа наркома внутренних дел СССР № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов[4]. Он определил порядок, сроки, масштабы репрессий «антисоветских элементов», утвердил персональный состав республиканских, краевых и областных «троек»[5], организацию их работы и полномочия6. Впервые «тройки» были созданы в центральном аппарате ОГПУ при СНК СССР для предварительного рассмотрения законченных следственных дел и их последующего доклада на судебных заседаниях коллегии или Особого совещания Управления. В годы «большого террора» они стали главным орудием массовых политических репрессий, инструментом государственного террора.

---

[1] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 325, 326, 327.

[2] *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. С. 281.

[3] *Conquest R.* The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties. L., 1968.

[4] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281.

[5] *Кропачев С.А.* Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 1. 1917–1940 гг. Краснодар, 1995. С. 29.

[6] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281.

Всего в 1937–1938 гг. было принято более 70 документов, регламентировавших проведение массовых репрессий в СССР. Это всевозможные постановления, приказы, директивы, циркуляры, письма, шифротелеграммы, почтотелеграммы, спецсообщения Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД СССР, Прокуратуры СССР, многие из которых носили секретный характер[1].

В соответствии с приказом № 00447 все репрессируемые по мерам наказания разбивались на две категории. К первой относились все наиболее враждебные «антисоветские элементы». Они подлежали «немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу»[2]. Ко второй категории относились «все остальные, менее активные, но все же враждебные элементы». Они подлежали «аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них – заключению на те же сроки в тюрьмы по определению "тройки"»[3]. Степень «враждебности» и социальной «опасности» «антисоветских элементов» определяли органы НКВД. Цена решения «тройки» была очень высока. Отнесение «тройкой» репрессируемого к первой категории означало неминуемую скорую смерть, ко второй – смерть, но мучительную и долгую. Был определен длинный перечень «контингентов», подлежавших репрессиям[4]. Обращает на себя внимание, что в очередной раз большевистский режим на одну доску поставил своих бывших политических противников («члены антисоветских партий», «белые») и уголовников («бандиты», «грабители», «воры-рецидивисты» и др.). Приравняв к бандитам так называемых антисоветских элементов, коммунистическая система поставила последних вне закона.

Операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других «антисоветских элементов» началась в августе 1937 г. и должна была закончиться в четырехмесячный срок[5]. В приказе № 00447 было определено конкретное количество лиц, подлежавших репрессиям по первой и второй категориям по каждой республике, краю или области. Всего по стране «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй категориям 268 950 человек[6].

---

[1] *Кропачев С.А.* Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов // Проблемы отечественной истории и историографии: сборник научных статей. Краснодар, 2010. С. 114–121.

[2] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 274.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 273, 277.

[6] Там же. С. 275, 276. Расчет автора статьи.

Данные цифры являлись «ориентировочными». Но наркомы республиканских наркоматов и начальники краевых и областных управлений НКВД не имели права «самостоятельно их превышать». Разрешалось «уменьшать цифры» и переводить «лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, во вторую категорию и наоборот»[1]. В тех «случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны» были предоставить народному комиссару внутренних дел СССР «соответствующие мотивированные ходатайства»[2]. Надо отметить, что наркомы республик и начальники управлений НКВД краев и областей активно пользовались своим правом на «мотивированные ходатайства» об увеличении «плановых заданий» («лимитов») в отношении лиц, подлежавших репрессиям, а правом на «уменьшение цифр» – нет[3].

Фактически неограниченные полномочия «троек», рассматривавших дела заочно, в ускоренном порядке, осуждавших подследственных списками, а также упрощенный порядок расследования и рассмотрения дел о террористических организациях, террористических актах, вредительстве и диверсиях, принятый постановлениями ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г.[4] привели к массовому произволу и беззаконию. Упрощенный порядок по этим категориям дел предусматривал, что следствие должно было заканчиваться в срок не более десяти дней, обвинительное заключение должно вручаться обвиняемым за сутки до рассмотрения дел, дела слушались без участия сторон, кассационные обжалования приговоров не допускались, приговоры к высшей мере наказания приводились в исполнение немедленно и др.

С середины 1937 г. в органах внутренних дел начинается неофициальное соцсоревнование по массовому разоблачению «врагов народа». Волны доносительства и шпиономании захлестнули страну. Все это происходило на фоне мощнейших идеологических и пропагандистских кампаний, нагнетания массового политического психоза и истерии[5]. «Выявление» многочисленных шпионов, диверсантов, пособников вражеских разведок «поддерживалось» на собраниях интеллигенции, рабочих и колхозников[6].

---

[1] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 276, 277.

[2] Там же. С. 277.

[3] Там же. С. 275, 276, 322, 325, 330, 644, 651 и др.

[4] История отечественного государства и права. Ч. II. М., 1999. С. 294.

[5] См.: *Кропачев* С.А. «Большой террор» и его жертвы в зеркале советской пропаганды 1937–1938 гг. // Российская история. 2011. № 2. С. 116–124 и др.

[6] *Рапопорт В., Алексеев Ю.* Измена Родине. Очерки по истории Красной армии. Лондон, 1988. С. 371–406 и др.

В итоге за короткое время в стране было арестовано, осуждено и расстреляно огромное число невинных граждан. В 1937–1938 гг. в СССР подверглись аресту 3 141 444 человека, из них 1 575 259 человек – по обвинению в политических преступлениях и 1 566 185 человек – уголовных. В эти годы по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека, из них 681 692 человек или 50,7 % приговорены к расстрелу[1]. Государство ежедневно убивало тысячу своих невиновных граждан. Кроме того, в исправительно-трудовых лагерях, исправительно-трудовых колониях и тюрьмах[2] в эти годы от различных причин умерли 160 084 заключенных[3]. Часть из них была осуждена по политическим мотивам[4]. Добавив к двум последним цифрам тех политических, кто был осужден и расстрелян по уголовным статьям или умер в эти годы в ГУЛАГе, получим неутешительный итог. В 1937–1938 гг. в результате организованного террора страна потеряла около 1 млн человек погибшими[5]. Если принять во внимание, что большинство из «политических», уничтоженных в эти годы, были мужчины в трудоспособном возрасте (можно предположить, что мужчин среди репрессированных было около 90 %[6]), многие из которых имели определенный социальный статус, профессиональный опыт, образование, то нетрудно представить катастрофические последствия «большого террора» для судеб страны и армии за несколько месяцев до начала Второй мировой войны.

4. Четвертый виток репрессивной политики приходится на 1938–1939 гг. Он связан с введением фактически полувоенной трудовой повинности, форсированным воспроизводством системы принудительного труда. Не успели высохнуть чернила на постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г.[7], формально критиковавшем массовый произвол и насилие, как 9 и 28 декабря 1938 г., 27 мая 1939 г. принимаются решения, направленные на ужесточение трудовой дисциплины рабочих и колхозников. Самыми известными из

[1] Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 318.

[2] Без учета контингента спецпоселений.

[3] См.: Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. С. 320; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 118; *Глотик И.И., Минаев В.В.* Население и власть. Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004. С. 161.

[4] *Земсков В.Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

[5] *Исупов В.А.* Указ. соч. С. 118.

[6] Население России в XX веке. Т. 2. М., 2001. С. 189.

[7] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 607–611.

них, безусловно, были постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 27 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» и постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»[1].

В соответствии с постановлением СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» от 28 декабря 1938 г. рабочим и служащим грозило автоматическое увольнение и выселение из ведомственных общежитий или квартир за три опоздания на работу на двадцать минут в течение одного месяца или за четыре опоздания в пределах двух месяцев[2]. С 1939 г. рабочим и служащим в обязательном порядке выдавались трудовые книжки, в которые заносились все санкции дисциплинарного порядка[3].

27 мая 1939 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», которым предусматривалось изъятие излишков земель приусадебных участков колхозников в пользу коллективных хозяйств. Размеры приусадебных хозяйств приводились к нормам, предусмотренным Примерным уставом сельхозартели. В дальнейшем за нарушение таких норм устанавливалась уголовная ответственность колхозников и руководителей хозяйств. Мощным способом активного принуждения колхозников к общественному труду стало установление для каждого из них обязательного минимума трудодней – от 60 до 100 в год (в зависимости от региональных особенностей). За нарушение этой нормы колхозы обязаны были исключать провинившихся из числа своих членов. Нарушители теряли права колхозников, прежде всего, права на приусадебный участок[4].

Таким образом, продолжался процесс прикрепления рабочих и служащих к производству, а крестьянства – не только к колхозам, но и в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от декабря 1932 г. об установлении единой паспортной системы к своим селам. В последующие годы меры по ужесточению трудовой дисциплины, абсолютизации трудовой повинности коснулись рабочих, служа-

---

[1] История отечественного государства и права. Ч. II. С. 288; История советского государства и права. Кн. 3. М., 1985. С. 134.

[2] *Соломон П.* Указ. соч. С. 294.

[3] Там же.

[4] История отечественного государства и права. Ч. II. С. 288.

щих и колхозников[1]. Эти и многие другие «драконовские» законы против названных групп привели к массовому осуждению граждан даже за незначительные проступки, усугубили атмосферу страха, дали новые поводы НКВД для расширения репрессий. В развитие указа от июня 1940 г. были приняты нормативные акты, обеспечившие проведение его в жизнь[2]. За неполный год (с июня 1940 г. по 1 апреля 1941 г.) по указу от 26 июня 1940 г. было осуждено

[1] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Советская юстиция. 1940 г. № 11. С. 5, 6; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М., 1951. С. 406; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» // Там же. С. 407, 408; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие» // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1961 гг. М., 1961. С. 567; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сборник документов: в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. М., 1968. С. 37–38; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 12 января. № 2; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945. М., 1985. С. 281–282; Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. III. 1930–1954. М., 1954. С. 495–501; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР за 1947 год. М., 1948. С. 39–40; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 572–573; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» // Там же. С. 573–574 и др.

[2] История сталинского Гулага. Т. 1. С. 663.

2 576 849 человек, в том числе за прогул 2 158 406 человек; за самовольный уход с работы 400 085 человек; за покровительство прогульщикам 7775 человек[1]. Репрессии продолжались и в годы войны. За второе полугодие 1941–1942 гг., в самый тяжелый для страны период, было осуждено 2 284 307 человек. Всего в СССР по состоянию на 1 января 1946 г. по указу от 26 июня 1940 г. было осуждено 8 300 тыс. человек[2].

Эти меры коснулись не только перечисленных групп населения, но и военнослужащих работников машинно-тракторных станций, учащихся системы государственных трудовых резервов (ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО) и других категорий граждан[3]. 1930-е гг. дали мощный толчок формированию тоталитарного права. Перечисленные, а также другие события в политической, экономической, социальной, идеологической и иных сферах ежедневно давали новый «строительный материал» для его укрепления. Тоталитарное право, возникшее в СССР в 1930-е гг., полностью отвечало сути антидемократического режима, преданно служило коммунистическому (номенклатурно-бюрократическому) строю.

Для сталинской модели государственного устройства была характерна классовая направленность права. Правовые нормы реализовались в интересах господствующего класса. Основанием для осуждения, преследования становился не факт преступления, не действие или противодействие, а социальное происхождение, воспитание, образование, политические убеждения гражданина. В 1920–1930-е гг. получила широкое распространение теория «опасного состояния» личности, по которой основанием для уголовного преследования должна быть не конкретная вина, а например, социальное происхождение гражданина[4]. «Правовые» основы репрессивной политики большевиков ярко выразил член коллегии ВЧК

[1] История сталинского Гулага. Т. 1. С. 416.

[2] Там же. С. 446, 545, 546

[3] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1940 г. «Об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство» // История советского государства и права. Кн. 3. М., 1985. С. 181; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 июля 1940 г. «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях» // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1937–1961 гг. С. 567; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 1; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1956 г. «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством» // Там же. С. 569 и др.

[4] Реабилитирован посмертно. М., 1989. Вып. 1, 2. С. 27.

Лацис. Еще в 1918 г. он писал: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, – какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определять судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора»[1]. Эти слова могут служить эпиграфом к политическим репрессиям в СССР.

Отличительным признаком советской правовой системы стал отказ от презумпции невиновности. А.Я. Вышинский предложил, чтобы в делах об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах признания обвиняемых «неминуемо приобретали бы характер и значение фундаментального, жизненно важного и решающего доказательства» вины[2]. Эти «правовые новации» были основаны на конкретном законодательстве. 8 июля 1934 г. ЦИК СССР принял Закон «О дополнении положения о государственных преступлениях статьями об измене Родины». В нем была узаконена такая антидемократическая норма, как объективное вменение. Закон устанавливал ответственность даже тех членов семьи изменившего военнослужащего, которые ничего не знали о готовящейся или совершенной измене. Они подлежали лишению избирательных прав и ссылке на пять лет[3]. В последующей практике реализации закона эта норма распространялась на сослуживцев и друзей «изменника», а с 1935 г. – и на несовершеннолетних детей[4].

Радикальное, нигилистическое, уничижительное отношение к праву в СССР выражалось в абсолютизации упрощенного характера ведения следствия и судопроизводства. Вспомним разговор главного героя романа Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» и следователя. Последний называет юридический факультет «факультетом ненужных вещей», а юриспруденцию – наукой о формальностях, бумажках и процедурах. Для следователя право – это предрассудок, существует лишь «социалистическая целесообразность»[5]. Характерной особенностью тоталитарного права стали зависимость ценностей правовых норм от политической интерпретации, развитие уголовной политики и практики от инициатив вождей и власти вообще. Упрощенный порядок следствия и суда привел к появлению

---

[1] *Мельгунов С.* Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 44.

[2] *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 264.

[3] История отечественного государства и права. Ч. II. С. 290.

[4] Советский союз в 30-е годы // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 14.

[5] *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 1. М., 1997. С. 412.

многочисленных квазисудебных органов, ставших основными инструментами осуществления государственного террора[1].

Форсированная политизация судов, прокуратуры, следственных органов, всей системы советской юстиции способствовала воспитанию в большинстве своем послушных, управляемых, зависимых судей, прокуроров, адвокатов, следователей, которые выступали фактически в качестве агентов тоталитарного режима. Сформировалась многослойная система управления карьерами судебно-прокурорских работников, начиная со студенческой скамьи, важнейшей целью которой стало их превращение в армию преданных и конформистски настроенных чиновников, встроенных в номенклатурную-бюрократическую систему. Шел процесс фрагментации или выделения из уголовной юстиции политической с дискреционными полномочиями, специальными учреждениями и органами, огромным аппаратам, мощным государственным финансированием, особым порядком присвоения воинских званий и материального стимулирования сотрудников.

Политический сыск играл особую роль в советском государственном механизме, привел к формальному сочетанию якобы соблюдаемых правовых норм, декларативных заявлений о приверженности демократии, «продвинутых» конституций в качестве ширмы с действительностью, в которой право служило интересам партийно-номенклатурной системы и выступало в качестве его орудия. Проводились беспрецедентные идеологические, пропагандистские кампании по борьбе с различными категориями «врагов», складывалась система манипуляции массовым общественным сознанием, происходило нагнетание атмосферы страха, нетерпимости для уничтожения инакомыслия, оправдания беззакония и насилия в любых формах и масштабах.

Тоталитарное право, сформировавшееся в 1930-е гг. в ходе перманентной квазигражданской войны, его отдельные признаки, его дух сохранялись отчасти и после смерти Сталина. Полная подконтрольность советских судебных и прокурорских органов правящей партии стала печально узнаваемым «брендом» политической и общественной жизни в СССР.

[1] Революционные трибуналы, ВЧК и ее отделения на местах, «тройки», Особая комиссия НКВД РСФСР по высылкам, Особое совещание при ОГПУ, Особое совещание при НКВД СССР и др.

Победа в Великой Отечественной войне как результат взаимодействия общества и власти

Е.М. Малышева

Проблема взаимодействия общества и власти в современных условиях актуализируется в связи с усложнившейся международной обстановкой, геополитическим противостоянием России и США, введенными санкциями, а также наблюдающимися попытками дискредитировать вклад СССР в победу над нацистской Германией и ее союзниками. Исторически веками складывалось так, что поиск консенсуса российского общества и власти всегда носил противоречивый характер, приобретая в экстремальных условиях особую остроту.

Исследование путей, методов и условий достижения консенсуса для развития общества имеет важнейшее научно-теоретическое и практическое значение. Исторический опыт гласит: непременным залогом успеха любых инициатив, начинаний, реализации самых сложных задач, в том числе преодоления социальных конфликтов в экстремальных условиях войны, может быть только реальное общественное согласие. И далеко не последнюю роль в этом контексте играет богатейший опыт поиска советской властью консенсуса с многонациональным обществом СССР в ходе Великой Отечественной войны. Этот опыт убедительно свидетельствует: только умение регулировать общественные процессы и настроения, имеющие отношение к интеграции социальных систем различных уровней составляет непременное условие решения самых сложных задач – консенсус.

В современной социологии консенсус рассматривается как метод разрешения конфликтов и способ принятия решений в спорных обстоятельствах. Он достигается в том числе через компромисс, способствующий разрешению самых сложных ситуаций. Под консенсусом понимается существующее или формирующееся в обществе широкое гражданское согласие. Согласно известному

немецкому теоретику М. Хеттиху, политический консенсус – это «общественное признание способов и средств политического правления и интеграции»[1]. Большинство отечественных и зарубежных авторов теории социальных конфликтов, несмотря на разницу в подходах, соглашаются, что сила и принуждение не могут стать результативным средством разрешения конфликтов.

Проблема развития советского общества в годы Великой Отечественной войны и его взаимодействия с властью поднималась многими исследователями. Немало внимания данной проблеме уделяла и Т.П. Хлынина. В первую очередь надо отметить ее работы, посвященные советской повседневности и частной жизни советского человека в 1941–1945 гг.[2] В последнее время определение источников Победы, тесно связанных с достижением согласия и взаимодействия между обществом и властью в годы Великой Отечественной войны, становится предметом острых дискуссий в отечественной и зарубежной историографии, в СМИ. Актуализируется интерес к теме

[1] *Hattich M.* Grundbegriffe der Politikwissenschaft. Darmstadt, 1980. S. 82.

[2] *Хлынина Т.П.* Проблемы Великой Отечественной войны в контексте «социальной направленности» исторических исследований: срезы историографии // 50 лет Великой Победы: материалы научно-практической конференции, состоявшейся в апреле 1995 года. Майкоп, 1996. С. 144–153; *Ее же.* «Интернационализм» и его генеративные возможности в изучении межнациональных отношений в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в контексте истории XX века: материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2005. С. 312–315; *Ее же.* Война в пространстве новой исторической памяти // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 41–47; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011; *Их же.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д, 2013; *Хлынина Т.П.* Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 56–69; *Ее же.* Жилищный вопрос и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2014. № 5 (29): История. Социология. С. 17–38; *Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Архипова Е.В., Курилла И.В., Назарова М.П.* Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград, 2015; *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 46–55; *Хлынина Т.П.* Современный метанарратив о войне: участники, источники, границы // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д, 2015. С. 475–479 и др.

преодоления социальных конфликтов любого уровня, взаимодействия общества и власти в экстремальных условиях.

Разрабатывая планы покорения народов СССР, руководство Германии возлагало большие надежды на низкую культуру «малых» народностей – «туземного населения», на живучесть у них религиозных предрассудков, отсталых, исходивших от невежества обычаев и нравов, религиозного фанатизма и мракобесия. Исходя из таких установок, оккупационные власти в занятых населенных пунктах открывали мечети, церкви, насаждали и поощряли религиозные обряды. Подчеркнуто-благодушное отношение к религии и священнослужителям в период оккупации противопоставлялось в печатной и устной пропаганде антирелигиозной политике советской власти. Так, генерал Э. фон Маккензен, командующий 1-й танковой армией вермахта, в период оккупации Северного Кавказа ханжески объявил о принятии магометанства, посещал мечети, фарисейски придерживался горских обычаев. Гитлер был возведен в ранг «великого имама» всего Кавказа[1].

Стратегическая установка Гитлера относительно народов, населяющих широкие просторы России, заключалась в том, чтобы «поощрять любую форму раскола и разногласий»[2]. Однако ни изощренные методы фашистской пропаганды, ни обещания и угрозы, ни увещевания и массовые репрессии не смогли сломить воли народов оккупированных районов СССР. Сегодня известно по немецким источникам и германской историографии, что не помогли оккупантам расчеты на реанимацию частнособственнической психологии крестьянства. Не оправдались тщательно разработанные планы по привлечению неславянских, кавказско-тюркских этносов к реализации своих планов, к всеобщему «восстанию против Москвы». Неожиданно для себя вермахт ощутил все возраставший отпор советских людей, оказывавших сопротивление попыткам оккупантов при отступлении уничтожать или вывезти оборудование, сырье, продовольствие, скот. Это была одна из форм борьбы народов, проживавших на оккупированной территории с новым нацистским режимом власти. Достигнуть согласия с обществом на оккупированной территории германской власти, несмотря на террор и пропаганду, не удалось. Хотя попытки предпринимались достаточно серьезные.

Согласие советской власти с обществом находило отражение в консолидирующей идее борьбы за Победу над общим врагом. Советская идеология в годы Великой Отечественной стала одним

[1] *Малышева Е.М.* Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 171.

[2] «Совершенно секретно! Только для командования!» Документы и материалы / пер. с нем. М., 1967. С. 118.

из решающих факторов достижения социального консенсуса. Он воплощался в действительность через максимальную мобилизацию сил и средств для обеспечения фронта и тыла всем необходимым. Необходимо признать тот факт, что большинством народа сложившаяся система управления принималась, несмотря на имевшиеся противоречия. Как показал коллаборационизм, часть граждан была не согласна с властью идеологического и мировоззренческого характера. Однако общенациональные интересы разделялись большинством населения страны, иначе Победа была бы невозможна.

Властным структурам и государству, какие бы эффективные методы они ни применяли, нереально без поддержки общества добиться оптимального решения всех проблем и справиться со сложными социально-экономическими и военно-стратегическими задачами. Это продемонстрировали события Великой Отечественной войны. В военный период важнейшим вопросом советской власти было налаживание сотрудничества государства и гражданского общества в выполнении военных заказов и одновременно в решении социальных задач. В этом сотрудничестве раскрылся мощный потенциал поколения граждан СССР 1940-х гг., присущий ему патриотизм, который воспитывался и поддерживался продуманной и взвешенной государственной политикой, основной целью которой было достижение Победы.

Принимавшиеся на государственном и правительственном уровне решения, наряду с директивным подходом в соответствии с законами военного времени, выстраивались с учетом наиболее эффективного взаимодействия с региональными управленческими структурами, учреждениями в социальной, политической и культурно-просветительской сферах, с центральными и местными органами власти для того, чтобы эффективной пропагандистско-разъяснительной работой достичь максимальной поддержки народа.

Патриотизм, интернациональное единство народов СССР явились мощным источником Победы в Великой Отечественной войне. И хотя стремление оспорить это утверждение бесперспективно, тем не менее попытки эти и сегодня возникают спорадически. Одним из основополагающих условий достижения консолидации в обществе было умение власти достигать консенсуса с народом. Основу духовного единства советского суперэтноса, включавшего в себя 130 наций, – советского народа – составляли декларировавшиеся принципы равноправия, общей, четко сформулированной перспективы развития общества, ради которой преодолевались трудности строительства социализма. Мировоззрение, основанное на нравственно-духовном, культурно-историческом потенциале, на осознанном общенациональном интересе, правомерно будет назвать государственным, патриотическим или государственно-патриотическим,

и именно оно определяло доминирующую характерную черту советского общества, несмотря на имевшиеся в СССР противоречия.

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всего советского народа. С самого начала войны руководство СССР осознавало, что она требует общенационального народного единения на основе коллективных общественных идеалов. Сильная и эффективная советская система идеологического воздействия, апеллировавшая к долгу и самопожертвованию, поощряла патриотические чувства, трудовой и боевой героизм народа. Первостепенное значение в организации всенародной борьбы против захватчиков имело всестороннее обоснование и разъяснение освободительного, справедливого характера войны, благородных целей защиты социалистического Отечества. Это действенное направление формирования и укрепления патриотического сознания стало прочным стержнем, вокруг которого велась вся работа, сконцентрированная на задаче разгрома фашизма и укрепления Родины.

Уже в первых выступлениях государственных деятелей СССР нападение Германии было охарактеризовано как вероломное, война была названа Отечественной, всенародной, великой. Эти традиционные характеристики отражали чувства и настроения большей части народа, его нравственные установки, особенности народной психологии и военное прошлое. Справедливость войны против чужеземных захватчиков, священные цели, которые встали перед народом, многократно увеличивали его силы, рождали массовый героизм. В обстановке огромного патриотического подъема проходила мобилизация. Уже к 1 июля 1941 г. была обеспечена мобилизация 5,3 млн военнообязанных. Миллионы советских людей встали на защиту Родины добровольно. Только в Москве за первые три дня войны 70 тыс. добровольцев подали заявления с просьбой отправить их на фронт. В Ленинграде к началу июля 1941 г. в действующую армию были направлены 45,2 тыс. добровольцев. Всего в 1941–1945 гг. в армию были мобилизованы 34 476 тыс. чел.[1], из них 570 тыс. составляли женщины. Безвозвратные потери Вооруженных сил СССР составили 9 168 700 чел. Война уносила будущее страны – 57,5 % всех потерь составляли люди в возрасте до 30 лет[2].

Свидетельством патриотизма советских людей в годы войны стал массовый героизм. 386 воинов повторили подвиг А. Матросова. 154 советских воина были посмертно удостоены звания Героя

[1] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 370.

[2] *Кривошеев Г.Ф.* Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995. С. 78.

Советского Союза за то, что в критических ситуациях боя подорвали себя вместе с противником и его техникой.

Действенный характер патриотизма воплотился в трудовом напряжении и героизме рабочего класса и крестьянства, интеллигенции, всех наций и народностей, мужчин и женщин, советской молодежи. Патриотические чувства и устремления, сила воли и духа соотечественников стали важнейшим фактором победы над врагом. Народная ненависть к захватчикам выразилась в самых разных формах противодействия и борьбы с ними. Антифашистское движение Сопротивления захватчикам началось с первых дней оккупации и проявилось в самых различных формах.

Одновременно по законам военного о времени были ужесточены требования дисциплины, повышены нормы выработки. Увеличение производительности труда на одного занятого в военной промышленности более чем в два раза в годы войны не могло быть только результатом страха и принуждения. Высочайший патриотизм советских людей трансформировался в материальную силу, и этот процесс стимулировался, развивался и поддерживался всей системой властных структур. Несмотря на захват противником части территории, сокращения численности рабочих и служащих в результате массовых мобилизаций и ухода добровольцев на фронт, изменения их профессионального состава, выпуск военной продукции вырастал из года в год. В 1941 г. он составил 140 % от уровня 1940 г., в 1942 г. – 186 %, в 1944 г. – 215 %. За время Великой Отечественной войны СССР произвел в два раза больше военной техники, чем Германия, которая к 1941 г. имела двойное превосходство в материальных ресурсах вместе с 400 млн жителей оккупированных стран Европы.

Огромные трудности перенесли труженики сельского хозяйства. Враг оккупировал территорию, на которой до войны проживало свыше 70 млн чел., до 45 % населения страны. Усилиями преимущественно женщин, подростков, пожилых людей была решена чрезвычайно трудная задача – снабжение фронта и тыла продукцией и сырьем. Это было достигнуто постоянным перенапряжением физических и духовных сил тружеников деревни, которые совершили поистине жертвенный подвиг. Советские люди стремились помочь государству и своей армии в укреплении обороноспособности страны и усилении боеспособности Вооруженных сил не только своим самоотверженным трудом, но и личными денежными и другими материальными ресурсами.

Контингент Красной армии отражал многонациональный состав советского общества. Десятки интернациональных по составу дивизий и бригад были посланы на фронт трудящимися среднеазиатских республик, Сибири, Урала, Дальнего Востока, Кавказа. Только

за первые 10 месяцев войны в армию было призвано из национальных районов СССР свыше 1 млн чел.[1] Всего в годы войны было сформировано более 80 национальных боевых соединений[2]. Многонациональное народное ополчение СССР представляло одну из наиболее рельефных форм политической активности трудящихся.

Патриотическое движение по оказанию помощи фронту выражалось в различных формах. На нужды обороны страны в 1941–1945 гг. население передало 270 млрд руб. добровольных взносов, что составило около половины всех расходов наркоматов обороны и Военно-морского флота СССР. Это было еще одно яркое проявление достигнутого в военные годы консенсуса между обществом и властью.

В военный период возросла авангардная роль руководящей партии коммунистов. Ряды многонациональной ВКП(б) за 1941–1945 гг. пополнили 5 млн советских людей, 3 млн чел. пали смертью храбрых на фронтах, 2,5 млн чел. получили награды за боевые подвиги. 75 % всех удостоенных звания Героя Советского Союза были коммунистами, свыше 80 % состава партии было сосредоточено в Вооруженных силах СССР и оборонных отраслях.

В составе 200 стрелковых дивизий на 1 января 1943 г. 64,6 % общей численности составляли русские, 11,8 % – украинцы, 3,05 % – казахи, 2,69 % – татары, 2,42 % – узбеки, 1,9 % – белорусы, 1,8 % – грузины, 1,75 % – азербайджанцы. Центральные органы и региональные организации ВКП(б) уделяли большое внимание идеологической работе и интернациональному воспитанию воинов и тружеников тыла, их духовной мобилизации. В 1942 г. в стране издавалась 4561 газета и 327 журналов общим тиражом в 18 млн экземпляров, а к 1945 г. – 6072 газеты разовым тиражом в 23 млн экземпляров. Советское радиовещание ежедневно более чем на 70 языках народов СССР и 28 иностранных вело передачи. В 1944 г. трансляции из Москвы длились 88 часов в сутки, а в целом по стране они достигали объема почти 1200 часов в день[3].

Интернациональное содружество народов СССР способствовало слаженной работе тыла. На Урале, в Поволжье, Сибири, на Кавказе, в Средней Азии была создана новая мощная военно-промышленная база. Восточные районы страны стали солидным арсеналом Великой Отечественной войны. Общие проблемы и заботы, тяготы и неустроенность быта, страдания, боль за потери родных и близких, вера в победу укрепляли в глубоком тылу чувства единения и подлинного братства у людей разных национальностей.

---

[1] *Гриднев В.М.* Борьба советского крестьянства против немецко-фашистских оккупантов. М., 1983. С. 23.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 375.

[3] Правда. 1942. 31 октября.

Доминирующей чертой массового сознания советского социума было активное неприятие политики и практики оккупантов, их идеологии и морали, ненависть к ним. Нравственные и мировоззренческие ценности и ориентиры, справедливый характер и цели Великой Отечественной войны обусловили широкий размах всенародной, интернациональной по характеру борьбы на временно оккупированной территории СССР. Было создано 2 тыс. партизанских отрядов. В 1943 г. вермахт использовал против партизанских формирований 25 дивизий. Всего в партизанской борьбе приняло участие более 1 млн чел., 190 чел. были удостоены Героя Советского Союза.

После освобождения от оккупации каждая союзная республика и автономная область внесли свой заметный вклад в возрождение пострадавших районов. Так, Казахстан помогал Украине, Удмуртская АССР, Новосибирская, Ульяновская и Ярославская области – Белоруссии, Азербайджан – Ставрополью, Татарская АССР – Орловской области, Чувашская АССР – Ворошиловградской (ныне – Луганской) области, Адыгея – Ленинграду. Это было в подлинном смысле слова всенародное движение, причем освобожденные районы, в свою очередь, сами оказывали помощь другим областям страны.

На средства людей разных национальностей, внесенные в Фонд Красной армии и Фонд обороны, было передано войскам более 2,5 тыс. боевых самолетов. Армия и флот получили построенные на народные деньги несколько тысяч танков, артиллерийских орудий, более 20 подлодок и военных катеров, много другой боевой техники и вооружения. Более 5,5 млн человек стали донорами. 18 т крови сдали трудящиеся Кубани, 8 т – жители Ставрополья. Ленинградцы для сохранения жизни и здоровья воинов сдали 144 т крови.

7 млн защитников Родины, представляющие более 100 наций и народностей СССР, награждены орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны. Более 11 тыс. представителей более 60 наций удостоены высокого звания Героя Советского Союза, в том числе 8182 русских, 2072 украинца, 311 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 91 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 осетина, 8 калмыков, 7 кабардинцев, 6 адыгейцев, 5 абхазов, 3 якута и представители многих других национальностей[1]. Американский историк Дж. Брэдли писал: «Сила России заложена в укреплении союза ее народов, известного под названием Союз Советских Социалистических республик (СССР) и возглавляемого... сильным правительством… В решающей степени ее сила выражена в любви русских к своей Родине...»[2]

[1] Источники победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1975. С. 197.

[2] Величие подвига советского народа. М., 1985. С. 210.

История Второй мировой и ее основной части – Великой Отечественной войны – является ярким свидетельством той опасности, которую несут в себе войны и политика эскалации конфликтов. Суровая действительность жесточайшего противостояния нацистской Германии и СССР в ходе войны оставила в назидание потомкам уроки. Ее отражение в исторической памяти послевоенных поколений призвано решить задачу ни при каких обстоятельствах не допускать войны.

Симптомы грядущей хрущевской оттепели

К.Н. Максимов

Темы депортации отдельных народов в годы Великой Отечественной войны и их реабилитации получили достаточное освещение в российской историографии, в том числе и региональной, обозначены перспективы концептуального развития исследований по этим проблемам. Об этом справедливо писала известный историк, крупный специалист по национальному вопросу Татьяна Павловна Хлынина[1].

Маховик репрессивной политики Советского государства продолжал вращаться вплоть до начала 1953 г. К концу 1940-х – началу 1950-х гг. тенденция контроля над выселенцами и спецпоселенцами стала приобретать более жесткий характер. В 1949 г. руководство Министерства внутренних дел СССР (министр С.Н. Круглов и его заместитель В.С. Рясной, начальник отдела спецпоселений (ОСП) В.В. Шиян) заверяло И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.П. Берию и Г.М. Маленкова, что оно «принимает все необходимые меры к дальнейшему усилению административного надзора за выселенцами и спецпоселенцами и укреплению режима в местах поселения»[2].

В связи с этим правительство СССР приняло решение функции надзора ОСП МВД СССР передать 9-му Управлению Министерства государственной безопасности СССР. Однако руководство МВД СССР (министр С.Н. Круглов, его заместители И.А. Серов, В.В. Чернышев, В.С. Рясной) 23 июня 1950 г. письменно обратилось к И.В. Сталину.

---

[1] *Хлынина Т.П.* Героизм депортированных народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны в современной региональной историографии // Война в истории и судьбах народов Юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): материалы Международной научной конференции (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 314–318 и др.

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 488. Л. 136.

Они докладывали, что указание о передаче МГБ СССР функций ОСП МВД СССР приняли к неуклонному исполнению. Но вместе с тем они просили оставить МВД СССР ряд его функций. В письме отмечалось, что «МВД СССР выполняет специальные поручения правительства по строительству предприятий, шахт, дорог, добыче золота, олова… на которых широко используется труд заключенных и спецпоселенцев.

Наличие в распоряжении МВД СССР исправительно-трудовых лагерей и возможность использования на работах спецвыселенцев и спецпоселенценв дает возможность выполнять возложенные на МВД СССР большие народнохозяйственные задачи в отдельных районах страны, где использование другой рабочей силы крайне затруднительно… Исходя из опыта работы МВД с выселенцами и спецпоселенцами, в интересах наиболее успешного выполнения заданий правительства СССР по строительству… нам кажется, что и в дальнейшем работу со спецпоселенцами и выселенцами без ущерба охраны государственной безопасности целесообразно оставить в ведении МВД СССР. Это даст возможность и впредь нашему министерству, выполняя указания правительства СССР о поддержании порядка и режима на местах спецпоселений, наиболее эффективно использовать спецпоселенцев на важнейших народнохозяйственных работах.

Эти соображения, товарищ Сталин, мы и решили доложить на Ваше решение»[1].

Накануне предстоящих кардинальных изменений в общественно-политической и государственной жизни страны на учете органов МГБ СССР на 1 января 1953 г. состояло 2 819 776 человек, из них 2 753 356 спецпоселенцев, в том числе 81 475 калмыков (в наличии 79 376, в местах заключения – 2040, в розыске – 59 человек)[2].

С кончиной И.В. Сталина, как ни парадоксально, инициативу по пересмотру дел по массовым репрессиям проявил не кто иной, как Л.П. Берия, один из главных инквизиторов страны. В карательных органах были запрещены пытки, прекращены массовые репрессии, начаты освобождение и реабилитация отдельных лиц, пересмотр некоторых «громких» дел. В результате проведенной амнистии по указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. были освобождены из лагерей 1 181 200 человек, осужденных на срок не более чем на 5 лет, в основном за хозяйственные, должностные преступления, больные, женщины, имеющие детей до 10 лет, беременные, несовершеннолетние, мужчины и женщины старше 50 лет. Под амнистию попало значительное количество уголовников, которые, по словам первого председателя КГБ СССР И.А. Серова, выйдя

[1] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 347–349.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 10, 14–67.

на волю, усложнили криминогенное положение в стране, особенно в крупных городах[1].

В начале апреля 1953 г. были реабилитированы и освобождены из мест заключения «врачи-вредители» (37 человек). Однако не дошла очередь до спецпоселенцев, «выселенных навечно», «выселенных без указания сроков» и «выселенных на сроки». Но сам факт начала пересмотра дел по репрессиям отдельных категорий людей определил направление дальнейших действий в этом отношении. Президиум ЦК КПСС 10 апреля 1953 г. принял постановление «Об одобрении мероприятий МВД СССР по исправлению последствий нарушений законности». В нем отмечалось: «Одобрить проводимые тов. Берия Л.П. меры по вскрытию преступных действий, совершенных на протяжении ряда лет в бывшем МГБ СССР, выразившихся в фабрикации фальсифицированных дел на честных людей, а также мероприятий по исправлению последствий нарушений советских законов, имея в виду, что меры направлены на укрепление Советского государства и социалистической законности»[2].

Это постановление, как надо понимать, было принято при активной инициативе члена Президиума ЦК КПСС, первого заместителя председателя правительства СССР, министра внутренних дел СССР Л.П. Берии, временно захватившего лидерство в коллективном руководстве и мечтавшего, видимо, участвовать в управлении страной. По свидетельству Н.С. Хрущева, Л.П. Берия вносил и другие предложения по вопросам заключенных и ссыльных, уменьшению сроков осужденных «тройками» на 20 лет до 10. Однако, как вспоминал Н.С. Хрущев, он якобы был категорически против и не поддержал его предложения, поскольку «надо было пересмотреть всю систему арестов, суда и следственной практики»[3].

В инициативах Л.П. Берии видно его стремление показать свою непричастность и переложить вину за массовые репрессии на МГБ СССР. Как пишет историк Ю.В. Аксютин: «А пока Берия ответственность за это возлагает на бывшего министра госбезопасности С.Д. Игнатьева», которого 6 апреля 1953 г. освободили от обязанностей секретаря ЦК и вывели из состава ЦК[4]. Между тем в пик репрессий с 1934 по 1943 г. функционировал объединенный Наркомат внутренних дел СССР во главе с Г.Г. Ягодой (июль 1934 г. – сентябрь 1936 г.), Н.И. Ежовым (сентябрь 1936 г. – ноябрь 1938 г.), Л.П. Берией

[1] *Серов И.А.* Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016. С. 410–412.

[2] Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 г. М., 2000. С. 23.

[3] *Хрущёв Н.С.* Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 270–271.

[4] *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 45.

(ноябрь 1938 г. – декабрь 1945 г.), С.Н. Кругловым (с декабря 1945 г.). Только перед Великой Отечественной войной он был разделен лишь на полгода, и новый Наркомат государственной безопасности возглавил В.Н. Меркулов (февраль – июль 1941 г.). В 1943 г. НКГБ во главе с В.Н. Меркуловым (апрель 1943 г. – май 1946 г.) был восстановлен. В 1946 г. НКВД СССР был преобразован в МВД СССР во главе с С.Н. Кругловым (до марта 1953 г., с января 1954 г. по январь 1956 г.) и Л.П. Берией (март – июнь 1953 г.). НКГБ СССР был преобразован в МГБ СССР во главе с В.С. Абакумовым (май 1946 г. – июль 1951 г.) и С.Д. Игнатьевым (август 1951 г. – март 1953 г.).

Вскоре ЦК КПСС образовал Комиссию в составе секретарей ЦК ВКП(б) М.А. Суслова и П.Н. Поспелова, министра юстиции СССР К.П. Горшенина, первого секретаря ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепина и секретаря Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкина для изучения вопроса о трудовом и бытовом устройстве спецпоселенцев и представления по нему предложений. В записке комиссии, представленной в апреле 1953 г. в Президиум ЦК КПСС председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову, отмечалось: «При этом выяснилось крайне неблагополучное положение дел с политической работой среди спецпоселенцев – немцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и крымских татар, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Многие местные партийные и советские органы допускают пренебрежительное отношение к работе среди спецпоселенцев, проходят мимо многочисленных фактов произвола в отношении этой части населения, ущемления законных прав спецпоселенцев, огульного политического недоверия к ним, что искусственно порождает настроения недовольства среди спецпоселенцев.

Считали бы целесообразным принять постановление ЦК КПСС об улучшении политической работы среди спецпоселенцев (проект постановления прилагается)». Комиссия вносила предложение изучить вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения во всей полноте тех правовых ограничений в отношении указанных спецпоселенцев, которые были установлены в свое время постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. и постановлением Совета министров СССР от 24 ноября 1948 г.[1]

Л.П. Берия, получив одобрение и пользуясь наметившейся тенденцией ликвидации последствий масштабных репрессий, решил совместно с министром внутренних дел С.Н. Кругловым в 1953 г. провести подготовительную работу и к началу осени освободить большую группу спецпоселенцев. Однако его арест не позволил осуществить этот план. Освобождение и реабилитация генералов (51 человек) с восстановлением их в званиях и наградах,

[1] *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» ... С. 37–38.

по воспоминаниям первого председателя КГБ СССР И.А. Серова, было осуществлено в июле 1953 г. якобы по его и Р.А. Руденко инициативе[1].

В августе 1953 г. министр внутренних дел С.Н. Круглов, имея подготовленные с Л.П. Берией проекты указа Президиума Верховного Совета и постановления Совета министров СССР об освобождении спецпоселенцев, все же решил внести в правительство СССР предложение о том, чтобы до конца года снять с учета 1 673 741 спецпоселенца, временно оставив на спецпоселениии 1 046 503 человека, в том числе 55 557 взрослых калмыков. Он предлагал «отменить специальные поселения "навечно" и без указания срока как особую административную меру, применявшуюся в отношении некоторых категорий граждан, установленную Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.». Не дождавшись реакции правительства СССР на свое мнение, в сентябре того же года он представил докладную в ЦК КПСС и Совет министров СССР. На этот раз в предполагаемый к освобождению контингент спецпоселенцев включались и калмыки. Но его предложения для руководства ЦК КПСС и правительства СССР, решившего провести поэтапное освобождение, оказались не только преждевременными, но и требовавшими для их реализации значительной подготовительной работы и расходов[2].

1953 г. завершился лишь принятием МВД СССР в пределах своей компетенции незначительных мер по ослаблению им же установленного ужесточенного режима для спецпоселенцев. МВД СССР предоставило своим местным органам право разрешать спецпоселенцам свободно передвигаться по служебным и личным делам в пределах мест поселений. Однако фактически все оставалось попрежнему, поскольку спецпереселенцы – рабочие и колхозники – по специфике работы не могли быть куда-то командированы. Для получения разрешения на отлучку из села по личным делам спецпереселенцу следовало отпроситься на работе и прибыть в комендатуру, находившуюся за несколько десятков километров в районном центре. Комендант мог разрешить спецпереселенцу сходить, съездить в другое село, но и имел право арестовать его на 5 суток или оштрафовать на 100 рублей за прибытие в райцентр без его ведома.

По состоянию на 1 января 1954 г. на учете в спецпоселениях числилось 2 720 072 человека, в том числе 82 831 калмык (24 259 (29,2 %) мужчин, 30 744 (37,1 %) женщин, 26 243 (33,7 %) ребенка). Калмыки были рассредоточены в 4 автономных республиках, 6 краях, 19 областях семи союзных республик[3].

---

[1] *Серов И.А.* Записки из чемодана. С. 419–421.

[2] *Бугай Н.Ф.* Операция «Улусы». Элиста, 1991. С. 79–80; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 229–230.

[3] ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 122–123. Д. 848. Л. 122, 127–136, 141–158, 161–170.

В 1954 г. руководство страны, оставляя спецпереселенцев под административным надзором, приступило к снятию лишь отдельных ограничений, частичному их амнистированию, внося некоторые изменения в их правовой статус. Комиссия ЦК КПСС, сформированная 15 января под руководством председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова в составе министра юстиции К.П. Горшенина, министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова, первого заместителя министра внутренних дел СССР К.Ф. Лунева, заведующего административным отделом ЦК КПСС А.Л. Дедова, генерального прокурора СССР Р.А. Руденко, 24 февраля 1954 г. представила Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущеву записку с предложением о снятии ограничений в правовом положении спецпоселенцев. В ней отмечалось: «Излишне строгий режим, установленный для спецпоселенцев, неизбежно приводит к многочисленным случаям его нарушений, порождает факты беззакония в отношении спецпоселенцев со стороны работников спецкомендатур. Отрицательные стороны установленного режима в местах спецпоселения с особой тяжестью сказываются на детях спецпоселенцев.

При достижении 16 лет дети спецпоселенцев берутся в настоящее время на персональный учет со всеми вытекающими из этого ограничениями, т.е. становятся также спецпоселенцами. Не имея права передвижения за пределы спецкомендатур, дети спецпоселенцев, таким образом, лишены часто возможности получить среднее образование, не говоря уж о высшем, не могут принять участие в спортивных соревнованиях, смотрах художественной самодеятельности, для них крайне ограничены возможности выбора профессии по своим способностям и склонности.

В связи с тем что на учет спецпоселения берутся все дети спецпоселенцев, общее число спецпоселенцев с каждым годом увеличивается за счет детей. Так, за период с 1945 по 1952 год взято на посемейный учет 360 545 родившихся детей и на персональный учет спецпоселения 332 739 детей, достигших 16-летнего возраста». Комиссия вносила предложение принять меры по закреплению спецпоселенцев в местах поселений и смягчению их режима, особенно детей[1].

Комиссия К.Е. Ворошилова 4 марта того же года представила в ЦК КПСС более обобщенную справку, где были проанализированы данные о категориях и количестве спецпоселенцев в СССР. В ней указывалось, что, «по данным МВД СССР, на спецпоселении в настоящее время находится 2 819 776 человек, в том числе 884 057 детей, не достигших 16-летнего возраста». Основную группу спецпоселенцев, подчеркивалось в справке, составляют немцы (1 225 005 человек), карачаевцы, чеченцы, ингуши и балкарцы (489 118 человек),

[1] Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 95–96.

калмыки (79 376 человек) и крымские татары (119 215 человек), выселенные во время Великой Отечественной войны.

В указах и постановлениях правительства не предусматривалось, что детей спецпоселенцев по достижении совершеннолетия следует брать на учет как спецпоселенцев. Однако, согласно инструкции МВД СССР от 19 февраля 1949 г., детей спецпоселенцев в возрасте от 16 лет и старше брали на персональный учет как спецпоселенцев. В совместной директиве министра внутренних дел СССР и прокурора СССР от 16 мая 1949 г. говорилось, что «все дети спецпоселенцев по достижении 16-летнего возраста и проживающие в спецпоселении вместе с высланными родителями (родственниками) подлежат зачислению на вечное поселение, и им объявляется Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., которым устанавливалась уголовная ответственность за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения»[1].

В соответствии с предложениями указанной Комиссии и МВД СССР 5 июля 1954 г. Совет министров СССР принял постановление № 1439-649«с» «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». «В результате дальнейшего упрочения советского общественного и государственного строя, – отмечалось в нем, – и учитывая, что в настоящее время основная масса спецпоселенцев активно включилась в хозяйственную и культурную жизнь и обосновалась в новых местах жительства, применение к ним ныне существующих ограничений в правовом положении не вызывается необходимостью». Однако и эта частичная отмена ограничений коснулась не всех категорий спецпоселенцев. Из-под административного надзора и посемейного учета освободили лишь детей спецпоселенцев, не достигших 16-летнего возраста, и детей старше 16 лет, обучающихся в учебных заведениях. Во второй половине 1954 г. со спецучета были сняты 872 909 детей спецпоселенцев, в том числе 26 243 калмыцких ребенка, не достигших 16 лет. Они, получив статус свободного гражданина, фактически оставались в прежнем положении вместе со спецпоселенцами-родителями, поскольку как несовершеннолетние являлись иждивенцами.

Взрослых оставили под административным надзором и на персональном учете, но вместо ежемесячной личной явки на регистрацию в спецкомендатуру вводилась разовая ежегодная регистрация. Работавшим спецпоселенцам предоставлялось право свободного передвижения по стране, но только по служебным делам, т.е. с командировочным удостоверением учреждения, организации. В этом постановлении впервые ограничивались полномочия комендантов спецкомендатур. Правительство СССР отменило положение о применении комендантами штрафа до 100 рублей и ареста до пяти

[1] Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 97–98.

суток в качестве административных мер наказания за нарушение режима в местах поселений[1].

Почти одновременно (13 июля 1954 г.) последовала еще одна директива – указ Президиума Верховного Совета СССР № 104/43 «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г "Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны"». Пункт указа 1948 г., предусматривавший 20 лет каторжных работ за самовольный выезд (побег), был заменен пунктом постановления правительства СССР от 8 марта 1945 г., где говорилось: «побег влечет за собой ответственность в уголовном порядке». В указе 1954 г. этот пункт гласил: «за самовольный выезд (побег) с мест обязательного поселения привлекать к уголовной ответственности по части 1 статьи 82 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик»[2].

В связи с принятием 5 июля постановления правительством СССР и указа от 13 июля 1954 г. Президиумом Верховного Совета СССР, министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов (16 июля) и генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко (20 июля) направили в подведомственные органы указания о применении названных правовых актов высших органов государственной власти. Приказом МВД СССР все следственные дела о побегах, находившиеся в производстве, переквалифицировались с указа 1948 г. на часть 1 ст. 82 УК РСФСР и других союзных республик. Все же МВД установило, что спецпоселенцы, выезжавшие в командировку, обязательно ставили в известность спецкомендатуру. В приказе также пояснялось, что зачисленные в учебные заведения дети спецпоселенцев снимаются с учета только по заключению МВД – УВД. Местным органам МВД СССР поручалось в месячный срок снять с учета детей спецпоселенцев всех категорий, родившихся после 31 декабря 1937 г., и сделать соответствующие отметки в книгах посемейного учета[3].

В сентябре 1954 г. пленум Верховного суда СССР принял постановление «О порядке пересмотра дел в отношении лиц, осужденных за побеги из мест заключения или из мест обязательного и постоянного поселения». Президиум Верховного Совета СССР, приняв 1 сентября 1953 г. указ «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел СССР», предоставил Верховному суду СССР право пересматривать по протесту генерального прокурора СССР решения бывших внесудебных органов – коллегий ОГПУ,

[1] Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 158–159. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 464. Л. 29.

[2] Ссылка калмыков: как это было: сборник документов и материалов. Т. 1. Кн. 2. Элиста, 2001. С. 213.

[3] Там же. С. 213–215.

троек НКВД – УНКВД, Особого совещания при НКВД – МГБ – МВД. В связи с упразднением Особого совещания все дела о побегах переселенцев передавались на рассмотрение территориальных народных судов. В начале 1954 г. были созданы центральная и республиканские комиссии по пересмотру дел осужденных за «политические преступления»[1].

Процесс восстановления в гражданских правах жертв политических репрессий в 1955 г. проводился постепенно, выборочно, по отдельным категориям спецпоселенцев. Важным шагом в восстановлении спецпоселенцев в гражданских правах стало принятие 10 марта 1955 г. Советом министров СССР постановления № 449-272«с» о выдаче им паспортов на общих основаниях. В соответствии с предложениями министерств обороны и внутренних дел СССР Президиум ЦК КПСС 23 марта 1955 г. принял постановление о призыве некоторых категорий спецпоселенцев на военную службу и о снятии призванных с учета спецпоселения. В тот же день Совет министров СССР издал постановление аналогичного содержания. Следует отметить, что в начале марта 1955 г. Л.И. Брежнев, будучи первым секретарем ЦК Коммунистической партии Казахстана, внес в ЦК КПСС предложение о призыве в ряды Советской армии спецпоселенцев призывного возраста, проживавших в Казахской ССР, и формировании из них только строительных батальонов. Однако министерства обороны и внутренних дел СССР не поддержали его предложение. Они мотивировали тем, что вопрос о призыве необходимо решать в целом относительно всех спецпоселенцев. Кроме того, они полагали, что направление призывников, находившихся на спецпоселении, только в строительные батальоны, может вызвать у них «отрицательные настроения»[2].

В течение 1955 г. отдельные категории спецпоселенцев были сняты с персонального учета и освобождены из-под административного надзора с прекращением обязательной ежегодной регистрации в комендатуре. В первую очередь в эту категорию, по предложению административного отдела ЦК КПСС и МВД СССР, включались коммунисты. Так, 9 мая 1955 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС, кандидатов в члены КПСС и членов их семей». А 10 мая 1955 г. МВД СССР дало указание местным органам внутренних дел о порядке выполнения постановления Президиума ЦК КПСС от 9 мая. На начало 1955 г. на спецпоселении в местных партийных организациях насчитывалось 7456 коммунистов, в том числе 1301 коммунист-калмык (1110 членов КПСС, 191 кандидат в члены партии). Всего

[1] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 71.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 464. Л. 31. Д. 463. Л. 239.

же по данному постановлению в течение 1955 г. сняли с учета в местах спецпоселений и освободили от административного надзора 15 330 коммунистов и членов их семей, в том числе 2355 калмыков[1].

Президиум ЦК КПСС почти одновременно с предыдущим, 29 июня 1955 г., принял постановление «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев». В нем указывалось, что в областях, районах, где проживают спецпоселенцы, зачастую «огульно и необоснованно» выражают им политическое недоверие, «трудящиеся из числа спецпоселенцев часто не допускаются к выборной работе в местных советах, профсоюзных и комсомольских органах, в колхозах и кооперативных организациях. Коммунисты, ранее состоявшие на учете спецпоселения, не привлекаются на работу в партийный аппарат, в редакции местных газет и т.д. Новаторы производства и передовики сельского хозяйства из числа спецпоселенцев, как правило, не представляются к наградам и поощрениям за достигнутые ими высокие показатели в производственной работе.

Многие партийные, советские органы и хозяйственные руководители не придают значения закреплению спецпоселенцев в районах их расселения, вследствие чего за последнее время наблюдается значительное перемещение спецпоселенцев по отдельным республикам и областям». Поэтому в целях их закрепления в местах поселений предлагалось активнее и шире вовлекать спецпоселенцев в партийные, комсомольские, общественные и хозяйственные организации[2]. Содержание этого постановления показывает, что ЦК КПСС, прекрасно понимая, что спецпоселенцы были лишены гражданских прав с вытекающими отсюда последствиями, действовал в прежних своих традициях, по сложившемуся стереотипу: вдруг «выявляет, обнаруживает ошибки, нарушения, допущенные якобы местными органами партии и власти», и вину перекладывает на них.

Если следовать хронологии принимавшихся мер по освобождению от спецрежима, необходимо отметить категорию лиц спецпоселенцев, подпавших под действие указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В третьем пункте указа говорилось: «Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях». К этой категории относились оставшиеся на спецпоселении «власовцы» (11 074 человек), «фольксдойчи» и «немецкие пособники» (2305 человек), «кабардинцы» (1129 человек)[3].

[1] ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 5. Д. 612. Л. 289, 293. Д. 905. Л. 20, 59–85. Д. 932. Л. 2. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 464. Л. 45.

[2] Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 224–225.

[3] Там же. Т. 1. С. 259.

Определение третьего пункта данного указа воспринимается весьма сложно, поскольку спецпоселенцы-участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные боевыми орденами и медалями СССР, члены семей погибших в бою с фашистами получили освобождение из-под административного надзора органов МВД и восстанавливались в гражданских правах лишь по постановлению Совета министров СССР № 1963-10520 «сс» от 24 ноября 1955 г. Хотя, казалось бы, срок между этими постановлениями небольшой – всего два месяца, но факт в том, что участники Великой Отечественной войны, прибывшие к семьям на спецпоселение, были освобождены и освобождены от ограничений только после коллаборационистов. А в это время на спецпоселении находилось 7665 вернувшихся фронтовиков-калмыков (383 офицера, 1118 сержантов, 4633 рядовых, 1531 военнослужащий, освобожденный из фашистских концлагерей и репатриированный домой), остальные 2796 бывшие военнопленные трудились на шахтах и рудниках. В числе фронтовиков-калмыков на учете числилось 1556 инвалидов Великой Отечественной войны на спецпоселении. Н.Ф. Бугай в своей монографии приводит соответствующие сведения за 1944 г.[1]

Участников Великой Отечественной войны, лиц, награжденных орденами и медалями СССР, членов семей погибших воинов, преподавателей учебных заведений и членов их семей начали снимать с учета в местах спецпоселений в основном с декабря 1955 г. – января 1956 г. После выхода постановления Совета министров СССР от 24 ноября его авторы обнаружили, что «забыли» «освободить из-под надзора органов МВД» членов семей участников войны, лиц, награжденных орденами и медалями, преподавателей учебных заведений. В докладной в ЦК КПСС указывалось, что после освобождения из спецпоселения названных лиц «у них под надзором органов МВД остаются члены семей, что ставит этих лиц в неравное положение с освобожденными. На спецпоселении их находится около 35 тыс. человек».

«Учитывая, что лицам, освобожденным из спецпоселения по постановлению Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 г., не разрешается возвращаться в места, откуда они были выселены, – говорилось в докладной, – было бы целесообразно решить вопрос о снятии с учета спецпоселения и членов семей участников войны, лиц, награжденных, членов семей преподавателей учебных заведений». Вносилось предложение дополнить постановление правительства СССР от 24 ноября пунктом, разрешавшим снятие с учета указанных категорий лиц. В соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС

[1] ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 285. Л. 166. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 261, 263. *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – нач. XXI века). М., 2006. С. 79.

Совет министров СССР, приняв дополнение к постановлению № 1963-10520 «сс» от 24 ноября 1955 г., разрешил данную проблему[1].

В начале 1950-х гг. со смертью Сталина руководство ЦК КПСС, прекратив массовые репрессии, с целью модернизации социалистического строя берет курс на смягчение политического режима в стране, принципиальное изменение карательных функций Советского государства. Как писал Н.С. Хрущёв: «Нам хотелось высвободить творческие силы людей, но так, чтобы новые творения содействовали укреплению социализма»[2]. Члены Президиума ЦК КПСС, используя эту новую политику в борьбе за лидерство в партии, за власть, обратили внимание в первую очередь на ликвидацию последствий массовых репрессий как на факт, дававший эффективный общественный резонанс. Только за первые 2,5 года, т.е. с марта 1953 г. и до XX съезда КПСС, были освобождены из-под административного надзора и частично восстановлены в гражданских правах 740 335 (26,8 % от общей численности на 1 января 1953 г.) спецпоселенцев, в том числе 695 216 немцев, 18 752 участников войны и лиц, награжденных орденами и медалями, 5015 членов семей воинов, погибших на фронтах войны, 15 330 коммунистов и членов их семей, 2482 преподавателя учебных заведений и др.[3]

В связи с отсутствием четкой политики и программы по реабилитации репрессированных граждан СССР, действия «коллективного руководства» по либерализации в начале, главным образом, были направлены лишь на восстановление отдельных категорий спецпоселенцев в частичных гражданских правах, изменение их спецрежима в местах спецпоселений. На данном этапе в результате новой расстановки сил в верхнем эшелоне власти – в Президиуме ЦК КПСС и правительстве СССР во главе с Н.С. Хрущёвым, – удалось убрать Л.П. Берию, одного из главных символов массового террора тоталитарного режима. Однако новое руководство, ограничившись реабилитацией врачей-«отравителей», «артиллеристов», не предприняло масштабные, конкретные шаги по политической реабилитации лиц, подвергшихся репрессиям. Тем не менее этот этап стал одним из «мостиков», обеспечивших переход к так называемой «хрущёвской оттепели».

«Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, – вспоминал Н.С. Хрущёв, – одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться»[4]. Меж-

[1] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 479. Л. 183–184.

[2] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущёва // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 92.

[3] ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 10–67; *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России. С. 121–122.

[4] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущёва // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 92.

ду тем у членов Президиума ЦК КПСС до начала февраля 1956 г. существовали разногласия в оценке роли Сталина в истории страны, в осуждении культа личности. Поэтому, видимо, неслучайно в Президиуме ЦК КПСС сложно решались вопросы, связанные с подготовкой предстоявшего дня рождения И. Сталина (21 декабря 1955 г.), реабилитации репрессированных людей, а также очередного съезда партии, на котором предстояло заслушать доклад о культе личности.

«После удаления от реальной власти Л. Берии (карательный аппарат) и Г. Маленкова (исполнительная власть) закончилась тягучая схватка за первую роль в руководстве, и начался, в сущности, – писал А.Н. Яковлев, – новый период в практике руководства страной. Хрущёв расстался со своими друзьями без особых колебаний. Теперь руки развязаны. В этих условиях Хрущев решился на исторический шаг – на доклад о Сталине на XX съезде КПСС»[1].

[1] *Яковлев А.Н.* Омут памяти. М., 2000. С. 115–116.

ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Тетрадь в клеточку и светлое будущее: место образования в мотивационных чаяниях предреволюционных и послереволюционных поколений

О.М. Морозова

Межвоенное время – между Гражданской и Великой Отечественной – любопытнейшее для исследователя, и, видимо, неслучайно научный интерес Татьяны Павловны Хлыниной был направлен именно на него. Когда-то цельноидейно выписанное «кратким курсом», теперь оно дает широкий простор для выстраивания версий, апробации новых подходов, т.е. в полном соответствии со смыслом самого времени – становится полигоном испытания всем и всех. Архивные документы имеют не только хорошо видимое внешнее содержание, каждый из них еще имеет и свой особый звук. Татьяна Павловна умела услышать это. В ее статьях и выступлениях источники раскрывались подчас самым неожиданным образом, благодаря и этому редкому инстинкту, и широкой осведомленности в области научных новаций. Лишь свобода мышления и знания помогают понять, какими сложными путями идет исторический процесс, связывая разнохарактерные и разномасштабные процессы и события.

Гибридизация социогуманитарных наук вопреки «шифрованию» научных отраслей становится популярным трендом, и потребность понять людей прошлого находит в этом благодатную почву. Если сто лет назад социология восприняла психологию как средство индивидуализации социальной реальности и получила признанный корпорацией инструмент психологической интерпретации социальных явлений и процессов (Г. Тард, У. Томас, Ф. Знанецкий), то ныне попытки связать личностно значимый аспект человеческого опыта, личных побудительных мотивов поведения конкретного исторического лица и смысл времени, в котором он жил, все еще продолжают восприниматься как неконвенциональный исследовательский прием. Эту статью можно рассматривать как один из таких экспериментов.

1920-е годы реализовывали мечты победивших участников Гражданской войны в той степени, в которой это было возможно в условиях разрухи, идеологической одержимости, управленческой неопытности. Но степень была такова, что бывшие красноармейцы балансировали на грани между последними надеждами и разочарованием, которое, впрочем, допускали в свои души только в самом безвыходном положении. И, несмотря на усталость, болезни, ранения, они, мало рассчитывая на власть, создавали новую жизнь для себя и своих близких. По архивам страны разбросаны фонды – партизанских комиссий, существовавших в 1920–1930-е гг., в документах которых представлен подлинный духовный мир тех, кто воевал за революцию. Среди множества индивидуальных мотивов, которые высказывались или подразумевались в посланиях в эти комиссии, выделяется один. И это не алкание денег и власти, это стремление к культуре и образованию. Они мечтали о чистом доме, культурной жене, образованных детях.

Откуда взялась эта мечта, когда еще за несколько десятилетий до революции бытописатель русской деревни А.Н. Энгельгардт отмечал, что крестьянам непонятно, зачем тратиться на учение детей по причине бесполезности этой барской забавы. Как показывает земская статистика, до 1890-х гг. темпы снижения неграмотности были незначительными: буквально по паре процентов за десять лет. Но вскоре все поменялось. С рубежа веков процесс пошел активными темпами, поскольку кроме просветительской деятельности стимулирующим фактором стали требования трудоустройства. Образование и возможность преуспеть в жизни стали синонимами. Появились многочисленные примеры успешных судеб детей крестьян и городских босяков, вышедших в люди. Прошедшие через систему народного образования – сельских и городских училищ – получили ироничное название полуинтеллигентов. Это не только приказчики, счетоводы, народные учителя, чертежники, но и квалифицированные рабочие. «Полуинтеллигенты» – это те, кто получал образование в учебных заведениях двух типов, созданных в рамках школьной реформы в 1870-е гг., – в двухклассных начальных училищах (с пятилетним сроком обучения) и городских училищах, которые имели шестилетний курс обучения. Обе формы училищ были школой-тупиком, т.к. преемственной связи между ними и средними учебными заведениями не было[1]. Профессиональную подготовку их выпускники могли получить на одно- и двухгодичных курсах,

[1] Для преодоления этого барьера в 1890-х гг. возник новый тип средней школы – восьмиклассные коммерческие училища, по сути, частные гимназии, которые открывались общественными организациями или частными лицами; являясь платными учебными заведениями, они не были широкодоступны. См.: *Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф.* История педагогики. М., 1982.

организовывавшихся при некоторых городских училищах: счетоводных и бухгалтерских, педагогических, чертежных и т.п.

Достаточно высокие заработки этих новых квалифицированных работников открывали перед ними возможности по изменению образа жизни. Рост социальных амбиций нового слоя отразился на его костюме. Он заимствует разные предметы от сословных костюмов студенчества, чиновничества, дворянства, т.е. от барского наряда. Они начинают носить картузы – шведские кепи, попавшие в Россию в петровские времена, прежде носимые отставными чиновниками, деревенскими помещиками или управляющими. В пореформенное время кепка быстро становится признаком демократической рабочей прослойки. Вместо кафтанов, зипунов и свиток рабочие «из числа интеллигентных» носили драповые пальто, но не длинные, как интеллигенция, а короткие. Писатель П.Д. Боборыкин заметил на улицах столицы зимой 1905–1906 гг. «особого вида молодцов – в коротких пальто, с винтовками через плечо»[1], зародыш будущей Красной гвардии.

Произошли изменения и в быту. Оклад квалифицированного рабочего на предприятиях тяжелой промышленности южнороссийского промышленного района составлял 70–100 руб., и это притом что пенсия действительного статского советника была 85 руб. в месяц. Многие из кадровых рабочих строили собственные шелеванные дома, заводили в домах столовые приборы, половики, часы с кукушкой, а некоторые и немецкие или швейцарские; выписывали по каталогам товары и книги. В рабочих поселках при заводах не редкостью была телефонная сеть, которую обслуживал заводской коммутатор. Тогда же возник комплимент – «культурный человек», «культурная семья», подразумевающий следование новым для простонародья стандартам жизни.

К началу XX в. дети из таких семей уже могли поступить в реальное училище или в гимназию. В постреволюционных мемуарах можно встретить утверждение, что, мол, в гимназию не приняли, потому что был или была из рабочей семьи. Тут лукавство, вероятной причиной отказа были другие факторы – или отсутствие у семьи денег для платы за обучение, или отсутствие необходимой подготовки, что и было обнаружено при вступительных экзаменах. А в этом признаваться не хотелось. А вот в других биографических текстах можно было встретить упоминания об учебе в гимназии на казенный счет детей мелких торговцев или даже сирот.

Можно без преувеличения утверждать, что к моменту революции образование и приобщение к культуре стало одним из ключевых жизненных ориентиров значительного числа молодежи из простонародья, которое частью их и было реализовано.

[1] *Боборыкин П.Д.* Великая разруха (Семейная хроника). М., 1908. С. 9.

Позволенная в годы войны сдача экзамена за 7-й класс гимназии позволяла выпускникам городских и сельских училищ получить статус вольноопределяющегося, затем попасть в школу прапорщиков и получить офицерские погоны. Те же, кто такой экзамен не сдал, могли оказаться в полковой школе, после которой получал чин унтер-офицера. В условиях Первой мировой войны повышение образовательного уровня населения сыграло положительную роль, потому что на смену выбитому кадровому офицерству пришли прапорщики из бывших вольноопределяющихся, получивших высшее начальное образование и сдавших экзамен за 7-й класс гимназии. Грамотность помогала получить и унтер-офицерский чин, но не за боевые заслуги, а в результате обучения в полковых школах. После Февральской революции их выдвигали в полковые комитеты, что затягивало даже незнакомых с левыми идеями фронтовиков в зону влияния радикальных партий. Другой путь в отряды пробольшевистской ориентации лежал через приглашение руководить отрядами самообороны, которые делались только что прибывшим с фронта унтер-офицерам как людям опытным в военном деле. Не прошло и нескольких месяцев, как они возглавили полки, бригады и дивизии и стали проявлять прежде несвойственные привычки. Так, по свидетельству начальника штаба Таманской армии, бывшего поручика из казаков Н.Г. Батурина, в конце 1919 г. в Красной армии возникло поветрие: те, кто был фельдфебелем, вдруг начинали называть себя штаб-ротмистрами или хвастались женами, как они утверждали, из «бывших», чуть ли княгинями или графинями. А на поверку оказывалось, что те знали всего несколько слов по-французски, поработав когда-то в хорошем доме[1]. Но случались «истории» и с настоящими княгинями. Так, в одном из документов говорится о безвременной гибели в 1918 г. застрелившегося прямо на рабочем месте председателя Царицынского совета народного хозяйства тов. Бабака. Расследование показало, что его смерть стала результатом отказа во взаимности со стороны его секретарши княгини Крым-Шамхаловой[2].

Примеров замены жены-простолюдинки на жену образованную несть числа. Новая культурная жена – учительница, сестра милосердия, машинистка, должна была соответствовать новому высокому статусу героя революции. В 1920-е гг. эта замена стала происходить на нэпманских дочек, что в скором будущем принесло немало неприятностей «кулацким» зятьям. Эти рокировки были вызваны стремлением изменить семейный быт, придать домашней атмосфере более изысканный вид, обеспечить детей достойным

[1] Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 76. Л. 9.

[2] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 485. Л. 66.

воспитанием. Оказывается, играло роль и то, что образованная женщина могла быть носительницей другой сексуальной культуры. Оправдания разводов для заключения подобных новых браков выглядят так: «старая жена не может удовлетворить»[1], «воспитанная в старых патриархальных традициях жена чувствует отвращение к половой жизни»[2]. Яркий пример из этого ряда – дело секретаря ячейки ВКП(б) А.К. Макаренко. Проживавший в Кубанском округе, он бросил больную жену с маленьким ребенком ради новых отношений. Причину своего поступка Макаренко объяснил тем, что «хотел найти себе бойкую, образованную женщину, умеющую принимать гостей», чего не могла сделать его жена. Такую он нашел в лице школьной учительницы[3]. Женитьба на культурной женщине как способ приобщения к культуре стал распространенной моделью социального роста. Н.К. Рогачёва, жена бывшего красного командира, а затем советского хозяйственного работника, вспоминала, что после женитьбы бывшего политработника РККА на француженке, бывшей гувернантке хозяина грозненских нефтепромыслов, он изменился: из неухоженного военкома превратился в элегантного мужчину[4]. Были и другие мотивы поиска образованной жены: она могла легче найти хорошую работу, и ее заработок был серьезным подспорьем для семейного бюджета.

На этом стремление к жизни, соответствующей статусу победителя, не исчерпывалось. Причем ситуация 1920-х гг. отличается от аналогичной в 1930-е гг.

В 1920-е гг. зона публичности не оканчивалась у порога семейного очага коммуниста. Общественная жизнь бурлила до глубокой ночи. Вечера и концерты, различные кружки помогали, вероятно, переносить материальную неустроенность. Представители новой советской власти жили так же голодно, как и все остальные. Традиционной была жизнь коммуной, когда семейные и несемейные коммунистки и коммунисты заселялись в оставленный хозяевами большой дом, в котором, как правило, оставалась вся прислуга. По воспоминаниям упомянутой Рогачёвой в 1923 г. в Чите ее муж получил для своей семьи из трех человек пятикомнатную квартиру с обстановкой, но, будучи общительным человеком, он пригласил жить там трех своих товарищей[5]. И Рогачёвы жили коммуной

[1] Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 10. Оп. 1. Д. 179. Л. 23об.

[2] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 61. Л. 8.

[3] *Микулёнок Ю.А.* Семейные конфликты и эмоциональный мир супругов в советской действительности в 1920-е гг. (на материалах Кубани) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 135.

[4] *Рогачёва Н.К.* Солнечное затмение: воспоминания: в 2 кн. Кн. 1. М., 2013. С. 45.

[5] Там же. С. 34.

также и в Ростове, Грозном. Но к концу 1920-х гг., получая квартиру, семья уже занимала ее полностью. Причиной могла быть напряженная, изматывающая работа, ритм которой установился с переходом к курсу на индустриализацию, ведь Рогачёв в 1932 г. был назначен директором треста по строительству нефтепроводов.

В целом условия жизни у новой номенклатуры не были равными. Многое зависело от занимаемой должности, а точнее – от количества занимаемых должностей. Бывший начальник Особого отдела ВЧК Южного фронта Отто Хинценбергс (1891–1923) в письме товарищам осенью 1920 г. так описал свою занятость: «Я… занимаю четыре ответственные должности. <…> Я – комиссар Петровской с[ельско-]х[озяйственной] академии, заведывающий лесным образованием Республики – это две службы наркомпросовские. Кроме того, я Заведующий и Ученый Секретарь курсов Наркоминдела и Наркомвнешторга по подготовке Советских представителей за границей, а также консультант Наркоминдела по экономическим вопросам. Работаю страшно много, обеспечен в смысле жалования и продовольствия великолепно – лучше, чем где-либо и когда-либо, но вот нет ни лошади, ни машины, бегаю преимущественно пешком»[1]. Причина этой фантастической трудовой загруженности – два года коммерческого института.

Нормой для семей советских служащих стало иметь в доме прислугу – няню для детей, кухарку или домработницу. Причины для этого были разнообразные – от статусных до насущных, ведь нередко жена ответственного работника была также работающей. А иногда это было следование идеалу жизнеустройства заслуженного человека. Свою новую жизнь представители новой элиты строили в соответствии со своими представлениями о жизни элитарного слоя. Популярный на Северном Кавказе человек Д.П. Жлоба после демобилизации из РККА, будучи членом Северокавказского крайисполкома, осел в местах прежних боев. В кубанской станице Павловской в бывшей помещичьей экономии было организовано одно из первых коллективных хозяйств – артель «Агрокультура». Многие ее члены были бывшими красными партизанами из дивизии Жлобы. Хозяйство специализировалось на разведении сортовых саженцев плодовых деревьев. Сам Жлоба часто бывал в станице и имел там дом. Там он вел помещичий образ жизни, как страстный охотник держал породистых собак стоимостью до 30 руб. Проживая до 1929 г. в Ростове, занимал квартиру в гостинице «Московская». При нем жили бывший ординарец, адыг Нох Наурзов, и именовавшаяся воспитанницей младшая сестра погибшей пулеметчицы Фёклы Литвиновой, хотя сама она в своих воспоминаниях называет себя горничной в доме Жлобы. У его детей был домашний учитель

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 341. Л. 39.

иностранных языков – певец В. Бернарди, который позже переехал в Москву и пел в Большом театре.

Вернувшийся домой в станицу из Ростова бывший подчиненный писал Жлобе, что по возвращении все спрашивали у него, как живет их бывший командир, а то ходит слух, что он занимает целый княжеский дом и «ни до кого не признается». Корреспондент отчитался перед Жлобой, что он этот слух развеял, рассказав, что бывший командир занимает лишь квартиру в огромном доме, хотя и богатую. Он обосновывал право Жлобы на эти привилегии тем, что «народ умеет ценить народных героев», и простодушно добавил: «Многие этому даже рады»[1].

Но это люди заслуженные. А как другие?

Сохранившиеся письма жены преподавателя Краснодарского пединститута Владиславы Лихницкой мужу показывают условия жизни и уровень материального достатка научной интеллигенции. Лихницкий как выпускник реального училища получил работу в вузах Северного Кавказа. Львиная доля содержания писем посвящена расходам присылаемых им из Краснодара денег. Его жена Владислава – большая модница, держит домработницу, к тому же она не работает, потому что больна туберкулезом. У нее масса хлопот. Зарплата Н.Т. Лихницкого не менее 180 руб. (Это максимальная сумма, которую он отсылал жене и сыну в Ростов. Это много, вполне достойной в 1930 г. считалась зарплата в 60–70 руб.). Но женщина едва сводила концы с концами. Чаще переводы из Краснодара составляют 100–120 руб. Это большая для 1930 г. зарплата, но у Владиславы деньги – как вода сквозь пальцы. На присланные в январе 1930 г. 100 руб. она «достала» ткань на юбку «Метеор» на 27 руб. (1 м – 16,80 руб.), заплатила полотерам 4 руб., домработнице Варе – 12 руб., за квартиру заплатить уже нечем, т.к. нужно жить еще месяц. В марте он перевел семье 150 руб., и она обзавелась новыми туфлями. Ее даже останавливают на улице с вопросом: «Мадам! Где вы заказывали эти туфли?» – «В Германии», – отвечала Владислава. Весной маленькая женщина с синими глазами, как пишет она о себе, поражала публику белой шляпой.

В годы Гражданской войны Николай Лихницкий был комиссаром полка, т.е. находился в зоне риска: его военная должность не гарантировала успешного послевоенного устройства. По-видимому, как социальный лифт, сработало полученное до 1917 г. образование, а не участие в революции и Гражданской войне.

Массовое сознание имело четкие критерии того, кому можно пользоваться плодами революции, а кому – нет. Так, после смерти от туберкулеза известного красного командира-таманца Георгия Анатольевича Кочергина (1885–1934) его вдова Матрёна Прокофьевна подверглась обвинениям со стороны его однополчан как бывшая

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

белогвардейка. Оставив за рамками статьи реальные обстоятельства военной биографии Матрёны, приведем полное злости письмо сослуживца умершего мужа: «Этой белой рвани мало, что она получает на себя 135 руб. и на ребенка 200 руб., которые расходует на себя целиком, а дети Кочергина сын в беспризорниках, а дочь бедствует. В то время как она живет баронессой: прикреплена к 15-му распределителю и к столовой Крайкома на Малом проспекте, там же имеет роскошную квартиру из 3х комнат, кухня, две передних и все удобства, обставлены шикарный мебелью: пианино, зеркала, ковры, портреты и т.п. роскошь, а наши лучшие бойцы Октября ютятся по подвалам или в клетушках с голыми стенами, украшенными густо насекомыми, а их дети ходят в школу чуть ли не босыя. Товарищи!!! Разве это допустимо, не пора ли положить предел бесстыжей жадности этим белым паразитам…»[1]

Этот уровень благосостояния был доступен лишь тем, которые заполнили собой верхние строчки должностных списков. Синхронные документы говорят о скудной жизни большинства рядовых советских работников. Характеризуя ситуацию в Заветинском районе Ростовской области, секретарь райкома партии Чернышенко писал: «Бытовое положение работников чудовищное, живут в отвратительных условиях, питание недостаточное, нет квартир (ютятся по землянкам у частных граждан), культобслуживания нет. <…> В сентябре-октябре месяце не могли удовлетворить хлебом даже спецкатегории, не говоря уже о партийных и советских работниках»[2]. В таких условиях, когда мясо зарезанных 10 баранов было распределено между «отдельными работниками района», это вызвало разговоры не только среди обывателей, но и партийцев и интерес внештатного следователя краевой прокуратуры Носика. В оправдательном письме Чернышенко пишет: «Я ставлю вопрос – следует ли из-за восьми пудов мяса, которое было роздано работникам в течение 3 месяцев, нервировать все руководство и деморализовывать работу? По-моему, не следует, не следует еще и потому что РК ВКП(б) сам осудил это дело»[3]. Отбиваясь от обвинений, Чернышенко сообщил крайкому все известные ему компрометирующие оппонентов сведения. Оценка прокурора района Спицы такова: «По-моему, он – дурак, или сволочь, а наиболее правильная оценка его, если сказать, что это человек разложившийся, чистопробный обыватель – оппортунист. О его безобразиях вам сообщит Ремонтненский РК ВКП(б), о его пьянке с проститутками, о его провокациях, о бандах и т.д.»[4].

---

[1] Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-2992. Оп. 1. Д. 1674. Л. 22–22 об.

[2] ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1144. Л. 347.

[3] ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1144. Л. 349.

[4] ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1144. Л. 351.

Обзор конкретных судеб в 1920-е гг. показывает, что тогда общественная необходимость победила лозунги революционной справедливости: рабочее место отдавали квалифицированному сотруднику, а не герою войны. Конечно, с помощью партбилета и старых товарищей можно было повернуть кадровое решение в свою пользу, но это не могло гарантировать безоблачной чиновничьей жизни – нехватку знаний и опыта не прощало не связанное фронтовой дружбой начальство.

Общественные приоритеты были поняты массой: чтобы преуспеть, нужно учиться. Но получать образование недавним героям и их детям было очень тяжело. Главным препятствующим фактором была платность образования. Исключение составляли коммунистические вузы, институты для нацменьшинств, специализированные курсы, куда принимали по направлениям от организаций и учреждений. Хотя плату за обучение не брали, стипендиальное обеспечение было недостаточным. Так, в 1932 г. Грозненский рабфак им. А. Шерипова оказался под угрозой роспуска, т.к. наркомат тяжелой промышленности просьбы о его финансировании оставлял без ответа. В смете 29 % составляла зарплата преподавателей, а 47 % – стипендия слушателей дневного отделения, в основном чеченцев и др. горцев[1].

От платы во всех остальных учебных заведениях были освобождены только льготники. А доказать свое право на льготу было непросто. Для этого нужно было иметь не только заслуги, но и связи. Некий Иван Попов из х. Подкущёвка пока был простым ветераном и только и делал, что жаловался на несправедливость, творимую над ним скрытыми белогвардейцами, пролезшими на теплые места. Стоило ему стать секретарем краевой комиссии помощи демобилизованным красноармейцам и бывшим красным партизанам, как тут же выправил всей семье льготные справки на все случаи жизни, а младшей сестре – рекомендацию к приему в Московский химический институт или другой вуз, как сказано в документе, с назначением ей государственной стипендии, т.к. ее один брат погиб, другой – орденоносец-инвалид, а вся семья подвергалась репрессиям белых[2]. Показательным может быть текст заявления в приемную комиссию: «Прошу выдать мне, А.Г. Пушкарёву, родственнику И.А. Свиридова, занимающего пост зав. орг. отделом Аз[ербайджанского] ЦИКа, направление в Донской политехнический институт о моем зачислении на первое свободное место» (1927)[3]. А ведь доступность образования как одно из завоеваний революции было существенной частью

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1269. Л. 60, 62, 63.

[2] ЦДНИРО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 8. Л. 93–93об.

[3] ЦДНИРО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 4. Л. 534.

массового советского создания. Еще в годы Гражданской войны право присуждения квалификации, степени и званий, ранее находившееся в ведении старого режима, как и все властные полномочия, в качестве трофея могли присвоить лихие красные командиры. Известен приказ Жлобы о производстве фельдшера И.Е. Обухова в чин врача за заслуги в организации лазарета и лечении бойцов и разрешении впредь подписываться на документах: «военный врач». Хоть и не читает на латыни, но целую академию в боях прошел, было сказано там[1].

Несмотря на платное образование к 1930 г. уже формировалась система государственного распределения, что называлось «закрепление для возвращения» и было вызвано острой нехваткой кадров. Но и безмерно расширять численность обучающихся не было возможности из-за недостатка педагогов. Зная об этом, молодежь проявляла инициативу, не задумываясь о последствиях. Так, в 1930 г. группа студентов Северокавказского аэродинамического института в Новочеркасске выдвинула встречный план, рассчитанный на сокращение срока обучения за счет времени, освобожденного отменой занятий по военной подготовке. Руководство института и бюро ячейки не поддержали ударников, за что и получили «на вид» от Северокавказского крайкома ВКП(б) и оценку свой действий как правооппортунистической ошибки[2].

Молодежь осваивала все формы общественной активности. Встречая новый 1931 год, ростовская молодежь организовала городской карнавал 3-го года пятилетки[3], причудливую смесь фольклорных традиций и социальных новаций, но вместо колядок и вывернутых тулупов были изготовленные гротескные костюмы мировой буржуазии и капиталистов, мешающих строительству социализма.

Ситуация с культурой повседневной жизни была такой, что куда ни кинь – всюду клин. Например, на Северном Кавказе кроме масштабных работ по созданию национальных алфавитов в 1930 г. проводилась кампания по внедрению теплой одежды среди кавказских женщин «Пальто – горянке»[4].

Скудных ресурсов, остающихся для общего распределения, на всех не хватает, что ставит под сомнение лозунги. И для компенсации неустроенности изобретались различные формы общественной деятельности. Так направлялась инициатива активной части, а более инертная масса подвергалась агитационному воздействию

---

[1] *Мартыненко Г.А.* Комкор Дмитрий Жлоба. М., 1985. С. 89–90.

[2] ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1144. Л. 11.

[3] ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1144. Л. 14.

[4] ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1059. Л. 9.

зажигательной деятельности творчески одаренных людей. В Ростове-на-Дону в 1923 г. стала работать кинофирма «Ювкинокомсомол». Она была детищем нэпа. Не получая государственного финансирования, она строила свою деятельность на коммерческой основе: снимала фильмы разных жанров, осуществляла прокат своей кинопродукции в собственном (арендованном) летнем кинотеатре. Документальные фильмы были посвящены социалистическому строительству и неполитическим городским событиям. Научно-популярные фильмы снимались при участии профессоров университета. Игровых фильмов было снято четыре; они не сохранились, но известны их сюжеты. Первая кинолента, «Приказ №…» (реж. М.В. Большинцов), рассказывала о ростовских подпольщиках периода деникинской власти. «Похождения Ваньки-гвоздя» похожи на «Праздник Святого Йоргена» разоблачением церковных чудес. В 1925 г. «Кинокомсомол» выпустил фантастический фильм «Коммунит» (реж. Я. Морин) – история о том, как в СССР изобрели в военных целях парализующий газ, который неожиданно имел побочный эффект: превращал вдохнувших его в носителей коммунистического сознания.

В сентябре 1927 г. на заседании Северокавказского крайкома ВКП(б) обсуждалось решение о его ликвидации и реорганизации. Докладчиками выступили краевые комсомольские вожаки и лидеры самого «Кинокомсомола»: Варелас, Голосовский, Евсеев, Коршунов, Малышев, Тодрес, Халамейзер. Качество производства фильмов охарактеризовано было как кустарное, с дефектами. Выпущено около 200 тыс. м кинофильмов. Накануне ликвидации «Кинокомсомол» имел долгов на 48 тыс. руб. при наличии ликвидного имущества на 100 тыс. руб. Положение было оценено как финансово неустойчивое. На его основе должно было быть создано государственное кинообъединение – трест «Севкавкино» в структуре крайисполкома. На его базе предполагалось не только создание фильмов, но и их прокат и даже производство киноаппаратуры. Оно должно было обеспечиваться оборотными средствами в размере 200 тыс. руб.[1]

Партийные вожаки искренне стремились проводить в жизнь пропагандистские лозунги, обещавшие воздаяние героям и их потомкам. Лидер таганрогских большевиков С.Х. Варданиан, потомственный революционер, системно выстраивал каналы влияния на массы и способы повышения их собственной самооценки – заводские

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 340. Л. 3, 14. Проект не был реализован в этом виде. В 1927 г. в Ростове-на-Дону для создания документальных фильмов и киножурналов была создана Ростовская студия кинохроники, просуществовавшая до 2011 г. В 1952 г. архитектором Л.Л. Эбергом было построено здание для студии кинохроники в стиле, включающем элементы советского рационализма. В 2015 г. оно было разрушено как не имеющее культурной ценности.

стенгазеты, народное творчество, культурные площадки. Для поддержки затухшего было на городских предприятиях стахановского движения он поставил перед газетчиками требование ежедневного выпуска газет пусть и за счет сокращения полос. Он говорил, что отличившиеся люди должны видеть свои лица в газете уже завтра, а если через неделю, то у них пропадет охота. Опаздывать нельзя[1]. Варданиан умилялся достижениям местной художественной самодеятельности, в ней он видел сближение умственного и физического труда, когда столяр и сварщик сменили рубанок и электрод на балалайку и смычок[2].

Варданиан стремился повторить в своем городе ростовский шедевр конструктивизма (драматический театр в форме трактора), предложив спроектировать новый таганрогский театр в форме домны, построив его не в центре, а в рабочем районе, тем самым приблизив искусство к народу. Труппе театра он выбил «второй пояс», т.е. вторую категорию по оплате труда. И это притом, что первая была у столичных и ленинградских театров – Большого, Малого, Художественного и других того же уровня. А ростовский драматический театр под руководством Ю. Завадского, где играли Р. Плятт, В. Марецкая, Н. Мордвинов имел только 3-ю категорию. Но театр ответил на эти блага расколом: одна часть труппы пошла за художественным руководителем Надеждовым, другая – за директором Медниковым. Весной 1936 г. в Таганрог приехала комиссия во главе с тов. Дубровским и Хазановым, целью которой был выбор места для киногорода, наподобие Голливуда. Конкурентами миусской площадки были Анапа, Крым, Абхазия. Варданиан аргументировал предпочтительность Таганрога тем, что тут более мягкий и солнечный климат; нет такой тропической влажности, которая влияет на кинотехнику; разнообразный ландшафт; город соединен крупной железнодорожной магистралью с центром страны; располагает готовыми промышленными и энергетическими мощностями для обеспечения инфраструктуры киногорода, что обеспечивает и темпы, и дешевизну проекта[3]. Но этим планам не удалось осуществиться. Незадолго до празднования 20-летия революции Степан Христофорович был арестован, а следующей весной расстрелян. Никаких признаков троцкизма или иной оппозиционности объективно за ним не наблюдалось. И как всегда возникает вопрос о причинах репрессий – вообще и в каждом конкретном случае.

Тот, кто работал с документами 1920–1930-х гг., обращал внимание на особый логический прием гиперболизации, когда

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 620. Л. 4–5.

[2] ЦДНИРО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 621. Л. 9–10.

[3] ЦДНИРО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 621. Л. 22–25.

любой личный конфликт вписывался в контекст доминирующего противоречия эпохи. Так, в 1928 г. уволенный сотрудник газеты «Советский юг» М.П. Донецкий разоблачал засилье людей с белогвардейским прошлым в составе новой редакции газеты «Молот», поглотившей его издание: «Ни один из перечисленных лиц, ничего плохого лично мне не сделал. Я лишь сопоставляю приведенные факты с политикой партии, не могу понять: почему бывшие белогвардейцы имеют возможность работать в наших газетах, и почему в то же самое время журналисты-партийцы вынуждены ходить без работы»[1]. Но объективной причиной постигшей Донецкого безработицы вполне могли быть два года церковно-приходской школы в качестве основного образования этого советского интеллигента. Так главная народная мечта о культуре и образовании, дающих надежные жизненные перспективы, так и не осуществилась после революции, что и стало одним из разочарований масс, которое они купировали доступным им способом – поиском виновных.

Если вернуться к представлениям о важности приобщения к культуре и образованию как мотивационной доминанте, то можно подвести некоторый итог. Культ образования – продукт эпохи индустриализации, продержавшийся и в эпоху НТР. Информационное общество выхолостило старое содержание, и сейчас существует его жалкое подобие в форме дипломомании. Далеко не только реформы сомнительного качества, но и объективные изменения характера общества стали тому причиной.

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 341. Л. 200.

Станично-слободское повседневье в первой половине 1920-х гг.

А.П. Скорик

В статье «Советское повседневье в пространстве “большой” истории: проблемы и возможности “малого” жанра» Т.П. Хлынина обосновала необходимость и смысловые пределы использования концепта повседневности. По мнению Татьяны Павловны, «термин “повседневье” оказывается более предпочтительным, так как указывает не на определенный тип существования, который требует внятно очерченного пространства и противопоставления “не-быту”, а на форму этого самого существования, которая может привноситься в любой вид деятельности. Более того, повседневье так же регламентировано, как и официальная публичная жизнь граждан, поэтому оно “спокойно” уживается с вторжением в его пространство производственной, политической и идеологической необходимости времени»[1]. На материалах Милютинского района Ростовской области в рамках территориально-административного устройства первой половины 1920-х гг. мы пытались реализовать предложенную Т.П. Хлыниной смысловую перспективу советского повседневья.

С окончанием Гражданской войны, согласно постановлению ВЦИК, в апреле 1921 г. организуется Морозовский округ из станичных юртов и волостей 1-го Донского, 2-го Донского, Донецкого, Верхне-Донского и Усть-Медведицкого округов. На момент образования Морозовского округа в 1921 г. в станице Милютинской насчитывалось 11 хуторов, а общая численность населения составляла 7253 человека. В Селивановскую волость входило 15 хуторов с населением 6059 человек. Лукичевская волость объединяла 5 хуторов с населением 3212 человек. Николо-Березовская волость включала 9 хуторов, в которых проживало 5022 человека.

[1] *Хлынина Т.П.* Советское повседневье в пространстве «большой» истории: проблемы и возможности «малого» жанра // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 41.

В Маньково-Березовскую волость входило 14 хуторов с населением 7096 человек. К станице Краснокутской относилось 16 хуторов (часть из которых позже вошла в состав Милютинского района) с населением 10 054 человека[1].

Что же сохранилось после кровопролитной Гражданской войны? Нам удалось на основе архивных документов восстановить сведения о некоторых хозяйствах местных жителей. Возьмем, к примеру, бывшее хозяйство Шаповалова при хуторе Петровском Лукичевской волости Донецкого округа. Общая площадь принадлежавших ему угодий в 1920–1921 гг. составляла 900 десятин, из которых: годной под распашку земли насчитывалось 650 десятин, под сенокосы отводилось 100 десятин луговой земли, неудобья занимали 144,5 десятин, сад располагался на площади 1,5 десятины, и огородничество велось на 0,5 десятины. До революции бывший владелец хозяйства не применял севооборота, и большая часть принадлежавшей хозяину земли обрабатывалась местным населением на условиях натуральной оплаты за часть получаемого урожая. Из «живого инвентаря» после Гражданской войны в хозяйстве осталось: 9 рабочих волов, бык-производитель калмыцкой породы, 4 коровы калмыцкой породы, 2 двухлетние телки, 3 однолетних теленка, 4 козы, 1 овца, 2 кастрированных кабана, 30 кур, 3 уток, 10 гусей. Сохранились следующие постройки: дом деревянный, крытый железом; 2 каменных амбара, крытых железом; амбар деревянный, крытый железом; деревянная конюшня, крытая железом и рассчитанная на 12 лошадей; деревянный сарай для инвентаря, крытый железом; деревянная кухня, крытая железом; депо каменное[2], крытое железом; подвал с обложенным камнем выходом; деревянный сарай, крытый железом; деревянная конюшня, крытая железом и рассчитанная на 8 лошадей; саманная кухня, крытая железом. Из земледельческих орудий осталось: 3 однолемешных плуга; 4 букаря (трех-четырех лемешных плуга); 3 разбросные сеялки; 1 косилка; 2 сортировки[3]; 10 деревянных борон; 2 подральников (предплужников; подральники были меньше ральника и устанавливались чуть спереди и выше, чтобы надрезать почву и облегчать вспашку). Из числа перевозочных средств сохранились: 2 арбы без колес; 2 саней одноконных; сани пароконные. Хозяйство, несмотря на всевозможные реквизиции, сберегло следующие зерновые

[1] Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области (далее – ЦХАД ШРО). Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

[2] *Депо* – строение для хранения сельскохозяйственных машин и орудий, где имелся весь необходимый инструмент для осуществления текущего ремонта.

[3] *Сортировка* – орудие для распределения результатов урожая на разные фракции: более крупные и мелкие; для просеивания и провеивания собранного зерна; возможно, это были зерноочистительные триеры.

запасы: 523 пуда яровой пшеницы, 14 пудов ячменя, 70 пудов подсолнуха, 50 пудов озимой ржи. Бывший владелец хозяйства Шаповалов эмигрировал вместе с белыми, но в усадьбе остались его мать, его жена и четверо детей. Семья Шаповалова продолжала жить в усадьбе прежним порядком, а земельные угодья обрабатывались бывшими половинщиками (работавшими ранее за натуральную оплату в размере половины от полученного урожая) имеющимся в хозяйстве инвентарем. Однако сохранившийся скот находился в очень плохом состоянии, поскольку для его содержания зимой не хватило заготовленных кормов[1].

Бывшее хозяйство братьев Колесниковых при хуторе Петровском Лукичевской волости Донецкого округа также вполне благополучно сохранилось после Гражданской войны. В 1920–1921 гг. ему принадлежали земельные угодья общей площадью 300 десятин, из них: 228 десятин годной под распашку земли, 20 десятин сенокосного луга, 50 десятин неудобий, полдесятины сада, 2 десятины огорода, и 1,5 десятины занимала непосредственно сама усадьба. Хозяйство объединяло два отдельных двора каждого из братьев Колесниковых. В них располагались: каменный дом, крытый железом; каменный дом, крытый черепицей; каменная кухня, крытая железом; каменная кухня, крытая соломой; деревянный амбар, крытый железом; деревянный амбар, крытый соломой; деревянный амбар, крытый камышом; конюшня, крытая черепицей и рассчитанная на 8 лошадей; каменная конюшня, крытая камышом и рассчитанная на 10 лошадей. Братьям принадлежала водяная мельница на 2 постава (т.е. на 2 пары мельничных жерновов) с суточной производительностью 70 пудов. Из «живого инвентаря» сохранились: 6 рабочих волов, бык-производитель калмыцкой породы, 8 коров, 8 трехлетних бычков, 2 двухлетние телки, 3 однолетние телки, 7 однолетних бычков. Из земледельческих орудий осталось: 2 рядовые сеялки, 1 косилка-лобогрейка[2],

---

[1] Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 242. Л. 39.

[2] *Лобогрейкой* назывался в России простейший тип жатвенной сельскохозяйственной машины на конной тяге, функционировавшей следующим образом: колосья подрезались «особым ножом-косой (ножевой полосой с треугольными ножевидными пластинками), который пробегает спереди платформы в особом пальцевом брусе взад и вперед и срезает захваченные пальцами стебли» (*Криль Б.* Жатвенные машины // Новая деревня. 1926. № 13. С. 24). Скошенный хлеб, отмечали специалисты, «падает на платформу, откуда сбрасывается вбок от прохода машины особыми граблями, которыми орудует рабочий, помещающийся на сидении» (*Селезнев В.* Чем убирать хлеб // Новая деревня. 1924. № 6. С. 20). Такая вот «работа на лобогрейке трудна, почему машина и получила свое название – лобогрейка (греет лоб)» (*Криль Б.* Указ. соч. С. 25).

1 припашник[1], 4 букаря, 7 деревянных борон, 1 сортировка, 1 арба[2]. В бывшем хозяйстве братьев Колесниковых сберегли следующие зерновые запасы: 300 пудов пшеницы яровой гирки (т.е. сорта, предназначенного на экспорт и имевшего небольшой размер и красноватый оттенок), испорченной; 1 скирду пшеницы яровой гирки, необмолоченной, размером (занимаемой площадью) 7 саженей на 2,5 сажени. Оба брата Колесниковы эмигрировали вместе с белыми, а их семьи продолжали жить в обеих сохранившихся усадьбах. Посев производили имеющимся скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Незасеянные земельные участки семьи распределили местному населению[3].

Бывшее хозяйство Д.В. Бобрикова Маньково-Березовской волости Донецкого округа (в Маньково-Березовской слободе и сегодня сохраняется переулок Бобрикова) также сохранялось в 1920–1921 гг. Общая площадь принадлежавших ему земельных угодий составляла 1487 десятин, из которых 1450 десятин занимала пашня, 14 десятин отводилось под лес, 4 десятины составлял сад, 18 десятин охватывали луга, и сама усадьба располагалась на 1 десятине земельного участка. В хозяйстве Бобрикова не применялся правильный севооборот. Распахивалось всего 600 десятин, и обработка земли велась с копны (т.е. устанавливалась натуральная оплата в форме скошенной и уложенной копны зерновых культур). Остальная часть земли использовалась в качестве пастбища и для осуществления сенокоса. Хозяйство имело следующие постройки: 2 дома, крытых камышом, один из которых насчитывал 11 комнат, а другой – 2 комнаты; саманный сарай, крытый камышом; саманную конюшню, крытую камышом; баз для скота с навесом, крытым камышом; деревянную баню, крытую камышом; трехкомнатный саманный дом, крытый камышом. Бывшее хозяйство Д.В. Бобрикова сильно пострадало от военных действий в условиях Гражданской войны: усадебные постройки разрушались, весь инвентарь и скотина исчезли, владельцы покинули свое пристанище еще в 1917 г.[4]

Бывшее хозяйство Г.Г. Еманова Маньково-Березовской волости Донецкого округа занимало 1700 десятин, из них: 1596 десятин

---

[1] *Припашник (запашник)* – это сельскохозяйственное орудие, совмещавшее в себе одновременно функции плуга и сеялки, имевшее четыре лемеха и размещенный сверху ящик для зерна, от которого трубки подводились прямо к лемехам, и тем самым высевалось зерно сразу под слой почвы. Отсюда и произошло название сельскохозяйственного орудия, поскольку высеваемое зерно сразу же припахивалось.

[2] *Арба* – это высокая длинная четырехколесная безрессорная повозка для перевозки сельскохозяйственных грузов (сена, муки в мешках и пр.).

[3] ГАРО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 242. Л. 39–39об.

[4] ГАРО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 242. Л. 42об.

пахотной земли, 2 десятины леса, одна десятина сада, 100 десятин лугов, и на одной десятине располагалась усадьба. Поскольку сам владелец хозяйством не занимался, то местное население распахивало 350 десятин, а остальные земли использовало для выпаса скота. При этом часть земель сдавалась в аренду, а другая часть обрабатывалась «с копны». Владелец постоянно в имении не проживал, большую часть построек распродал, а у него в собственности остались: деревянный дом, крытый железом, и кирпичный сарай, крытый железом[1].

С образованием Морозовского округа в апреле 1921 г. в рамках административно-территориального подчинения этому округу формируется Милютинская волость с центром в станице Милютинской, которую в 1924 г. иногда в архивных документах называют слободой[2] или поселком (поселением, или сокращенно «пос.»)[3]. Была ли тогда станица Милютинская действительно слободой, нам доподлинно неизвестно, по крайней мере, решения о переименовании станицы в слободу Милютинскую мы не обнаружили.

Система местного самоуправления в 1920-е гг. складывалась путем взаимодействия трех основных властных институтов: сельских советов, сельских сходов и сходов земельных обществ[4]. Сельские советы представляли собой официальную власть и действовали в интересах Советского государства, хотя избирались местными жителями. Сельские советы составляли низовое звено советской системы органов власти и управления. В состав каждого сельского совета входили ежегодно переизбираемые депутаты с представительством по одному депутату от 100–200 граждан, в зависимости от численности населения конкретного сельского поселения. Сельскому совету (станичному, слободскому, хуторскому) по советскому законодательству принадлежали высшие властные полномочия в пределах территории его функционирования. Кроме сельского совета, в 1920-е гг. существовали сельские сходы (общие собрания граждан, а для казачьих поселений они по существу представляли собой казачий круг) и сходы членов земельных обществ.

Сразу подчеркнем, общие собрания граждан действовали в казачьих поселениях на всем протяжении 1920-х гг. Никакого тотального расказачивания, о котором часто и сегодня рассуждают несведущие политики, публицисты и некоторые недобросовестные ученые,

[1] ГАРО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 242. Л. 42об.

[2] Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 4об, 5об.

[3] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

[4] *Панкова-Козочкина Т.В.* Разграничение сферы компетенции властных институтов советской деревни 20-х годов (по материалам Юга России) // История государства и права. 2010. № 24. С. 10–13.

в этом отношении не проводилось. Однако об этих казачьих кругах информации очень мало, ибо документация велась крайне редко, а официальная власть пыталась всячески затушевывать реальную власть общих собраний граждан. Так, на заседании Милютинского волкома партии 24 января 1924 г. критиковалась Милютинская ячейка РКП(б) за недостаточное обсуждение «хозяйственных вопросов местного значения» и за активное выступление «на собрании граждан»[1]. Дескать, коммунисты должны проводить генеральную линию партии организованно, а не индивидуально участвовать в общих собраниях граждан. 20 марта 1924 г. на заседании бюро Милютинского волкома партии речь шла об организации подписки на региональную газету «Трудовой Дон», и одним из инструментов реализации принятого решения о развертывании подписки называются специальные уполномоченные, которых надо «выделить через общие гражданские собрания»[2].

5 сентября 1924 г. бюро Милютинского волкома РКП(б) планирует проведение агитационной кампании по сбору единого сельскохозяйственного налога и в этой связи принимает решение: «поручить фракции ВИКа издать соответствующее письмо об общем порядке регулирующего ведения общих гражданских собраний, а также Волкому совместно с фракцией ВИКа издать циркуляр о разъяснении Конституции РСФСР и СССР»[3]. 12 сентября 1924 г. по итогам отчета Милютинской ячейки РКП(б) бюро волкома партии рекомендует ячейке: «Урегулировать и ввести в систему индивидуальные задания член[ам] и канд[идатам в члены] РКП(б) для докладов на гр[ажда]нские собрания, для ведения коллективных бесед и т.д.»[4]. 18 сентября 1924 г. милютинские большевики поручают «фракции ВИКа издать по совет[ам] циркуляр о популяризации сберегательных касс через общие гр[ажда]нские собрания, а также ячейкам выделить докладчиков»[5].

Таких косвенных признаний роли сельских сходов в документах содержится немало, когда имеется апеллирование к общим собраниям граждан. В казачьих поселениях по существу партийцы и сельсоветы обращались к казачьим кругам; и еще раз подчеркнем, их так никто тогда не называл. Обычные формулировки: сход, сельский сход, собрание граждан, общее собрание, общее гражданское собрание и пр. В обиходе другого наименования просто

[1] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

[2] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 8об.

[3] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

[4] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 62.

[5] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 63. Как видим, даже существовало приемлемое сокращение «гр-нских».

не требовалось[1]. «Сельский сход представлял собой общее собрание граждан того или иного сельского населенного пункта, не лишенных избирательных прав и могущих избирать и быть избранными в состав сельского совета»[2]. Согласно действовавшему тогда советскому законодательству, сельский сход граждан по определению не мог составлять какую-либо конкуренцию власти сельского совета, хотя на практике такая конкуренция и даже преобладание сельского схода встречались часто.

Четвертым властным органом выступали ячейки и комитеты РКП(б), создававшиеся на различных уровнях административно-территориального устройства в населенных пунктах (станица, село, слобода, хутор).

В станице Милютинской в первой половине 1920-х гг. существовали типичные для волости органы власти и ключевые организации. Прежде всего, функционировал Милютинский волостной комитет РКП(б) (секретарь Игнатовский; секретарь Коломыйцев; секретарь Перфильев с 20 октября 1923 г., секретарь Лебедев, временно секретарь Мордовин), который объединял Маньково-Березовскую комячейку (секретарь Суслов), Милютинскую комячейку (секретарь Перфильев; секретарь Маркин; секретарь Чукарин), Селивановскую комячейку (секретарь Ефанов), комячейку агробазы (секретарь Угроватов), комячейку при детколонии № 1. Естественно, активно работал волостной исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (председатель ВИК Черкасов). Кроме того, в Милютинской волости действовали: волостное отделение милиции (начальник Петушков, бывший красный командир); Милютинский сельский совет (уполномоченный Канаев); волостное отделение профсоюзов (уполномоченный Ковалев); Милютинская волостная ячейка РКСМ (секретарь Беседа; секретарь Гульцев); женский отдел при волкоме РКП(б) (заведующая отделом Никулина; волорганизатор Ляпичева; волорганизатор Полякова); волостной комитет крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ, КОВ, или крестком; председатель Кузнецов) и др.

Для Милютинской волости «советской волостной единицей» являлся район. Официального деления Милютинской волости на районы нами не обнаружено, но в социальной практике управления они существовали. В протоколе № 14 заседания бюро волкома

---

[1] В Милютинском волкоме РКП(б) еще фигурировало выражение «граждан хлеборобов», когда собирались 23 ноября 1923 г. ознакомить население с впечатлениями группы милютинцев, посетивших региональную сельскохозяйственную выставку, и в этих целях предлагалось: «Разбить Волость на пункты[,] в коих можно бы было безболезненно собрать как можно больше граждан хлеборобов» (ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 1. Л. 18).

[2] *Панкова-Козочкина Т.В.* Разграничение сферы компетенции ... С. 10.

РКП(б) от 26 июля 1924 г. прямо говорится: «районы, где нет яч[еек] РКП(б)»[1]. Установив, где точно функционировали коммунистические ячейки, мы можем достаточно четко зафиксировать в составе Милютинской волости следующие 8 районов: Милютинский, Ильинский, Лукичевский, Маньково-Березовский, Николо-Березовский, Процико-Березовский и Степано-Савченковский. Смысловое наполнение самого понятия «район» в условиях многочисленных трансформаций сельских административно-территориальных единиц в Советской России существенно менялось. Отчасти проблема заключалась в наличии мелких поселений, где и сельских советов-то не было, и вообще работа сельских советов только-только налаживалась, а с другой стороны, территорию требовалось как-то делить для удобства текущего управления. Дробление волости на более мелкие административные единицы отчасти обусловливалось исчезновением крупных по местным меркам землевладений (в том числе казачьих), земель войскового запаса и наделением иногородних землей. Видимо, местные руководители Милютинской волости и пришли к необходимости обозначать части волости районами для оперативности управления.

Проблема районирования территории Милютинской волости по отдельным сельским советам обсуждалась в волисполкоме и волкоме партии в мае 1924 г., и тогда пришли к мнению о необходимости проведения районирования, причем главным условием его осуществления являлось завершение нового волостного внутриадминистративного деления до момента «учета объектов облож[ения] един[ого] с/х [сельскохозяйственного] налога». Также при укрупнении сельских советов предлагалось «руководствоваться подбором соответствующих работников»[2]. Поднимался вопрос и о проведении районирования Морозовского округа в целом[3].

В условиях отдаленности от областного центра Донской области в Милютинской волости (сама станица находилась на расстоянии 270 км к северо-востоку от Ростова-на-Дону) возникали вполне естественные настроения решить вопрос о вхождении волости в составе Морозовского округа в административное подчинение Царицынской губернии, которая реально просуществовала (при известных допущениях ситуации Гражданской войны) с 7 сентября 1918 г. до 10 апреля 1925 г., когда ее переименовали в Сталинградскую губернию. Так вот на заседании бюро Милютинского волкома РКП(б) 7 апреля 1924 г. (протокол № 12) местные большевики решили: «Поручить т.т.[товарищам,] отъезжающим на пленум

[1] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

[2] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 27об.

[3] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

[Морозовского] окркома и фракции окрисполкома, отстаивать лично, по присоединению Морозовского округа к Царицынской губ[ернии] С центром Морозовская»[1]. Как мы полагаем, у милютинских инициаторов административного перехода в подчинение Царицынской губернии имелись свои активные сторонники в морозовских инстанциях[2]. Увы, вскоре в том же 1924 г. Морозовский округ преобразовали в Морозовский район с уменьшением территории, хотя он еще просуществовал некоторое время до очередных советских административно-территориальных преобразований. Большая часть территории бывшего Морозовского округа с 1925 г. вошла в Шахтинско-Донецкий округ Северо-Кавказского края. На 1 октября 1924 г. территория Морозовского округа включала 4 района: Маньково-Березовский, Морозовский, Обливский и Тацинский, в которых в общей сложности насчитывалось 42 сельсовета и входивших в них 390 населенных пунктов. Все без исключения перечисленные выше районы вошли в Шахтинско-Донецкий округ Северо-Кавказского края. Кстати, до 2 июня 1924 г. этот округ входил в состав Украинской ССР.

Милютинская волость с первых чисел октября 1924 г. постепенно преобразуется в Маньково-Березовский район Морозовского округа. 3 октября 1924 г. в Милютинском волкоме партии рассмотрели полученную из станицы Морозовской выписку бюро окркома РКП(б) № 38 § 687 о составе Маньково-Березовского райисполкома и райкома партии[3].

На начало 1926 г. в Маньково-Березовском районе насчитывалось 3464 дворов[4]. В заключении Особого совещания Северо-Кавказской краевой рабоче-крестьянской инспекции (КрайРКИ), датированном началом января 1926 г., Маньково-Березовский район оценивался как имеющий «различные виды развития экономической мощи казачье-крестьянского хозяйства в отдалении от жел[езной] дороги»[5].

Однако вернемся к Милютинской волости, где поддержка мероприятий советской власти и проведение ее реальной политики обеспечивались, прежде всего, местными активистами, основу которых

[1] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

[2] Примечательно, что донской журналист Н.Ф. Погодин после посещения станицы Морозовской в 1923 г. дал повседневной жизни местного населения довольно негативные оценки, поскольку вся она сводится к сплетням, потреблению самогона и «жалкому дон-жуанству» (*Немиров Ю.А.* Николай Погодин – сотрудник «Трудового Дона» // Публицисты Дона и Северного Кавказа: сб. научных работ / отв. ред. Е.А. Корнилов. Ростов н/Д, 1978. С. 53).

[3] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 65об.

[4] ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 2. Д. 92. Л. 37.

[5] ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 2. Д. 92. Л. 3.

составляли большевики (члены и кандидаты в члены партии), комсомольцы (члены Российского коммунистического союза молодежи, или сокращенно – РКСМ) и женщины-общественницы. Кроме того, к проведению акций советской власти активно привлекалась беспартийная молодежь. В декабре 1923 г. успешно прошел I волостной съезд членов РКП(б)[1]. Однако далеко не все местные коммунисты оказывались «боеспособными единицами», готовыми без промедления повести за собой народные массы. Так, в сентябрьском отчетном докладе секретаря Маньково-Березовской ячейки РКП(б) в отношении активности местных партийцев говорилось: «Индивидуальных заданий членам было послано, некоторые члены отказывались ввиду малограмотности, отношение беспартийной массы к ячейке и членам ея недоброжелательное»[2]. Однако даже формирование достаточно многочисленного партийного актива не обеспечивало гарантии успешного взаимодействия большевиков с местным населением. Например, в сентябре 1923 г. в Селивановской комячейке насчитывалось 6 членов партии и 14 кандидатов в члены партии, но сложилось «отношение беспартийной массы к ячейке и ее членам недоброжелательное». Не налаживалась у селивановских коммунистов работа «среди женщин» «за неимением организатора», они особо не интересовались ходом политических событий и ситуацией в стране, ведь «газеты ячейкой не выписываются». Главное, селивановские партийцы установили взаимодействие с местной властью: «Отношение ячейки с райсоветом удовлетворительное»[3]. В тот же период в партийной ячейке агробазы «перегруженности таковой работы, собраний ячейки не было[,] и работы никакой не велось»[4]. Очевидно, и партийцев поглощали с головой житейские хлопоты, и им было «не до политики».

К тому же непосредственное влияние большевиков, строго говоря, ограничивалось лишь тремя районами Милютинской волости из восьми. Коммунистические ячейки (комячейки) функционировали: в станице Милютинской (само поселение, агробаза, детская колония № 1[5]), Маньково-Березовской слободе и Селивановской слободе, хотя в последней основная часть партийцев проживала в хуторе Варламовском, куда даже на некоторое время переносили место собраний этой комячейки. В решении бюро волкома РКП(б) 6 июля 1924 г. (протокол № 3) так и записали: «…для более реального улучшения

[1] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

[2] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 1. Л. 39об.

[3] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

[4] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

[5] В детской колонии № 1 комячейка 21 февраля 1924 г. прекратила свое существование, ввиду сокращения численности членов до двух человек, и их прикрепили к комячейке агротехнобазы (ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 6).

целесообразным признать на время перенесения центр[а] ячейковых собраний и друг[ой] текущей работ[ы] в Варламовский хут[ор], так как там большинство членов РКП(б), секретарю Селивановской яч[ейки] провести в жизнь»[1]. Правда, поняв совершенную политическую ошибку, уже 26 июля 1924 г. они признали, что «необходимость созыва ячейковых собраний в хуторе Варламове миновала, общие яч[ейковые] собрания перенести в сл[ободу] Селивановскую»[2].

На 26 июля 1924 г. ячейки РКП(б) отсутствовали в следующих 5 районах Милютинской волости: Ильинском, Лукичевском, Николо-Березовском, Процико-Березовском и Степано-Савченковском[3]. Однако большевики, образно говоря, держали руку на пульсе, поскольку контролировали Милютинский волостной исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов через члена партии, председателя ВИК Черкасова и фракцию РКП(б) в волисполкоме, которой, в общем-то, и отдавали свои многочисленные распоряжения. Примечательно, когда в начале сентября 1924 г. председатель Милютинского волостного исполкома Черкасов собрался в отпуск, то волком партии постановил: «Предоставление натурой месячного отпуска не представляется возможным дать, предоставив полумесячный отпуск натурой и выдав за ½ м-ца [месяца] компенсацию, согласно кодекса законов, трудовой отпуск считать с 15/IX-24 г.»[4].

Но действовали большевики и напрямую, взять хотя бы то же решение об административном делении, рассылая циркуляры, указания и пр. В этом и заключалась особенность советской системы управления, когда формально юридически основным органом власти являлись советы, а фактически управляла коммунистическая партия. Правда, в 1920-е гг. эта управленческая конструкция не являлась достаточно прочной.

Власть большевиков на местах осложняли наличие и относительно активная деятельность скрытой вооруженной оппозиции. Банды (или в современной терминологии «повстанцы») периодически тревожили местных партийных и советских работников даже в 1924 г. И хотя фактов их физического устранения в Милютинской волости в указанное время мы не обнаружили, но настораживает устойчивое стремление милютинских большевиков обязательно сохранить в личном распоряжении членов РКП(б) оружие. 28 марта 1924 г. бюро Милютинского волкома партии, несмотря на получение постановления бюро Морозовского окркома РКП(б)

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

[2] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

[3] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

[4] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

о необходимости сдачи оружия коммунистами в отряд ЧОН[1], решило «от сдачи оружия в ЧОН воздержаться»[2]. 5 сентября 1924 г. бюро Милютинского волкома партии рассмотрело на своем заседании вопрос «Об истребовании оружия для ячеек РКП(б) по волости» и вполне определенно постановило: «Ввиду того, что период данного года, является стимулом к появлению банд вообще, а также их появление в Милютинской волости, просить окрком и совет ЧОН о выдаче оружия по числу 24 коммунистов, а также и патрон[ов]»[3]. Из процитированного документа мы узнаем о сезонной периодичности появления банд (повстанцев), видимо, это происходило после уборки урожая (ибо эти группы собирались из числа местных жителей); о наличии таких антисоветских формирований в Милютинской волости; об ограниченной численности коммунистов в достаточно большой по территории волости (всего 24 человека) и о насущной потребности вооружения всех без исключения членов коммунистической партии, причем непременно получения ими оружия с соответствующим боекомплектом. Такое настойчивое требование объясняется и тем фактом, что на своевременное появление в Милютинской волости Морозовского отряда ЧОН милютинские большевики не рассчитывали. Тлеющее социальное недовольство могло привести к чему угодно, поэтому местные партийцы считали для себя важным перестраховаться на всякий случай, как говорится, от греха подальше. Мы подчеркиваем, массового социального противодействия в волости не наблюдалось, но недовольных хватало, причем даже в рядах самих большевиков.

Некоторые члены партии подавали заявления об их исключении из рядов РКП(б) по собственному желанию. Так, 21 февраля 1924 г. Милютинский волком партии рассмотрел заявление члена РКП(б) «Селивановской ячейки Шевелькова об исключении его из партии по его личному желанию». Партийный орган проанализировал поданное заявление и вынес следующее решение: «Принимая во внимание, что Шевельков состоял в партии по недоразумению и являлся в таковой лишним балластом и в беседе с последним можно констатировать, как вполне несознательного элемента, а посему из членов РКП(б) исключить без права вступления в партию РКП(б), партбилет № 216727»[4].

---

[1] *ЧОН* (части особого назначения) – эти военно-партийные отряды оказывали помощь органам советской власти в борьбе с контрреволюцией, несли караульную службу по охране особо важных объектов и пр. Они создавались с 17 апреля 1919 г. и функционировали до 1925 г. при партийных органах волостей, уездов, губерний и т.д. Соответственно свой окружной отряд ЧОН существовал и в Морозовской станице.

[2] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 11об.

[3] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

[4] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 6об.

Не отличались чистоплотностью в ведении дел и фигуры волостного масштаба. После увольнения с должности секретаря Милютинского волкома партии и перехода на военную службу коммуниста Перфильева неожиданно обнаружилась из-за его волюнтаристских действий финансовая задолженность волкома РКП(б), ввиду «израсходованных им сумм по устройству клуба и проч.». 1 марта 1924 г. Милютинский волком партии принял следующее решение по этому поводу: «Просить [Морозовский] окрком РКП об удержании жалования т. Перфильева 52 руб. 89 коп., т.к. он производил расходы самопроизвольно, не имея на это ни бюджета, ни протокольного постановления волкома и даже личного согласия членов бюро волкома, т.к. т. Перфильев брал мастера по (далее следует неразборчивое слово.[1] – А.С.). По его, Перфильева, словам, что мастер Тюриков бесплатный и за др[угие] работы уплатить средства найдутся, а в результате оказалось: средств никаких нет[,] и после сдачи Перфильевым должности секретаря Волкома, Волкому предъявили ряд счетов для оплаты, всего на сумму около 200 руб. зол., (т.е. червонцами. – А.С.) около половины задолженности относится к личному долгу[,] и означенная сумма 52 руб. 89 коп., на которые имеются долговые расписки с печатью волкома и требующие немедленной оплаты[,] и если окркому не из чего удержать, то волком просит сообщить в часть по месту службы Перфильева об удержании вышеупомянутой суммы»[2]. В общем, партиец явно перепутал свой личный карман с партийной кассой, откуда брал деньги не только на общественные нужды, но и для удовлетворения своих собственных потребностей, как говорится, не стесняя себя в потраченных средствах и ни в чем себе не отказывая.

Недостаток финансовых средств заставлял милютинских большевиков изыскивать их не только путем проверки и розыска задолжавших коммунистов. 28 марта 1924 г. после заслушивания доклада заведующего клубом Суслова бюро волкома партии решило: «Спектакли ставить платные, т.к. театр есть единственный доходный источник клуба. На случай празднований и друг[их] агит[ационных] моментов, спектакли ставить бесплатно»[3]. Действительно, созданный и контролируемый волкомом партии клуб должен был прино-

[1] В этом случае в документе допущено какое-то характерное для того исторического времени местное сокращение «домзака» (выполненное рукописно), которое мы прочли как домашний заказ, то есть по этой логике получается, что секретарь Милютинского волкома РКП(б) обращался для выполнения определенного объема работ к мастеру по домашним заказам, вероятно, по домашнему хозяйству, и/или занимавшемуся мелкой починкой, чем-то небольшим по объему трудозатрат.

[2] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 8–8об.

[3] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 10об.

сить хоть какой-то доход, ведь партийная касса не является «бездонной ямой», да и у волисполкома финансы зачастую «поют романсы». Об этом, в частности, свидетельствует решение, принятое в отношении демобилизованных красноармейцев 1901 г.р., возвращавшихся после окончания воинской службы в РККА домой, в населенные пункты Милютинской волости, и нуждавшихся в оказании помощи. Бюро Милютинского волкома партии по докладу председателя волисполкома Черкасова приняло 24 апреля 1924 г. следующее развернутое постановление: «Предложить фракции Волисполкома выделить возможный фонд из вол[остного] ККОВ [комитета крестьянской общественной взаимопомощи] и сель[ских] ККОВ и забронировать его за прибывающими демобилизован[ными] кр[асноармей]цами 1901 [г.р.], а также предложить всем членам РКП(б)[,] работающим в с/х [сельскохозяйственных] кооперациях[,] снестись с фракцией ВИКа на предмет помощи дем[обилизованным] кр[асноармей]цам. 2) Возбудить ходатайство перед [Морозовским] окркомом [окружным комитетом] РКП(б) на предмет предупреждения фракции [Морозовского] окр[ужного] исполкома, чтобы она не снабжала демоб. [илизованных] кр[асноармей]цев предписаниями на предмет оказания им помощи на местах, ибо это самое порождает неприятные последствия – подрыв авторитета местной власти, которая выражается в неудовлетворении их и по предписаниям за отсутствием средств и фондов»[1].

Из-за бюрократической неразберихи порой несвоевременно выплачивалось денежное содержание отдельным советским работникам, от чего страдали даже добросовестные местные руководители. Так, Милютинский волисполком вынужден был оказать срочную материальную помощь секретарю волкома РКСМ Беседе. В решении бюро волкома партии от 5 мая 1924 г. подчеркивается: «Поручить фракции ВИКа выдать взаимообразно тов. Беседа двадцать руб[лей] зол[отом] 2) Открыть ходатайство перед [Морозовским] Окркомом [окружным комитетом] РКП(б) на предмет скорейшего решения вопроса [Морозовским] Окркомом [окружным комитетом] РКСМ по оплате секретаря Волкома РКСМ. Ибо состоящий в данное время секр[етарь] Волк[ома] РКСМ тов. Беседа, по инициативе Окркома РКСМ снят с должности секрет[аря] ВИКа более двух месяцев и никем не оплачивается»[2].

Эта история с ограниченностью возможностей оплаты труда руководящих работников имела продолжение. Поскольку работа на должности секретаря волкома РКСМ не оплачивалась, 16 июня 1924 г. бюро волкома РКП(б) решило снять с должности заведующего клубом станицы Милютинской Кузнецова и направить его заведующим

[1] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

[2] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 22об.

избой-читальней в слободу Маньково-Березовскую, а соответственно освободить с этой должности заведующей избой-читальней Бондыреву. На должность секретаря волкома РКСМ временно назначался Ст. Ковалев с оплатой по должности заведующего Милютинским клубом без исполнения обязанностей библиотекаря. Бывший секретарь Милютинского волкома РКСМ П. Беседа возвращался на должность секретаря Милютинского волисполкома. Причем эти кадровые перемещения делались одномоментно, и лишь позже их собирались утвердить на Милютинской волостной конференции РКСМ[1]. Очевидно, что перечисленные работники испытывали определенные материальные трудности.

Чтобы в некоторой степени представить уровень доходов местного населения, обратимся к шкале существовавших в Милютинской волости для членов РКП(б) партийных взносов. 28 марта 1924 г. в волкоме РКП(б) на основе доклада секретаря волкома партии Лебедева состоялось «утверждение градации в парткассу взаимопомощи на март». Партийцы установили четыре уровня «градации», когда в зависимости от получаемого оклада для каждого члена РКП(б) высчитывался соответствующий взнос. Первый уровень колебался в пределах суммы от 20 до 35 рублей, и в этом случае определялся обязательный взнос в размере 0,5 % (т.е. от 10 до 17,5 копеек). Второй уровень градации фиксировался в пределах от 35 до 50 рублей, и при таком окладе обязательный взнос достигал 1 % (т.е. от 35 до 50 копеек). Третий уровень для уплаты взносов находился в пределах от 50 до 65 рублей, и надлежало внести сумму в размере 2 % от получаемого оклада (т.е. от 1 рубля до 1 рубля 30 копеек). Четвертый уровень определялся в пределах от 65 до 85 рублей, и тогда обязательный взнос в партийную кассу взаимопомощи составлял уже 2,5 % (т.е. от 1 рубля 60 копеек до 2 рублей 10 копеек)[2]. Тем самым можно определить порог бедности для рассматриваемого исторического периода в Милютинской волости при получении ежемесячных доходов человеком ниже 20 рублей, а порог благополучной, очень зажиточной жизни наступал, по мнению милютинских большевиков, при доходах свыше 85 рублей в месяц.

Взаимодействие между двумя органами власти в Милютинской волости, между волостным комитетом РКП(б) и волостным исполнительным комитетом совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов складывалась достаточно успешно. Так, в воскресенье 24 февраля 1924 г. днем они провели в честь 6-й годовщины Красной армии парад на волостной площади, к которому привлекли допризывников 1903 г.р. и наличествующий

[1] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 33об.

[2] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

в волости командный состав, а вечером прошло торжественное заседание, посвященное новому советскому празднику[1].

Примечательно, что сами местные партийцы далеко не всегда поддерживали политический курс правящей партии. Скажем, летом 1923 г. секретарь Селивановской комячейки открыто выразил свое негативное отношение к бедноте. По его мнению, ККОВы не должны «лежебокам помогать»[2]. Замечались тогда и «шероховатости» в деятельности председателя ВИК Черкасова, который, по данным отчета волкома РКП(б) за октябрь 1923 г., «нетактично и не политично подходит к ним («шероховатостям». – А.С.), на что было недовольство и даже жалобы»[3], хотя работа волисполкома в целом признавалась удовлетворительной.

Более печальная история произошла с председателем Процико-Березовского районного совета, членом РКП(б) Белоусовым. 28 марта 1924 г. бюро Милютинского волкома партии рассмотрело вопрос о его соответствии занимаемой должности и предложило волисполкому снять Белоусова с работы, «выдвинув вместо него соответствующего т-[овари]ща из чл.[енов] совета»[4]. Милютинский волисполком выполнил это партийное решение, а когда еще более детально разобрались, то простым снятием с должности не ограничились. Поскольку Белоусов являлся членом партии, председатель волисполкома Черкасов вновь обратился в Милютинский волком РКП(б) с предложением о заведении уголовного дела «за халатное отношение к работе» в отношении бывшего председателя Процико-Березовского сельского совета, члена РКП(б) Белоусова. Бюро Милютинского волкома партии санкционировало «заведение дела в судебном порядке» и поставило в известность Морозовский окружной комитет РКП(б)[5]. Что точно сотворил Белоусов, в архивном деле не указывается, но немного проливает свет на существо вопроса следующее решение Милютинского волкома от 17 июля 1924 г. (протокол № 12) «Об исключении из РКП(б) тов. Белоусова». Процитируем дословно принятое постановление: «Ввиду того, что тов. Белоусов не являлся более 6 м[еся]цев на парт.[ийные] собрания и не платил член.[ские] взносы, считать механически убывшим и просить [Морозовский] окр[ужной]ком[итет] санкционировать»[6]. Судя по всему, насколько мы изучили практику работы руководящих работников сельских работников того времени, вышеназванный сельсоветчик

[1] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

[2] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

[3] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 1. Л. 21об.

[4] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 11об.

[5] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

[6] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

банально запил, или, что менее вероятно, просто занимался своими хозяйственными делами[1], а на исполнение возложенных служебных обязанностей не обращал никакого внимания.

К тому же, несмотря на бдительный классовый контроль со стороны большевиков, на всем протяжении исторического периода 1920-х гг. в станичных и сельских советах присутствовали представители «социально чуждых» коммунистической партии групп и слоев. Так, на проходившей 9–11 ноября 1924 г. XIV Шахтинско-Донецкой окружной партконференции однозначно признавалось наличие в низовом советском аппарате недостойных сотрудников, поскольку в местных советах еще продолжали работать бывшие «атаманы, полковники и т.д.»[2].

При такой социально-профессиональной ситуации в местных советах вполне понятна радость участников вышеназванной окружной партконференции обратной передаче Шахтинско-Донецкого округа из состава Украины Северо-Кавказскому краю. Присутствовавшие на конференции представители краевого руководства с удовлетворением отмечали политическую важность вхождения нового округа в состав края, где имелась заметная пролетарская прослойка шахтеров. Это виделось весьма уместным для Северо-Кавказского края, который «представляет из себя не только крестьянский край, но и казачий край, край по преимуществу контр-революционный»[3].

Социальный состав населения оказывал влияние и на состояние дел внутри самой правящей партии. Некоторых милютинских большевиков вовсе не увлекала партийная работа в рамках своей комячейки, где товарищи настаивали на персональной ответственности за порученное дело, где по-деловому требовали обсуждать актуальные хозяйственные вопросы местного значения. Эти коммунисты, в частности из Милютинской комячейки, с большим удовольствием выступали на собраниях граждан, «но никак от организации, а индивидуально»[4]. В таком случае и спрос с тебя меньше, и себя во всей красе неоцененных талантов можно показать, и кого-то другого «пригвоздить» в общественной дискуссии. Чем-то они напоминали героя из известного рассказа В.М. Шукшина «Срезал» Глеба Капустина из деревни Новой, который приходил на общественные

[1] Такую модель поведения демонстрировал председатель станичного совета станицы Еланской осенью 1925 г., который на работе появлялся только утром «с помятой физиономией», а потом исчезал и занимался своими делами (*Панкова-Козочкина Т.В.* Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014. С. 294).

[2] ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 45. Л. 93.

[3] ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 45. Л. 64.

[4] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

собрания, посиделки по случаю и «срезал» очередного знатного гостя, прибывшего в деревню.

Осенью 1923 г. в Милютинской волостной парторганизации возник внутрипартийный скандал, в связи с прибытием на должность секретаря волкома ВКП(б) Коломыйцева, который вскоре раскритиковал практически всю деятельность местных большевиков: «со вступлением его в должность Секретаря Волкома он нашел организацию Милютинской волости очень слабой. Члены партии[,] состоя на советской работе[,] забывают о партийной работе. Работа среди женщин ведется слабо ввиду того, что сам волорганизатор слабо подготовлен к работе. РКСМ работа ведется слабо, но налаживается. Организован клуб, ведется кружковая работа. Работа по выполнению Единого Сельхозналога, но есть слабые стороны, наблюдаются на местах лица, тормозящие делу… Взаимоотношения членов РКП(б): атмосфера сгущенная»[1]. Особенно всех членов волкома партии возмутил приведенный факт избиения граждан в кабинете начальника милиции Петушкова. В свою очередь, Петушков стал отвергать обвинения в свой адрес об избиении граждан в служебном кабинете и о своей связи с конокрадами, а также сразу предъявил претензии в превышении должностных полномочий члену волкома партии Миронову и председателю волисполкома Черкасову. Неожиданно всплыл в ходе разразившегося скандала факт приглашения Петушкова к народному следователю 3-го района, поскольку якобы работник суда Звенигородский поймал начальника милиции с поличным, но ему, дескать, простили прегрешения за его прошлые заслуги красного командира[2]. Сейчас трудно сказать, что же произошло тогда на самом деле, хотя, как говорится, дыма без огня не бывает. В общем, в центре внутрипартийного скандала волостного масштаба оказались новый секретарь волкома РКП(б) Коломыйцев и начальник волостной милиции Петушков, при этом стали очевидными «местничество и кумовство между отдельными членами партии». Теперь же срочно требовалось наладить настоящую партийную сплоченность, пресечь возникшие внутрипартийные разногласия, «поднять авторитет т. Петушкова», принципиально осудить «некоммунистическую тактику т. Звенигородского, который ведет агитацию среди народных масс против т. Петушкова», обратить особое внимание на «неправильное понимание своих обязанностей и целей партии Секретарем Волкома» Коломыйцевым, а главное – поправить «все шероховатости, возникшие в Милютинской организации», «уладить взаимоотношения среди членов партии»[3].

[1] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

[2] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 1. Л. 12об.

[3] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, 13об.

Деятельность Петушкова на посту волостного начальника милиции завершается 7 августа 1924 г., когда его по персональному организационно-партийному запросу из Морозовского окружного комитета РКП(б) бюро Милютинского волкома партии командирует в станицу Морозовскую[1].

Завершая наше повествование о советской повседневности первой половины 1920-х гг. на микроисторическом примере субрегиона Дона, вновь вернемся к тезисам статьи Татьяны Павловны, один из которых мы рассматриваем в качестве итогового вывода. Как подчеркивала Т.П. Хлынина, «усилия истории советского повседневья как раз и сосредотачиваются на выявлении “пограничных зон” взаимодействия большой публичной жизни общества и ежедневных стратегий выживания составляющих его социальных групп, классов, этнических и социальных “вкраплений”»[2]. Именно эту идею мы и пытались реализовать в представленной статье.

[1] ЦДНИРО. Ф. 3479. Оп. 1. Д. 2. Л. 50об.

[2] *Хлынина Т.П.* Советское повседневье в пространстве «большой» истории… С. 43.

Бюджеты рабочих г. Владикавказа как источник по истории повседневной жизни периода нэпа

С.А. Хубулова

В последние десятилетия социальная история, история повседневности стали теми направлениями исторической науки, которые привлекают своими широкими исследовательскими возможностями многих ученых. Заложенные школой «Анналов» методы и принципы нашли свое продолжение в отечественной историографии, вовлекая в научный оборот ранее не использовавшиеся источники. Специалистами установлено, что повседневность – явление синтетическое, вбирающее в себя пласты политические, социально-экономические и культурно-бытовые. Именно это обстоятельство позволяет переосмыслить научный опыт предшественников, а также проанализировать весь спектр жизненных практик через призму повседневности.

В региональных исследованиях также наметилась тенденция к расширению исследовательского поля, увеличению методологического пространства повседневной истории. Предметом изучения стали повседневные практики различных слоев населения, разных эпох. При обилии разноплановых источников все же трудно очертить границы того, что же представлял собой общественный быт городов страны этого времени[1].

Среди пионерских работ, задавших методологический вектор исследовательского поиска, можно назвать изыскания ростовской исследовательницы Т.П. Хлыниной. Являясь разносторонним ученым, чутко улавливающим происходящие в исторической науке перемены, Татьяна Павловна сразу поняла, сколь необходимо развивать и наполнять пространство повседневной истории на региональном материале. Методологически выверенной и прорывной стала ее небольшая, но очень ценная статья «Советское повседневье

[1] *Хлынина Т.П.* Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп, 2005.

в пространстве “большой” истории: проблемы и возможности “малого” жанра»[1]. Автор указывает, что термин «повседневье» оказывается более точным, «т.к. указывает не на определенный тип существования, который требует внятно очерченного пространства и противопоставления “не-быту”, а на форму этого самого существования, которая может привноситься в любой вид деятельности. Более того, повседневье так же регламентировано, как и официальная публичная жизнь граждан, поэтому оно “спокойно” уживается с вторжением в его пространство производственной, политической и идеологической необходимости времени». Свои научные выводы она реализовала, занимаясь историей советской эпохи, обращение к которой, по мнению исследователя, связано как с недостаточной изученностью жизненного мира советских граждан, так и с тем, что «он оказался весьма устойчивым к переменам последующих десятилетий» и даже выводит на широкие обобщения. Автор делает вывод о том, как глубокое проникновение в жизненные стратегии граждан страны Советов способствует пониманию сущности советского строя[2].

Особое место в истории повседневности занимает такой фронтирный период, как нэп, в рамках которого формировались социально-экономические и культурно-бытовые сферы жизни постреволюционного общества, внедрялись новые принципы организации бытия и перелицовки жизненного пространства, что должно было кардинально изменить городскую повседневность[3]. В 1920-е гг. вся страна пришла в движение: курс на индустриализацию способствовал тому, что людские потоки из деревни в город, из одной местности в другую приводили к активной миграции, а это, в свою очередь, – к росту городов, связанных с формированием промышленности, а также увеличению удельного веса рабочих, которые являлись главной опорой новой власти.

В рамках данной статьи сделана попытка вычленения основных сфер повседневной жизни рабочих нэповского Владикавказа. Своеобразное стратегическое положение города наложило отпечаток на все стороны жизни населения, повторяя общероссийские закономерности, в то же время подчиняясь региональной специфике

---

[1] *Хлынина Т.П.* Советское повседневье в пространстве «большой» истории: проблемы и возможности «малого» жанра // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 41.

[2] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011. С. 19.

[3] *Гапеева М.С.* Человек в меняющемся обществе: повседневная жизнь городских обывателей Терской области в 1917–1920 гг.: дис. … канд. ист. наук. Владикавказ, 2007. С. 103.

места, связанной с комплексом природно-климатических, этнодемографических, социокультурных условий, проявлявшихся в повседневной жизни городских обывателей[1].

Повседневная жизнь Владикавказа на фоне нэпа, когда в условиях фронтира, перехода от устоявшегося положения вещей к новациям основными вопросами являлись не только некоторое улучшение материального положения, более разнообразный, по сравнению со временем Гражданской войны, досуг, но и бытовая неустроенность, связанная с муниципализацией, нехваткой предметов первой необходимости, безработица, система социального фильтрования и в целом борьба за выживание – факторы, формировавшие осознанную рефлексию, оценку происходящего.

Нэп оказался удобен и выгоден прежде всего горожанам. Это вызывало у сельского жителя зависть и желание пользоваться наравне с горожанами плодами новой жизни. Город поглощал и переделывал вчерашних крестьян. Кто-то хотел стать рабочим, кого-то привлекала эфемерная надежда на легкий заработок. Город был желанным местом обретения дома и работы для многочисленных беженцев, которые долгое время вынуждены были находиться вдали от своего жилища. По долгосрочным планам большевиков, город должен был стать символом новой жизни, новых ценностей на принципах социалистического переустройства общества, хотя эти планы реализовывались медленно и с издержками.

Созданный новой властью конфликт между желанием преобразования и небогатыми возможностями разрешался самими же людьми в коллизиях повседневности.

Понятие быт включает в себя несколько взаимосвязанных составляющих – подсистем, в рамках которых протекает бытовая деятельность. В данном случае мы выделяем следующие: материальное потребление, домашний быт, здоровье, досуг. Повседневную жизнь семьи владикавказского рабочего мы попытаемся проследить на материалах бюджетных обследований 1920-х гг.

Все отложившиеся бюджеты мы разделили на 6 групп в зависимости от материального благосостояния и заработной платы рабочих[2].

Главным источником, питающим бюджет семьи, являлась зарплата ее членов. Однако источник этот не являлся единственным: имелись и другие разнообразные источники для пополнения зарплаты.

---

[1] *Хубулова С.А., Гапеева М.С.* «Маленькие люди» в «большой истории»: повседневная жизнь владикавказских обывателей в 1917–1920 гг. Владикавказ, 2007. С. 52.

[2] *Хубулова С.А.* Повседневная жизнь владикавказских обывателей на фоне нэпа. Владикавказ, 2014.

Итак, трудовые доходы. По довоенным бюджетам зарплата членов семьи составляла около 95 % всего прихода. В годы революции статья эта претерпела некоторые изменения. Вспомним общую обстановку в годы Гражданской войны, когда намечалась попытка совершенно уничтожить зарплату: все должны были работать и получать установленный пищевой и одежный паек, квартиру, коммунальные услуги и проч.

Само содержание статьи «зарплата» в послереволюционный период несколько изменилось: в довоенных бюджетах учитывали только прямую зарплату членов семьи, в бюджетах 1920-х гг. непосредственно с зарплатой связываются еще доходы по социальному страхованию, те доходы, которые являлись реальными поступлениями в семью почти исключительно в денежной форме. Совокупность этих доходов (зарплата плюс пособия по социальному страхованию) можно обобщить под одним названием «трудовых доходов».

Размер суммы трудовых доходов семьи возрос с 1922 по 1926 гг. с 25,2 до 44,6 бюджетных руб., или на 77 %, в то же время общая сумма дохода семьи возросла на 62 %.

Зарплата главы семьи по основному занятию являлась важнейшим источником пополнения семейного бюджета. С 1922 по 1926 гг. зарплата главы семьи выросла на 64 %. Изучая структуру бюджета рабочего, следует отметить его дефицитность, т.к. заработная плата оказалась ниже среднего уровня жизни городского населения. Даже повышение зарплаты не могло догнать рост цен. Поэтому приветствовалось, когда другие члены семьи работали, например, жены нанимались прачками, выполняли надомную работу, дети устраивались разносчиками газет, папирос и др.

Вне трудовых доходов все прочие доходы главы семьи незначительны. Доход от домашнего хозяйства во Владикавказе составил 8 %. По доходной части можно сделать следующее заключение: за рассматриваемое время новая власть сумела поднять общее благосостояние рабочих, перешагнув уровень их довоенного бюджета.

В обзоре расходной части мы попытаемся установить размеры отдельных ее статей, изменения, связанные с улучшением материального положения рабочих, и степень удовлетворения потребностей рабочей семьи на различных ступенях благосостояния. В удовлетворении потребностей первого порядка, т.е. насущно необходимых, вообще-то можно допустить большое разнообразие. Если взять две группы семей рабочих, где первая будет иметь свой общий материальный достаток в 2–3 раза меньше, чем у второй, то в этом случае расходы первой группы будут полностью погашены удовлетворением потребностей первого порядка, насущно необходимых (жилище, пища, одежда), в то время как вторая группа, удовлетворив в той же

степени эти потребности, будет иметь возможность удовлетворить потребности второго и третьего порядка.

Расходы на жилище составляли примерно 15 % месячного расхода семьи. Как правило, семья из первой группы, состоящая из 5 человек, проживала в небольшой комнатушке или в части дома без удобств, с минимальным количеством мебели, иногда отсутствием постельного белья. В комнате нередко царила антисанитария, следствием чего были тараканы, клопы, клещи и проч. Были и более ужасающие условия жизни, когда полом служила утрамбованная земля, в комнате было сыро и убого.

В семьях более существенного достатка жилищные условия отличались от описанных выше: комнаты просторнее, светлее, обстановка – богаче. Хозяйки украшали жилище портретами вождей, лубочными картинками. Семья располагала несколькими кроватями, столом, стульями, комодом, а то и шифоньером. Такое жилье обходилось в 9–10 % от заработка.

В высших группах рабочих семьи могли иметь собственный небольшой дом, как правило, в рабочем районе (к примеру, на Курской слободке), при доме хозяйки разбивали небольшой палисадник с цветами. В доме был деревянный пол, который мыли два-три раза в неделю, занавески на окнах.

За такое жилье нужно было и платить больше, расходы составляли не менее 15 % заработной платы.

Так же, как и жилище, питание является необходимой потребностью человеческого существования. Расход на питание в среднем для обследованных семей сохранял все время устойчивый вес в бюджете с незначительными колебаниями и в денежном выражении, таким образом, рос наравне с увеличением общего размера бюджета. В денежном выражении расход на питание дал увеличение с 1922 г. по 1926 г. до 23,0 руб., или в 1,5 раза. Вся сумма расхода на питание может быть разбита на 3 группы: 1. Питание дома; 2. Питание вне дома; 3. Мелкие расходы на питание (пирожки в буфете, квас, вода и проч.).

Последние две статьи дают ничтожное значение и в сумме всего бюджета, и в общем расходе на питание. Из суммы на питание вне дома израсходовано в 1922 г. 0,6 %, в 1926 г. – 1,7 %. Эти данные говорят о том, что в рабочей среде еще не развито внедомашнее питание.

Из опроса рабочих можно реконструировать примерную картину питания в семье. Завтрак не был питательным и состоял из хлеба, чая, в некоторых семьях подавали жареный картофель. В обед, как правило, щи, суп (нередко постный), кашу с салом или мясо. Наконец, на ужин к столу выносили остатки обеда[1]. Те горожане,

[1] Как питается советский рабочий. Ростов н/Д, 1929. С. 6.

которые не порвали связи с сельскими родственниками, могли разжиться сыром, творогом или яйцами. Питание было организовано спонтанно, не сбалансировано. В получку ели много, расходуя на еду существенную часть заработка, зато потом затягивали пояса до следующей получки.

Чем выше благосостояние семьи, тем больше денег она расходует на питание. Наиболее состоятельные группы семей рабочих в три раза полнее и лучше, чем семьи низшей группы, удовлетворяют потребность в питании, причем этот – в три раза больший – расход ложился на весь их бюджет почти в два раза меньше. В то время как беднейшие семьи расходовали на питание значительно более половины бюджета (почти две трети), более состоятельные из них расходовали немногим более одной трети. Иными словами, в то время как первая группа от удовлетворения двух основных потребностей – в жилище и питании – оставляет на покрытие всех прочих расходов только 22,7 % (или примерно 1/5), шестая группа имеет остаток от этих расходов 49,7 % или половину бюджета, который денежно превосходит остаток 1-й группы в 10 раз. Питание низших двух групп не обладает ни нужным количеством калорий, ни достаточным количеством белков и жиров животного происхождения. Третья группа близка к нормальному питанию, и последние группы обладают питанием свыше требующейся нормы. Нередко существенную часть семейного бюджета рабочие тратили на приобретение спиртного (12 % от расходов на питание).

Следующая статья расходов – одежда и обувь. Общий размер расходов на обувь и одежду в 1920-е гг. представлен следующим образом: в 1922 г. – 25,9 % к общей сумме расходов, в 1926 г. – 22,0 %. Если из приведенных цифр можно отметить некоторый рост расходов на одежду и обувь с колебаниями от 8 до 12 руб., то по отношению к общей сумме тяжесть этого расхода имеет неопределенные на протяжении всех обследований колебания от 22 до 29%, занимая в общем, таким образом, довольно большое место, равное около четверти всего бюджета.

В то время как низшая группа уделяет этой потребности 6,87 руб. или около 1/7 части своего бюджета, высшая группа дает на семью 40,59 руб., что составляет уже четверть бюджета. В денежном выражении семья расходует в высших группах в 6 раз, а в среднем – на взрослого едока даже в 9 раз больше, чем в низших группах. Эти данные выступают подтверждением гибкости такого расхода: понятие «нужного» в высшей группе в 9 раз более, чем то же понятие в низшей группе.

Вся сумма расхода, потраченная на одежду и обувь, составляется из нескольких статей: 1. Приобретение одежды, обуви, белья; 2. Шитье и починка; 3. Мелкие принадлежности для шитья;

4. Принадлежности туалета; 5. Стирка. Главнейший по размеру суммы расход относится к первой из них – приобретение одежды, и все остальные составляли небольшую часть этого общего расхода, сохраняя достаточно устойчивый удельный вес и по годам, и по экономическим группам.

Как правило, в период нэпа семьи покупали из года в год приблизительно одинаковые комплекты одежды и обуви, придерживаясь традиционной ценовой категории: сапоги, калоши, женская и детская обувь, тулупы, рубашки, юбки. Обращалось внимание не столько на модный дизайн, сколько на добротность и прочность, т.к. в семьях было принято носить вещи, передавая их от старших к младшим. Нередко хозяйки предпочитали экономить и шить нехитрые вещи домочадцам самостоятельно.

Следующая статья расхода – приобретение хозяйственных вещей – включает в себя такие расходы, как приобретение посуды, мебели, обстановки, предметов, являющихся украшением жилища. Материальное благосостояние способствовало увеличению расходов на приобретение вещей. Основными причинами такого явления можно предположить следующее. Весь домашний инвентарь за годы войн, революции, разного рода реквизиций и конфискаций пострадал больше всего. Для восстановления его потребовалось много времени. Но культура нэповского рабочего оказывается выше, нежели дореволюционного, поэтому повышаются требования к эстетике, функциональности хозяйственного обихода. И при возрастании бюджета семья стремится приобрести вещи высокого качества.

Расходы на гигиену складывались из следующих статей: 1. Расход на баню; 2. Приобретение мыла; 3. Стрижка и бритье; 4. Прочие мелкие расходы. В общем, расходы на гигиену выражались весьма мизерными цифрами. Незначительные расходы на гигиену можно предположительно объяснить следующими причинами: во-первых, нужно помнить, что обследование охватывает только фабрично-заводских рабочих, в большинстве обеспеченных бесплатной баней; во-вторых, не всегда понятны критерии распределения расходов на гигиену и иные нужды. Например, мыло можно квалифицировать как средство и гигиены, и стирки. В силу этих обстоятельств цифры расходов на эту статью несколько уменьшены по сравнению с фактическими. В общей сумме расхода на гигиену отдельные ее статьи имели следующие значения: баня – 33 %; мыло – 34 %; стрижка и бритье – 20 %; принадлежности для бритья – 5 %; прочие – 8 %.

Общий уровень бытовой культуры рабочих создавал базу для невысокого уровня расходов на санитарно-гигиенические нужды. Результатом этого являлись заболевания чесоткой, педикулезом и прочими болезнями, напрямую связанными с гигиеной. Анализ обследования бытовых условий рабочих местных предприятий

позволил выявить, что многие пролетарии купались не чаще одного раза в месяц, мылись на скорую руку. Поэтому остро стоял вопрос о развитии банно-прачечной сети. Чтобы внедрять культуру быта в среду рабочих, устанавливались в приказном порядке так называемые «помывочные дни».

Таким образом, расходы первой очереди (на еду, одежду, обувь и проч.) составляли львиную долю затрат рабочей семьи.

Расходы второй очереди (культурно-общественные, чтение и проч.) занимали небольшую часть бюджета. Это связано, во-первых, с затратами первого порядка; во-вторых, далеко не все трудящиеся осознавали необходимость и важность культурных потребностей. В семьях, где были дети школьного возраста, расходы составляли примерно 4 %, при этом семьи из разных групп тратили одинаковые суммы на приобретение канцелярских принадлежностей, приблизительно 3–4 руб.

Любимым местом досуга горожан были кинотеатры и театры, в которые старались попасть бесплатно, пользуясь льготными местами. Однако даже такие возможности не использовались в полной мере. Достаточно сказать, что рабочие первой группы за год посещали очаги культуры не более двух раз, а их жены – не были ни разу в театре или в кино. Семьи из этой группы предпочитали незамысловатые формы досуга: поход в гости, на гуляния или в парк. Рабочие из первых двух групп также не уделяли должного внимания семейному быту, но были заняты не общественной работой, а совсем другими делами. Период нэпа давал большие возможности для удовлетворения досуга в различных формах. Одной из таких досуговых ниш стали азартные игры и многочисленные трактиры, так приглянувшиеся нетребовательной публике. Обследование рабочих в 1923 г. показало, что карточные игры занимали в их досуге столько же времени, сколько танцы, охота, катание на коньках, игра на музыкальных инструментах, в шахматы и шашки, вместе взятые[1]. В рабочей среде развилась своего рода игромания, советские казино вовлекали горожан в сферу азартных игр, превращая их в рабов рулетки и виста. Ситуация приняла такие угрожающие размеры, что правительство вначале запретило открытие игорных домов в рабочих районах, но ввиду пустивших глубокие корни в среде гегемона азартных форм досуга, в мае 1928 г. СНК СССР предложил союзным республикам вообще закрыть все клубы и казино[2].

Не меньшее беспокойство у властей вызывало развлечение с проститутками. Если в 1920 г., согласно результатам опросов,

[1] *Орлов И.* Советская повседневность исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 175.

[2] *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920-х – 1930-х годов. СПб., 1999. С. 253–254.

в городе к услугам проституток прибегало 43 % рабочих, то в 1923 г. продажной любовью пользовался уже 61 %[1]. Можно предположить, что сопоставимые цифры в этот период демонстрировали и крупные советские города.

Столь разные жизненные установки не могли не порождать в семьях серьезных конфликтов. А это расшатывало семейные устои и вызывало хрупкость брака. Либерализацией развода широко пользовались недобросовестные мужчины, не желавшие «вешать хомут на шею». Многих выдвиженцев ленинского призыва уже не устраивали их прежние «некрасивые и невежественные» жены. Житейская мудрость 1920-х гг. гласила: «Партийный муж – плохой муж»[2]. Действительно, если он формально и оставался в семье, то быстро перерастал ее в идейно-политическом и культурном плане. На изменение семейного уклада оказало большое влияние вовлечение домохозяек в общественное производство и активную политическую работу.

Чтобы повысить культурный уровень рабочих, государство проводило беспрецедентную политику ликвидации неграмотности среди взрослого населения через ликбезы, курсы и др. В 1926 г. грамотность в среднем по РСФСР составляла 44,1 %, а в Северной Осетии была ниже этого показателя[3]. Одним из результатов переписи 1920 г. стали данные о степени грамотности населения Горской АССР: из 703 206 человек, проживавших на территории республики, грамотных насчитывалось 110 812 человек, что составляло 15,1 %. Причем среди горцев грамотных было значительно меньше. Они составляли всего 7,7 %. В среднем грамотность от переписи 1897 г. до 1920 г. возросла на 66,8 %, т.е. ежегодный рост составил 7,1 %. Другими словами, средняя годовая грамотность выросла в 2 раза. Население городов отличалось большей грамотностью: во Владикавказе – 52,6 %, в Грозном – 44,1 %, Нальчике – 34 %[4]. Как свидетельствуют архивные материалы, в конце 1921 г. во Владикавказском (Осетинском) округе функционировало 90 ликпунктов, а в городе Владикавказе – 43. В них обучалось 2155 человек[5]. Через год их численность возросла: в г. Владикавказ – на 20 школ, по Осетии – на 13. Всего же

[1] *Лебина Н.Б.* От поколения к поколению. Историко-социологический портрет молодого ленинградского рабочего. Л., 1983. С. 89.

[2] Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 162–163.

[3] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXXIX. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М., 1930.

[4] Отчет Горского экономического совещания за период январь–март 1922 года. Владикавказ, 1922. С. 35–36.

[5] Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 186. Л. 271.

в Горской республике насчитывалось 197 школ грамоты[1], в том числе для горянок. Как видим, общество «Долой неграмотность» было основательным и многофункциональным. К своей главной задаче – активному содействию ликвидации неграмотности – оно подходило не формально, а со всей серьезностью и ответственностью, используя эффективные методы работы и воздействия на граждан.

Результатом внедрения новых форм культурной работы стало увеличение количества грамотных, тяга к знаниям. Именно в среде простых обывателей все активнее приобретались газеты. Из шести изученных бюджетов рабочих Владикавказа четыре регулярно приобретали газеты и журналы.

Горский облисполком оказывал всяческое содействие работе по ликвидации неграмотности населения. Сохранились документы, свидетельствующие о конкретных предпринятых мерах[2]. Так, 17 ноября 1923 г. Горский облисполком издал декрет со следующими установками: «1. Все население ГССР в возрасте от 18 до 35 лет, не умеющее читать и писать, привлекается к обучению грамоте на родном и русском языках по желанию в течение 1923–1927 гг. так, чтобы обучение всего населения закончилось к 10-летию Октябрьской революции, т.е. к 7 ноября 1927 года… 3. Народному комиссару просвещения предлагается ликвидировать неграмотность в первую очередь среди организованного населения (членов партии, РКСМ, женотдела, членов профсоюзов, милиции, допризывников) с тем, чтобы ликвидация неграмотности среди указанных групп была закончена не позже 1 мая 1925 г.»[3].

Ликвидация неграмотности причудливым образом переплеталась с различными формами культурно-массовой работы среди горожан, посещавших ликпункты: чтение лекций, экскурсии, кино, организованы детские комнаты. Только во Владикавказе в марте-апреле 1923 г. 1 тыс. учащихся ликпунктов прослушали лекции, здесь было организовано 12 экскурсий[4].

В зависимости от социальной ниши, занимаемой семьей рабочего, строились и ее культурные запросы и потребности. Было установлено, что в группе семей, чей достаток был выше среднего, досуг был достаточно политизирован. Главы семей вели активную общественную работу, работали в разного рода комитетах и обществах, жены также являлись активистками. Расходы на общественно-политические цели в таких семьях были очень высоки – 6,7 %

[1] ЦГА РСО-А. Ф. Р123. Оп. 1. Д. 12. Л. 6–7.

[2] *Дзанаева С.Ф.* Формирование советского досуга населения Северной Осетии: автореф. дис. … канд. ист. наук. Владикавказ, 2008. С. 19.

[3] ЦГА РСО-А. Ф. Р81. Оп. 1. Д. 39. Л. 12.

[4] История г. Владикавказа: сборник документов и материалов. Владикавказ, 1990. С. 346.

бюджета при среднем уровне 3,2 %, но затраты на культурные цели составляли всего 1 %, хотя в определенной мере это объяснятся бесплатностью билетов на выставки и в музеи, различными скидками и пользованием библиотеками[1].

Приведем два выборочных обследования рабочих бюджетов, чтобы конкретизировать вышеизложенные выкладки.

Шевченко Даниил Тарасович, 45 лет, рабочий цинкового цеха завода «Кавцинк», к моменту обследования работал на заводе 10 лет, ударник, малограмотный, беспартийный, член профсоюза с 1920 г. Зарплату получал по ставке – 125 руб., фактически за декабрь 1927 г. получил 180 руб., из них на руки – 160 руб. Семья состоит из 10 человек: 8 детей и 2 взрослых. Двухкомнатная квартира 40 м^2, в подвальном помещении. Квартплата 15 руб. Получено 10 кг муки за ударную работу – 7 руб. 50 коп., мануфактура – 31 руб., уплачено за ясли – 10 руб., отдан долг в сумме 65 руб., уплатил за газету «Власть труда» – 2 руб. 50 коп., «Известия» – 2 руб. 50 коп. Итого 133 руб. 50 коп. Остальные деньги – 76 руб. 50 коп. – пошли на приобретение дополнительных товаров. Покупали в основном хлеб и керосин. Картофель брали раньше, другие овощи тоже. Мяса не покупали, молока нет. Помощь общественной организации: трое детей учатся в школе, где получают завтраки бесплатно, за счет завода, двум школьникам выданы ботинки бесплатно. «Назначен на диетпитание, но не ходит: нет денег. Не пьет, не курит. На заем подписался на 110 руб.»[2].

2. Гасиев Дзатей Исслиорович, 30 лет, рабочий свинцового цеха, работает на заводе 8 лет, малограмотный, учится в ликбезе. Зарплату получал по ставке 149 руб., за декабрь получил 186 руб., на руки 156 руб. Семья состоит из 3 человек. Двое взрослых. Жена не работает. Квартира состоит из одной сырой комнаты в 11 м^2. Дом Жилтреста. Расходы на квартиру – 4 руб. 80 коп., куплены детские ботинки – 20 руб., мануфактура – 36 руб., дамские туфли – 50 руб., штаны – 15 руб., членские взносы – 3 руб. 50 коп., освещение – 3 руб., газеты «Власть труда» – 2 руб. 50 коп., «Правда» – 2 руб. 50 коп., выкуплен паек – 10 руб. 40 коп., мука – 4 руб. 30 коп. Остальные 54 руб. на дополнительные продукты питания. Молоко покупают кружку на два дня, мясо – по пайку – 6 кг[3].

Проведенные в 1920-е гг. социологические исследования указывают на то, что мужья даже в рабочих семьях высокого материального

[1] *Корноухова Г.Г.* Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области): дис. … канд. ист. наук. М., 2004. С. 55.

[2] ЦГА РСО-А. Ф. Р56. Оп. 2. Д. 74. Л. 4.

[3] Выборочное обследование рабочего бюджета завода «Кавцинк». Ростов н/Д, 1930.

достатка не тратили много времени на домашнюю работу (от 1 ч до 2 мин в день), зато отдавали свободное время на самообразование либо участвовали в общественной работе.

Не отложилось документов, подтверждающих или опровергающих наличие забастовок в среде рабочих города. Более того, если, например, в г. Грозном в 1922 г. зарегистрировано выступление рабочих службы путей, недовольных насильственным отчислением в пользу голодающих, то в этот же период рабочие Владикавказа восприняли это обстоятельство спокойно[1].

Некоторые рабочие интересовались проблемами внешней политики, т.к. опасались начала новой войны. Значительная часть рабочих Владикавказа интересовалась международными событиями, активно реагировала на ситуацию в Европе и Китае, отразившиеся на внешней политике СССР. Политическим просвещением занимались специально созданные для интернационального воспитания объединения трудящихся города[2]. Слушатели пытались реагировать, высказывать свое мнение по этим вопросам.

Приведенный анализ бюджетов рабочих г. Владикавказа позволяет сделать ряд выводов: во-первых, достаток семей был скромный, домочадцы не могли позволить себе полноценного питания, хорошей одежды, но не голодали и могли периодически совершать покупки для домашних нужд. Хлеб чаще выпекался дома, т.к. это было дешевле, молоко, сыр, яйца составляли основной рацион, мясо и мясные изделия потреблялись реже, овощи включались в меню в основном в летне-осенний период, в остальное время – картофель и лук. Фрукты летом потреблялись в достатке, в зимне-весенний период – практически отсутствовали.

Растущая дороговизна коснулась также и промышленных товаров, поэтому горожане низкого материального достатка модным изделиям предпочитали добротные и традиционные вещи. Мебель, постельные принадлежности покупались в случае крайней необходимости. Как видно из анализа бюджета рабочих, расходы семьи примерно на 85–90 % поглощаются физиологическими потребностями в еде, одежде. Отрадным было то, что культурные потребности населения из года в год увеличивались, что также нашло отражение в структуре рабочего бюджета.

[1] ЦГА РСО-А. Ф. Р41. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[2] Культурное строительство в Северной Осетии. 1917–1977: сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1977. Т. 1. С. 250.

Советское общество и мир в межвоенный период: революция в инокультурных представлениях

А.В. Голубев

Среди многих актуальных и сложных проблем, которыми занималась Татьяна Павловна Хлынина, нашлось место и проблеме взаимовосприятия культур. Неоднократно она затрагивала эту тему в своих многочисленных исследованиях советской повседневности, в ноябре 2008 г. успешно выступила на всероссийской научной конференции «Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия».

В 2010 г. журнал «Российская история» подготовил тематический блок, посвященный истории взаимовосприятия, и там видное место заняла статья Т.П. Хлыниной[1].

* * *

Употребляя термин «революция» применительно к любому историческому процессу, исследователь берет на себя серьезную ответственность. Тем не менее трудно подобрать более подходящий термин, который описывал бы изменения, происходившие в восприятии мира советским обществом в первой половине XX в. При этом необходимо учитывать не только масштабы этих изменений, но и весьма краткий исторический срок, за который они произошли.

Представления об иных этносах, странах, культурах – неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания, ибо именно эти представления позволяют судить о том, как данная нация видит свое место в мире, как она определяет отношение своей культуры к другим культурам, своей системы ценностей – к системам ценностей иных народов. Эти представления, как правило, не только включают в себя те или иные мнения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. Они различаются

[1] *Хлынина Т.П.* Запад в восприятии советского человека 1920-х годов // Российская история. 2010. № 5. С. 38–48.

по степени их достоверности и детализации, а также – иногда существенно – по эмоциональной окраске; складываются исторически и зависят от ряда факторов – от того, кто выступал их носителем, а также от территориальной близости, длительности исторических связей с данным народом, характера этих связей и т.д.[1]

Эти представления различны по своему содержанию, хотя механизмы их формирования и функционирования практически идентичны. Например, в последнее время приобрела определенное признание концепция *географических образов* (*стереотипов*), сформулированная Д.Н. Замятиным: «Географические образы – это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные геопространственные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географически выделенными территориями»[2]. Однако если сам автор концепции подразумевает под географическими образами прежде всего «геопространственные представления», некоторые его последователи идут гораздо дальше. Как подчеркивает А.А. Василенко, «базовым для исследования является концепция географических образов», при этом «образ Германии понимается как определенная целостность ощущений и пространственных представлений, обусловленная знаниями о географии страны (природа, ландшафты, важнейшие реки и т.п.), а также представлениями о политическом устройстве страны, ее истории, культуре, быте, нравах и т.п.; причем разносторонние сведения о стране способствуют формированию устойчивого, целостного образа»[3]. Однако столь расширительное толкование географических образов трудно признать удачным: представления о политике, истории, культуре, быте и т.д. далеко выходят за рамки географии; более того, чисто географические представления играют в образе страны явно второстепенную роль.

В большинстве исследований, посвященных представлениям о внешнем мире, иных этносах, культурах, государствах, речь идет об *этнических стереотипах*, под которыми понимаются представления об этнических группах. Однако это понятие также характеризует явление односторонне, ибо подразумевает лишь представления

---

[1] Анализ литературы по данной проблеме см.: *Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998; *Леонтьева О.Б.* Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2015. № 2. С. 4–19.

[2] *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003. С. 183.

[3] *Василенко А.А.* Образ Германии в интеллектуальной среде России 30–40-х гг. XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2007. С. 18.

об определенных чертах национального характера, обычаях, особенностях быта. Но есть еще представления о тех или иных государствах, которые составляют важную часть картины внешнего мира, есть представления о мировой культуре и т.д.

Односторонний подход предполагает и другое часто используемое понятие – *внешнеполитические стереотипы*[1], ибо в этом случае за рамками остаются представления о географии, качества, свойственные той или иной нации, образ жизни и т.п. Вместе с тем внешнеполитические стереотипы по сравнению с географическими и этническими представляют собой следующий этап в восприятии внешнего мира.

Постепенно этнические и внешнеполитические стереотипы дополняются и частично вытесняются *инокультурными стереотипами*, которые включают в себя, помимо прочего, представления о той или иной национальной истории, культуре, современной жизни. Именно на основе инокультурных стереотипов возникают *образы*, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы[2]. Вместе с тем термин «инокультурные стереотипы» может применяться и как относящийся ко всей совокупности устоявшихся представлений о внешнем мире (этнических, внешнеполитических и пр.)[3].

В течение XVIII–XIX вв. в народной культуре доминировали традиционные представления. Степень мифологизации представлений о внешнем мире напрямую зависела от отсутствия информации, которое, в свою очередь, было связано не только с недостаточными возможностями ее получения, но зачастую и с отсутствием интереса. Неоднократно отмечалось, что крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения страны, «к истории других народов относятся равнодушно и не любят слушать про них чтение»[4]. Это же

[1] Этот термин был предложен еще в 1960-е гг. (наравне с «дипломатическими стереотипами»). См.: *Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. С. 76–103. С середины 1990-х гг. он широко включается в научный оборот. См.: *Голубев А.В.* Запад глазами советского общества (основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104–120; Россия и Запад. С. 121–167.

[2] О разнице между образами и стереотипами см.: *Егорова Е., Плешаков К.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12. С. 19–33.

[3] *Голубев А.В.* Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98–116.

[4] *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С. 171.

относилось и к современным им внешнеполитическим сюжетам. А.Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» в 70-е годы XIX в. писал: «Крестьяне, по крайней мере нашей местности, до крайности невежественны в вопросах религиозных, политических, экономических, юридических». И далее он приводит ряд курьезных представлений, бытовавших среди крестьян об Англии или Германии[1].

Но даже в этих представлениях тем не менее прослеживаются определенные тенденции; например, англичане выступают, как правило, в качестве враждебной для России силы. Здесь, очевидно, отразились внешнеполитические стереотипы, характерные для российской политической элиты тех времен, различными путями проникавшие и в народную массу.

Модернизация как переход от традиционного общества к индустриальному, помимо реформ политического строя, роста социальной мобильности, индустриализации, урбанизации, распространения образования, наконец формирования гражданского общества, включает в себя также необратимые изменения в системе ценностей, в глубинных основах культуры. И, в частности, радикально меняются механизмы восприятия внешнего мира.

Обычно эти процессы происходят эволюционно: новые представления о мире формируются среди интеллектуальной и политической элиты, затем постепенно захватывают средние слои общества и, наконец, по мере распространения социальных реформ, введения всеобщего образования, расширения сети СМИ распространяются на широкие массы населения.

В России этот процесс, однако, имел свою специфику. Его эволюционное развитие (как и процесс формирования гражданского общества в целом) было сильно заторможено и даже деформировано в силу целого ряда исторических обстоятельств. В результате в начале XX в. происходят без преувеличения революционные изменения в этой области.

Во второй половине XIX – начале XX в. происходит постепенное пробуждение интереса к внешнему миру в широких слоях населения. И одновременно отмечается вытеснение традиционных этнических стереотипов стереотипами с ярко выраженной политической окраской или внешнеполитическими стереотипами. Сначала эти процессы носили эволюционный характер, однако затем приобрели характер революционный – и по темпам развития, и по масштабам.

Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Сначала – проигранная Русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть

[1] *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1960. С. 216

на место России в мире; революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В еще большей степени на массовое сознание повлияла Первая мировая война. Как писала газета «Московская копейка» 19 января 1915 г., «темный деревенский народ, как никто, интересуется войной, попавшая в деревню газета прочитывается и перечитывается по нескольку раз, зачитывается до дыр, до лохмотьев. Читают вдумчиво, разбирая внутренний смысл каждой строчки»[1]. Именно в годы войны, как вспоминал впоследствии провинциальный издатель, тираж губернской газеты вырос с 7 до 10 тыс. экземпляров, причем впервые газету стали выписывать рабочие (хотя пока и немногие)[2].

В ходе войны Запад (расколовшийся на врагов и союзников) стал вызывать не просто интерес, но интерес в высокой степени эмоционально окрашенный. Наблюдатели последовательно зафиксировали невиданный всплеск антигерманских настроений, целенаправленное формирование «образа врага» в лице немцев и их союзников, а к концу войны стихийные, но все же достаточно распространенные антисоюзнические и даже, хотя в гораздо меньшей степени, прогерманские настроения[3].

Однако мировая война, при всей своей масштабности, оказалась лишь прологом к гораздо более сильным социальным, политическим, культурным, и, разумеется, психологическим потрясениям – свержению монархии, возникновению Российской республики, большевистской революции, Гражданской войне...

Победа революции привела к росту мифологизации массового сознания, особенно в эпоху существования тоталитарного политического режима, в 1930–1950-е гг. Этот режим, как и все режимы данного типа, отличался двумя особенностями. Во-первых, он стремился контролировать не только те или иные действия, но также эмоции и мысли населения. Во-вторых, подобные режимы обладают способностью создавать для себя массовую поддержку. Одним из основных средств достижения этого являлась мобилизация общества или его значительной части для достижения единой цели, имеющей общенациональное значение.

Уже эти особенности тоталитарных режимов указывают на их тесную связь с процессами, происходящими в массовом сознании. С ними связано возникновение этого типа режимов; с другой стороны, тоталитаризм не мог не наложить отпечаток на общественное

[1] Цит. по: *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании советского общества в контексте мировых войн. М., 2011. С. 102–103.

[2] *Шафир Я.* Газета и деревня. М.; Л., 1924. С. 19.

[3] Подробнее об этом см.: *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.) Екатеринбург, 2000; Россия и Запад. С. 53–67.

сознание. В частности, он способствовал консервации мифологического типа сознания, на который опирался.

В отличие от режимов авторитарных, тоталитарный режим не стремился держать массы в стороне от политики, напротив, продолжалась всеобщая, сознательно подталкиваемая политизация массового сознания. Уже в первые годы после революции была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов, преследующих чисто пропагандистские цели. Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соответствии с механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми в первую очередь коммунистическим и рабочим движением, и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в представлении верующих.

Вместе с тем меняется само понятие «общество». Если до революции в понятие «российское общество» включали только так называемый «образованный класс», то, говоря о советском обществе, уже имели в виду все слои населения, независимо от их общественной активности или уровня образования.

И новый жизненный опыт, полученный российским (а теперь уже советским) обществом, и все расширяющаяся система официальной пропаганды вели к тому, что внешний мир, даже в отдаленных районах страны, в сельской глубинке, на национальных окраинах, стал восприниматься как некая реальность, имеющая отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (в том числе для ведения крестьянского хозяйства, для уровня жизни рабочей семьи и так далее). Порой еще не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности мира, частью которого являлась Советская Россия, перестало быть прерогативой лишь образованных слоев населения.

Интерес не только города, но и деревни к внешнему миру можно проиллюстрировать материалами обследований, проводившихся в середине 1920-х гг. В одну из волостей Тверской губернии накануне Первой мировой войны поступала за год 31 тыс. экземпляров газет. К 1923 г., когда подписка подорожала, количество газет упало до 2 тыс. экземпляров. Но уже в 1924 г. волость получила почти 25 тыс. экземпляров, в 1925 г. – около 60 тыс., в 1926 г. – больше 100 тыс. При этом в отличие от 1913 г., когда газеты выписывала сельская интеллигенция и зажиточные крестьяне только для себя, в 1920-е гг. одна газета читалась, как правило, в 3–4 дворах[1]. И как раз международные известия (в первую очередь связанные с ожиданиями войны) вызывали особый интерес.

[1] *Большаков А.М.* Деревня 1917–1927 гг. М., 1927. С. 300.

Мир – Запад прежде всего – представал как в качестве источника вполне реальной угрозы (угрозы военной, угрозы для установившегося политического строя)[1], так и, напротив, в качестве источника благоприятных изменений. В последнем случае речь идет не только о противниках советской власти, ждавших освобождения от власти большевиков извне, но и в ряде случаев о ее сторонниках. В их понимании Запад, например, мог предоставить техническую или продовольственную помощь, выступить союзником в войне против общего врага. Даже люди, в целом пассивно относившиеся к власти, ждали, что Запад сумеет путем давления на советское правительство добиться некоторой корректировки политики (роспуска колхозов, снятия хотя бы части ограничений с деятельности православной церкви).

* * *

Как известно, само наличие, сложность и адекватность представлений о внешнем мире зависят от двух факторов: возможности и желания получать информацию. Независимо от различного рода искусственных ограничений, доступ широких слоев населения к информации о внешнем мире в целом расширялся по мере распространения грамотности, образования в целом; увеличения сети культурно-просветительных учреждений; наконец, с появлением таких средств массовой информации, как радио.

Советское общество некоторые современные исследователи безапелляционно именуют «закрытым». На самом деле ситуация была гораздо более сложной[2]. Представления о внешнем мире складываются, как известно, на основе нескольких информационных блоков. Один из них, историософский, составляют сведения об истории и культуре того или иного государства. Здесь возможности для самостоятельного получения и освоения достаточно объективной информации сохранялись. Классическая культура Запада не только не запрещалась, но, хотя и с существенными изъятиями, связанными, например, с вычеркиванием религиозных сюжетов, активно пропагандировалась; сохранялись музеи, библиотеки, использовалась литература, вышедшая до революции и в первые послереволюционные годы. Фрагментарность представлений об истории, политических традициях, миропонимании, свойственном иным культурам, в какой-то степени компенсировала художественная литература.

---

[1] О восприятии внешней угрозы в советском обществе см.: *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920-е – 1940-е годы. М., 2008.

[2] *Голубев А.В.* «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная история. 2004. № 4. С. 32–53.

Второй важнейший блок, политико-информационный, составляет информация о политической, социальной, культурной современной жизни других стран. Именно эти сведения должны были играть определяющую роль в создании адекватной картины мира. Однако оба основных канала получения информации, относящейся к данному блоку, а именно система образования и средства массовой коммуникации, находились под жестким политико-идеологическим контролем.

И вместе с тем, во-первых, степень этого контроля зависела от общей ситуации в стране, могла изменяться со временем (скажем, в 1920-е гг. контроль был мягче, чем в 1930-е или 1940-е гг.; с середины 1950-х гг. общей тенденцией, несмотря на политические или идеологические зигзаги, было постепенное ослабление этого контроля). Во-вторых, представления, возникающие на основе второго информационного блока, постоянно дополнялись информацией, полученной в рамках первого блока (что в определенной степени обесценивало усилия пропаганды). Так, в первые годы Второй мировой, да и Великой Отечественной войны многие с недоверием относились к заявлениям официальной пропаганды о зверствах немцев (даже и вполне обоснованным), ссылаясь на свои представления об их высокой культуре и цивилизованности, сформированные в том числе советской школой на уроках истории или литературы, а также в музеях, библиотеках и т.д.

Основным источником информации о внешнем мире служили советская пресса и радио. В материалах так называемого «Гарвардского проекта» есть данные о том, что газеты служили важнейшим источником информации для 59 % служащих, 47 % представителей интеллигенции, 30–35 % рабочих и 18 % колхозников. На втором месте стояли устные сведения – проще говоря, слухи, которые служили главным источником информации для 60 % колхозников, 34 % представителей интеллигенции, 43 % рабочих (для квалифицированных рабочих этот показатель составлял 26 %). На третьем месте стояло радио – его в качестве основного источника указывали от 9 до 22 % опрошенных[1]. Однако необходимо учитывать, что применительно к информации о внешнем мире слухи также появлялись преимущественно на основании газетных публикаций или сообщений радио.

Альтернативных каналов получения информации почти не существовало. Большинство советских граждан, включая и политическую элиту 1920–1930-х гг., не владело в достаточной степени

[1] *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». М., 2003. С. 143. В 1950–1951 гг. сотрудники Гарвардского университета опросили несколько тысяч т.н. «перемещенных лиц». Материалы этих опросов легли в основу многих социологических и политологических работ о сталинском обществе, изданных в США в 1950–1960-е гг.

иностранными языками и, следовательно, не могло использовать западную прессу или сообщения иностранного радио.

Тем не менее желание получать информацию о внешнем мире присутствовало в различных слоях населения. Ограничения на доступ к информации о внешнем мире вызывали недовольство не только среди интеллигенции, в том числе партийной, но и в массах. Так, на беспартийной конференции в августе 1925 г. в Иваново-Вознесенской губернии была подана записка, в которой помимо прочего спрашивалось: «Почему у нас в Республике нет свободной печати и почему в Губкоме можно читать заграничные эмигрантские газеты только членам Губкома и Укома, а рабочим нельзя – где же тут собака зарыта. Если у вас все чисто, то и нечего бояться, чтобы не давать»[1].

Впрочем, наравне с этим можно привести примеры, когда люди, допущенные к закрытой для других информации, не спешили воспользоваться своим правом. В архиве Свердловского горкома ВКП(б) сохранились засекреченные инструкции по выдаче «Бюллетеней заграничной печати», присланных из секретного отдела ЦК ВКП(б), и списки читавших их лиц за 1933 г. Это секретарь горкома, некоторые заведующие отделами горкома (иногда их заместители), председатель горсовета – всего каждый номер читали 4–5 человек из многотысячной городской партийной организации. Показательно, однако, что даже из очень узкого круга партийных и советских работников, формально имеющих право на доступ к «Бюллетеням», пользовалась им (тем более регулярно) меньшая часть. Что же касается основной массы коммунистов, в том числе функционеров нижнего и среднего звена, они даже не имели права знать о самом существовании подобных материалов[2].

* * *

Подавляющее большинство населения страны принимало чисто пассивное участие в формировании внешнеполитических стереотипов – за ним, в сущности, оставалось лишь неосознанное право выбора между различными мифологемами. Одни из них прочно укоренялись в массовом сознании, другие не оказывали на него никакого (или почти никакого) воздействия. Значительная часть населения имела о внешнем мире лишь самое отдаленное представление. Нелишне напомнить, что к 1939 г. грамотных в стране было 81,2 %, лиц со средним образованием – 7,8 %, с высшим – 0,6 %[3]. Вместе с тем многие источники отмечали даже в самых глухих деревнях

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 198. Л. 159.

[2] Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1.

[3] Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 39, 49.

реальный, хотя зачастую неудовлетворенный интерес к международным событиям[1].

Но даже если говорить о том достаточно узком слое, который частично формулировал и, главное, транслировал в массы внешнеполитические стереотипы, то и тут общий уровень подготовки был невысок. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., среди руководителей районного и городского звена высшее образование имели 4 %, а среднее – 42,3%; среди различных категорий интеллигенции высшее образование имели от 15,4 % (писатели, журналисты, редакторы) до 5,1 % («прочие работники искусства»). Особняком стояли научные работники и преподаватели вузов, среди которых высшее образование имели 84,2 %. Зато выделялась категория пропагандистов, в которой среднее образование имели 49 %, а высшее – 7,8 %[2].

Необходимо отметить, что речь может идти лишь об основных тенденциях в формировании внешнеполитических стереотипов. Если в США уже в 1935 г., в Великобритании – в 1937 г., во Франции – в 1939 г. начали работу институты Гэллапа, проводившие регулярные опросы общественного мнения, в том числе и по вопросам внешней политики, то в СССР ничего подобного не было[3]. Сводки о настроениях, составленные ОГПУ или партийными органами, представляли собой достаточно случайные выборки, не дающие сколько-нибудь убедительной статистики, да и объективность их порой вызывает сомнения. Тем не менее можно прийти к выводу, что в сознании советского общества 1920–1930-х гг. складывалась неадекватная в целом картина внешнего мира, в первую очередь Запада, который после окончания Гражданской войны постепенно обретает свою устойчивую характеристику внешней, «темной» зоны, расположенной за пределами непосредственно освоенной территории, зоны опасности, где действуют и господствуют силы, враждебные советскому человеку.

Не случайно образ границы (в первую очередь, конечно, в обыденном смысле) являлся важной составляющей массового сознания тех лет. Актуальность этого образа на рациональном уровне подкреплялась как пропагандистскими стереотипами о враждебности «капиталистического окружения» вообще, так и стремлением власти «держать границу на замке» – не только для входа, но и для выхода.

---

[1] См. например: РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1039. Л. 58; Государственный архив Орловской области. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 110. Л. 4об. Оп. 1. Д. 1882. Л. 94, 121 и др.

[2] Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 136, 138, 139.

[3] Впрочем, насколько адекватно подобные опросы отражают общественное мнение и существует ли оно вообще, вопрос спорный. См.: *Бурдье П.* Общественное мнение не существует // *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 159–178.

Одно из серьезнейших противоречий советской истории заключалось в том, что в глубоко архаичном – в большинстве своем крестьянском – обществе установилась власть с гипермодернизационными установками. Причем эта власть возникла на волне мощного взрыва архаики и во многом благодаря ему; более того, если выйти за пределы идеологии и устремлений высшего, крайне узкого слоя советского руководства, власть и сама была – по составу, по методам, по восприятию мира – глубоко архаичной[1]. В частности, восприятие границы носило отчетливо средневековый характер, причем с характерным именно для русского средневековья акцентом на религиозной природе границы. Эту проблему поставили в свое время Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, отметившие прежде всего важность религиозно-нравственных категорий, через призму которых описывалось пространство, разделявшееся в результате на «чистое» и «нечистое» или «праведное» и «грешное» и т.п.[2] Конечно, применительно к советскому обществу речь может идти о своеобразном «квазирелигиозном» восприятии.

При этом сакральный характер государственной границы как грани двух абсолютно различных миров явственно прослеживается не только в массовом сознании, но и в сознании представителей политической элиты. Так, в черновых записях видного партийного деятеля А.С. Щербакова о поездке в Европу в 1935 г. описание переезда границы сопровождается следующей фразой: «Разница огромная, разница во всем, в большом и малом»[3].

В целом отличительной чертой массового сознания 1920–1930-х гг. явилась поляризация представлений о внешнем мире, сопоставимая с поляризацией внутриполитических позиций. Если для одних образ вчерашних союзников, в том числе Запада, в соответствии с официальной мифологией рисовался исключительно в мрачных тонах, то для других Запад представал в виде своеобразной альтернативы всему происходящему в СССР, но уже с положительным знаком[4].

Как подчеркивает Т.П. Хлынина, «Запад никогда не воспринимался географической реальностью или имевшей строго очерченные

---

[1] *Голубев А.В.* Россия, век XX-й... // Отечественная история. 1997. № 5. С. 80–92.

[2] *Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 407–412; *Успенский Б.А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1996. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 381–432.

[3] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 467. Л. 1.

[4] *Голубев А.В.* Эталон, антимир, альтернатива? Запад в представлениях советского общества // Историк и художник. 2008. № 1–2. С. 191–220.

границы территорией. В нем всегда чувствовались инаковость по отношению к российской действительности, зеркально отражавшая наши различия»[1].

Так, по свидетельству П.А. Заломова, побывавшего в деревне в начале 1925 г., «об иностранцах сложилось у некоторых самое нелепое представление как о благодетелях, которые спят и видят, как помочь русскому крестьянину, а советская власть не позволяет»[2].

Одновременно сохраняла свою привлекательность идея технического прогресса по западному образцу. Промышленная технология в широком смысле и все вырастающие из ее внедрения элементы культуры и образа жизни наделялись высшим сакральным статусом. Традиционный для массового сознания негативный образ Запада расслаивался, и из него выделялась актуальная ценность – технология[3].

Советская пресса постоянно воспроизводила примеры лучшей организации промышленности или сельского хозяйства в развитых капиталистических странах. Однако в массовом сознании эта агитация имела порой неожиданный эффект.

Подобные материалы создавали у населения, в частности у крестьян, представление о совершенно ином уровне жизни по сравнению с Россией, когда в доме у любого американского фермера «чисто, есть пианино, скрипка, много употребляют мяса, эти крестьяне гораздо богаче наших буржуев»[4]. Рассказы о немыслимом для российского крестьянина богатстве, о дальних счастливых странах, вопреки замыслам авторов подобных публикаций, приводили не к желанию создать подобное хозяйство в России, а скорее, к стремлению эмигрировать. Так, прочитав в газете «Правда» описание сельского хозяйства в Дании, «группа сибирских крестьян, самая культурная и старательная в своем селе, решила незамедлительно переселиться в эту Данию, хотя бы с тем, чтобы жить там в батраках». А после появления статьи В.В. Осинского «Об американском автомобиле и русской телеге», как сообщалось из Сибири, во время коллективной читки у слушателей статьи «раздался глубокий вздох, обозначающий то, что вот есть же действительно такая счастливая и богатая страна... и за ним последовали новые вопросы и рассуждения о том, где эта самая счастливая страна находится, что за народ в ней живет и нельзя ли туда переехать на жительство сибирским мужикам?..» Что же касается основной мысли

[1] *Хлынина Т.П.* Запад в восприятии советского человека 1920-х годов. С. 48.

[2] Вокруг статьи Л.Д. Троцкого «Уроки Октября» (октябрь 1924 г. – апрель 1925 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 175.

[3] Подробнее см.: *Голубев А.В., Яковенко И.Г.* Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1. С. 119–135.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 54.

данной статьи о необходимости широко внедрять технику, в частности тракторы и автомобили, в российское сельское хозяйство, то она показалась слушателям «и не серьезной, и не требующей обсуждения»[1].

В целом представления об уровне жизни населения зарубежных стран, бытовавшие в массовом сознании, были далеки от реальности. Жители крупных городов могли составить собственное мнение, встречая хотя бы на улицах членов различных иностранных делегаций. Их внешний вид уже приводил к далеко идущим выводам: «Свои деньги отослали Англии, – пишет молодая москвичка в 1926 г., – которая, я больше чем уверена, не нуждается в этом. Они приезжают сюда одеты, что нэпманы, значит, есть чем питаться»[2]. Крестьянские же представления формировались в основном с помощью газетных статей. Впрочем, и эти представления также часто противоречили официальной точке зрения о «тяжелой доле» и «постоянном ухудшении» положения трудящихся.

Своеобразным отражением представлений населения о богатстве западных стран стало распространение убеждения, что этот уровень жизни формировался, помимо прочего, и за счет российского крестьянства, изъятия у него хлеба для продажи за границу: «В Англии нашей рожью с сахаром откармливают скот»[3].

Если в деревнях в основном разговоры шли о материальном благополучии западных рабочих и крестьян, то горожане, читая газетные публикации, нередко приходили к выводу о том, что на Западе существовал более демократичный политический режим, чем в СССР.

Конечно, в первую очередь это интересовало интеллигенцию, которая, даже не имея доступа к иностранной прессе, постоянно ощущала отсутствие политической свободы. Так, в ноябре 1924 г. М.М. Пришвин саркастически отметил в своем дневнике: «Несколько дней тому назад Л. Троцкий написал в “Правде”, что только в России существует свобода печати, в Англии, например, ее нет, там только буржуазная литература свободна. Через несколько дней после того, говорят, по всем редакциям приказано не печатать Троцкого»[4]. Но и в других слоях населения подобные представления отнюдь не являлись редкостью. Например, среди высказываний московских безработных о международных делах осенью 1927 г. были зафиксированы утверждения, что в «демократических странах имеются разные политические партии, там свобода слова и печати, а у нас

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 16. Л. 367–368.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 288. Л. 68.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 222.

[4] *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. Книга четвертая. М., 1999. С. 188.

этого нет»[1]. Очень часто поводом для сравнений, нелестных для СССР, служил приезд иностранной делегации[2].

Пропаганда международной солидарности пролетариата, постоянная публикация материалов о революционных настроениях в Европе естественно приводили к переоценке революционного потенциала западного пролетариата, ожиданию скорой мировой революции и недоумению, почему не принимаются меры для ее ускорения. Многие партийные ячейки после прослушивания докладов об экономическом положении Европы выносили резолюции типа: «Принимая во внимание наличие кризиса и предпосылку к революции, просить Коминтерн объединить мировой пролетариат и скорее свергнуть мировую буржуазию»[3]. Настроения, что СССР должен оказать военную помощь для ускорения мировой революции и послать Красную армию в Германию, Китай, Прибалтику, Польшу и даже Англию, чтобы поддержать бастующих шахтеров, прослеживаются на протяжении всех 1920-х гг. Тема пролетарской солидарности возникала постоянно; в газетах регулярно печатались резолюции митингов протеста по поводу репрессий в странах капитала. Как отмечает М.М. Кудюкина, «резолюции различного рода крестьянских собраний о солидарности с бастующими горняками Англии, жителями колоний, революционным Китаем, с коммунистами западных стран, боровшимися против фашистских и полуфашистских режимов, принимались повсеместно и далеко не всегда были навязаны крестьянам решением сверху»[4].

Вообще для межвоенного периода характерна тесная связь представлений о внешнем мире с внутриполитической ситуацией в стране. Массовое сознание как бы пыталось приспособить информацию о внешнем мире к своим нуждам, сделать ее понятной, адекватной традиционным представлениям. Не случайно столь распространены были сравнения государственных деятелей СССР с теми западными лидерами, которые были «на слуху». Например, обычным было сопоставление Троцкого с Пилсудским или Чан Кайши.

Некоторые реалии и имена западных государственных деятелей в эти годы прочно вошли в обыденное сознание. В высказываниях и письмах постоянно встречаются упоминания тех или иных имен, как правило, с яркой эмоциональной окраской, типа «Я бы Чемберлену не пожелал жить такой жизнью, как у меня», сравнения

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 151. Л. 135.

[2] *Голубев А.В., Невежин В.А.* Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М., 2016. С. 80–85.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 402. Л. 4.

[4] *Кудюкина М.М.* Запад в представлении российского крестьянства в конце 20-х годов // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 64.

с жизнью в других странах: «мужик хуже английской свиньи давится ржаным хлебом»[1] и т.д.

Одним из самых распространенных стереотипов было представление о враждебном капиталистическом окружении. Как вспоминал К.М. Симонов, «мы были предвоенным поколением, мы знали, что предстоит война. Сначала она рисовалась как война вообще с капиталистическим миром – в какой форме, в какой коалиции, трудно было предсказать; нам угрожали даже непосредственные соседи...»[2] Известный британский славист Б. Пэрс, побывавший в СССР в 1935 г., записал высказывание случайного собеседника: «Я прошел две войны, – сказал мне старый солдат, – и теперь придется пройти еще одну; конечно, это будет Германия и Япония, и, возможно, Польша, и, я бы сказал, очень вероятно, что Италия тоже...»[3] Представление о постоянной внешней угрозе порой трансформировалось в своеобразную ксенофобию. Крайней формой ксенофобии была шпиономания, свойственная отнюдь не только обывателям. Например, сотрудник НКВД, наблюдавший за работниками Коминтерна и иностранными коммунистами, захваченный немцами в плен в 1941 г., был убежден в существовании всеобъемлющего заговора и доказывал изумленным офицерам абвера, что значительное число видных деятелей советского режима были немецкими агентами[4].

Постоянно фиксировались преувеличенные представления о масштабе революционных настроений, остроте социально-экономического кризиса в капиталистических странах[5]. Иностранцы, посещавшие Советский Союз, особенно глубинные районы, порой, независимо от их взглядов, социальной и партийной принадлежности, автоматически воспринимались не только как друзья СССР, но и как революционеры. Так, членов иностранной делегации, посетившей в 1930 г. адыгейский колхоз, приняли в почетные колхозники и заверили, что «в любой перекличке мы первыми назовем ваши имена и скажем, что вы откомандированы нашим колхозом в европейские и американские страны на революционную работу»[6].

Часто даже личное (пусть и поверхностное) знакомство с жизнью Запада не влияло на представления, сложившиеся заранее. Например, по свидетельству английского журналиста

[1] *Кудюкина М.М.* Запад в представлении российского крестьянства ... С. 67.

[2] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988. С. 75.

[3] *Pares M.* Moscow Admits a Critic. L., 1936. P. 36.

[4] *Rittersporn G.T.* The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics & Social Relations in the 1930s // Stalinist Terror. New Perspectives. Cambridge, 1994. P. 99.

[5] Об этом писали, например, А. Жид и Л. Фейхтвангер. См.: Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 79–81, 172, 221 и др.

[6] Глазами иностранцев, 1917–1932. М., 1932. С. 448.

и политического деятеля Э. Хьюза, во время его поездки в СССР в 1930 г. у команды парохода «Сибиряков», который курсировал между Лондоном и Ленинградом, поддержка русской революции «соединялась с полным незнанием того, что происходило тогда в Англии и Западной Европе»[1].

Несмотря на все цензурные ограничения, для массового сознания Запад по-прежнему служил своеобразным образцом, ориентиром для сравнения – причем и в позитивном, и в негативном смысле. Так, например, высказывались в ноябре 1934 г. в связи с отменой хлебных карточек ленинградские рабочие: «Правительство правильно делает, что ликвидирует продовольственные и хлебные карточки; капиталистические страны хотя и видят размах нашего строительства, все же злорадствуют, что карточки у нас еще существуют... политически правильно, что в Советском Союзе отменяют карточки, а в это же самое время в Германии вводят карточную систему»[2].

Прямые сравнения ситуации в СССР и на Западе далеко не всегда оказывались в пользу СССР. В июне 1929 г. коммунист Белов утверждал: «Вот нам говорят, что германский рабочий придавлен экономически и политически, а русского рабочего в десять лет сильней прижали и кто нам помогает, то никто»[3]. Любопытное высказывание было зафиксировано в 1931 г. в Вотской автономной области – «Вы своими фордовскими методами под видом социализма устанавливаете заграничный режим. Форд дает рабочим дома, автомобили, а вы что даете. Несчастную квартиру, да и то с боем, за подвиги»[4]. Некто Якубис в 1937 г. во время предвыборной кампании говорил агитатору: «Что ты рассказываешь, вот в Америке действительно свобода, я там жил 5 лет и знаю, как там свободно и богато живут рабочие»[5]. Иногда на основании личного опыта делались и вовсе глобальные выводы. Например, грузчик Борисов в 1937 г. «заявил беседовавшему с ним члену партии парторгу Платоновой, что был за границей, объехал всё (sic! – А.Г.) и видел, что там рабочие живут лучше, чем у нас»[6].

Иногда выводы делались не столько на основании информации о внешнем мире, сколько исходя из внутренней ситуации. В конце

[1] *Хьюз Э.* Визит Макмиллана в Советский Союз. М., 1959. С. 52.

[2] Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2286. Л .47.

[3] *Депретто Ж.П.* Рабочие региона и Советская власть (1928–1932 гг.) // Общество и власть. Российская провинция. 1930 – июнь 1941 г. Т. 2. М., 2005. С. 669.

[4] Центр документации новейшей истории Удмуртской республики. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1068. Л. 79.

[5] Центральный архив общественных движений г. Москвы (далее – ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 15. Л. 6.

[6] ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 18. Л. 75.

1920-х – первой половине 1930-х гг. постоянно встречаются упоминания о вывозе хлеба за границу как причине продовольственных затруднений. При этом делался неожиданный, с точки зрения пропагандистов, вывод – раз наш хлеб вывозят на Запад, значит, там в результате этого хлеба в избытке. «В газетах пишут, что за границей голод и безработица, а выходит наоборот. Мы весь хлеб вывезли за границу, а сами у себя устроили очереди за ним... Что рабочие за границей голодают – на самом деле все наоборот, мы дохнем, а они живут на нашем хлебе», – говорили в 1933 г. ижевские рабочие[1].

Порой особенности советского быта под воздействием пропаганды проецировались на жизнь других стран. Так, немецкому журналисту А. Кестлеру во время его пребывания в Москве задали вопрос: «Когда вы ушли из буржуазной прессы, отобрали ли у вас продуктовую карточку и выселили ли вас из вашей комнаты?» Были и другие вопросы, в частности, «сколько в среднем французских рабочих семей погибает ежедневно от голода а) в сельской местности и б) в городах?»[2]

В связи с принятием новой советской Конституции 1936 г. нередко раздавались высказывания о преимуществах советской жизни по сравнению с жизнью на Западе, но звучали и нелестные сравнения.

Как заявила одна рядовая московская избирательница, «ни в одной стране нет таких выборов, как у нас в СССР. В капиталистических странах рабочие не участвуют в выборах, там выбирают и могут быть избраны только капиталисты, а рабочие же мучаются, работая день и ночь на капиталиста за ничтожную заработную плату. Мы, женщины, будем активно участвовать в выборах в Верховный Совет СССР, а там, за рубежом, женщины не имеют права выбирать и быть избранными»[3]. Как бы отвечая ей, жители Калужского района в июле 1936 г. говорили: «От вставленных в Конституцию слов о свободе слова и печати веет красным словцом, за границей – например, в Англии и Америке – действительно существует свобода печати, а у нас одна партия, она же правительство, остальные же ничто...»[4]

Подобные высказывания отмечались и в связи с выпуском очередного займа. Как высказывались калужские инженеры в июле 1936 г., «пишут в газетах, что в буржуазных странах займы выпускаются на срок до 90 лет и что в СССР также надо изменить сроки, но не пишут того, что в буржуазных странах к займам народы

[1] Центральный государственный архив Удмуртской республики. Ф. Р-195. Оп. 6. Д. 43. Л. 287, 289.

[2] The God that Failed. N.Y., 1965. P. 54.

[3] ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 15. Л. 60.

[4] Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 8. Оп. 3. Д. 26. Л. 92.

относятся лучше и берут нарасхват... Вот в Америке займы действительно выпускаются на добровольных началах. Их можно свободно купить и также можно свободно продать»[1].

Пожалуй, наиболее распространены (и достаточно обоснованы) были представления о Западе как о мире материального изобилия. В сентябре 1935 г. некий советский инженер в беседе с иностранным корреспондентом (по свидетельству переводчика ВОКС) доказывал, что «за границей, очевидно, очень хорошо живется и все баснословно дешево, т.к. наши русские, едущие туда в командировку и приезжающие обратно, все прекрасно одеты и даже привозят с собой велосипед и патефон!»[2] О том, что отношение многих к США было позитивным и граничило с восхищением, ссылаясь на личные впечатления, писал Ф. Баргхорн, работавший в те годы в посольстве США в СССР[3].

Таким образом, наряду с официальными стереотипами сохранялись противоположные им, но столь же упрощенные представления о Западе как о счастливом, богатом мире, где решены (или вскоре будут решены) все проблемы. Этот позитивный образ существовал в разных слоях общества.

И все же этот позитивный образ Запада тускнел и терял свою притягательность, во всяком случае, в предвоенные годы, по мере воздействия пропаганды, стабилизации внутреннего положения и относительного роста уровня жизни, наконец, просто смены поколений.

Как вспоминает Л.К. Шкаренков, служивший в 1940–1941 гг. в РККА, он «был в курсе всех международных событий, давал их оценки, которые вроде бы и самостоятельны, но не расходятся с основными положениями официальной пропаганды»[4]. О том же писал и В.М. Зензинов, опубликовавший в 1944 г. несколько сотен писем, найденных у убитых в Финляндии в 1939–1940 гг. красноармейцев: «Все советское население было искренне убеждено, что нападающей стороной явилась Финляндия, натравленная на Советский Союз империалистическими правительствами Англии и Франции, и что Советский Союз только оборонялся. Так думала Красная Армия, и так думало все советское население»[5].

Можно сделать вывод, что к концу 1930-х гг. стереотипы массового сознания в основном были сформированы именно официальной

---

[1] ГАКО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 26. Л. 98, 111.

[2] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 501. Л. 107.

[3] *Barghoorn F.C.* The Soviet Image of the United States. A Study in Distortion. N.Y., 1969. P. 35.

[4] *Шкаренков Л.К.* Память о войне // Россия и современный мир. 1995. № 2. С. 260.

[5] *Зензинов В.М.* Письма в Красную армию 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. С. 138.

пропагандой. Это не означает, что они механически повторяли ее; зависимость на самом деле была гораздо более сложной. Пропаганда служила основным материалом для формирования стереотипов, которые порой упрощали ее до неузнаваемости, порой искажали, а иногда формировались просто «от противного», например: «положение безработного очень тяжелое, за несчастным супом стоят огромные очереди, а мы полностью снабжаем рабочий класс, что ему необходимо, но мы очень хорошо не можем снабжать, так как мы жертвуем в пользу социалистического строительства», – говорили на занятиях пропагандисты. А в ответ раздавались реплики: «Вы сравниваете столь тяжелую жизнь в капиталистических странах, но это не так, ибо приезжие безработные из Америки лучше выглядят наших рабочих»[1]. Характерно, что говорившие это не встречали, да и не могли встретить приехавших из Америки безработных.

То, что устоявшиеся пропагандистские клише регулярно использовались в публичных выступлениях или в письмах, еще не означало, что все население в них верило; напротив, в частных разговорах зачастую встречались высказывания и оценки прямо противоположные официальным, причем это относится практически ко всем социальным группам. Пожалуй, только среди молодежи степень доверия к советской пропаганде была заметно выше. Свидетельств тому более чем достаточно, в том числе в материалах «Гарвардского проекта». Из них следует, что советская молодежь была настроена по отношению к сталинскому режиму гораздо более лояльно, чем представители старших поколений. Вместе с тем именно молодежь в числе главных претензий к режиму называла, наравне с террором, то, что режим «обманывал их, давая им неверное представление о жизни на Западе»[2]. Разумеется, речь шла о той части советской молодежи, которая в силу различных обстоятельств сама оказалась за границей и могла оценить достоверность советской пропаганды.

Запад в целом, как подчеркивает культуролог И.Г. Яковенко, «оказывался одним из стержневых концептов, с которым соотносилось, отталкиваясь от которого самоосознавалось, по отношению к которому структурировалось советское общество»[3]. Вместе с тем этот концепт никогда не был абсолютно однородным; напротив, среди западных стран, как в пропаганде, так и в массовом сознании, всегда выделялась страна, представляющая собой основную угрозу для СССР.

На протяжении большей части межвоенного периода это почетное звание сохраняла за собой Великобритания. В беседе с королем

[1] ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 9; Д. 23. Л. 101.

[2] *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». С. 127.

[3] *Россия и Запад.* С. 302.

Афганистана Аманулла-ханом в мае 1928 г. нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин так оценил ее восприятие в советском обществе: «У нас в самых широких слоях населения чувства к Англии абсолютно не нежные, ибо с самого начала нашего существования Англия на всех фронтах, повсюду создавала нам затруднения, играла главную роль в интервенции и теперь пытается прижать нас к стене... Не Англия имеет основания опасаться нашего нападения, но мы имеем основания опасаться нападения Англии. Готовит ли Англия сама войну против нас, мы увидим позже. Англия всегда стремилась толкать других вместо себя на военные действия. Она может толкнуть против нас Польшу»[1].

В начале 1930-х гг. в качестве главного врага выступала, хоть и недолго, Франция. В брошюре о международном положении, вышедшей в 1931 г., ей был посвящен отдельный раздел с красноречивым названием «Франция – во главе наших врагов». В нем, в частности, подчеркивалось: «Главную, ведущую роль в подготовке интервенции против СССР играет Франция... Растущая мощь Германии и Италии, открытые уже заявления о необходимости пересмотра версальского договора заставляют Францию торопиться с подготовкой войны против СССР»[2].

С 1933 г. роль главного врага постепенно переходит к гитлеровской Германии, хотя Япония, Англия, Польша время от времени разделяли с ней это почетное звание. Однако после подписания пакта Молотова-Риббентропа и начала Второй мировой войны, по крайней мере на политическом и пропагандистском уровне, на первое место выдвигается Великобритания, в меньшей степени Франция[3]. В директиве Исполкома Коминтерна руководству английской компартии в сентябре 1939 г. прямо говорилось: «Не фашистская Германия, пошедшая на соглашение с СССР, является опорой капитализма, а реакционная антисоветская Англия с ее огромной колониальной империей»[4]. Германия прочно закрепила за собой первое место в списке врагов в годы Великой Отечественной войны. И после войны, когда в официальной пропаганде это место заняли Соединенные Штаты Америки, военный опыт по-прежнему многое определял в сознании советского общества.

Подводя итоги, необходимо еще раз подчеркнуть, что в 1920–1930-е гг. революционные изменения в инокультурных представлениях сводились прежде всего к распространению интереса к миру

[1] Документы внешней политики СССР. Т. XI. М., 1965. С. 303.

[2] Международное положение и угроза новой войны. Ростов н/Д, 1931. С. 12.

[3] Подробнее см.: *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании советского общества в контексте мировых войн. С. 234–250.

[4] Цит. по: *Фирсов Ф.И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 22.

на самые широкие слои общества и затем к преобладанию внешнеполитических стереотипов. При этом официальная пропаганда служила основным материалом для формирования массовых стереотипов, которые, впрочем, порой упрощали ее утверждения до неузнаваемости, порой искажали, а иногда формировались просто «от противного».

Как отмечала Т.П. Хлынина, «в контексте 1920-х гг. Запад превратился для советского человека в "факультет ненужных вещей", жизненно необходимый для понимания того наследства, от которого ему предстояло отказаться. Разбор очутившихся там предметов – от культуры до технических достижений и моды – повлек за собою рождение различных образов Запада, превратившихся в скором времени в устойчивые и до сих пор активно бытующие мифы»[1]. Эти процессы продолжались и в 1930-е гг. Растущая изоляция общества от внешнего мира, все в большей степени сопровождавшаяся ростом подозрительности и шпиономании, сокращала возможности получения объективной информации. И все же мир оставался многоликим, причем его разные – иногда прямо противоположные – ипостаси сосуществовали не только в общественном сознании, но и в сознании отдельных людей.

[1] *Хлынина Т.П.* Запад в восприятии советского человека 1920-х годов. С. 48.

Симпосионы Иосифа Сталина: кулинарное меню и винная карта

В.А. Невежин

Большое место в научном творчестве Татьяны Павловны Хлыниной занимала история повседневной жизни советской эпохи, особенно периода 1920–1930-х гг. В ее многочисленных публикациях неоднократно акцентировалось внимание на познавательных возможностях этого «малого» жанра в деле изучения «большой» истории[1].

Действительно, рассмотрение социальной жизни представителей различных слоев советского общества в контексте повседневности было и остается одним из перспективных направлений современной российской и зарубежной историографии. В то же время остается актуальным мнение академика Ю.А. Полякова о том, что изучение роли и места застолий в жизни людей является одним

[1] *Хлынина Т.П.* История повседневности» в изучении своеобразия цивилизационного развития // Неделя науки в МГТИ: материалы научно-практической конференции. Майкоп, 1997. Вып. 2. С. 57–58; *Ее же.* Советское повседневье в пространстве «большой» истории: проблемы и возможности «малого» жанра // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 37–44; *Ее же.* Советское повседневье в пространстве «большой истории»: проблемы и возможности взаимодействия // XX век: человек в эпохе. Эпоха в человеке: материалы Всероссийской научно-практической конференции 14–15 ноября 2005 г. Сыктывкар, 2006. С. 105–113; *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* С высоты птичьего полета, или Что привлекает современного исследователя в повседневном мире советского человека 1920–1940-х гг. // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сборник статей. Ростов н/Д, 2009. С. 5–8; *Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека эпохи раннего тоталитаризма: от концептуального осмысления к жанру исторического комментария // Там же. С. 16–36; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011; *Хлынина Т.П.* Пространство повседневной жизни советского человека 1920-х – 1930-х гг.: границы, социальные функции, практики освоения // Сумський історико-архівний журнал. 2011. № XVI–XVII. С. 142–149 и др.

из магистральных направлений истории повседневности[1]. Данное наблюдение применимо к обедам и ужинам, которые практиковались И.В. Сталиным в узком кругу его соратников, начиная с 1930-х гг. Такого рода застолья названы нами симпосионами по аналогии с древнегреческими ужинами, сопровождавшимися питием вина и совместными беседами[2].

В предлагаемой статье рассматриваются два основных вопроса: о составе кулинарного меню сталинских застолий в узком кругу, а также об отношении вождя и его окружения к алкогольным напиткам. Основными источниками для ее написания послужили источники личного происхождения – дневники[3], воспоминания и интервью советских и иностранных участников симпосионов Иосифа Сталина[4]. При этом автор стремился рассеять некоторые предрассудки и опровергнуть встречающиеся в литературе прямые фальсификации относительно алкогольных предпочтений советского вождя и его соратников.

Еда не только заряжает человека энергией, но и формирует условия его существования, социокультурные потребности и практики: «необходимость единения, коммуникаций с себе подобными, приобщения к деятельности других людей»[5]. Между тем историки в своих исследованиях крайне редко обращаются к изучению роли еды в повседневной жизни различных социумов. Специальные

---

[1] *Поляков Ю.А.* История повседневности – важное направление науки // Человек в российской повседневности. М., 2001. С. 13.

[2] *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.; СПб., 2003. С. 6.

[3] Московский дневник Ромена Роллана // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 190–246.

[4] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968; *Киселёв К.В.* Записки советского дипломата. М., 1974; *Федоренко Н.Т.* Ночные беседы (переговоры о советско-китайском договоре) // Открывая новые страницы… Международные вопросы: события и люди. М., 1989. С. 135–148; *Аллилуева С.И.* Только один год. М., 1990; *Чуев Ф.И.* Так говорил Каганович. М., 1992; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 1. 12-е изд. М., 1995; «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 3. С. 108–157; *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999; *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4 кн.). Кн. 1. М., 1999. Кн. 2. М., 1999; *Чуев Ф.И.* Молотов: полудержавный властелин. М., 1999; *Аллилуева С.И.* Двадцать писем к другу. М., 2000; *Логинов В.М.* Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М., 2000; *Мгеладзе А.* Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого. [Б.м.], 2001; *Сергеев А.Ф., Глушик Е.Ф.* Беседы о Сталине. М., 2006; *Серов И.А.* Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016.

[5] *Кравченко С.А.* Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической биополитики. М., 2014. С. 8.

отрасли науки о еде – гастика и гастрософия только начинают входить в предметную часть истории как отрасли знаний, будучи органично связанными с ней методами ведения исследования, теоретическими основами, принятой периодизацией и базовыми подходами[1]. В данной связи заслуживает внимания состав меню симпосионов советского вождя. Естественно, интерес представляет и ассортимент предлагавшихся алкогольных напитков, без которых вообще не обходится ни одно застолье.

В 1920-е гг., когда продовольственные трудности в СССР были налицо, советское партийное и государственное руководство еще не имело пристрастия к излишествам в еде, хотя и обладало определенными привилегиями, в частности улучшенными продовольственными пайками. По свидетельству Н.С. Хрущёва, заседания Политбюро в тот период были довольно продолжительными. В перерывах их участники направлялись в так называемую «обжорку» – специальный зал, где стояли накрытые столы со стульями и подавались чай с бутербродами. Хрущёв пояснял, что даже функционеры, занимавшие высокое положение в большевистской партии, в те времена не имели возможности «вдоволь поесть у себя дома». Поэтому, приходя в Кремль, они «наедались там досыта бутербродами с колбасой и ветчиной, пили сладкий чай и пользовались всеми благами как люди, не избалованные яствами изысканной кухни»[2].

Однако ситуация изменилась, когда И.В. Сталин начал практиковать застолья в узком кругу. Например, перед началом ужина, устроенного в московском доме М. Горького во время встречи членов Политбюро ЦК ВКП(б) с писателями (26 октября 1932 г.), накрытые белыми скатертями столы были «полны обычной банкетной снеди, вин, закусок»[3].

А вот какая картина предстала перед французским писателем Р. Ролланом на обеде, устроенном теперь уже на даче М. Горького (4 июля 1935 г.): «Стол ломится от яств: тут и холодные закуски, и всякого рода окорока, и рыба – соленая, копченая, заливная. Блюдо стерляди с креветками. Рябчики в сметане – и все в таком духе»[4].

Однако, как представляется, наиболее точно отражают состав меню сталинских застолий свидетельства участников симпосионов,

---

[1] *Невежин В.А.* Еда и алкогольные напитки на дипломатических приемах в Кремле (1941–1945 гг.) // Codrul Cosminului. 2014. Vol. XX. № 1. P. 150; *Павловская А.В.* Еда и наука: две вещи несовместимые? // Материалы I Международного симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира». 30 октября – 1 ноября 2014 г. М., 2015. С. 30–31.

[2] *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 1. С. 61.

[3] Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1. 1925 – июнь 1941. М., 2011. С. 157.

[4] Московский дневник Ромена Роллана. С. 239–240.

происходивших на «ближней даче» вождя в Кунцево. Туда Сталин перебрался на постоянное место жительства во второй половине 1930-х гг., хотя сохранил за собой и кремлевскую квартиру. От Кремля до «ближней» было не более четверти часа езды.

Система доставки продуктов питания в Кунцево отлаживалась постепенно. Поначалу их ассортимент не отличался разнообразием. К.В. Киселёв (в 1938–1948 гг. – председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР) вспоминал о том, как проходил ужин на «ближней даче» И.В. Сталина в сентябре 1939 г.: «На стол поставили три супницы – с картофельным супом, бульоном и украинским борщом. Сталин первым налил себе картофельного супа и пригласил отведать, кому что нравится. Я взял тарелку и налил себе картофельного супа. Сталин сказал, что украинцы (присутствовавшие на обеде. – *В.Н.*) обязательно выберут борщ. Так и получилось»[1].

Назначенный начальником Генерального штаба РККА Г.К. Жуков в один из субботних вечеров начала февраля 1941 г. (скорее всего, это происходило 8 февраля) прибыл на сталинскую дачу в Кунцево с докладом. Здесь состоялось совещание, на котором обсуждались проблемы боевой подготовки и технического обеспечения Вооруженных сил. После совещания Сталин пригласил присутствовавших (членов Политбюро, видных военачальников) отобедать. «Обед, – по свидетельству Г.К. Жукова, – был очень простой. На первое – густой украинский борщ, на второе – хорошо приготовленная гречневая каша и много отварного мяса, на третье – компот и фрукты»[2].

В ходе Великой Отечественной войны И.В. Сталин часто принимал на «ближней даче» представителей высшего командного состава Красной армии. С.М. Штеменко вместе с первым заместителем начальника Генерального штаба РККА А.И. Антоновым неоднократно бывал там с докладом Верховному главнокомандующему. Однажды вечером (дело было в ноябре 1943 г.) оба попали в Кунцево как раз в обеденное время.

Свидетельство Штеменко о состоявшемся ужине (ранее ему неоднократно доводилось участвовать в такого рода застольях) в определенной степени совпадает с рассказами Киселёва и Жукова. Обед всегда проходил без официантов. Подавальщицы молча приносили в столовую все необходимое и молча удалялись. На стол заблаговременно выставлялись приборы, а также хлеб, вина, пряности, соль, травы, овощи, грибы и алкогольные напитки. Колбасы и ветчины не было, равно как и консервов, И.В. Сталин их не терпел. Первые блюда в больших судках располагались на другом столе. Там же были подготовлены и чистые тарелки.

[1] *Киселёв К.В.* Записки советского дипломата. С. 53.

[2] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 343.

Сталин, давая своеобразный сигнал к началу застолья, подходил к судкам, приподнимал крышки и, заглядывая туда, вслух оглашал их содержимое: суп, уха или щи. Затем сам наливал, например, щей и нес тарелку к обеденному столу. Этому примеру следовали приглашенные, независимо от статуса, выбирая первое блюдо по желанию.

Аналогичным образом Сталин и другие участники застолья действовали после подачи вторых блюд. Вместо третьего чаще всего предлагался чай. Наливали его из большого, кипящего самовара, стоявшего на отдельном столе. Чайник с заваркой подогревался на конфорке[1].

В послевоенные годы система снабжения «ближней дачи» И.В. Сталина продуктами питания и устройства обедов и ужинов в узком кругу достигла подлинного совершенства. По свидетельству начальника хозяйственной части «ближней дачи» И.М. Орлова (на этой должности он находился в 1948–1953 гг.), буквально за несколько минут до выезда из Кремля вождь по телефону сообщал, что направляется на «ближнюю». Орлов, в свою очередь, звонил дежурному и отдавал распоряжение о начале подготовки обеда или ужина (в зависимости от времени суток). Дежурный передавал поварам, что скоро прибудет «хозяин». Те заранее готовили блюда, причем меню составлялось на основании указаний Сталина, сделанных накануне. После получения сигнала от дежурного повара разогревали готовые блюда, включенные в меню, а затем в специальных мельхиоровых судках они приносились в столовую. Как правило, вместе с И.В. Сталиным на «ближнюю дачу» прибывали его гости. Обслуживающий персонал (повара и подавальщицы) старались накрыть стол вовремя[2].

В послевоенный период И.В. Сталин подолгу проводил время в отпуске на юге. К нему на Черноморское побережье Кавказа прибывали члены Политбюро ЦК ВКП(б), деятели зарубежного коммунистического и рабочего движения. Порядок застолий, устраиваемых для них Сталиным, оставался таким же, каким он был на «ближней даче» в Кунцево. Например, М. Ракоши вспоминал, что, когда он приехал летом 1951 г. в Боржоми, где отдыхал советский вождь, перед началом ужина еда и напитки ставились на большой стол, а каждый из гостей обслуживал себя сам. Не был исключением и Сталин, который, по свидетельству Ракоши, «с любопытством приподнимал крышки блюд», обращая его внимание «на то или иное кушанье»[3].

Ассортимент блюд меню сталинских обедов и ужинов в узком кругу практически не менялся. Хотя, если верить свидетельствам

[1] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 267–268.

[2] *Девятов С.В., Шефов А.Н., Юрьев Ю.В.* Ближняя дача Сталина. Опыт исторического путеводителя. М., 2011. С. 16.

[3] «Людям свойственно ошибаться»… С. 116.

участников событий, Сталин определенно стремился удивить своих иностранных гостей изобилием и изысканностью угощения. Так, премьер-министр Великобритании У. Черчилль, описывая застолье, устроенное для него на сталинской квартире в ночь с 15 на 16 августа 1942 г., писал в мемуарах: «Обед был импровизированным и неожиданным, но постепенно приносили все больше и больше еды. Мы отведывали всего понемногу, по русскому обычаю, пробуя многочисленные и разнообразные блюда, и потягивали различные превосходные вина»[1].

Н.Т. Федоренко, выполнявший роль переводчика во время визита Мао Цзэдуна в СССР (конец 1949 – начало 1950 гг.), отмечал: на одном из застолий, устроенном для высокого китайского гостя на «ближней даче», среди других блюд подали настоящий «кавказский деликатес». Это была печень индейки, приготовленная с перцем и солью. На застольях с Мао Цзэдуном Сталин, по свидетельству Федоренко, «имел обыкновение рекомендовать некоторые блюда – харчо, борщок, шашлык»[2].

Перед подачей на сталинскую кухню продукты обязательно подвергались тщательному химическому анализу с целью избежать отравления[3].

О предпочтениях вождя в области спиртных напитков будет подробнее рассказано ниже. А прежде остановимся на вопросе о том, как относились к алкоголю участники сталинских симпосионов. На застольях у Сталина, проходивших в узком кругу, всегда предлагался большой ассортимент алкогольных напитков. Здесь были крепкие напитки (водка, коньяк, перцовка), шампанское и разнообразные виноградные вина.

К.Е. Ворошилов, по утверждению В.М. Молотова, любил выпить и «всегда угощал перцовкой»[4]. Неслучайно, предлагая своим гостям перцовку, Сталин шутил: «Вот смотрите, какой цвет лица у Ворошилова. Это потому, что он пьет перцовку, поэтому такой здоровый». Тех, кто поддавался на подобные шутки, вождь «напаивал».

Графин с коньяком, стоявший в центре накрытого стола во время застолий на «ближней даче», по образному выражению Н.Т. Федоренко, «приводился в движение – шел по кругу, когда приходило время произнести тост в честь Сталина»[5].

Однако особое предпочтение отдавали участники сталинских застолий в узком кругу виноградным винам. Сотрудники НКВД,

---

[1] *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. Док. № 73. С. 325.

[2] *Федоренко Н.Т.* Ночные беседы ... С. 135, 144.

[3] *Аллилуева С.И.* Только один год. С. 335–336.

[4] *Чуев Ф.И.* Молотов: полудержавный властелин. С. 312, 387.

[5] *Федоренко Н.Т.* Указ. соч. С. 135.

отвечавшие за снабжение И.В. Сталина продуктами питания и алкогольными напитками, доставляли из Грузии вина сортов «Атени» (правильно – «Атенаури») и «Хидистави»[1]. Однако, согласно воспоминаниям грузинского партийного деятеля Мгеладзе, обе названные марки грузинского вина предназначались вовсе не для Сталина. Мгеладзе в ходе одной из бесед спросил вождя: «А, вот, говорят, что Вы, якобы, любите вина из Горийского района – "Атенаури" и "Хидистави"…». Последовал ответ: «Да, я слышал об этом, но это вино привозят в Кремль для Молотова. Когда он бывает у меня в гостях, я тоже угощаю его этим вином, – засмеялся товарищ Сталин, – в особенности он любит "Хидистави"»[2]. Действительно, в одной из бесед с поэтом Чуевым в 1977 г. Молотов отметил, что на застольях у Сталина пил «Хидистави»[3].

Согласно утверждениями Н.С. Хрущёва, в сталинской застольной компании постепенно сложилась следующая традиция. В отличие от хозяина (Сталина), которому было позволительно «уклоняться» от выпивки, гости подобной «привилегии» не имели. Уже в предвоенный период считалось совершенно недопустимым, если кто-либо за столом говорил, что не может или не хочет употреблять алкогольные напитки. И если кто-либо не поддерживал объявленного тоста, то ему полагался в виде «штрафа» дополнительный бокал, а иногда и больше. «Штрафная» предлагалась в шутливой форме, однако, как подчеркивал Хрущёв, выпивать ее следовало «всерьез».

Пытаясь каким-то образом объяснить, почему именно в предвоенные годы проявилась тенденция к «спаиванию» Сталиным своих ближайших соратников, Хрущёв называл два фактора: объективный и субъективный. Объективно вождь, по его мнению, «страдал болезнью одиночества, боялся пустоты, не мог оставаться один, и ему обязательно нужно было быть на людях». Как он предполагал, накануне нападения Германии на СССР Сталина буквально «сверлил вопрос о неизбежности войны, и он не мог побороть страх перед нею». В результате вождь «сам начинал пить и спаивать других с тем, чтобы, как говорится, залить сознание вином и таким образом облегчить свое душевное состояние».

Но была, если верить Н.С. Хрущёву, и другая, сугубо субъективная причина, способствовавшая «напаиванию» гостей И.В. Сталина: появление в его ближайшем окружении Л.П. Берии, который был переведен из Тбилиси на работу в Москву в 1938 г. Хрущёв утверждал, что вождь даже жаловался ему на Берию, вносившему в застолье «какую-то страсть, соревнование, кто больше выпьет». Тем самым

[1] *Логинов В.М.* Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. С. 66.

[2] *Мгеладзе А.М.* Сталин. Каким я его знал. С. 84–85.

[3] *Чуев Ф.И.* Молотов: полудержавный властелин. С. 312.

создавалась нездоровая атмосфера, «когда люди выпивают лишнее и нарушается» ранее установившийся порядок. Однако, по словам Хрущёва, он с недоверием относился к сталинским заявлениям подобного рода: ведь Сталин и Берия были «очень дружны между собой». Хрущёвская модель мотивации поведения обоих сводилась к следующему. И.В. Сталин иной раз во время застолья «провоцировал разговор» на интересующую его тему с целью «выявить настроение того, с кем он беседует». А Л.П. Берия выступал в роли своеобразного провокатора, который в угоду вождю побуждал к тому, «чтобы как можно больше выпить и всех накачать»[1].

Правда, сопротивление сталинским попыткам напаивания все-таки было возможно. Л.М. Каганович рассказывал Ф. Чуеву, что, когда Л.П. Берия назойливо предлагал выпить, Сталин говорил: «Ты к нему не приставай. Он не умеет пить. Евреи вообще не умеют пить. И поэтому не надо к нему приставать. Это ведь не грузин»[2].

М. Ракоши вспоминал об атмосфере, царившей на сталинских симпосионах: «Однажды меня попробовали напоить, но вино меня не берет, что присутствующие восприняли с признанием и некоторой долей удивления»[3]. Микоян утверждал, что Сталин, питавший «какую-то слабость к Жданову» и знавший о склонности последнего к алкоголизму, старался его не спаивать[4].

Н.С. Хрущёв, который крайне негативно относился к А.С. Щербакову, следующим образом характеризовал отношение последнего к алкогольным напиткам: «Не знаю, насколько он органически был подвержен пороку пьянства… Не думаю, что ему самому оно нравилось. Но так как это нравилось Сталину, то и он сам глушил крепкие напитки, и других втягивал в пьянство в угоду Сталину». По этому поводу Хрущёв припомнил один инцидент, правда, не называя точно ни места, ни времени, когда он произошел: «Берия, Маленков и Микоян сговорились с девушками, которые приносили вино, чтобы те подавали им бутылки от вина, но наливали бы туда воду и слегка закрашивали ее вином или же соками. Таким образом, в бокалах виднелась жидкость нужного цвета: если белое вино – то белая жидкость, если красное вино – то красная. А это была просто вода, и они пили ее. Но Щербаков разоблачил их: он налил себе “вина” из какой-то такой бутылки, попробовал и заорал: “Да они же пьют не вино!”». После этого инцидента, если верить Н.С. Хрущёву, «Сталин взбесился, что его обманывают, и устроил большой скандал Берии, Маленкову и Микояну». По словам Хрущёва, сталинские

---

[1] *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 1. С. 287, 288, 289, 290.

[2] *Чуев Ф.И.* Так говорил Каганович. С. 106.

[3] «Людям свойственно ошибаться…». С. 117.

[4] *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. С. 562.

соратники «возмущались Щербаковым», потому что не желали все время пить вино, однако если уж приходилось это делать на застольях вождя, то «минимально, чтобы отделаться от Сталина, не спаивать, не убивать себя».

Возвращаясь к казусу А.С. Щербакова, Н.С. Хрущёв утверждал: этот «злостный подхалим» «кончил печально». В доказательство он приводил слова Берии (считая их правильными) о том, что Щербаков якобы «страшно много пил», причем в угоду Сталину, что привело к грустному финалу: «Опился и помер»[1]. В связи с этим представляется заслуживающим внимания замечание о том, что в воспоминаниях Хрущёва «достается» многим известным деятелям, «но Щербакову особенно». При этом «с особым пристрастием» Хрущёв «бичевал» такой порок, якобы присущий Щербакову, как «пьянство»[2].

В защиту А.С. Щербакова можно привести эпизод из воспоминаний профессора Московской консерватории Д.Р. Рогаль-Левицкого, относящийся к апрелю 1944 г., когда в Большом театре И.В. Сталин и его соратники устроили импровизированное застолье в связи с принятием мелодии нового государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик. Тамада В.М. Молотов после ряда тостов предложил выпить за А.С. Щербакова: «Щербаков не ответил. Он молча налил себе вина (хотя имелась и перцовка. – *В.Н.*), встал и раскланялся, чокнувшись с сидящими в непосредственной близости от него. Разговор продолжался». После того как И.В. Сталин в очередной раз покинул помещение, где происходило застолье, чтобы ознакомиться с текущими боевыми сводками с фронтов, В.М. Молотов и А.С. Щербаков принялись усиленно угощать присутствующих[3].

Естественно, эта эпизодическая сцена не дает основания для однозначного вывода об «алкогольных пристрастиях» Щербакова, но является своеобразной иллюстрацией к дискуссии по данному вопросу, инициированной воспоминаниями Хрущёва. Во всяком случае, его мемуары не являются единственным источником по данному сюжету. Биограф А.С. Щербакова неоднократно беседовал с теми, кому довелось вместе работать с ним как с первым секретарем Московского городского и областного комитетов ВКП(б). Последние единогласно утверждали: «Александр Сергеевич [Щербаков] вообще не употреблял спиртного». А его старший сын Александр свидетельствовал: «Отец в торжественных случаях при гостях выпивал немного сухого вина, но такое бывало буквально несколько

[1] *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 1999. С. 41.

[2] *Пономарев А.Н.* Александр Щербаков: Страницы биографии. М., 2004. С. 7, 205.

[3] *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. Док. № 89. С. 386.

раз в году. За всю мою сознательную жизнь я ни разу не видел его с симптомами опьянения. Лишь с конца 1944 г., когда он тяжело заболел, в доме держали одну-две бутылочки коньяка, рюмочку которого он предлагал приезжавшим к нему врачам»[1].

Возвращаясь к мемуарам Н.С. Хрущёва, необходимо подчеркнуть (и на это специально обращал внимание автор биографии А.С. Щербакова)[2], насколько критическим был настрой А.И. Микояна, едва ли не самого терпимого хрущёвского соратника вплоть октября 1964 г., по поводу недобросовестности, нелояльности, проявившихся в этих воспоминаниях[3].

Таким образом, утверждения Н.С. Хрущёва о том, что А.С. Щербаков спился и умер, чему якобы способствовали чрезмерные возлияния на сталинских застольях в узком кругу, безосновательны. Между тем имеются сведения относительно алкогольных пристрастий самого Хрущёва, которые содержатся в мемуарах А.И. Мгеладзе. Они дают основание для вывода о том, что Хрущёв просто не имел удержу в своем влечении к спиртным напиткам. Дело один раз дошло до того, что он буквально навязался на ужин к вождю во время отдыха Сталина в Новом Афоне осенью 1951 г., где напился, как говорится, «в стельку»[4].

Что касается И.В. Сталина, то, скорее всего, он стремился продемонстрировать свое рассудительное отношение к вопросу о пользе и вреде вина. Приемный сын вождя Артём Сергеев приводит в своих воспоминаниях следующий эпизод. Отмечался день рождения одного из родственников Н.С. Аллилуевой (дело происходило уже после ее кончины). За накрытым столом наряду со взрослыми сидели и дети Сталина. Сталин разливал вино по бокалам, не пропустив Артёма Сергеева, сына Василия и дочь Светлану. Одна из женщин, присутствовавших на обеде, встревожено спросила: «Разве можно детям? Это же яд». И.В. Сталин спокойно заметил по этому поводу: «Ядом змея убивает, а врач ядом лечит. Дело в том, кто, где и зачем. Хлебом тоже можно подавиться, а молоком упиться». А затем добавил: «Мораль нам, безусловно, нужна. Но моралистов у нас не любят»[5]. Однако с учетом того, что сын Сталина Василий, став взрослым, проявлял излишнее влечение к спиртным напиткам, подобные сталинские заявления представляются риторическими.

В своем большинстве люди, имевшие возможность наблюдать за поведением советского лидера, отмечали, что на застольях он знал

---

[1] Цит. по: *Пономарев А.Н.* Александр Щербаков: Страницы биографии. С. 205.

[2] *Пономарев А.Н.* Александр Щербаков: Страницы биографии. С. 206.

[3] *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. С. 589, 598, 613–614

[4] *Мгеладзе А.И.* Сталин. Каким я его знал. С. 146–150.

[5] Цит. по: *Сергеев А.Ф., Глушик Е.Ф.* Беседы о Сталине. С. 129–130.

меру в потреблении алкоголя и старался сохранять трезвость в суждениях. Так, один из сотрудников НКВД вспоминал, что И.В. Сталин «никогда не напивался, потому что пил маленькими – тридцатками, – пятидесятиграммовыми – стаканчиками сухие карталинские вина. Карталинское вино – самое слабое из всех грузинских вин, примерно девять–одиннадцать градусов, как шампанское»[1].

Будучи на положении гостя И.В. Сталина в Боржоми осенью 1951 г., М. Ракоши наблюдал следующую картину: «…из высокой, не подходящей для шампанского рюмки, он [Сталин] мелкими глотками пил красное цимлянское или шампанское. Но этот процесс у Сталина был похож на то, как он курил, значительно больше времени тратя на разминание папирос "Герцоговина", набивку трубки и на постоянное ее прикуривание, чем на сам процесс курения».

Последний на памяти М. Ракоши ужин в узком кругу, на котором ему довелось присутствовать, состоялся осенью 1952 г. Когда после трех часов утра И.В. Сталин вышел из столовой, Ракоши сказал, обращаясь к членам Политбюро: «Сталину уже 73 года, не вредят ли ему подобные ужины, затягивающиеся до поздней ночи?» Но сталинские соратники успокоили его на сей счет[2].

В 1952 г., на традиционном ужине на «ближней даче» по случаю своего дня рождения, И.В. Сталин, как вспоминала С.И. Аллилуева, по обыкновению, пил «маленькими глотками грузинское вино – слабое, легкое, ароматное»[3].

Н.С. Хрущёв также отмечал, что И.В. Сталин спиртные напитки потреблял умеренно. «Но боже упаси, – подчеркивал Хрущёв, – чтобы кто-либо другой сделал подобное: сейчас же следовал штраф за уклонение, за "обман общества". Это была шутка. Но пить-то надо было всерьез за эту шутку»[4].

Молотов утверждал: Сталин «любил выпить, но умеренно», вообще, «много не пил, а других втягивал здорово». Ближайший сталинский соратник объяснял это необходимостью «проверить людей, чтоб немножко свободней говорили»[5].

Н.С. Хрущёв задавался вопросом: был ли Сталин пьяницей? Ответ на этот вопрос, по мнению Хрущёва, был неоднозначным. С одной стороны, в последние годы жизни вождя «не обходилось без того, чтобы пить, пить, пить». И в этом смысле хрущёвские обвинения в адрес вождя за пристрастие к алкоголю представляются как бы обоснованными. С другой стороны, иногда, как утверждал Хрущёв,

---

[1] Цит. по: *Логинов В.М.* Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. С. 12.

[2] «Людям свойственно ошибаться…». С. 117.

[3] *Аллилуева С.И.* Двадцать писем к другу. С. 184.

[4] *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 1. С. 290.

[5] *Чуев Ф.* Молотов: полудержавный властелин. С. 268.

Сталин «не накачивал себя, как своих гостей, наливал себе в небольшой бокал и даже разбавлял его водой». Данное обстоятельство является смягчающим, не позволяющим с полным основанием обвинять вождя в пьянстве[1].

С возрастом, когда состояние здоровья уже не позволяло употреблять крепкие спиртные напитки, Сталин проявлял все больший интерес к шампанскому. В.М. Молотов вспоминал, что с этого напитка, как правило, и начинались сталинские застолья[2]. Сам Сталин, отвечая на вопрос А.И. Мгеладзе, какой именно сорт шампанского он предпочитает, разъяснял, что все зависело от того, «какой стол накрыт»[3].

Еще во второй половине 1936 г. вождь обратил пристальное внимание на состояние виноделия в СССР, которое к тому времени буквально пришло в упадок. Народный комиссар пищевой промышленности А.И. Микоян докладывал ему о повсеместном падении интереса специалистов к виноделию. Они чувствовали себя никому не нужными и пустили дело на самотёк, к тому же многие из существовавших ранее мер поощрения для них оказались отмененными. По инициативе И.В. Сталина в ведение Народного комиссариата пищевой промышленности было передано винодельческое хозяйство, в том числе – виноградарство. 20 и 28 июля 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало вопрос о развитии виноградарства и виноделия в Грузинской ССР. В результате было приняты совместные постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б): «О развитии виноградарства и качественного виноделия в Грузинской ССР» и «О производстве советского шампанского, десертных и столовых вин “Массандра”». Выпуск шампанских вин в 1937–1941 гг. планировалось увеличить в 60 раз и довести до 12 млн бутылок[4].

Во время пребывания народного комиссара пищевой промышленности СССР А.И. Микояна во Франции (1936 г.) он получил приглашение посетить одно из предприятий по производству шампанского. Французский («классический») метод выдержки этого алкогольного напитка представлял собой длительный процесс, занимавший много лет. Помимо трехлетней выдержки вина в бочках, требовалось еще три года выдерживать его в бутылках. Если бы подобные сроки процесса производства шампанского соблюдались в СССР, то это бы не дало возможности быстро увеличить масштабы его производства, установленные в упомянутых выше партийно-государственных постановлениях. Поэтому было решено, сохранив

---

[1] *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 1. С. 287, 288, 289, 290.

[2] *Чуев Ф.* Молотов: полудержавный властелин. С. 312.

[3] *Мгеладзе А.И.* Сталин. Каким я его знал. С. 84.

[4] *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. С. 312–313.

некоторый объем производства по французскому методу на заводе «Абрау-Дюрсо» и некоторых других предприятиях, параллельно организовать производство советского шампанского по более простому, дешевому и ускоренному (так называемому акротоморфному) способу, сокращавшему срок выдержки до 25 дней.

Хозяин французского предприятия по производству шампанского с гордостью заявил А.И. Микояну, что раньше все послы Российской империи и царский двор покупали у него ежегодно по нескольку тысяч бутылок шипучего напитка. Микоян в ответ заявил, что теперь в связи с развернувшимся в СССР промышленным строительством на покупку вина за границей у советского руководства не хватает валюты. Поэтому упор делается на производстве шампанского по собственной технологии в достаточном количестве.

Хотя гостеприимный хозяин был разочарован подобным ответом, А.И. Микоян привез с собой из Франции подаренный им ящик настоящего французского шампанского. По совету И.В. Сталина, у фирмы Шапотье было все-таки закуплено три тысячи бутылок этого напитка. Однако когда И.В. Сталину дали его попробовать, тот поморщился и заявил, что по вкусу он хуже советского. По свидетельству Микояна, Сталин предпочитал полусладкое и сладкое шампанское. Сухое и брют он не любил и даже предлагал прекратить производство этих сортов. А.И. Микояну удалось с трудом отстоять их производство, «сославшись на требования экспорта»[1].

Однако при всей своей любви к шампанскому И.В. Сталин, будучи родом из Грузии, отдавал явное предпочтение грузинским винам. Вместе со Сталиным Молотов пил «Киндзмараули» (но «мало», т.е. редко). Зато употребляли «Оджалеши». В.М. Молотов отмечал по данному поводу: «Очень много. До войны». В 1977 г. Молотов в разговоре с Чуевым вспомнил еще один сорт грузинского вина, которое подавали на сталинских застольях, – «Цоликаури»[2].

М. Ракоши свидетельствовал, что И.В. Сталин «хорошо знал грузинские вина», обращая его внимание на белое «Цинандали» и на красное «Хванчкара». Сталин обычно присылал венгерскому гостю «несколько бутылок, на которых вместо типографской этикетки был наклеен листок бумаги с напечатанным на машинке годом выпуска вина». «Я также посылал ему добрые венгерские вина, о которых он отзывался с большой признательностью», – сообщал М. Ракоши[3].

В мемуарах Н.С. Хрущёва имеется упоминание об одном «обильном ужине» у Сталина в 1943 г., «который сопровождался бутылками

[1] *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. С. 314–315.

[2] *Чуев Ф.* Молотов: полудержавный властелин. С. 312.

[3] «Людям свойственно ошибаться…» С. 117.

с “Цинандали” и “Напареули”»[1]. О сталинском пристрастии к «Цинандали» свидетельствовал высокопоставленный чин НКВД А.Я. Егнаташвили, отвечавший за устройство сталинских банкетов в Кремле[2].

А.М. Мгеладзе воспроизводил в воспоминаниях разговор с И.В. Сталиным, в котором вождь дал свою оценку качества различных сортов грузинских вин. Вначале речь зашла о природном полусладком вине «Чхавери»: «Чхавери очень хороший сорт, только он не имеет большого распространения, так как этот сорт винограда можно разводить только на отдельных микроучастках да и то только в Гурии, когда-то гурийцы угощали меня этим вином. Я до сих пор отдаю ему предпочтение. Вы, наверное, в этом убедились, оно часто бывает у меня на столе. Только я предпочитаю вино крестьянского приготовления. “Чхавери” на вкус очень приятное и имеет естественный газ». И.В. Сталин также сказал Мгеладзе, что из красных вин он любит «Хванчкару», «но тоже крестьянского происхождения». «Чхавери и Хванчкара – это лучшие вина, тем более если они крестьянского происхождения», – повторил Сталин[3]. В.М. Молотов в интервью Ф. Чуеву подтверждал, что «Хванчкару» пили, но «редко»[4].

А.Ф. Сергеев утверждал, что Сталин «хорошо знал лечебные свойства вин». Не доверяя лекарствам, Сталин, «в зависимости от того, что необходимо было лечить, пользовался различными грузинскими винами»[5].

Опираясь на свидетельства участников сталинских симпосионов, попытаемся составить символическую винную карту И.В. Сталина, характерную для этих застолий.

Советское шампанское.

«Маджари», молодое виноградное вино, в котором процесс брожения прерывается задолго до его окончания, за счет чего в напитке остается углекислый газ. Легкое, сладкое, умеренно крепкое.

Сухие марочные вина «Напареули», «Телиани», «Цинандали», «Цоликаури».

В коллекции грузинских виноградных вин упоминается два сорта с одинаковым названием *«Напареули»*. Первый изготавливается из винограда сорта Ркацители, возделываемого в строго ограниченной зоне села Напераули в Кахетии. Имеет светло-соломенный цвет, тонкий плодовый нежный букет, гармоничный вкус. Содержание спирта 10–12 % об. Массовый выпуск начался в 1892 г.

---

[1] *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 1. С. 567.

[2] *Серов А.И.* Записки из чемодана. С. 109.

[3] *Мгеладзе А.И.* Сталин. Каким я его знал. С. 83–84.

[4] *Чуев Ф.И.* Молотов: полудержавный властелин. С. 312.

[5] *Сергеев А.Ф., Глушик Е.Ф.* Беседы о Сталине. С. 130.

Другой сорт марочного вина «Напареули» изготавливается из винограда сорта Саперави, возделываемого в Напареульском микрорайоне левобережной части Алазанской долины. Характеризуется красивым темно-гранатовым цветом, нежностью и богатым сортовым букетом при большой вкусовой гармонии. Содержание спирта 11–12,5 % об. Массовый выпуск начался в 1890 г.

Столовое марочное вино «Телиани» изготавливается из винограда сорта Каберне, возделываемого в микрорайоне Телиани (Кахетия). Обладает нежным ароматом букета фиалки. Окраска – темно-рубиновая. Содержание спирта – 10–12 % об. Массовое производство началось в 1897 г.

Марочное вино «Цинандали» изготавливается из сортов Ркацители и Мцвани, возделываемых в строго контролируемой зоне микрорайонов Телави и Кварели. Готовое вино имеет светло-соломенный цвет, прекрасный плодовый букет, мягкий тонкий вкус. Содержание спирта – 10,5–12 % об. Массовое производство начато в 1886 г.

Столовое марочное вино «Цоликаури» изготавливается из одноименного сорта винограда, возделываемого в Имерети (Западная Грузия). Оно характеризуется светло-соломенным цветом, хорошо развитым букетом. На вкус – свежее, гармоничное. Содержание спирта – 10–12,5 % об.

Природно-полусладкие вина «Хванчкара», «Оджалеши», «Чхавери», «Киндзмараули».

Красное вино «Хванчкара» изготавливается из винограда сортов Александропули и Муджуретули, возделываемых в микрорайоне Хванчкара в Западной Грузии. Обладает сильным развитым сортовым букетом, имеет темно-рубиновый цвет. Вкус гармоничный, с бархатистыми малиновыми тонами. Содержание спирта – 10,5–12 % об. Массовый выпуск начат в 1907 г.

Принадлежащее к типу природно-полусладких вино *«Оджалеши»* изготавливается из одноименного сорта винограда, возделываемого на склонах гор в долине реки Цхенискцкали (в частности, в селе Арбели Цагерского района и в Мингрелии в Западной Грузии). Оно имеет рубиновый цвет, обладает нежным букетом и ароматом, богатым гармоничным вкусом с плодовыми тонами. Содержание спирта – 10–12 % об. Массовое производство началось в 1933 г.

Природно-полусладкое вино «Чхавери» изготавливается из одноименного сорта винограда, возделываемого в микрорайоне Бахви в Западной Грузии и Абхазии. Обладает светло-соломенным цветом с розовым оттенком, приятным свежим вкусом, тонким букетом и нежным плодовым ароматом. Содержание спирта 9,5–11 % об. Массовый выпуск начат в 1934 г.

Принадлежащее к этому же типу *«Киндзмараули»* изготавливается из винограда Саперави, возделываемого в Кварельском

микрорайоне Кахетии. Оно обладает характерным сильным сортовым букетом и ароматом, гармоничным и бархатистым вкусом. Содержание спирта 10,5–12 % об. Массовый выпуск этого вина начался в 1942 г.

Еда и напитки, которые подаются к столу, являются яркими свидетельствами специфики и оригинальности застольной культуры того или иного этноса, социума. В полной мере это относится и к сталинским симпосионам. Их участники в своих воспоминаниях отмечали изобилие и многообразие блюд, которые составляли меню. На первое подавали борщ, различные супы, борщок. На второе предлагались разнообразные мясные и рыбные блюда с гарниром, на третье – компот из сухофруктов либо чай. В меню присутствовали блюда не только русской, но и кавказской (грузинской) кухни – харчо, шашлык, запеченная индейка.

Имелась своя специфика при обслуживании хозяина И.В. Сталина и его гостей. Во время сталинских застолий на «ближней даче» в Кунцево, а также на юге еду приносили подавальщицы. Сталин сам обслуживал себя за столом. Его примеру следовали гости.

Из спиртных напитков в ассортименте были шампанское, красное и белое вино, коньяк, перцовка, водка. Соратники Сталина не отказывались от крепких спиртных напитков. Однако некоторые из них (в первую очередь, В.М. Молотов, А.И. Микоян) являлись «винными гурманами». Как показывают очевидцы и участники застолий, И.В. Сталин, сам воздерживавшийся от чрезмерного употребления спиртных напитков, побуждал своих соратников больше пить. Подобной тактике в мемуарной литературе дается заслуживающее внимания объяснение: действуя по пословице «что у трезвого на уме, у пьяного на языке», И.В. Сталин преследовал цель «развязать языки» своих соратников, выведать важную информацию, которую они скрывали либо желали скрыть от него. Тем самым нарушался установленный порядок застолья, а его участники порой проявляли недружелюбие по отношению друг к другу.

Повседневная жизнь и мир вещей в годы Великой Отечественной войны (по материалам Магнитогорска)

Н.Н. Макарова

На сегодняшний день разнообразные аспекты, связанные с проблематикой вещи в науке, привлекают все больше исследователей. Изучение исторического прошлого через исследование его материальных составляющих и особенностей их бытования на определенном историческом отрезке дают возможность понять обстоятельства, влияющие на трансформацию и модернизацию исторического процесса. Социологи акцентируют внимание на временных и социальных аспектах функционирования различных типов вещей (старинных, антиквариата) в обществе1. В последнее время стали актуальными исследования, посвященные советскому быту в сравнении с бытом современным. В 2005 г. был издан сборник «Люди и вещи в советской и постсоветской культуре»2, содержащий результаты нескольких исследований советского и постсоветского потребления, выполненных с помощью количественных и качественных методов группой авторов. О.Г. Ечевская, О. Гурова, О. Вейс, О. Дейхина, Ю. Захарова. проанализировали особенности идеологического дискурса о вещах, семиотики вещей и отношения к вещам в советской и современной России. Исследование вещного мира осуществляется и в литературоведении. Так, Н.Э. Марцинкевич изучила вещный мир женщины в творчестве А. Блока3. В целом, литературоведение

---

[1] *Елютина М.Э.* Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 101–108; *Касенкова Н.А.* Вещи как компонент пространства духовной жизни современной молодежи: дис. … канд. соц. наук. Тамбов, 2009.

[2] Люди и вещи в советской и постсоветской культуре / под ред. О.Г. Ечевской. Новосибирск, 2005.

[3] *Марцинкевич Н.Э.* Женский вещный мир в творчестве А. Блока // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 2. С. 23–29.

активно анализирует вещно-предметный мир в отечественной и зарубежной прозе и поэзии.

Изучение вещей неотделимо от категории «повседневность». Повседневная жизнь определяется составом окружающих его вещей и, в свою очередь, определяет их. Вещь как элемент повседневности описывается в ряде исследований. Можно заметить, что в социокультурном отношении вещи изучались и изучаются в основном в контексте исторических типов культуры (например, советской) и жизнедеятельности социальных групп. Т. Щепанская показывает, например, что вещи в молодежных субкультурах выступают символами поддержания коллективной идентичности. При этом важна не материальная ценность вещей, а их символическая роль[1]. В исследовании Ю.С. Колчановой рассматривается мир вещей советских инженеров. Автор особое внимание уделила статусным вещам, недоступным большинству горожан в 1930-е гг., отметила наличие индивидуальных потребностей и предпочтений у технических специалистов, аргументировала тезис об иерархичности мира вещей инженерно-технических работников[2]. Серия статей О.А. Сулеймановой посвящена различным аспектам изучения вещей в историческом контексте[3].

Исследованием мира вещей в экстремальных условиях военного времени сквозь призму истории повседневности активно занимаются историки Южного научного центра РАН. Так, в работах М.А. Рыбловой анализируется культура военной городской повседневности. Основной акцент автор делает на выявление особенностей функционирования вещей (как части повседневного пространства) в экстремальных условиях Сталинградской битвы. М.А. Рыблова выявила изменения, происходившие в системе вещного мира, и показала процессы кардинальной смены норм и правил, определяющих отношение людей к вещам[4]. Коллективный труд историков ЮНЦ РАН посвящен частной жизни советского человека в годы

---

[1] *Щепанская Т.Б.* Символика молодежной субкультуры: опыт этнографического исследования системы, 1986–1989 гг. СПб., 1993.

[2] *Колчанова Ю.С.* Мир вещей советского инженера в 1930-е годы (по материалам пермских архивов) // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 1 (28). С. 220–227.

[3] *Сулейманова О.А.* «Семейные вещи»: к интерпретации понятия // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 68–79; *Ее же.* Памятная вещь в семейной культуре // Живая старина. 2013. № 4. С. 36–39; *Ее же.* Вещь как средство адаптации на новом месте жительства (на примере переселенцев Кольского севера последней трети XX в. – начала XXI в.) // Перспективы науки. 2015. № 6 (69). С. 45–49.

[4] *Рыблова М.А.* Мир вещей и культура городской повседневности в экстремальных условиях // Социология города. 2015. № 4. С. 22–35.

Великой Отечественной войны[1]. Авторы определяют границы частной жизни как предмета изучения, рассматривают особенности ее отражения в исторических источниках. Значительное внимание уделено семейным отношениям, любви и дружбе, жилищному и религиозному вопросам в жизни советского человека, а также практикам использования свободного времени в 1941–1945 гг. В трудах Т.П. Хлыниной поднимается широкий спектр проблем, связанных с изучением многомерного пространства истории повседневности. Автор анализировала историю повседневности в русле жилищного вопроса в Советской России, в контексте эмоциональной составляющей по материалам источников личного происхождения, изучала практики и стратегии выживания населения в экстремальных условиях 1920–1940-х гг.[2] В статьях И.Г. Тажидиновой рассматривается вопрос об особенностях восприятия вещей в годы войны. Автор охарактеризовала каноны потребления и режим отношения к вещам в изучаемый период, акцентировала внимание на изменениях в сфере вещных практик и в повседневной жизни периода Великой Отечественной войны. Особый интерес представляет анализ таких явлений военного лихолетья, как «трофейная лихорадка» и процесс приобщения в материально-вещной среде за пределами Советского Союза[3]. Однако историки до сих пор не обращались к проблеме анализа повседневной жизни населения тыла периода военного времени в вещном измерении.

---

[1] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д, 2013.

[2] *Хлынина Т.П.* Великая Отечественная война и новая историческая память: «понимающее забвение», «проработка прошлого» и креативное мифотворчество // Русская старина. 2013. № 2 (8). С. 97–104; *Ее же.* Жизнь в эпоху перемен, или о том, как в 1920–1940-е гг. в советской России решался жилищный вопрос // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 3. С. 60–66; *Ее же.* Жилое пространство и особенности его организации в советской России в 1920–1940-е гг. // Былые годы. 2013. № 27 (1). С. 61–70; *Ее же.* «Писали и про войну, и тоску по дому»: дневники и письма военного времени как практики реализации приватного // Проблемы российской истории. 2013. № 1. С. 295–307; *Ее же.* Частная жизнь советского человека в двух дневниках периода Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 2013. № 1. С. 66–73; *Ее же.* Жилищный вопрос и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2014. № 5 (29). С. 17–38; *Ее же.* «Дворцы из сливовых косточек»: градостроительные утопии и советская жилищная политика 1920-х – 1930-х гг. // Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2015. С. 89–98.

[3] *Тажидинова И.Г.* Ценность вещей и повседневные практики взаимодействия с ними в условиях военного времени // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 407–416; *Ее же.* Ценность вещей сквозь призму фронтовой повседневности // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 5. С. 82–88.

В отношении изучения проблем, связанных с Великой Отечественной войной, важно отметить тенденцию демифологизации, т.е. обращение историков к изучению второй стороны войны – потерь, страха, боли, предательства, и тенденцию антропологизации, подразумевающую обращение к «маленькому человеку». Исторические сюжеты, связанные с городами тыла, демонстрируют экстремальный характер войны. На примере тыловых городов можно изучать и демонстрировать двойственность бытия эпохи войны, когда одни совершали трудовой подвиг, а другие наживались. Прошло более 70 лет со дня победы в Великой Отечественной войне, сменяются поколения людей – это дает возможность историку, изучая прошлое, абстрагироваться от эмоций и максимально объективно анализировать разнообразные аспекты жизни населения Советского Союза в военное время.

В условиях войны и всеобщего дефицита ценность вещей возрастала с каждым днем. Повседневные личностные вещи осуществляют как синхронную, так и диахронную связь. Последняя в исторических исследованиях особенно важна, т.к. отражает взаимодействия между ныне живущими поколениями людей и их предками, а средством этой связи выступают вещи. Взаимодействие человека с окружающими его вещами демонстрирует социально-психологические связи субъекта и его пространства (вещей). Самые простые бытовые вещи, с которыми каждый человек взаимодействует каждодневно, вызывают у него привязанность, формируют комплекс устойчивых ассоциаций, приятных или не слишком воспоминаний о событиях и людях из прошлого. В результате формируется желание хранить, накапливать, оберегать вещи, заботиться об их сохранении, а также возникает сожаление в случае потери, поломки или необходимости избавиться от какой-либо вещи из своего прошлого. Вполне очевидно, что отношения человека и вещи являются сугубо индивидуальными. По справедливой оценке историков из ЮНЦ РАН, «ценность вещи для человека определяется как особенностями самой вещи, так и социально-демографическими, социально-психологическими характеристиками индивида»[1]. При этом каждая эпоха обладала своими стандартами потребления, задаваемыми спецификой времени.

В годы Великой Отечественной войны в Магнитогорске, в глубоком тылу, вещи играли существенную роль в жизни каждого человека. Некоторые вещи с высоты прошедшего времени могут показаться незначительными или малоценными, однако в годы военного лихолетья мелочи порой спасали жизнь человека. Военные годы, несомненно, выступали как период скудности, однообразия и тотального дефицита. В этой связи вещи ценились особенно

[1] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени… С. 183.

высоко: их обменивали, покупали у спекулянтов и у знакомых, крали… «Материалистичность» вещей возрастала с каждым новым днем войны, в том числе и в связи с появлением в городе эвакуированных. Перемена места жительства заставляла забыть старые привычки, связанные с расположением мебели, вещей, понятиями «уют» и «комфорт». В письмах военных лет, авторами которых были магнитогорцы, неоднократно возникают сюжеты, связанные с бытовыми трудностями совместного проживания с чужими людьми. Так, в письмах В.Ф. Берсеневой переплетаются две ключевые мысли о совместном существовании разных семей в одной квартире, прежде принадлежавшей безраздельно семье ведущего детского врача города Ф.О. Краузе. Первая мысль о том, что военное время требует самопожертвования и взаимной помощи, что для победы над врагом ничего не жалко. Вторая – о трудности вынужденного соседства с эвакуированными. Тяготили скученность людей, чужие привычки, ссоры, а также бесцеремонное отношение к имуществу хозяев квартиры. В письме В.Ф. Берсеневой от 12 февраля 1942 г. отмечено: «С нашими вещами обращались очень бесцеремонно. Рылись в наших шкафах в наше отсутствие и прочее»[1]. Несмотря на стремление В.Ф. Берсеневой избегать любых конфликтов в общении с соседями, конфликты иногда случались. Так, в обстановке жуткой скученности и тесноты велосипед семьи Краузе-Берсеневых, хранившийся в коридоре, вызывал всеобщее неодобрение. В.Ф. Берсенева, как и большинство женщин, испытывала особую привязанность к вещам в целом, и к этому велосипеду в частности, все-таки была вынуждена продать его после череды ссор.

За каждой вещью – будь то книга или предмет мебели – крылись воспоминания о чудесных днях, проведенных вместе. В то время, когда в жизни семейства Краузе возникла необходимость переехать в другой город, В.Ф. Бересенева тщательно собирала и упаковывала вещи: «Девять дней мы провели в напряженной упаковке и устройстве всяких дел, отец [Ф.О. Краузе] получил расчет на работе, взяли документы детей из школы, продали часть книг и пластинок (1600 рублей), готовили теплые вещи для зимней длинной дороги, добывали упаковочные материалы для библиотеки и вещей <…> я собираюсь ночью паковать матрасы и кровати… как мне объявляют, что горисполком “просит” его [Ф.О. Краузе] остаться на Магнитке… Отец распаковал все 37 ящиков с книгами и расставил все по местам в должном порядке»[2].

Книги для данной семьи представляли особую ценность. В своих письмах В.Ф. Берсенева постоянно отмечала, что нужно найти

[1] Пришла война в Березки. Письма матери / под ред. О.Ф. Краузе. Череповец, 2011. С. 8.

[2] Там же. С. 80.

ящики и рогожи, чтобы сохранить книги: «Надо мне все-таки потихоньку собираться: укладывать книги и прочее. Надо заботиться о ящиках, веревках, рогожах…»[1]. В новой комнате в коммунальной квартире В.Ф. Берсенева вновь бережно расставляла книги на подвесные полки. Даже оставшись одна с двумя детьми, с больным сердцем, В.Ф. Берсенева не отказалась перевозить книги в новую квартиру. Напротив, забота о книгах была одной из ключевых. Лишь в один из самых сложных моментов, после обыска в квартире и ареста супруга, В.Ф. Берсенева отметила: «Удивительно пустым и чужим мне кажется дом. Я сморю на привычные вещи, и они мне кажутся чужими. Как будто это уже не мои комнаты, а какая-то гостиница, где я кратковременный жилец. Книги на полках перепутаны, и я к ним не прикасаюсь, они уже не наши. Они сданы мне на хранение. Ты можешь это постичь?»[2]

Не менее значимым предметом в жизни семьи было пианино. С музыкальным инструментом семья не рассталась и после переезда в коммунальную квартиру: «Отвезла деньги за прокат пианино и сказала, что пока инструмент оставляю за собой. Платить за него надо по 60 рублей в месяц. Отказаться от него мне очень жалко»[3].

Сложно говорить о том, насколько другие жители Магнитогорска ценили книги, пластинки и музыкальные инструменты, т.к. в их письмах подобные сюжеты не возникали. Семья Краузе-Берсеневых – представители интеллигенции, люди с высшим образованием, полученным в дореволюционный период, отличались от основной массы населения города, в письмах которых отношение к вещам было в основном прагматичное. Так, А. Грязнов писал жене о том, чтобы она не жалела его пальто и рубашки и перешивала из них необходимую одежду для дочери. В военной переписке фронта и тыла содержится информация о том, что уровень жизни в тылу был крайне низким, поэтому отцы, мужья, сыновья, ушедшие на фронт, пересылали домой в Магнитогорск деньги. «Я буду высылать каждый месяц по 1000 рублей», – заканчивал свое письмо гвардии младший лейтенант, командир танкового отделения П.И. Шеметов[4]. Герой Советского Союза П.Ф. Бибишев, который на фронте командовал эскадрильей гвардейского штурмового авиаполка, в письме от 10 января 1943 г. своим родителям писал: «Как вы пишите, что, может быть прислать мне носки. Насчет этого даже и не думайте. Нас обеспечивают хорошо во всех отношениях. А поэтому что-нибудь присылать и не думайте… Деньги я вам еще не высылал, – не получал. Как буду получать – обязательно

[1] Пришла война в Березки. Письма матери. С. 116.

[2] Там же. С. 89.

[3] Там же. С. 88.

[4] Фронтовые письма – нервы войны / сост. Т.В. Фатина. Магнитогорск, 2015. С. 73.

вышлю»[1]. Действительно, фронтовики были относительно свободны от забот о материальной стороне жизни. Но, наблюдая жизнь на железнодорожных станциях или в городах, они понимали, что деньги как «основной эквивалент» уступили место продуктам[2].

А.Н. Грязнов, сталевар-стахановец Магнитогорского металлургического комбината, фронтовик, участник прорыва блокады Ленинграда, регулярно в письмах указывал на трудности материального обеспечения его семьи в Магнитогорске. Будучи на фронте, он пытался всеми силами помочь жене и дочери в решении бытовых вопросов. Так, в письме от 23 апреля 1944 г. он писал: «Доченька моя милая, мне очень сильно хотелось, чтобы ты получила деньги к первому мая, для того, чтобы купить себе пальто. Не мог этого сделать, во-первых, поздно узнал об этом. Во-вторых, не под руками деньги. Пришлю, как только сумею переслать… Покупайте вместе с мамой пальто такое, чтоб оно было красивое. Пусть на одну-две осени хватит, и то хорошо. А там купим, если буду жив. Если не буду жив, – забирайте мое пальто и переделывайте»[3]. Мерилом цен был не рубль, а соль, спички, табак и проч. Подобная обстановка порождала тревожные мысли у фронтовиков о жизни своих семей. Из контекста писем фронтовиков следует, что родственники часто сообщали им подробности того, какие вещи пришлось продать или обменять, жаловались на житейские проблемы. Эта регулярно поступающая информация о бедствиях собственных семей, осознание невозможности помочь им физически и материально переживались крайне болезненно. Видимо поэтому фронтовики в письмах часто упоминают, что выслали деньги.

Преодоление привязанности к вещам в экстремальных обстоятельствах было вполне закономерным явлением. Постепенно обстоятельства вынуждали В.Ф. Берсеневу продавать дорогие сердцу вещи, выменивать вещи на продукты, сдавать в комиссионный магазин. Так, в письме от 13 мая 1942 г. женщина сообщала родственникам в Москву о том, что ей «удалось сменить картошки на два стареньких детских пальто»[4], а в сентябре того же года В.Ф. Берсенева «выменяла на вещи 5 кило масла»[5]. Однако процесс отторжения ценности материального в тылу происходил медленнее, чем на фронте. В условиях, когда участники боевых действий каждый день встречались со смертью, вещи утрачивали ценность крайне быстро. В тылу ситуация была иной. Ценность вещей менялась скоротечно. Вещь можно было обменять на продукты и спасти жизнь себе и своей семье.

---

[1] Фронтовые письма – нервы войны. С. 83.

[2] *Тажидинова И.Г.* Ценность вещей сквозь призму фронтовой повседневности. С. 83.

[3] Фронтовые письма – нервы войны. С. 87.

[4] Пришла война в Березки. Письма матери. С. 104.

[5] Там же. С. 132.

С каждым новым днем войны ценность одних вещей возрастала, а других падала. Судя по письмам магнитогорцев, неизменной ценностью пользовались обувь, одежда, швейные иглы и машины и, конечно, мыло. Мебель, которую с большим трудом добывали магнитогорцы в 1930-е гг., теперь никого не интересовала. В.Ф. Берсеневой хоть и было жалко расставаться с предметами интерьера, но иного выхода она не видела: «Я боюсь остаться без денег к переезду. Ну, продам что-нибудь из мебели. Большинство вещей и библиотека вся описаны, поэтому неприкосновенны, но кое-какое барахло есть в моем распоряжении… Нужны мне деньги, с одной стороны, и некуда девать громоздкие вещи (столовый стол, буфет и т.п.). Может быть, продам велосипед… Жаль только, что за мебель сейчас почти ничего не дают. Придется отдавать за бесценок… Вещи хочу попробовать продать по объявлению, в комиссионном магазине и на базаре дают бессовестно мало. Если уж никто не купит, тогда сдам в магазин»[1]. Табак представлял собой в тылу так же, как и на фронте, значимую вещь. В.Ф. Берсенева писала неоднократно сыну с просьбами изыскать возможность и переслать ей табака или махорки: «Мне очень трудно жить без табаку. Это самое тяжелое из всех лишений для меня. Ты накапливай для меня в Москве табак, может быть появится случай послать. Попробуй послать немного в письме, хотя, вряд ли дойдет – вытащат и выкурят по дороге»[2].

Война и мобилизационная модель существования требовали от населения тыловых городов менять привычный образ жизни. В практической плоскости смена образа жизни выражалась также и в смене отношения к вещам. Прежняя расстановка мебели в квартире стала невозможной, подселение новых жильцов и их постоянная ротация создавали перманентное состояния переезда, жизни на чемоданах. Так, семья Краузе-Берсеневых за период с июня 1941 г. по декабрь 1942 г. вынуждены были дважды собирать все вещи к переезду на новое место жительства (первый так и не состоявшийся переезд был связан с переводом Ф.О. Краузе на новое место службы; второй переезд состоялся после ареста Ф.О. Краузе, когда его жена и дети были выселены из своей квартиры в коммуналку) и пять раз перераспределять жилое пространство в своей квартире из-за вселения / выселения эвакуированных в их квартиру. В письмах В.Ф. Берсеневой несмотря ни на какие трудности вещам уделялось значительное внимание. Даже после переселения в коммунальную квартиру расстановка мебели и расположение вещей в комнате были важным мероприятием: «В комнате установилось: моя большая кровать, диван, письменный отцовский стол, пианино, шкаф из детской, комод, отцовское кресло от письменного стола, этажерка

[1] Пришла война в Березки. Письма матери. С. 119, 120, 122.

[2] Там же. С. 85.

и три стула. Помещение несколько напоминает купе железнодорожного вагона, но зато все близко, все под рукой. Все стены в книжных полках»[1]. Вещи несли эмоциональную нагрузку, и, возможно, «диалог с вещами» играл рекреационную функцию в сложнейших условиях военного времени.

Жизнь в эвакуации и отношение к вещам заслуживает пристального внимания в рамках военной истории повседневности. В эвакуации формировались адаптивные стратегии выживания как эвакуированного, так и местного населения. Все многообразие стратегий выживания можно классифицировать по степени законности (легальные и противозаконные), на активные и пассивные (конформистские), физиологические, связанные с реализацией базовых потребностей человека, и эмоциональные, влияющие на психосоматическое состояние человека. В Магнитогорске использовались все перечисленные стратегии выживания. Семья Краузе-Берсеневых невольно вырабатывала свои адаптивные механизмы по отношению к вынужденному соседству. Так, В.Ф. Бересенева сообщала, что ни при каких обстоятельствах не станет ругаться с соседкой по квартире, которая «очень хочет учинить скандал»[2]. Чтобы не ссориться с соседями по коммуналке, В.Ф. Берсенева решилась на продажу дорогого сердцу велосипеда. Режим жесткой экономии и хозяйственность в годы войны играли очень большую роль. В.Ф. Берсеневой пришлось научиться сажать картошку, а попутно и копать землю, изыскивать возможность покупать семена. Хозяйственность и экономность женщин в военное время особенно ценились. Приготовить обед для семьи в сложнейших условиях дефицита и латентного голода было непросто.

Противозаконные стратегии тоже получили широкое распространение в городе. Источники личного происхождения в основном демонстрируют истории жертв противоправных деяний, что вполне обоснованно: вряд ли кто решился бы в письмах рассказывать о том, что украл чужое, пусть даже и ради спасения жизни. В письмах В.Ф. Берсеневой описано несколько случаев знакомства ее семьи с действиями воров. Так, 22 мая 1942 г. в письме своему старшему сыну Руфу она писала: «Еще одна у меня крупная неприятность из-за чужих вещей, которые оставались у меня на хранении, затем были отправлены хозяевам (Тарановым, которые жили у нас осенью) и частично пропали где-то по дороге. На мое большое горе эти вещи были у нас в квартире распакованы 10 марта[3], и после этого некоторое время стояли у меня в распакованном виде. Таким

[1] Пришла война в Березки. Письма матери. С. 124.

[2] Там же. С. 97.

[3] 10 марта был арестован Ф.О. Краузе, в квартире проводился обыск.

образом, мне трудно доказать, что я к ним не прикасалась и не причастна к пропаже»[1]. Жертвой воровства стал сын В.Ф. Берсеневой Оскар Краузе: «У Кари в пионерском лагере украли кое-какие его необходимые вещи и весь шоколад, который он не ел стоически, чтоб привезти домой и устроить праздник»[2].

Сбор вещей на фронт солдатам преподносился советской пропагандой как исключительно добровольная форма помощи населения участникам боевых действий. Не исключая желания помочь фронту, стоит понимать, что в тылу ситуация с материальными ценностями была крайне сложной, и население вынуждено было искать способы выживания. В ситуации со сбором вещей для фронта следует учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, климатические особенности региона. Так, например, на юге России сбор теплых вещей был осложнен их фактическим отсутствием у населения. Если же теплые вещи имелись в наличии, то их старались сохранить для себя на случай эвакуации. Во-вторых, «расставанию советских людей с вещами мешали как скудость материальных ресурсов, так и специфика традиционного отношения к вещам»[3]. Однако вещи для фронта изыскивались и в самых скромных жизненных обстоятельствах. Магнитогорцы принимали активное участие в формировании посылок на фронт. Широко известен факт, что на средства, собранные жителями Урала, был создан танковый корпус. Городская ежедневная газета «Магнитогорский рабочий» регулярно сообщала о помощи магнитогорцев фронтовикам. Горожане собирали посылки на фронт, в которые передавали скромные, но ценные вещи.

Таким образом, в тыловом Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны отношение к вещам существенно изменилось. Можно отметить несколько основных тенденций в «диалоге» материальных ценностей. Во-первых, изменения в жизни заставляли расставаться с прежними привычками, в т.ч. и по отношению к «миру вещей»; во-вторых, война вынуждала многих сменить место жительства и в этой связи сборы вещей были особенно важным мероприятием; в-третьих, расставание с вещами было сложным явлением (с одной стороны авторы всех писем прекрасно осознавали цену вещам, понимали их значимость, но с другой стороны память удерживала человека от расставания с дорогими сердцу вещами); в-четвертых, из-за вещей часто возникали конфликты самой разной природы; в-пятых, сбор вещей для фронта стал одним из самых важных явлений в жизни тыловых городов.

---

[1] Пришла война в Березки. Письма матери. С. 108.

[2] Там же. С. 127.

[3] *Тажидинова И.Г.* Ценность вещей и повседневные практики ... С. 410.

Продовольственное обеспечение сельского населения Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны как одна из характеристик повседневности военного времени

А.С. Линец, С.И. Линец, А.С. Микаэлян

Светлой памяти Татьяны Павловны Хлыниной посвящается

В последние десятилетия в отечественной исторической науке произошли поистине кардинальные изменения, ставшие ответами на вызовы времени. Прежде всего, появились и стали активно разрабатываться новые актуальные направления в изучении исторического прошлого российского государства, его многонационального населения, отдельных социальных групп. К числу таких новаторских прорывов, безусловно, следует отнести разработку теории и практики повседневности советского человека в разные периоды XX в. В этом аспекте, на наш взгляд, одной из наиболее интересных и перспективных проблем является изучение истории повседневности городского и сельского населения СССР в годы Великой Отечественной войны. Определенные положительные сдвиги в этом направлении историками уже сделаны. Однако, как справедливо отмечают Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина, «повседневная жизнь советского человека по-прежнему остается заповедной территорией с плохо прочитываемыми взаимосвязями и индивидуально выстраиваемыми стратегиями освоения социальных норм и практик социалистического общежития»[1].

Сельские жители Ставропольского края в первый год Великой Отечественной войны не испытывали серьезных затруднений с обеспечением своих семей основными видами продуктов питания. Этому обстоятельству способствовал, в частности, богатый урожай зерновых, огородных и плодовых культур, собранный летом и осенью 1941 г. Подтверждением этому служат выводы, сделанные 24 сентября 1941 г. первым секретарем Ставропольского крайкома ВКП(б) М.А. Суслова в его докладе «Великая Отечественная война

[1] *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011. С. 6.

и задачи партийных организаций» на собрании краевого партийного актива. Он в этой связи сказал: «Колхозы и совхозы края добились в этом году обильного урожая колосовых культур, проса, кукурузы, подсолнечника, овощей, картофеля, винограда. Урожай по зерновым культурам почти на 2 ц с гектара выше прошлогоднего, а урожай проса почти в 2 раза выше прошлогоднего. Уборка урожая колосовых проведена успешно»[1].

Учитывая этот фактор, а также потребность фронта в продовольствии, с первых же дней Великой Отечественной войны сельские труженики значительно увеличили объемы поставок продуктов питания государству. Одновременно колхозы и совхозы Ставрополя существенно сократили сроки таких поставок, перевыполняя плановые задания. К примеру, колхозы Карачаевской и Черкесской автономных областей уже к концу июля 1941 г., т.е. всего за месяц после начала войны, отчитались о выполнении годового плана мясопоставок. Более того, многие общественные хозяйства стали сдавать мясо и другие виды продовольствия в счет 1942 г. Колхозы Буденновского района в сентябре 1941 г. также выполнили годовой план по сдаче молока. В целом же в ноябре 1941 г. в Ставропольском крае был полностью выполнен годовой план по поставкам государству всех видов животноводческой продукции. Страна получила также более 65 млн пудов ставропольского зерна[2].

Понятно, что такое новаторское движение влекло за собой определенное сокращение рациона питания в крестьянских семьях, вынуждало их экономить продукты питания. Тем не менее даже увеличившиеся отчисления продовольствия на фронт, появление различных патриотических продовольственных фондов в пользу раненых воинов, семей фронтовиков и другие фонды не оказали существенного влияния на продовольственный рацион крестьянских семей Ставрополья в первые полгода Великой Отечественной войны. Отмечая данный факт, В.А. Бондарев даже утверждает: «К началу 1942 года, по сравнению с 1940 годом, потребление колхозниками продуктов питания снизилось незначительно, а в ряже случаев даже возросло. Это касается зернобобовых, муки, картофеля и других продуктов, произведенных в личных крестьянских хозяйствах и в колхозе и переработанных на месте».[3]

[1] Наш край: документы и материалы (1917–1977 гг.). Ставрополь, 1983. С. 197–198.

[2] Ставропольское село: в людях, цифрах и фактах: научно-популярное издание / под общ. ред. В.К. Целовальникова, сост. А.В. Горбачев, В.Г. Хворостьянов, В.К. Целовальников. Ставрополь, 2011.

[3] *Бондарев В.А.* Милитаризованная повседневность деревни Юга России в 1941–1945 гг. // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2010. С. 355.

Что касается других видов продовольствия, в первую очередь, мяса и молочной продукции, овощей и фруктов, то их потребление сельским населением Ставрополья с началом войны снизилось. Сахар и кондитерские изделия, т.е. продукты переработки, поступавшие в сельскую местность в централизованном порядке, практически исчезли из его питательного рациона. В этом отношении показательными являются воспоминания М.Н. Ломоносовой, проживавшей в годы войны в селе Благодатном Петровского района Ставропольского края. Она свидетельствует: «Фрукты – единственная сладость, которая была у нас в годы войны. В основном их сушили из винограда, выжимали сок»[1].

Следовательно, в наихудшей ситуации с началом Великой Отечественной войны оказались сельские жители – колхозники и работники совхозов и их семьи, на которых карточная система не распространялась. Притом, что сами сельские жители получали минимум на свои заработанные в общественных хозяйствах трудодни. Достаточно сказать, что в 1942–1943 гг. в среднем по стране колхозники получали на одного человека в день всего 200 г зерна и 100 г картофеля, а мясо, молоко и яйца вообще, как правило, отсутствовали в их продуктовом рационе[2].

В 1943 г. в целом по СССР потребление среднестатистическим колхозником хлебобулочных изделий уменьшилось по сравнению с 1939 г. на 35 %, а по мясу и салу – на 66 %[3]. Если же учесть еще и многочисленные патриотические фонды, в которые необходимо было сдавать значительную часть своего скудного семейного продовольственного запаса, то можно сделать вывод об острой нехватке продуктов питания у абсолютного большинства советских граждан. К примеру, в Моздокском районе Ставропольского края в августе 1941 г. во всех колхозах прошли собрания, на которых колхозники выразили свою поддержку правительственному решению о создании фонда обороны. Каждый из них обязался ежемесячно перечислять в этот фонд 5–10 трудодней, а передовые труженики сельского хозяйства – 20–40 трудодней из своего месячного заработка. Кроме того, уже к 12 августа по всем колхозам Моздокского района в фонд обороны дополнительно было перечислено зерна – более 130 т, картофеля – 8,5 т, молока – 22,7 т, мяса – 2,9 т, овощей – 18 т, овец – 353 головы. В свою очередь в Старо-Марьевском районе труженики шести колхозов к середине августа 1941 г. собрали и передали в фонд обороны более 32 т различных продуктов питания, а также

[1] Дети войны: 1941–1945 гг. (антропологический аспект): хрестоматия / отв. ред. Е.Г. Пономарев. Ставрополь, 2011. С. 217.

[2] *Анисков В.Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда; Ярославль, 1998. С. 44–45.

[3] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 543.

60 свиней и 1500 кур[1]. Летом 1941 г. участие колхозников в таких патриотических начинаниях еще не было для них серьезным обременением. В советском обществе еще превалировали победные настроения, связанные с ожиданиями быстрого разгрома зарвавшегося врага Красной армией и победоносным завершением войны уже к концу 1941 г. Поэтому все эти инициативы в начале войны не казались обременительными. Однако они тем не менее постепенно истощали продовольственные и ресурсы колхозных амбаров, и семейные запасы колхозников. В результате все трудности с наличием продовольствия выявились несколько позже, только к весне 1942 г.

Ситуация с продовольствием усугублялась в известной степени еще и тем, что в первые же недели Великой Отечественной войны в Ставропольский край стали прибывать десятки тысяч эвакуированных из Молдавии, Украины и Белоруссии беженцев. К середине осени 1941 г. в крае их уже было более 210 тыс. человек. Сельские жители всем, чем могли, помогали эвакуированным гражданам, обеспечивая их в первую очередь частью своих продовольственных запасов.

Постепенно, начиная с ноября-декабря 1941 г., ситуация с наличием продовольствия в семьях колхозников и рабочих совхозов стала быстро ухудшаться. Вначале сельские семьи стали испытывать нехватку некоторых видов продуктов питания, что привело к значительному сокращению их потребления. Вслед за этим изо дня в день чувство голода стало преследовать каждую колхозную и совхозную семью, являлось, пожалуй, самым распространенным эпизодом повседневного быта в воспоминаниях людей, переживших тяжелейшие события того времени. Поскольку Ставропольский край являлся к началу Великой Отечественной войны аграрным регионом страны, поэтому большая часть его населения проживала в сельской местности. Согласно официальным статистическим данным, к началу 1940-х гг. городские жители составляли 23 % или 351 тыс. человек, а сельские жители – 77 % или 1 млн 408 тыс. человек[2].

Конечно, у сельских жителей было больше возможностей, чем у городского населения, для выращивания и поиска различных продуктов питания. Но, с другой стороны, именно колхозное крестьянство оказалось в самом плачевном состоянии в военное время в продовольственном обеспечении. И это притом, что именно село кормило не только Красную армию, которая вела войну с германским вермахтом за спасение Отчизны, но и многомиллионное население городов страны. Поэтому война заставила использовать,

[1] *Климова Н.Ю., Линец С.И.* Трудовой и ратный подвиг молодежи Ставрополья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пятигорск, 2006. С. 50, 52.

[2] Ставрополье за 50 лет: сборник статистических материалов. Ставрополь, 1968. С. 9.

казалось бы, уже забытые, канувшие в лету способы и приемы спасения сначала от хронического недоедания, а в последующие годы войны – даже от смерти.

Прежде всего, колхозников и работников совхозов спасали личные подсобные хозяйства. Для многих жителей края они были своеобразной гарантией выживания. Небольшой огород и сад позволяли их владельцам не только более или менее нормально питаться фруктами и овощами летом и осенью, но и запасать часть собранного урожая на зиму и весну. М.П. Ломоносова, проживавшая с семьей в селе Тугулук Грачевского района, так оценивает роль приусадебного участка: «Огород кормил нас. На зиму в кадушках (банок у нас не было) засаливали капусту, помидоры, огурцы… Все засолы и сырые овощи, приготовленные на зиму, хранили в подвале… Прокормиться помогло хозяйство. Кормилицей была корова»[1]. Согласно официальным статистическим данным, в годы Великой Отечественной войны личное подсобное хозяйство колхозника давало ему до 90 % продуктов питания, которые он не получал по трудодням в колхозе[2]. Наряду с этим, во-первых, подсобные хозяйства колхозников были еще и важнейшим источником выполнения обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству. Во-вторых, они являлись также одной из первостепенных по своей значимости форм оказания продовольственной помощи фронту.

Так, к примеру, в декабре 1941 г. труженики Ставрополья отправили в действующую армию 19 вагонов с различными подарками, большую часть которых составляли различные продукты питания. 20 февраля 1942 г. крайком партии направил телеграмму в ЦК ВКП(б), в которой указывалось, что жители края направили на фронт очередной эшелон в составе 41 вагона с подарками для воинов Красной армии. В нем находилось 68 500 индивидуальных подарков, из которых лишь 2680 были собраны на предприятиях, в учреждениях и в колхозах. Все остальные подарки являлись индивидуальными, любовно собранными и упакованными для защитников Родины главным образом сельскими жителями Ставрополья. В этих подарках было расфасовано почти 43 т мяса, птицы и колбасы, 31 т конфет, печенья, сахара и кондитерских изделий, 1,8 т сушеной и копченой рыбы, 5000 банок консервов, 4,2 тонны сушеных фруктов и т.д.[3]

Следует учитывать тот факт, что все эти продуктовые подарки направлялись на фронт в конце зимы 1942 г., когда во многих семьях жителей края заканчивались запасы продуктов питания,

[1] Дети войны: 1941–1945 гг. (антропологический аспект). С. 215–216.

[2] Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 102.

[3] Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Ставрополь, 1962. С. 246–247.

полученные в большинстве своем из личных подсобных хозяйств. Следовательно, люди отчетливо понимали, что им придется переходить на жесткий режим экономии, чтобы растянуть оставшееся продовольствие до созревания нового урожая. В данном случае патриотизм населения тыла и его страстное желание помочь воинам Красной армии были более сильными моральными стимулами, чем инстинкт самосохранения.

Весной 1942 г. в сельских районах Ставропольского края местные органы власти, как свидетельствуют архивные документы, занимались не только вопросами безусловного выполнения колхозами и совхозами планов по производству и продаже государству всех видов сельскохозяйственной продукции, но и решением проблем, мешавших снабжать сельское население имевшимися, пусть и крайне незначительными продовольственными ресурсами.

Весьма показательным в этом отношении примером является совместное заседание бюро Петровского райкома ВКП(б) и райисполкома, которое состоялось 13 апреля 1942 г. На нем были проанализированы все вопросы, касавшиеся колхозной торговли в Петровском районе, непосредственно влиявшие на снабжение местного населения продуктами питания. Так, в постановлении бюро отмечалось, что руководители большинства колхозов района значительно снизили завоз на колхозные городские и районные рынки сельскохозяйственной продукции и различных видов продовольствия. Следовательно, население Петровского района испытывало проблемы с приобретением необходимого количества и ассортимента продуктов. Отдельные колхозы района устанавливали на свою продукцию на рынках спекулятивные цены, что являлось недопустимым фактом в условиях сурового военного времени. В постановляющей части решения Петровского райкома ВКП(б) и райисполкома отмечалось: «немедленно покончить с безразличным отношением к организации колхозной торговли, устранить самотек в этом деле и в ближайшее время добиться решительного улучшения снабжения городского населения сельскохозяйственными продуктами через колхозные рынки… Решительно искоренить разбазаривание продуктов, выделенных для продажи на городских рынках в порядке колхозной торговли»[1]. Жесткие рекомендации районных властей, адресованные руководителям колхозов Петровского района, позволили в короткие сроки переломить ситуацию в данном вопросе и значительно улучшить снабжение городского и сельского населения продуктами питания.

В июне 1942 г. население Ставропольского края, в первую очередь сельские труженики, отправили на фронт очередной эшелон

[1] Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 38. Оп. 1а. Д. 49. Л. 19–20.

с продовольственными подарками в составе около 40 вагонов. При этом 14 вагонов получили воины из 2-го гвардейского кавалерийского корпуса и 10 вагонов солдаты и офицеры 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. В обоих корпусах служило немало уроженцев Ставропольского края. 24 июня 1942 г. Главное управление продовольственного снабжения Красной армии выдало соответствующую справку о приеме продовольственных подарков руководителю делегации от Ставропольского края, члену крайкома ВКП(б) Л.Я. Борохову[1].

Параллельно со сбором и отправкой на фронт продовольственных подарков в сельских районах Ставропольского края в первый год Великой Отечественной войны осуществлялся также сбор продовольствия для последующей его передачи освобожденным от оккупантов районам страны. Как обычно это было в военное время, колхозники якобы добровольно выдвигали очередной патриотический или трудовой почин, а крайком партии одобрял его и предлагал всем сельским труженикам поддержать его. В данном случае в постановлении бюро Ставропольского краевого комитета ВКП(б) от 2 июля 1942 г. указывалось, что «…благородный почин колхозников сельскохозяйственной артели имени Кирова Петровского района о помощи колхозам и колхозникам Тульской области, пострадавшим от фашистских оккупантов, нашел широчайший отклик среди всех колхозников Орджоникидзевского края»[2]. Результатом этого нового патриотического почина стала отправка в Тульскую область свыше 105 тыс. ц семенного и продовольственного зерна и 651 941 рублей наличными деньгами.

После освобождения территории Ставрополья от немецких оккупантов одной из главных задач для руководства края и всех его сельских тружеников стало возрождение сельскохозяйственной отрасли, восстановление производственного потенциала колхозов и совхозов. Одновременно необходимо было в кратчайшие сроки начать выполнять обязательства по поставкам государству всех видов продовольственной продукции, включиться в общесоюзные патриотические инициативы по оказанию продовольственной помощи фронту. В этой связи необходимо отметить, что советское правительство проводило, на наш взгляд, противоречивую политику в освобожденных от немецкой оккупации регионах, в том числе в Ставропольском крае. С одной стороны, оказывалась государственная поддержка таким регионам. К примеру, 26 февраля 1943 г. в крайком ВКП(б) поступила правительственная телеграмма, подписанная А.И. Микояном. В ней указывалось: «Аннулировать все обязательства государству по поставкам зерновых и масличных

[1] Наш край: документы и материалы (1917–1977 гг.). С. 209–210.

[2] Там же. С. 210.

культур со стороны колхозов, колхозников и единоличников»[1]. Казалось бы, действительно, гуманная мера, учитывавшая тяжелейшее положение сельскохозяйственной отрасли края и сельских жителей, в которой они оказались в результате немецкой оккупации. Ведь техника, имущество, зерновой фонд колхозов и совхозов были практически полностью разграблены или уничтожены врагом.

Однако, с другой стороны, в этой же правительственной телеграмме краевым властям предписывалось немедленно начать создавать хлебный фонд Красной армии. Решение о его создании в стране было принято СНК СССР и ЦК ВКП(б) 7 декабря 1942 г., когда почти вся территория Ставропольского края еще была оккупирована немецкими войсками, за исключением нескольких сельских районов Кизлярского округа. Поэтому именно в них и началось в крае создание фонда Красной армии. Согласно решению крайкома партии и крайисполкома «разрешалось колхозникам в добровольном порядке вносить в хлебный фон Красной армии хлеб из личных запасов»[2].

Он должен был образовываться из поступления зерновых и масличных культур от колхозов, колхозников и единоличников с четким распределением по всем сельским районам Ставрополья и отдельным городам. При этом в документе прямо указывалось, кто должен нести основную нагрузку по созданию такого фонда: «Значительная часть хлеба в фонд Красной армии должна быть собрана из личных запасов колхозников и единоличников. Задания должны быть доведены до каждого крестьянского двора, с учетом его возможностей»[3]. Понятно, что такие возможности личных подсобных хозяйств колхозников в это время были минимальными. Между тем уже к 1 апреля 1943 г. необходимо было выполнить задание СНК СССР по сбору в фонд Красной армии 1 784 тыс. ц зерновых и масличных культур. Кроме того, согласно постановлению бюро крайкома ВКП(б) и исполкома крайсовета от 13 января 1943 г. следовало обеспечить засыпку семян на весь посев ярового клина в колхозах исключительно (так в документе! – *А.М.*) за счет сбора среди колхозников зерна и масличных культур[4]. Получается на практике, что, образно говоря, одной рукой советское государство аннулировало продовольственные долги колхозников, а другой тут же налагало на разоренные немецкой оккупацией подворья колхозников еще большие по своим размерам обязательные поставки продуктов питания в фонд Красной армии и для весеннего сева в колхозах. Именно

[1] ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 369. Л. 101.

[2] ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 232. Л. 128–129.

[3] ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 369. Л. 101.

[4] ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 369. Л. 101–102.

в таком духе был сформулирован один из разделов постановления краевых властей, адресованный райкомам и райисполкомам: «широко разъяснить колхозникам единоличникам всю важность получаемой ими помощи от государства и необходимость скорейшего и полного выполнения задания по сбору зерновых и масличных культур в фонд Красной армии, что явится лучшим выражением благодарности Красной армии за освобождение от ига немецких оккупантов»[1].

К этому следует добавить и продолжавшуюся в послеоккупационный период практику сбора и последующей отправки на фронт подарков от тружеников Ставрополья, в том числе зимой и весной 1943 г., т.е. всего через несколько недель после освобождения края от немецких оккупантов. И это также несмотря на огромные потери, понесенные населением края от захватчиков. В буквальном смысле слова люди, пережившие ужасы оккупации, были готовы отдать последние продукты, чтобы внести свой скромный вклад в скорейшую победу над врагом. Во всяком случае, каких-то проявлений недовольства с их стороны столь обременительными поставками в архивных документах не выявлено.

Скажем, в начале марта 1943 г. сельские жители Нагутского района отправили на фронт 2320 своих индивидуальных продовольственных посылок, Горячеводского района – 3200, Труновского района – 4500, Георгиевского района – 1877 и т.д.[2] В этой связи следует отметить, что к началу мая 1943 г. труженики Ставропольского края отправили на фронт 215 вагонов с подарками, большую часть которых составляли различные продукты питания[3].

В том же Нагутском районе население оказало существенную помощь всем 32 восстанавливаемым колхозам района. В докладе первого секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) М.А. Суслова в этой связи указывалось: «Собрано у колхозников крупного рогатого скота 1464 головы, свиней – 656 голов, овец – 1347 и птицы – 6388. Восстановлена и подготовлена к инкубации инкубаторно-птицеводческая станция. Заготовлено 16 900 штук яиц»[4]. Следовательно, сельские жители района передавали в колхозы свой скот и птицу, сознательно ограничивая свои семьи в скудных и без того продовольственных ресурсах. Однако и эта патриотическая акция не была последней. По состоянию на 5 марта 1943 г. колхозниками и возрождавшимися колхозами Нагутского района было сдано в фонд Красной армии 6700 ц зерновых и масличных культур. Такие

[1] ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 369. Л. 102.

[2] Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. С. 246–247.

[3] Наш край. Документы, материалы (1917–1977 гг.). С. 234.

[4] Там же. С. 231.

же патриотические инициативы проходили повсеместно в сельских районах Ставрополья в первые месяцы после освобождения края от немецкой оккупации. К примеру, в Суворовском районе в эти же дни колхозники передали на колхозные фермы более 14 тыс. голов различных видов скота.[1] Люди сознательно шли на ограничение своих продовольственных ресурсов во имя достижения скорейшей победы над ненавистным врагом. Как известно, такое самопожертвование советского народа стало одним из главных источников Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

В этом плане весьма показательными, характеризующими трагизм ситуации с обеспечением населения края продовольствием, являются события второй половины 1943 г. Весна и лето этого года по своим природно-климатическим условиям оказались крайне тяжелыми для всех жителей Ставрополья. Сильнейшая засуха погубила посевы зерновых и огородных культур, что привело к острой нехватке продовольствия и началу голода во многих районах края, ограбленных и опустошенных к тому же перед этим немецкими оккупантами. Тем не менее, согласно информации, направленной в середине февраля 1944 г. Ставропольским крайкомом партии в ЦК ВКП(б), в 40 сельских районах и городах края за период с 1 февраля по 31 декабря 1943 г. было собрано населением и затем отправлено на фронт, передано в местные гарнизоны и в эвакогоспитали значительное количество продуктовых подарков и продовольствия. В том числе хлеба и сухарей – 67,4 т, мяса – более 40 т, картофеля – 515 т, фруктов – 51,3 т, овощей – 153 т, молока и молочных продуктов – 236 т и т.д. Кроме того, сельские труженики собрали дополнительно 57,5 тыс. индивидуальных посылок, ассортимент которых не был учтен. Их основную часть также составляли продукты питания[2].

Действительно солидная по своему размаху и конечным результатам кампания, направленная на оказание продовольственной помощи воинам Красной армии сельским населением Ставропольского края, была одной из многочисленных таких же патриотических акций, проведенных в ходе Великой Отечественной войны во всех регионах Советского Союза. Однако за этими вполне благополучными на первый взгляд цифрами скрывается другая сторона вопроса.

Проблема была в том, что из-за неурожая 1943 г. продовольственная проблема в сельских районах Ставрополья осенью этого же года стала выглядеть угрожающей. Многие колхозы и совхозы края, разоренные врагом в период оккупации, оказались не в состоянии выполнить государственные плановые задания. Более того, их выполнение могло привести не только к разорению хозяйств, но и к на-

[1] Наш край. Документы, материалы (1917–1977 гг.). С. 231–232.

[2] Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 81–82.

ступлению голода среди сельских жителей. Тем не менее советское правительство жестко карало за невыполнение продовольственных госпоставок местных руководителей. В частности, в ноябре 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о проведении репрессивных мер по отношению, как указывалось в документе, к «саботажникам хлебозаготовок». По отношению к таким нарушителям предписывалось применять достаточно суровые меры, вплоть до исключения из рядов коммунистической партии, ареста и последующего предания их суду и заключения в лагеря ГУЛАГа.

Но даже несмотря на опасность такого рода репрессий и желая сохранить работоспособность селян, спасти их семьи от надвигавшегося голода, многие председатели колхозов и директора совхозов Ставропольского края сознательно давали соответствующим государственным органам заниженные сведения об урожайности зерновых культур, численности общественного скота и птицы и наличия продовольственных ресурсов. Такая, прямо скажем, антигосударственная практика тем не менее нередко была последней спасительной мерой для многих сельских жителей. Она позволяла сохранить часть колхозно-совхозного продовольствия и направить его на спасение людей.

В качестве характерного на этот счет примера можно отметить, что в колхозе имени Ворошилова Курского района Ставропольского края в результате проверки, проведенной в 1943 г., было установлено, что на колхозной ферме имеется в наличии более 50 голов скота. В то же время, согласно официальным данным, в колхозе числилась только немногим более 30 голов скота. В это же время в колхозе имени Калинина Черкесской автономной области по документам содержалось 17 коров, а фактически на колхозной ферме находилась 41 корова.

Следует отметить, что эта уловка, предпринимаемая в годы войны руководителями колхозов и совхозов для спасения от голодной смерти членов своих рабочих коллективов, не была единственной. Они предпринимали также попытки продажи на колхозных рынках определенного количества продовольственной и сельскохозяйственной продукции, причем нередко в ущерб обязательным государственным поставкам. Понятно, что сэкономленные такими методами продукты питания передавались затем семьям колхозников и рабочих совхозов. Главным мотивом таких действий был быстрый рост цен на продовольствие в период Великой Отечественной войны. Так, согласно данным В.Т. Анискова, в военное время они выросли на разные виды продуктов питания в 100–200 раз и более[1]. И это притом, что оплата государством государственных поставок

[1] *Анисков В.Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда; Ярославль, 1998.

продовольствия была для колхозно-совхозной системы крайне убыточной. Достаточно сказать, что она осталась на довоенном уровне и составляла только 7–8 копеек за 1 кг зерна, всего 3 копейки за 1 кг картофеля, 41–53 рубля за одну голову крупного рогатого скота (корову или быка).

Чтобы оценить степень продовольственных трудностей, которые испытывали сельские жители края, отметим, что сразу после освобождения Ставрополья от немецких оккупантов в январе 1943 г. они стояли даже менее остро, чем в январе–феврале 1944 г. Разумеется, такая острая нехватка продуктов питания в семьях колхозников могла привести к массовому голоду. Понимая это и пытаясь заблаговременно предотвратить такое негативное развитие событий, 6 января 1944 г. первый секретарь Ставропольского крайкома партии М.А. Суслов и председатель крайисполкома В.А. Шадрин направили телеграмму председателю СНК СССР Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову. В ней содержалась просьба изменить план хлебозаготовок и направить колхозам Ставрополья продовольственную ссуду. В телеграмме приведены многочисленные факты и свидетельства, показывающие всю остроту ситуации в крае с хлебными ресурсами и другими видами продовольствия. Две причины привели к такому печальному результату. Во-первых, осенью 1942 г., т.е. в период оккупации Ставрополья фашистами, посев озимой пшеницы проходил в колхозах и совхозах края с большими нарушениями агротехники. Во-вторых, засуха весны и лета 1943 г. еще больше усугубила положение на полях. В результате урожай озимой пшеницы в среднем по краю составил всего 2 ц с гектара, яровой пшеницы – 3,5 ц и кукурузы – 5 ц с гектара. Такой низкий урожай не позволил сельским труженикам выполнить план по сдаче хлеба государству. К 30 декабря 1943 г план был выполнен всего на 55,4 %[1].

Казалось бы, объективные трудности наглядно свидетельствовали о том, что большего добиться колхозы и совхозы края были просто не в состоянии. Однако у партийного и советского руководства Ставрополья на этот счет было другое мнение. М.А. Суслов и В.А. Шадрин докладывали в Москву: «Ставропольский крайком ВКП(б) и исполком крайсовета приняли решительные меры для пресечения фактов саботажа сдачи хлеба государству, разбазаривания и расхищения хлеба в колхозах, совхозах и заготовительных пунктах и провели за последнее время во всех районах необходимую работу по ускорению хлебозаготовок»[2].

Эта «работа» вылилась в проведение различных репрессивных мер в отношении ряда районных руководителей, не сумевших и даже

[1] Ставрополье: правда военных лет. С. 178–179.

[2] Там же.

не желавших, по мнению краевых властей, обеспечить нормальный ход хлебосдачи. Так, 16 ноября 1943 г. «за срыв плана хлебозаготовок» первый секретарь Аполлонского райкома партии и председатель райисполкома были исключены из партии, сняты с занимаемых постов и отданы под суд. Строго были предупреждены также руководители еще семи сельских районов края. Против 575 расхитителей хлеба и саботажников были возбуждены уголовные дела. Кроме того, как и в годы коллективизации, т.е. в 1930–1932 гг., осенью 1943 г. во все районы края выехали уполномоченные крайкома партии и крайисполкома для тщательной проверки в каждом колхозе и совхозе наличия зерна, правильности засыпки семенного фонда и выдачи на трудодни зерна сельским труженикам. Уполномоченные требовали от руководителей колхозов выдать колхозникам минимум зерна, и поэтому люди получили в среднем всего 120–130 г зерна на трудодень[1].

Однако все эти жесткие меры, разумеется, хлеба не прибавили, так как его в наличии просто уже не было. Таким образом, руководство края обрисовало сложившуюся на Ставрополье тяжелейшую ситуацию, подробно отчиталось перед ЦК ВКП(б) и лично перед Сталиным о своих репрессивных действиях во время кампании по хлебосдаче зерна государству. Теперь можно было в развитии данного сюжета перейти к просьбам о помощи. Поэтому вторая часть телеграммы ставропольских руководителей в адрес ЦК партии и советского правительства содержала целый перечень таких просьб. «Учитывая создавшееся положение с урожаем хлебов, крайком ВКП(б) и исполком крайсовета просят СНК СССР и ЦК ВКП(б) уменьшить план сдачи зерна в фонд Красной армии колхозами Ставропольского края на 9,5 млн пудов», – отмечалось, во-первых, в документе. Во-вторых, руководители края просили Москву направить на Ставрополье необходимую продовольственную ссуду для оказания продовольственной помощи голодающим колхозникам и членам их семей. В-третьих, колхозному скоту и птице для прокорма и выживания необходимо было 4 тыс. т жмыха и 3 тыс. т зерновых отходов, поскольку из-за засухи большие площади естественных сенокосов и сеяных трав во многих сельских районах края выгорели[2]. Достаточно сказать, что из-за бескормицы в 1943 г. на Ставрополье падеж скота составил огромную цифру – 320 850 голов. Затем только в январе 1944 г. от голода пало еще 11 591 голов, в том числе лошадей – 1688 голов, крупного рогатого скота – 2278 голов, овец – 6621 голова и свиней – 1004 головы[3].

[1] Ставрополье: правда военных лет. С. 180.

[2] Там же. С. 181.

[3] Там же. С. 189.

Однако руководители страны не в полной мере отреагировали на это обращение, можно сказать, попросту проигнорировав его. Ведь в ответ на все эти просьбы Ставрополью было выделено лишь 400 т жмыха, что, конечно, не могло спасти поголовье скота от голода и падежа. Что касается голодающих людей, то они не получили ничего из государственных продовольственных фондов. Подчеркнем при этом, что речь шла даже не о безвозмездной помощи, а о ссуде, которую Ставропольский край собирался вернуть государству.

Поэтому в конце февраля 1944 г. первый секретарь Ставропольского крайкома партии М.А. Суслов направил в ЦК ВКП(б) еще одну докладную записку. В ней в очередной раз содержались тревожные факты, свидетельствовавшие об ухудшении тяжелейшего положения, сложившегося в крае в деле обеспечения сельского населения продовольствием. Причем речь шла не просто о нехватке каких-то видов продуктов питания, а о спасении значительной части населения Ставрополья от голода. М.А. Суслов, в частности, докладывал в Москву: «В целом по краю остро нуждаются в продовольственной помощи примерно 370 тыс. колхозников, или 44,5 % к количеству колхозного населения и 32 % к количеству сельского населения»[1]. Наиболее серьезное беспокойство у руководства края вызывал тот факт, что от голода в сельских районах Ставропольского края страдало 185 тыс. детей, т.е. половина от общего числа людей, которым требовалась срочная помощь продовольствием. В отдельных районах края ситуация выглядела угрожающей. Так, к началу марта 1944 г. в Петровском районе 2 тыс. семей остро нуждались в продуктах питания. При этом в 100 семьях были отмечены люди, опухшие от недоедания[2]. В это же время в Левокумском, согласно сообщению руководства района краевым властям, «в колхозе “Красный камышанник” имеются смертные случаи от истощения. По отдельным колхозам – “Красный камышанник”, “Красный овцевод” и другим – имеет место появление опухших. Наши указания председателям колхозов об улучшении питания остронуждающимся, и в первую очередь семей офицерского и рядового состава военнослужащих, не выполняются из-за отсутствия продовольственной базы в колхозах»[3].

После этих тревожных сообщений прошло менее одного месяца, и ситуация в крае, так и не получившем помощь из Москвы, ухудшилась еще больше. По состоянию на 15 марта 1944 г. в восьми районах Ставропольского края отделом здравоохранения крайисполкома были зарегистрированы 472 человека, имевшие безбелковые отеки,

[1] Ставрополье: правда военных лет. С. 271–272.

[2] Там же. С. 272.

[3] ГАНИСК. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 79. Л. 7.

т.е. находившиеся в состоянии длительного голодания. Ситуация усугублялась еще и по причине отсутствия в больницах края необходимого количества калорийной пищи для вывода голодных людей из отечного состояния. К примеру, в документе на этот счет указывалось: «Так, в г. Ессентуки местный горторг спустил на март месяц нормы питания на одного больного в месяц: картофеля – 3 кг, круп, макарон – 1 кг, мясо рыбы (так в документе. – Авт.) – 1,8 кг, жиров – 400 г, сахара – 400 г. При такой норме больницы могут готовить пищу один раз в день и то в голодной норме»[1].

Крайком ВКП(б) ежедневно получал из сельских районов удручающую картину разраставшегося голода. К примеру, в записке секретаря Петровского райкома партии А.Д. Глушко и председателя райисполкома Коломейцева указывалось: «На 1 марта с.г. в районе учтено до 2 тысяч остронуждающихся семей, которым необходимо немедля (так в тексте. – Авт.) оказать помощь. Среди нуждающихся семей учтено до ста семей, опухших от недоедания. Имеем в районе несколько смертных случаев от отравления при употреблении абрикосовых косточек. В своем большинстве остронуждающиеся являются семьями фронтовиков, многодетными и в личном хозяйстве ничего не имеющие. Внутри района возможностей для оказания помощи не имеем».[2]

В таких случаях безысходность от создавшейся ситуации и озлобленность доведенных до отчаяния людей нередко толкала их на совершение различных действий, с помощью которых можно было найти хотя бы минимум продуктов питания. Вот достаточно показательный в этом отношении пример из истории военных лет. Вспоминает Е.П. Бодина из села Степного Ставропольского края: «Ходили голодные и босые… Меня подруги посылали воровать хлеб. Кухня была накрыта брезентом. Я, маленькая ростом, залезу с другой стороны под брезент и передаю»[3].

К концу марта 1944 г. угрожающая ситуация с обеспечением голодающих колхозников продовольствием наконец стала разрешаться. 24 марта Совнарком СССР своим распоряжением разрешил Ставропольскому крайкому ВКП(б) и крайисполкому отпустить «…сверх утвержденных рыночных фондов 14 000 центнеров зерна для снабжения нуждающихся колхозников, пострадавших от немецкой оккупации и трактористов в период весеннего сева»[4]. В трехдневный срок в наиболее пострадавших районах края местные власти в экстренном порядке и при строжайшем контроле

[1] Ставрополье: правда военных лет. С. 274.

[2] Там же. С. 272.

[3] Дети войны: 1941–1945 гг. (антропологический аспект). С. 219.

[4] ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 712. Л. 33.

распределили выделенное зерно по колхозам. Благодаря этому, удалось обеспечить общественное питание трактористов из расчета 500 г на человека в день, а также других колхозников, испытывавших острую нехватку хлеба, из расчета по 300 г в день. Хлеб выдавался строго по заранее составленным и утвержденным правлениями колхозов спискам.

В этой связи следует отметить, что несмотря на все эти огромные трудности, которые испытывали сельские жители Ставрополья с обеспечением продуктами питания, несмотря на многочисленные случаи голода и даже голодной смерти, край продолжал отправлять государству различное продовольствие. Так, 11 апреля 1944 г. руководитель края М.А. Суслов в своей докладной записке, адресованной ЦК ВКП(б), указывал: «После освобождения от немецко-фашистских захватчиков край сдал государству более 20 млн пудов хлеба, 650 тыс. пудов мяса, 102 тыс. пудов шерсти, значительное количество масличных культур, овощей, картофеля и других сельскохозяйственных продуктов»[1]. Учитывая огромный ущерб, нанесенный аграрной отрасли Ставрополья немецкими оккупантами, и тяжелую засуху весны и лета 1943 г., такие показатели продажи государству продовольственной продукции поистине следует признать жертвенным трудовым подвигом сельского населения края.

Лишь в конце мая – начале июня 1944 г. кризисная ситуация в сельских районах, вызванная острой нехваткой продуктов питания, стала улучшаться. К этому времени, во-первых, колхозники получили первый весенний урожай на своих приусадебных участках и смогли разнообразить пищевой рацион. Во-вторых, появилась возможность получить растительную пищу (крапиву, лебеду, одуванчики, щавель и т.д.) в лесах и в степи. Кроме того, освободившиеся ото льда реки, озера и пруды предоставили селянам возможность ловить рыбу и раков. В крайних случаях можно было охотиться на сусликов, голубей, перепелок и других степных и лесных грызунов и птиц. М.Т. Шамардакова, проживавшая в годы Великой Отечественной войны в селе Сотниковском Благодарненского района Ставрополья, свидетельствует: «Мяса не было, ловили сусликов. Черпали воду, наливали в норку, и суслик выпрыгивал, его ловили. Не было хлеба, была лебеда, ее сушили, мололи муку и делали лепешки»[2].

В-третьих, постепенно восстанавливавшие свои производственные мощности колхозы стали выдавать на трудодни своим колхозникам больше продуктов питания, чем прежде.

Когда заканчивались продукты, а это было, как правило, в конце зимы – начале весны, военная повседневность каждой семьи превращалась в настоящую муку. Взрослые мучительно раздумывали,

[1] Наш край. Документы, материалы (1917–1977 гг.). С. 245–246.

[2] Дети войны: 1941–1945 гг. (антропологический аспект). С. 217.

где достать хоть немного каких-то продуктов, чтобы в первую очередь накормить детей и самим спастись от голодной смерти.

В таких кризисных ситуациях применяли самые разные хитрости, в том числе вспоминали и опыт старших поколений, ранее переживших голод 1932–1933 гг. В частности, выкапывали корешки различных трав и кустарников и использовали их затем для приготовления лепешек, каш и других «блюд». Из крапивы, одуванчиков и других цветов готовили зеленые борщи и супы. Как правило, главными заготовителями в таких случаях были дети. Вот несколько характерных на этот счет их свидетельств: «Что мы ели? Да всё, что находили, выкорчевывали корешки, размалывали их и лепили лепешки или варили кашу»; «Не было хлеба, была лебеда, ее сушили, мололи муку и делали лепешки»; «В войну настоящим деликатесом был борщ из одного конского щавеля, вместо хлеба ели всё тот же щавель, смеясь с кошки, которая, получив долгожданный кусок «хлеба», недовольно мяукала и уходила…»[1].

О степени обострения продовольственного вопроса в последние два года Великой Отечественной войны, о методах и путях спасения населения от голода наглядно свидетельствует постановление секретариата ВЦСПС от 12 мая 1943 г. В нем, в частности, указывалось: «В целях пополнения пищевых ресурсов обязать ЦК профсоюзов и местные комитеты оказать всемерную помощь ОРСам в организации сбора дикорастущей зелени (одуванчиков, лебеды, кислицы, крапивы, подорожника, щавеля и др.)»[2]. Следовательно, переход на поиск таких «альтернативных» источников питания был возведен в ранг официальной государственной политики в продовольственном вопросе.

Летом и осенью 1944 г. урожай зерновых и огородных культур, фруктов, плодов и ягод был на Ставрополье намного лучшим, чем в кризисном 1943 г. Это позволило колхозам и совхозам края успешно выполнить плановую сдачу хлеба государству, выдать колхозникам на трудодни часть сельскохозяйственной продукции и продуктов питания. Эти успехи, в свою очередь, вылились в увеличение патриотической помощи Красной армии, в том числе разными видами продовольствия. К примеру, колхозники сельхозартели имени Чкалова Советского района на общем колхозном собрании, проходившем в январе 1945 г., приняли решение дополнительно выделить в фонд помощи Красной армии часть своих личных хлебных запасов. Каждая семья колхозников подсчитала свои продовольственные ресурсы,

[1] Дети войны: 1941–1945 гг. (антропологический аспект). С. 217, 220.

[2] *Волкова Е.Ю.* Повседневные проблемы женщин России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и пути их преодоления // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сборник научных статей. Ростов н/Д, 2009. С. 247–248.

которые необходимо было экономно распределить до лета 1945 г., и внесла часть зерна в этот патриотический фонд. В общей сложности колхозники сельхозартели имени Чкалова собрали 948 пудов зерна. 30 января 1945 г. они получили благодарственное письмо крайкома ВКП(б) за свой патриотический поступок[1].

Военная повседневность, как известно, была богата различными эпизодами: героическими и трагическими, бытовыми и производственными и т.д. В этом отношении любопытный эпизод произошел весной 1945 г. В начале марта сельские труженики Ставропольского края собрали для своих воинов-земляков из 4-й Мозырьской кавалерийской дивизии три вагона подарков, большей частью состоявших из различных продуктов питания. Эти вагоны сопровождала на 1-й Белорусский фронт, где воевала дивизия, делегация от трудящихся Ставропольского края из трех человек во главе с Д.Я. Фурсовым. В течение нескольких недель вагоны с подарками были доставлены на территорию Польши, где дивизия вела ожесточенные бои с врагом. Большая часть подарков была вручена воинам-ставропольцам, а оставшаяся их часть была распределена по полевым госпиталям для лечившихся в них бойцов и командиров. Перед отъездом делегации обратно домой командир 4-й Мозырьской кавалерийской дивизии генерал-майор Б.С. Миллеров предложил кавалеристам-ставропольцам собрать продовольственные посылки для своих семей и отправить их с фронта в Ставропольский край. Предложение было принято, и делегация в специально выделенном вагоне привезла эти посылки-подарки семьям военнослужащих. В последующие дни апреля 1945 г. эти посылки были вручены адресатам[2]. Этот частный, но важный в морально-политическом отношении эпизод был действительно ярким свидетельством прочной связи фронта и тыла, сформировавшейся в тяжелые годы Великой Отечественной войны.

О том, какое огромное значение для сельской семьи в голодные годы войны имела корова, как она помогала выжить, спасти детей, свидетельствуют многочисленные факты. Потеря такой кормилицы означала в буквальном смысле этого слова наступление голодной катастрофы для семьи. Приведем на этот счет весьма характерный пример. 2 февраля 1943 г. в Суворовский райисполком Ставропольского края обратилась с заявлением Е.Н. Руденко, проживавшая в станице Суворовской. Она указывала, что немецкие оккупанты при отступлении отобрали у нее корову и две овцы. После прихода в станицу частей Красной армии Е.Н. Руденко привела на свое подворье корову, ранее принадлежавшую местному полицейскому, ушедшему вместе с немцами на запад. Она просила работников райисполкома

[1] Ставрополье: правда военных лет. С. 89.

[2] Там же. С. 89–91.

оставить за ней эту корову, так как на иждивении у нее имелось пятеро детей, а муж находился на фронте. Факт увода ее собственной коровы немецкими солдатами подтверждали две подписи соседей, очевидцев данного события. Казалось бы, все аргументы в этом деле были на стороне Е.Н. Руденко, и она вполне могла рассчитывать на положительное решение своего вопроса. Однако на ее заявлении одним из работников Суворовского райисполкома 15 февраля 1943 г. была наложена резолюция: «В просьбе отказать, как незаконно приобретенную»[1].

Формально местные чиновники поступили, конечно, согласно букве закона. Действительно, корова была чужая, и в любой момент мог объявиться ее законный владелец, поскольку неясно было, где и каким образом ее до этого приобрел полицейский. С другой стороны, местная власть могла бы найти какое-то компромиссное решение, а не отказывать столь жестко жене защитника Родины и матери пятерых детей. Можно только догадываться, что она могла после этого случая написать в письме своему мужу, характеризуя равнодушие местной власти к их семье. Оставался в этом деле и главный вопрос: как Е.Н. Руденко могла прокормить своих детей, спасти их от голода, лишившись своей кормилицы-коровы.

Суровые будни военного времени не раз ставили сельских жителей Ставропольского края перед неприятной и опасной перспективой нехватки продуктов питания. Следствием этого были эпизоды выживания людей, несмотря на обстоятельства в экстремальных условиях, было очевидно их стремление искать различные выходы их складывавшихся тяжелейших жизненных ситуаций. В этом отношении достаточно неожиданным по своей сути и конечному решению являлся случай, который произошел в той же станице Суворовской в конце февраля 1943 г. Житель станицы С.Т. Колганов предложил своей соседке А.А. Ивановой обменять одну половину своего дома с частью хозяйственных пристроек на ее корову. Обе стороны составили в присутствии двух свидетелей соответствующий акт и направили его на рассмотрение Суворовского райисполкома. В данном случае местная власть не возражала против такой сделки и своим решением данный договор утвердила[2].

Положительное решение райисполкома по данной сделке можно объяснить, на наш взгляд, тем, что интересы государства и других лиц, которые могли его оспорить, здесь не затрагивались. Договор касался только двух жителей станицы, в добровольном порядке изъявивших желание совершить подобный обмен во взаимных интересах. С.Т. Колганов остро нуждался в молочных продуктах

[1] Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1941–1964 годах: сборник документов. Ставрополь, 2011. С. 62.

[2] Там же. С. 62.

для того, чтобы прокормить свою голодную семью. В свою очередь, А.А. Иванова испытывала трудности с жильем и, имея кроме коровы другие источники пропитания, решала тем самым свою проблему. Этот эпизод ярко характеризует взаимопомощь жителей села, проявленную в тяжелое для них военное время.

Подводя итоги, отметим, что в первый год Великой Отечественной войны продовольственное обеспечение сельских жителей Ставропольского края оставалось на достаточно хорошем уровне. Такая позитивная ситуация объяснялась двумя главными аспектами: богатым урожаем всех видов сельскохозяйственной продукции в 1941 г. и отсутствием военных действий на территории края. Всё это позволило сельским труженикам не только обеспечить свои семьи необходимым ассортиментом и количеством продуктов питания, но и оказывать существенную помощь государству и другим категориям населения края. Такая помощь характеризовалась в первую очередь увеличенными обязательными поставками колхозной и совхозной сельскохозяйственной продукции государству, что, конечно, привело к уменьшению получаемых трудодней колхозниками. Кроме того, сельские жители края активно участвовали в создании различных патриотических фондов, внося в них часть своих семейных продовольственных запасов.

К концу первого года войны рацион питания сельских тружеников Ставрополья претерпел серьезные изменения. В частности, значительно уменьшилось потребление мясомолочной продукции, практически отсутствовал сахар и кондитерские изделия. Кроме того, потребление всех видов продовольствия на каждого члена семьи в сельской местности к лету 1942 г. значительно снизилось. Одним из дополнительных факторов, который привел к такому результату, стала необходимость обеспечивать продуктами питания сотни тысяч эвакуированных на Ставрополье граждан из западных районов СССР.

Однако настоящие трудности, несопоставимые с проблемами первого года Великой Отечественной войны, появились после изгнания немецких захватчиков с территории Ставропольского края. Колхозы и совхозы, личные подсобные хозяйства сельских жителей края в период оккупации были подвергнуты врагом полному или частичному ограблению и разорению. Кроме того, так же, как и для городских жителей, трудности в обеспечении продовольствием объяснялись тяжелейшими последствиями летней засухи 1943 г. Во многих сельских районах края десятки тысяч колхозников и рабочих совхозов, а также членов их семей находились на грани голодной смерти. Согласно архивным документам, были многочисленные случаи голодной дистрофии и даже отдельные случаи летальных исходов, причиной которых стал голод.

Вместе с тем важно, что краевые власти делали всё возможное для исправления негативной ситуации, пытаясь спасти людей. В том числе обращались к руководителям партии и правительства с просьбами об уменьшении поставок продовольствия из Ставропольского края в государственные фонды и, напротив, ввоза в наиболее неблагоприятные районы края продовольственной помощи. Надо сказать, что реакция Москвы на такие просьбы о помощи не всегда была положительной и своевременной, что приводило только к ухудшению ситуации с наличием в крае продовольственных ресурсов и распределением их по наиболее проблемным районам края.

Нельзя не подчеркнуть важность и значимость для сельских жителей наличия у них личных подсобных хозяйств. Как свидетельствует практика военных лет, они не только обеспечивали сельские семьи продуктами питания почти на 90 %, но и позволяли часть произведенной в личных подсобных хозяйствах продовольственной продукции направлять в различные патриотические фонды. Практика Великой Отечественной войны в очередной раз убедительно подтвердила большой производственный потенциал, который был заложен в личных подсобных хозяйствах, ошибочность их игнорирования советским руководством в довоенные годы.

Jewish Perspectives on the Holocaust in the North Caucasus[1]

K. Feferman

Introduction. This stage of the Holocaust could have been avoided. The destruction of Jews caught in the westernmost part of the North Caucasus around the city of Taganrog could be somehow explained by the aftershock of the Blitzkrieg, although the Wehrmacht reached the area almost four months after the invasion. But the Jews killed by the Germans and their accomplices in the North Caucasus in the second half of 1942 were supposed to remain alive. This was my conviction before I started to explore the Holocaust in this region[2], and it only grew in the course of my work on it, which culminated in the book[3]. Jews in the North Caucasus were not crammed within the borders of European states whose Jewish subjects and citizens could only hope and pray that their governments would not cave in to the German pressure (Bulgaria[4],

[1] With the exception of two topics, the Holocaust in the Rostov district and the Holocaust of Mountain Jews, unless stated otherwise. The trajectories in which they were developing were different from the Holocaust of Ashkenazi Jews in other parts of the North Caucasus analyzed in this article. By 'the North Caucasus' or 'the Caucasus' used interchangeably I mean the areas occupied by the German army in summer–fall 1942: 1) Krasnodar krai (territory), including the autonomous oblast' (region) of Adygea; 2) a larger part of Ordzhonikidze (renamed Stavropol from 1943 onwards and referred to in this article as such) krai (territory), including the Karachai autonomous oblast' (region) and the Cherkessk autonomous oblast' (region); 3) the Autonomous Republic of Kalmykia; 4) the Autonomous Republic of Kabardino-Balkaria; and 5) a part of the Autonomous Republic of North Ossetia, and 6) a part of Checheno-Ingush Autonomous Republic.

[2] My thoughts on this issue were summarized in two articles: *Feferman K.* A Soviet Humanitarian Action?: Centre, Periphery and the Evacuation of Refugees to the North Caucasus, 1941–1942 // Europe-Asia Studies. 2009. July. Vol. 61. No. 5. Pp 813–831, and *Feferman K.* Jewish Refugees under the Soviet Rule and the German Occupation in the North Caucasus // Revolution, Repression and Revival: The Jews of the Former Soviet Union / Z. Gitelman and Y. Ro'i (eds.). Lanham, Md., 2007. Pp. 211–244.

[3] *Feferman K.* The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. Jerusalem, 2016.

[4] *Todorov Tz.* The Fragility of Goodness: Why Bulgaria's Jews Survived the Holocaust: A Collection of Texts with Commentary / transl. by A. Denner. London, 2001.

Romania[1]) or that their respective countries would not be seized by Nazi Germany (Italy[2], Hungary[3]). Those European Jews had almost nowhere to go: their countries had borders, they were protected, and even if they managed somehow to cross them, almost all of Europe was dominated by a Nazi Germany bent on finding and killing Jews everywhere.

In contrast, by summer 1942, a considerable part of the Soviet Union remained under the control of the Soviet government. In the days immediately following the German invasion of June 22, 1941, it created and maintained an infrastructure for the large-scale movement of its population to the country's hinterland[4]. By summer 1942, these facilities were still intact. Furthermore, from December 1941 to June 1942, the frontline between the Soviet and German forces at the southern sector of the Soviet-German front remained static, with Wehrmacht troops being deployed in the North Caucasus itself. Finally, up until summer 1942, Soviet Jews had numerous opportunities to learn from many different sources about the German mistreatment and physical extermination of their brethren. So if they knew why they should flee (Holocaust-related information and proximity of the Germans) and knew how to do it, why did not all the Jews in the North Caucasus leave the region by summer 1942, while preferring to actually "dwell at the foot of a volcano"?

The present paper seeks to elucidate whether and to what extent the aforementioned assumptions hold true. My goal is not to find a culprit by putting the blame for the Holocaust on the Soviet authorities or the Jews themselves. After all, it is evident that the Germans and their local accomplices murdered the unfortunate Jews who found themselves in the North Caucasus during the occupation of the region in the second part of 1942. Rather, an attempt is made to understand the motives behind the Jewish decisions not to escape from the region before the summer 1942 German offensive. What transpired after the Germans arrived is left out

[1] *Ancel J.* The History of the Holocaust in Romania / ed. by Leon Volovici. Lincoln; Jerusalem, 2011.

[2] *Caracciolo N.* Uncertain Refuge: Italy and the Jews during the Holocaust / transl. and ed. by F.R. Koffler and R. Koffler. Urbana, 1995.

[3] *Vági Z., Csosz L. and Kádár G.* The Holocaust in Hungary: Evolution of a Genocide. Lanham, Maryland, 2013.

[4] There exists a vast literature on the evacuation of Soviet Jews. See e. g., *Shternshis A.* Between Life and Death: Why Some Soviet Jews Decided to Leave and Others to Stay in 1941 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2014. Vol. 15. No. 3. Pp. 477–504; *Kaganovich A.* Jewish Refugees and Soviet Authorities during World War II // Yad Vashem Studies. 2010. Vol. 38. No. 2. Pp. 1–37; *Manley R.* To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca, 2009; *Altshuler M.* Escape and Evacuation of Soviet Jews at the Time of the Nazi Invasion: Policies and Realities // The Holocaust in the Soviet Union. Studies and Sources on the Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied Territories of the USSR, 1941–1945 / L. Dobroszycki and J.S. Gurock (eds.). Armonk, N.Y., 1993. Pp. 77–104.

of discussion, since Jewish behavior during this period was informed by entirely new circumstances and their survival could only be facilitated on an individual basis, whereas the mass of Jews was doomed.

The article begins with a brief overview of the history of Jewish presence in the North Caucasus leading up to the events of 1941–1942. It discusses Jewish evacuation and flight[1] into and out of the region, their interactions with the Soviet authorities and the local population. It is followed by the analysis of the information available to the Jews from official and informal sources that could affect their evacuation-related decisions. The article draws upon testimonies of Jewish survivors preserved mainly at the Yad Vashem Archive, Department of Oral History at the Hebrew University Institute of Contemporary Jewry, State Archive of the Russian Federation, and the Visual History Archive of the USC Shoah Foundation.

Historical Background. The North Caucasus was home to a small group of indigenous Mountain Jews[2] whose presence was tolerated relatively unscathed by the Russian Empire after it pacified the region in 1864[3]. However, it was situated outside the Pale of Settlement and was therefore formally closed for Ashkenazi Jews. Before the Russian pacification, the North Caucasus was also a dangerous place to live in for newcomers from Russia, including Jews, because Caucasian insurgents frequently attacked them. However, in the second part of the nineteenth century, a small Jewish community comprising mainly of merchants and former soldiers emerged in the city of Rostov-on-Don, the most important Russian city and also the safest one in the region. In other areas they were numerically insignificant and semi-legal. In 1905, Rostov witnessed the second bloodiest pogrom in the Russian Empire, with some 150 Jews slaughtered. Despite the government's attempts to push the Jews out of the city and the policy of state anti-Semitism conducted everywhere in the region, especially in Cossack areas[4], Jews continued living there until 1917[5].

[1] The author is aware of the difference between organized evacuation and non-organized flight of civilians in the wartime Soviet Union. However, for the purposes of the study, the terms 'evacuee', 'refugee', 'newcomer' and 'incomer', as well as 'evacuation', 'flight', and 'escape' are used interchangeably to denote all those who moved into the North Caucasus, whether under a government-initiated program or independently, unless stated otherwise.

[2] *Куповецкий М.С.* Социокультурный анализ формирования коллективной памяти и мифологем о происхождении горских евреев Восточного Кавказа до 80-х годов XIX века // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 58–73.

[3] *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London, 1994.

[4] *Norkina E.* The Origins of Anti-Jewish Policy in the Cossack Regions of the Russian Empire, Late Nineteenth and Early Twentieth Century // East European Jewish Affairs. 2013. Vol. 43. No. 1. Pp. 62–76.

[5] *Гонтмахер М.А.* Евреи на донской земле. История, факты, биография. Ростов н/Д, 1999. С. 20–180.

After the Bolshevik Revolution, some Jews migrated into the North Caucasus, mainly into industrial and resort centers. The mild climate, favorable food conditions, and resort capacities attracted a number of Jews, especially during the 1930s when the overall food situation in the Soviet Union became strained. Yet, as the region remained primarily agricultural, it offered only modest employment opportunities for the newcomers. Soviet policies also brought to the North Caucasus a certain number of Mountain Jews settled in agricultural colonies[1]. By the time hostilities broke out between Nazi Germany and the Soviet Union, Ashkenazi Jews constituted a foreign and numerically negligible minority in the North Caucasus. In 1939, 4600 Jews were recorded in Kabardino-Balkaria, 2100 in the North Ossetia, 7600 in Krasnodar krai, and 7,100 in Stavropol krai[2].

The North Caucasus and Jewish Evacuation. After the outbreak of the Soviet-German war, the North Caucasus quickly turned into one of the major destination of the Jewish evacuation[3]. It was a natural escape route for those fleeing eastwards from Ukraine and Moldavia. Statistical research on the national composition of the evacuees conducted in Krasnodar krai revealed that "as of October 1, 1941, 218 000 people, 73 % of them Jews, were received and accommodated in the krai"[4]. It appears that as of autumn 1941 Jews constituted the majority of, or at least the very considerable part of, the evacuees all over the region[5].

Refugees went both via organized means and individual initiative. The gender and age composition of the Jewish evacuees was predominately young and middle-aged women[6], while the share of elderly persons over age 60 was significant, as well[7]. There were rather few young and

[1] *Хлынина Т.П.* Землеустройство горских евреев как социальный проект советской власти // Социальное образование: традиции, проблемы, перспективы: материалы научно-практической конференции (17–18 мая 2003 г.). Армавир, 2003. С. 293–303.

[2] Including Mountain Jews.

[3] On the evacuation to the North Caucasus, see: *Хлынина Т.П.* «А потом я услышал это странное слово»: эвакуация в воспоминаниях очевидцев и партийных документах Ростовской области // Военный сборник. 2014. № 3. С. 33–40.

[4] Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: хроника событий / под ред. А. Беляевой и И. Бондарь. Краснодар, 2000. Кн. 1. 1941–1942. С. 76–77.

[5] Stanitsa of Uspenskaya in August 1941; Krasnodar in November–December 1941; Village of Slavyanskaia in Krasnodar krai in November 1941. *Боровой С.Я.* Воспоминания. М.; Иерусалим, 1993. С. 249–250, 252; Testimony of Rachel Gurevich, Hebrew University of Jerusalem, Institute of Contemporary Jewry, Department of Oral History (henceforth – ICJ): TC 2761.

[6] Testimony of Leonid Luda, April 29, 2000, Yad Vashem, Hall of Names. Jerusalem, Israel (henceforth – YVHN); Testimony of Stepanskaya, Apparently no date, YVHN; Testimony of Semion Rechister, December 20, 1991, YVHN.

[7] Kishinev and other areas. Testimony of Sarra Gisa, May 15, 1955, YVHN; Testimony of Bella Goldshtein, October 6, 1992. YVHN.

middle-aged men[1]. Family units sometimes arrived, i.e., elderly couples[2], elderly individuals with his/her middle-aged children[3], or mothers with their small children[4]. Overall, the more dependents young and middle-aged family members had, the more difficult it was for them to continue evacuation eastwards.

Noteworthy was the very high number of children among the evacuees in the North Caucasus. Many of them were brought as a part of the organized evacuation of 24 children's homes[5]. Their share was high from the beginning of evacuation into the region but particularly increased by January 1942 (at which point they constituted almost half out of 51 353 refugees who remained in Krasnodar krai)[6]. The reason for this growth has to do with the fact that many adults abandoned the Caucasus individually. Unlike adults, children placed in special state institutions could not evacuate on their own, and even if they wanted to flee, they were entirely dependent of the Soviet authorities for organized evacuation.

Jewish refugees in the North Caucasus were displaced persons with little or no knowledge of local customs. Perhaps their aloofness was also a factor in their behavior during this period, although this is equivocal. It may be anticipated that those Jewish evacuees who viewed their stay in the region as short and transitional were unwilling or disinterested to forge permanent connections in the midst of the local population. In turn, this led them to have fewer employment opportunities in the North Caucasus and tended, other conditions being equal, to push them away from the North Caucasus. However, other conditions, such as health problems, material hardships or malnourishment could bring other Jews to view their stay in the region more favorably and to consider employment there, even on a short term. This last group was comprised of those Jews who were aware of the danger inherent for them in the German occupation. Having said that, we should also take into account those Jews who remained unaware of, or refused to believe, information on the German anti-Jewish atrocities well until the German occupation in summer 1942.

---

[1] Testimony of Genia Shaulov, November 1, 1956, YVHN; Testimony of Mikhail Skladman, October 22, 1979, YVHN.

[2] Testimony of Fedor (Froim) Berezovskii, September 5, 2000, YVHN.

[3] Testimony of Mordukhai Cherkasskii, January 25, 1991, YVHN; Testimony of Josef Kodner, March 18, 1975, YVHN.

[4] Testimony of Inda Bergman, 1993. YVHN; Testimony of Anna Kliatskina, May 26, 1974, YVHN. Testimony of Semion Rechister, December 20, 1991, YVHN; Testimony of Sima Cherchikova, October 18, 1999, YVHN.

[5] From Odessa and Yalta, Akt of the Commission on the Odessa orphanage No 6 evacuated into the Caucasus, no date, Yad Vashem Archive. Jerusalem, Israel (henceforth – YVA). M.33/286. P. 5–8; Testimony of Vadim Maniker, April 1975, YVA: 0.3/4108. P. 2.

[6] Testimony of Vadim Maniker, April 1975, YVA: 0.3/4108. P. 2.

Like everywhere, the intention and ability of Jews who found themselves in the Caucasus to escape the approaching German forces were contingent upon their location. It seems that in 1941 the best sources for getting Holocaust-related information were in the towns, which served as transportation centers through which Jewish refugees tried to make their way eastwards. However, this information was more difficult to come by in some towns, more so than others. Villages were particularly problematic, as long distances turned into an effective barrier preventing Jews from learning about the proximity of danger[1]. Jews staying in big transportation centers found it easier to evacuate, unless they were situated on railways not leading away from the North Caucasus[2].

In summer 1942, the situation changed. Despite the fact that 'urban' Jews seemed better informed of the proximity of the Germans, their ability to evacuate decreased considerably because of the enormous transportation problems. Conversely, those Jews who resided in rural areas had chances to escape on their own, provided their location was far enough from the advancing German troops. Regardless, it should be remembered that evacuation via such a vast area as the North Caucasus was a multistage process: one could escape the first wave of the German attack in the region yet find oneself swept by the second one[3].

Jews in the North Caucasus were motivated by personal circumstances in considering the possibility of evacuation. These included illnesses and physical disabilities, as well as personal reluctance. A Jewish invalid considered under official Soviet classification as 'of the 2nd category' (which implied that he was a person of "serious disabilities") did not succeed in evacuating from Essentuki, due to his disabilities[4]; in Krasnodar another Jew's wife was ill, and because "it was difficult for her to go with her children from the place"[5], she opted to stay. A high proportion of mothers with children, as well as lone children and elderly persons, among

[1] Villages of Dzhiginka in winter 1941–1942 and Ivanovka in November-December 1941: Testimony of Hana Melinsky, January 12, 1986, YVA: 0.3/4342. P. 4; Testimony of Gurevich, ICJ: TC 2761.

[2] Stavropol, Kislovodsk and village of Izobilnoe: Osip Gurevich, interview 28802, Visual History Archive, USC Shoah Foundation (henceforth – USCSF), segment 59, web, accessed on November 13, 2015; cf. Leonid Beshenkovskii, interview 31665, segment 59, accessed on November 13, 2015; cf. Sofia Langarber, interview 35615, segment 25, accessed on November 23, 2015.

[3] Из Краснодара в Нальчик: показания Арона Гуревича // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-021. Оп. 17. Д. 206. Л. 329; Testimony of Lidiya Amchislavskaya, May 17, 1989, YVHN; Testimony of Izrail Tomachevski, October 3, 1999, YVHN.

[4] Показания Самуила Беленкова. 10 августа 1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 4. Л. 24.

[5] Testimony of Mikhail Shapiro, February 16, 1974. YVA: 0.3/6019. P. 5.

the Caucasian evacuees could account for the lack of resolve to escape[1]. Another Jewish family decided to stay because of emotional attachment to their new Jewish friends who could not evacuate[2].

The impact of the food conditions in the region also influenced the behavior of Jewish refugees. In contrast to many other Soviet rear areas, in the North Caucasus the food situation remained relatively satisfactory during the first year of the war. This was a consideration for all Jewish refugees, but particularly for those coming from Leningrad who had already experienced enormous starvation during the siege of the city since September 1941. Evacuation elsewhere from such a 'blessed' region as the North Caucasus was fraught with uncertainty and was frowned upon by the potential refugees.

Relations with authorities. The behavior of the Soviet authorities could affect Jewish refugees arriving in the North Caucasus. Provision with accommodation, food, and employment – the role of the authorities, primarily of the local administration was of paramount important here – could likely lead the Jews to consider staying in the region longer than they initially envisaged. Alternatively, the administration's indifference to the evacuees' needs and/or its encouragement of their departure might be weighty factors in fostering their flight further eastwards.

The refugees were billeted free of charge in private homes or state-owned buildings, yet the conditions in which they had to live were sometimes difficult[3]. However, the local employment policy was inconsistent throughout the period under review. In the early stages of the war, the refugees were provided with work in towns[4] and in rural areas[5], which may be indicative of long-term Soviet plans to accommodate the refugees in the region. But in retrospect, employment turned out to be a trap for the evacuees, as the employed were less inclined to move on[6]. As the influx

[1] Kropotkin: Tatyana Pushinskaya-Emtsova, interview 43272, USCSF, segment 74, accessed on November 17, 2015.

[2] Village of Sukhoi: Sofia Langarber, interview 35615, segment 21, accessed on November 23, 2015.

[3] Budennovsk, village of Slavyanskaya: Letters received by Efim Ginzburg, November 18, 1941, YVA, 0.75/324. P. 74. For a general survey of the Soviet policies in this field, see: *Хлынина Т.П.* Жилищный вопрос и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2014. Т. 5. № 29. С. 17–38; *Ее же.* Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. Т. 2. № 28. С. 56–69.

[4] Krasnodar, Mikoyanshakhar, Pyatigorsk: *Боровой С.Я.* Воспоминания. С. 251; File of Shamail, Ferdaus, Sultan, and Muchtar Khalamliev, 1994, YVA, M.31/6228; Testimony of Khania Knor, no date, ICJ: TC 2772, not transcribed.

[5] Stanitsa of Labiskaya, Stavropol krai: File of Sysoeva. File of Klavdia Sysoeva, Agripina Dedova and others, No date. YVA, M.31/8884; Testimony of Ida Mandelblat, May 25, 1998, YVA: VT/1911, not transcribed.

[6] Budennovsk: Letters received by Efim Ginzburg, November 18, 1941, YVA: 0.75/324. P. 75.

of refugees continued to grow throughout summer–fall 1941, the government program became increasingly strained. Consequently, those who came in fall were not always guaranteed employment or food[1]. Among those who came in 1942, only a small minority was provided with employment. This may be the result of the Soviets' logistical inability to provide masses of newcomers, including many white-collar workers, with suitable employment in the region. Alternatively, the authorities may not have considered the presence of these evacuees in the Caucasus a long-term project.

The authorities attempted to organize the incoming evacuation of both refugees and those who were systematically brought into the region. The newcomers were both registered[2] and non-registered[3], and apparently the great majority was supplied with food. In 1941, Jewish evacuees were dispatched all over the North Caucasus from towns[4] to numerous Russian villages[5], including Cossack settlements[6]. According to a Soviet wartime report, 39 100 out of 51 353 evacuees in Krasnodar krai were sent to villages as of January 1942[7]. This policy repeated itself in 1942 when incoming Jews were again dispatched all over the North Caucasus, especially into the resort towns of Stavropol krai[8]. Overall, the rationale behind the Soviet policy was to lessen the friction between the newcomers

[1] Village of Ivanovka, Krasnodar: Testimony of Gurevich, ICJ: TC 2761; Diary of Ioffe, entry from November 19, 1941, State Archive of the Crimea, Simferopol (henceforth – DAARK): P-156/1/31. P. 33. See also: *Исраов А.* Государственные органы управления и народ в 1941–1945 гг.: аспекты политического, экономического и организационно-правового взаимодействия на материалах автономных республик Северного Кавказа: дис. … докт. ист. наук. Махачкала, 2004. С. 165.

[2] Krasnodar and elsewhere in the region: Diary of Ioffe, entry from November 12, 1941, DAARK: P-156/1/31. P. 31; Memorandum of the Crimean District Committee of the VKP(b) on the evacuation of population from the Crimea and rendering assistance to it in destination points. May 18, 1943. DAARK: R-1/1/2182.

[3] Village of Slavanskaia: Diary of Ioffe, entry from November 9, 1941, DAARK: P-156/1/31. P. 31.

[4] Elista, Nalchik: Testimony of Ludmila Bradichevsky, May 13, 1996. ICJ: (217) 183. P. 1; Testimony of Yuri Piler, July 16, 1990, YVHN.

[5] Villages of Naturbovo and Levokumskoe, unidentified kolkhoz in Krasnodar krai. Interrogation of Klavdia Parshikova, August 12, 1942, YVA: M.33/291. P. 98. Cf. Memoirs of Piotr Belokurov, November 13, 2002, YVA: 0.33/6783. P. 1–2. Cf. Rakhil' Goferman, interview 15933, USCSF, segment 24, accessed on November 13, 2015.

[6] Stanitsy of Labinskaya and Tbilisskaya: Questioning of Leonid Borukhovich, September 6, 1943, YVA: M.33/292. P. 18; Questioning of Anna Suzdalenko, May 10, 1944, YVA: M.33/308. P. 29.

[7] Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. ... Кн. 1. С. 181–182.

[8] Essentuki, Pyatigorsk: Testimony of Debora Shklovskaya, March 5, 1991, YVHN; Testimony of Sima Royak, September 24, 1994, YVHN.

and native population, as well as to fairly distribute the burden of accommodation among many localities. This would have been a good policy for handling the refugee crisis had there been no immediate danger to the Soviet control of the area. It also conveyed a soothing signal to the evacuees by reassuring them that the situation was under firm control of the Soviet authorities. It also made it very difficult to urgently embark on their evacuation if the situation became critical.

Many Jewish newcomers appeared to appraise the situation precisely along these lines. Despite official assurances they doubted Soviet ability to hold on the region in front of the advancing German armies. A document of the local Krasnodar agency in charge of the 'resettlement' policy dated September 1941 is instructive: "The evacuees go out constantly from the areas assigned them and bombard the resettlement department with persistent requests to send them to other areas and territories"[1].

This was exacerbated by the Soviet anxieties over possible penetration of the enemy agents under the disguise of refugees[2].

As a result of security and logistical problems, Soviet authorities became increasingly concerned with the incessant influx of evacuees. They attempted to solve the problem by limiting incoming evacuation. Beginning September 30, 1941, they banned registration of the newcomers and empowered local authorities to dispatch unemployed people within two days of their arrival to work in key industrial and military centers[3]. Local authorities evidently took an even more restrictive step by seeking to limit the number of incoming evacuees by deciding "to entrust the issuance of resettlement permits to the military authorities"[4]. The result was a massive flight of the refugees further eastwards with the explicit encouragement of the Soviet authorities. According to the Soviet report, "as of January 1942, 51 353 people remained in Krasnodar krai out of 226 000 who had been evacuated there. The rest departed to the far rear areas"[5].

However, when the situation in the Southern flank of the Soviet-German front stabilized in the winter 1941–1942, Soviet approach changed diametrically. In December 1941, the authorities imposed a complete ban on leaving the area[6]. It was in effect for the duration of almost two months and beyond its direct impact, had a long-term negative effect for the Jews contemplating the possibility of a new flight. They had no

[1] Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. ... Кн. 1. С. 56–57.

[2] Idem. P. 56–57.

[3] Krasnodar, Maikop, Novorossiysk, Tuapse: Idem.

[4] Idem. P. 56–57.

[5] Idem. P. 181–182.

[6] Complete ban in Budennovsk and severe limitations in Krasnodar: Letters received by Efim Ginzburg, entry from December 13, 1941, YVA: 0.75/324. P. 76; Testimony of Melinsky, YVA: 0.3/4342. P. 4.

choice but to stay, and in order to survive, they had to make arrangements for a prolonged stay in the region, which mainly involved accommodation and employment. Later, when it became possible to evacuate these arrangements could likely negatively affect their decisions to leave the region.

As in the winter 1941–1942 the situation seemed stable, Soviet government began to view the North Caucasus as a relatively safe shelter for refugees from other regions. It is against this backdrop that the Soviets made and implemented the decision to direct many people from several endangered areas (besieged Leningrad, Soviet enclaves in the Crimea and Rostov) into the North Caucasus, primarily into the territories of Krasnodar and Stavropol[1]. Obviously the arrival of many evacuees into the North Caucasus served to assuage Jews' fears and led at least some of them to assess that the region was and would remain an unassailable fortress. It seems safe to estimate the number of the evacuated Jews in the region as of July–August 1942 at about 50 000.

Acting apparently on their own initiative, occasionally low-ranking Soviet officials rendered critical aid to Jews by allocating them transport[2], while in other cases they tried to prevent Jews from unauthorized leaving[3]. However, overall, Soviet authorities tended to remain neutral by neither encouraging or discouraging Jewish refugees from moving eastwards. This was done with an eye to a number of consideration, most specifically in order to keep a delicate balance between evacuating certain target groups of population and plants and not spreading panic. The result was lack of guidance, critical for those devoid of other sources of reliable information, until when it became actually too late to flee[4].

Relations with local population. A certain number of Jewish testimonies that I was able to look over pass in silence over the attitudes of the local population in the North Caucasus towards them, which may be probably indicative of a lack of frictions between the two groups. Sometimes there were references to rather positive attitudes on the part of

[1] Постановление бюро крайкома ВКП(б) «О размещении эвакуированного населения из Ленинграда в городах и районах [Ставропольского] края» от 10 февраля 1942 г. // Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ставрополь, 1962. С. 75; Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. ... Кн. 1. С. 249; Постановление Карачаевского обкома ВКП(б), не позже 24 июня 1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 8. Л. 2–3; Testimony of Vladimir Shpits, June 7, 1992, YVHN.

[2] Tatyana Pushinskaya-Emtsova, interview 43272, USCSF, segment 83, accessed on November 17, 2015. Cf. Testimony of Gurevich, ICJ: TC 2761.

[3] Unidentified village in Krasnodar krai and Georgievsk: Mariia Gurdzhi, interview 45463, USCSF, segment 105, accessed on November 17, 2015. Cf. Lev Batkilin, interview 43529, idem, segments 40-41, accessed on November 14, 2015.

[4] *Гладкова С.А.* Организация эвакуации людских и материальных ресурсов // Великая Отечественная война: события, люди, история. Элиста, 2001. С. 73.

the local people towards the Jews, although it was not always possible to ascertain whether the local people were cognizant of the fact that the newcomers were Jews. These relatively positive attitudes were generally recorded at the first stages of almost a year-long evacuation process[1] that took place in the North Caucasus and placed a tremendous burden on the local inhabitants forced to accommodate the refugees in their homes.

However, many, in my opinion, most testimonies point to negative attitudes on the part of the local population towards the newcomers. Sometimes it is impossible to establish whether these sentiments were nurtured by anti-Semitism or by a dislike of refugees. But whatever the explanation, when a Jewish refugee recorded that: "Kuban' [Krasnodar krai] received us, all the evacuees, very badly. They did not let [us] in their houses but also in barns, only if we paid... We understood there that no one likes the evacuated people; they did not even give [us] water"[2]. It made a strong impression on her family and resulted in its attempting to leave this inhospitable area as soon as possible.

On the whole, it turns out that the arrival of masses of predominantly Jewish evacuees led to the upsurge of anti-Jewish sentiments in the midst of the local population. They involved the refusal to allow specifically Jewish evacuees to reside in the place when the local inhabitants were recorded as saying: "We'll let Russians in, but not Jews", and: "We'll be answerable on account of you, Jews. If Hitler comes here you'll be hanged, and he won't have mercy on us either"[3].

Antisemitism was clearly noticeable in a number of Russian and to a lesser extent non-Russian areas from the beginning of the war[4]. According to the postwar memories of a Jewish escapee, in Krasnodar in the autumn of 1941 local people would let one another pass in lines at the expense of Jews and make derogatory anti-Semitic remarks[5]. Importantly, the same author noticed that as the Germans approached in autumn 1941,

---

[1] Alla Anikeeva, interview 47598, USCSF, segment 61, accessed on November 13, 2015. Cf. Anna Goldenberg, interview 30042, USCSF, segment 65, accessed on November 18, 2015. Cf. Testimony of Sarra Labinov, no date, ICJ: TC 2773, side A, not transcribed. Cf. Testimony of Mandelblat, YVA: VT/1911.

[2] Maria Achkinazi-Chubar', interview 48039, USCSF, segment 49, accessed on November 15, 2015.

[3] Session of the Council of People's Commissars of Kabardino-Balkar ASSR. Speech by Senior Inspector Shklovski. May 5, 1942. YVA: JM/24678. Cf. Rakhil' Goferman, interview 15933, USCSF, segment 25, accessed on November 13, 2015.

[4] Testimony of Kalnitskaya, ICJ: TC 2759; Testimony of Bradichevsky, ICJ: (217) 183. P. 3; For more information, see: *Андриенко М.* Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. С. 57.

[5] *Боровой С.Я.* Воспоминания. С. 252.

the enmity towards Jews increased[1]. The atmosphere of anti-Semitism in the North Caucasus with respect to the Jewish evacuees is also indicated in many Jewish testimonies[2].

For their part, the local authorities recorded an increase in anti-Semitic feelings in an apparent reaction to the growing predominantly Jewish evacuation into the region. The following two excerpts from Stavropol underscore the point. According to the memorandum of the District Committee of VKP(b) prepared in September 1941, "the hostility towards Jews on the part of anti-Soviet elements was clearly on the rise, recently, in a number of areas"[3]. On January 6, 1942, a lecturer of the VKP(b) Department of Agitation and Propaganda communicated to the NKVD regional administration: "In the area of Libkhnet, draftees departed for the front in an anti-Soviet spirit: "Beat Zhyds and Communists!"[4]

Anti-Jewish attitudes could be more extreme. For example, a sixth-grade Jewish schoolboy was repeatedly beaten because he was a Jew[5]. Another Jewish refugee mentions in her postwar interview that from early August to mid-November 1941, dreadful anti-Semitism prevailed in the stanitsa of Vyselki (Krasnodar krai) where she settled: "Neither I nor my brother could actually learn in the school: children offended us by shouting 'Zhyd!' at us. At school, the teachers used to say to the children: 'Why do you bother them? It is not their fault that they are Jews' "[6].

When the Germans captured Rostov-on-Don for the first time (mid-November 1941) her family moved away towards the Transcaucasia. She says that when "we entered local villages to procure food the population was ill-disposed towards us and even behaved in a belligerent fashion. We were never invited to enter houses in order to clean up. It was even a feeling of terror"[7]. Yet, in many cases it cannot be established whether this hostile attitude was due to the fact that the witness was Jewish or a refugee. Yet, such examples stand out as an exception to the trend, which, with some deviations, was indicative of the increase in anti-Semitism among the local Slavic people on the eve of the German occupation of the North Caucasus. Increasing outbursts of anti-Semitism from the local Russian

[1] Там же. С. 254.

[2] Testimony of Kalnitskaya. ICJ: TC 2759; testimony of Bradichevsky. ICJ: (217) 183. P. 3.

[3] *Андриенко М.* Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны. С. 57.

[4] Ibid. P. 57.

[5] Stanitsa of Vyselkovskaia in Krasnodar krai; Российский государственный архив социальной и политической истории. Ф. 17. Оп. 88. Д. 131. Л. 75–76; *Юрчук И.* Политика местных властей Кубани по защите детства и ее практическая реализация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2008. С. 82.

[6] Testimony of Kalnitskaya, ICJ: TC 2759.

[7] Ibid.

population or enmity to the Jews because of their being refugees could likely lead the latter to consider prompt escape from the region[1].

Critical information. In the North Caucasus, Jews based their evacuation decisions on their knowledge of German anti-Jewish policies and the proximity of the Wehrmacht. Since radio was of minor significance in the dissemination of this information[2], the role of the local press, such as the main newspapers of the Stavropol and Krasnodar territories Ordzhonikidzevskaia Pravda (Ordzhonikidze Truth) and Bolshevik[3] grew considerably. A close examination reveals that during the period stretching from June 22, 1941 to mid-July 1942, not a single word was written about evacuation from the North Caucasus. Soviet propaganda in the North Caucasus, as seen from the newspapers, persisted as "business as usual" up to the point when the Germans reached critical proximity to the region[4]. Extremely rare were references to the Germans' maltreatment of Jews[5], especially in the occupied Soviet territories[6]. A rare exception to the trend was the Note of the Soviet Commissar for Foreign Affairs, Vyacheslav Molotov, which invoked the special maltreatment the Germans inflicted upon Jews in Lvov and Kiev. It was widely publicized across the country in early

---

[1] Stanitsa of Uspenskaya and Krasnodar in autumn 1941: Боровой С.Я. Воспоминания. С. 250, 252.

[2] *Сомова И.* Культурные и религиозные учреждения Ставропольского края в период Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2004. С. 47–48.

[3] Ordzhonikidzevskaia Pravda was published daily by Ordzhonikidze District Committee of the VKP(b), the District Council of the Deputies of Workers, and the Voroshilovsk [Stavropol] Municipal Committee of the VKP(b). Bolshevik was published daily by the Krasnodar District and the Municipal Committee of the VKP(b) and the District Council of the Deputies of Working People. I looked through all the issues of these two newspapers from June 22, 1941, to late July 1942 when their publication ceased.

[4] О проведении сельхозработ осенью в крае // Орджоникидзевская правда. 1941. № 230 (2294). 28 сентября. С. 1; «О ходе уборки урожая». Постановление Орджоникидзевского краевого комитета ВКП(б) от 9 июля 1942 г. // Орджоникидзевская правда. 1942. № 159. 10 июля. С. 1; Работать и не щадить сил для фронта // Большевик. 1942. № 176. 26 июля. С. 1.

[5] *Файгельман А.* В лапах гитлеровских бандитов // Орджоникидзевская правда. 1941. № 154 (2218). 2 июля; Американский журнал о секретных инструкциях германского командования // Орджоникидзевская правда. 1941. № 174 (2238). 25 июля. С. 1; *Г.Д.* Гитлеровский «новый порядок» в Европе // Большевик. 1941. № 175 (1157). 26 июля. С. 4; Зверское поведение немцев в Варшаве // Орджоникидзевская правда. 1942. № 9 (2384). 11 января. С. 4.

[6] Месть и смерть фашистским собакам // Правда. 1941. 13 сентября; Орджоникидзевская правда. 1941. № 218 (2282) 14 сентября. С. 1; *Василевская В.* Западная Украина истекает кровью // Орджоникидзевская правда. 1941. № 219 (2283). 18 сентября. С. 2; Что происходит в Киеве // Большевик. 1941. № 285 (1267). 2 декабря. С. 2.

January 1942[1]. Finally, general information on the advance of the German armies[2], let alone their offensive towards the Caucasus, was infrequent and clearly outdated[3].

In the absence of official trustworthy information, rumors turned out to be a major source of news. It is indicated in a postwar Jewish testimony pertaining to Krasnodar krai: "My family, which consisted of five people, stayed in the village of Ivanovka for one to one and a half months. Around November-December 1941, it was rumored that Jews were gradually abandoning the village. So, my family made up its mind to move to Krasnodar"[4].

The following wartime letter, which arrived from Budennovsk in October 1941, is also indicative of the influence of rumor: "Minvody was bombed. Many of the evacuees began to move away from here to Makhachkala. Rumors were circulating that it was impossible to reach Makhachkala, that on the way people were put off and dispatched to kolkhozes, and that an epidemic of typhus broke out in Makhachkala"[5].

The last testimony suggests that the information about the various effects of the Soviet evacuation program played a certain role in the behavior of Jews. However, according to another source, when Jews grasped the devastating nature of the situation, their knowledge of the negative effects of the Soviet evacuation procedure had a negligible impact on their decisions[6].

Sometimes information on the proximity of the Germans that jeopardized Jewish population emanated from the Red Army personnel. A piece of postwar evidence of a Jewish survivor underscores this point: "Apparently in the winter months of 1941–1942, my infant, and sister-in-law with her child, and I found ourselves in the village of Dzhiginka. Near the village there was an air base. One of the pilots learned that we were Jews and told us to escape as the Germans approached and that they would

---

[1] О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях // Правда. 1942. 6 января. Translation is in Molotov B. Soviet Government Statements on Nazi Atrocities. London, 1946. 3. 22.

[2] *Краснов А.* Георическая оборона Киева // Орджоникидзевская правда. 1941. № 212 (2276). 7 сентября. С. 2; *Суслов М.А.* Великая Отечественная война и задачи партийных организаций // Орджоникидзевская правда. 1941. № 233 (2297). 2 октября. С. 2.

[3] Отбить нападение врага! // Орджоникидзевская правда. 1942. № 175 (2550). 29 июля. С. 1; Бить врага наверняка // Орджоникидзевская правда. 1942. № 167 (2542). 19 июля. С. 1.

[4] Testimony of Gurevich, ICJ: TC 2761.

[5] Letters received by Efim Ginzburg, November 18, 1941, YVA: 0.75/324. P. 75.

[6] Stavropol in autumn 1941, Georgievsk in spring 1942: Testimony of Mandelblat, YVA: VT/1911; Testimony of Kalnitskaya, ICJ: TC 2759.

kill us. He advised us to talk to the Major who was a Jew and to speak Yiddish to him. The Major issued us certificates that we belonged to the military personnel and gave us a car"[1].

This evidence also depicts Jews volunteering to share critical information that affected evacuation-related decisions.

Information transfer could also be facilitated by Holocaust survivors escaping from the city of Rostov-on-Don. The temporary German occupation of the city from November 20–28, 1941, and the intensive mistreatment of Jews caused local Jews to expediently escape the area[2]. Many of these refugees eventually failed to leave the North Caucasus[3]. Yet, some of them were able to share with other Jews their first-hand information on the experience of Jews living under German rule[4].

The contradictory military developments in the southern part of the Soviet-German war in first part of 1942 puzzled many Jews who attempted to analyze them for an indication of whether or not to flee. On the one hand, Red Army victories during the winter campaign of 1941–1942 partly assuaged Jewish fears[5]. On the other hand, the fiasco of Soviet forces near Kharkov in mid-May, the fall of Sevastopol on July 2, and, particularly, the abandonment of Rostov on July 23, 1942, caused Jews to consider evacuating the Caucasus[6].

The available testimonies indicate that by mid-1942 the number of those who did not know of the German discrimination against Jews became lower among the Ashkenazi Jews residing in the Caucasus, as compared to 1941. Yet, there were remained a certain number of disbelievers[7]. Such was one Jewish professor who claimed, "I do not believe that the civilized nation of Göthe and Schiller can behave like barbarians"[8]. Those were the same arguments as cited by the Jews reluctant to flee in 1941, which indicates that this group of Jews remained largely unaffected by the Soviet propaganda and wholly refused to accept the rumors emanating from the refugees. Others embraced the revelations on the German

[1] Testimony of Melinsky, YVA: 0.3/4342. P. 4.

[2] *Klink E.* The Conduct of Operations // *Boog H. et al.* Germany and the Second World War. Vol. 4. The Attack on the Soviet Union. Oxford, 1998. P. 619.

[3] *Шварц С.* Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965). Нью-Йорк, 1966. С. 58; Report of Evenson, no date, YVA: P.21.2/1.

[4] Testimony of Kalnitskaya, ICJ: TC 2759. Cf. Testimony of Mandelblat, YVA: VT/1911.

[5] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 248–318.

[6] Там же. С. 369.

[7] Leonid Beshenkovskii, interview 31665, USCSF, segments 55-56, accessed on November 13, 2015. Cf. Osip Gurevich, interview 28802, Idem, segment 57.

[8] *Добрушкин Н.* В блокаде и эвакуации. URL: http://nashpolytech.ru/index.php?id=59 (материал по ссылке более не доступен). For Mikoyanshakhar, see also: *Poppe N.* Reminiscences. Bellingham, 1983. P. 161.

anti-Jewish atrocities but only partly and assumed for example that the Germans would make do with executing only those Jews caught in the first round-up[1]. Those Jews consciously remained in the region.

Conclusion. The North Caucasus in 1941–42 turned out to be a trap for the Jewish refugees. In retrospect, it is evident that that best thing the Jews could have done was not to stay there at all. Once stuck there, they should have done their utmost to get out of the North Caucasus. In fact, everything that may have enticed Jews into staying in the region in the short run (good accommodation, availability of food, favorable attitudes on the part of the authorities and the local population, etc.) was detrimental for their survival in a long run. Conversely, all the factors that showed the ugly face of the Soviet evacuation program and that made Jews want to leave the North Caucasus as soon as possible (lack of, or inadequate, accommodation; an inhospitable population turning its back on the refugees; etc.) ended up saving their lives in the long run.

Alongside this group of Jews whose decisions to flee (or not) were largely informed by the way they were treated in the North Caucasus, there were other Jews who consciously made up their mind not to escape anywhere. In contrast to 1941, I was unable to identify those who were paralyzed by fear of apparently unstoppable German war machine; after all, by mid-1942, it was already proven that the Germans were not invincible. Rather, this group of Jews quietly but firmly rejected information of German mistreatment of Jews or at least, viewed it as highly overblown. The major reason for their continuous disbelief seems to have been the fact that this information came from the Soviet media, which had discredited itself in the interwar period as a reliable news-supplier[2]. This was the paradox that this group of unfortunate Jews failed to comprehend: indeed during the war the Soviet media largely remained a propaganda tool of the Soviet regime. Yet, in retrospect, its difficult-to-believe reports on the German maltreatment of Jews appeared to have been mainly accurate and sometimes even an understatement.

---

[1] Eugene Elsner, interview 31734, USCSF, segment 19, accessed on November 14, 2015.

[2] On a similar phenomenon in 1941, see: *Feferman K.* To Flee or not to Flee: The Conflicting Messages of Soviet Wartime Propaganda and the Holocaust, 1941 // Cahiers du Monde Russe. 2015. Vol. 56. № 2–3 (April-September). P. 517–542.

Налаживание жизни в городах Крыма в послеоккупационные годы (1944–1945)

О.В. Волобуев

Характерной чертой историографии Великой Отечественной войны является постоянное расширение изучаемых сюжетно-тематических линий, причем не столько за счет военно-событийной стороны, сколько за счет новых ракурсов: «человеческого (и античеловеческого) лица» войны, ее тыловой и оккупационной повседневности, памяти о войне и мемориальных образов, а также теоретических аспектов самого феномена войны. Эта векторная направленность и подвижность тематики связана с неизживностью памяти о героических и трагических страницах военного лихолетья, что в первую очередь находит отражение в содержании научных конференций.

Показателен в этом отношении научно-общественный форум, посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и проходивший в Туле. В работе 7 секций и 6 круглых столов преобладала (назовем ее так) новая тематика: методология и методы исторического исследования, военная повседневность в тылу и на фронте, свидетельства и свидетели великого подвига, война глазами детей, война в исторической памяти последующих поколений, репрезентация войны в современном культурном пространстве, освещение Великой Отечественной войны в школьном образовании[1].

Многие из тех, кто профессионально обращается к истории Великой Отечественной войны, не специализируясь преимущественно на ее проблематике, как историк национального вопроса на Северном Кавказе Т.П. Хлынина, выбирают предметом своих исследований сюжеты повседневной жизни военных лет или трансформации

[1] Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сб. материалов международного научно-общественного форума, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 т. Тула, 2015.

этой повседневности в новой исторической памяти[1]. Война в последние годы все больше интересует исследователей как историко-антропологический объект[2]. Человек на войне, человек и война – такой широкоформатный подход открывает большие возможности для выбора конкретных исследований.

Предмет изучения в данной статье находится на грани традиционной и относительно новой тематики. О возрождении городов в послеоккупационный период, в том числе и крымских, речь шла в ряде публикаций, но в советской историографии рассматривалось в первую очередь восстановление их промышленного потенциала. Ведущим аспектом данной статьи является антропологический поворот: что делали сами люди для налаживания жизни в городах после их освобождения. Другим отличием является выбор узких хронологических рамок: жизнь после оккупации, но в условиях продолжающейся войны, когда государство не могло оказать существенной помощи жителям бывших оккупированных территорий.

Первоочередными задачами в налаживании гражданской, нефронтовой жизни, восстановлении ее экономических и социокультурных основ в освобожденном Крыму, казалось бы, были те же, что и в других ранее оккупированных областях. Надо было добиться функционирования всех уровней местной администрации и введения жизни граждан в советское правовое поле, минимально обеспечить население продовольствием (хотя бы накормить и напоить), санитарными и коммунальными услугами, осуществить мобилизацию всех общественных, в том числе людских, ресурсов на возрождение экономики, коммуникаций и снабжения. Однако каждый регион при этом имел свою специфику.

Рассмотрим самые неотложные вопросы, то, без чего невозможна сама жизнь. После освобождения Крыма первыми встали вопросы разминирования городов, побережья и прилегающей к нему

---

[1] *Хлынина Т.П.* Война в пространстве новой исторической памяти // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону–Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 41–47; *Ее же.* Война в современных политиках памяти, или отчего так неохотно меняются ее официальные образы // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв. Уроки истории и вызов современности: материалы конференции. Краснодар, 2010. С. 511–514.

[2] См., напр.: *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; *Хлынина Т.П.* Война как объект историко-антропологических исследований // Российское общество и войны XX века: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала русско-японской, 90-летию Первой мировой войн и 60-летию освобождения территории СССР в Великой Отечественной войне. Адлер, 27–30 мая 2004 г. Краснодар, 2004. С. 3–6 и др.

акватории, расчистки городских развалин. Территория городов Севастополя и Керчи была пересечена сложными минными полями. На противотанковые минные участки накладывались участки противопехотных мин. Особо опасными были мины, расставленные в жилых кварталах. При разминировании побережья Севастополя от мыса Фиолент до Северной бухты было извлечено 337 632 взрывоопасных предмета (мин, бомб и снарядов). Было проведено траление всех севастопольских бухт и балаклавской. Одна и та же водная площадь покрывалась 2–3 раза разными типами тралов.

В отличие от Севастополя, где разминирование проводилось, как правило, воинскими частями, в Керчи и других местах оно во многом было возложено на молодежь. Саперы Керченской базы Черноморского флота и Приморской армии расчищали самые ответственные участки, им доставались основные работы, остальные выпали на долю бойцов-минеров из команд Осоавиахима или военкомата. Комплектовались они из числа рабочей молодежи, парней и девушек в возрасте от 16 до 23 лет. Предпочтительно из комсомольцев, хотя последние не составляли в отрядах большинства. К разминированию привлекалась и сельская молодежь, проживавшая в близлежащих к Керчи районах. Преобладали в командах минеров допризывники. Обычно на курсы направлялись группы от керченских предприятий. От рыбкомбината, например, было направлено 26 девушек-работниц. Минеры числились за предприятиями и получали там продуктовые карточки. Организованного питания не было, каждый приносил из дома, что мог. Длительность обучения на курсах не превышала трех месяцев, но порой ограничивалась десятью днями. Работали минеры на протяжении всего светового дня, приходилось вручную выносить предназначенные для подрыва боеприпасы весом до 20 кг[1]. Сплошное разминирование в Керчи продолжалось до 1946 г. При разминировании нередко происходили взрывы и саперы гибли.

Крым относился не только к регионам, где ущерб от войны был особенно велик[2], но и к тем, экономика которых была подорвана

[1] Фактический материал по этому сюжету почерпнут из статьи: *Венедиктов Л.А.* Разминирование Керчи. URL: http://www.kerch.com.ru/articleview.aspx?id=2218 (дата обращения: 11.04.2017). Статья заканчивается словами, которые трудно не процитировать: «Те 200 юношей и девушек из числа керчан, кому выпала судьба пройти через испытания, сходные с участием в боевых действиях, уготованные отхлынувшей на запад волной, сделали свое дело в меру сил и свойств личности каждого. Но все они заслуживают великой благодарности и памяти последующих поколений».

[2] Довольно обстоятельную характеристику этого ущерба см.: *Максименко М.М.* Девятьсот дней в огне. Симферополь, 1970. С. 77–85. См. также: *Басов А.В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987. С. 288–289. В первой из книг широко использованы крымские архивы, во второй – центральные.

убылью значительной части его населения. Население полуострова сократилось с довоенных 1196 тыс. человек до 351 тыс. Особенно пострадали Севастополь и Керчь. В первом к моменту освобождения осталось 1010 человек, во втором всего 11 жителей[1]. Согласно данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба… (ЧГК) в Крыму за время военных действий и оккупации было убито и замучено 86 943 мирных граждан. По их числу Крымская АССР занимала второе по РСФСР место после Смоленской области[2].

Из шести самых крупных крымских городов республиканского подчинения два лежали в руинах (Севастополь, Керчь), два были сильно разрушены в центральной части (Феодосия, Ялта), два (Симферополь, Евпатория) сохранились лучше. Но даже в Симферополе было уничтожено 30 % жилого фонда. В восстановлении городов было много общего: от разбора завалов до возрождения коммунальной инфраструктуры.

Приведем точную и яркую зарисовку севастопольского писателя В.Б. Иванова о том, что предстояло восстанавливать: «Многие улицы нельзя было определить – была потеряна их градостроительная сетка. На центральном городском кольце восстановлению подлежали всего два здания – главного почтамта и комендатуры. По проспекту Нахимова остался только полуразрушенный фасад дома № 11, в котором ныне размещаются музыкальная школа и Художественный музей. На месте нынешних проспекта Нахимова и улицы Большой Морской среди заросшего бурьяном пространства пролегла “тропинка”. А по сторонам стояли развалины. Кое-где вился дымок из торчащих в руинах дымовых труб. И было до жути тихо среди белого дня»[3]. В Севастополе, по данным горсовета, насчитывалось 8 зданий с разрушениями на 15–20 %, 180 небольших домов с разрушениями до 40 %, 620 домов с разрушениями до 70 %[4].

Восстановление Севастополя шло в трех направлениях: как базы Черноморского флота, как промышленного центра и как города русской славы, историко-патриотического памятника.

---

[1] *Басов А.В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 288, 289. Есть и другие данные: по Крыму 379 тыс. человек, а по Севастополю – 10 тыс.

[2] Данные ЧГК о людских потерях СССР в годы войны. Март 1946 г. (В.Г. Бухерт) // Исторический архив. 2016. № 4. С. 33.

[3] *Иванов В.* Послевоенный Севастополь 1944–1954 гг. // Официальный сайт севастопольского писателя Иванова Валерия Борисовича. URL: http://ivb.com.ua/stat40.htm (дата обращения: 11.04.2017).

[4] *Богаткевич Т.Я.* Черноморский флот и Главная военно-морская база в 1946–1953 годах // Научные труды Московского гуманитарного университета. М., 2008. Вып. 91. Экономика. История. С. 155.

В октябре 1945 г. было принято постановление Совмина СССР о первоочередном восстановлении 15 городов. В числе городов-героев был и Севастополь. И менее чем за два года в Севастополе уже можно было ездить по улицам и определенной части его жителей можно было где-то жить.

При перепланировке нового послевоенного Севастополя акцент был сделан на его героическом военно-морском прошлом. Важное место в облике города заняла реставрация памятников, посвященных Крымской войне 1954–1955 гг. Все памятники Крымской войны, а также центральные площади и бульвары[1] остались на своих старых местах. Уже в октябре 1944 г. в районе мыса Херсонес был воздвигнут памятник бойцам, на лицевой грани которого изображен макет ордена Победы, а в мае 1945 г. на Сапун-горе был открыт военно-полевой музей. Установлены были первые памятники в честь павших на крымской земле воинов (Северная сторона, Малахов курган).

Население Севастополя быстро росло за счет военнослужащих, строителей, возвращения в город прежних жителей, поэтому в условиях войны и первых послевоенных лет обеспечение жильем и коммунальной инфраструктурой не могло идти достаточно удовлетворительно. Таково было положение везде в Крыму (да и в других бывших в оккупации городах). В 1945 г. из эвакуации вернулось 50 тыс. человек, а за два года в Крыму было введено жилплощади из расчета на 57 тыс. (притом, что в Севастополе норма устанавливалась в 5 кв.м на человека). На каждого жителя Севастополя приходилось 5–7 л воды в сутки.

В Севастополе, как и в других крымских городах, к концу 1945 г. удалось восстановить лишь минимальный уровень жизнеобеспечения: транспортную связь между городами, электроснабжение, водоснабжение, канализацию (в тех городах, где она была раньше), санпропускники и бани, элементарное медицинское обслуживание, функционирование яслей и школ.

Не лучше обстояло дело и в другом городе-герое Керчи. Общий ущерб, нанесенный Керчи с учетом ее промышленных окрестностей составлял 2,5 млрд руб. Уже 11 апреля 1944 г., в день освобождения Керчи, начал свою административную, организаторскую и хозяйственную работу городской совет депутатов трудящихся. На третий

[1] *Куоллс К.* Агитировать и создавать условия: перепланировка города-героя Севастополя 1944–1953 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2(7). С. 70–75. В статье американского историка подробно изложены история создания планов реконструкции Севастополя в связи с проблемами жилищного строительства и коммунального хозяйства в условиях создания всей системы жизнеобеспечения горожан. Однако, с нашей точки зрения, статья несколько политизирована.

день после освобождения на совместном заседании горсовета с горкомом партии в Керчи были намечены пути решения первоочередных задач.

Как и в Севастополе, в Керчи даже ходить по улицам можно было, только пользуясь тропками, проложенными между завалами. Сразу организованно приступили к расчистке города, района порта и железнодорожных станций, что позволило наладить движение поездов по линии Керчь-Джанкой-Симферополь.

Важнейшей задачей местной власти было обеспечение горожан продуктами. Заработали хлебозавод, молокозавод, мясокомбинат. Как и в других городах, уже в 1944 г. начали работать предприятия, в том числе крупные, как завод им. Войкова и торговый порт.

К октябрю 1944 г. керченская молодежь, в значительной части школьного возраста, отработала на общественных началах порядка 185 тыс. часов. Велась подготовка к занятиям в школах, включавшая не только ремонт помещений, но и сбор учебников. К зиме 1945 г. было введено в эксплуатацию 131 тыс. кв.м жилплощади, 16 школ, 8 детских садов, 2 детских дома[1].

Менее, чем Севастополь и Керчь, пострадавший Симферополь тоже представлял собой печальную картину. Вот как она была воспроизведена в одном из послевоенных историко-краеведческих очерков: «Большинство промышленных предприятий лежало в развалинах. Гитлеровцы полностью разрушили мебельный комбинат. От консервного завода “Серп и молот” остались лишь груды камней. На территории консервного завода “Трудовой Октябрь” уцелела только труба от котельной. Оккупанты взорвали все здания табачно-ферментационного завода. А оборудование привели в полную негодность. На месте вокзала торчали обгорелые столбы. Красивое здание швейной фабрики им. Крупской по ул. К. Маркса, многоэтажные дома на Набережной, школа на Севастопольской улице, гостиницы “Ленинградская” и “Европейская” и многие, многие другие здания представляли собой или нагромождения кирпича и взорванных железных конструкций, или пустые коробки с зияющими дырами вместо окон. Город лишился трети своего жилого фонда, остался без электрической энергии и водоснабжения»[2]. Было разрушено и сожжено почти 249 тыс. кв.м жилой площади.

В 1945 г. в Симферополе уже были налажены электроснабжение (даже начата работа по уличному освещению), водоснабжение (восстановлена насосная станция), вывоз мусора (город приведен

---

[1] По материалам: История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. Киев. 1974. С. 296–297; Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 45. Д. 996. Л. 173–176.

[2] *Успенская В.* Симферополь. Историко-краеведческий очерк. Симферополь, 1961. С. 143–144.

в санитарное состояние). Заработали банно-прачечный комбинат и дезостанция. В строй введено более 100 предприятий[1].

Ситуация в перечисленных трех самых крупных крымских городах и в остальных была однотипной с поправкой на степень разрушения. Описывать послевоенную разруху и ее преодоление в городах можно по одной и той же схеме, начиная с очистки от завалов и кончая восстановлением промышленности и транспортных и коммуникационных связей.

Но все же кратко остановимся еще на положении в Феодосии. В городе была разрушена половина жилищного фонда, пришла в упадок коммунальная инфраструктура. На восстановлении города работало 12 ремонтно-строительных бригад из женщин-домохозяек. В город практически не завозились стройматериалы. О том, как их доставали для проведения восстановительных работ рассказывали ветераны труда Феодосийской табачной фабрики: «Необходимые материалы добывали в полуразрушенных дотах. Рискуя жизнью, люди разбирали замурованные в скалах вражеские доты. Не было транспорта, и добытые стройматериалы доставляли на фабрику на своих плечах. Трудились, не жалея сил, работали по 12–14 часов в сутки»[2].

Над возрождением городов трудились созданные в них строительные организации. Наряду с вольнонаемными жителями городов на работах по расчистке завалов и строительстве трудились и немецкие военнопленные. На 1 января 1946 г. в строительно-монтажной части Севастопольстроя трудилось рабочих: вольнонаемных 5238 человек, военнопленных – 6785, учащихся ФЗО – 236. В отчете одного из подразделений был такой отзыв об отношении к тяжелому и опасному труду: «Из общего количества учтенных 1316 рабочих выполняют и перевыполняют нормы 803 человек, в том числе 313 военнопленных»[3].

Важнейшей задачей стало восстановление социокультурной инфраструктуры на полуострове. В 1940/41 учебном году в Крыму насчитывалось 1284 начальных, неполных средних (семилетних) и средних школ, из них средних 161. В 1944/45 учебном году имелось с учетом восстановленного 934 школы, из них неполных средних 119, а средних всего 46. Из 7650 довоенных учителей в Крыму оставалось 3114, и то это были главным образом учителя начальных классов. Сократилось также число техникумов и средних специальных училищ. В 1940 г. их было 32 с 6366 учащимися, в 1944 г.

[1] Факты взяты из доклада председателя горсовета на пленуме Крымского обкома ВКП(б): РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 996. Л. 147–165.

[2] *Балахонов В.И.* Феодосия (историко-краеведческий очерк). Симферополь, 1975. С. 71.

[3] *Иванов В.* Послевоенный Севастополь 1944–1954 гг.

их открылось 14 с 1942 учащимися. Из эвакуации вернулись преподавательские и студенческие коллективы четырех крымских вузов, и в них на октябрь 1944 г. обучалось 1604 студента[1].

Начинать учебный год приходилось часто в полуразрушенных зданиях, неприспособленных помещениях. Вот как описывалось положение в педагогическом институте после его возвращения из эвакуации в Дагестан: «Занятия начали в чрезвычайно трудных условиях. В институте не было аудиторного и лабораторного оборудования, столов, стульев и т.д. Студентам приходилось слушать лекции, стоя или сидя на досках, положенных на камни. Во многих окнах не имелось стекол, долгое время не было топлива и электроэнергии. Работа лабораторий тормозилась из-за нехватки реактивов и химической посуды»[2].

Не лучше обстояло дело и в ряде школ. В справке севастопольского горотдела народного образования, датируемой декабрем 1945 г., отмечалось: «В 1945–1946 учебном году не было случаев, когда учащиеся на классных занятиях стоят. Парты, столы, скамейки, доски сделаны для школ». Восстановление детского сада в справке описывалось следующим образом: «Вытаскивали кроватки из-под камня, выпрямляли их, красили, сносили посуду, мягкий инвентарь – так постепенно создавали сады»[3]. В окнах не было стекол. В керченских школах в оконные проемы вставляли колонки стеклянных банок, скрепленных цементом (то же было и в других общественных и личных помещениях). В уже цитированной выше справке сообщалось, что на четвертый день после освобождения в Севастополе была организована столовая для ослабленных голодом детей, а на десятый день начались занятия с учащимися.

К декабрю 1945 г. в Севастополе уже имелось 14 школ с 5,5 тыс. учащихся и 2 вечерние школы для рабочей молодежи. В школы было поставлено 5 тыс. учебников и 20 тыс. тетрадей. Один учебник в крымских школах приходился на нескольких учащихся, а то и на большую группу. Когда не было тетрадей, писали на грифельных досках, на более или менее пригодных листах бумаги, а то и на газетах. Для сирот военного времени были открыты детдома на тысячу мест.

Шло восстановление культурной инфраструктуры. Первыми открылись Феодосийская картинная галерея, театры в Симферополе и Севастополе, гортеатр для приезжих трупп в Ялте,

[1] Российский государственный архив экономики. Ф. 1582. Оп. 18. Д. 335. Л. 126, 127.

[2] *Загородских Ф.С., Зайцев В.А., Секиринский С.А.* История Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе. Симферополь, 1960. С. 56.

[3] Севастополь. 200 лет. 1783–1983: сборник документов и материалов. Киев, 1983. С. 273–274.

Симферопольское музыкальное училище. Начали работать кинотеатры.

Несмотря на военные трудности, крымчане старались помочь армии и флоту. Так, с 1 декабря 1944 г. по 1 декабря 1945 г. православные церковные приходы собрали и внесли в Госбанк 568 797 руб. в пользу армии. Кроме того, Таврическая епархия также внесла немалую сумму в дело обороны Родины[1]. Население с первых дней освобождения оказывало помощь в организации госпиталей для раненых бойцов Красной армии. Колхозы внесли в фонд Красной армии 184 тыс. пудов хлеба. Керченские рыбаки поставили для Красной армии 1167 ц отменной сельди.

Восстановление экономики, коммунальной инфраструктуры, системы здравоохранения, школьного и специального образования, учреждений культуры происходило в условиях крайне низкого жизненного уровня. Не говоря о скудных общегосударственных нормах обеспечения продовольствием и горожан, и сельчан, даже эти объемы урезались условиями военной и послевоенной обстановки. Были перебои со снабжением, очереди за хлебом. В какой-то мере положение облегчали продовольственные и вещевые рынки.

Выход искали в самообеспечении продовольствием. В Севастополе, Керчи и других населенных пунктах расчищали от мин не только жилые кварталы, промышленные предприятия, дороги, но и землю под садами и огородами. На такой земле в Керчи, не теряя времени, засадили в первый весенний сев 5 га огородов. К осени 1944 г. это уже были многие десятки гектаров. Огородная кампания охватила все крымские города. Огороды были и коллективными, и семейными. В Севастополе было принято решение: каждой семье иметь индивидуальный огород. Кроме того, всюду предприятия создавали подсобные хозяйства. Решением Крымского СНК под подсобные хозяйства, где сеяли зерновые и подсолнечник, выращивали картофель и откармливали свиней, было передано 15–18 тыс. га, не считая огородов и садов[2].

Городские советы и горкомы ВКП(б) брали на себя руководство возрождением городской жизни, райкомы и райсоветы – сельской. В апреле 1945 г. были подведены итоги всекрымского социалистического соревнования по благоустройству городов. Отмечалось, что силами крымчан было введено в эксплуатацию жилплощади 5380 кв.м, намеченные объемы по окраске фасадов домов выполнены на 124 %, по вывозке нечистот – на 610 %, по посадке деревьев – на 100 %, по капитальному ремонту дорог и тротуаров – на 442 %[3].

[1] *Колымагин Б.* Крымская экумена. Религиозная жизнь послевоенного Крыма. СПб., 2004. С. 18.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45, Д. 996. Л. 130.

[3] Севастополь. 200 лет … С. 272.

Эти цифры можно при желании трактовать как парадный отчет, но за ними нельзя не видеть и неистового стремления к мирному обустройству жизни. Отмечая вклад общественной инициативы в возрождение Крыма, заместитель председателя СНК автономии говорил: «Активные женщины-черкасовцы[1]… сами отремонтировали свои квартиры, в которых сейчас живут, сами провели водопровод, сами натянули провода, провели свет…»[2].

Можно только удивляться тому, сколько всего было сделано в Крыму за неполных два года при сильном обезлюдении и скудных материальных средствах. И не найти этому объяснения без понимания, как сейчас любят говорить, роли человеческого фактора, т. е. отношения человека к делу, стремления тех, кто выжил в обстановке военных действий, выжить в последний год войны и в послевоенное время. Не сделаешь того, не сделаешь другого – никто за тебя и для тебя этого не сделает. И будут у тебя незастекленными окна, и будешь ты ходить по выбоинам грязных и скользких тротуаров, и не найдут твои дети места в школе, ибо мест там не будет. Лозунги «Работать за троих» и «Ни одного жителя Крыма вне восстановления своего города, района и предприятия» не были для подавляющего большинства крымчан отвлеченными фразами, они наполнялись созидательным смыслом.

[1] *Черкасовское движение* – патриотическое движение добровольцев, преимущественно женщин, трудившихся на восстановительных работах во время Великой Отечественной войны и после ее окончания. Названо так по фамилии сталинградки, стоявшей у истоков его создания.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 996. Л. 199.

Практики преодоления войны мирными жителями послевоенного Сталинграда

М.А. Рыблова

Эта статья написана на основе материалов, собранных в рамках проекта РГНФ «Дети и война», в котором мы в 2014–2015 гг. работали вместе с Татьяной Павловной Хлыниной – светлым и ярким человеком и незаурядным исследователем. Ей не удалось довести до конца все то, что мы задумывали, приступая к этому проекту. Так и не была написана ею глава коллективной монографии, посвященная анализу механизма формирования памяти сталинградцев о прошедшей войне и способов ее преодоления. В этой статье нашли отражение лишь отдельные аспекты и сюжеты темы, которая была частью обширного исследовательского поля Татьяны Павловны. Светлой памяти о ней посвящается…

* * *

Проблема преодоления последствий Великой Отечественной войны гражданами СССР стала разрабатываться отечественными учеными лишь с недавнего времени и чаще всего в рамках более широкой темы – «память о войне и современная идентичность россиян». Особенно активно эта проблема стала обсуждаться в нашей стране накануне празднования 60-летия победы над фашистской Германией и в последующие годы[1]. Результатом этих дискуссий стала серия научных публикаций, в которых решались, в первую очередь, проблемы формирования коллективной памяти о войне

[1] Она стала, например, предметом обсуждения на конференциях, посвященных коллективной памяти о Второй мировой войне, состоявшихся осенью 2004 г. в Москве («Память о войне»: Малые банные чтения журнала «НЗ») и Берлине (Welche Geschichteformtdie Gegenwart? Erinnerungskultursechzig Jahrenach dem Kriegsende – IX Немецко-российские осенние дискуссии). Психологические аспекты этой проблемы обсуждалась на российско-немецкой конференции «Травма прошлого в России и Германии: психологические последствия и возможности психотерапии», состоявшейся весной 2010 г. и других научных мероприятиях.

и выяснялось ее влияние на современную российскую ситуацию[1]. Превалирующими в этом русле стали работы, написанные с позиции либеральной критики путем сравнения отечественного опыта с практиками преодоления последствий Второй мировой войны в странах Западной Европы, прежде всего, в Германии. Тема эта оказалась чрезвычайно идеологизированной и политизированной, привязанной к оценкам фактов и событий постперестроечной и нынешней России. Именно неправильно пройденное преодоление войны, по мнению некоторых исследователей, стало причиной усиления не только сталинского тоталитаризма, но и авторитарности системы нынешней. С их точки зрения, «непрожитая война оборачивается рецидивами государственной агрессии – чеченской войной и реставрацией репрессивного режима»[2].

Некоторые исследователи пытались обосновать тезис о наличии у русского народа особого механизма коллективной памяти, связывая его специфику с восточнохристианским учением о роли забвения и смерти для спасения души. Отсюда выводились такие особенности психотипа русского человека и национального характера, как незлопамятность и «короткая память на катастрофы, войны и иные формы зла, несущие смерть»[3].

В итоге дискуссий был сформулирован ряд вопросов: была ли Великая Отечественная война в полной мере пережита населением Советского Союза или осталась формулой «травматического молчания»; был ли у советского народа собственный опыт ее преодоления или этот процесс оказался полностью узурпированным официальными структурами, внедрявшими в коллективную память «нужные» образы войны (понимаемой как сплошная героика), в которых не нашлось места для памяти о неоправданных жертвах и осмыслению несправедливостей и просчетов советской стороны; могла ли ситуация непреодоленности травматического опыта войны способствовать усилению тоталитаризма в стране (молчаливое согласие с негативными тенденциями, сопровождаемое сакраментальным «лишь бы не было войны»)?

Наконец, в последние годы в гуманитарных науках стала активно обсуждаться проблема переживания травмы, травматического

---

[1] См., например: *Гудков Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41); Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005.

[2] *Гудков Л.* Указ. соч. С. 49.

[3] *Макаров А.И.* Война и коллективная память: механизмы солидаризации общества // Сталинградская битва: историческая память и художественное наследие. К 70-летию победы в Сталинградской битве: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 13–14 ноября 2013 г.: сборник научных статей. М., 2013. С. 11–16.

опыта масштабных исторических событий, ранее бывшая предметом исследования медицины и психиатрии[1]. Наряду с используемыми ранее такими историческими идентификациями, как «победители» и «побежденные», историки и социологи стали широко использовать категории «преступники» и «жертвы»[2].

Прошедшие дискуссии и вышедшие в последнее время публикации показали также, что, говоря об опыте переживания войны и формировании коллективной памяти о ней, необходимо учитывать, что в этом процессе было два пласта, два уровня: собственно народный, связанный с «живой» и постоянно воспроизводимой коллективной памятью, и официальный, исходившей от государственных и партийных структур[3]. Последний был первоначально организован в виде «государственной политики воспоминаний» о Великой Отечественной войне, которая начала проводиться уже с 1941 г.[4], и впоследствии продолжилась в виде постоянного реконструирования и символизации, воплощавшихся в создаваемых пантеонах героев, установке памятников, строительстве мемориалов, в разработке ритуалов официального празднования дня Победы и пр.

Идеологическое наполнение официальной составляющей коллективной памяти о войне изменялось на протяжении прошедших со дня Победы 75 лет – вместе с изменением внешнеполитических стратегий и ситуаций внутри страны. В первые же послевоенные годы, когда даже день победы не был официально утвержденным праздником, площадкой для воспоминаний и поминовений были семья, круг ближайших родственников и соседей. Память о войне в это время была в буквальном смысле слова живой, воспроизводимой теми, кто непосредственно ее пережил[5]. Именно в этом кругу вырабатывались и способы преодоления травмирующих последствий войны.

---

[1] См.: Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М., 2009; *Айерман Р.* Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121–138; *Кучева А.В.* Концепция культурной травмы и возможность ее применения к интерпретации исторических событий // Грамота. 2016. № 8. С. 118–120.

[2] *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 77.

[3] См., например: *Тимофеева Т.* Историческая память и ее памятники (на примере материалов Великой Отечественной войны) // Россияне и немцы в эпоху катастроф. М., 2012. С. 122–135; *Рыблова М.А.* Великая Отечественная война в народной памяти донских казаков // Россияне и немцы в эпоху катастроф. М., 2012. С. 135–144.

[4] Обращение музейно-краеведческого отдела Наркомпроса от 15.07.1941 «Ко всем работникам музеев» // Работа политико-просветительных учреждений в условиях военного времени (директивные и инструктивные материалы для музеев). М., 1943. Вып. 4.

[5] *Тимофеева Т.* Историческая память и ее памятники ... С. 125.

Составной частью этого опыта были практики мирных жителей Сталинграда, переживших одну из самых кровопролитных битв в истории человеческих войн. Возможность их изучения была получена нами в ходе исследовательского проекта РГНФ № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны». Записанные нами в 2014–2015 гг. в рамках проекта и опубликованные в двух сборниках воспоминания тех, кто пережил Сталинградскую битву в детском возрасте (всего было записано 264 глубинных интервью), позволяют судить как о собственно детских практиках преодоления войны, так отчасти и о тех, что применяли взрослые – их родители, близкие, соседи и пр.[1]

Как свидетельствуют воспоминания наших информантов, взрослые из близкого семейного круга почти никогда не разговаривали с детьми о войне, так же как и дети чаще всего не имели возможности высказать близким свои переживания. Во многих записанных нами воспоминаниях о послевоенном детстве речь идет о табуированных в семьях темах, обусловленных страхом гонений («за это сажали») и дискриминации. Такими запретными были темы: о пребывании на оккупированных территориях и в концлагерях, о наличии родственников, бывших в плену, о контактах с немцами и пр. Вскоре после войны нежелательными для властей стали такие категории ее жертв, как бывшие солдаты-инвалиды. Так же, как бывшие узники концлагерей, они, практически до конца существования СССР не получили права в полный голос говорить о своем травматическом опыте. Возможности населения города по оказанию помощи этим людям не были реализованы, т.к. до конца 1950-х гг. основная масса инвалидов была вывезена не только из Сталинграда, но и других крупных городов страны и помещена в особые интернаты.

Впрочем, серьезные трудности возникали и у основной массы сталинградцев, пытавшихся осмыслить опыт только что закончившейся войны. Стремительно идеологизирующаяся школа, первоначально предложившая учащимся писать сочинения о пережитой войне, очень скоро отказалась от этой затеи и стала предлагать в качестве образчиков коллективной памяти заранее подготовленные и отшлифованные партийным аппаратом заготовки: биографии героев-пионеров, рассказы ветеранов войны и пр. Так, одна из наших информантов рассказывала, что очень тяжелым

[1] Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под ред. М.А. Рыбловой. Волгоград, 2014; Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города / под ред. М.А. Рыбловой. Волгоград, 2015.

воспоминанием о войне для нее (тогда четырехлетней девочки) стал увиденный налет немецких самолетов на советский госпиталь, увозивший раненых с правого берега Волги на левый. Подожженные с воздуха зажигательными снарядами, горели скирды и укрывавшиеся в них люди. Испытанный в тот момент ужас мучил ее много лет, и, когда в школе предложили подготовить сочинение о войне, она описала именно этот случай, оставивший в ее психике тяжелый травматический след: «…там выгрузили с эшелона тяжелобольных, в гипсах, неподвижные почти все. Их разложили под скирды, поудобнее чтоб было, там много скирд стояло. А бомбежка началась, они сообразили, сволочи, что надо зажигательными, и подожгли. О-о-ой, кошмар был!! Стога горели. Раненые горели. А они сверху еще расстреливали в упор из пулеметов. И вот после этого я уже плохо помню… И вот самое сильное впечатление от военного времени – это горящие скирды, я сама не видела их как следует, издали показали, что там сгорело… Нас старались взрослые все-таки огородить. Я потом писала сочинения на эту тему, поэтому что-то такое в голове осталось. Этот ужас! Нам предложили в школе написать о войне, и я описала этот эпизод, когда горели скирды с ранеными. Может быть это не то, что от нас ожидали, но я написала именно про это, потому что для меня это было самое страшное воспоминание о войне. Горящие скирды и горящие люди – раненые»[1]. Показательны в этом тексте слова о том, что школа явно ждала другого от детских сочинений о войне.

Конечно, официальная идеология накладывала отпечаток на практики переживания прошедшей войны советскими школьниками, но ключевыми понятиями для многих из них оставались мотивы личной жертвенности: «Когда было 14 лет, мечтала быть Зоей Космодемьянской. Вставала ночью, ходила по снегу босиком, до забора и обратно, вот так вот тренировала себя, пишу: “Как же, вдруг будет война?” Любимый мой герой был Зоя Космодемьянская, вот такая боевая была тетка, дух такой боевой был»[2].

Этот текст перекликается с воспоминаниями о послевоенном детстве автора биографического романа А.П. Чудакова, уловившего, однако, за явным влиянием официоза нечто большее, выходящее за рамки простой идеологии и коренящееся в недрах народного менталитета: «Уже в школе отец подсовывал статьи о пионерах-героях, но их читать Антон не любил: сомневался, что никого не выдаст, если ему, как пионеру Смирнову, станут отпиливать ножовкой правую руку, и очень от этого мучился…. Американский психолог, пытаясь выяснить детские комплексы Антона, страшно удивился, что больше всего ребенок страдал от подобной мысли. И сказал, что теперь

[1] Русина Ю.А. // Дети и война. С. 212.

[2] Комягина Т.Г. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 198.

понимает разницу между своим и русским народом – по крайней мере, в середине двадцатого века»[1].

В обоих текстах явно обнаруживается не простое следование пафосной героике, а личностное переживание и понимание пути героя, начинающегося всегда с жертвенности, проходящего через испытания мучениями. Но этот путь оказался пройденным основной массой горожан, переживших Сталинградскую битву.

Однако не только страх перед спецорганами, официальная идеология и школьные ограничения замыкали уста пережившим войну. Возможно, речь должна идти и об их нежелании вновь погружаться в пережитые тяжелые испытания или о простой невозможности выразить пережитое обычными словами. Так, Ф. Болл полагает, что в рассказ не только невозможно вместить травмирующий опыт, но, более того, рассказ о травме может быть определен как рационализированное оправдание произошедшего, а потому оказывается неприемлемым в качестве исцеляющего средства[2]. Наконец, не только официальные структуры, но и само общество определяет область и границы того, о чем можно говорить, используя систему ограничений и табуирования. Позиция советского послевоенного общества может быть выражена словами: «о пережитых на войне страданиях рассказывать не принято»: «В то время как-то все были герои и все друг другу как-то стеснялись об этом говорить. Все стеснялись. Ведь у многих были такие ордена и медали, что в настоящее время позавидовать можно тем людям. А они старались как-то об этом умолчать, не выносить это наружу»[3]; «Тая потеряла мужа, он был майор, летчик, он защищал Сталинградскую землю, и здесь погиб. Я до сих пор не могу его фамилию установить. Тогда мало старались о погибших говорить, чтобы Тае не ворошить нервы…»[4].

Однако некоторые наши респонденты уже в зрелом возрасте начинали сожалеть о том, что не смогли найти слов о войне для своих детей и внуков: «Это очень тяжело вспоминать. Надо было вспоминать, писать и говорить детям. А мы с мужем не хотели вспоминать. У него еще хуже было детство. Мы не вспоминали. У нас не было детства, не было игр, не было игрушек. Не было того, что должно было быть. И мы старались своим детям дать то, чего мы не имели. Я потом уже поняла, что надо было рассказывать им. И рассказывать как можно чаще. Тогда бы, может быть, они не были такими жестокими.

---

[1] *Чудаков А.П.* Ложится мгла на старые ступени. URL: http://e-libra.ru/read/354638-lozhitsya-mgla-na-starie-stupeni.html (дата обращения: 25.04.2017).

[2] *Boll F.* Sprechen als Last und Befreiung. Holocaust-Überlebende und politisch Verfolgte zweier Diktaturen. Ein Beitrag zur deutsch-deutschen Erinnerungskultur. Bonn, 2001.

[3] Архипов В.Г. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 169.

[4] Забелина Т.В. // Там же. С. 98.

Мы старались это скрыть, потому что считали, что это отрицательные какие-то черты – говорить об этом… Перед школьниками ходила выступать. Я даже не хотела отвечать на этот вопрос: "А сколько грамм хлеба вы получали во время войны?" Я говорю: "Нисколько".– "Как нисколько? В Ленинграде получали столько-то". Я даже разозлилась. Но рассказывать детям нужно!»[1].

Д. Уинтер предложил трактовку молчания как культурной практики и социальной стратегии, определив ее также в качестве ступени к коммеморации. По его мнению, литургическая тишина всегда сопровождала войны, воплощаясь символически в минуте молчания (т.е. в поминовении) или в замалчивании острых тем во избежание новых травм или конфликтов[2]. Вместе с тем эта литургическая тишина, сопровождавшая тему пережитой войны в советском обществе, была близка молчанию перед сокровенным, которое является одной из черт православной традиции, не только не изжитой окончательно к тому времени, но и испытавшей новое возрождение в период войны. Так, в Сталинградской области во время войны и в первые годы после ее окончания возобновились массовые паломничества к православным святыням: явленным иконам, святым источникам, часовням, монастырям. Тысячи верующих совершали коллективные моления у явленной иконы Божьей Матери в Урюпинске, у родника и часовни «Вознесения Божьей Матери» у стен бывшего Кременского монастыря. В эти годы в области возобновился культ св. Параскевы Пятницы (моления у посвященных ей источников и колодцев), иногда сливавшийся с культом почитания Богородицы[3]. Главными участниками этих паломничеств и молений были женщины и дети. Однако эти практики, дававшие тысячам верующих возможности выплеска пережитого горя, вызывали настороженное и даже враждебное отношение со стороны официальных структур, например, школы, порождая у детей новые комплексы и страхи: «Помню вот Пасха. Я же училась. И вот охота положить учительнице в карман яички. Я помню, кинула. Потом Зоя также кинула ей в карман яичко. Кто-то говорит: "Девчата, но ведь нельзя!". А мы перекрестились: "Александра Димитровна, не ругай нас". Она же директором была»[4].

Впрочем, послевоенные годы характеризовались постепенным возвратом в мирское, нецерковное пространство большинства

[1] Живаева З.А. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 289.

[2] *Зверева В.* Сражения за память, войны воспоминаний. Научный семинар «Война памяти: культурная динамика в России, Польше и Украине» (Кембридж, Кингс-колледж, 4–5 июня 2010 г.) // НЛО. 2011. № 107. С. 416–425.

[3] *Мордвинов С.В.* Русская православная церковь на Нижней Волге и Дону в 1941–1953 гг.: возрождение социокультурных традиций: дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2014. С. 26–28.

[4] Сафьянова О.И. // Дети и война. С. 208.

советских людей (особенно активно – в городах). Открывшиеся в годы войны церкви посещали лишь отдельные представители старшего поколения, родившиеся в дореволюционное время. Их попытки внедрить какие-то религиозные обряды в жизнь своих семей, как правило, отвергались детьми и внуками. Христианская обрядность, имеющая многовековой опыт преодоления трудностей кризисных ситуаций, не была востребована основной массой советских граждан, за исключением, однако, традиции поминовения павших.

О возрождении этой традиции, о массовых посещениях кладбищ на Пасху, Троицу и в так называемые «родительские поминные дни» рассказывали многие наши информанты. Именно проблема отсутствия «родных могилок» (равно как отсутствия церквей во многих населенных пунктах) в ситуациях, когда погибшие родственники и близкие были похоронены далеко от родины (как правило, в братских и безымянных могилах), породила практики массовых поминовений павших на сельских и городских кладбищах, а также традицию сооружения народных памятников в селах и городах. Т. Тимофеева назвала эту ситуацию первого послевоенного времени уникальной, отметив ее народный характер, т.к. государство в то время в большинстве случаев не финансировало это повсеместное сооружение незамысловатых по форме памятных обелисков и стел[1].

Сталинград стал местом погребения сотен тысяч мирных его жителей и солдат, не получивших, однако, отдельных могил и памятных знаков. В условиях массированных бомбардировок, обстрелов и пожаров у сталинградцев, как правило, не было возможности хоронить своих погибших родственников и близких ни по-человечески, ни по-божески. В городе не возникло кладбища военного времени, т.к. мертвых закапывали в бомбовые воронки, хоронили во дворах и на улицах, стертых впоследствии масштабной перепланировкой. Однако потребность горожан в «родных могилках» была огромной. И еще до того, как такой общей для всех могилой и местом коллективных поминовений станет Мамаев курган, жители создавали свои собственные места памяти и скорби: «Мама мне рассказывала, после Сталинградской битвы, когда она закончилась, в городе очень много трупов было. Горожан же некоторых эвакуировали, и вот когда они начали возвращаться, то увидели страшную картину. Надо было трупы убирать. И наши, и немецкие. Очень их много было. И жители собирали их в братские могилы, некому же было их хоронить и разбираться, кто есть кто. А тетя моя, когда вернулась с эвакуации, она нашла труп советского солдата, рассказывала, при нем был медальон, она его сдала в военкомат, но так никто и не нашелся из родственников. Она говорила: он такой красивый был, волосы у него белые, лицо красивое-красивое. И она его

[1] *Тимофеева Т.* Историческая память и ее памятники ... С. 128.

на своем огороде похоронила, недалеко от колодца. Могилка всегда у него вся в цветах была, она засаживала ее многолетними цветами, такие они граммофончиками были. И голубые, и белые, и могилка вся в них была. А она потихонечку поливала, чтобы несильно промачивать эту землю. И всегда могилка была ухоженная, и всегда она его поминала на День Победы. Она имя его знала и поминала. Потому что у нее самой муж на войне без вести пропал, да так и осталась неизвестной его судьба. Он был врач, его взяли на войну, да как его забрали, так вскоре и пропал он. А она его всю жизнь ждала, уж куда ни обращалась – без толку… И когда она стояла над могилкой того солдата, то говорила: может быть и над моим мужем тоже кто-нибудь вот так стоит и поминает»[1].

Свою символическую могилу имели и дети Сталинграда, в массе своей потерявшие родных и близких и не имевшие возможности прийти на могилы реальные: «Когда сказали про Победу, мама и Саша "Ура!" кричали, все плясали, танцевали, "Ура!" кричали, как все. Как вся страна, так и мы праздновали. Папе в Волгу бросали цветы – так его и поминали»[2].

Мощное государственное вмешательство в процесс мемориализации войны начнется позднее – с середины 1960-х гг., когда в стране начнут сооружаться в большом количестве официальные памятные знаки, посвященные войне и Победе, символизирующие уже не столько скорбь, сколько величие подвига советских людей. Будет разработана и связанная с этими мемориалами официальная обрядность. Для сталинградцев местом такой памяти станет Мамаев курган, но официальная обрядность и Дня Победы, и Мамаева кургана будет сочетаться с народными традициями, сложившимися в первые послевоенные годы. Основой этих традиций по-прежнему были обряды поминовения.

Несмотря на различия судеб наших респондентов, практически во всех текстах интервью 9 мая 1945 г. описывается почти одинаково, первоначально как стихийное празднование, в котором сливались воедино невыразимая радость и оглушающее горе. Основой этого народного праздника была поминальная трапеза, но обряд ею не ограничивался, давая возможность его участникам выхлестывать накопившиеся эмоции, причем именно в коллективных формах: «Собираются женщины. Тогда были маленькие, шкалики их называли, бутылки водки. Это 250 граммов, бутылочка маленькая была. Где уж ее раздобывали, покупали? Короче говоря, ставили на стол. Выпьют, потом начинают плакать. Вот знаете, все плакали, буквально все женщины. Ну, кто вспоминает мужа, кто сына, кто

[1] Склярова А.В., 1948 г.р., г. Сталинград. Записала Пономарева М. гр. РГб-122, июль 2013 г. Волгоград // Архив музея казачьего быта ВолГУ.

[2] Комягина Т.Г. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 196.

брата. Но отмечали праздники таким образом. Потом выпили по второй. У кого что было, приносили на общий стол. Закусили, потом начинали песни петь. Вот тут уже начинался настоящий праздник, когда запевали. Но песни пели тоже все военных лет»[1]; «В семье тогда всех погибших поминали. Конечно, поминали. Праздники, День Победы. К нам всегда приходили. У папы было много племянников, племянниц – и все к нему. Он был как некий глава клана. К нам на нашу улицу Халтурина стекались все отовсюду. Издалека, и все приходили к нам. У нас, в основном, была молодежь, потому что племянников и племянниц было очень много. Все вокруг отца тогда собирались. Да, первая рюмка была за погибших. Первый тост был за погибших: "Помянем тех, кого с нами нет". Это было традиционно, и это было обязательно»[2].

Постепенно праздник Победы стал «разрастаться», обогащаясь новыми формами и элементами; ширилась территория праздника, включая в себя овраги правого берега Волги (куда ходили «в зеленя» отмечать «майские»), левый берег Волги (куда выезжали на 9 мая семьями), с 1960-х гг. – непременное посещение Мамаева кургана. Воспоминания наших респондентов показывают, как традиция «отмечать» событие превращалась постепенно в развернутый общенародный праздник: «День Победы, он сначала не праздновался, а отмечался. Традиция, как говорится, без праздника, но отмечали»[3]; «Отмечать День Победы стало традицией. В этот день у кого-нибудь из знакомых собирались родные и друзья, все были принаряженные, садились за стол, пили за Победу, много разговаривали и пели. А в то время было много душевных и красивых песен. Песни в то время пели в основном написанные во время войны: "Темная ночь", "Катюша", "Синенький скромный платочек", "Солнце скрылось за горою", "Смуглянка"»[4]; «А уж как ликовали! И до сих пор это святой праздник 9 мая для нас. Я помню, как на улице застолье на 9 мая устраивали, но, конечно, это было, когда жить стало чуть-чуть легче»[5].

Практически все наши информанты отмечали, что плач и песни военных лет составляли основу коллективных празднований Дня Победы в первое послевоенное время. Широко отмечался этот день и в сельской местности: «Праздники были необыкновенного размаха. Просто были шествия. Было настолько все весело, играли

[1] Мельникова Л.М. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 264.

[2] Оруднева (Батурина) Н.В. // Дети и война. С. 345.

[3] Осадчий Г.Ф. // Там же. С. 429.

[4] Крайников С.Т. 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер: Н.А. Шавловская; расшифровка: Н.А. Шавловская, г. Волгоград, 05.07.2014 // Музей казачьего быта ВолГУ.

[5] Фторова Р.Б. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 180.

гармошки, были песни, накрывались столы. И я помню, что у нас через дорогу были заливные луга, и на этих лугах делали такие типа пола деревянного накладывалось, сколачивали столы, и люди все, что могли, несли к этим столам. А мы прямо по воде бегали на этих лугах, трава такая высокая, детей из-за нее почти не видно. И вот эти столы огромные почти до половины улицы, и все собирались и отмечали День Победы. Праздники просто шикарные были! Ну по теперешним временам, конечно, не скажешь, что шикарные, ну кто что мог, несли все на эти праздники. Праздники отмечались ежегодно, и никогда не пропускался День Победы. Народ просто возродился как-то в эти дни. Было очень здорово»[1].

Анализ собранных нами материалов позволяет говорить о превалировании именно коллективных форм и способов преодоления военного насилия и его последствий в среде мирных жителей Сталинграда и области. Эти практики опирались на имеющийся опыт преодоления экстремальных и кризисных ситуаций, который веками формировался в русской народной среде и хорошо изучен этнологами и культурными антропологами на примере дореволюционной России. Традиционно свойственный русским коллективизм в годы войны и в послевоенное десятилетие испытывал второе рождение, показав многие свои преимущества перед индивидуализмом и стратегиями личного выживания. В послевоенное время в Сталинграде возрождались многие традиционные формы организации повседневной жизни: уличные вечерние посиделки, игры и танцы под гармошку, общедворовые праздничные трапезы, межсоседские практики общения с постоянной взаимопомощью, идущие корнями от прежней общинности и традиционных «помочей», коллективная забота о детях и пр.

Послевоенная атмосфера (названная одним из наших информантов «последней страницей коммунального общежития») с ее обостренным ощущением всеобщего родства и соседской взаимопомощи чувствовалась детьми и воспроизводится в текстах записанных нами воспоминаний: «Никто за мной не смотрел, ходила я, куда хотела. Нам в ларьке тетя воду газированную давала, жалела нас. Денег у нас не было, а мы со старых писем марку оторвем и вроде ей показываем, а она как будто за нее нам наливает»[2]; «И очень дружные все были! Вот эти дома сгорели, все тушили, все строиться помогали. Вот улица прям вся приходит: месят лошадьми, а мы ляпаем. И дети, и взрослые, а нет, кто глину подтаскивает. Все были дружными очень. И дети между собой очень тесно общались…»[3];

[1] Малышева (Чернецова) Р.А. // Дети и война. С. 474–475.

[2] Фокина Л.М. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 300.

[3] Феклистова А.В. // Дети и война. С. 167.

«Люди тогда добрее были. Помогали друг другу и одеждой, и деньгами. Если что-то случалось, погорельцы, например, соседи все складывались деньгами. Мы строились, все соседи приходили мазать»[1]; «Мы были дети улиц. Это была последняя страница коммунального общежития. Дальше пошли в разные стороны»[2].

Сами дети также демонстрировали подобные формы поведения. В послевоенное время возникла своеобразная детско-подростковая субкультура, основой которой стала уличная разновозрастная община. В рамках этой субкультуры формировались и собственно детские приемы переживания и преодоления войны.

Одним из действенных способов оказывалась игра, сохранявшаяся и развивающаяся и в условиях войны, дававшая детям возможность выхлестнуть пережитые страхи и преодолеть их последствия[3]. Разнообразие игр и забав послевоенного времени, которые вспоминают и перечисляют наши информанты, может поразить воображение современных детей. И все это при очень малой степени включенности в детский мир взрослых, их родителей. «Нас воспитывала улица», «мы дети улицы» – звучит в воспоминаниях бывших мальчишек и девчонок. И постоянно – ощущение всеобщего родства и равенства: «мы все равны были», «мы бегали все гурьбой».

Игры послевоенного времени – исключительно коллективные, нередко объединявшие вместе до 50 человек (например, лапта или «казаки-разбойники»): «Улица была тогда для нас всем! Там компания, там игры, какие хочешь. И мальчишки играли, и девчонки. Улица была тогда единым местом, куда тянулась вся детвора. Я все детство, считай, на улице прожил…»[4].

Наряду с неизбывными «войнушками» (которые были далеко не безопасными в городе, напичканном оружием и неразорвавшимися снарядами) появились и вполне мирные, но тем не менее с войной непосредственно связанные: «госпиталь», «тир» и др. И послевоенные развалины, и воронки от бомб, и пропеллеры вражеских самолетов обыгрывались детьми и посредством игры переводились из статуса «чужого и страшного» в «свое» и безобидное: «…остался остов зенитки. И это была карусель у нас. Крутились мы на ней»[5]; «Он пролетел и посадил самолет вот на эту отмель, где ГЭС сейчас. И мы видели даже, как выбежали немцы, в сторону леса

[1] Нестеренко А.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 67.

[2] Иванов Н.М. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 326.

[3] *Рыблова М.А., Назарова М.П.* «Играют мальчики в войну»: игра как способ освоения детьми пространства войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2014. № 3 (27). С. 105–115.

[4] Ромадин Г.П. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 224.

[5] Зайцева Н.Н. // Дети и война. С. 268.

побежали. После войны привезли от пропеллера дугу, установили на улице, и мы катались, как на карусели»[1].

Нередкими были случаи гибели детей или получения увечий во время игр с оружием, но опасность не останавливала, а напротив, влекла. Через игру мальчики вновь переживали ситуации войны, но моделировали их по своему выбору: с неизбежной победой «наших» и попранием врага: «Мы уже не играли в куклы и казаки-разбойники, мы играли в войну. Мальчишки все были "нашими", а невидимые "фашисты" стреляли в них и иногда даже "ранили", и тогда я делала им "перевязки"»[2]; «…в игры разные играли. Особенно нравилось нам в войну играть: кто санитаркой, кто и повязки делал с красным крестом, что она там врач или кто; кто партизан, кто немец. Делились на две команды, друг друга ловили, куда-то тянули и кого-то допрашивали… Вот то, что от войны было, все показывали. Это вот все основная наша игра была»[3].

Послевоенное время с его всеобщей и огромной верой в лучшее будущее, в котором никогда уже больше не будет войны, диктовало свои условия и рождало новые игры. Так, тяга к крову, к постоянной и надежной крыше над головой, семье и достатку воплощалась в «домиках», «дочках-матерях», «продавцах и покупателях».

Складывался в военное время и особый детский фольклор, представленный такими жанрами, как дразнилки, частушки, анекдоты, небывальщины, страшилки и пр. В настоящее время исследуется детский фольклор, возникающий в современных военных конфликтах, например в Израиле. Исследователи отмечают, что дети в попытках «понять непостижимое» часто прибегают к такому средству, как смех: «Это, конечно, смех сквозь слезы, но все равно смех»[4]. В детских дразнилках и переделанных частушках взрослых враг выступает в образе смешном и жалком:

С неба звездочка упала
Прямо Гитлеру в штаны.
Пусть горит там что попало,
Лишь бы не было войны.

Широко бытовали среди детей также связанные с мифологией страшные истории, главным героем которых, по определению фольклористов, был собственный страх рассказчика. Детские страшные истории в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии исследовала М.П. Чередникова. По ее определению, саморазвитие этого жанра определяется как универсальными

[1] Васильева Л.И. // Дети и война. С. 105.

[2] Воспоминания детей военного Сталинграда. М., 2010. С. 130.

[3] Блинова Л.А. // Дети и война. С. 200.

[4] *Хризман Э.* Детский фольклор эпохи войны. URL: http://isrageo.com/2014/08/15/detivoina/ (дата обращения: 28.04.2017).

причинами, так и социально-историческими потребностями детства. Страшные рассказы представляют собой коллективный поиск ответов на вопросы, разрешить которые индивидуальное сознание не способно, таких как смерть, рождение, первотворение[1]. Возрождение и некая перелицовка детских страшилок в военное и послевоенное время были связаны с актуализацией проблемы смерти, страх перед которой многократно переживался детьми в условиях войны и сохранялся долгое время после ее окончания. В сложной ситуации дети оказывались способными подключиться к наследию прошлого, используя многовековой опыт традиционных сообществ по преодолению посредством мифологии аффективно окрашенных переживаний.

Далее приведем примеры детских страшилок, не связанных непосредственно с ареалом сталинградских событий, но в разных вариантах широко бытовавших в детской среде военного и послевоенного времени: «“Демобилизованный капитан вошел в свой дом, навстречу ему кинулась маленькая дочка, держа в своих ручонках ножницы, которыми играла, споткнулась, упала и, наткнувшись на концы ножниц, выколола себе оба глаза. Капитан вынул из кобуры свой тэ-тэ, застрелил дочь и застрелился сам”. Слушатели все до одного знали, что офицеры с войны с пистолетами не возвращаются… однако поведавшему эту трагическую историю Генке Меншикову никто недоверия не выразил»[2]; «В одном доме был старый подвал, куда никому не разрешали заходить. Однажды туда зашел мальчик и увидел, что там, в углу, в клетке сидит страшная, обросшая женщина. Потом узнали, что во время войны ее поймали немцы и кормили только человеческим мясом. Она привыкла и каждую ночь находила себе новую жертву»[3].

Широко бытовала среди сталинградских детей практика переиначивания песен взрослых: «Дети перекладывали известные песни на уличный манер. Но не всё уличное литературно. Я могу рассказать, как дети в детском саду очень часто перевирали популярные песни. Они их переиначивали и вставляли свои слова. Была популярная песня “Если завтра война”. А дети по улицам ходили и орали:

Если завтра война,
Слепим пушки из говна,
В ж… пороху набьем,
Всех фашистов перебьем.

---

[1] *Чередникова М.П.* Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии: автореф. дис. … докт. филол. наук. СПб., 1996.

[2] *Чудаков А.П.* Ложится мгла на старые ступени.

[3] Детские страшилки. Фольклорный архив кафедры классической русской литературы ННГУ, г. Н. Новгород, 1996 г. URL: http://scarykids.ru/?dir=/pioneer/old_basement (дата обращения: 28.04.2017).

В детском саду пели, но не при воспитателях. Или еще популярная песня "На позицию девушка провожала бойца…". Мальчишки ее тоже переиначили и пели, после каждой строчки добавляя "в штанах" или "без штанов". Получалось так:

На позицию девушка в штанах
Провожала бойца без штанов…»[1].

Исследователи детского фольклора отмечали, что он подобен «бездонной мусорной яме», в которую спускаются тексты взрослых, переставшие быть актуальными, нужными. В этом смысле фольклор детей иногда дает исследователям возможность обнаружить в его бездонности тексты, которые уже невозможно записать во взрослой среде. Так, незафиксированная в свое время, была восстановлена по текстам, записанным от детей, подлинная песня времен Великой Отечественной войны «На базаре бомбочка рванула...»[2]. Но очевидно, в пласт детского фольклора выбрасывалось не только ставшее ненужным, но и то, что тяготело над психикой детей долгое время, вызывало чувство постоянной тревоги и гнетущего страха. Это и новостные сводки из радио-тарелки, и песни военных лет. Перелицовка последних, сопровождающаяся переводом их из разряда «высоких» (статусных) в разряд «низменных», вульгарно-комических, позволяла и избежать чрезмерного давления идеологии взрослых, и оградить детскую психику от тяжелых воспоминаний о войне. Детский фольклор выполнял и охранную, и компенсаторную функции.

И.Ф. Руина, находившаяся в детском доме в станице Нижне-Чирской с 1947 по 1954 гг., вспоминала, как после отбоя и ухода воспитателей домой мальчики и девочки собирались группами возле стола в фойе, зажигали свечу и пели песню, в которой мир детдомовских детей противопоставлялся «домашним»:

Горит свеча дрожащим светом,
Вокруг детдомские сидят.
Они ведут о том беседу,
Как будут дальше проживать.
Одна детдомская девчонка (мальчишка)
Склонила голову на грудь,
В тоске по матери родимой
Не может бедная заснуть.
Зачем ты, мать, меня родила,
Зачем на свет ты пустила,
Судьбой несчастной наградила,
Костюм детдомский мне дала.

[1] Дементьев С.М. // Дети и война: Сталинградская битва. С. 461.

[2] *Лурье В.Ф.* Детский фольклор. Младшие подростки. URL: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/I_AM/antologia.html (дата обращения: 28.04.2017).

И сколько слышно, укоряют:
«Вот детдомские идут».
А мы, детдомские девчата (ребята),
Мы не боимся никого.
Пускай домашние смеются,
А нам, детдомским, все равно.
Горит свеча дрожащим светом,
Вокруг детдомские сидят.
Они ведут о том беседу,
Как будут дальше проживать[1].

И.Ф. Руина писала: «…кто ее сочинил, я не помню, но песню запомнила. Она отложилась в моей памяти на всю жизнь». Меж тем очевидно, что этот текст представляет собой «детдомовский вариант» дореволюционной народной песни, известной также в солдатском, матросском, казачьем, гулаговском и др. вариантах. Различные варианты так называемых «жалостных» песен широко бытовали в военное и первое послевоенное время среди мирного населения страны. Дети использовали и этот резерв для преодоления ситуаций тяжелого психологического напряжения.

Наконец, еще одной из форм преодоления связанных с войной психологических травм для мирных жителей города стало общение с взятыми в плен вражескими солдатами. Использование труда военнопленных в Сталинграде и области началось сразу же по окончании Сталинградской битвы – с февраля 1943 г. В мае этого года для них был создан первый лагерь производственного назначения (в Бекетовке). Пленных использовали на производстве, для разбора руин и строительства жилых и иных объектов, объединяя в большие группы по 50–100 человек. Особенно широко применялся их труд по окончании Великой Отечественной войны: к августу 1945 г. число военнопленных, работавших в Сталинграде, составляло 32 671 чел.[2] Контакты жителей города с военнопленными нельзя назвать плотными, но интерес к ним, особенно со стороны детей, был повышенным. Записанные нами воспоминания воспроизводят очень широкий спектр чувств, которые вызывал поверженный враг у оставшихся в живых горожан: от страха и ненависти до жалости и сострадания: «Ненависть, страшная ненависть была, мы знали, что они наши убийцы. Хотя, когда нас спас немец, мы уже знали, что не все они такие. Когда военнопленных вели в наш Кировский район,

[1] Сталинградское детство. 23 августа 1942 года… Волгоград, 2013. С. 162.

[2] *Сидоров С.Г.* Военнопленные в Сталинграде 1943–1954 гг. // Россияне и немцы в эпоху катастроф: память о войне и преодоление прошлого: материалы конференции российских и немецких историков. Волгоград, 7–10 сентября 2010 г. / сост. Й. Хелльбек, А. Ватлин, Л.П. Шмидт; пер. с нем. А. Лазарев; пер. с рус. С. Вайен. М., 2012. С. 78–79.

у них были бараки со стороны Бекетовки. Кировчане, которые не видели особенно войны, бросали в них камнями, плевали, а я думала, зачем они это делают, ведь это простые солдаты, которые выполняли приказ»[1]; «У Лесобазы был лагерь военнопленных. Его хорошо охраняли. Главным образом, охраняли немцев от разъяренных жителей, которые постепенно возвращались в город. Чуть охрана зазевается – и их избивали в кровь – палками, камнями. Немцы расчищают развалины, а вокруг кольцо охраны. Я училась в медицинском училище и проходила практику в госпитале. Привезли немца с окровавленной спиной. Какая-то женщина набила в палку гвозди и отходила его»[2].

Но гораздо больше в нашем архиве рассказов (представляющих собой воспоминания о послевоенном детстве), в которых преобладают другие чувства: «Как бы мы понимали, что это немцы и что мы с ними воевали, но их ведь просто послали на фронт, и не все из них звери были. Мне рассказывали, что даже в войну они помогали мирным жителям. Одной женщине попал в глаз осколок, а никаких лекарств у нее не было. Так немец помог ей вытащить его и потом, до тех пор пока она не выздоровела, он ей носил лекарства. Конечно, не все они такие добрые были, были и жестокие звери, но зла какого-то на них не было. А пленные часто угощали детей в городе конфетами, потому что жили как-то получше, показывали им фотографии своих детей и говорили: “Майн киндер”. Так что нет во мне какой-то ненависти к этому народу…»[3]; «И один немец, такой красивый парень был, нарисовал мне лошадь, а я ему принесла хлеба. И вот мы были счастливы с ним, что у меня такой подарок, так красиво нарисовано было, и я ему хлеба дала. Да ничего, нормально, они себе, мы себе, воды принесешь иногда им там»[4].

О том, сколь трудным и мучительным был путь от ненависти к тем, по чьей вине пришлось сталинградским детям пережить страшные лишения, до прощения и примирения свидетельствуют воспоминания К.В. Коняхина. Сначала он рассказывал о смутных и противоречивых своих чувствах по отношению к врагам, испытанных в возрасте 8 лет: «…в общем-то, я сейчас не помню, наверное, они мне казались страшными, наверное, были какие-то испуги, бомбежка. А так, конечно, я искренне был благодарен, когда они наливали мне похлебки. И когда мы жили рядом с ними в Надеждовке, особого страха не было. Я же “Катюшу” напевал им, зарабатывал. Наверное, они считали, что это гонорар. Я их развлекал. И с этим, оп-па! – концовка. И становись. Наверно так».

---

[1] Овчинникова З.Н. // Дети и война. С. 42.

[2] Гаврилова В.А. // Там же. С. 211.

[3] Анненкова А.И. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 30.

[4] Мельникова Л.М. // Там же. С. 260.

Однако чувства к военнопленным уже повзрослевшего подростка отличались и конкретностью, и глубиной неприязни. Вспоминая об «особых отношениях» между пленными и сталинградскими мальчишками, Клим Викторович охарактеризовал их как «верх жестокости и глупости»: «Я не знаю, что мной тогда руководило. На Предмостной площади, где сейчас высотные здания, примерно на этом месте была мельница, которая потом превратилась в огромный короб без крыши, этажей в пять, а может, и больше. Край крыши выходил на Краснознаменскую, а внизу стояли пленные немцы, на ночь их загоняли туда, которые отстраивали. И мы брали кирпичи и туда кидали. До сих пор не знаю, почему. Наверное, друг перед другом, особой злости я не испытывал. Сейчас, вспоминая эти годы, вижу что те, кто строили эту набережную, были толстые, раскормленные, уверенные в себе, загорелые работники. Большие такие, крупные. Я знал, что некоторые даже поженились здесь. И мы, когда ночами шастали там, видели, как они занимаются там сексом с нашими бабенками. Это ужасно»[1].

Следующий записанный от этого информанта сюжет относится к 1990 г. Клим Викторович рассказал об официальной встрече руководства г. Волгограда с немецкой делегацией, о которой он должен был делать телевизионный репортаж: «И что-то меня понесло. Это, конечно, не на пустом месте, потому что были постоянные делегации немцев в Волгограде, которые я встречал, с которыми общался и т.д. И что-то у меня перевернулось, наверное, и я ляпнул фразу, стоя с бокалом во время фуршета. Уже я записал всё, что мне нужно и сказал: “Я простил вас, немцы”. Я для себя говорю, что я простил. И тут встает со шрамом во лбу фронтовик и матом на меня. Камера работает, я говорю оператору – выключи! Короче говоря, скандал… С тех пор я себе иной раз повторяю: “молчи, только молчи”. А в общем-то у меня зла к ним нет. Русский народ отходчивый. Мы ведь на свадьбах деремся, потом обнимаемся, плачем. Это не объяснишь»[2].

Весьма характерна и обозначенная в интервью внутренняя установка нашего респондента на молчание как следование предписаниям и запретам, исходящим от официальных структур, и апеллирование к особенностям психотипа русского народа, и собственное понимание необъяснимости и невыразимости словами происходящих трансформаций его личной памяти.

Таким образом, оценивая деятельность жителей послевоенного Сталинграда по выработке исторической рефлексии и преодоления травм пережитой войны, следует отметить, что она осуществлялась двунаправлено: на уровне синхронных и диахронных потоков культурно значимой информации. Первый включал в себя выработанные

[1] Коняхин К.В. // Дети Сталинграда: 10 лет после войны. С. 133.

[2] Коняхин К.В. // Дети и война. С. 50–51.

внутри сообщества и распространенные в повседневных практиках различные формы вербальных и невербальных коммуникаций, так или иначе отражающих пережитую войну. Второй – все культурное наследие социума, передаваемое из поколения к поколению на протяжении всей его истории, включая опыт русской традиционной культуры и православной традиции. Эти два потока были взаимосвязаны и взаимно необходимы, т.к. сообщества, замыкающиеся только на синхронизации смысловых интеракций, не способны создать условий для исторической рефлексии; для этого они должны быть дополнены диахронной культурно-значимой информацией[1]. На последнюю, безусловно, оказывали воздействие информационные потоки, исходящие из официальных структур (хотя чаще всего они творчески перерабатывались и переосмыслялись в народной среде), но основу их составляли древние традиции переживания кризисных ситуаций и преодоления насилия, народное понимание катастроф, способы их осмысления, героизации и пр. Эта информация могла воплощаться в вербальных формах (эпос, песни, легенды, былички и пр.), в социальных практиках (взаимопомощи, презрения сирот, почитания героев, поминовений, празднований и пр.), но она всегда предполагала коллективное действо, т.к. отдельному человеку невозможно включить травматический опыт в повествование более высокого уровня, для этого необходим общественный дискурс об исторической правде, включая правду о травмирующих событиях. Что касается детей, то, будучи тесно связанными с информационным полем и опытом взрослых, они все-таки оказывались способными предложить и собственные формы преодоления травмирующих последствий войны.

[1] См. опыт применения информационной теории культуры С.А. Арутюнова к анализу «экстремальных» (режимных) сообществ (на примере российской армии), предпринятого К.Л. Банниковым: *Банников К.Л.* Принципы культурогенеза в режимных сообществах. Социально-антропологический анализ российской армии второй половины XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2009.

Автомобиль как объект потребления в СССР позднего социализма

А.А. Венков

Как известно, к научным интересам Татьяны Павловны Хлыниной относились проблемы истории повседневной жизни советского человека. В свое время, когда автор данной статьи находился на своеобразном «научном перепутье», именно Татьяна Павловна, по сути, подтолкнула его к исследованию истории советской повседневности, буквально «заразила» ею. В личных беседах и спорах ей удалось не только раскрыть перед автором широкие когнитивные горизонты данного направления, но и обозначить неразрывную, системную взаимосвязь проблематики повседневности с глобальными процессами отечественной истории XX в.

Историю человечества в XX в. невозможно представить без автомобиля. Он в корне изменил человеческий быт, культуру, досуг, принципы устройства городского пространства. В известной степени повлиял на ментальность человека.

В первую очередь этот процесс коснулся индустриально развитых держав, так называемого западного мира. Однако в советском обществе это явление имело свою неповторимую специфику, непосредственно связанную с реалиями советского общественного устройства. В этой статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы. Какой автомобиль мог приобрести советский гражданин? Каким образом он мог его приобрести? Как его содержать и обслуживать? И, наконец, какую роль играл «личный автомобиль» в жизни советского человека эпохи позднего социализма?

В качестве объекта научного исследования мы взяли советский массовый легковой автомобиль.

Отечественная и зарубежная историография уже затрагивала вопросы автомобилизации СССР в контексте истории повседневности советского общества. В частности, мы можем упомянуть монографию Л. Сигельбаума «Машины для товарищей. Биография

советского автомобиля»[1], однако наиболее ярко в монографии освещена история советских автозаводов ЗиЛ, ВАЗ и ГАЗ. В то же время значение личного автомобиля в жизни советского человека раскрыто слабо. Из отечественной историографии проблемы можно отметить работу Е.Д. Твердюковой «Личный автомобиль как предмет потребления в СССР. 1930-е – 1960-е гг.»[2].

Что купить? Еще в разгар Великой Отечественной войны, в 1943 г., в Советском Союзе на Горьковском автозаводе началась разработка новой, перспективной, полностью отечественной модели легкового автомобиля. В итоге завод выпустил две новые легковые модели – это автомобиль М20 с символическим названием «Победа» в 1946 г. и первая ГАЗовская представительская модель – ЗиМ (завод имени Молотова) в 1948 г. Однако первые послевоенные легковые автомобили предназначались для партийных и государственных учреждений и таксомоторных парков. В 1947 г. с конвейера Московского завода малолитражных автомобилей (МЗМА) сошел Москвич-400 – адаптированная копия немецкого Opel Kadett K38. С этого времени, со второй половины 1940-х гг., и начинается история советского массового автомобиля для личного пользования. Соответственно, все три модели формально стали доступны для «простого» советского гражданина.

Стоит отметить, что ЗиМ был последней представительской моделью, находившейся в свободной продаже населению, его «последовательницы» – «Чайки», ГАЗ-13 и ГАЗ-14 – распределялись исключительно в государственные и партийные учреждения, не говоря уже о лимузинах ЗиЛ, предназначенных исключительно для высшей партийно-государственной номенклатуры. Те же, кто не имел возможности приобрести собственный автомобиль, могли прокатиться на новеньких «Победах» и даже ЗиМах, поймав такси либо в худшем случае в качестве пациентов скорой медицинской помощи, для которой выпустили модификацию ЗиМа ГАЗ-12Б. Более того, советский гражданин мог прокатиться даже на правительственном ЗиСе-110, на его модификации, предназначенной для маршрутных такси, отличавшихся от правительственных машин лишь упрощенной отделкой салона. И в этом проявлялась одна из специфических черт советской автомобилизации первых послевоенных лет – демократичность. Действительно, сложно представить королевский Rolls-Royce в роли маршрутки, а Mercedes-Benz Pullmann – в роли кареты скорой помощи.

Однако во второй половине 1950-х гг. ситуация в корне меняется. Власть объявляет важнейшей задачей удовлетворение

[1] *Сигельбаум Л.* Машины для товарищей. Биография советского автомобиля. М., 2011.

[2] *Твердюкова Е.Д.* Личный автомобиль как предмет потребления в СССР. 1930–1960-е гг. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 166–177.

потребностей трудящихся. Теперь конструкторы уделяют внимание не только технической составляющей, ремонтопригодности, экономичности, но и стилю, удобству. В условиях большей открытости советского общества по сравнению со сталинской эпохой возникла необходимость доказать всему миру мирным путем превосходство социализма над капитализмом, соответственно, советский автомобиль должен был по всем параметрам конкурировать с лучшими западными аналогами на международном рынке.

В итоге два основных автозавода страны выпускают новые модели. Московский завод в год XX съезда КПСС, в 1956 г., начинает выпуск так называемого второго поколения «Москвичей» – моделей «402», а через два года его более мощную версию «407» и экспортную версию с отдельными узлами следующей модели – «Москвич-403», которые продержатся на конвейере вплоть до 1964 г. Это уже совершенно новые и по стилю, и по потребительским качествам машины. Если «Москвич-400-401» выглядел стилистически довоенной устаревшей машиной, то второе поколение было выполнено в русле европейской автомоды того времени и могло успешно конкурировать по основным потребительским параметрам со своими европейскими одноклассниками. А тот же 408-й «Москвич», третье поколение марки, уже по праву считался одним из законодателей европейской автомобильной моды.

А Горьковский автозавод приступил к выпуску автомобиля, ставшего одним из самых ярких символов советской эпохи – «Волги» ГАЗ-21, прочно обосновавшейся на конвейере ГАЗа на протяжении последующих тринадцати лет.

Красивая, обладающая стремительным силуэтом «Волга» стала неизменной героиней большинства популярных фильмов той эпохи – крупные планы, эффектные кадры, длинные сцены погони. Эффектный одновременный разворот трех «Волг» стал визитной карточкой «Мертвого сезона». Неизменным завершением очередной серии популярного сериала «Следствие ведут ЗнаТоКи» стали кадры с «Волгой»-универсалом ГАЗ-22 под аккомпанемент песни «Наша служба и опасна, и трудна». «Волгу» можно считать полноправной героиней фильмов «Берегись автомобиля» и «Три тополя на Плющихе». «Волга» на долгие годы становится самым желанным автомобилем советских граждан.

Однако, несмотря на выпуск новых моделей, советская промышленность не могла удовлетворить потребности населения в личном транспорте. Так, например, с 1950 по 1958 гг. для продажи населению ежегодно государством в среднем выделялось по 47 тыс. автомобилей в год[1]. Тогда власть решает сделать акцент на развитии сети салонов проката автомобилей: «Мы хотим установить иной

[1] Народное хозяйство СССР в 1958 г. Статистический сборник. М., 1959. С. 719.

порядок пользования легковыми автомобилями, чем в капиталистических странах… Легковые автомобили будут использоваться у нас более рационально, чем это делают американцы; у нас будут все более широко развиваться общие таксомотрные парки, из которых люди будут брать машины для необходимых поездок», – заявил Н.С. Хрущёв[1]. С одной стороны, идея проката соответствовала коммунистическим представлениям о обобществлении собственности, а с другой – могла хоть в какой-то мере удовлетворить спрос на легковые автомобили для населения. Однако автопрокат довольно быстро «оброс» целым комплексом проблем. Так, например, крайне редко в базы проката поставлялись новые автомобили, как правило, в прокат машины попадали после списания из обычных таксомоторных парков, пройдя капремонт, т.е. с закончившимся ресурсом. В итоге нередки были жалобы клиентов проката на откровенно неисправные машины. Часто машины возвращались в парк, не проехав и сотни метров за его пределами. С другой стороны, и сами клиенты далеко не всегда бережно относились к госсобственности и возвращали машины с испачканными салонами, на буксире с «убитыми» моторами и «лысой» резиной. В итоге от идеи автопроката пришлось отказаться. Становится очевидным, что удовлетворить потребности населения в личном транспорте можно только расширением производства легковых автомобилей.

Тогда в 1960 г. на заводе «Коммунар» в Запорожье начинается выпуск микролитражной модели «Запорожец-965», представлявшей из себя автомобиль, выполненный в чрезвычайно популярной в то время в Европе стилистике маленького городского автомобиля. В качестве «источников вдохновения» были взяты находившиеся на пике своей популярности итальянский FIAT-600 и западногерманский Volkswagen Käfer, получивший прозвище Beetle («Жук»). Тем не менее машина получилась самобытной и неоднозначной. Тесный, неустойчивый на дороге, медленный, с двухтактным шумным и дымным мотором, который трудно завести зимой и легко перегреть летом, «Запорожец» имел и ряд неоспоримых преимуществ: простота в ремонте, очень высокая для легковой машины проходимость, связанная с малым весом автомобиля и оптимальной развесовкой по осям, сделали его популярным, в первую очередь, на селе и у граждан, регулярно выезжающих за город. Впоследствии, когда «Запорожцы» стали выдаваться инвалидам через органы соцобеспечения[2], за автомобилем закрепилась слава машины

[1] *Таранов А.* Автомобиль – массам // За рулем. 1960. № 4. С. 11.

[2] Постановление Совмина РСФСР от 18.12.1971 № 673 «Об изменении порядка обеспечения инвалидов автомобилями с ручным управлением» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=12207;dst=100014#0 (дата обращения: 10.04.2017).

«пенсионерской» и «инвалидской», в отличие от Европы, где автомобили такого класса считались как раз машинами молодежными. В итоге «Запорожец», вызывавший, с одной стороны, симпатию, а с другой – усмешку[1], так и не получил и малой доли той популярности, которой пользовались за рубежом его легендарные «одноклассники»: Mini, Fiat 600, Citroen 2CV и др.

В итоге начиная с 1960-х гг. и вплоть до второй половины 1970-х гг. «Москвич» моделей 408 и 412 стал фактически единственным в СССР общедоступным автомобилем. «Москвичи» этих моделей по праву могли считаться настоящей гордостью советского автомобилестроения: надежные, выносливые автомобили, успешно конкурирующие на международном рынке со своими «одноклассниками» как по техническим, так и по стилистическим показателям. Ярким примером тому могут послужить и впечатляющие достижения команды «Автоэкспорта», «вооруженной» «Москвичами» на всех основных международных раллийных соревнованиях, и, соответственно, высокий спрос на продукцию МЗМА-АЗЛК (Автозавода им. Ленинского Комсомола, так с октября 1968 г. стал называться бывший МЗМА) на основных рынках Европы[2]. Однако большие успехи «Москвича» в спорте стали одновременно и гордостью, и бедой советского автолюбителя, поскольку более трети автомобилей, сходивших с конвейера АЗЛК, отправлялась на экспорт[3], что обостряло и без того серьезный дефицит легковых автомобилей на отечественном рынке. Так, из 201,2 тыс. легковых автомобилей, выпущенных в 1965 г.[4], населению было продано всего 64 тыс.[5]

Начиная со второй половины 1960-х гг. государство приступает к строительству двух новых автозаводов в Ижевске и в Ставрополена-Волге, переименованном в Тольятти. На первом предполагалось производство уже имеющихся «Москвичей» 408 и 412 с производственной мощностью до 180 тыс. машин в год. А второй должен был

[1] Ни одна советская машина не получила такого количества прозвищ: «зАпор», «еврейский броневик», «жопарожец» – общие для всего модельного ряда, «горбатый» – ЗАЗ-965, «ушастый», «Чебурашка», – ЗАЗ-966 и ЗАЗ-968, «мыльница» – ЗАЗ-968М.

[2] Подробнее об экспортной судьбе «Москвича»: *Томпсон Э.* Советские автомобили. Полная история / пер. с англ. К. Ткаченко. М., 2010. С. 143, 146, 156–165. Подробнее о спортивных достижениях «Москвича»: интернет-ресурс Музей истории советского ралли Александра Кириллова. URL: http://www.moskvitch-rally.ru (дата обращения: 10.04.2017).

[3] Интервью с автомобильным историком Л.М. Шугуровым // Радио «Эхо Москвы», передача «Парковка», эфир 12.11.2005.

[4] Народное хозяйство СССР 1922–1982. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1982. С. 196.

[5] Там же. С. 446.

стать настоящим автогигантом с производственной мощностью до миллиона автомобилей в год, т.е. примерно в пять раз больше, чем могли произвести московский, запорожский автозаводы и легковое подразделение ГАЗа вместе взятые. Подготовка технического проекта была поручена итальянскому автомобильному концерну «Фиат». 15 августа 1966 г. в Москве глава «Фиата» Джанни Аньелли подписал контракт с министром автомобильной промышленности СССР А. Тарасовым по созданию автозавода с полным производственным циклом. По контракту на этот же концерн возлагалось технологическое оснащение завода, обучение специалистов. В качестве базовой модели предполагался выпуск доработанного и оптимизированного для дорожных и климатических условий Советского Союза «автомобиля года-66 в Европе» FIAT-124[1], получившего обозначение ВАЗ-2101 «Жигули». Наравне с «Волгой» ГАЗ-21 «копейка», как в народе прозвали первые «Жигули», станет одним из символов советской эпохи.

Появление на советском авторынке пусть адаптированной, но все-таки «иномарки» стало своеобразным переломом в сознании советского автолюбителя, в корне меняло сложившуюся культуру советского автомобилизма. Для производства «Жигулей» потребовалось существенно повысить качество отечественных смазочных материалов, резино-технических изделий, предполагалось, что одновременно с заводом появится целая сеть профессиональных, фирменных автосервисов. Теперь владельцу не придется тратить свои выходные на самостоятельную замену масла, регулировку клапанов или перебортировку колеса, а можно «цивилизованно» записаться в удобное время на сервисное обслуживание, оставить машину квалифицированным мастерам и забрать ее уже полностью готовой. Это разительно отличалось от того, к чему привыкли владельцы «Москвичей» и «Запорожцев». «Мы уяснили, что настоящий автомобиль, хороший, можно создать только тогда, когда вся страна готова, вся промышленность готова, вся наука страны готова к этому автомобилю. А в конце 60-х – начале 70-х годов мы попытались сделать все наоборот. И что удивительно – получилось, пусть и на короткий срок. Сначала была создана конструкция – автомобиль, а уж затем (правда, при мощной поддержке сверху) мы заставили всю страну под него подтягиваться», – вспоминает один из конструкторов ВАЗа А.Л. Зильперт[2]. Именно поэтому «Жигули», которые объективно по техническим характеристикам уступали выпускавшемуся тогда «однокласснику» «Москвичу-412», довольно быстро потеснили его

[1] Подробное описание процесса переговоров и доработки итальянского автомобиля FIAT-124 можно найти в трехтомном сборнике воспоминаний непосредственных участников событий: Высокой мысли пламень. Тольятти, 2000.

[2] Высокой мысли пламень. С. 38.

в рейтинге покупательских предпочтений при сравнительно близкой цене. Да, двигатель «Москвича-412» был мощнее и тяговитее, но двигатель «Жигулей» был более приемистым, а потому «со светофора» «Жигули» стартовали быстрее. При откровенных эргономических просчетах салона «Жигулей» в холодное время года в них было гораздо теплее, чем в куда более удобном салоне «Москвича», что было немаловажно в холодном климате СССР. Тем более со второй половины 1970-х гг. на АЗЛК начался своего рода «застой»: завод не получил разрешения на производство уже разработанных новых перспективных моделей, продолжил выпускать модернизированный, но устаревающий «Москвич-412» под новым обозначением модели «2140»; широкий наем временных рабочих (попросту «лимитчиков»), не имевших соответствующей мотивации, привел к снижению качества продукции, аналогичные проблемы с качеством испытывали и смежные с АЗЛК предприятия[1]. В итоге в народе аббревиатуру АЗЛК начали расшифровывать как «автомобиль, заведомо лишенный качества».

Но даже несмотря на спад народной любви, «Москвич», а особенно его «брат-близнец», производившийся на Ижевском автозаводе, в народном сознании воспринимался как машина более крепкая и надежная, чем «Жигули»: «Жигули – три года ездишь, потом постоянно чинишь; Москвич – три года постоянно чинишь, потом постоянно ездишь», – шутили автолюбители. В то время как АЗЛК постепенно накапливал проблемы, приведшие его к откровенно кризисному состоянию во второй половине 1980-х гг., Волжский автозавод на протяжении всех 1970–1980-х гг. активно модернизировал базовую модель, улучшая ее качество и технические характеристики: уже в 1972 г. с конвейера сошла яркая и стильная «тройка» – ВАЗ-2103, выросли литраж и мощность мотора, в коробке передач появилась пятая передача, которой, по единодушному признанию автовладельцев, так не хватало «Москвичам».

Другой причиной популярности «Жигулей» 1970–1980-х гг. стала их массовость. Так, завод Тольятти выпускал около 700–720 тыс. автомобилей в год, АЗЛК и Ижмаш – примерно по 180 тыс. машин в год, около 150 тыс. делал ЗАЗ, легковое подразделение ГАЗа выпускало около 50 тыс. «Волг», но они по большей части поставлялись в государственные учреждения[2]. Именно «Жигулям» удалось

[1] Подробнее о кризисных явлениях на АЗЛК: *Шугуров Л.* Сегодня и завтра «Москвича». Интервью с генеральным директором производственного объединения «Москвич» В.П. Коломниковым // За рулем. 1985. № 9. С. 1–2; *Еремкин В.* Интервью с Игорем Зайцевым, бывшим главным дизайнером АЗЛК // АвтоРевю. 2002. № 5. С. 11–12.

[2] Интервью с автомобильным историком Л.М. Шугуровым // Радио «Эхо Москвы», передача «Парковка», эфир 12.11.2005.

насытить довольно скромный советский первичный рынок автомобилей. Так, если в 1965 г. населению было продано 64 тыс. автомобилей, то через десять лет, когда ВАЗ окончательно вышел на проектную мощность, эта цифра возросла почти в пятнадцать раз, когда населению было продано уже 964 тыс. автомобилей[1]. В итоге на улицах советских городов постепенно основной машиной стали именно различные модели «Жигулей».

Специфической чертой советской номенклатуры выпускаемого легкового автотранспорта, отличающего его от других автомобильных держав, стал выпуск автомобилей, предназначенных исключительно для инвалидов войны с тяжелыми поражениями опорно-двигательного аппарата[2]. Так, спустя восемь лет после окончания войны Серпуховской мотоциклетный завод выпустил свою первую модель мотоколяски СМЗ-С1Л, получившей в просторечии прозвище «инвалидка». Это была трехколесная машина с тентованной откидывающейся крышей, маломощным мотоциклетным мотором и мотоциклетными же органами управления, занимавшая промежуточное звено между автомобилем и мотоциклом. Главным ее достоинством, помимо простоты конструкции, была специальная конструкция управления, позволявшая управлять машиной лишенному руки, ноги или обеих ног человеку. Примечательным было также то, что инвалидные машины не поступали в свободную продажу. Их можно было получить бесплатно, сделав заявку в собесе. Более того, инспекторы Госавтоинспекции строго следили за тем, чтоб законные владельцы не передавали машины родственникам или знакомым по доверенности[3]. Вскоре трехколесную «первую ласточку» на конвейере сменил уже полноценный четырехколесный автомобиль СМЗ С-3А с более мощным мотором, получивший в народе шутливое название «моргуновка» после съемок во всенародно любимой кинокомедии «Операция Ы и другие приключения Шурика». А третье поколение «инвалидок» СМЗ-С3Д продержалось на конвейере аж до конца 1970-х гг. Однако официально в разряд автомобилей СМЗ С-3А и С-3Д так и не попали, по-прежнему считаясь мотоколясками с правом управления по мотоциклетной категории А.

Шумные, дымные, тряские, неказистые машинки тем не менее стали настоящим подспорьем для людей, для которых при иных условиях транспортом могла стать разве что инвалидная коляска.

---

[1] Народное хозяйство СССР 1922–1982. С. 446.

[2] Постановление Совмина СССР от 29.12.1963 № 1277 «Об обеспечении инвалидов автомобилями с ручным управлением» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5901&dst=100001#0 (дата обращения: 10.04.2017).

[3] О порядке выдачи автомобилей с ручным управлением // За рулем. 1972. № 6. С. 9, 13.

Более того, после пяти лет пользования мотоколяской инвалид имел право на бесплатное получение уже полноценного автомобиля «Запорожец» с органами ручного управления, который можно было обменять на новый после семи лет пользования[1]. Также в 1980 г. был освоен выпуск модификации «Москвич-21403» с органами ручного управления, предназначенной для инвалидов с ограниченной подвижностью. Однако получить бесплатно его было нельзя, органы соцобеспечения компенсировали инвалиду-ветерану стоимость только базовой инвалидной модели «Запорожец», а разницу в цене с «Москвичом» (порядка 4 тыс. руб. в середине 1980-х гг.) надо было оплачивать за свой счет[2].

Другой специфической чертой советской номенклатуры легковых автомобилей становится большое количество моделей, предназначенных для использования в первую очередь в сельской местности. Так, в середине 1950-х гг. с личного благоволения Н.С. Хрущёва[3] приступают к разработке сразу двух полноприводных специализированных моделей. Первая – ГАЗ М73 – двухместный автомобиль с кузовом «пикап», предназначенный для сельских механизаторов, что виделось особенно актуальным в свете идущего освоения целины. Испытания показали высокие потребительские качества автомобиля, но ГАЗ не имел достаточных ресурсов для серийного производства. А вот вторая модель – М72 – разрабатывалась не «с нуля», а представляла собой модификацию «Победы», оснащенную полноприводной трансмиссией от армейского внедорожника ГАЗ-69. Предполагалось, что использоваться она будет председателями колхозов и районным начальством. Машина пошла в серию, но была выпущена весьма малым количеством, всего 4677 штук[4], что было связано опять-таки с недосдачей ресурсов на заводе из-за подготовки к выпуску новой модели – «Волги» ГАЗ-21. Однако именно на подобном автомобиле было совершено путешествие по маршруту Москва-Владивосток поэтом Виктором Уриным, о котором была написана книга «179 дней в автомобиле. Москва – Владивосток. Путевой дневник»[5]. Стоит отметить, что модель М72 в московский автомобильный магазин в продажу не поступала и была

[1] Постановление Совмина РСФСР от 18.12.1971 № 673 «Об изменении порядка обеспечения инвалидов автомобилями с ручным управлением» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=12207;dst=100014#0 (дата обращения: 10.04.2017).

[2] О «Москвич-2140» и его модификациях. URL: https://www.drive2.ru/l/288230376152012989/ (дата обращения: 10.04.2017).

[3] *Шугуров Л.М.* Автомобили России и СССР. Т. 1. М., 1994. С. 239.

[4] *Канунникова С.* Когда деревни были большими // За рулем. 2014. № 11.

[5] *Урин В.А.* 179 дней в автомобиле. Москва – Владивосток. Путевой дневник. М., 1958.

приобретена Уриным по личному распоряжению министра автомобильной промышленности Строкина[1].

В дальнейшем полноприводные версии базовых моделей выпускались уже на МЗМА (Московском заводе малолитражных автомобилей), использовавшем наработки горьковских коллег. Это были модификации основной модели «Москвич-407» «Москвич-410» и полноприводный универсал «Москвич-411». Однако на рубеже десятилетий руководство автомобильной отраслью сделало ставку не на расширение модельного ряда, а на увеличение объемов экспорта базовой модели, которая пользовалась устойчивым спросом за рубежом. Например, «Москвич-407» успешно продавался не только в странах соцлагеря, но и в Финляндии, Франции, Норвегии и особенно в странах Бенилюкса[2], зарабатывая для экономики страны «твердую валюту». В итоге, вопреки планам руководства МЗМА, на котором уже активно шла разработка полноценного внедорожника для села «Москвич-416», было принято решение свернуть производство всех полноприводных моделей «Москвич» и увеличить выпуск базовой (экспортной) модификации. Всего в 1957–1961 гг. было изготовлено около 12 тыс. автомобилей повышенной проходимости обеих моделей[3].

Куда больше повезло с производством специализированного автомобиля для села Луцкому машиностроительному заводу, который переоборудовал для нужд села выпускавшийся с 1961 г. армейский транспортер переднего края (ТПК), вошедший в историю как ЛуАЗ-969 «Волынь». Маленькая, грубая и неказистая машина с тентованными боковинами кузова и крышей, с шумным мотором от «Запорожца» обладала выдающейся проходимостью. Несмотря на низкое качество сборки и практически полное отсутствие комфорта, слабый мотор ЛуАЗ, прозванный в народе «луноходом», быстро завоевал популярность у жителей села: он был дешев (стоимость ЛуАЗа была чуть выше «Запорожца» и в два раза ниже стоимости «Нивы»), всепроходен, прост в обслуживании, аскетичный до предела салон было легко очистить от сельской грязи. Более того, ЛуАЗ получил признание и на международном рынке, экспортируясь в Италию, и был включен в десятку лучших европейских автомобилей на международной выставке в Турине в 1978 г.[4].

И, наконец, в 1977 г. на советский рынок автомобилей выходит полностью самостоятельная разработка Волжского автозавода – ВАЗ-2121 «Нива». Автомобиль уникальный не только для советской

---

[1] *Урин В.А.* 179 дней в автомобиле. С. 15.

[2] *Томпсон Э.* Советские автомобили. С. 89.

[3] *Шугуров Л.М.* Автомобили России и СССР. Т. 2. С. 110.

[4] *Томпсон Э.* Советские автомобили. С. 193.

автомобильной традиции, но и для всего мира, поскольку это был первый в мире серийный комфортабельный внедорожник, пригодный в равной степени и для города, и для сельской местности, по проходимости не уступавший армейским «джипам», а по комфорту – обычному городскому автомобилю. Идеальный для села автомобиль тем не менее не заполнил собой сельские проселки. Причин тому было две. Во-первых, заоблачная для советского сельского обывателя цена – 11 тыс. рублей. Из условно доступных для простого советского гражданина автомобилей дороже «Нивы» была только «Волга» в кузове универсал ГАЗ-24-02, которая стоила 14 тыс. и практически не попадала на рынок. Даже «обычная» «Волга» ГАЗ-24 стоила в пределах 9,6–10 тыс. рублей. Во-вторых, популярность «Нивы» за рубежом (она очень быстро завоевала до 40 % европейского рынка внедорожников[1]) обусловила прицел руководства автомобильной промышленности на завоевание внешних рынков и первоочередное удовлетворение зарубежного спроса, а не отечественного.

Такое внимание государства к нуждам села вполне объяснимо, поскольку инфраструктура, необходимая для легкового автотранспорта, в сельской местности фактически отсутствовала. Проселочные дороги, острейший дефицит необходимого по качеству топлива и запчастей, квалифицированных мастеров, слабая сеть общественного транспорта – все это требовало от автомобиля таких качеств, как надежность, вместительность, прочность конструкции, простота в эксплуатации и нетребовательность к качеству топлива[2]. То есть того, что было бы избыточно в городских условиях, но остро необходимо в тяжелых условиях советского села.

Как купить? Если в условиях рыночной экономики любой человек, обладавший достаточной суммой для покупки понравившейся модели, мог прийти в автомагазин и уехать из него на собственном автомобиле, то в условиях советской командной экономики покупка личного автомобиля имела свою специфику.

В первые послевоенные годы страна восстанавливала разрушенное в годы войны хозяйство, по-прежнему сохранялась четкая ориентация на оборону и развитие тяжелой промышленности. И потому ресурсов, направленных на развитие легкового автомобилестроения, категорически не хватало для того, чтобы удовлетворить потребности граждан в личном легковом автомобиле. Тем не менее в сравнении с последующими годами цены на автомобили были сравнительно невысоки. Так, в конце 1940-х гг., согласно установленным ценам, «Москвич-400» стоил 8 тыс. рублей, «Победа» – в два

[1] *Томпсон Э.* Советские автомобили. С. 189.

[2] См., например: Пять проблем сельского автолюбителя // За рулем. 1991. № 12. С. 9.

раза больше, а ЗиМ – 40 тыс. «дореформенных» рублей[1]. Зарплата советского гражданина в целом по народному хозяйству, например, в 1950 г. составляла 646 рублей, а промышленного рабочего – 709 рублей[2]. Таким образом, работающая семья «средних» советских граждан могла накопить на «Москвич» за полтора года, соответственно, на «Победу» за три года, а ЗиМ мог позволить себе человек, официально обладающий доходами существенно выше среднего. К таким можно отнести представителей научной и творческой элиты. Но за первое послевоенное десятилетие советская промышленность произвела в среднем 55 тыс. легковых автомобилей в год, значительная часть которых была распределена в государственные учреждения[3], что, естественно, никак не могло удовлетворить спрос двухсотмиллионного населения СССР и сделало легковой автомобиль остродефицитным товаром.

Даже постоянный рост производства легковых автомобилей, начиная со второй половины 1950-х гг., когда автомобильная промышленность производила тысячи автомобилей в год[4], вплоть до конца 1980-х гг., когда производилось уже 1,2–1,3 млн автомобилей в год[5], не смог в полной мере удовлетворить спрос населения.

Были приняты особые условия продажи автомобилей населению: «в целях упорядочивания торговли легковыми автомобилями приказом Министерства торговли СССР в 1955 г. было предложено организовать продажу населению легковых автомобилей по предварительным заказам. Предварительные заказы принимаются магазином в пределах установленных лимитов продажи легковых автомобилей со сроком исполнения заказа в течение одного года. Время приема заказов (дни, часы) и их количество устанавливает директор магазина, о чем заблаговременно доводят до сведения покупателей. Заказы на покупку легковых автомобилей магазин принимает только от индивидуальных покупателей при личной их явке в магазин, только от одного лица на покупку лишь одного автомобиля. Каждый покупатель оставляет в магазине заказную открытку с указанием своего почтового адреса. Эти открытки хранятся в картотеке магазина, а затем в порядке очередности высылаются покупателям, которые обязаны в сроки, указанные в открытке, явиться

[1] Цены на новые автомобили в СССР // Интернет-портал «Ностальгия по советскому». URL: http://1001material.ru/10018.html (дата обращения: 10.04.2017).

[2] Статистическая таблица ЦСУ СССР «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР в 1940, 1945, 1950–1955 гг.». // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161–161об.

[3] Приводится по: *Шугуров Л.М., Ширшов В.П.* Автомобили Страны Советов. М., 1983. С. 80.

[4] Народное хозяйство СССР 1922–1982. С. 196.

[5] СССР в цифрах в 1989 году. Краткий статистический сборник. М., 1990. С. 87.

в магазин для внесения денег и оформления заказа-обязательства. При приемке магазином заказа покупатель должен оплатить полную стоимость заказанного им автомобиля. <…> Отпуск автомобилей покупателям по предварительным заказам производится в порядке строгой последовательности принятых заказов»[1]. Нелишним будет отметить, что крайне редко очередь на покупку автомобиля длилась «в течение одного года». Как правило, ожидания, по многочисленным воспоминаниям современников, длились от года до трех. Более того, в целях противодействия «спекуляции», автолюбителю было запрещено продавать автомобиль ранее чем спустя год после покупки, а нотариат крайне неохотно заверял доверенность на право управления автомобилем кому-то кроме покупателя или дарственные на имя кого-либо кроме самых близких родственников[2].

Другим способом покупки нового автомобиля была его покупка непосредственно при предприятии, на котором работал потенциальный автолюбитель, если, конечно, предприятие или организация имели собственную квоту на легковые автомобили. Решение о том, какое из предприятий получит квоту, и ее размер находились в ведении Советов министров союзных республик при согласовании с Министерством торговли СССР[3]. Более того, при приобретении «на предприятии» были свои сложности. Так, будущий владелец должен был утвердить свою заявку в профкоме и, если был членом КПСС, в партийной организации предприятия. Разумеется, при повсеместном превышении спроса над предложением при утверждении заявки учитывался и стаж заявителя, и наличие высшего образования, и прочие его заслуги. Очевидно, что ударнику труда с большим стажем, который часто «висел на доске почета» как лучший работник года или пятилетки, имел государственные награды, инвалидность и участвовал в Великой Отечественной войне, состоял в рядах КПСС, «получить открытку» на приобретение автомобиля было куда проще, чем молодому работнику, не обладающему такими достоинствами. Более того, собственные формы порядка торговли и очередности могли устанавливать местные исполкомы и советы народных депутатов[4].

И, наконец, третьим способом получения нового автомобиля был выигрыш оного в государственной лотерее. В частности, из года в год такие автомотолотереи проводило ДОСААФ, однако

[1] Цит. по: *Амаев К.А., Маковская Е.З.* Автомобили, мотоциклы и велосипеды. М., 1983. С. 203–204.

[2] *Верить* – не верить // За рулем. 1966. № 1. С. 23.

[3] Постановление Совмина СССР от 02.07.1982 № 626 «О дополнительных мерах по упорядочению торговли легковыми автомобилями» // Свод законов СССР. М., 1985. Т. 8. С. 495.

[4] Вы покупаете машину // За рулем. 1978. № 6. С. 22–23.

количество выигранных автомобилей исчислялось сотнями[1], что не позволяет считать лотерею серьезной возможностью приобретения автомобиля.

В итоге куда более доступным было приобретение подержанного автомобиля на вторичном рынке. Вплоть до 1961 г. каждый автовладелец мог практически свободно продать свой автомобиль. Однако, с учетом уже указанных сложностей покупки автомобиля в государственном магазине, нередко стоимость подержанного автомобиля превышала стоимость нового в два, а то и в три раза[2], что расценивалось государством как откровенная спекуляция. В итоге было принято постановление Совмина СССР[3], согласно которому продать автомобиль можно было только через комиссионный магазин и только за сумму, установленную магазином с учетом износа автомобиля, что, конечно, не исключало предварительного сговора продавца и покупателя, при котором часть суммы сверх оценочной передавалась уже после свершения сделки «в конверте».

Также важно отметить, что стоимость нового автомобиля, начиная с рубежа 1950–1960-х гг., была отнюдь не «демократичной». Так, «Запорожец» стоил около 18 тыс. рублей, «Москвич-407» – 25–27 тыс.[4] при средней зарплате по стране в 806 рублей[5], что по сравнению с рубежом 1950–1960-х гг. составило реальный рост цены автомобиля относительно средней зарплаты советского гражданина в два с половиной раза, и теперь цена на самый распространенный и доступный автомобиль превышала среднюю зарплату в 32 раза. В дальнейшем это соотношение изменилось в сторону большего разрыва. Так, в середине 1970-х гг. цена на «флагман» Волжского автозавода ВАЗ-2101 составляла 5,5 тыс., на куда более популярный «стильный» ВАЗ-2103, равный по мощности двигателя «Москвичу-412», была уже в пределах 7,3–7,6 тыс. рублей и примерно равнялась цене на «Москвич» – 7,5–7,8[6]. А средняя зарплата по стране была уже 145,8 рублей. То есть теперь стоимость самых «ходовых» автомобилей превышала среднюю зарплату более чем в 51 раз. В 1980-х гг. это соотношение снизится до 42 раз[7], и все равно спрос на легковые автомобили будет

---

[1] Например: VII лотерея ДОСААФ // За рулем. 1972. № 5. С. 3.

[2] Комбинаторы // За рулем. 1957. № 12. С. 23.

[3] Постановление Совмина СССР от 23.03.1961 № 277 «О дополнительных мерах борьбы со спекуляцией легковыми автомобилями» // Собрание действующего законодательства СССР. М., 1976. Т. 12. С. 377.

[4] Цены на новые автомобили в СССР.

[5] Народное хозяйство СССР 1922–1982. С. 405.

[6] Цены на новые автомобили в СССР.

[7] Народное хозяйство СССР в 1985 году. Статистический ежегодник. М., 1986. С. 413.

по-прежнему высок. Так, например, по воспоминаниям начальника политического отдела авиационной дивизии полковника Елисеева, человека, обладающего достаточно высоким социальным статусом в советском обществе, вставшего «в очередь» на автомобиль во второй половине 1980-х гг., удалось его приобрести только в августе 1991 г. после очередного повышения цен в начале года, когда ряд очередников попросту отказался от покупки[1].

Из личного. В нашей семье личный автомобиль появился в 1981 г. Моему отцу, молодому учителю в сельской местности, понадобился автомобиль для поездок на работу, в школу, находившуюся в хуторе Колундаевском, почти в двадцати километрах от станицы Вешенской, где он тогда жил. В очередь он встал в 1980 г. и уже через год, как тогда говорили, «пришла открытка» на новые оранжевые «Жигули» в редком и очень популярном кузове «универсал», однако в силу обстоятельств очередь пришлось уступить, и вскоре ему пришел ослепительный снежно-белый «Москвич»-2140, ставший впоследствии одним из моих самых ярких впечатлений о детстве.

Как содержать? Однако после покупки автомобиля трудности новоиспеченного автолюбителя отнюдь не заканчивались. Неизбежно вставали вопросы: чем заправлять автомобиль, как чинить и обслуживать. И в этом автолюбитель сталкивался с острым дефицитом. Во-первых, повсеместно стоял вопрос о заправке бензином: сеть автозаправочных станций попросту «не успевала» за расширяющейся географией личной автомобилизациии. Но наличие в городе или поселке АЗС отнюдь не означало наличие на ней необходимого сорта бензина, поскольку большинство станций было рассчитано на обслуживание грузового транспорта, работающего на низкооктановом топливе, в то время как двигатели легковых автомобилей, начиная с первой половины 1960-х гг. (тот же двигатель УЗАМ-412, которым комплектовались «Москвичи-412»), были рассчитаны на высокооктановый бензин марки «Аи-93». Стало распространенным явление, крайне нетипичное для западного автосообщества, когда многие советские автолюбители, особенно из сельской местности, были вынуждены дефорсировать двигатели своих автомобилей, чтобы можно было безболезненно заправляться «грузовым» «Аи-76». Но даже появление автозаправочных станций, торгующих «93-м» бензином, не спасало автомобилистов от простаивания в километровых очередях и лимита продаваемого топлива «в один бак»[2].

---

[1] Елисеев В.Н., 1950 г.р., полковник Военно-воздушных сил Вооруженных сил СССР. Записал Венков А.А., 25.12.2006. Ростов-на-Дону // Архив автора.

[2] Журнал «За рулем» неоднократно публиковал возмущенные письма читателей по этому поводу. Например: АЗС: проблемы и перспективы // За рулем. 1967. № 1. С. 14; АЗС будут работать лучше // За рулем. 1967. № 3. С. 11; Зачем разделили АЗС // За рулем. 1985. № 2. С. 22–23 и т.д.

Другой проблемой стал поиск дефицитных запчастей и возможность обслужить свой автомобиль на станции техобслуживания. Как и в случае с бензином, промышленность попросту не успевает за ростом спроса. Более того, обозначается проблема сознательного отказа станциями техобслуживания комплектовать автомобиль запчастями по госрасценкам. Вокруг обслуживания автомобиля вырастает целый теневой рынок, на котором, к примеру, цена на автомобильную покрышку доходит до 100 рублей, что вполне сопоставимо со средней зарплатой[1]. Недаром образ директора станции техобслуживания (Н. Михалков), запечатленный в фильме 1982 г. «Инспектор ГАИ», представляет человека коррумпированного, «пробивного», с которым стремится «дружить» все городское начальство, и даже инспектор ГАИ, представитель власти и закона, применивший к нему законные меры воздействия за откровенное «неоднократное и циничное» нарушение правил дорожного движения, в итоге расплачивается понижением в должности и исключением из спортивного клуба.

В итоге большинство советских автолюбителей было вынуждено освоить самостоятельное обслуживание своих автомобилей. И если сложный ремонт, как, например, «переборка» двигателя или кузовной ремонт, становился серьезной проблемой, то такие операции, как замена моторного масла, свечей зажигания или ремонт подвески, были по силам практически любому автовладельцу, независимо от возраста и уровня технической грамотности.

Таким образом, автомобиль становился довольно обременительным приобретением, причем не только в силу своей высокой стоимости, но и в силу высоких затрат и прочих сложностей, связанных с его содержанием. Так, исследование, проведенное журналом «За рулем», показало, что в среднем содержание автомобиля в год обходилось примерно в 150–350 рублей[2], что составляло 3,1–7,2 % среднегодового дохода семьи из двух человек[3].

Следующей насущной проблемой автолюбителя стала проблема хранения своего «железного друга». По мере роста автомобилизации населения стало очевидно, что жилые массивы городов не приспособлены к сколько-нибудь значительному количеству личного автотранспорта. Так, автолюбитель, рискнувший оставить машину во дворе дома, сталкивался с целым каскадом проблем. Во-первых, машину могли попросту «разуть», то есть снять колеса с дефицитными покрышками, щетки стеклоочистителя, радиоантенну,

[1] «Железный рынок» или вблизи скудного прилавка // За рулем. 1986. № 1. С. 18–19.

[2] Рубли и километры // За рулем. 1987. № 10. С. 26–27.

[3] Народное хозяйство СССР в 1989 году. Статистический ежегодник. М., 1990. С. 78.

внешние зеркала заднего вида и даже заводскую эмблему[1] – в общем все то, что в условиях острого дефицита запчастей и расходных материалов злоумышленники могли быстро и выгодно сбыть буквально в соседнем дворе. Во-вторых, парковка автомобиля во дворе могла стать причиной конфликта с «безлошадными» соседями, недовольными утренними зловонными прогревами двигателя, лужицами моторного масла на асфальте, заставленными пешеходными дорожками, да и просто движимыми банальной завистью к автовладельцу[2].

Выход был найден в организации гаражных кооперативов. Но и этот путь изобиловал своими трудностями – это и получение разрешения, и утверждение проекта в горисполкоме, и поиск дефицитных стройматериалов и строительной техники, и ряд других[3]. В частности, исполкомы, как правило, отводили «под гаражи» территории едва ли не на окраинах и в промзонах города. «Но почему-то признаком хорошего тона в градостроительной практике стало отводить участки для кооперативных гаражей почти на таком же удалении от города, как места для аэродромов реактивной авиации, с той только разницей, что для гаражей по традиции отводят топи и болота», – сетует корреспондент журнала «За рулем» – главного журнала советского автолюбителя. Однако, несмотря на все сложности, гаражные кооперативы или попросту гаражи вскоре стали не только местом хранения автомобиля. По сути, гаражи стали своего рода мужскими клубами советского автовладельца. Именно там, в силу неразвитости сети автомастерских и сервисных центров, автолюбители самостоятельно, обмениваясь опытом и инструментом, проводили регламентное техническое обслуживание и более сложный ремонт машин; там практически круглогодично под предлогом того же обслуживания проводились так называемые посиделки на выходных, сопровождающиеся и играми, к примеру, в домино, и умеренными и не очень возлияниями. В гаражах фактически стирались и без того зыбкие социальные различия, поскольку автовладельцем мог быть и представитель творческой интеллигенции, и простой

[1] Например, настоящей головной болью владельцев «двадцать первых» «Волг» первой и второй серий стало хищение хромированной фигурки геральдического оленя (мэскота) на капоте, что нашло своеобразное отражение в фильме «Операция Ы», в котором один из злоумышленников Бывалый (Е. Моргунов) на свою «инвалидку» крепит «волговского» оленя, которого он мог достать, по большому счету, только на «черном рынке».

[2] Подробно и красочно все превратности подобной ситуации были описаны в статье «Не любовь, а наказанье», опубликованной в журнале «За рулем» (1967. № 2. С. 14–15).

[3] Вокруг этой проблемы и связанных с ней житейских драм построен сюжет фильма Э. Рязанова «Гараж».

рабочий. Причем первый, зачастую, был вынужден обращаться за технической помощью ко второму. Именно в пространстве гаража, начиная с 1980-х гг., могла быть организована так называемая «шабашка» – кустарная полуподпольная мастерская или мини-цех[1]. В итоге гаражи со временем стали особым и весьма значимым сегментом городского культурного пространства.

Подводя итоги, важно отметить, что легковой автомобиль в корне изменил не только жизнь, но и во многом мироощущение своих владельцев. В первую очередь, личный автомобиль подарил ощущение свободы. Хотя эта свобода существенно ограничивалась узостью сети автозаправочных станций, дефицитом запчастей и строгостью инспекторов Отдела регулирования уличного движения и ГАИ.

Во-первых, это была свобода перемещения. И именно в эти годы чрезвычайно популярным становится автотуризм, когда вся семья или несколько семей автовладельцев, погрузившись в свои «Москвичи», «Волги», «Жигули», отправлялись на юг, к морю, или к родственникам, например, в союзную республику, за тысячи километров. Хотя тот же путь можно было бы проделать гораздо комфортнее, дешевле и быстрее, пользуясь услугами «Аэрофлота». Журнал «За рулем», начиная с середины 1950-х гг., из номера в номер помещает на своих страницах советы автотуристам, карты интересных маршрутов и ряд другой полезной информации, пользующейся, судя по письмам читателей, большой популярностью. Например, в 1967 г. журналом «За рулем» среди читателей был проведен конкурс на самый интересный пройденный маршрут под лозунгом «Дорогами подвигов и славы». Были присланы такие экзотические маршруты, как например, маршрут по целинным полям Казахстана, который прошел инженер-механик А. Жогипаров на своем выигранном в лотерею ДОСААФ «Москвиче-408», или путь от Владивостока до Сочи через Москву, который проделал И. Ворушилин на «Волге», чтобы показать своим сыновьям «стройки Братска и Красноярска, Академгородок на берегу Обского моря»[2]. В свою очередь, читатели присылают развернутые отчеты о своих путешествиях и приключениях. Причем не только в «За рулем», но и в местную прессу, выступая в роли внештатных корреспондентов. Как, например, описание автопутешествия семьи, совершенного в 1970 г. на стареньком к тому времени «Москвиче»-403 из поселка Гастелло Магаданской области в солнечную Алма-Ату и обратно, составленное для Тенькинской районной газеты «Ленинское знамя».

---

[1] Подробное исследование феномена «гаражной экономики» и его зарождения в условиях советского общества отражено в монографии: *Селеев С., Павлов А.* Гаражники. М., 2016.

[2] Дорогами подвигов и славы // За рулем. 1967. № 10. С. 12–13, 3-я страница обложки.

Главным лейтмотивом этой поездки был девиз: «Мы едем посмотреть Мир!»[1]. Зачем томиться в сезоны отпусков в душных железнодорожных вокзалах и аэропортах, выстаивая очереди за билетами, когда можно отправиться к Черному морю «дикарями», как это сделали герои популярной комедии начала 1960-х гг. «Три плюс два». Не нужно пробиваться в гостиницы с их вечным «свободных мест нет». В конце концов, сам автомобиль может послужить гостиницей, тесной, но уютной. Курорты Черноморского побережья Крыма и Кавказа, Рижское взморье, Карпаты, храмы Золотого кольца стали доступны в любое время вне рейсовых расписаний и принудительных экскурсий.

Во-вторых, автомобиль стал незаменимым помощником на появившихся с 1970 г. приусадебных участках, «шести сотках». На чем, как не на автомобиле, перевезти весной на дачу взращенную на балконах и подоконниках рассаду и приусадебный скарб, а осенью, загрузив машину «под завязку» нехитрым урожаем, вернуться в город. И одним из самых популярных «усовершенствований» автомобиля стал сваренный из алюминиевых трубок багажник на крыше. А многие автовладельцы так и использовали свой автомобиль исключительно для «дачного сезона», всю зиму храня его в гараже, за что и получили прозвища «подснежники», «дачники», «огородники».

В-третьих, автомобиль, особенно в 1950–1970-е гг., давал возможность в относительно однородном советском обществе подчеркнуть свое престижное положение или материальный статус, поскольку сложности и дороговизна покупки и содержания автомобиля мог позволить себе далеко не каждый. В конце концов, автомобиль мог показать способность и возможность своего владельца «выбивать» в условиях острого товарного дефицита.

Резюмируя сказанное, важно отметить, что советское общество и советская система в широком смысле слова сформировали специфический тип взаимоотношений человека и автомобиля, особую культуру, которая ушла в прошлое вместе с системой, ее породившей.

[1] «Магадан—Алма-Ата, автопутешествие 1970-го года на «Москвиче-403» // Drom.ru – автомобильный портал. URL: http://travel.drom.ru/19570/ (дата обращения: 10.04.2017).

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА, ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Становление научной регионалистики и страноведения в исследованиях Дона XVIII–XIX вв.

Н.А. Мининков

Одним из направлений современного научного социально-гуманитарного познания является регионалистика, или наука о регионе, которая известна также по преимуществу в учебных программах и в учебной литературе как регионоведение. Поскольку всякий регион является частью определенной страны или административной или культурно-исторической единицей в составе государства, то регионоведение может быть представлено как составная часть более общей и успешно развивающейся за последнее время дисциплины – страноведения.

Как и страноведение, регионоведение представляет собой комплексное междисциплинарное направление. В рамках этого направления объединены самые разнообразные отрасли знания, объектом которых является регион как географический, исторический, экономический и культурный феномен. Безвременно ушедшая от нас в 2015 г. Татьяна Павловна Хлынина как выдающийся российский историк совершенно справедливо обращала внимание на исключительную значимость региональных исследований для познания особенностей и своеобразия регионов, их прошлого и современного состояния. В этих исследованиях особое значение она придавала изучению истории и культуры региона и в качестве необходимой предпосылки такого изучения обратила внимание на региональную историографию и историографию региональных исследований[1].

На современном этапе регионалистика достигла такого уровня, когда все более актуальной задачей становится подведение ее итогов. Оно важно для того, чтобы более четко и конкретно представить направления дальнейшего развития ее теории, методологии

[1] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009. С. 13.

и конкретных исследований. Это становится возможным благодаря осмыслению процессов ее становления и выявления особенностей этапов, которые она прошла. Особенно наглядно такие исследования могут проводиться на примере крупного региона, в том числе это может быть регион нашей страны. Известно, что в центре внимания Т.П. Хлыниной стоял такой крупный и сложный регион, или даже, возможно, межрегиональное культурно-историческое единство, как Северный Кавказ. Таким же объектом региональных исследований может быть ближайший к Северному Кавказу Дон, в развитии которого на протяжении Нового и Новейшего времени нашли сочетание характерные черты исторического и культурного развития соседних регионов и стран.

Это не случайно. В силу особенностей своего географического положения этот регион впитывал в себя самые разные черты и стороны мировой культуры. В значительной мере способствовало этому положение Дона как своеобразного «проходного двора» цивилизаций начиная с древности, где в культуре населения сталкивались и переплетались черты античности и местных «варварских» культур. Такая же роль оставалась за Доном и в Средневековье, где на перекрестке культур встречались тюркоязычные кочевники и итальянские купцы из Генуи и Венеции, где промысловики из южной русской окраины превращались в воинов-казаков и принимали в свои ряды азовских казаков, татар и ногаев. Она сохранялась за Доном и в то время, когда, начиная с середины XVI в., социальной общностью, определяющей характер и особенности его культуры, стало казачество, являвшееся, в свою очередь, также полиэтничным и мультикультурным. И в этом отношении Дон напоминал соседние регионы Северного Кавказа, изучению которых посвятила себя Т.П. Хлынина.

Толчком к возникновению научных исследований регионов стали процессы в развитии Российской империи и ее культуры в эпоху Просвещения. К ним относилось прежде всего становление российской науки и потребности государственного управления. Все это вызвало к жизни возникновение разного рода описаний страны и отдельных ее территорий. Такие описания закладывали основы страноведения и регионоведения, а также способствовали решению некоторых задач, стоявших перед государством, и нередко просто удовлетворяли постоянно растущий интерес русского общества к стране, к отдельным ее частям и проживающему на них населению. Среди таких регионов находился Дон, представлявший собой Землю войска Донского, ставшую в результате указа Правительствующего сената 1870 г. Областью войска Донского. Но изменения в положении этой территории были не только административными. Из окраинной части страны на ее южном рубеже она постепенно

превращалась во внутреннюю территорию империи по мере утверждения России на Северном Кавказе начиная с 1777 г., когда был подписан указ о строительстве крепостей Азово-Моздокской линии[1]. Наглядным свидетельством такого изменения положения Дона стала служба донских казаков на Северном Кавказе, а затем участие их в Кавказской войне.

Описания страны, частью которых были материалы, относящиеся к Земле войска Донского, появляются начиная с первой половины XVIII в. Наиболее раннее из таких описаний принадлежало И.К. Кирилову. Закончено оно было в 1727 г., а в 1831 г. было опубликовано известным историком М.П. Погодиным под названием «Цветущее состояние Всероссийского государства»[2]. Название было выбрано не случайно. Как справедливо отмечали авторы предисловия к изданию этого труда Л.А. Гольденберг, М.Г. Новлянский и С.М. Троицкий, оно выступало «своего рода признанием важности петровских реформ для исторических судеб России»[3].

Описание Дона Кирилов давал в составе описания Воронежской губернии под № 358, перед описанием отдельных провинций, на которые по административной реформе 1719 г. делились губернии. Это, однако, не означало, что Земля войска Донского была включена по административной реформе Петра I сначала в состав Азовской губернии, а затем, как писал Кирилов, «по отдаче Азова в Турецкую сторону»[4] – Воронежской губернии. Кирилов на это указывал, когда говорил о том, что донские казаки «губернии никоторой не подчинены», и что над ними «полную команду имеет Военная коллегия». По объему это описание очень краткое. В нем Кирилов давал прежде всего сведения о численности «служащих» казаков, которых было, как он указывал, 14 266 человек по ведомости Военной коллегии. Вслед за этими сведениями он приводил данные о составе и размерах жалованья войску Донскому. Как и ранее, еще по традиции, восходившей ко времени царя Михаила Федоровича, царское жалованье состояло из денежного жалованья, провианта, который включал в себя рожь и муку, вина, а также боевого жалованья, состоявшего из пороха и свинца.

Затем давались сведения о расселении казаков по Дону и по другим рекам – «по Хопру, по Медведице, по Бузулуку и по другим рекам», среди которых он не назвал особо Северский Донец. Говоря

[1] *Стаценко Н.К.* О причинах строительства и функциях Азово-Моздокской линии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 6. С. 61, 63.

[2] И.К. Кирилов и его труд «Цветущее состояние Всероссийского государства» // *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 18.

[3] Там же. С.16.

[4] *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. С. 183.

об управлении в войске Донском, Кирилов отмечал, что войсковые власти, к которым он отнес войскового атамана и старшин, живут в Черкасском и «командуют всеми донскими казачьими городками». Об управлении в городках «над казаками» он говорил, что его осуществляют «станичные атаманы со старшиною ж». Характерно, что Кирилов применительно к донским казачьим поселениям употреблял понятие городка, которое восходило еще к донской казачьей старине, но стоявших во главе этих поселений атаманов он называл станичными. Такое по существу двойное наименование донских поселений не случайно. В этом отразился переход от традиционного названия «городок» к новому названию «станица», который происходил в тот период. Этот переход отражал некоторое снижение военно-оборонительной роли казачьих поселений и повышение их хозяйственного значения. Кирилов давал сведения о военной службе донских казаков и указывал, что это была служба «конная». В случае выхода на службу «партиями, или великим числом», «от войскового атамана учреждаются наказные атаманы, ясаулы и иные для управления старшина». Таким образом, старые порядки, когда сами казаки выбирали походных атаманов, отошли в прошлое. Кирилов писал также о материальном обеспечении уходивших на службу казаков. Отмечая особенности положения донских казаков, Кирилов указывал на предоставленное им право «промышлять рыбными и звериными ловлями и землями владеть, и торги у себя производить, и корчмы держать без всякой в казну пошлины»[1]. Этими сведениями ограничивается описание Кириловым донских казаков и Земли войска Донского. В отличие от описания большей части других местностей и территорий Российской империи, посвященное донским казакам описание не имеет таблиц, содержит мало цифровых данных и является нарративным. Такое описание отвечало потребностям государственного военного и гражданского аппарата, которому необходимо было иметь представление о военных силах, которые выставляло войско Донское, и об отпуске ему жалованья.

Дальнейшее развитие страноведения происходило в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. Оно определялось прежде всего потребностями усложнявшегося государственного управления. В основу новых страноведческих и регионоведческих описаний были положены статистические данные. В отличие от первой половины XVIII в., в отношении Дона они касались уже не только сведений о численности населения, о его военной службе и материальном обеспечении. Они имели также множество других показателей. Кроме того, стало складываться четкое представление о структуре подобных исследований. Такая структура стала включать

[1] *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. С. 193.

в себя в качестве составных частей разделы, посвященные природе региона, его населению, хозяйственной деятельности, и дополнительные сведения, связанные с особенностями населения региона и его культуры. Каждый из разделов также был сложным и включал в себя, в свою очередь, отдельные составные части.

Образцом такого исследования стало составлявшееся с 1822 по 1833 гг. «Статистическое описание Земли донских казаков» под руководством выдающегося донского историка и исследователя Дона В.Д. Сухорукова. Во время этой работы Сухоруков был назначен чиновником для особых поручений при председателе комитета по разработке «Положения об управлении войском Донским» генерал-адъютанте А.И. Чернышеве[1]. Общее наблюдение за этой работой было возложено на генерала И.Ф. Богдановича. Он был направлен на Дон в 1820 г. для руководства землемерными работами. Помощниками Сухорукову были определены донские офицеры А. Кушнарев, М. Кучеров, В. Поснов и другие[2]. Сам Сухоруков занимался этой работой вплоть до июля 1827 г., когда по предписанию он должен был сдать все дела и материалы и отправиться на службу в Кавказский корпус. Как отмечалось в предисловии к первой публикации «Статистического описания», сделанной в 1891 г., после отстранения от дел Сухорукова и начала Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. назначенные в помощь Сухорукову офицеры были заняты в канцелярии генерала Богдановича делами по организации снабжения армии. Только с ноября 1830 г. назначенные в помощь Сухорукову офицеры приступили вновь к этой работе, но уже без Сухорукова. К ним в помощь был назначен еще один донской офицер В.М. Пудавов. К 1834 г. труд был окончен, генерал Богданович и сотрудники Сухорукова получили за него награды. В то же время главный участник этой работы, В.Д. Сухоруков, остался без всякой награды. Отправленный на Кавказ, по официальной формулировке, «за принадлежность к тайным обществам», он только в 1839 г. смог вернуться в Новочеркасск[3]. Жил он в Новочеркасске недолго и в 1841 г. скончался[4].

---

[1] *Агафонов А.И.* Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов н/Д, 1986. С. 15.

[2] *Агафонов А.И.* История Донского края (XVI – первая половина XIX века. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д, 2001. С. 143.

[3] О важнейших сторонах жизни В.Д. Сухорукова, его ссылке на Кавказ, в Финляндию и затем вновь на Кавказ за период 1827–1839 гг. см.: *Коршиков Н., Королев В.* Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов н/Д, 2001. С. 7–18.

[4] *Попов И.* К биографии В.Д. Сухорукова // Сборник Областного войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск, 1901. Вып. 1. С. 14.

«Статистическое описание», как и «Историческое описание», создавались в связи с начинавшейся на Дону после смерти атамана М.И. Платова реформой, что требовало получения ясного представления о прошлом войска Донского и о современном его состоянии. В этой связи подготовка реформы определяла цель создания этих научных исследований. Но жанр их также оказывал влияние на их содержание. Так, в «Историческом описании» очевидной была зависимость от личности автора. Едва ли случайно уже после ссылки Сухорукова генерал-адъютант Чернышев делал все возможное для того, чтобы отредактировать этот труд[1]. Несколько иной характер имеет «Статистическое описание». Оно в большой степени опирается на цифровые данные, относящиеся к населению и хозяйству Дона, а также на учет особенностей географического положения и природных условий Земли войска Донского. До 1891 г. оно не публиковалось. Между тем, по оценке издателей, это произведение «представляет интерес как первый опыт статистического описания, не утративший свое значение и поныне»[2].

Из девяти глав «Статистического описания» первые пять глав посвящены природным условиям Земли войска Донского. Глава первая относится к положению, пространству и границам территории войска Донского. В главе описаны ее рубежи по данным официально утвержденной в 1786 г. Екатериной II карты. Что касается внутреннего административного деления Дона, то указано на разделение его территории в 1802 г. на семь округов под управлением сыскных начальств. Таким образом, разделение на сыскные начальства, существовавшее с середины XVIII в., сохраняло свои следы. При этом подчеркивалось, что «не было точных границ каждому округу», что объяснялось или упущением начальства, или иными причинами. Глава вторая содержит описание почв и дает оценку качества земли. При этом приводятся расчеты количества земель, признававшихся по своему качеству удобными, среднеудобными и неудобными. В целом, по оценке Сухорукова, по качеству своей почвы Дон «принадлежит к плодороднейшим областям России. Земля сия, в сравнении с внутренними губерниями, столь плодородна, что, требуя вдвое меньшего труда на свое возделывание, награждает она вдвое большим плодом»[3]. В третьей главе приводится описание климата, даются характеризующие его цифровые данные и делается сравнение трех климатических полос, которые выделяются с севера на юг. Подчеркнуто, что южная часть «самая благоприятнейшая для произрастания нежных древесных плодов, огородных овощей

[1] *Коршиков Н., Королев В.* Историк Дона В.Д. Сухоруков ... С. 13.

[2] Статистическое описание Земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. С. III.

[3] Там же. С. 15.

и хлебных растений», где «свободно на открытом воздухе созревают персики, абрикосы, тутовые плоды и виноград». Последняя глава, относящаяся к природным условиям, называется «Естественные произведения». В ней дается описание полезных ископаемых («Царство ископаемое»), растительного мира («Царство прозябаемое») и животного мира («Царство животное»). Из ископаемых Сухоруков обращал особое внимание на каменный уголь. Но на «сие полезное вещество» на Дону «не обращено внимания». Добывался он только на войсковые нужды и крестьянами в имениях чиновников, причем средства добычи угля «самые простые»[1]. В целом все описания природы давались с точки зрения природных условий для хозяйственной деятельности.

Две последующие главы относятся к населению Дона и к его территориальному размещению. Глава шестая называется «Населенность». Историческое вступление к этой главе, а также исторические замечания по мере изложения в главе материала весьма краткие, поскольку историческая часть рассматривается Сухоруковым в специальной книге «Историческое описание Земли Войска Донского». Тем не менее они представляют значительный интерес. Во вступлении говорится о том, что начало донского казачества относится к XVI в., что до конца XVII в. Дон давал «свободное убежище всякому пришельцу»[2], Сухоруков отмечал, что свободный прием способствовал росту населения на Дону. Но он выделил еще два обстоятельства, способствовавшие такому приросту. Первым из них был приход калмыков, которых причислили в «военное сословие», т.е. в казаки. Другим, значительно более важным для увеличения численности населения, он указывал приход малороссиян. Он справедливо отмечал, что малороссияне надеялись на вступление в казаки, но оказались в конечном счете крепостными донских чиновников. По его словам, чиновники основывали свое право в отношении крестьян на указе от 12 декабря 1796 г. об утверждении крестьян в полуденных губерниях, местах их поселения. К этому Сухоруков относился резко критически и подчеркивал, что ранее ничего подобного «не было дозволено никаким гласным законом»[3]. По существу, с данного исследования Сухорукова начинается изучение донского крестьянства и вопроса о распространении крепостного права на Дону. Вместе с тем Сухоруков приводил еще одну дату, к которой можно было отнести начало крепостного права малороссиян на Дону. Это перепись 1763 г., по которой все малороссияне, не причисленные к казакам, были записаны за станицами[4].

[1] Статистическое описание Земли донских казаков ... С. 53.

[2] Там же. С. 89.

[3] Там же. С. 90.

[4] Там же.

Глава содержит первое демографическое исследование донского казачества в прошлом и на период создания «Статистического описания». Сухоруков обращал внимание на причины недостаточно быстрого роста казачьего населения на Дону до XVIII в. Они определялись возможностью выхода из казачьего звания, редкостью браков внутри казачьей среды и значительными боевыми потерями. Кроме того, как он указывал, «Булавинский бунт в один год лишил Дон почти половины жителей», которых к тому времени насчитывалось до тридцати тысяч[1]. За более позднее время Сухоруков также прослеживал демографические процессы в войске Донском. Как он указывал, за период с 1805 по 1813 гг. прирост казачьего населения на Дону был очень незначительным, поскольку велись «непрерывные войны», в том числе «отечественная война с французами». После войн, с 1815 по 1822 гг., прирост населения, как он подчеркивал, был большим, и вообще, так быстро «могло бы возрастать число воинов донских, по естественному ходу населенности, если бы не было вовсе войн»[2].

Говоря о расселении казаков по территории войска Донского, Сухоруков подчеркивал, что в XVII в. более заселенным был Нижний Дон, «от нынешней Цымлянской станицы до Черкасска, куда непрерывно стекались толпы людей для добычи и промыслов». Но «время от времени», в связи с приходом населения из России, заселялась северная часть Земли войска Донского, включая Хопер и Медведицу. Отставала по численности населения, писал Сухоруков, средняя часть Дона, куда приходили казаки «лишь по свычкам в походах, или по удобству промыслов»[3]. Во второй половине XVIII в., как он отмечал, активно заселялись низовья Дона, а с последних лет этого столетия – Миусский и Донецкий округа[4].

В «Статистическом описании» приводились данные о численности населения в станицах. Обращает на себя внимание, что Сухоруков, делая выводы о положении казачества, подчеркивал необходимость сохранения в руках войска Донского излишков земли, «иначе благосостояние казаков не может быть прочно»[5]. Это было не случайно. Тем самым он обращал внимание на то, что расхищение земли донскими чиновниками, происходившее еще в XVIII в.[6], угрожало основам землепользования казачества на Дону в будущем.

За рамками задач, связанных с подготовкой реформы, осталась часть главы под названием «Наружность, нравы, образ жизни

[1] Статистическое описание Земли донских казаков ... С. 91.

[2] Там же. С. 95.

[3] Там же. С. 100.

[4] Там же. С. 101.

[5] Там же. С. 105.

[6] *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961. С. 149–166.

и обычаи казаков». В ней содержатся интересные описания, которые дают живую картину повседневной жизни казаков и даже их внешнего облика. В этой части заметна своеобразная перекличка с описанием станичного быта в труде есаула Е.Н. Кательникова «Исторические сведения Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний», написанным к концу 1818 г. Наличие этой части в главе очень характерно. Благодаря ей заметно, что экономические и географические описания начинали приобретать некоторые черты страноведческих исследований, в которых повседневной жизни, быту и культуре населения уделяется значительное внимание. То же самое относится к подробному описанию населенных мест. Это, прежде всего, город Новочеркасск и станица Старочеркасская, некоторые другие станицы, а также улусы донских калмыков.

Возвращение «Статистического описания» к задачам подготовки реформы в войске Донском заметно в главе восьмой «Промышленность». Под этим словом понимались в то время все отрасли хозяйства. По степени важности для хозяйства Земли войска Донского Сухоруков расставил отрасли ее так: «сельское домоводство»; «рыбная ловля»; «соляные промыслы»; «мануфактурная промышленность, или промышленность в изделиях»; «торговая промышленность». Такая расстановка характерна для общества на доиндустриальной стадии, на которой и пребывала в то время Земля войска Донского. Среди отраслей «сельского домоводства» важнейшее место на Дону занимало, как указывал Сухоруков, скотоводство и, что было особенно важно для казаков, коневодство. Из других отраслей он подчеркивал значение виноградарства и виноделия, хлебопашество же было развито меньше. Указывая на причины этого, Сухоруков отмечал трудности сбыта, а также конкуренцию скотоводства во Втором Донском округе и виноградарства в Первом Донском округе[1]. Для самых нижних донских станиц он особо отмечал экономическое значение рыболовства. Сухоруков писал в этой связи о конфликтах между казаками этих станиц, которые перегораживали сетями Дон, и другими станицами, расположенными выше по Дону, которым в таком случае не доставалось рыбы вообще. Только в 1822 г., отмечал он, ходатайство Комитета об устройстве войска Донского «положило преграду сему своевольству, и казаки снова увидели изобилие рыбы в Дону»[2]. «Мануфактурная промышленность» на Дону, по сведениям Сухорукова, была в тот период занята почти исключительно переработкой продукции «сельского домоводства». Точно так же вывоз из пределов Земли войска Донского ограничивался только сельскими товарами или результатами их переработки. Сухоруков отметил при том полезную деятельность для

[1] Статистическое описание Земли донских казаков ... С. 200.

[2] Там же. С. 214.

Дона состоявшего из казаков торгового общества, но большинство торгующих казаков, по его подсчетам, вели мелкую торговлю[1].

В девятой и десятой главах отражались особенности положения донского казачества как военного сословия, пользовавшегося привилегиями. Девятая глава содержит сведения о регалиях войска Донского, пожалованных русскими царями, десятая – о данных донским казакам правах и привилегиях. Сухоруков предложил классификацию этих прав и привилегий. К первому разряду он отнес принадлежащие казакам «с самого начала общественной жизни», ко второму – предоставленные им в период «состояния их под покровительством России», к третьему – пожалованные «со времени совершенного подданства их». По первому разряду это было правление, образ службы, владение землей и привилегия на рыбные промыслы. По второму – жалованье от царей за службу и беспошлинная торговля, по третьему – права на Манычские соляные озера и на продажу вина внутри войска Донского.

Особенностью данного статистического описания Земли войска Донского, помимо того что оно было первым, был его комплексный, междисциплинарный характер. Оно включало в себя материалы не только по статистике, но и по географии и геологии, демографии, экономике, сельскохозяйственным наукам, по истории и истории культуры. В этом отношении оно вполне соответствовало представлению о страноведении и как части его, регионоведении, как о комплексной дисциплине, которая включает в себя знания наук гуманитарного и естественного цикла. По оценке выдающегося донского экономиста С.Ф. Номикосова, «Статистическое описание» В.Д. Сухорукова «представляет труд весьма солидный, сообщающий богатейшие сведения по топографии, гидрографии и орографии края». Но вместе с тем, как он отмечал, это описание «не совсем удовлетворительно с точки зрения современной статистики, ибо слишком мало отводит места вопросам экономической жизни края». Упрек не вполне справедлив. Он сделан вне учета уровня науки того времени, когда Сухоруков работал над этим описанием. Номикосов далее упоминал труд Н.И. Краснова «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Земля войска Донского»[2]. Он отмечал, что это был «более или менее полный свод», содержавший «исторический, хорошо составленный очерк». Недостатком труда Краснова Номикосов считал наличие данных, которые «не всегда подвергались тщательной предварительной проверке»[3].

[1] Статистическое описание Земли донских казаков ... С. 226.

[2] Труды Н.И. Краснова с описанием Земли войска Донского будут рассмотрены специально.

[3] *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Земли войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 3.

Отсюда характерные черты фундаментального труда Номикосова. Во-первых, это самое значительное внимание в нем вопросам экономики Дона. Во-вторых, это опора на выверенные статистические данные. На это он вообще обращал особое внимание, делая следующее методологическое замечание: «Цель статистических изысканий – добыть живую истину, выражающуюся в цифрах». Отсюда, считал он, необходимо «путем кропотливого исследования самых мелочных чисел внести некоторую долю света в непроницаемый хаос первоначальных статистических данных, часто весьма неполных, страдающих неточностью и противоречием до такой степени, что они взаимно исключают друг друга». На этом основании он советовал «всегда держаться средних цифр, для добывания которых нужен возможно более обильный и разнообразный сырой материал, за возможно больший период времени»[1]. Конечно же, метод «средних цифр» подвергался обоснованной критике. Он не всегда давал возможность учесть качественные различия отдельных объектов экономико-статистического исследования внутри изучаемого общего явления. Тем не менее по сравнению с исследованиями прошлого, делавшимися при опоре на данные отрывочные, а зачастую случайные и недостаточно проверенные, в использовании метода «средних цифр» был определенный шаг вперед.

По сравнению со «Статистическим описанием» Сухорукова в труде Номикосова произошли изменения в структуре. Историческая часть исследования составила отдельный «очерк», который назван «культурно-историческим». В таком наименовании сказалось стремление в подаче исторического материала, который давал бы сведения не только и не столько о событиях прошлого, сколько об исторических особенностях культуры края.

Значительные изменения претерпела структура подачи материала, посвященного населению. Так, он стал включать общую характеристику не только населения, но и его бытовых особенностей, а также повинностей и податей, без учета которых невозможно представить положение казаков, калмыков и крестьян. Что касается экономического материала, то изменения по сравнению с трудом Сухорукова отражали перемены в экономике Дона за пятьдесят с лишним лет. Так, у Номикосова по-прежнему «сельскохозяйственная промышленность» занимает первое место. Но при характеристике этой отрасли ведущее место было отдано земледелию, тогда как скотоводство, которое еще Сухоруков выделял как важнейшую отрасль хозяйства на Дону, было поставлено на второе место. Что касается промышленности, то при ее описании Номикосовым была особо выделена «каменноугольная промышленность и «фабрично-заводская промышленность», которых еще недавно на Дону не было.

[1] *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Земли войска Донского. С. 1.

Появление этих отраслей отражало модернизационные процессы, затрагивавшие Дон в результате буржуазных реформ при Александре II. В то же время сохраняли значение традиционные промыслы, такие как рыболовство, охота и звероловство, а также ремесло и извозный промысел. Еще одним отражением развивавшейся модернизации было появление главы «Образованность», в которой она разделялась на «религиозную» и «умственную». Содержала эта глава и раздел «Нравственность», важный для представления об особенностях культуры и системы ценностей населения Дона, а также о распространении правонарушений. Новой главой было «Донское земство», что было связано с распространением в 1876 г. земской реформы на Область войска Донского[1], а также главы «Кредитные учреждения» и «Общества филантропические и иные», что также отражало распространение кредитных отношений и начал этики буржуазного общества, где филантропия занимает определенное место. Такая структура позволяла отразить изменения, которые произошли в войске Донском в пореформенный период.

В интересном и весьма полном культурно-историческом очерке, характеризуя разные стороны жизни раннего казачества, Номикосов не избежал его идеализации. Он правильно писал, что казаки как люди «глубоко религиозные» «на всякого нехристя смотрели как на врага». Но при этом, будто бы «нося в душе своей присущую русскому человеку искру божественной правды, казаки с этими самыми врагами, раз они становились не опасны, обращались человечно. История не представляет нам примеров безумной жестокости казаков по отношению к их пленникам и пленницам»[2]. На самом деле, в источниках есть и другие примеры. По мнению Номикосова, «перелом в жизни казачества» стал происходить с царствования Петра I, который «отлично понимал необходимость насаждения гражданственности среди казаков»[3]. Но он при этом справедливо указал, что «Булавинский бунт дорого обошелся донскому казачеству». По его данным, было «побито и казнено» семь тысяч казаков[4]. Также Номикосов указывал на понижение уровня отношений между войском Донским и русской властью после этого восстания. Если ранее сношения шли через Посольский приказ или казаки обращались прямо к царю, то теперь для них «первую роль играет комендант

[1] *Волвенко А.А.* Земская реформа в Области войска Донского (1864–1882) // Государственная власть и местное самоуправление. 1998. № 1. С. 49–88; *Перетятько А.Ю.* Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов на/Д, 2014. С. 55–64.

[2] *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Земли войска Донского. С. 17.

[3] Там же. С. 21.

[4] Там же. С. 24.

крепости» Святой Анны, а затем Святого Димитрия[1]. Это должно было означать усиление правительственной власти над войском Донским.

Номикосов подробно характеризовал сложности распространения на Дону земледелия в первой половине XVIII в. из-за нападений кубанских татар, указывал на то, что на долю казачки выпадал в условиях постоянных отвлечений казаков на службу тяжкий повседневный труд. Он писал о попытках атамана Степана Ефремова расширить свою власть, которые закончились арестом его в 1772 г., о положении на Дону во время Пугачевского восстания и о мерах властей для предотвращения его распространения на Дон. Упоминал он о событиях на Дону в 1792–1794 гг., когда имело место казачье выступление против задуманного властями переселения семейных казаков на Кубанскую линию. Номикосов правильно отмечал, что восставшие казаки были подвергнуты жестокому наказанию, указывая, что «48 старшин и 298 казаков закованы в кандалы, а 1645 человек наказаны плетьми», но массовое переселение было отменено, и правительство ограничилось «высылкой только тысячи семейств». Другой, как он писал, «великою милостью» Екатерины II, на которую он указывал, была высочайшая грамота войску Донскому на землю 1793 г. с выдачей карты[2]. Также Номикосов прослеживал процесс распространения на Дону крепостного права. Он указывал на перепись 1762 г., после которой в станицах и у чиновников появились приписные крестьяне[3], а также на указ 1796 г., закреплявший крестьян в местах их поселения, где они были застигнуты этой переписью[4], и на случаи вывоза великорусских крестьян донскими старшинами, которые приобретали их у русских помещиков[5]. Номикосов приводил сведения о построении Новочеркасска и других преобразованиях, происходивших при атамане М.И. Платове. Он справедливо подчеркивал, что еще атаман Платов понимал необходимость реформ на Дону, а его преемник, А.К. Денисов, «сразу очутился лицом к лицу с величайшим хаосом беспорядков и неурядиц»[6]. Он давал сведения о реформах на Дону и о новом порядке управления, установленном с 1835 г., в результате реформы. По его словам, становление «мирной гражданской жизни» на Дону

[1] *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Земли войска Донского. С. 25.

[2] Там же. С. 34.

[3] Там же. С. 30.

[4] Там же. С. 36.

[5] На наличие двух точек зрения о времени распространения на Дону крепостного права указывал И.А. Ревин. Большинство историков относит это к указу Павла I 1796 г., донской историк П.П. Сахаров – к 1766 г. См.: *Ревин И.А.* Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье. Ростов н/Д, 2005. С. 10–11.

[6] *Номикосов С.Ф.* Указ. соч. С. 38.

уже в период реформ Александра II «не убило воинственный дух казаков, и минувшая турецкая война (1877–1878 гг. – Н.М.) воочию убедила, насколько еще живы в среде донского казачества славные боевые предания»[1].

Как в первую очередь экономист, Номикосов уделял особое внимание истории хозяйственного освоения Дона. «На рассвете истории войска Донского казак-воин в мирное время жил охотой; потом он кормился скотоводством; ныне, вне службы царской, зарабатывает свой хлеб, занимаясь преимущественно земледелием. Будущее всецело находится в руках казака-горнопромышленника и горнорабочего»[2], – писал он. Тем самым он выделял важнейшие этапы в развитии экономики донского казачества, которыми были у него присваивающее хозяйство, производительное аграрное хозяйство и начало перехода к индустриальной экономики периода модернизации. На каждой из этих стадий выделялись особенности личности и социального облика связанных с этим хозяйством казаков, и в развитии горной промышленности он усматривал несомненный прогресс. Что же касается фабрично-заводской промышленности, то он, в отличие от Сухорукова, выделял ее и посвятил ей целый раздел. Однако, по его словам, «заводская промышленность в области стоит на низкой степени развития и далеко еще не находится в соответствии с местными условиями края, ни с размерами добывающей промышленности, ни с потребностями жителей в изделиях заводского производства»[3]. О положении нарождавшегося на Дону рабочего класса он не говорил вообще. Между тем на Дону этот социальный слой уже к тому времени начинал формироваться. Что же касается упоминавшегося Номикосовым «горнорабочего», то об очень тяжелом труде на шахтах было в то время уже хорошо известно[4].

Опора на статистические методы исследования не помешала, однако, Номикосову видеть определенную ограниченность чисто статистического подхода. Поэтому дополнял он его живым наблюдением за жизнью разных слоев населения Дона. Он наглядно показывал культурно-исторические особенности казачества Верхнего и Нижнего Дона. По его словам, казаки из «низовых станиц исстари были склонны к промыслам легким и добывали свой насущный хлеб не таким изнурительным и утомительным трудом, как верховцы. Верховые казаки исключительно земледельцы, тогда как низовые отчасти рыбаки или скотоводы, отчасти огородники

[1] *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Земли войска Донского. С. 51.

[2] Там же. С. 524.

[3] Там же. С. 532.

[4] *Хлыстов И.П.* Дон в эпоху капитализма. 60-е – середина 90-х годов XIX века. Очерки из истории Юга России. Ростов н/Д, 1962. С. 139–140.

и садоводы и только отчасти земледельцы. Этим разнообразием занятий объясняется и разнообразие в типе низового казака, отличающегося от казака верхового». Поэтому благодаря «привольной жизни и не столь изнурительному труду, низовые казаки выглядят красивее верховых; одеваются щеголеватее и изысканнее, в более ценные ткани; дома строят красивее и обставляют свои жилища комфортабельнее»[1]. Впрочем, он показывал, насколько опасен труд казака-рыбака из низовых станиц Дона. «Мы не скажем, чтобы труд рыболова был тяжелее труда земледельца, но он рискованнее и опаснее»[2], – писал Номикосов. Кроме того, он заметил, что социальное расслоение среди казаков Нижнего Дона более заметно, чем на Верхнем Дону. Так, в низовых станицах «среди простых казаков попадаются богачи, ворочающие многими тысячами, и рядом проходимцы, едва добывающие насущный кусок хлеба». Но в верховых станицах «благосостояние разлито ровнее, нет особенно крупных состояний и нет нищеты». Отмечал он также разницу в положении женщины-казачки на Верхнем и Нижнем Дону. «Верховая казачка прядет шерсть и приготовляет сукно, вяжет перчатки и чулки; низовая этими работами не занимается, ибо она, в большинстве случаев, барысня»[3], – указывал он. В труде Номикосова, однако, об отдельных поселениях Дона даются весьма ограниченные сведения. Между тем для страноведческого и регионоведческого исследования описания и разносторонние характеристики населенных мест составляют обязательный элемент.

С неспособностью реформаторов понять особенности казачества и его отношения к самоуправлению Номикосов связывал неудачу земской реформы на Дону. Он указывал, что «казаку, приученному трехвековой историей к широкому самоуправлению в своих местных делах, дико показалось вмешательство в них не начальства, повиноваться которому он привык на войне и в мире, а совершенно чуждых людей, в избрании которых участвовал от станицы один лишь гласный». Отсюда, по его мнению, не удивительно, что такая плохо подготовленная и не учитывавшая особенности казачества реформа в 1882 г. была в пределах Области войска Донского свернута.

Фундаментальный труд С.Ф. Номикосова давал общее представление о населении Области войска Донского, ее экономике, важнейших сторонах культуры и быта населения и его повседневности. В нем были отмечены и проанализированы важнейшие перемены, которые произошли в крае за период буржуазных реформ при

[1] *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Земли войска Донского. С. 299.

[2] Там же. С. 302.

[3] Там же. С. 300.

Александре II. Анализ статистических данных дополнялся материалом описаний, опиравшихся на доскональное знание донской истории, разных слоев населения области и их культурных особенностей. Этот труд послужил отправным материалам для дальнейших исследований хозяйства и бытовой культуры населения Дона, которые с исключительной тщательностью проводил донской экономист И.В. Тимощенков. Он также выступал в качестве предпосылки возникновения посвященных Дону частей в страноведческих описаниях, относившихся к России, и регионоведческой литературы о Доне, возникавшей в конце XIX – начале XX в.

Современные историографические приоритеты в изучении национального строительства на Северном Кавказе (на примере Чечни и Ингушетии) в 20–30-е гг. XX в.

Т.У. Эльбуздукаева, Е.А. Изрипова

Глубокая трансформация в общественно-политической и экономической жизни народов СССР в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. обусловила изменение приоритетов общества в области методологии исторических исследований национального строительства на Северном Кавказе. С того времени на читателя хлынула лавина новых работ – статей, публикуемых на страницах периодических изданий, сборников документов и материалов, монографий, диссертаций[1]. Были сняты запреты на изучение «опасных» тем, открылись двери архивов и спецхранов библиотек, началась активная публикация зарубежной литературы – интерес к истории вырос необычайно.

Трудно было ожидать в годы перестройки объективных исследований, поскольку не профессиональные историки, а публицисты, выявлявшие сенсационные материалы и предававшие их гласности на страницах многочисленных периодических изданий, правили бал. Политические проблемы, болевые точки истории, поднимаемые прессой, обсуждала вся страна, что в конечном итоге помогло расшатать ситуацию в стране в целом и на Северном Кавказе в частности. В современной историографии идеологические соображения

[1] *Островнин О.И.* Национальное строительство и национальный вопрос в СССР. М., 1987; *Беленчук Л.Н., Бугай Н.Ф., Кудюкина М.М.* Межнациональные отношения в историографии автономных республик и областей РСФСР // Историография национальных отношений в СССР. 1985–1987 гг. М., 1988; *Ахмедов Д.Н.* Национальная печать на Северном Кавказе. Махачкала, 1989; Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986; *Беджанов М.Б.* Ленинская национальная политика и ее деформация в годы сталинщины. Майкоп, 1991; *Денисов Н.Г.* Кавказская армия труда в борьбе за восстановление народного хозяйства Юго-Востока Европейской части РСФСР в 1920–1922 гг.: дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1982; *Кубов Ч.Ч.* Исторический опыт партийного руководства в национальных автономиях Северного Кавказа в переходный период к социализму. Майкоп, 1990 и др.

продолжают преобладать над потребностями научного анализа. Исследователи пришли к выводу, что общество, чей облик предстояло радикально изменить, было тем самым обществом, которое сформировалось в 30-е гг. XX в. Попытки понять происходящее в 1920–1930-гг., разобраться в проблемах, дать объективную оценку событиям того времени присутствуют во многих публикациях. Но зачастую были и поиски сенсаций, стремление обвинить советскую власть, большевистскую партию, В.И. Ленина, идеализировать деятелей из враждебного советской власти лагеря[1]. Политика советской власти на Северном Кавказе получала в работах историков негативную оценку, а лидеры освободительного движения превращались в национальных героев[2].

Трагические события 1990-х гг. в Чечне на долгое время приковали внимание публицистов и ученых всего мира, заставили заняться изучением истории чеченского народа. Историки стремятся переосмыслить исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе[3].

---

[1] *Даудов А.Х.* Горская АССР (1921–1924 гг.) // Очерки социально-экономической истории. СПб., 1997; Тайны национальной политики ЦК РКП. М., 1992; Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992; *Баранов А.В.* Социально-политическое развитие Северного Кавказа в годы НЭПа. СПб., 1996; Чечня и Россия: 200-летняя война. СПб., 2000; Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999 и др.

[2] *Ахмадов Я.З.* Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией. Грозный. 1991; История национально-государственного строительства в СССР. М., 1989; *Авторханов А.Г.* Империя Кремля. М., 1991 и др.

[3] *Баграмов Э.А.* Обновление национальных отношений – веление времени: сб. ст. М., 1990; *Беджанов М.Б.* Проблемы национальных отношений на Северном Кавказе и пути их решения. Майкоп, 1997; *Вдовин А.И.* Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 2002. № 3. С. 3–54; *Дзидзоев В.Д.* Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995; Национальная политика России: история и современность. М., 1997; Великий Октябрь в исторических судьбах народов Северного Кавказа: сб. ст. Махачкала, 1989; *Моренов И.С.* Национальные интересы России на Северном Кавказе: исторический опыт и современная практика обеспечения (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук. М., 2003; Национальная политика России: история и современность. М., 1997; *Гонов А.М.* Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20–30 годы). Ростов н/Д, 1997; Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии. Ростов н/Д, 1995; Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995; *Потоков Н.Н.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX в.: дис… канд. ист. наук. Майкоп, 2000; *Шнайдер В.Г.* Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 – конец 1950-х гг.): дис. … д-ра ист. наук. М., 2008; *Балаева А.Р.* Вклад русского народа в социально-экономическое и культурное развитие Чеченской Республики в 1920–1930-е гг.: дис… канд. ист. наук. М., 2010 и др.

В последнее время в исследовании истории национальных республик Северного Кавказа, в том числе Чечни и Ингушетии 1920–1930-х гг., отчетливо проявились две тенденции. Одна – популистская, упрощенная, вновь рождающая схемы и стереотипы (с разницей лишь в знаках, когда минус поменяли на плюс). Другая – попытка объективного осмысления исторического материала.

В работах видного российского ученого и государственного деятеля Р.Г. Абдулатипова много внимания уделено национальному вопросу на Северном Кавказе, изменениям в мировоззрении горцев в годы советской власти, особенностям их этносоциальной идеологии[1]. По заключению В.А. Тишкова, одной из причин сложившейся ситуации, в которой главенствует идеологический фактор, следует признать перегруженность советской системы «политической концептуальностью и разного рода предписаниями, без которых было бы невозможно жесткое регулирование представлений и поведения ее членов. В лексике ученых и политиков настолько прочно утвердились категории-демиурги, что выражение каких-либо сомнений насчет их адекватности реалиям вызывало неприятие даже в условиях идеологической либерализации»[2].

Потребность переосмыслить историю края с точки зрения современных подходов привела к росту числа историографических исследований. Принципиальное значение для исследования конкретных историографических проблем национально-государственного строительства в регионе имело обращение историков к вопросам теории и методологии. Немаловажным было и обращение к вопросу о взаимоотношении исторической науки, идеологии и политики. Особую группу историографических работ составляют статьи и очерки[3],

---

[1] *Абдулатипов Р.Г.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 3–17; *Его же.* Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе. М., 1999; *Его же.* Национальные вопросы и государственное устройство России. М., 2000 и др.

[2] *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 31.

[3] *Аникеев А.А., Лубский А.В.* Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 1997. № 3. С. 53–64; *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005; *Шеуджен Э.А.* Проблемы местной истории в новой историографической перспективе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1997. № 4. С. 57–61; *Ее же.* Проблемы северокавказской историографии // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: мат-лы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.). Ростов н/Д, 2000; *Кузьминов П.А.* Кавказоведение на грани веков. URL: http://kvkz.ru/stati/2801-kavkazovedenie-na-grani-vekov.html (дата обращения: 27.04.2017); *Бугаев А.М.* Исторический опыт строительства национальной государственности чеченского народа // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. Вып. 4(1). С. 9–21 и др.

в которых ставился вопрос о современных тенденциях развития кавказоведения, новых методологических подходах, достижениях и недостатках исследовательского поиска историков.

На Северном Кавказе, в регионе с чрезвычайно разнообразным в этнокультурном отношении составом населения, регулятором социальной активности этносов в течение длительного времени выступали различные формы национальной государственности, придававшие легитимность их существованию и деятельности. Осмысливая малоизученные сюжеты советской истории Северного Кавказа, Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлынина отмечали опасность «обновленного исторического знания, вызывающего к жизни не одну "войну исторической памяти" и взаимных претензий народов друг к другу»[1].

Для народов Северного Кавказа процесс национально-государственного строительства в форме непосредственного предоставления им отдельных автономий начался в 1921 г. и совпал с распадом Горской автономной республики по национальному признаку. В исследованиях Т.П. Хлыниной природа национально-государственных образований рассматривается двояко: с одной стороны, как «акт доброй воли молодого советского государства», с другой – как «стремление народов к самосохранению в условиях революционного хаоса».

В совместной монографии Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлыниной «История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография» раскрываются механизмы формирования нового историографического пространства советской истории региона, ее взаимоотношения с «большой» наукой и политикой. В настоящее время получила развитие региональная наука, происходит перестройка системных и институциональных основ научного знания, формами которых все чаще становятся глобалистика и регионалистика. Они оказывают заметное воздействие на отраслевую историческую науку, ее инфраструктуру, язык и стиль исторического письма[2]. Исследователи выражают опасения в том, что этнотерриториальная разобщенность гуманитарной и социальной науки, узость разрабатываемой проблематики многих научно-исследовательских учреждений способствует «выпуску научной продукции, содержащей недостаточно достоверные, мифологизированные, идеологически и политически ангажированные оценки исторических процессов и современного состояния дел на Юге России»[3].

---

[1] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Советский Северный Кавказ в 1920–1940-е гг.: проблемные зоны современной отечественной историографии // Вестник Южного научного центра РАН 2009. Т. 5. № 3. С. 76, 78.

[2] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009. С. 6, 11.

[3] Там же. С. 13–14.

Современная историография проблемы национально-государственного строительства в 1920–1930-е гг. демонстрирует как приверженность сложившимся традициям ее изучения, так и стремление к применению теоретико-методологических достижений последних десятилетий. Совмещение этих двух исследовательских практик приводит зачастую к весьма любопытным «открытиям», демонстрирующим поиски новой модели понимания проблемы, неотъемлемой частью которой являются усилия ученых по наполнению концепта «национальная государственность» новым содержанием. Современная историографическая практика в исследовании национально-государственного строительства на Северном Кавказе характеризуется «невосприимчивостью к теоретическому наследию предшественников». Традиции широкого обсуждения применяемых исследователями понятий уступили место не менее широким доктринальным построениям. Многие из них, при всей масштабности и многоплановости решаемых проблем, используют те же «скомпрометированные временем и практикой социалистического строительства» определители[1].

А.М. Бугаев в статье «Исторический опыт строительства национальной государственности чеченского народа» исследует актуальные вопросы истории становления и развития национальной государственности чеченского народа, выдвигает свою концепцию этапов государственного строительства в контексте исторического развития[2].

Среди исследований по историографии национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917–1937 гг. заслуживают внимания труды Т.П. Хлыниной, в которых учтены новые концептуальные подходы в развитии кавказоведения[3].

---

[1] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа ... С. 25–26.

[2] *Бугаев А.М.* Исторический опыт строительства национальной государственности Чеченского народа // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. Вып. 4 (1). С. 9–21.

[3] *Хлынина Т.П.* Горская АССР и ее роль в национальном самоопределении народов Северного Кавказа: историографический аспект проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. 2002. № 3–4. С. 52–58; *Ее же.* Современная историография о причинах административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки (приложения). 2003. № 4. С. 54–62; *Ее же.* Советские республики и их роль в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе в осмыслении отечественной историографии // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Вып. 6, 7. С. 66–79; *Ее же.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы: проблемы современной историографии // Отечественная история. 2005. № 1. С. 154–163; *Ее же.* Деятельность Наркомнаца по развертыванию

Она отмечала: «Большинство специалистов ограничивает начальный этап национально-государственного строительства на Северном Кавказе 1917–1936 годами, периодом наиболее интенсивных изменений, затрагивавших основы формирования автономных образований края. Поэтому далеко не случаен и повышенный интерес исследователей к обозначенному периоду времени. С его

национально-государственного строительства на Северном Кавказе: состояние и перспективы исследования проблемы // Научная мысль Кавказа. 2005. № 3. С. 35–40; *Ее же.* Административно-хозяйственные преобразования 1920-х годов: поиски приоритетов // Нэп и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность: материалы Всероссийской научной конференции, Славянск-на-Кубани, 17–20 октября 2001 г. Краснодар, 2001. С. 212–214; *Ее же.* Формирование советской национальной государственности у народов Северного Кавказа: состояние и проблемы исследований // Народы и власть в истории России: проблемы исследований: Северный Кавказ в 1920–1990-е годы: сборник научных статей, посвященных 60-летию со дня рождения Н.Ф. Бугая. Майкоп, 2002. С. 135–155; *Ее же.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа, 1917–1937 гг. (Проблемы историографии): дис. … д-ра ист. наук. М., 2003; *Ее же.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003; *Ее же.* Становление советской национальной государственности на Северном Кавказе в условиях формирования гражданского общества // Гражданское общество в России: проблемы формирования и развития: материалы межвузовской научно-практической конференции, состоявшейся 25 апреля 2003 г. в г. Майкопе. Майкоп, 2003. С. 145–152; *Ее же.* Чистки и лишение избирательных прав советских граждан в 1930-е годы: штрихи к портрету времени // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральных, региональных социально-экономических и политических процессов). Ученые записки. Выпуск 3. Пятигорск, 2004. С. 94–103; *Ее же.* Национально-государственные образования в составе Северо-Кавказского края: опыт 1920-х гг. // Государственно-правовая система России: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции (2 ноября 2006 г.). Майкоп, 2006. С. 229–233; *Ее же.* Национальный вопрос и межнациональные отношения на Северном Кавказе в первое послеоктябрьское десятилетие // Власть и общество: национальная политика и межнациональные отношения (исторический опыт и современность). 1906–2006 гг.: материалы краевой научно-практической конференции. Адлер, 7–11 октября, 2006 г. Краснодар, 2006. С. 258–263; *Ее же.* Проблемы истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX в. // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа: Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Ростов н/Д, 2007. Вып. 45. С. 120–146; *Ее же.* Повстанческое движение 1920–1930-х гг. на Северном Кавказе в лабиринтах современной историографии: основные концепты и исследовательские практики // Чеченцы в сообществе народов России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г. Грозный, 18–19 декабря 2008 г.): в 2 т. Т. 2. Назрань, 2008. С. 357–366 и др.

осмыслением связаны практически все историографические наработки, существующие на сегодняшний день в литературе»[1]. Складывавшийся на протяжении многих десятилетий интернациональный образ советского Северного Кавказа стремительно утрачивает свое привычное понимание и все чаще воспринимается в качестве «потенциального очага межэтнической напряженности». В оценках политической природы советских республик все чаще стали подчеркиваться вынужденный и чрезвычайный характер обстоятельств, вызвавших их к жизни. Наряду с поисками внятного обозначения не прекращавшихся вплоть до конца 1940-х гг. «малых гражданских войн» в регионе исследователи сосредоточивают свои усилия и на проработке конкретных сюжетов, связанных с организацией и действиями отдельных повстанческих отрядов и армий, а также реакции населения на действия советской власти.

Появление и развитие сети Интернет предоставили научному сообществу историков новую технологию научно-информационного обмена, которая кардинально изменила ситуацию в отношении не только любительского, но и профессионального изучения региональной истории. Общий их недостаток – нечеткость структуры и низкий уровень представительности данных, а также ориентация на фактологию, а не на источники[2].

Практически все работы по истории национально-государственного строительства в регионе затрагивают и вопросы административно-территориального обустройства его народов. Внутреннее районирование, начавшееся в автономных областях после уточнения их внешних границ, выявило и достаточно болезненную проблему острой нехватки земли в самих автономиях. В условиях Северного Кавказа она начинает звучать как проблема «спорных территорий и межэтнических противоречий»[3]. Исследователи отмечали, что уже на начальном этапе национально-государственного строительства «территориальный принцип уравновешивался хозяйственными потребностями автономий». Намерение партийного руководства «буквально следовать лозунгу “самоопределения наций” наталкивалось на ряд непреодолимых трудностей и вынуждено было их учитывать»[4].

Анализируя историографическую практику национально-государственного строительства на Северном Кавказе, в том числе в Чечне и Ингушетии в 1920–1930-е гг., Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлынина указывали на возросший интерес исследователей к осмыслению

[1] *Хлынина Т.П.* Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2003. С. 5.

[2] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа ... С. 21.

[3] Там же. С. 90–91.

[4] Там же. С. 97.

той роли, которую сыграли первые советские республики в обретении народами Северного Кавказа собственных национальных образований. Она имела определенную логику своего развития, которая не всегда обуславливалась сугубо научными потребностями, но тем не менее отражала общую ситуацию в понимании специалистами самого процесса национально-государственного строительства в регионе.

Сопоставление современных практик нациестроительства в регионе свидетельствует о том, что сосуществуют две его основные формы выражения: система национально-территориальных образований и экстерриториальная организация этносов. При этом если первая форма признается оптимальной, хотя и нуждающейся в дальнейшем совершенствовании (предоставление возможностей создания новых национальных районов, республик) титульными этносами региона, то вторая призвана эффективно справляться с удовлетворением национальных потребностей диаспор. Востребованность национальных автономий на Северном Кавказе связана как с историческим опытом успешного развития народов, так и их восприятием в качестве основного гаранта сохранения культурной самобытности народов. Вопросы образования и последующего развития национальных автономий становятся своеобразной «монополией» северокавказских историков. Именно их работы подготовили появление в 1990-е гг. нового историографического направления с явно выраженными национальными особенностями истории народов региона[1].

[1] *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа ... С. 51.

Накануне крушения: тенденции формирования украинской историографии этнической идентичности и нациестроительства (1992–2013 гг.)

А.В. Баранов

Актуальность темы статьи проявляется в том, что после распада СССР научные сообщества постсоциалистических стран вовлеклись в идеологизированный процесс нациестроительства. Особенно важна в конструировании новых наций роль профессиональных историков, поскольку они могут создавать «упорядоченные» образы, осмысливать символы национальной гордости и ключевые события прошлого. Украинская историография этнической идентичности и нациестроительства находится в сложном положении: одновременно решаются задачи конструирования гражданской нации на моноэтничной и моноязыковой основе (на наш взгляд, малоуспешно) и этнополитической мобилизации (что слабо совместимо с объективным, научным осмыслением истории).

Цель работы – определить особенности формирования украинской историографии этнического самосознания и нациестроительства в 1992–2013 гг. Выбор хронологических рамок проведен по критерию политико-идеологических императивов направленности историографии: от провозглашения независимости Украины до «майданного» переворота, навязавшего общественному мнению и научному сообществу историков страны националистические оценки прошлого. Мы считаем важным определить альтернативность развития историографии истории Украины в западных, южных и восточных регионах страны. Именно оппозиционные, пророссийские концепции истории Украины стали важным идейным ресурсом воссоединения Крыма с Россией, движения за независимость Новороссии (2014–2016 гг.).

Источниковую основу статьи составили обобщающие публикации украинских историков[1], школьные и вузовские учебники

[1] *Удовик С.Л.* Історія Русі – України: фотокнига. Київ, 2010; *Касьянов Г.В.* Україна 1991–2007: нариси новітньої історії. Київ, 2008. С. 120–141.

и атласы[1], а также материалы анкетных опросов, характеризующих восприятие истории Украины в общественном мнении страны[2].

Степень изученности проблемы достаточно высока, но неравномерна по направлениям. В наибольшей мере российские историки С.В. Константинов, А.И. Ушаков[3], А.И. Миллер[4] уделяют внимание тенденциям «национализации» украинской историографии, стратегиям государственной власти по формированию национального самосознания методами истории. Другое научное направление – анализ историографии ключевых дискуссионных аспектов истории Украины. Таковы работы о событиях Хмельнитчины[5], дореволюционного украинского национализма[6], украинизации 1923–1932 гг.[7], Великой

[1] *Кульчицький С.В. Лебедєва Ю.Г.* Історія України. 11 клас. Київ, 2011; *Пометун О.І., Гупан Н.М.* Історія України. 11 клас. Київ, 2011; *Пометун О.І. Гупан Н.М.* Історія України. 10 клас. Київ, 2012; *Выговская В.И.* История Украины. Даты, события, комментарии. Понятия и термины. Тесты. Киев, 2006; Політична історія України: навчальний посібник. 2-е вид., доп. / за ред. В.І. Танцюри. Київ, 2008; Атлас з історії України (1900–1921 рр.). 10 клас / упоряд. О.В. Гісем, Д.В. Ісаєв, О.О. Мартинюк. Київ, 2010; Атлас з історії України (1939–2005 рр.). 11 клас / упоряд. О.В. Гісем, Д.В. Ісаєв, О.О. Мартинюк. Київ, 2009.

[2] *Ляшенко А.* Историческая память украинцев: точки сближения и разрыва // Research and Branding Group. URL: http://rb.com.ua/rus/analitics/socyum/7284/ (дата обращения: 20.03.2017); Культура національної пам'яті: європейський та український досвід // Проблеми української політики: аналітичні доповіді Інту політ. і етнонац. дослід. ім. І.Ф. Кураса НАН України / гол. редкол. Ю.А. Левенець. Київ, 2010. С. 255–337.

[3] *Константинов С.В., Ушаков А.И.* История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М., 2001. С. 33–44, 137–142.

[4] *Миллер А.И.* Прошлое и историческая память как факторы формирования дуализма идентичностей в современной Украине // Политическая наука. 2008. № 1. С. 83–100; *Его же.* Государство и нация в Украине после 2004 г.: анализ и попытка прогноза // Политическая наука. 2008. № 4. С. 109–124; *Его же.* Политика строительства нации-государства на Украине // Политическая наука. 2010. № 1. С. 76–99.

[5] *Горобец В.Н.* Украинско-российские отношения и политико-правовой статус Гетманщины (вторая половина XVII – первая четверть XVIII века) // Россия – Украина: история взаимоотношений / отв. ред. А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. М., 1997. С. 77–88; *Яковенко Н.* Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. М., 2012; *Миллер А.И.* Украинский вопрос в Российской империи. Киев, 2013.

[6] *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 43–107.

[7] *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920-е–1930-е годы. М., 2006; *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 160–475; *Хлынина Т.П.* Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 39; *Баранов А.В., Васильев И.Ю.* Причины провала украинизации на Кубани в годы Гражданской войны и нэпа // Клио. 2015. № 6. С. 61–67.

Отечественной войны[1]. Недостаточное внимание исследователей, на наш взгляд, уделяется политико-институциональным условиям развития исторической науки на Украине, осмыслению дискуссий 1990–2010-х гг. о нациестроительстве. Остаются малоизученными источники формирования исторических представлений, степень эффективности воздействия государственных и партийных трактовок истории на общественное мнение. Слабо исследованы региональные научные школы историографии на Украине.

Методологическую основу статьи составляет концепция исторической памяти, предложенная М. Хальбваксом[2]. А.И. Миллер обобщает методы и идеологемы целенаправленной политизации истории, ее государственного, этнократического или партийного контроля термином «историческая политика»[3]. Автор подчеркивает, что историческая политика представляет собой серьезный вызов и угрозу для профессиональной исторической науки. Данная политика не нацелена на создание объективного знания о прошлом, на равноправный диалог специалистов и общества, на верификацию источников и методик анализа. Напротив, историческая политика предполагает идеологический и цензурный контроль, стандартизацию «национально-лояльных» оценок прошлого[4]. Целенаправленное разрушение позитивного образа общей истории России и Украины перерастает в работах многих историков постсоветской Украины в конструирование альтернативных концепций, ориентированных на догмы противопоставления «европейской» Украины и «азиатской» России[5].

Анализ наукометрических показателей показывает, что ведущим аналитическим центром в данной сфере является Институт политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины (работы под редакцией Л.П. Нагорной, И.Ф. Кураса[6],

---

[1] *Портнов А.* Украинские образы Второй мировой войны // Вестник общественного мнения. 2011. № 2 (108). С. 86–92; *Тесля А.А.* Социокультурная память и стратегии коммеморации Великой Отечественной войны // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 2 (74); *Кринко Е.Ф.* Изучение Великой Отечественной войны в российской и украинской историографии: институциональный аспект // Былые годы. 2012. № 2 (24). С. 69–77.

[2] *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007.

[3] *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: сборник статей. М., 2012. С. 20–23.

[4] Там же. С. 22.

[5] *Касьянов Г.* «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке: сборник статей. М., 2012. С. 217–255.

[6] *Нагорна Л.П.* Національна ідентичність в Україні. Київ, 2002; Етнонаціональний розвиток України. Терміни, визначенння, персоналії / відп. ред. Ю.І. Римаренко, І.Ф. Курас. Київ, 1993; Етнополітологія в Україні. Становлення. Що далі?: збірник / редкол. І.Ф. Курас (голов. ред.) та ин. Київ, 2002.

А.М. Майбороды, И.Т. Зварича, В.О. Котигоренко[1]). Значителен вклад в прикладные этноисторические исследования специалистов Украинской академии государственного управления при Президенте Украины – П.И. Надолишнего, М.И. Пирена, В.А. Ребкало и М.И. Обушнего[2], Ю.И. Рымаренко[3]. Важны и обобщающие работы В.Б. Евтуха[4], И.О. Кресиной[5].

Обобщенная интерпретация тенденций постсоветской историографии нациестроительства в Украине в аспекте дистанцирования от России, от общего имперского наследия обоснована А. Портновым и А. Каревиным[6]. Они отмечают демонтаж представлений о единой древнерусской народности; пересмотр атрибуции ролей «чужих, захватчиков» (вместо поляков и крымских татар эта роль приписывается русским), замену классовой борьбы в роли движущей силы на «национальную историю». Причем в 1990-х гг. преобладала грубо-примордиальная трактовка украинской нации, прямолинейно выраженная В. Сарбеем: «этнос, нация... сами эти понятия и означают народ»[7]. Т.е. игнорировался конструируемый характер современных наций, их нетождественность этническим группам на различных этапах их истории, не говоря уже о полиэтничном и многоязычном характере населения Украины. Деструктивный потенциал несла в себе и метафора «национальное возрождение», направлявшая ход мыслей в заданное русло воспевания извечно существующего народа, его борьбы за независимость.

---

[1] Мовна ситуація в Україні: між конфліктом и консенсусом / редкол. О.М. Майборода (гол.) та ин. Київ, 2008; *Зварич И.Т.* Етнополитика в Украини: региональний контекст. Київ, 2009; *Котигоренко В.О.* Етнічні протиріччя и конфлікти в сучасній Україні: політологічний концепт. Київ, 2004.

[2] *Надолішній П.І.* Розбудова нової системи врядування в Україні: етнонаціональний аспект (Теоретико-методологічний аналіз). Київ; Одеса, 1999; *Пірен М.І.* Етнополітичні процеси в сучасній Україні. Київ, 2003; *Ребкало В.А., Обушний М.І., Майборода О.М.* Етнонаціональні проблеми в сучасній Україні: досвід, проблеми, перспективи. Київ, 1996.

[3] Україна: етнонаціональна палітра суспільного розвитку: слов.-довід. / видп. ред. Ю.І. Римаренко. Київ, 1997.

[4] *Евтух В.Б.* Етнополітика в Україні: правничий та культурологічний аспекти. Київ, 1997.

[5] *Кресіна І.О.* Українська національна свідомість і сучасні політичні процеси (етнополітологічний аналіз). Київ, 1998.

[6] *Портнов А.* Упражнения с историей по-украински. М., 2010; *Его же.* Україна: Сучасна історіографія українського націотворення: кілька спостережень // Процеси націотворення / упоряд. А. Каппелер. Київ, 2011. С. 39–47; *Каревин А.С.* Сумерки невежества. Технология лжи, или 75 очерков о современной фальсификации истории Украины. М., 2016.

[7] *Сарбей В.* Роздуми з приводу фундаментальної «Історії України» // Київська старовина. 1995. № 2. С. 8.

Результатом такой предвзятой установки стал поиск прародителей украинской нации среди индоевропейцев, в истории племен трипольской культуры и т.д.[1] по общей логике этнополитической мобилизации. Для нее характерны гиперпозитивный образ «своей» общности, удревнение и восхваление ее истории на фоне зеркально противоположных «образов врага», искусственная интеграция разнородных явлений и субъектов исторического процесса[2]. Идеологическое измерение данной школы историографии – многочисленные труды об «украинской национальной идее»[3].

«Национальная» история, проявляющаяся в системе образования Украины после распада СССР, превращает историю в трагедию с коллективной ответственностью живущих поколений за прошлое, раскалывает полиэтничное общество[4]. Формированию национальной идентичности Украины на гражданской, демократической основе препятствуют этноцентризм, конфликтное восприятие болевых точек истории и их политизация. Это чревато эскалацией угроз сепаратизма. Прошлое не может быть предметом стыда и мести, а должно стать аргументом признания «единства в многообразии».

Позитивным выходом стал бы, по мнению Т.П. Хлыниной, проект «исторического забвения» или «счастливой памяти»[5]. Проект исходит из необходимости изменения целей: изучение истории избавляет молодого человека от необходимости «ставить вопрос о вине родителей, вине предков и вине нации»[6].

Важным поворотным пунктом в развитии украинской историографии нациестроительства и идентичности стало освоение теоретического инструментария современной западной этнической истории и этнополитологии, в которой доминируют парадигмы конструктивизма и инструментализма (работ Э. Хобсбаума,

---

[1] *Шилов Ю.А.* Истоки славянской цивилизации. Киев, 2004; *Рассоха И.Н.* Украинская прародина индоевропейцев. Харьков, 2007; Трипільська цивілізація у спадщині України. Київ, 2007.

[2] *Ачкасов В.А.* Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2014. № 3. С. 81–89.

[3] *Черненко А.* Українська національна ідея. Дніпропетровськ, 1994. С. 3; *Римаренко Ю.І.* Українська національна ідея // Мала енциклопедія етногосударствознавства. Київ, 1996. С. 628, 626.

[4] Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума, 19–20 июня 2008 г. М., 2009. С. 51.

[5] *Хлынина Т.П.* Фактор общего прошлого и его возможности в развитии южного макрорегиона // Реалии многоукладного макрорегиона: потенциал обновления и препятствия развитию: материалы Расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (7 февраля 2012 г.). Ростов н/Д, 2012. С. 104–105.

[6] Настоящее прошлого … С. 51.

М. Хроха, Дж. Ротшильда, Б. Андерсона и др.)[1]. Соответствующие переводы и комментарии, а затем и самостоятельные работы на основе данных парадигм издаются с конца 1990-х гг. Особо отметим значение работ Г.В. Касьянова[2], вызвавших оживленную научную полемику. Сыграла важную роль в прикладном аспекте статья канадского профессора (украинца по происхождению) П.Р. Магочия. Он поставил вопрос об иерархии лояльностей украинцев в имперский период, что открыло возможность переосмыслить конкуренцию различных проектов идентичности[3], отвергнуть миф о непрерывном национальном строительстве. Другой представитель диаспоры, Дж.-П. Химка, сформулировал четыре альтернативы развития идентичности галичанских русин в XVIII – начале XX вв.: ассимиляция с поляками, «общерусская» идея, русинство и «украинский проект»[4]. Стали возможными объективный анализ причин возобладания украинства, сравнение ресурсов и структуры политических возможностей каждого из соперничавших проектов. В итоге парадигма «национального возрождения» постепенно уступала преобладанию в академической историографии конструктивистской парадигмы «нациестроительства».

Важный и до сих пор слабо осмысленный аспект развития историографии – дискуссии между обособленными региональными научными школами. С учетом контрастного этнического и конфессионального состава своих сообществ региональные элиты страны продвигают модели исторической политики, конкурирующие с общеукраинским (Новороссия – Юг и Восток Украины), а в отдельных случаях (Донбасс, Крым) – отвергающие общеукраинский проект истории.

Этнополитические аспекты истории русских на Украине, языковой идентичности и государственной политики в отношении русского языка раскрывали М.Б. Погребинский, А.К. Толпыго и др.[5],

---

[1] Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002.

[2] *Касьянов Г.В.* Україна 1991–2007: нариси новітньої історії. Київ, 2008. С. 120–141; *Его же.* Теорії нації та націоналізму. Київ, 1999. С. 295.

[3] *Магочій П.Р.* Українское національне відродження: нова аналітична структура // Український національний журнал. Київ, 1991. № 3. С. 97–107.

[4] *Himka J.-P.* The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions // Intellectuals and the Articulation of the Nation / ed. by R.G. Suny, M.D. Kennedy. Ann Arbor, 1999. P. 109–164; *Химка Дж.-П.* Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. // Историческая политика в XXI веке: сборник статей. М., 2012. С. 421–454.

[5] Русский язык в Украине: в 2 кн. Харьков, 2010; *Погребинский М.Б., Попов А., Толпыго А.К.* Формирование поликультурной Украины: исторический очерк и современное состояние // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. М., 2013. С. 237–281.

В.Г. Кремень, Д.В. Табачник, В.М. Ткаченко[1], С.Ю. Бунтовский[2], А.А. Олейников[3], В.А. Филатов[4], А.И. Фомин[5], В.Г. Алексеев[6]. Особое значение имела историко-публицистическая книга В. Корнилова, обосновавшая преемственность регионального движения Донбасса от Донецко-Криворожской республики, существовавшей в 1918 г.[7] А.С. Каревин детально обосновал отсутствие преобладающей украинской традиции в Новороссии до советского периода[8]. В условиях украинского кризиса 2014–2016 гг. эта научная традиция, по сути, сомкнулась с российской историографией проблемы (А.В. Шубин, О.Б. Неменский, В.А. Матвеев, А.В. Баранов)[9].

Наиболее дистанцированной от украинской была крымская историография 1990–2000-х гг. В Крыму, по сути, сформировались изолированные и противоречащие друг другу русская[10], украинская[11]

---

[1] *Кремень В.Г., Табачник Д.В., Ткаченко В.М.* Україна: альтернативи поступу: критика історичного досвіду. Київ, 1996.

[2] *Бунтовский С.Ю.* Украина: от Адама до Януковича. Очерки истории. Донецк, 2014.

[3] Русский мир Украины: язык, общество, геополитические аспекты: материалы кругл. стола. Киев, 1 апреля 2005 г. / редкол. А.А. Олейников и др. Киев, 2005.

[4] *Филатов В.А.* На каком языке нам молчать?: сб. статей. Донецк, 2004.

[5] *Фомин А.И.* Языковой вопрос в Украине: идеология, право, политика. Луганск, 2003.

[6] *Алексеев В.Г.* Бегом от Европы? Кто и как противодействует в Украине реализации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Харьков, 2008.

[7] *Корнилов В.* Донецко-Криворожская республика: расстрелянная мечта. Харьков, 2011.

[8] *Каревин А.С.* Как Новороссию превращали в Украину // Новороссия. Восставшая из пепла / авт. предисл. и сост. С.Н. Плеханов. М., 2014. С. 87–94.

[9] *Шубин А.В.* История Новороссии. М., 2015; *Неменский О.Б.* Модели южнорусской идентичности на Украине // Вопросы национализма. 2014. № 2 (18). С. 20–31; *Матвеев В.А.* Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение. Ростов н/Д, 2015; *Баранов А.В.* Этнополитика Российской империи: влияние на развитие Юга и Востока Украины (XIX – начало XX вв.) // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи: сб. науч. ст. / отв. ред. И.И. Горлова. М.; Краснодар, 2015. С. 79–97.

[10] *Алтабаева Е.Б., Коваленко В.В.* На черноморском перекрестке: Крым с древнейших времен до конца XVIII века. 4-е изд., перераб. и доп. Севастополь, 2014; *Алтабаева Е.Б., Коваленко В.В.* Потомству в пример: Севастополь от основания до начала XX века. 3-е изд. Севастополь, 2014; *Дюличев В.П.* Крым: История в очерках. XX век. Симферополь, 2005.

[11] *Поляков В.* Крым в годы Второй мировой: советские мифы и реалии // Сайт «Политическая кухня». URL: http://politkuhnya.info/istoriya/krym-v-gody-vtoroi-mirovoi-sovetskie-mify-i-realii/page1.print (дата обращения: 20.03.2017).

и крымскотатарская версии истории[1]. Для истории Крыма дискуссионными остаются проблемы взаимоотношений народов, Гражданской войны, коллаборационизма 1941–1944 гг., депортации 1944 г., оценки периода украинского правления 1992–2013 гг.

В Крыму централизованное регулирование содержания и идеологической направленности учебников региональной истории было слабым, непоследовательным. В обобщенном популярном труде В.П. Дюличева по истории Крыма регион осмысливался в качестве полиэтничного и многоконфессионального сообщества, которое крайне слабо связано с украинским историческим процессом[2]. А.В. Ставицкий в своих острополемичных очерках развенчивал мифы украинского национализма[3]. Напротив, историография крымскотатарского сообщества и его апологетов (М.Н. Губогло, С.М. Червонная, В.Е. Возгрин, Э.С. Муратова, Э.Э. Хайрединова и др.)[4] была самоизолированной от пророссийских исследований. Позитивный проект исторической памяти и нациестроительства как согражданства, федеративного общества многих равноправных наций и лингвистических групп аргументировали известный крымский историк А.В. Мальгин и его коллеги В.Е. Григорьянц, А.В. Ишин, С.А. Ефимов, А.А. Форманчук[5].

Таким образом, украинская историография нациестроительства и этнической идентичности в конце XX – начале XXI вв. развивалась по модели периферийного национализма, предполагающей гиперпозитивный образ своей общности, слабость теоретических моделей и, соответственно, компенсаторную роль мифотворчества и образа врага в историческом самосознании. Вместе с тем от примордиальной парадигмы национального возрождения украинской этнонации, не оставляющей пространства развития иных идентичностей, историческая наука Украины постепенно

[1] Ислам в истории и культуре Крыма: учеб. пособие для учителей общеобразовательных школ / под ред. А. Исмаилова, Э. Муратовой. Симферополь, 2013.

[2] *Дюличев В.П.* Крым: история в очерках: в 2 т. Симферополь, 2008.

[3] *Ставицкий А.В.* Национально-исторический миф Украины. Севастополь, 2015; *Его же.* Украинская «элита»: идентичность и глобальный выбор. Севастополь, 2013.

[4] *Губогло М.Н., Червонная С.М.* Крымскотатарское национальное движение: в 2 т. М., 1992. ; *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992; *Бойцова Е.Е., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З.* Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь, 2009.

[5] *Мальгин А.В.* Украина; соборность и регионализм. Симферополь, 2005; *Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В.* Федерализация Украины: к единству через разнообразие. М., 2011; *Ефимов С.А., Мальгин А.В.* Крымский регионализм. XX век // Автономная Республика Крым в XXI веке: опыт, проблемы, развитие: матер. науч.-практич. конф. Симферополь, 2006. С. 40–60; *Брошеван В.М., Форманчук А.А.* Крымская республика: год 1921. Симферополь, 1992.

переходила в 2000–2013 гг. к конструктивистской парадигме нациестроительства, осваивая понятийный аппарат и методики анализа современных общественных наук. Это создавало возможности конкуренции альтернативных проектов исторической и национальной идентичности, в силу особенностей страны, связанных с региональными историями Юга и Востока, Крыма.

Приход к власти национал-радикальных, профашистских группировок 22 февраля 2014 г. разрушил возможность демократического соревнования и научных дискуссий об основаниях украинской идентичности. В перспективе исторические исследования в Украине будут зависеть от геополитического выбора между Европейским союзом и Россией, что делает проблематичным преобладание компромиссных оценок истории.

Историческое образование в системе Международного бакалавриата (IB)

Д.И. Олейников

Заметное место в трудах Татьяны Павловны занимали проблемы преподавания истории. Она создавала учебники и методические разработки, писала о проблемах школьного курса истории, выступала с экспертными оценками существующих учебных пособий и программ. Задавала вопросы и искала ответы. Эта статья – попытка поиска ответов на том же «проблемном поле», на котором много и плодотворно трудилась Т.П. Хлынина.

* * *

«Мы перекормлены информацией и испытываем голод по знанию». Эта фраза довольно точно отражает как одну из глобальных проблем информационного общества, так и частную ситуацию, сложившуюся в современном преподавании истории. Предметы исторического цикла всегда имели дело с информационными потоками, а это только усиливает такие болезни современного общества, как информационная перегрузка мозга, информационный «шум», информационный спам, и напрямую связанные с ними распространение «черного пиара» и постоянно растущее количество некомпетентных «экспертов».

Пути решения этой проблемы разрабатываются в различных направлениях. Данная статья продиктована желанием поделиться опытом освоения новой образовательной системы «Международный бакалавриат» (*International Baccalaureate*, сокращенно IB)[1], с которой автору довелось познакомиться на международной конференции Ассоциации школ международного бакалавриата стран СНГ

[1] В 2011 г. в этой системе работало более 3200 образовательных учреждений 140 стран, охватывающих почти 1 млн студентов, а в 2015 г. – уже более 4200 школ. См.: IB World Schools. Yearbook 2011. John Catt Educational, 2011 и IB World Schools. Yearbook 2016. John Catt Educational, 2016.

в Москве, на семинаре-мастерской, состоявшемся в июне 2011 г. во Франции, и в процессе преподавательской работы.

Эта система рассчитана на подготовку и обучение молодых людей возрастной категории 15–19 лет[1], то есть по сравнению с традиционной отечественной образовательной схемой не разделяет, а соединяет последние ступени средней школы и первые – школы высшей. Этим снимается традиционная, даже приевшаяся фраза, звучащая на вводных лекциях в начале преподавания большинства вузовских предметов: «Забудьте все, чему вас учили в школе».

Система международного бакалавриата охватывает весь спектр образовательного цикла, предметы которого объединены общей теорией познания и составляют так называемый «гексагон», разделенный по нескольким секторам: науки о человеке (история в их числе), науки о природе, математика и компьютер, языки (родной и иностранные), искусства и ремесла (*Arts*) (см. рис. 1). Целью освоения этих наук объявлены выработка у студентов творческого подхода, активной деятельности и служения людям (*creativity, action, service*).

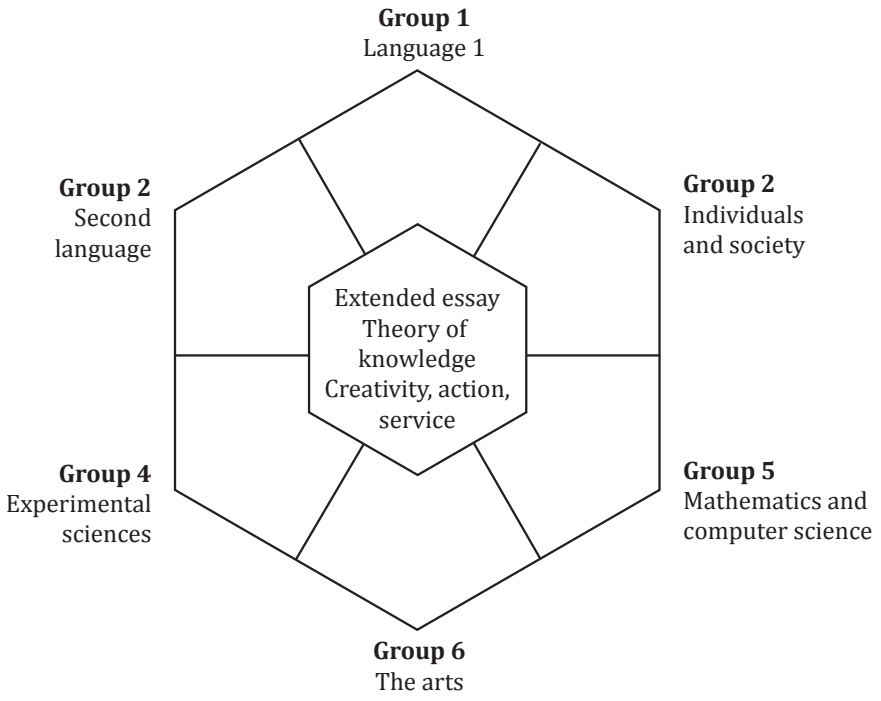


Рис. 1. Гексагон

[1] Существуют и соответствующие курсы для более раннего возраста, но у них своя специфика, и они в статье рассматриваться не будут.

Подготовка специалистов, в том числе специалистов-гуманитариев, имеет в этой системе практическую направленность: на «выходе» студенты должны уметь не только и столько демонстрировать степень усвоения некоей суммы исторических знаний, сколько показать умение эти знания применять, отвечать на вопрос «Ну и что?» – т.е. доказать актуальность своих знаний. Ограничения проблемного поля предмета задаются заранее: не считаются историей события, произошедшие в последние десять лет, за скобки вынесены глобальные историко-философские проблемы, вроде «Что такое история» или «Познаваемо ли прошлое». Не считается исследовательской работой простое повествовательное воспроизведение последовательности исторических фактов.

Подготовка студента учитывает ведущую мотивацию современного поколения учеников, поэтому изначально и целенаправленно проводится в форме подготовки для сдачи финальных испытаний. Тем не менее такая подготовка не выражается в выработке условного рефлекса на связки имена-даты или даты-события. Умение критически работать с источником, освоение на базовом уровне основ историографического анализа, эвристики и топики – все привязано к составляющим частям курса.

Эти части таковы:

1) конкретный исследовательский проект (эссе, о котором говорилось выше). Он предоставляет учащемуся творческий выбор: содержания и (обязательно!) проблемы, но при этом при изложении итогов исследования обязывает жестко выдерживать форму и объем;

2) изучение широкой исторической темы, «заранее предписанной» (prescribed) программой бакалавриата (в 2016/2017 г. на выбор предложено пять тем, внутри каждой из которых разбирают и сравнивают два «кейса»: «Военные лидеры» (Чингисхан и Ричард Львиное сердце), «Завоевания и их последствия» (Конец мусульманского правления в Испании и завоевание Мексики и Перу), «Мир на пути к мировой войне» («Экспансия Японии в 1931–1941 гг.» и «Экспансия Германии и Италии в 1933–1940 гг.»), «Движения за гражданские права и общественный протест» («США в 1956–1965 гг.» и «Южная Африка в 1948–1964 гг.»), «Конфликты и интервенция» («Руанда 1990–1998 гг.» и «Косово 1989–2002 гг.»); по выбранной теме сдается отдельный письменный экзамен;

3) изучение определенного исторического периода. Преподавателю нужно выбрать 2 темы из 12, предложенных программой, причем в их числе есть и эпоха Средневековья (представлены социально-экономический аспект, отдельно военный, отдельно политический), и Новое время (например, «Промышленная революция»), и Новейшая история («Войны в XX веке» или «Демократические государства»);

4) для направлений с углубленным изучением истории (а программа IB предполагает разные специализации соответственно граням «гексагона») добавлена также «региональная компонента», трактуемая довольно широко, на уровне истории глобальных регионов: отдельно АТР или вместе Африка, Европа и Ближний Восток, включая всю Россию. При этом преподаватель может выбрать 3 обязательные темы из 18 предложенных, особенных для каждого региона. В 2016/2017 г. к истории нашей страны имеют отношение темы «Российская империя, революция и становление СССР. 1855–1924 гг.», «Европа и Первая мировая война. 1871–1918 гг.», «От Версаля к Потсдаму: Дипломатическая история Европы в 1919–1945 гг.», «СССР и постсоветская Россия в 1924–2000 гг.»

Таким образом, для российских старшеклассников применительно к 2016/2017 учебному году можно скомпоновать программу, которая позволит изучить историю поздней Российской империи начиная с Великих реформ, эпохи революции и Гражданской войны, всю историю СССР и ближайшие последствия его крушения – и все это в контексте важнейших событий мировой истории, прежде всего двух мировых и холодной войн.

Контроль знаний описан довольно жестким алгоритмом. По частям 3 и 4 должны быть выполнены итоговые письменные работы (полтора и два с половиной часа на выполнение соответственно) в виде ответов на поставленные проблемные вопросы. Эти вопросы предполагают знание фактического материала, но проверяют умение мыслить с помощью этого материала. Поэтому в вопросах встречаются ключевых слова и фразы, «запускающие» критическое мышление. Вот примеры:

– *до какой степени* (например, «До какой степени события последнего года Второй мировой войны превратили союзников во враждующие стороны холодной войны?»);

– *согласны ли вы* («…с утверждением: “Опасность Кубинского кризиса 1962 г. была сильно преувеличена?”»);

– *оцените значение* («…доктрины Трумэна и плана Маршалла в процессе развития холодной войны в 1945–1949 гг.»);

– *какова роль* («…Сталина в развитии холодной войны до 1953 г.»);

– *почему* («…в 1970-е гг. стало возможным сближение США и КНР?»);

– *проанализируйте* («…значение Корейской войны для развития холодной войны после 1950 г.»);

– *укажите общее и особенное* («…в роли Вьетнамской и Афганской войн в холодной войне»).

Эти проблемные слова и фразы известны учащимся заранее, но какие конкретно встретятся на экзамене, они не знают. Тем не

менее важной составляющей любого учебника, независимо от его конкретно исторической темы, являются методические параграфы или даже главы, рассказывающие об особенностях построения ответа на каждый тип вопросов и тут же предлагающие практическое занятие в условиях, «приближенных к экзаменационным». Иногда рассматриваются типовые ответы учеников – «хороший, плохой, так себе». Например, в учебнике «Америка во Второй мировой войне» каждая глава заканчивается разделом «Совет экзаменатора» с разбором одного из ключевых вопросительных слов. Так, в конце главы 4 «Дипломатия США во Второй мировой войне», находится раздел «Как отвечать на вопрос "Оцените значение"», где подробно разобран ответ на примерный вопрос «Оцените значение международных конференций в деле поддержания единства союзников в годы войны», и затем предложено попрактиковаться в ответах на другие вопросы, также связанные с темами главы (о Ялтинской и Потсдамской конференциях, о роли внешнеполитической позиции Рузвельта)[1].

Работа по теме 2 также выполняется письменно, но представляет собой ответы на пять вопросов по историческим источникам. Важно отметить, что применительно к работе с источниками у студентов вырабатывается умение применять к их анализу рабочую формулу OPVL (*origin, purpose, value, limitation*) – то есть «происхождение, цель, ценность, ограниченность [источника]». Любопытно, что обязательным навыком учащегося должно быть умение работать с изображениями как с источниками. Анализ политических карикатур или постановочных агитационных фотографий середины XX в. вырабатывает, среди прочего, навыки противостоять сегодняшним PR-акциям идеологической направленности. Тест на умение работать с источниками предполагает умение понимать содержание источников (5 баллов из 25 общих), демонстрировать критический подход к источникам (упоминавшаяся формула OPVL, 5 баллов), сравнивать и сопоставлять два разных источника по одной теме (6 баллов), понимать источник в историческом контексте и давать соответствующие комментарии (9 баллов). Так же, как и в учебниках по темам 3 и 4, в учебнике по «предписанной теме» обязательно разбираются варианты экзаменационных вопросов и разного качества ответы студентов на них.

При изучении всех тем и при написании исследовательской работы приветствуются знание учащимися хотя бы основ историографии. Основ, потому что от них не требуют немедленного освоения всего или даже всего основного массива литературы по теме. Для начала предлагается поработать с характерными трудами представителей разных направлений. Применительно к историографии

[1] *Wright J.* The Second World War and the Americas 1933–45. L., 2013. P. 106–109.

холодной войны, например, это работы «классика» Джона Льюиса Гаддиса, «консерватора» Херберта Фейса, «левого» Уолтера Лафевра[1]. Таким образом, речь идет, скорее, об упрощенном моделировании историографического исследования, тем не менее вырабатывающем умение воспринимать многовариантность подходов к трактовке проблем прошлого.

Навыки поиска материала к самостоятельному историческому исследованию вырабатывают здоровое критическое отношение студентов к Интернету. Например, несколько лет назад один из студентов, взявшийся за исследование проблемы о степени виновности советского высшего руководства в поражении Варшавского восстания 1944 г., разместил статью об этом восстании в «Википедии». И для него, и для его коллег это стало важным примером шаткости авторитета этой самой распространенной, «народной» во всех смыслах слова энциклопедии (между тем родители старших школьников, занимающихся по обычной программе, сообщали автору, что иногда их дети ищут ответы на вопросы из параграфа учебника истории, забивая эти вопросы в поисковую строку браузера: им это кажется проще, чем читать текст книги).

Для составления связного и логичного эссе, а не «вообще» про запас, преподается и топика – основные правила изложения материала. Они не состоят только из банальной триады «введение, основная мысль, заключение», но учат излагать основный тезис, сочетать общие рассуждения с фактическими примерами («Аргументы и факты»), правильно разбивать текст на параграфы, ставить исследовательский вопрос в начале работы и давать ответ именно на него в конце и т.п.

Обязательной составляющей курса истории является его постоянная связь с теорией познания: в учебниках постоянно уделяется внимание проблемным вопросам, связывающим историю и эпистемологию. Например, при изучении Карибского кризиса студентам предлагается обсудить более общую проблему: «До какой степени историческая истина изменяется с течением времени?»[2]

При такой подготовке студентов значительно изменяются требования к преподавателю, который из носителя и транслятора знаний для избранных становится скорее экспертом и проводником в информационных джунглях. Студент же из потребителя информационного попкорна превращается в критически мыслящего аналитика, умеющего находить важное и отбрасывать ненужное и излишнее.

В соответствии с требованиями системы ведущие мировые издательства учебной литературы – *Longman, Pearson, Oxford,*

[1] *Keely R.* Pearson baccalaureate. History. 20th Century World. The Cold War. Pearson, 2008. P. 38–40.

[2] Ibid. C. 103.

Cambridge и т.п. – создают даже не новые учебники, а новые линейки учебников. Причем учебник по теории познания является как бы центральным, объединяющим и связывающим различные области знания общим «простым» вопросом: «Откуда ты знаешь»?[1] Учебники же истории издаются по проблемам, связанным с написанием эссе или с анализом источников и по количеству практических заданий и рекомендаций превосходят учебники нынешнего школьного курса в несколько раз. При этом группировка учебного и методического материала связана с поэтапным развитием исследовательских навыков студента и поддерживается онлайн-ресурсами, размещенными на сайте издательства[2]. Обязательным для учебников является следование шести «ключевым концептам» при изложении материала: *изменения и преемственность, значение, причины, следствия и перспективы* (события или процесса). Так, понимание учащимися концепта «изменения и преемственность» применительно к истории России в 1855–1924 гг. вырабатывается, среди прочего, при помощи такого задания: «Страну, которую вы будете изучать, в 1855–1924 гг. называли по-разному: Российская империя, царская Россия, русская монархия, Двоевластие, демократическая республика, Советское государство, СССР. Найдите определения для всех этих терминов и нарисуйте линию времени с отображением политических изменений в России при разных правительствах в 1855–1924 гг.»[3].

Пока преподавание по системе международного бакалавриата (IB) ведется только на английском языке (в том числе в Российской Федерации), хотя предпринимаются попытки внедрить идеи системы в национальных проектах. Так, например, в Турции, в Босфорском университете (Стамбул) историю Турции и исламского мира преподают по системе международного бакалавриата, но на турецком языке.

---

[1] Например, большой популярностью и уважением преподавателей пользуется книга: *Langemaat, van de R.* Theory of knowledge for IB Diploma. Cambridge Univ. press, 2015 (первое издание – 2005, второе издание — 2010).

[2] Например, для издательства *Pearson* это сайт http://www.pearsonbacconline.com.

[3] *Waller S.* History for the IB Diploma Paper 3: Imperial Russia, Revolution and the Establishment of the Soviet Union (1855–1924). Cambridge, 2012. P. 10.

История Кубани и казачества в украинской исторической политике: характерные штрихи

И.Ю. Васильев

Научные интересы Т.П. Хлыниной отличались большим разнообразием. Среди наиболее значимых направлений ее исследований – современная историография этнических процессов, проблемы формирования национальной исторической памяти. Данное научное направление с каждым годом становится все более актуальным. Работы Татьяны Павловны наглядно показали, как количество версий национальной памяти у различных этносов и государств возрастало, они усложнялись и внутренне дробились. Различные варианты восприятия своей истории конфликтуют с таковыми у других этносов и государств, соперничают друг с другом[1].

В постсоветский период была запущена масса всевозможных процессов, в том числе и в историографии. Сложилась кардинально новая ситуация, появились новые государства и общественные движения. Появились и силы, заинтересованные в закреплении новой ситуации как внутри государств и общественных движений, так и среди основных игроков мировой арены. Интересы сил, стремящихся к закреплению и углублению тенденций дезинтеграции конца XX в. на постсоветском пространстве и в РФ, во многом выражает сегодняшняя историческая политика. С одной стороны, она старается по возможности масштабировать описываемое явление,

[1] *Хлынина Т.П.* Об этносах, национальном вопросе и профессиональных увлечениях в истории // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2004. Вып. 8. С. 252–259; *Ее же.* Первый опыт межэтнического взаимодействия: отечественная историография о национально-государственном строительстве на Северном Кавказе в годы Гражданской войны // История и историки в контексте времени: сборник научных трудов. Краснодар – Сочи, 2004. Вып. 2. С. 74–98; *Ее же.* «Воображаемые миры» национального прошлого: стратегии освоения и конструирования исторической реальности // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004. С. 180–193 и др.

приписать ему максимальную значимость, важность, силу. С другой стороны, представители исторической политики стараются проецировать ситуацию сегодняшнего дня (с гипертрофированным выделением некоторых ее составляющих) в прошлое. Они стремятся доказать, что так было всегда. Всегда существовали те же политические силы, цели, обстоятельства, враги и союзники. Кроме исторического охвата, для них важен и географический, т.е. проецирование исторической ситуации одного региона на другой, например, ситуации, характерной для запада Украины, на ее восток и Кубань.

Стремясь достигнуть указанных выше целей, авторы историко-политических трудов слишком часто не считаются с историческими реалиями, историческими источниками. «Украинская историография нациестроительства и этнической идентичности развивается по модели "периферийного национализма", предполагающей "гиперпозитивный" образ своей общности, слабость теоретических моделей и, соответственно, компенсаторную роль мифотворчества и "образ врага" в историческом самосознании», – характеризует это историографическое направление А.В. Баранов[1].

Все эти процессы протекают на фоне жесткой борьбы двух украинских идентичностей: «западноукраинской» – последовательно националистической и наиболее агрессивной и «восточноукраинской» – более лояльной к русским, сохраняющей больше советского наследия[2]. Украинские элиты ориентированы на модель модерной национальной государственности, однако видение самого проекта у их представителей очень разное. К этому нужно добавить постепенное вычленение из восточноукраинской парадигмы собственной точки зрения украинских русских, которые опасаются этнической ассимиляции в украинском государстве[3]. Необходимо отметить также, что украинская историография в своих лучших проявлениях пытается отойти от подобных стереотипов, стать более объективной как на основе современных европейских научных парадигм, так и за счет связей с российскими научными школами[4]. Все это делает

---

[1] *Баранов А.В.* Особенности формирования украинской историографии нациестроительства и этнического самосознания в конце XX – начале XXI вв. // Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию славянской письменности (16 ноября 2013 г., г. Краснодар). Краснодар, 2013. С. 143.

[2] *Миллер А.И.* Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1 (34). URL: http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine (дата обращения: 10.04.2017).

[3] *Баранов А.В.* Указ. соч. С. 142–143.

[4] *Сущий С.Я.* Украинцы Юга России. Демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д, 2013.

очень высоким градус накала борьбы, увеличивает степень радикализма в рамках украинской исторической политики.

Украинская «неогосударственная» историко-этнографическая школа уделяет немало внимания Кубани как территории традиционного расселения украинцев. Бурно развивается и историческое казаковедение, нередко переплетающееся с собственно украиноведением и «кубанистикой». Появились и объемные монографии, посвященные этноисторическим процессам в регионе. Среди них – монография Д.Д. Билого «Українці Кубані в 1792–1921 роках. Еволюція соціальних ідентичностей»[1]. Эта работа весьма объемна и затрагивает самые разные вопросы, как относящиеся к украинцам Кубани, так и не относящиеся. Среди них древняя история региона, а также экономические, военные, политические, культурные аспекты истории черноморского, а впоследствии кубанского казачества. В книге немало биографических отступлений, рассказывающих о различных широко известных на Кубани деятелях. Содержится немало информации, которая относится скорее к казачьей, чем к украинской (в узком смысле) истории Кубани. В работе сделан уклон на описание этнической статики и преемственности в традициях кубанских украинцев.

В книге содержится ряд интересных и верных утверждений о ментальном освоении Черномории казаками к 1830-м гг., длительных конфликтах станичных обществ со старшиной и богатыми хуторянами[2]. Из описаний автора отчетливо вырисовывается, что на Кубани массовое украинское движение как таковое отсутствовало, а вместо него действовала группа активных интеллектуалов, образовавших вокруг себя ограниченную, хотя и заметную субкультуру[3]. Интерес российского читателя могут вызвать приводимые в данной работе материалы украинских архивов и эмигрантские украиноязычные публикации, которые в основном относятся к периоду Гражданской войны. Эти материалы хорошо известны на Украине, но недостаточно в России[4]. В целом же рассматриваемая работа недостаточно фундирована. В ней крайне мало и поверхностно задействованы работы российских специалистов по истории Кубани, материалы кубанских и других российских архивов[5]. Вызывает недоумение описание в работе античной и раннесредневековой истории Кубани, к украинцам никакого отношения не имеющей[6].

---

[1] *Білий Д.Д.* Українці Кубані в 1792–1921 роках. Еволюція соціальних ідентичностей. Львів – Донецьк, 2009.

[2] Там же. С. 261, 282–283.

[3] Там же. С. 377–342.

[4] Там же. С. 35–45, 375–445.

[5] Там же. С. 23–35, 230–289.

[6] Там же. С. 45–78.

Автор объявляет Черноморию продолжением украинской государственности (гетманщины)[1]. На деле же Запорожье с самого начала позиционировало себя как общность, отличная от Украины (гетманщины), хотя и родственная ей. В Запорожье практиковались идеологемы и формы социальной деятельности, присущие мужскому союзу, оторванному от материнского социума и противопоставляющие себя ему. Такие мужские союзы очень часто тяготеют к полиэтничности и поликультурализму, к более тесному взаимодействию с представителями иных этносов, особенно родственных. К тому же Запорожье постоянно конфликтовало с гетманщиной, было источником социальной напряженности в украинском государстве[2].

Д.Д. Билый отрицает сам факт существования единого Кубанского казачьего войска[3]. Между тем существование целостного кубанского казачества как субэтноса русского народа обоснованно в работах Н.И. Бондаря[4]. Этническая (субэтническая) идентичность во многом основывается на общем самосознании, выраженном в самоназвании, единстве организационной, политически значимой идентичности. Большое значение имеет наличие государственности или автономии, которая у кубанцев была. Все это имеет большее значение, чем определенные различия говоров, обрядности, фольклора, особенно если этнические группы родственны. К тому же казаки-эмигранты за рубежом не разделились на линейцев и черноморцев, а остались кубанцами, хотя разделиться им там никто не мешал.

Объединения вольноказакийцев-самостийников были вообще межвойсковыми. Туда входили донцы, кубанцы, представители некоторых неславянских народов[5]. Структуры «официальных» казачьих войск сохраняли жизнеспособность уже в эмиграции[6]. Приведем конкретный пример стойкости кубанской казачьей идентичности в эмиграции. Члены Горско-казачьей станицы в Лос-Анджелесе

---

[1] *Білий Д.Д.* Українці Кубані в 1792–1921 роках. С. 255, 258.

[2] *Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк. СПб., 1996. С. 76–81; *Яворницкий Д.И.* История запорожских казаков. К., 1990. Т. 1. С. 17; *Яковлева Т.Г.* Мазепа-гетман. В поисках исторической объективности // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 53–57.

[3] *Білий Д.Д.* Указ. соч. С. 318, 360.

[4] *Бондарь Н.И.* Кубанское казачество (этносоциологический аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995. С. 5–48; *Его же.* Модель традиционной культуры кубанского казачества // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. С. 49–85; *Его же.* Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008. С. 128–143.

[5] *Борисёнок Е.Ю.* «Казакия – наша цель» // Родина. 2004. № 5. С. 100–102.

[6] *Ратушняк О.В.* Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939). Краснодар, 1997. С. 92–115.

кубанского происхождения продолжали считать себя кубанцами. Никто из них не позиционировал себя как черноморца или линейца, за исключением бывшего казака станицы Новощербиновской Н.Т. Макаренко, который называл себя «запорожцем»[1]. По наблюдениям О.В. Ратушняка, современная кубанская казачья община в США продолжает делиться на черноморцев и линейцев (в отличие от нынешнего казачества на Кубани), что не нарушает целостную кубанскую войсковую идентичность.

Приведенное Билым сохраняющееся деление на линейцев и черноморцев как на бытовом, так и на политическом уровне не отрицает их единства. Для многих этнических и потестарных образований характерна дуальная или еще более дробная структура, когда члены одной общности осознают свои достаточно значимые отличия друг от друга, соперничают, соревнуются, имеют разную внешне- и внутриполитическую ориентацию. Таким образом, был устроен древний Новгород (деление на Софийскую и Торговую стороны, автономные концы). Существует небезосновательное предположение, что первоначально население Новгорода было полиэтничным. В его состав входили ильменские словене, славяне – выходцы из Поморья и неславянские (балтские, финно-угорские) группы. Все они быстро ассимилировались друг с другом, славянизировались и стали новгородцами[2], но продолжали сохранять организационную независимость в рамках единого целого и нередко активно конфликтовать[3].

Запорожская Сечь делилась на верхние и нижние курени, которые, как и новгородские стороны, активно боролись за политическое преобладание. Разные курени иногда были основаны представителями разных этносов: динской – великоруссами, минский – белорусами. Со временем и в них появилось много украинцев, однако самоназвание и организационная единица сохранялись[4]. То же самое произошло с линейцами и черноморцами в рамках единого кубанского казачества. Из самостоятельных войск разного этнического происхождения они превратились в структурные составляющие нового этнополитического целого.

Масса откровенных натяжек и неточностей содержится в описании истории кубанского образования, которую автор неоднократно затрагивает. Развитие во второй половине XIX в. кубанской школьной системы он почему-то связывает с «украинством», хотя

---

[1] *Подвалов И.Ю.* Русские в Лос-Анджелесе. Уфа, 2012. С. 189, 197, 203.

[2] *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 42–51.

[3] *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб, 1992. С. 215.

[4] *Яворницкий Д.И.* История запорожских казаков. К., 1990. Т. 1. С. 17.

полностью русскоязычная школа никакого отношения к нему не имела[1]. Осторожную «декларацию о намерениях» по открытию украинских школ на Кубани, высказанную участниками кружка Я.Г. Кухаренко, Д.Д. Билый объявил «украинскими школами», которые на деле никем нигде не зафиксированы[2].

Исследователь утверждает, что в период Гражданской войны на Кубани появились вполне реальные украинские школы. Однако источники показывают, что дело создания украинской школы на территории «белой» Кубани не шло дальше деклараций и единичных экспериментальных проектов[3]. В первую очередь – из-за желания родителей учеников сохранить русскоязычное образование.

Автор пишет, что учительская семинария в станице Полтавской была украинизирована по решению станичного схода 7 мая 1919 г.[4]. На деле к украинизации семинарии никто еще не приступал в августе 1919 г. Дирекция семинарии только направила в ведомство просвещения предварительный запрос, как украинизироваться и надо ли вообще. А в марте 1920 г. власть белых на Кубани пала. На деле реальное украиноязычное учебное заведение было официально создано 17 августа 1921 г. в виде украинского педагогического техникума[5]. Его работа была по-настоящему налажена в течение 1921–1924 гг. уже большевиками. Автор ошибочно находит кубанских «самостийников» уже в 1917 г.[6] На деле кубанцы тогда не шли дальше осторожного автономизма[7]. Реальных «самостийников» периода последующей Гражданской войны он объявил украинскими националистами[8], хотя украинофилов среди них было крайне мало. На деле национализм кубанских «самостийников» был казачьим[9]. Украинскими националистами Билый объявил и кубанских «бело-зеленых» начала 1920-х гг.[10] Однако в реальности «бело-зеленые»

---

[1] *Білий Д.Д.* Українці Кубані в 1792–1921 роках. С. 272–273.

[2] Там же. С. 319–320.

[3] Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 249. Л. 1– 26.

[4] *Білий Д.Д.* Указ. соч. С. 415–416.

[5] ГАКК. Ф. Р–365. Оп. 1. Д. 574.

[6] *Білий Д.Д.* Указ. соч. С. 383.

[7] *Васильев И.Ю.* Украинское национальное движение и украинизация на Кубани. Краснодар, 2010. С. 92.

[8] *Білий Д.Д.* Указ. соч. С. 404–417.

[9] *Васильев И.Ю.* Указ. соч. С. 92–94.

[10] *Васильев И.Ю.* К вопросу о начале украинизации на Кубани в советский период // Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность: сборник материалов XII международной научно практической конференции. Краснодар, 2012. С. 252–256; *Білий Д.Д.* Указ. соч. С. 426–437.

выступали по большей части с казачье-самостийническими, белыми и умеренно-социалистическими лозунгами[1]. В целом этническую эволюцию кубанских казаков под влиянием их казачьего статуса и тесного соприкосновения с русской культурой Д.Д. Билый игнорирует, и в этом его главная ошибка. Он активно масштабирует описываемое явление – кубанское украинофильство – и пытается спроецировать на Кубань реалии запада Украины.

Историей кубанского украинофильства и украинизации Кубани активно занимается В.И. Сергейчук. Он делает это на гораздо более серьезном и обширном историческом материале. Автор берется за разные темы в рамках «истории национально-освободительной борьбы украинцев». Это и история Запорожской Сечи, и УПА, и история украинизации в разных регионах РСФСР. Исследователь пользовался «украинскими» хранилищами документов США и Канады. В.И. Сергейчук – один из ведущих историков-архивистов Украины. Большая часть его текстов состоит из обширных документальных цитат, что является их несомненным достоинством. Хотя его теоретические установки принципиально не отличаются от таковых у Д.Д. Билого, В.И. Сергейчук избегает откровенных натяжек и искажений, характерных для первого. Исследователь использует массу источников и литературы по истории украинцев Кубани, мало известных в России[2].

Однако, используя материалы разных архивов, В.И. Сергейчук зачастую недостаточно плотно работает с каждым конкретно. Например, вне поля его зрения остались многие материалы архивов Краснодарского края и Ростовской области, посвященные украинофильству и украинизации. Также многие материалы не попали в работы Сергейчука «по идеологическим причинам». Сказывается и недостаток критики источников, в частности, влияния на них советской идеологии. Например, проведение украинизационных мероприятий «по просьбе трудящихся» было официальным штампом и зачастую не соответствовало действительности[3]. Для В.И. Сергейчука характерно масштабирование описываемого явления. Прежде всего – за счет большого географического охвата и разнообразия источников.

Что касается возрождения казачества, то в 1990-е гг. к нему проявляли достаточно активный интерес как украинские, так и англосаксонские акторы исторической политики. Основной упор был

[1] *Васильев И.Ю.* Украинское национальное движение ... С. 24, 92.

[2] *Сергійчук В.І.* Українізація Россії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. К., 2000; *Его же.* Симон Петлюра під прицілом кубанськоі охранки // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар – К., 2013. С. 344–354.

[3] *Васильев И.Ю.* Украинское национальное движение ... С. 12–13.

сделан на отделение казачества от русских и России. При этом активно использовался перенос на казачью историю неказачьих исторических реалий, характерных для Украины за пределами Запорожской Сечи, неславянских народов России и СССР и даже западных европейцев. В настоящее время в связи с реальными процессами внутри казачества интерес к нему зарубежных исторических политиков несколько ослаб.

Что касается кубанского казачества, то наиболее авторитетные российские историки исходят из его исторической ориентации на отождествление с российским государством и русским народом при осознании своей субэтнической специфики и особого социального статуса[1]. В связи с этим кубанцам была совсем не чужда идея триединого русского народа, включающего в себя великорусов, малорусов и белорусов и, соответственно, кубанских казаков с малорусскими корнями. Жизнеспособность этой «официозной» идеи среди кубанцев показывает то, что она продолжала бытовать и в эмиграции[2].

Для современного кубанского казачества российские исследователи отмечают последовательное «огосударствление», снижение радикализма лозунгов, курс на интеграцию с официальными силовыми структурами и краевой властью[3]. Но историю Кубани (Краснодарского края) и казачества в целом изучают отнюдь не только россияне. В исследовании нашего региона принимают участие ученые из дальнего зарубежья, такие как Я. Эпплби (Кембриджский университет), специалист по истории кубанского казачества. Последний пишет об истории «казачьего народа», который переживает процесс «возрождения» по аналогии с национальным возрождением неславянских народов СССР и Российской Федерации, а отнюдь не конструирования некоторыми активистами. В качестве источников для своих работ британский исследователь активно использует различные виды самопрезентации (декларации, полуофициальные эмоциональные высказывания) носителей идеи «кубанского казачьего народа», в которых в основном и заключается вся деятельность сторонников «самостоятельного казачьего народа»[4].

---

[1] *Бондарь Н.И.* Кубанское казачество (этносоциологический аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995. С. 5–48; *Его же.* Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008. С. 128–143

[2] *Миллер А.И.* Дуализм идентичностей на Украине.

[3] *Бугай Н.Ф.* Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформация этнической общности (1990-е годы – начало XXI века). М.; Тула, 2011. С. 162–168.

[4] *Appleby I.* Uninvited guests in the communal apartment: nation-formation processes among unrecognized Soviet nationalities // *Maxwell A.* (ed.) The Comparative Approach to National Movements: Miroslav Hroch and Nationalism Studies. London, 2011. Pp. 79–96.

Его американский коллега Б. Боук пишет об отличиях донских казаков от русских, их этнической самостоятельности еще во второй половине XVII – начале XVIII вв. Казаков исследователь сравнивал с европейскими либералами[1].

В рамках этого процесса развивается и совершенствуется и украинская «историческая политика», находящаяся в рамках неогосударственной школы и ориентированная на историю казачеств России. Для подтверждения стереотипов о преимуществе казачества Украины пытаются искать настоящие источники и выстраивать непублицистическую систему доказательств. Одна из основных доказываемых идей – единство казачества и украинского народа, государственности. И противопоставление российских казачеств соответственно российскому государству и народу.

В этой связи вызывает особый интерес книга В.А. Брехуненко «Козаки на степовому кордоні Європы: Типологія козацких спільнот XV – першої половини XVII ст.»[2]. Она представляет собой попытку комплексного компаративистского анализа происхождения, этносоциальной и политической жизни всех казачьих войск XV–XVII вв., в том числе и русских. При этом в методологии и идейной направленности работа, с одной стороны, опирается на англосаксонскую теорию фронтира – особой этноконтактной зоны между цивилизациями и империями, проницаемой с обоих сторон. Фронтир в культурном и политическом отношении весьма серьезно отличается от общностей, которые он разделяет (и соединяет). Во многом он самостоятельная величина. И хотя его обитатели с обеих сторон границы чаще всего жестоко враждуют, они образуют единый мир.

Достижение автора этой монографии – введение в научный оборот новых источников, преимущественно полученных из польских архивов и библиотек и относящихся к истории казачества Украины[3]. Они действительно позволяют гораздо подробнее изучить некоторые аспекты казачьей истории, такие как сотрудничество с татарами, переход в ислам и пр.[4] В отличие от некоторых работ схожей идеологической направленности, например, монографии Д.В. Сеня[5], в книге В.А. Брехуненко эти аспекты казачьей жизни описаны на документальной основе. Книга во многом представляет из себя

[1] *Boeck B.J.* Imperial boundaries. Cossack communities and Imperial building of Peter the Great. New York, 2009.

[2] *Брехуненко В.* Козаки на степовому кордоні Європы: типологія козацких спільнот XV – першої половини XVII ст. К., 2011.

[3] Там же. С. 455–457.

[4] Там же. С. 406–416, 415–445.

[5] *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношении с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Ростов н/Д, 2009.

небезынтересную попытку обобщения постсоветской украинской историографии, посвященной казачеству этой страны[1].

В.А. Брехуненко корректирует в сторону более реалистических некоторые установки дружественных ему западных казаковедов. Например, он призывает осторожно относиться к рассуждениям о религиозной и прочей толерантности в среде ранних казаков[2]. Весьма верными являются утверждения автора об относительном территориальном единстве Украины и украинского казачества в сравнении с русскими, оторванными от метрополии, большей численности украинского казачества, а также большем потенциале русских казаков для образования субэтнических групп, который, однако, преувеличивается[3]. Брехуненко также преувеличивает степень единства и сплоченности украинского казачества. Он недостаточно отделяет Запорожскую Сечь от Гетманщины и переносит в Сечь «гетманские» социально политические установки и идеалы, хотя на практике это были вполне самостоятельные политические субъекты, зачастую находившиеся в состоянии явной или неявной вражды. Если в период польского господства начала XVII в. Сечь «страховала» казачество от внешних посягательств, то в конце столетия она нередко была активным дестабилизирующим фактором в жизни украинского государства[4]. В работе В.А. Брехуненко присутствует общая переоценка роли украинского казачества в истории степной границы. Это совмещается с умалением роли русских казачеств, например, в политический жизни допетровской России или с недооценкой роли аристократов и других профессиональных воинов в генезисе русских казачеств[5].

Выход профессиональных воинов на окраины, в том числе в казачью среду, происходил в случае любых политических пертурбаций в России конца XV–XVII вв.: «многих дворян и служилых людей, и приказных, и воинских людей разослал в Поморские городы и в Сибирь, и на Волгу и на Терек, в Пермь Великую в темницы и пустые места». После опалы великого князя Симеона Бекбулатовича был разогнан и его двор. От него осталось лишь немного людей, которые жили в «великой скудости»[6]. Речь идет о довольно осторожных силовых акциях, проводимых в конце XVI в. Борисом Годуновым. Последствия заключительного этапа Опричнины и Ливонской войны были более масштабными. Они затронули в том числе

[1] *Брехуненко В.* Козаки на степовому кордоні Європы. С. 461–471.

[2] Там же. С. 140.

[3] Там же. С. 147–165, 446–448.

[4] *Таирова-Яковлева Т.Г.* Гетманы Украины. М.–СПб., 2011.

[5] *Брехуненко В.* Указ. соч. С. 245, 388, 391

[6] *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 52, 59, 62.

и южные окраины Московского государства. В 1591–1592 гг. про воронежских «сынов боярских» М.Д. Пахомова и П.Д. Голохвостова писалось: «сшол в вольные казаки». Среди детей боярских, служивших в Ряжске, тоже отмечаются «сошедшие на Дон»[1]. Под 1592 г. среди донских казаков упомянут носитель старинной дворянской фамилии Воейковых[2]. То, что обедневший сын боярский или потерявший хозяина боевой холоп (едва ли не самый распространенный вид профессионального воина Московской Руси) были характерными типами ранних казаков, отмечал и известный исследователь А.Л. Станиславский[3].

Источниковая база исследования, относящаяся к русским казачествам, в целом довольно слаба[4]. В.А. Брехуненко также занимается масштабированием исторического явления – «фаворита». Тезису о его преимущественной значимости дается подкрепление за счет его масштабной источниковедческой проработки.

Различные направления «исторической политики» Украины, направленной на российские территории, постепенно совершенствуются в борьбе друг с другом, российскими направлениями. Такие работы, как книги Д.Д. Билого, основанные на историческом и географическом переносе реалий, постепенно будут выпадать из научного мейнстрима, но могут закрепиться в качестве источника для научно-популярной литературы и пропагандистской публицистики. Гораздо больше перспектив у серьезно фундированных работ, подобных книгам и статьям В.А. Брехуненко, В.И. Сергейчука. Метод масштабирования явления, опирающийся на новые источники, может некоторое время работать достаточно эффективно.

В этой связи очень важной для российских исследователей представляется источниковедческая деятельность, равно как и выявление и проработка источников, которые представители украинской «исторической политики» по какой-либо причине игнорируют, по возможности – скорейшая их публикация (примером могут служить сводные издания источников по истории казачеств Юга России, как архивных, так и устноисторических). Важны также самостоятельное изучение и интерпретация тех источников, с которыми упомянутые украинские историки активно работают, например, источников, находящихся в восточноевропейских хранилищах.

---

[1] *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 69.

[2] *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924. С. 25.

[3] *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII века. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 8, 12.

[4] *Брехуненко В.* Козаки на степовому кордоні Європы. С. 56–67, 101–111, 294–307.

Сведения об авторах

Авксентьев Виктор Анатольевич – доктор философских наук, профессор (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ставрополь)

Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук (Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований РАН, г. Нальчик)

Афанасенко Владимир Иванович (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Ачмиз Казбек Гучипсович – доктор исторических наук, доцент (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп)

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, доцент (Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста)

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Беленчук Лариса Николаевна – кандидат исторических наук (Институт стратегии развития образования РАО, г. Москва)

Белоцерковская Вероника Владимировна (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Белоцерковский Геннадий Александрович («Парламентская газета», ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Бобякова Ирина Валерьевна («Эксперт Юг», г. Ростов-на-Дону)

Бугаев Абдула Махмудович – кандидат исторических наук, доцент (Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный)

Бугай Николай Фёдорович – доктор исторических наук, профессор (Институт российской истории РАН, г. Москва)

Васильев Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук (Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», г. Краснодар)

Великая Наталья Николаевна – доктор исторических наук, профессор (Армавирский государственный педагогический университет)

Венков Александр Андреевич – кандидат исторических наук (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор (Московский государственный областной университет)

Гаража Наталия Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент (Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации)

Глумная Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент (Вологодский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы)

Голубев Александр Владимирович – кандидат исторических наук (Институт российской истории РАН, г. Москва)

Горюшина Евгения Михайловна (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Денисова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп)

Емтыль Разиет Хаджибирамовна – кандидат исторических наук, доцент (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп)

Еремеева Анна Натановна – доктор исторических наук, профессор (Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Краснодар)

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар)

Иванова Светлана Юрьевна – доктор философских наук, профессор (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Изрипова Еса Актуловна (Гудермесский филиал Махачкалинского института финансов и права)

Ильюков Леонид Сергеевич – кандидат исторических наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор (Пятигорский государственный университет)

Кондусов Владимир Сергеевич (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Кринко Евгений Фёдорович – доктор исторических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Кринко Ольга Евгеньевна (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Кропачев Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент (Энергетический институт повышения квалификации ПАО «Кубаньэнерго», Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Ларионова Марина Ченгаровна – доктор филологических наук, профессор (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Лиджиева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук (Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста)

Линец Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент (Пятигорский государственный университет)

Линец Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор (Пятигорский государственный университет)

Макарова Надежда Николаевна – кандидат исторических наук, доцент (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)

Максимов Константин Николаевич – доктор исторических наук, профессор (Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста)

Малышева Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор (Адыгейский государственный университет, г. Майкоп)

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Меньковский Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь)

Микаэлян Андрей Сергеевич (Пятигорский государственный университет)

Мининков Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Митрофанова Инна Васильевна – доктор экономических наук, профессор (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Морозова Ольга Михайловна – доктор исторических наук, доцент (Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону)

Невежин Владимир Александрович – доктор исторических наук (Институт российской истории РАН, г. Москва)

Олейников Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук (Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва)

Орлов Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва)

Панфилова Юлия Сергеевна (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Патракеева Ольга Юрьевна – кандидат экономических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Прокофьева Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент (Федеральный центр образовательного законодательства Российской Федерации, г. Москва)

Ратушняк Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Рыблова Марина Александровна – доктор исторических наук, доцент (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Семёнова Ольга Валерьевна – кандидат философских наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Сивков Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент (Южный институт менеджмента, г. Краснодар)

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор (Южно-Российский государственный политехнический университет имени М.И. Платова (Новочеркасский политехнический институт))

Соколова Алла Николаевна – доктор искусствоведения, профессор (Адыгейский государственный университет, г. Майкоп)

Степаньян Олег Владимирович – кандидат биологических наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Сущий Сергей Яковлевич – доктор философских наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Тарасова Тамара Тихоновна – кандидат социологических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор (Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, доцент (Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований РАН, г. Нальчик)

Трут Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)

Урушадзе Амиран Тариелович – кандидат исторических наук (Южный федеральный университет, ИСЭГИ ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

Феферман Кирилл Маркович – доктор истории, профессор (Ариэльский университет, г. Ариэль, Израиль)

Хубулова Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)

Хут Людмила Рашидовна – доктор исторических наук, профессор (Адыгейский государственный университет, г. Майкоп)

Цветков Олег Михайлович – кандидат философских наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп)

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор (Адыгейский государственный университет, г. Майкоп)

Шапаренко Валерия Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент (Сочинский государственный университет)

Эльбуздукаева Тамара Умаровна – доктор исторических наук, профессор (Чеченский государственный педагогический университет, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный)

Ялбулганов Александр Алибиевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва)

Научное издание

ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА ХЛЫНИНА
IN MEMORIAM

Сборник статей и материалов

Оригинал-макет *Н.А. Власкина*
Дизайн обложки *Я.Ю. Яковлева*
Перевод *О.А. Гром*

Подписано в печать 31.05.2017
Формат 70×100/16. Гарнитура Cambria
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл.печ.л. 50,7. Тираж 250 экз.

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, без письменного разрешения редакции.

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863)250-98-21, www. ssc-ras.ru

Отпечатано в типографии «Печатная лавка»
344068, г. Ростов-на-Дону
ул. Евдокимова, 37г
Тел. (863)256-45-15, (863)221-35-10
E-mail: printlavka@yandex.ru

В детском саду села Сенеж Московской области.
Таня Хлынина – первая справа

На катке. Третья справа – Таня Хлынина.
Москва. Начало 1970-х гг.

Тане –2 года и 4 месяца

Оптимист с детства.
Начало 1970-х гг.

После первого курса исторического факультета АГПИ. 1985 г.

По окончании института.
1989 г.

В первый класс. Первая слева – Таня Хлынина.
Средняя школа № 632. Москва. 1974 г.

Прием в пионеры. Третья справа – Т. Хлынина.
Майкоп. 1977 г.

Слева направо: Надежда Васильевна, Светлана, Татьяна и Павел Фёдорович Хлынины. Майкоп. Начало 1980-х гг.

Последний звонок. Средняя школа № 17. Первая слева – комсорг 10 «Б» класса Т. Хлынина. Третий справа – директор школы В.С. Фридман. Майкоп. 25 мая 1984 г.

Регистрация брака. Майкоп. 29 декабря 1995 г.

Поселок Лермонтово Туапсинского района Краснодарского края. Лето 1996 г.

Татьяна Хлынина. Лето 1996 г.

Как молоды мы были… 2001 г.

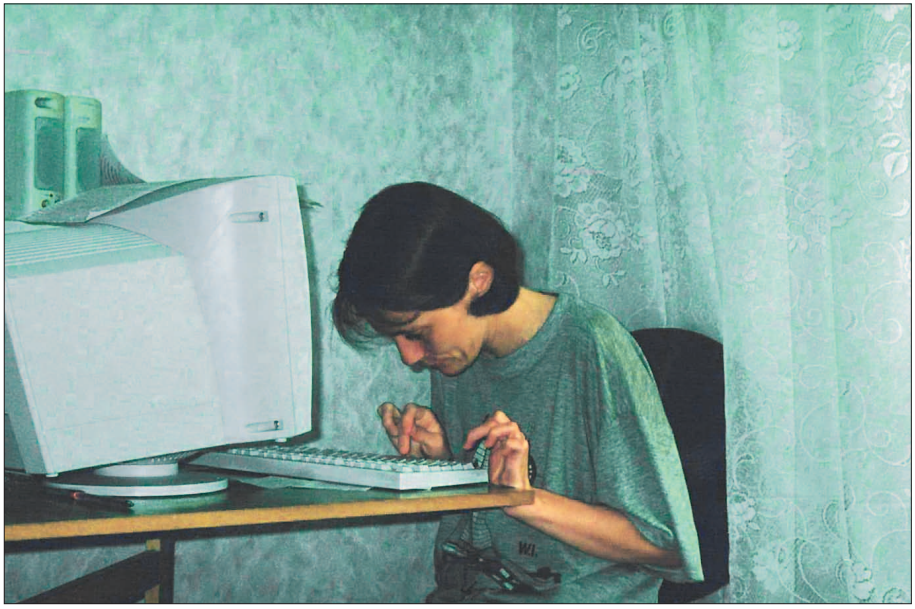
Рождение дочери Оли. Начало марта 1999 г.

Мать и дочь

В кругу семьи. Слева направо: Н.В. Хлынина, П.Ф. Хлынин, О. Кринко, Т.П. Хлынина, С.П. Хлынина (сестра Т.П. Хлыниной), Е.Ф. Кринко, Ф.П. Хлынина (бабушка Т.П. Хлыниной)

За праздничным столом. Слева направо: И. Сергеева (дочь Т.Ф. Сергеевой), Т.П. Хлынина, Ф.Г. Кринко, С.Ф. Кринко, Т.Ф. Сергеева (сестра Е.Ф. Кринко), О. Кринко

Отец и дочь.
Павел Фёдорович и Татьяна Павловна Хлынины



Привычный образ Т.П. Хлыниной: дома,
за работой над новой статьей

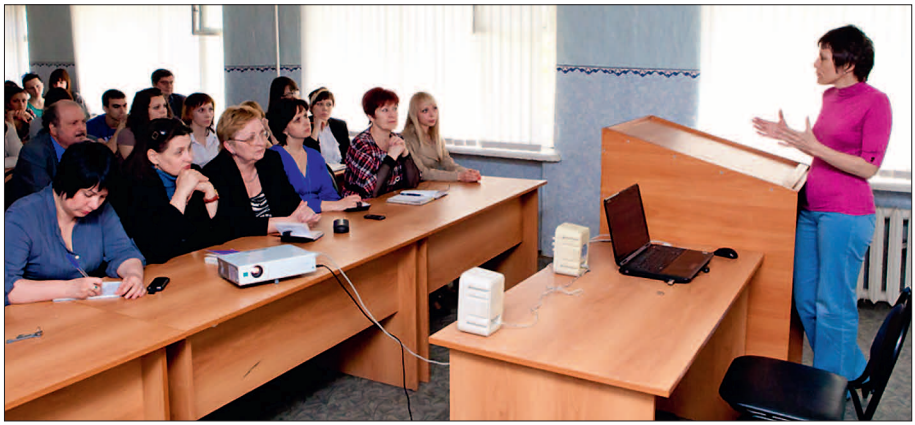
Карловы Вары, Чехия. 2003 г.

Венеция, Италия. 2005 г.

Версаль. Франция. 2007 г.

Александрия. Египет. 2008 г.

Со студентами факультета социальной работы филиала Российского государственного социального университета в г. Майкопе. Первая справа – Т.П. Хлынина. 2007 г.



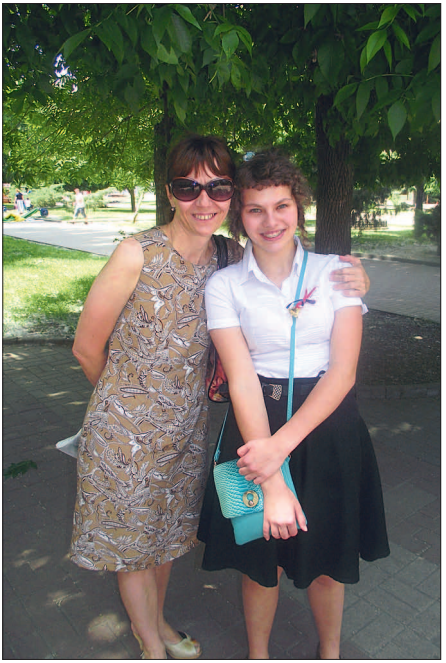
Публичная лекция «История в системе современного гуманитарного знания». Таганрогский педагогический институт им. А.П. Чехова. 26 апреля 2012 г.

Экспедиция в косовский аул Мафэхабль Республики Адыгея. Слева направо: репатриантка Н. Асани, к.и.н. Г.Г. Тхагапсова, Т.П. Хлынина. 2008 г. Фото д.иск., проф. А.Н. Соколовой

Татьяна Хлынина с дочерью Олей. Майкоп. 2002 г.

На берегу Средиземного моря. Нетания, Израиль. 2012 г.

Прогулки по Ростову. 2013 г.



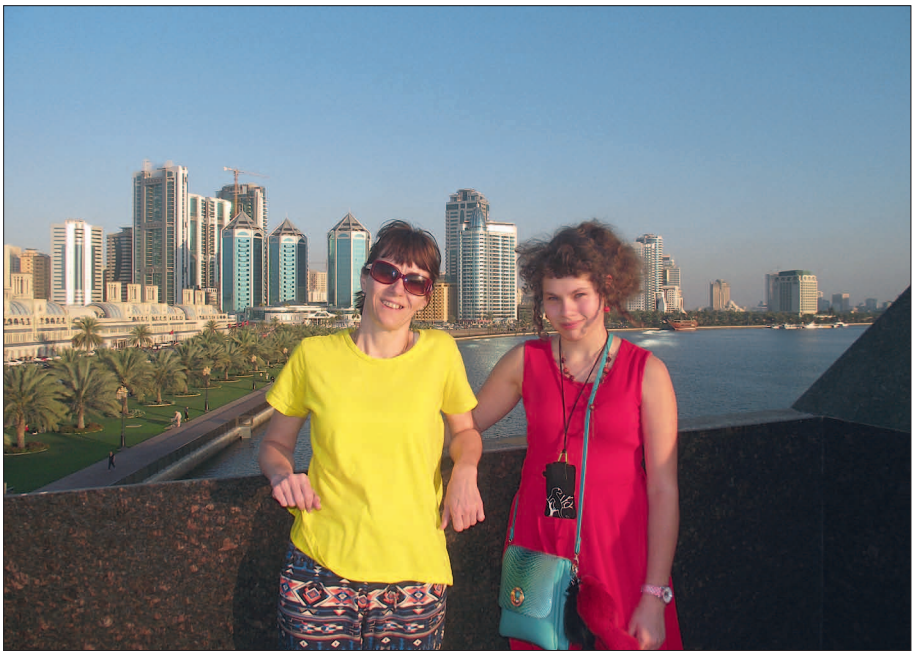
В парке культуры и отдыха им. Н. Островского. Ростов-на-Дону. 2013 г.

На тренажерах. 2010 г.

С д.фил.н., проф. М.Ч. Ларионовой у Музея градостроительства и быта. Таганрог. 2011 г.

Большой королевский дворец. Бангкок, Таиланд. 2013 г.

В Подольске. Лето 2014 г.



Шарджа, Объединенные Арабские Эмираты. Весна 2014 г.

Слева направо: Е. Кринко, О. Кринко, Т. Хлынина, В. Афанасенко, Т. Курбат, Л. Успенская. Впереди – М. Медведев. 9 мая 2014 г.

Выступление на круглом столе «Использование инновационных методов и технологий в практической деятельности по профилактике идеологии терроризма». Ростов-на-Дону. 16 ноября 2010 г.

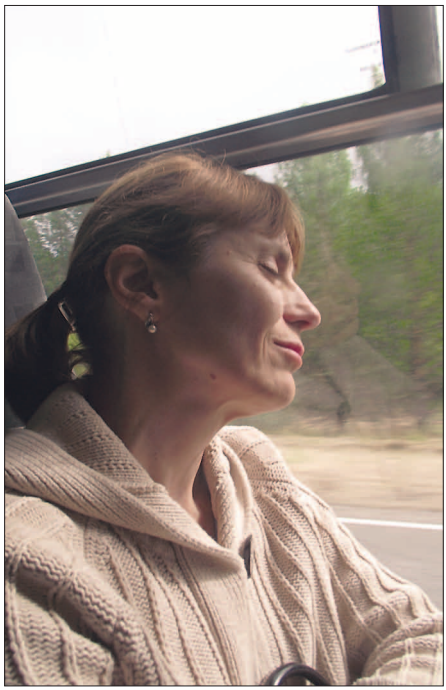
Во время школы молодых исследователей «Историческая и культурная память народов Юга России: современные исследовательские практики». С д.и.н., проф. В.И. Меньковским. Ростов-на-Дону. Ноябрь 2012 г.

Пленарный доклад на Международной конференции «Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа». Ростов-на-Дону. 6 июня 2013 г.

Доклад на VI Всероссийском симпозиуме с международным участием по исторической демографии. Сыктывкар. 18 июля 2014 г.

Музей-заповедник Коломенское. Москва. 16 июня 2013 г.

За северным полярным кругом. На международной конференции «История развития северных регионов России: принудительный труд в ГУЛАГе». Воркута. 19 октября 2013 г.



В одной из последних поездок. Лето 2014 г.

Последняя осень. Майкоп. Начало ноября 2014 г.

In Memoriam

Татьяна Павловна **Хлынина**